

Вячеслав Петрович ВОЛГИН

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.

Москва: «Наука». 1976

Сборник написанных в разное время статей и глав из произведений В.П.Волгина представляет собой продолжение издания: В.П.Волгин. Очерки истории социалистических идей (с древности до конца XVIII в), осуществленного Институтом всеобщей истории в 1975 г. Данный том посвящен истории социалистических учений в первой половине XIX в. - до появления «Манифеста Коммунистической партии». В него включены работы В.П.Волгина, в которых анализируются воззрения Оуэна, Фурье, Сен-Симона, Вейтлинга и других выдающихся представителей социалистической мысли того времени в Западной Европе. Кроме того, в книгу включена статья «Социализм Герцена». Труды В.П.Волгина о французском утопическом коммунизме, не вошедшие в данный сборник, будут изданы отдельным томом.

Редколлегия: В.М.ДАЛИН, В.А.ДУНАЕВСКИЙ, Е.М.ЖУКОВ,
А.Р.ИОАННИСЯН, Г.С.КУЧЕРЕНКО (отв.редактор), А.З.МАНФРЕД,
М.В.НЕЧКИНА.

Ответственный секретарь Т.А.ПАВЛОВА.

В составлении сборника и комментарии принимали участие:
Т.А.ПАВЛОВА, М.Н.СОКОЛОВА.

Роберт Оуэн

Джон Френсис Брей

Социалистические идеи в английской публицистике 1830-х-1840-х годов

Система Фурье

Социологические взгляды Фурье, Сен-Симон и сен-симонизм

Пьер Леру - один из эпигонов сен-симонизма

Пеккёр

Социальное учение Вейтлинга

Социализм Герцена

Комментарии

Указатель имен

Веб-публикация: [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2010.
Ссылки на тематические работы даны нами. Расположение примечаний автора к статьям и комментарии издателей нами перекомпонованы по сравнению с оригиналом.

[В.Волгин. Сборник работ «Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в.»](#)

[Социализм в древней Греции \(Ямбул, Платон\)](#)

[Элементы социализма в раннем христианстве \(Амвросий Медиоланский, Лактанций, Василий Великий, Иероним, Иоанн Златоуст, ереси Карпократа и](#)

[Епифания\)](#)

[Коммунистические течения в средние века \(катары, вальденсы, дольчиане, бегарды, Джон Виклеф, Джон Болл, табориты, адамиты, гернгутеры\)](#)

[Коммунистические течения в эпоху Реформации \(Томас Мюнцер, анабаптисты, Мельхиор Гофман, мюнстерское восстание, Себастьян Франк\)](#)

[Историческое значение «Утопии»](#)

[Коммунистическая утопия Т.Кампанеллы](#)

[Социалистические идеи в Англии XVII века \(Джерард Уинстенли, Джон Белларс, Корнелиус, Эверард\)](#)

[Социалистические идеи в Англии XVIII века \(Морелли, Уоллес, Томас Спенс, Огильви, Голл, Томас Пейн\)](#)

[Социальные идеи В.Годвина](#)

[Великая французская революция и социализм \(Франсуа Буассель, «Социальный кружок», аббат Фоше, Ланж из Лиона, Прюдом, Рабо, Сент-Этьен, Госселен, М.Робеспьер, Сен-Жюст, Жан-Поль Марат, Пьер-Гастар Шометт, «бешеные» - Жак Ру, Теофиль Леклерк, Жан Варле; Бабеф\)](#)

[Идейное наследие бабувизма](#)

[Социализм и эгалитаризм](#)

[Гуманизм и социализм](#)

[В.Волгин. Французский утопический коммунизм XVIII-XIX вв.](#)

[В.Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в.](#)

[В.Волгин. Социальные и политические идеи во Франции перед революцией](#)

[В.Волгин. Сен-Симон и сен-симонизм](#)

[В.Волгин. Революционный коммунист 18 в. Жан Мелье и его "Завещание"](#)

[А.Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции](#)

[Е.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до 1848](#)

[ВВЕДЕНИЕ](#)

[I. РАБОЧИЕ ФРАНЦИИ в ЭПОХУ КОРПОРАЦИЙ и МАНУФАКТУР](#)

[II. УЧАСТИЕ РАБОЧИХ в ВЕЛИКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ](#)

[III. РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ и ПРОЛЕТАРИАТ в ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.](#)

[IV. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ФРАНЦУЗСКИХ РАБОЧИХ в 30-40-е года XIX в.](#)

[ЗАКЛЮЧЕНИЕ](#)

[БИБЛИОГРАФИЯ](#)

[Дж.Рюде. Народные низы в истории, 1730-1848 гг.](#)

[Лики толпы. Характер и поведение. Победы и поражения народных низов](#)

[Идеология и классовое сознание. Идеология народного протеста](#)

[Англия в 18 в. Переход к промышленному производству. Промышленная Британия](#)

[Л.Эртые. История французской революции 1848 г. и Второй республики.](#)

[Выпуск 1. 1814-1848 гг. \(чч.1, 2, 3, 4, иллюстрации - в сообществе\)](#)

[П.Фроман. Рабочее восстание в Лионе](#)

К статье о Герцене:

[В.Туниманов. Лестница девяностых годов \(Идеи и люди Великой французской революции в публицистике и художественном творчестве А.И.Герцена\)](#)

[Н.Гудзий. Французская буржуазная революция и русская литература](#)

РОБЕРТ ОУЭН *

Конец XVIII и начало XIX в. - один из самых тяжелых периодов в истории трудящихся слоев английского общества. Обезземеление крестьянских масс, пролетаризация в связи с промышленной революцией мелких производителей создали в Англии громадные по тому времени кадры людей, лишенных собственных средств производства и живущих продажей своей рабочей силы. Предложение рабочей силы, освобождавшейся в сельском хозяйстве и домашней промышленности, превышало спрос на нее в крупной капиталистической индустрии, несмотря на бурное развитие последней. Новая промышленная техника создавала широкие возможности для применения женского и детского труда, что еще более снижало силу сопротивления рабочих капиталистической эксплуатации. С другой стороны, рабочие, только что пришедшие на фабрику от собственного станка или со своего собственного участка земли, были еще лишены той организованности, которая позволяет рабочим более поздней поры противостоять предпринимателям и добиваться относительного улучшения условий труда. Законов, ограждающих интересы наемных рабочих в новых условиях, созданных промышленной революцией, Англия не знала. Английское законодательство не признавало права коалиций, считало стачки противозаконными «заговорами». Эксплуатация наемного труда, ничем не ограничиваемая, достигла на рубеже XVIII и XIX вв. пределов, каких не знала предшествующая эпоха.

В 1793 г. Англия вступила в многолетнюю войну с переживавшей буржуазную революцию Францией. В течение двух десятилетий Англия возглавляла коалицию абсолютистских государств континентальной Европы, вставших на защиту феодального порядка. Реакционная по своему историческому значению война сопровождалась глубокой реакцией во внутренней политике Англии. Репрессивные законы, изданные в военное время, стремились подавить всякое проявление недовольства общественных низов их безотрадным экономическим положением. Однако ни суды, ни казни не могли устранить внутренние противоречия, которые были вызваны обезземелением крестьян и

промышленной революцией. Война не только не смягчила этих противоречий, но усугубила трудности внутреннего положения Англии, вызвав рост налогов и цен на съестные припасы. В массах клокотало заглушенное недовольство, с наибольшей силой сказывавшееся в среде рабочего класса. Известный английский поэт Соути в самый разгар наполеоновских войн указывал на опасность революции. Консерватор Соути не особенно боялся крестьянства: оно, по его мнению, недостаточно активно, и нужны исключительные условия, чтобы поднять его на восстание. Другое дело - рабочий. Он всегда, по мнению Соути, склонен к «бунту». У него нет никакого уважения к высшим классам. Его политическая сознательность значительно выше, чем у крестьянина. Соути считал революцию неизбежной, если мануфактурная система будет дальше развиваться, а число рабочих расти.

Репрессии и террор были бессильны подавить полностью стихийное движение протеста пролетарских и пролетаризируемых масс. Годы войны (1793-1815) были отмечены многочисленными стачками рабочих капиталистических предприятий, стачками, приобретавшими особенно большой размах в ткацкой и горной промышленности. В 1811-1812 гг. достигло наивысшего подъема движение против новых машин. В 1812 г. правительством был внесен в парламент билль, предусматривавший за разрушение машин смертную казнь. При обсуждении билля в палате лордов в защиту рабочих выступил Байрон. Но его доводы, конечно, не могли поколебать правительственное большинство. Билль прошел, и в 1813 г. за разрушение машин было казнено 18 рабочих.

В 1815 г. война окончилась и наступил долгожданный мир. Но он не улучшил положения трудящихся масс. За годами войны последовали годы депрессий и в промышленности, и в сельском хозяйстве. Спрос, связанный с военными нуждами, резко сократился; рост вывоза не мог компенсировать понижения спроса ввиду чрезвычайного истощения всех стран, принимавших участие в войне. Безработица, низкий уровень заработной платы, высокие налоги - все это обусловило в 1815-1820 гг. новый подъем революционных настроений, резко обострило социальную и политическую борьбу. В 1816 г. в Англии вновь вспыхнуло движение против машин. 1817 г. был отмечен стихийными вспышками разнообразного характера: здесь и продовольственные бунты, и разгром усадеб, и демонстрации, и даже попытки восстаний. В 1819 г. движение достигло кульминационного пункта.

Летом 1819 г. происходили многолюдные митинги в Лондоне и других крупных промышленных центрах. В августе 1819 г. большой митинг рабочих Ланкашира был организован в Манчестере. Встревоженное размахом движения правительство решило подавить его террором. 16 августа безоружных рабочих, собравшихся на поле св.Петра (Питерсфильде) близ Манчестера, без всякого повода атаковали войска. Одиннадцать человек убитых и несколько сот раненых - таковы были результаты этого нападения на мирную демонстрацию. Кровавое побоище, вошедшее в историю под именем «битвы при Питерлоо» (против рабочих были направлены войска, принимавшие участие в сражении с Наполеоном у Ватерлоо), послужило поводом для усиленных

* Печатается по тексту вступительной статьи к изданию: Р.Оуэн. Избранные сочинения, т.I. Перевод с англ. и комментарии С.А.Фейгиной. М.- Л., 1950, стр.5-64 (серия «Предшественники научного социализма»). Впервые анализ воззрений Р.Оуэна был дан В.П.Волгиным в главе «Оуэн и его школа», вошедшей в кн.: В.П.Волгин. История социалистических идей, ч.2, вып.1. М.-Л., 1931. Статьи об Оуэне были опубликованы также в следующих вариантах: «Оуэн, Роберт». - БСЭ, т. 43, 1939, стр.664-671; «Оуэн, Роберт». - БСЭ, Изд. 2-е, т.31, 1955, стр.449-450.

правительственных репрессий против всяких проявлений оппозиции. Правительство провело через парламент законы, запрещавшие военные упражнения, ношение огнестрельного оружия, ограничивавшие право собраний и свободу печати.

Движение 1819 г. составило в известном смысле поворотный пункт в истории английского рабочего класса. Демонстрации этого года показали, что рабочий класс выступает на политическую арену как самостоятельная сила. Английский пролетариат тогда еще не полностью осознал свои классовые интересы, он не выдвигал еще социалистических требований. Но он уже понимал, что его непосредственные страдания и нужды связаны с самыми основами существующего строя; он провозглашал наряду с лозунгами экономического характера лозунги политические, предвещавшие программу чартистов: всеобщее избирательное право, ежегодные выборы, тайное голосование.

* * *

Такова была социально-политическая обстановка, в которой складывались взгляды величайшего из английских утопистов Роберта Оуэна.

Оуэн родился в мелкобуржуазной семье в 1771 г. и с десятилетнего возраста начал самостоятельно зарабатывать средства к существованию в качестве приказчика в небольшом торговом предприятии. В условиях промышленного переворота он быстро выдвинулся, проявил большие организаторские способности и к 20 годам был уже директором текстильной фабрики. В 1880 г. Оуэн получил в свои руки управление большим фабричным предприятием в Нью-Ленарке (в Шотландии). Деятельность в Нью-Ленарке принесла Оуэну широкую известность. Новых капиталистов, поднявшихся во время промышленной революции, Оуэн характеризовал впоследствии как самых бессовестных и невежественных представителей английского общества. На этом фоне Оуэн резко выделялся как фабрикант-филантроп. Он поставил себе, по его собственным словам, задачу «открыть способы, посредством которых можно было бы улучшить условия жизни бедных и рабочих классов с пользой для предпринимателей»¹.

Для достижения этой утопической цели он провел ряд мер, устранявших наиболее вопиющие недостатки в условиях труда и быта рабочих: улучшил снабжение рабочих продуктами потребления; создал образцовую школу для детей, ясли, детский сад, больничную кассу, наконец, сократил рабочий день до 10^{1/4} ч., что было совершенно необычайно для Англии того периода. Слава об образцовом промышленном предприятии Оуэна широко распространилась; об успехах «эксперимента» в Нью-Ленарке начали говорить не только в Англии, но и на континенте.

При всей широте филантропических мероприятий Оуэна их результаты его не удовлетворяли. Его начинания не находили отклика у других предпринимателей, им не сочувствовали даже его компаньоны, хотя нью-ленаркская фабрика, несмотря на опыты Оуэна, давала отнюдь не меньший доход, чем другие аналогичные предприятия. В 1815 г. Оуэн вступил на более широкое поприще, выдвинув идею «гуманного

фабричного законодательства». Проект Оуэна даже в его первоначальной редакции был очень скромным. Он требовал запрещения детского труда до 12-летнего возраста и установления для возраста от 12 до 18 лет максимального рабочего дня в 12 часов, исключая 1,5-часовой перерыв. Лишь четыре года спустя, в 1819 г., после длительного сопротивления предпринимателей закон о детском труде был принят парламентом в значительно ослабленном виде.

В 1817 г. Оуэн принял горячее участие в обсуждении вопроса о безработице и мерах борьбы с нею. В составленном им в связи с этим докладе он противопоставил всевозможным паллиативам утопический план «радикального» устранения безработицы без разрушения основ существующего строя путем организации трудовых поселков или трудовых коммун. Этот способ борьбы с безработицей будет выгоден, утверждал Оуэн, не только для безработных, он будет также выгоден для правительства и господствующих классов. Для организации поселка необходимо затратить, по вычислению Оуэна, 80 фунтов стерлингов на каждого безработного. Паупер, писал Оуэн, обходится обществу, при существующей системе гораздо дороже, причем деньги затрачиваются на него без всякой пользы для него и для общества. В поселке он сумеет содержать себя, воспитывать своих детей и даже вернуть обществу вложенный при создании поселка капитал.

В докладе 1817 г. Оуэн пропагандирует идею трудовой коммуны как способа ликвидировать безработицу. Но эта идея незаметно вырастает в его сознании в план перестройки всего общества на новых началах. Для него устройство коммуны - устройство, вообще соответствующее человеческой природе. В письмах в лондонские газеты, последовавших за докладом, он уже делает из этого положения и практические выводы. Он говорит о коммунах как о «новой общественной системе». Он признает, что коммуны, организованные в значительном числе, станут опасны для существующего порядка. Но если общество поймет свои истинные интересы, то оно должно будет содействовать замене старых, вредных учреждений новыми. План обеспечивает, по словам Оуэна, «благополучие всего человечества»². Таким образом, уже в 1817 г. в произведениях Оуэна намечаются основные положения его идеальной общественной системы. Своим законченным вид она получила в 1820 г.

Пропаганда Оуэна объединила вокруг него довольно значительную группу сторонников из среды радикальной интеллигенции и квалифицированных рабочих. Но это было не то, на что он рассчитывал, провозглашая «новую систему». Человеку с его практическим складом ума нужны были практические успехи. Чтобы доказать практическую осуществимость своих идей, Оуэн решил организовать показательную коммуну. В 1824 г. он отправился с этой целью в Америку, где им и его сторонниками была создана коммунистическая колония «New Harmony». Значительная часть состояния ушла у Оуэна на этот опыт. Как и другие попытки организовать коммунистическую ячейку в недрах капиталистического мира, эта попытка кончилась полной неудачей. Через четыре года, в 1829 г., Оуэн возвратился в Англию.

За 12 лет, протекших с начала оуэновской пропаганды «новой общественной системы», в Англии произошли значительные перемены. Английская промышленность пережила период подъема. Вырос удельный вес промышленного капитала. Старая система господства землевладельчески-торговой олигархии начала давать трещины. В политической жизни страны это нашло свое выражение в повороте к либерализму. Рабочему классу этот период принес отмену законов, запрещавших коалиции, и смягчение правительственного террора. Профессиональные союзы рабочих получили возможность легального существования; тогда же возникло рабочее кооперативное движение, в известной мере связанное с оуэновской пропагандой, но получившее в дальнейшем самостоятельное развитие.

Вернувшись на родину почти 60-летним стариком, пережив ряд тяжелых неудач, Оуэн отнюдь не склонен был сложить оружие. Присмотревшись к новым условиям, он с юношеской энергией вновь берется за пропаганду. На этот раз он ищет опору в новых формах рабочего движения. Он принимает деятельное участие в просветительных и кооперативных организациях, находившихся с самого своего возникновения под известным влиянием его идей, издает с 1832 г. журнал «Кризис», пропагандирующий идеи кооперации и меновых базаров, которые должны, по его плану, освободить трудящихся от посредничества торговцев. В 1833-1834 гг. он ведет агитацию за объединение рабочих организаций в единый национальный союз. Не довольствуясь устной и письменной агитацией, он непосредственно участвует в организации меновых базаров и «Союза производства» и борется в них за свои идеи.

И кооперативы, и меновые базары были для Оуэна интересны в первую очередь как возможные пути движения к его общественному идеалу. Поэтому, почувствовав, что реальное движение не совпадает с его планами, Оуэн после 1834 г. отошел от него, чтобы вновь возвратиться к непосредственной пропаганде идей всеобщего мирного социального преобразований. С 1834 по 1858 г. (с 63 до 87 лет) Оуэн издавал ряд журналов, выпустил несколько книг и множество брошюр, читал лекции, произносил речи, пользуясь всяким поводом, чтобы противопоставить злу и беспорядку современности преимущества проповедуемого им «нового нравственного мира». В эти последние годы оуэнистское движение приобрело чисто сектантский характер.

Только смерть прервала пропаганду Оуэна. Уже совсем больной и слабый, не будучи в состоянии самостоятельно подняться на кафедру, произнес он последнюю речь, закончить которую у него не хватило сил.

II

Основные положения социального учения Оуэна можно считать полностью сложившимися к 1820 г. Его участие в рабочем движении 1832-1834 гг. внесло некоторые новые черты в его понимание способов осуществления социального преобразования. Но оно не отразилось на его представлениях о человеческом обществе - о причинах господствующего в нем зла, о новой социальной системе, которая должна сменить существующую. В течение последующих 20 с лишним лет Оуэн

лишь уточняет и популяризирует систему, давно уже сформировавшуюся в его сознании, иногда внося в нее некоторые небольшие вариации, иногда подкрепляя ее новыми аргументами.

Несмотря на развертывавшуюся вокруг него классовую борьбу, несмотря на близость его в течение ряда лет к рабочим организациям, Оуэн до конца дней оставался в своей теории общества рационалистом, верным учеником просветителей XVIII в. Уже в первом значительном произведении - «Об образовании человеческого характера» (1813) - Оуэн утверждает, что страдания, переживаемые обществом, обусловлены заблуждениями наших предков, невежеством как правителей, так и управляемых. Невежество и заблуждения для Оуэна - источник всякого зла, разум и знание - источники счастья. К невежеству он сводит в конечном счете все моральные недостатки человека³⁻⁴. Этим «простым истинам» он остается верен на протяжении всей своей литературной деятельности. С этой точки зрения история всех предшествовавших веков представляется Оуэну историей человеческого неразумия. Не удивительно поэтому, что «человек теперь ни на одну йоту не ближе к счастью, чем в те времена, от которых до нас дошли первые известия о людях»⁵. Человек, по мнению Оуэна, не мог осуществить своего счастья, так как его ум был скован грубыми заблуждениями.

Четыре плотных слоя заблуждений окружают человека с детства утверждает Оуэн: это заблуждения, связанные с сектой, классом, партией и страной. Через эти покровы человек видит все в искаженном виде. Различные их комбинации ведут к различию во взглядах, к вражде между людьми. Вреднее всего воздействие предрассудков, связанных с сектами⁶. Иногда Оуэн говорит еще резче: источник всех несчастий человечества - заблуждения, входящие в состав основных представлений всякой религии. Суеверия религий возникли как результат невежества в период умственного детства человечества. На почве религиозных заблуждений вырастает духовенство, затем само создающее и распространяющее заблуждения. Духовенство воспитывает пороки и потом уверяет, что человечество порочно по природе. Духовенство само верит в истинность того вздора, которому оно учит, утверждая, что это - «божественная» истина. Надо уничтожить, заключает Оуэн, «темное царство» духовенства, надо уничтожить освящающие его богословские труды⁷.

Разумная общественная система должна быть основана на законах природы. В существующей системе господствуют, по мнению Оуэна, не законы природы (или бога), а зловерные человеческие законы. Все существующие учреждения свидетельствуют о безумии человечества. В мире человеческих законов, говорит Оуэн, правят сила и обман. Человеческие законы охраняют несправедливость и наделяют властью угнетателей. Их основная цель - держать народ в невежестве и нищете. Причина длительного существования столь порочной системы состоит в прочности человеческих заблуждений, в том, что сознание лишь постепенно растет в мире. Человек медленно развивается из невежественного дикаря в рациональное существо. С этой точки зрения прошедшее было неизбежно. Понятно, почему мудрецы и ученые,

проповедовавшие истину в прошлые века, не имели успеха: мир тогда еще не созрел для понимания истины. Человек не должен преждевременно разбивать скорлупу невежества⁸.

Для счастья людей их сознание должно быть освобождено от неправильных идей, оно должно быть, как говорит Оуэн, «рождено заново». Момент пробуждения человеческого сознания приближается. Всякому разумному наблюдателю должно быть ясно, что готовятся великие перемены, что человечеству предстоит сделать важный шаг вперед. Невежество, какие бы усилия оно ни делало, чтобы помешать истине, в конце концов неизбежно отступит перед опытом. Опытное знание рассеивает мрак невежества, освобождает человека от умственного рабства, изучение законов природы вытесняет суеверия, обеспечивает свободу человеческого разума. Уважение к религии падает, истинное знание все шире распространяется. Мы идем навстречу зре разума, утверждает Оуэн, приближается день возрождения человеческого духа. Сила разума разрушит господствующую ложь, установит законы природы и бога вместо несправедливых человеческих законов⁹.

Из всех человеческих заблуждений наибольшее значение для общественной организации имеет, по мнению Оуэна, ложное учение о человеческом характере. По общераспространенному убеждению, говорит Оуэн, человек сам образует свой характер и потому ответствен за свои мысли, желания и привычки. За одни он заслуживает награды, за другие - наказания. От свободной воли человека зависит, быть плохим или хорошим. В силу этого ложного мнения, проповедуемого религией, между людьми возникают ненависть и мстительность, из чего вырастает множество общественных зол. В действительности человек никогда не образовывал своего характера и никогда не будет в состоянии этого сделать. Характер образуется для человека обстоятельствами, средой. Сама по себе природа человека хороша. У него имеются все данные к тому, чтобы быть добродетельным. Плохие характеры созданы плохими условиями жизни. Для развития хороших качеств в человеке нужны новые условия, возможно более полно соответствующие природе человека.

Учение Оуэна о человеческом характере, как и его учение об общественном развитии, примыкает к построениям французских материалистов XVIII в. Оуэн, как мы видим, не может освободиться от того противоречия, которое свойственно общественным теориям Гельвеция, Гольбаха и других представителей французской материалистической философии. Невежество и заблуждения Оуэн объявляет источником всех общественных зол. А с другой стороны, исходя из учения об образовании характера, он утверждает, что заблуждения, как и общий характер, создаются условиями жизни людей¹⁰. Чтобы изменить общественный строй, надо освободить человеческий разум от заблуждений; чтобы освободить его от заблуждений, надо изменить условия среды, т.е. общественный строй. Реального выхода из этого противоречия Оуэн, оставаясь на почве усвоенной им философии XVIII в., конечно, найти не мог, да он такого выхода и не искал. С исключительной настойчивостью - почти с настойчивостью навязчивой

идеи, повторяя иногда по нескольку раз в одном выступлении мысль об образовании характера средой, он с такой же настойчивостью проповедовал неизбежность общественного преобразования в результате усвоения людьми провозглашаемых им «простых истин».

Человек стремится к счастью, утверждал Оуэн. Общественная среда толкает его к тому, чтобы добиваться своего счастья за счет счастья других. Происходит борьба за счастье, которая в существующих условиях действует разрушительным образом, ибо между счастьем отдельного человека и счастьем всех прочих людей есть неразрывная связь. Необходимо, следовательно, так организовать воспитание и жизнь людей, чтобы внедрить в их сознание, что личное счастье каждого может быть достигнуто лишь в той мере, в какой растет счастье других, счастье всего общества. «Что лучше всего для семьи человечества, то лучше всего и для каждого отдельного ее члена». Это положение, вопреки предыдущему рассуждению о среде, Оуэн объявляет истиной, доказуемой такими же рациональными методами, какими доказываются истины геометрии.

На таких положениях строит Оуэн свою «науку» об обществе. Подобно Сен-Симону и Фурье, он уверен, что этой науке предстоит большое будущее, что она станет «наукой наук», откроет новую эру в истории человечества¹¹. Совершенно ясно, что это отнюдь не наука о законах развития общества, а «наука» о его «естественном», соответствующем природе устройстве. Ложные представления о природе человека, говорит Оуэн, - причина морального зла и противоестественного общественного порядка. Общество во все времена и во всех странах представляло хаос. Оно никогда не было предметом науки. Никогда люди даже не пытались внести в общество порядок и систему. «Наука» об обществе, основывающаяся на истинном знании природы человека, имеет своей задачей, с точки зрения Оуэна, упорядочение хаоса человеческих отношений. Это - наука об истинных законах производства, о наилучшем способе распределения, наилучшем воспитании и наилучшем управлении.

Мы не находим у Оуэна попытки дать общий обзор хода исторического развития с точки зрения его теории. По этому вопросу у него имеются лишь беглые замечания, не сведенные в систему и недостаточно увязанные с основными принципами его учения об обществе. Первобытное состояние он характеризует как жизнь в кочевых ордах; в этот период люди более или менее счастливы счастьем животной жизни. Затем следует охотничье-скотоводческая стадия, от которой человечество переходит к земледелию, когда пастбищ начинает не хватать для пропитания возросшего населения. Так как никто не хотел обрабатывать землю, не будучи уверен в прочности своего владения ею, то состоялся как бы молчаливый договор, признававший право на землю за теми, кто вкладывал свой труд в ее обработку. Так, по мнению Оуэна, возникла частная собственность. Оценивая значение частной собственности в этот первоначальный период, Оуэн допускает некоторые колебания. Иногда он заявляет, что частная собственность на землю - плод насилия и несправедливости¹². Иногда он склонен признать, что для

известного времени частная собственность была полезна¹³. Как бы то ни было, в дальнейшем она развилась в искусственное право, которому были принесены в жертву естественные права человека. Исторические проблемы в общем мало интересуют Оуэна. Анализ общественного «хаоса» он начинает с отношений, сложившихся в Англии после промышленной революции. Этот анализ далек по своему охвату и глубине от разносторонней и едкой критики Фурье. Некоторые положения Оуэна свидетельствуют об известной поверхности его экономических суждений. Тем не менее эта часть его учения представляет значительный интерес.

В докладе 1817 г. Оуэн указывает на промышленный переворот как на непосредственную причину зол, угнетающих современное ему английское общество. В произведениях 1817-1821 гг. он настойчиво повторяет и развивает это положение. Причина существующей нужды, утверждает Оуэн, - в том, что введение новых машин обесценивает человеческий труд. Новые машины в колоссальной степени увеличивают производительную мощь страны. В настоящее время, утверждает Оуэн, одно предприятие с 2500 рабочих производит столько, сколько производило 50 лет назад все население Шотландии¹⁴.

До введения машин большинство населения Англии, говорит Оуэн, составляли земледельцы. В мануфактуре господствовал ручной труд. И земледельческий, и мануфактурный труд хорошо вознаграждался. Цены на предметы первой необходимости соответствовали зарплате. Несколько идеализируя недавнее прошлое, Оуэн утверждает, что это время можно считать временем относительно высокого благосостояния населения. Пауперизм был незначителен. В производстве применялся почти исключительно труд взрослых мужчин. Если считать, что производительным трудом была занята приблизительно четверть населения и что все население равнялось 15 млн., мы получим 3750 тыс. человек, занятых в производстве. Оуэн предполагает далее, что «технические производительные силы» были примерно втрое больше силы ручного труда, т.е. составляли 11250 тыс. человеческих сил. Таким образом, вся сумма производительных сил равнялась 3750 тыс. + 11250 тыс. = 15 млн. человеческих сил, т.е. относилась ко всему населению, как 1:1.

Применение технических изобретений вызвало небывалый переворот. Они завоевывали одну область за другой. Изобретения вызвали рост частного богатства, а рост богатства стимулировал новые изобретения. Рабочее время с введением машин удлинилось; в производство был втянут женский и детский труд. Но более всего поразителен связанный с новой техникой рост производительных сил. В то время как население возросло к 1817 г. только до 18 млн., а трудовая его часть - до 6-7 млн. (треть вместо прежней четверти), «технические производительные силы» возросли до 200 млн. человеческих сил. Следовательно, отношение всего населения к производительным силам составляет теперь 1:12, а рабочего населения - 1:30. Способность страны создавать богатства выросла в 12 раз. Англия, говорит Оуэн, может удовлетворить своим производством весь разумный спрос, заполнить

своими изделиями мировой рынок. Такое развитие производительных сил само по себе представляется Оуэну фактом положительным. Оуэн вовсе не враг машин. «Общество заинтересовано в получении наибольшей суммы полезных продуктов с наименьшей затратой человеческого труда». И тем не менее для него бесспорно, что именно этот процесс при существующих общественных условиях приводит к колоссальному росту нужды. Изобретения содействуют скоплению богатств в руках немногих, а массу населения обращают в рабов¹⁵.

Выгоды, проистекающие от роста производительных сил, на большую часть общества не распространяются. Машины - источник богатства - становятся источником нужды. Машины конкурируют с рабочими; в силу дешевизны труда машин они вытесняют рабочих из производства и снижают «оценку труда» тех, которые сохранили работу. Рабочие не в силах выдержать конкуренции с машинами. Значительная часть рабочих оказывается излишней в производстве. Особенно резко сказались, по мнению Оуэна, все эти последствия введения машин после окончания войны. Прекращение войны вызвало сокращение спроса на продукты, резкий рост безработицы и пауперизма, падение заработной платы. Сокращение фонда заработной платы в свою очередь понизило покупательную способность населения. Быстро увеличивающееся количество товаров не находит себе потребителей. Затруднения в сбыте растут, даже мировой рынок не в состоянии поглотить товарную массу. Предложение превышает спрос, товары переполняют рынок, производство сокращается, безработица растет. «Мир насыщен богатством, и всюду царит нищета»¹⁶.

Все те меры против нищеты и безработицы, которые принимались до сих пор, пишет Оуэн, не дают никакого результата, и положение неизбежно будет ухудшаться, пока общество будет держаться за существующую систему производства. Из существующего кризиса может быть три выхода: либо надо отказаться от машин, либо нужно, чтобы «излишние» рабочие вымерли, либо должна быть создана такая организация, при которой бедным и безработным будут предоставлены выгодные занятия, причем механизмы будут содействовать их труду, а не заменять его¹⁷. Если предоставить событиям развиваться так, как они развивались до сих пор, то неизбежным результатом будет голодная смерть миллионов людей. Допустить это было бы неправдоподобной жестокостью.

Но, может быть, следует ограничить машинное производство? Такой выход Оуэн считает невозможным: во-первых, этого нельзя сделать из-за конкуренции с другими странами; во-вторых, это было бы возвратом к варварству. Остается, следовательно, только третий выход, при котором машины станут слугами трудящихся вместо того, чтобы отбивать у них хлеб. Общество должно быть устроено так, говорит Оуэн, чтобы все население участвовало в выгодах, извлекаемых из опирающегося на науку развития производительных сил¹⁸.

Если цель человечества - счастье, то нельзя придумать худшей системы для достижения желанной цели, чем та, которая существует сейчас у всех народов мира¹⁹. Царящие в ней индивидуализм и

конкуренция противоречат природе. Для «божественного закона» человек - не индивидуальность, а член большого единства²⁰. Принцип личной заинтересованности изжил себя. Общество идет к анархии, и его невозможно спасти на основе личной заинтересованности, ибо этот принцип и есть корень всех бедствий и дурных страстей. Общественное зло будет возрастать, пока один человек живет обособленно от другого²¹. Все человеческие учреждения свидетельствуют, по мнению Оуэна, о безумии общественного порядка. Среди них на первое место следует поставить частную собственность. Частная собственность - источник вражды, обмана, мошенничества, проституции, бедности, преступлений и горя. Она несправедлива и неразумна. Она вредна, утверждает Оуэн, и для низших, и для средних, и для высших классов²². Пока она существует, счастье человечества невозможно.

В существующей индивидуалистической системе все человеческие отношения, говорит Оуэн, принимают извращенные формы. Царящие в ней борьба за жизненные блага и ложная религия извращают и естественные отношения между мужчиной и женщиной. Существующая форма семьи есть, по мнению Оуэна, одно из средств держать людей в подчинении неразумным законам государства и церкви. Современная семейная жизнь вся пропитана обманом, лицемерием и насилием. Брак, основанный не на склонности, а на лжи, в то же время требует от человека, в противоречии с велениями его природы, длительной любви. Эти противоестественные отношения нисколько не оправдываются необходимостью воспитывать детей, ибо в такой семье дети не могут получить хорошего воспитания. Суммируя результаты своего критического исследования раздирающих общество бедствий, Оуэн говорит иногда о «троице зол». Эта «троица» состоит, по его мнению, из религии, частной собственности и брака. Особое и весьма заметное место в критике существующих общественных отношений занимает у Оуэна анализ системы товарного обращения. Рассуждения Оуэна по этому вопросу при всей их теоретической наивности заслуживают внимания, так как они послужили основой одного из его практических мероприятий - организации меновых базаров.

Не может быть и речи, утверждает Оуэн, о недостатке производимых богатств. Из этого положения он делает иногда вывод, что великая проблема времени лежит не в области производства, а в области распределения. Это неправильное умозаключение, противоречащее его собственным взглядам на существо общественного зла, приводит его к рассмотрению вопроса о «мериле ценности», вопроса, привлекавшего в то время большое внимание буржуазных реформаторов. Если поток богатств, создаваемых в достаточном количестве, не может свободно разливаться, говорит Оуэн, то причина - в несовершенстве организации обмена, в несовершенстве существующего «мерила ценности».

Люди, рассуждает Оуэн, издавна обменивали между собой хозяйственные блага. Первой ступенью обмена был обмен вещи на вещь. При таком непосредственном обмене мерилom ценности вещей служил труд. Определенное количество труда обменивалось на такое же количество труда. С ростом потребностей и сношений этот способ

обмена стал неудобным и был заменен торговлей. Принцип торговли - добывать благо с наименьшей затратой труда и получать в обмен за него возможно больше. Для торговли понадобилось искусственное мерило ценности - деньги. На известной ступени развития эта система была выгодна. Она содействовала росту изобретательности, предприимчивости людей. Но, с другой стороны, денежная система развивала в людях невежественное себялюбие, индивидуализм. Антагонизм между людьми, погоня за богатством, множество несправедливостей - таковы естественные результаты денежной системы. Люди научились хорошо производить, но разучились разумно потреблять. Искусственное орудие обмена дает возможность фальсифицировать реальную ценность благ. Деньги позволяют надувательно отнимать блага у тех, кто их производит тяжким трудом, позволяя накапливать богатства самым вредным членам общества. «То, что создает богатство, - утверждает Оуэн, - естественно, стоит того богатства, которое оно создает». Иными словами, рабочий имеет право на полный продукт своего труда. Пользуясь искусственным мерилom ценности, предприниматели оплачивают рабочим неполную стоимость их труда. Таким образом, по мнению Оуэна, применение искусственного мерила ценности делает возможной эксплуатацию. А с другой стороны, в нем же источник еще одного величайшего зла: оно ограничивает создание богатства количеством сравнительно малоценного металла. Искусственное мерило ценности, заключает Оуэн, задерживает прогресс, пора от него отказаться²³.

Чтобы сделать правильным распределение богатств и обеспечить доступ к богатствам трудящихся, необходимо искусственное мерило ценности заменить естественным. Таковым может быть только человеческий труд, ибо именно труд является источником всякого богатства. Ценность каждого товара должна определяться часами необходимого для его изготовления среднего человеческого труда. Теми же единицами должна определяться и ценность самого труда, т.е. заработная плата. Введение естественного мерила ценности обеспечит гармонию между производством и потреблением. Спрос на рынках создается в основном вознаграждением, получаемым рабочими за их труд. Недостаточное вознаграждение обуславливает узость рынка. При естественном мериле ценности спрос на товары, определяемый потребительным фондом трудящихся, придет в равновесие с предложением. С ростом производительных сил будет расти вознаграждение рабочих и их благосостояние. Рабочий будет получать «справедливую и твердо установленную долю» продукта своего труда и освободится от рабства, в котором его держит искусственная система оплаты труда²⁴. Таким образом, Оуэн, как мы видим, отказывается от последовательного применения права рабочего на «полный» продукт его труда. Предоставляя ему «справедливую» долю продукта, Оуэн тем самым сохраняет возможность некоторой предпринимательской прибыли.

К мысли о естественном мериле ценности как о средстве искоренения зла капиталистического строя Оуэн возвращается неоднократно. Введение такого мерила представляется ему

«справедливую» долю продукта, Оуэн тем самым сохраняет возможность некоторой предпринимательской прибыли.

К мысли о естественном мериле ценности как о средстве искоренения зла капиталистического строя Оуэн возвращается неоднократно. Введение такого мерила представляется ему совместимым с сохранением частной собственности и капитализма. Если бы Оуэн ограничился этим планом преобразования системы обращения, то мы имели бы в его теории лишь один из вариантов широко распространенных мелкобуржуазных утопий, стремящихся к устранению зол неравенства без радикального изменения производственных отношений. В действительности, как мы знаем, Оуэн уже в 1817 г. идет в своей критике общества значительно дальше; в 1820 г. в той же работе, в которой он выдвигает теорию «естественного мерила ценности», он развивает идею коммунистических общин. Взаимоотношение этих двух частей учения Оуэна не всегда отчетливо им формулируется. Но все же в большинстве случаев реформа обращения подчинена у него плану коммунистического преобразования как его составная часть, как один из путей, ведущих к полному изменению сноб общественного строя²⁵.

III

Старой системе, основанной на заблуждениях, полной лжи и невежества, бедности и притеснений, жестокости и преступлений Оуэн противопоставляет идущую ей на смену новую систему, рациональную, основанную на истине, на науке, ставящую себе целью обеспечение физического и морального благосостояния всех людей. В ней не будет места лжи, в ней будут неизвестны бедность и бесчеловечность, в ней не будет ни рабов, ни крепостных, ни эксплуатации. Ее принципы - общий труд, общность владения и равенство в правах и обязанностях²⁶. В новой системе частные интересы будут совпадать с интересами общественными, не будет более разрыва между умственным и физическим трудом". Она положит конец царящим в обществе хаосу и анархии; она организует впервые планомерную хозяйственную деятельность. «До сих пор, - говорит Оуэн, - люди умели действовать объединение только для защиты своей жизни и для уничтожения других на войне; теперь не менее необходимо совместное производство для мирных целей поддержания жизни».

Основная ячейка идеального общества, как оно рисуется Оуэну, - небольшая трудовая община. Оуэн называет трудовую общину «молекулой общества». Подобно Фурье, он придает большое значение определению ее состава и размера. Это, по его мнению, одна из труднейших и важнейших задач политической экономии. Сам Оуэн колебался в определении желательного числа членов общины. В различных произведениях он дает цифры: от 500 до 1500, от 300 до 2000 и т.п. В это число должны быть включены люди всех возрастов, между которым Оуэн распределяет различные общественные функции. На каждого члена общества должно причитаться от 12 до 1,5 акров земли. Оуэн надеется, что в дальнейшем эта норма будет понижаться.

Как и большинство утопистов, Оуэн очень подробно описывает внешнюю обстановку общин, расположение общественных зданий, жилых

и фабричных помещений. Основные корпуса располагаются в центре территории общины и образуют квадрат, внутри которого в свою очередь строятся корпуса, делящие квадрат на прямоугольники. В этих центральных зданиях помещаются общественные кухни и столовые, школы, залы для чтения и для заседаний. В корпусах, составляющих стороны квадрата, находятся жилые квартиры, отдельные спальни детей старше трех лет, больница, комнаты для приезжающих. Вокруг квадрата рас положены сады, за ними мастерские, фермы, пивоварни, хлебопекарни, поля и пастбища, среди которых посажены ряды фруктовых деревьев.

При современной индивидуалистической системе, говорит Оуэн, накопление богатств в руках немногих служит средством для эксплуатации многих. Такого накопления нет и не может быть в общине. Накопление имеет здесь место лишь в смысле образования запасов на случай плохого урожая или для обмена с соседними общинами. Цель хозяйственной деятельности в общине - не накопление, а удовлетворение потребностей ее членов. В современном обществе трудящиеся резко разделены на две группы: одни заняты только земледельческим, другие - только промышленным трудом. Это разделение отрывает промышленного рабочего от источника средств существования, удаляет его от природы, вредно как в экономическом, так и моральном отношении. В идеальной общине Оуэна, как и в фаланге Фурье, этот разрыв устраняется. В ней соединены промышленный и земледельческий труд, причем известное предпочтение отдается последнему. Уничтожая противоречие между умственным и физическим трудом, община уничтожает также противоречие между городом и деревней, сочетая положительные черты городской и деревенской жизни.

Оуэн не дает такой тщательно разработанной схемы организации труда в общине, какую мы находим у Фурье по отношению к его фаланге. Поскольку все члены общины равны в правах и обязанностях, все они трудятся на общую пользу. Никто не имеет права требовать, чтобы другой делал для него то, чего он сам не хочет делать для другого. В общине не может быть, следовательно, деления на классы в общепринятом смысле этого слова. Но в ней есть возрастные группы, которые Оуэн именуется классами и которые отличаются друг от друга по своим функциям. Наибольшей четкости представления Оуэна об этом возрастном разделении функций достигают ко времени написания «Нового нравственного мира».

Первый «класс» составляют в общине дети до 5-7 лет, обучающиеся в начальной школе. Второй «класс» - дети от 7 до 10 лет; они уже приобретают полезные практические знания и привлекаются к домашним и садовым работам. Третий «класс» составляют дети от 10 до 15 лет и четвертый - юноши от 15 до 20 лет. С 12 лет каждый наряду с научными занятиями изучает какое-либо ремесло. Основную массу занятых производительным трудом дает пятый класс - молодые люди от 20 до 25 лет. Главная функция шестого «класса» - от 25 до 30 лет - охрана и распределение богатств общины. Непосредственным производительным трудом эта группа занимается лишь два часа в день. Зато на его

обязанности лежит наблюдение за всеми общественными учреждениями, их усовершенствование, занятия науками и искусством. На долю седьмого «класса» - 30 до 40 лет - приходится внутреннее управление общины, организация различных отраслей производства и руководство ими. Восьмой «класс» - от 40 до 60 лет - ведает внешними сношениями общины: приемом делегатов обменом продуктами, учреждением новых общин и т.п. «Класс» стариков - старше 60 лет - составляет группу хранителей общинной конституции²⁸.

Оуэн, выступая против социальных последствий технического прогресса при существующем режиме, всегда оговаривается, что общество не может отказаться от изобретений, облегчающих человеческий труд. Общество заинтересовано в повышении производительности труда, а коммунистический порядок послужит гарантией того, что машины в общинах станут не конкурентами труда, а его слугами. Поэтому машины будут применяться в новой общественной системе гораздо шире, чем теперь. Оуэн убежден в том, что применение в общинах всех достижений науки и техники даст возможность при умеренном труде производить все необходимое в количестве, превышающем потребности, - производить неисчислимые богатства. Следует отметить, что прогресса в сельскохозяйственном производстве он ждет не столько от технических усовершенствований, сколько от интенсификации обработки земли, от вложения в единицу площади большего количества человеческого труда. При этом он не останавливается даже перед мерой технически реакционной, предлагая отказаться от обработки земли плугом и перейти к обработке лопатой, т.е. к грядковой культуре. Это, по его мнению, верное средство предоставить какому угодно количеству рабочих плодотворную и постоянную работу. Такое изменение в способе обработки земли более эффективно, по его мнению, чем изобретение Кромптона и Аркрайта^{**}. Оно дает возможность прокормить на данной территории население, во много раз превышающее по своей численности то, которое проживает на той же площади в настоящее время.

Широко распространенный предрассудок, будто лишь индивидуальная собственность может создать достаточные стимулы для интенсивного труда, Оуэн решительно отвергает: общий интерес, утверждает он, дает больше стимулов к труду, чем частный интерес. Управление общины распределяет между гражданами работу сообразно с их способностями и общими интересами. Оно распределяет продукты общинного труда в соответствии с потребностями и организует общественное питание²⁹. При «неисчислимых богатствах» общины это не может представлять никаких затруднений. Никому не придется отказывать; всякий сможет получить из общественного склада все, что ему нужно, С другой стороны, никто не захочет брать больше, чем нужно.

^{**} С.Кромптон (1753-1827) создал в 1779 г. прядильную машину, способную вырабатывать более тонкую пряжу. Р.Аркрайт (1732-1792) построил первые в Англии прядильные фабрики с водяными двигателями и ввел ряд усовершенствований в прядильное производство.

Копить богатство будет столь же неразумно, как запастись водой там, где ее больше, чем нужно для потребления.

Производство каждой общины будет несколько отличаться от производства других общин ввиду различия климата и прочих условий. Каждая община станет поэтому производить некоторые продукты в количестве, превышающем ее спрос. Этот излишек должен идти на обмен с другими общинами для получения продуктов, которые в данной общине не производятся. Мерой ценности обмениваемых продуктов должен быть труд, орудием обмена - денежные знаки, представляющие определенное количество труда. Их обеспечением будут служить продукты, находящиеся на складах общин. Пока рядом с ячейками новой общинной системы будет существовать старая, общинам придется продавать старому обществу соответствующую часть продуктов, чтобы добыть таким образом средства, необходимые для уплаты налогов³⁰.

Очень большое внимание, в соответствии со своим учением о формировании человеческого характера, уделяет Оуэн воспитанию. Воспитание играет существенную роль среди факторов, которыми определяется характер. В общине будущего оно тесно связано с производством: последнее само является элементом воспитания. Каждый ребенок получает общее образование и параллельно те навыки, которые делают его способным выполнять возлагаемые на него обществом обязанности. Это отнюдь не значит, полагает Оуэн, что из ребенка нужно готовить работника узко определенной профессии. Цель воспитания - сформировать самостоятельно, рационально мыслящих и общественно активных людей. Человек должен быть всесторонне образованным, чтобы быть способным к всесторонней практической деятельности. Коллективное нравственное воспитание детей должно начинаться в раннем возрасте. Но школьное обучение, по мнению Оуэна, не следует начинать слишком рано, причем оно должно быть по возможности наглядным. Большая часть познаний должна приобретаться не в школе за книгой, а путем непосредственного наблюдения и изучения природы и производственных процессов. Чем старше ребенок, тем более активно участвует он в производстве.

Решительный враг всех современных ему религий с их вздорными суевериями, с их вредными для общественного благосостояния поучениями, с их невежественным и порочным духовенством, Оуэн тем не менее считает необходимым сохранить в будущем обществе религию в новой форме. Религия будущего - рациональная религия, очищенная от предрассудков. Эти предрассудки, говорит Оуэн, надо подрезать в корне, человечеству следует вернуть полную свободу мысли, его естественное право. В общинах не должно быть ни малейшей дозы религиозной нетерпимости или сектантства; там, где они есть, не может быть гармонии и радости³¹. Догматическая сторона рациональной религии Оуэна сводится по существу только к признанию существования всемогущего творческого начала, которое непонятно для человеческого разума. Но и этот догмат Оуэн не признает общеобязательным: для него неограниченная свобода совести - одно из условий успеха социального преобразования. Религия должна проповедовать любовь к ближнему,

хотя бы он был неверующим. Истинное и основное содержание религии, заявляет Оуэн, составляют не фразы, формулы и церемонии, а практика деятельной любви, активное содействие счастью ближнего. Истинное богослужение - в невыразимом чувстве изумления и восторга, которое вызывает в человеке наблюдение за бесконечностью мира и его законами. Очевидно, религия нужна Оуэну как высшая санкция проповедуемого им нового социального и морального мира³².

Организация управления в идеальной общине Оуэна чрезвычайно проста. Различные функции, в том числе и функции управления, распределены, как мы уже говорили, между отдельными возрастными группами. На этой позиции стоит Оуэн и в «Докладе графству Ленарк» (1820 г.), и в «Книге нового нравственного мира», т.е. в конце 30-х и начале 40-х годов. Как на несомненное преимущество возрастного принципа отбора руководителей Оуэн указывает на то, что при такой системе не будет «зла выборов и избирательных кампаний»³³. Об особых органах власти в общинах Оуэна говорить в сущности не приходится, если не считать таковыми собрания возрастных групп. Необходимо, однако, отметить, что на практике Оуэн вынужден был отказаться от своего возрастного принципа и вернуться к принципу выборности. Согласно конституции общины «Новая Гармония», исполнительная власть принадлежит в ней совету, избираемому собранием членов, а руководство отдельными специальностями - лицам, избираемым работниками данной специальности³⁴.

Что касается центральной власти, то на период организации общин до тех пор, пока на их членах не скажутся результаты новой системы воспитания и новых социальных условий, Оуэн предлагает сохранить за ней известные полномочия. В дальнейшем, однако, когда новая система укрепитя, общины, как выражается Оуэн, не будут доставлять центральной власти много хлопот. Их внутреннее управление легко справится со своими задачами без посторонней помощи. Для этой цели не нужно будет ни судов, ни тюрем, ни наказаний, - все эти орудия насилия нужны лишь там, где не понимают природы человека, где общество построено на невежественной системе индивидуальной конкуренции. Новая система, опирающаяся на науку о человеческом характере, не пользуясь насилием, добьется результатов, которые сейчас недостижимы: она не даст расти тому злу, против которого приходится теперь бороться мерами насилия. Одна из важнейших функций центральной власти - война. Но с установлением царства разума и науки должна отпасть и эта последняя обязанность центральной власти. Люди осознают вред и безрассудность войны и найдут средства обходиться без нее. Конечный идеал Оуэна - свободная федерация самоуправляющихся общин.

В новом нравственном мире родится и вырастет новый человек - новый и в физическом, и в нравственном, и в умственном отношении. Общность интересов и целей, отсутствие оснований для возникновения противоречий между членами общества, сочетание физического и умственного труда, правильное воспитание, основанное на науке о человеческом характере, создадут условия для полного и всестороннего

развития природы человека, его способностей. Современный человек, говорит Оуэн, - лишь малый и несовершенный обломок того, чем он мог бы быть. В современном обществе мы видим, с одной стороны, людей, занятых исключительно отупляющей физической работой, а с другой - людей, приносящих обществу, по мнению Оуэна, только вред - богословов, врачей, юристов и т.п.³⁵ В новом обществе, в новых условиях существования, соответствующих его природе, человек восстановит свою целостность. Не будет более этих живых машин, которые умеют только следовать за плугом, ворошить сено или выполнять незначительную работу при изготовлении каких-либо незначительных предметов. Вместо людей, занятых нездоровым трудом и тупо смотрящих на окружающее без понимания и размышления, «возникнет рабочий класс, преисполненный активности и полезных знаний, с навыками, сведениями, манерами и склонностями, которые поставят самого низкостоящего на много ступеней выше лучших представителей любого класса, созданного условиями прежнего или ныне существующего общества»³⁶. Человек, говорит Оуэн, приобретет силу гиганта по сравнению с той, какой он теперь обладает. Всеобщее изобилие искоренит в человеке эгоистические привычки. Воспитание научит его чувствовать, мыслить и действовать рационально. Оуэн верит в то, что общество, основанное, в отличие от всех предшествовавших ему обществ, на научном знании законов человеческой природы, будет обществом гармоническим.

IV

Оуэн твердо убежден, что времена для возмещаемого им великого переворота уже созрели. Переворот неизбежен, вопрос лишь в том, как он произойдет. Оуэн чувствует (уже в 1817 г.), что готовятся «великие перемены» не только в области познания истины, но и в настроениях трудящихся масс. Бедственные условия их существования, утверждает он, грозят насильственным ниспровержением существующего порядка³⁷. Общество идет, по его мнению, к анархии³⁸. Позже Оуэн высказывается по этому вопросу еще более определенно, говоря о двух противостоящих друг другу силах: правительства и аристократии, с одной стороны, народа - с другой. Первые еще в состоянии, тесно сомкнувшись, удерживать в своих руках власть. Народ уже достаточно силен, чтобы в свою очередь объединиться для преобразования общества вопреки воле аристократии. Оуэн знает, что обе стороны склонны считать свои интересы непримиримыми. Дальнейшее обострение этих противоречий ведет к революции. Но этот революционный путь - не путь Оуэна. Он боится разрушения существующей системы руками «некомпетентных и грубых» людей³⁹. Свою задачу он видит в том, чтобы предупредить революцию, чтобы добиться разрешения общественного кризиса мирным путем.

Для оуэновского рационализма возможность такого мирного перехода к новой общественной системе не подлежит спору. Дело ведь по существу, думает Оуэн, в победе правильных принципов. Между тем во всех партиях есть, по мнению Оуэна, разумные и предусмотрительные люди, способные эти правильные принципы усвоить. Истина доступна всем. Разъединяют людей их ложно понятые интересы. В действительности же богатые и бедные, правящие и управляемые имеют

одни и те же интересы. Господствующие учреждения разрушительно действуют на все классы. Даже в тот период, когда деятельность Оуэна была тесно связана с рабочим движением, он решительно высказывался против принципа классовой борьбы. В конце 30-х и в начале 40-х годов Оуэн создал в целях осуществления своих идей ассоциацию всех наций и всех классов.

Из отношения Оуэна к классовой борьбе естественно вытекает его отношение к государству. Правда, правительства вели до сих пор ложную и вредную политику, но это, утверждает он, - результат ложных взглядов, привитых ложным воспитанием. Если истину могут постигнуть все разумные люди, если общественное преобразование соответствует разумным интересам всех классов, - какие основания думать, что невозможно склонить на сторону реформ правительства? Неразумных правителей надо просвещать. И Оуэн с настойчивостью повторяет безнадёжные попытки убедить правительства взяться за осуществление его социальных планов. В 1817 г. он предлагает свой проект английскому парламенту; в 1818 г. обращается к правительствам Европы и Америки, к Ахенскому конгрессу держав Священного союза; 30 лет спустя, в 1849 г., он старается доказать неразумность политики английского правительства и убедить в разумности своего плана английскую королеву Викторию⁴⁰.

Неудачи этих обращений не могли излечить Оуэна от его утопического ослепления, хотя иногда в его выступлениях и слышатся нотки безнадёжности⁴¹. Реформа, проводимая правительством, - это, по мысли Оуэна, основной и простейший путь общественного преобразования. Нужно воспользоваться старыми правительствами, заявляет Оуэн, как пользуются старыми путями, когда строится железная дорога, которая должна их заменить⁴². Каковы бы ни были правительства, долго отказываться от того, что диктуется разумом, они не смогут. Они должны будут усвоить истинную систему хотя бы в целях собственного спасения, во избежание грозящей им гибели.

Какова классовая природа государства, каков его политический строй, - это для Оуэна с точки зрения интересов социального преобразования кажется безразличным. В годы борьбы английского рабочего класса за политические права, за парламентскую реформу Оуэн, допуская справедливость политических требований чартистов, предостерегал их от надежды на то, что политическое преобразование улучшит положение народа. Оуэн считает ошибочным мнение, что расширение политических прав неизбежно повлечет за собой улучшение социальной организации. В качестве доказательства он приводит пример Америки. В Америке политический строй основан, заявляет Оуэн, имея в виду документы американской революции, на самых радикальных принципах, между тем там существуют экономические кризисы, бедствующий рабочий класс, борьба между бедными и богатыми.

Ни одна из политических форм при нынешней организации общества (ни деспотизм, ни ограниченная монархия, ни республика, ни демократия) не может обеспечить счастье народа⁴³. Возможность организовать трудовые коммуны не зависит, по мнению Оуэна, от завоевания политических прав или всеобщего голосования.

Основной задачей правительства, ставшего на путь социальных реформ, Оуэн считает организацию общин, которые обеспечат трудом безработных и послужат отправным пунктом для преобразования всего общества на коммунистических началах. Новая система говорит он, начинается организации труда безработных⁴⁴. Государство должно выкупить землю у ее теперешних владельцев, разбить ее на участки, соорудить на них необходимые постройки и набрать из числа безработных будущих поселенцев. Но так как безработные - люди, воспитанные в дурных условиях, во лжи старого общества, то для их перевоспитания, для их подготовки к жизни в общинах Оуэн предлагает организовать из них своеобразную трудовую армию. Поэтому же правительство должно на первых порах руководить поселками и их работой через посредство особо подготовленных чиновников. Но Оуэн верит, что очень скоро условия новой жизни сделают из членов общин людей, мыслящих и действующих рационально. Тогда общины превратятся в то, чем они должны стать, - в самоуправляющиеся клеточки идеального общества.

Переход от старого общества к новому будет проведен так, уверяет Оуэн, что это не затронет ничьих интересов. Обладатели богатств и власти должны знать, что не будет сделано ни малейшей попытки принудительно лишить их тех вещей, которым они пока придают цену. Общественное зло будет устранено без малейшего насилия над господствующими классами, без малейшего ущерба для них. Ликвидация существующего ненормального порядка произойдет не в результате борьбы между старым и новым миром, а в результате торжества здравого смысла. Как только общество наглядно убедится в том, сколько счастья обеспечивает своим участникам новая организация, оно захочет безотлагательно воспользоваться ее благами. Достаточно основать одну общину, чтобы внушить желание основывать другие; число последних будет быстро расти. После небольшого числа опытов их преимущества будут ясны всем. Характеры индивидов, воспитанных в новой системе, их поведение будут служить живым доказательством совершенства нового порядка вещей, и старое общество не замедлит исчезнуть. В одном из своих произведений Оуэн утверждает, что для преобразования общества в Европе и Америке требуется только 5 лет, а во всем мире - 10 лет⁴⁵⁻⁴⁶.

Признавая наиболее простым и наиболее целесообразным способом перехода общества к новой системе перестройку общественной организации посредством соответственных актов правительств, Оуэн не считает этот способ единственно возможным. Он придает также большое значение инициативе отдельных лиц и организаций (с одной стороны, графств или крупных капиталистов, с другой - объединившихся представителей среднего или рабочего класса)⁴⁷. Ведь они могут показывать пример, создав образец общины, а подобный пример играет огромную роль. Именно такой смысл имели для Оуэна его собственные опыты организации «коммунистических колоний». Такие же надежды толкают Оуэна в начале 30-х годов в сторону рабочих кооперативов и тред-юнионов. Однако, как мы уже указывали, близость к рабочему

движению внесла в те годы некоторые модификации в систему взглядов, которые Оуэн защищал до этого периода и после него.

Реформаторская роль государства отступает в то время на задний план и даже подвергается сомнению. Общественное преобразование мыслится как результат самостоятельной деятельности рабочих организаций - профессиональных и кооперативных. Трудовые классы, говорит передовая статья одного из первых номеров оуэновского журнала «Кризис» (1832 г.), обладают силой и способностью произвести переворот в человеческих отношениях без помощи богатых; «если правительства нам не помогут, мы возьмем дело в свои руки»⁴⁸.

В соответствии с этим на конгрессах кооперативных обществ в 1831 и 1832 гг. Оуэн и его последователи провели резолюции, рекомендовавшие принять меры к немедленной организации коммуны⁴⁹. В том же 1832 г. в одной из своих речей Оуэн выражает удовлетворение по поводу того, что среди трудящихся происходит движение, которое приведет к созданию нового политического корпуса, страшного своею численностью, - корпуса, который образуют не праздные, а трудящиеся классы, и они произведут необходимые перемены⁵⁰. При этом, однако, Оуэн по-прежнему уверен, что перемены будут носить мирный, безболезненный характер, он по-прежнему надеется, что правительство во всяком случае не окажет им противодействия.

В 1832 г. Оуэн, как мы уже говорили, возглавил движение в пользу организации меновых базаров, или банков трудового обмена. Кооперативные общества рабочих уже и раньше делали попытки создать специальные органы для непосредственного обмена продуктов их труда. Оуэн своей пропагандой придал движению большой размах и дал ему теоретическое обоснование как одного из средств полного изменения основ общества, как пути перехода к новой общественной системе⁵¹.

На некоторое время идея меновых базаров отодвинула на задний план идею организации коммуны. В основе оуэновского плана менового базара лежало его учение о ценности и деньгах. При существующей системе, рассуждал Оуэн, каждый трудящийся вынужден обращать свой труд в деньги, продавать его, неся при этом известные убытки. Получив деньги, он должен обратиться к торговцу за продуктами, нужными ему для удовлетворения его потребностей. Таким образом, он всегда и как производитель, и как потребитель зависит от посредника, отнимающего у него долю продуктов его труда. Денежная система служит орудием обмана трудящихся. Но производители могут обойтись и без посредника; для этого они должны лишь войти в контакт друг с другом. Этой цели в области производства служит кооперация. Этой же цели служит в области обращения меновой базар, который призван вытеснить торговца, как машины вытеснили ручной труд. Кооперация и меновой базар взаимно дополняют друг друга.

Основной принцип деятельности менового базара, по плану Оуэна, - непосредственный обмен продуктов между производителями по трудовой оценке. Лондонский меновой базар, находившийся под непосредственным руководством Оуэна и просуществовавший с 1832 по 1834 г., принимал на свой склад товары как от кооперативных

организаций, так и от отдельных лиц. Специальные оценщики определяли стоимость сырого материала, употребленного на производство товара, и количество рабочего времени, необходимого для его изготовления. Производителю выдавались бумажные боны на то или иное количество «рабочих часов» соответственно оценке сделанного товара, но с вычетом 1/12 на расходы по управлению. Каждый имел право получить со склада на эти боны нужные ему продукты, эквивалентные по трудовой оценке. Необходимо, однако, оговорить, что «трудовая оценка» носила практически довольно условный характер, так как и материал и труд оценивались сначала в обычных денежных единицах, которые переводились потом в «трудовые» единицы из расчета: 6 пенсов 1 часу. Само собой разумеется, что сдавать свои продукты базару могли лишь самостоятельные ремесленники и производственные кооперативы. Отдельным рабочим, лишенным средств производства, базар сам по себе был бессильен помочь. Но базар, будучи детищем кооперативного движения, в свою очередь стимулировал возникновение новых производственных кооперативов, втягивавших известное число рабочих.

Базар на первых порах имел значительный успех. Его боны охотно принимались частными торговцами. Однако уже очень скоро сказались внутренние противоречия плана организации «трудового» обмена в условиях распыленного, беспланового производства. В капиталистическом обществе относительное соответствие между предложением товаров и спросом на них устанавливается на рынке путем колебания цен. Система обмена через посредство базара устраняла эту регулирующую роль рынка. Она как бы предполагала, что между производством данного продукта и потребностью в нем сама собой установится некая гармония. Между тем такой гармонии нет и не может быть, пока средства производства составляют частную собственность, пока производство остается неорганизованным, пока оно не подчинено единому хозяйственному плану. На склады базара поступали как ходкие товары, так и товары, не находившие сбыта. Первые быстро раскупались, и на складах оставались запасы товаров, с трудом реализуемых или вовсе не реализуемых. Клиенты базара, сдавшие продукты и получившие боны за них, не находя на складах того, что им нужно, были вынуждены идти с бонами к частным торговцам. Диспропорция между закупками базара и продажами быстро росла. Боны начали падать в цене. Более строгие требования к поступающим товарам, их более строгая оценка вызывали споры и недовольства. Поставщики съестных припасов отказывались поставлять базару легко находящие сбыт продукты в обмен на обесцененные боны. Базару пришлось пойти на компромисс: учитывать при приеме товаров не только «трудовые затраты», но и спрос, закупать некоторые товары за наличный расчет. Но все это не могло спасти начинания, порочного в своей основе. В 1834 г. базар закрылся, нераспроданные товары были проданы с аукциона, а Оуэну пришлось покрыть убыток свыше 2000 ф.ст.

Крах базара показал всю несостоятельность идеи «организации обмена», устранения рыночной анархии при неорганизованном товарном производстве - идеи, смущавшей многих социальных мыслителей XIX в. Но нужно еще раз напомнить, что Оуэну, в отличие от мелкобуржуазных утопистов, отнюдь не было чуждо понимание невозможности полного устранения зол капиталистического общества путем одной только реформы обмена без одновременного преобразования системы производства. Для него меновой базар не является универсальной панацеей, а был звеном в целой цепи организаций, призванных в совокупности заменить существующую капиталистическую организацию. Не случайно почти одновременно со строительством менового базара Оуэн выступает с широко задуманным, хотя и утопическим, планом реорганизации производства.

Толчком к возникновению плана послужил бурный рост в Англии этих лет профессиональных рабочих союзов. Пути дальнейшего развития союзов были еще не вполне ясны даже для самих участников движения. Борьба за парламентскую реформу 1832 г. и ее разочаровавшие рабочих результаты немало содействовали росту классового самосознания английского пролетариата. В рабочих союзах, несомненно, существовала тенденция к превращению в органы классовой борьбы пролетариата. Но, с другой стороны, среди их наиболее активных членов было немало сторонников Оуэна, стремившихся направить развитие союзов по пути мирного кооперативного строительства. Не удивительно, что у Оуэна возникла мысль использовать движение в целях полного преобразования общественной системы, утопическая мечта о котором никогда его не покидала.

Схема нового оуэновского плана очень проста. Рабочие союзы преобразуются в национальные товарищества, или гильдии, которые берут в свои руки соответственные отрасли производства. Профессиональная организация как бы перерастет в кооперативы. Союз товариществ охватывает все производство страны⁵². Подчинив себе таким образом производство, товарищества одновременно организуют обмен между собой при помощи меновых базаров. Эта кооперативная система строится внутри старой экономической системы, не разрушая ее насильственно. Конечно, представление об обществе как о совокупности специализированных рабочих товариществ во многих отношениях не соответствовало оуэновскому идеалу, и он сам это прекрасно понимал. Оуэн смотрел на товарищества как на этап на пути к последовательному коммунизму. Это не общинный строй, писал «Кризис», но большой шаг вперед, к равенству⁵³.

До сих пор, говорил Оуэн во время борьбы за «кооперативный план», люди, ничего не производящие, правила миром и относились с презрением к тем, кто производил все богатства общества. Богатые были объединены для защиты своих интересов, а трудящиеся лишены права объединяться. Люди индустрии, производители богатств и знаний - всего, что есть ценного в обществе, должны соединить силы в единой организации, консолидировать свои союзы, чтобы создать мудрый и справедливый порядок человеческого существования. Объединенное

«четвертое сословие» будет самым мощным в обществе, ибо что смогут противопоставить ему его противники? Оуэн наивно надеется, что в это объединение трудящихся войдут и предприниматели, которые поймут, что их интересы - те же, что интересы трудящихся. Это было бы, по мнению Оуэна, наиболее целесообразно. Но, с другой стороны, он знает, что положение часто делает предпринимателей жестокими и кровавыми деспотами. Возможно, что они откажутся создать единый фронт с рабочими. В таком случае рабочие выберут новых руководителей из своей среды. Оуэн считает целесообразной попытку обращения рабочих союзов к парламенту с петицией. Он предупреждает парламент, что производители богатств и знаний не могут более терпеть существующие порядки, что они могут и должны осуществить переход общества к справедливой системе. Если парламент откажет в удовлетворении петиции, то они осуществят преобразование и без его помощи; для этого им нужно лишь решить производить все для себя и обмениваться между собой через трудовые базары⁵⁴.

Кооперативный план Оуэна был наивным. Идея организации производственных союзов товариществ, превращения рабочих союзов в гильдии, естественно, имела наибольший успех в тех отраслях производства, которые не требовали больших капиталов и сложных машин. Не случайно, что оуэновская пропаганда нашла отклики прежде всего в союзе строительных рабочих, организовавших гильдию в 1833 г. Гильдия строительных рабочих, обычно работающих на подрядчиков, могла поставить своей задачей вытеснение этих посредников, установление прямой связи между гильдией и заказчиком. Гораздо труднее представить, как могли бы объединившиеся рабочие овладеть производством в таких отраслях, как горное дело, металлургия и т.п., без насильственной революции, отнимающей у капиталистов орудия производства. Это было бы возможно лишь при совершенно неправдоподобной пассивности предпринимателей и служащего их интересам государственного аппарата.

Оуэн был исполнен радужных надежд. «Вы можете произвести эту перемену (т.е. переход к кооперативной системе) на благо всего населения Британской империи скорее, чем в пять лет», - писал он строительным рабочим. В 1834 г. рабочими союзами был организован «Великий национальный союз производства» (тред-юнион), который, по мысли Оуэна, должен был осуществить его план ликвидации капитализма и организации нового общества. Но суровая действительность очень скоро развеяла утопические надежды Оуэна. Буржуазия вовсе не проявляла склонности пассивно смотреть на объединение рабочего класса во имя социалистических целей. На организацию гильдии строителей подрядчики ответили рядом локаутов. Союз строителей за отсутствием достаточных фондов не выдержал борьбы и распался, не успев даже проявить себя в качестве гильдии. В «большом тред-юнионе» сразу же после его основания обнаружились внутренние разногласия: многие из его деятелей не разделяли идей Оуэна. Многие организации, вошедшие в Союз, были вовлечены в стачечную борьбу, в Союзе начали приобретать популярность идеи классовой борьбы и всеобщей

забастовки. В то же время на руководителей рабочих организаций обрушились правительственные репрессии.

Многочисленные препятствия, вставшие на пути осуществления кооперативного плана, заставили даже Оуэна, при всем его отрицательном отношении к классовой борьбе, признать возможность применения всеобщей забастовки как средства «мирного» воздействия на правящие классы. «Три дня такого бездействия, какое составляет всю их жизнь, - писал он в «Кризисе» в связи с преследованием деятелей рабочего движения, - и вы убедите навсегда этих заблуждающихся людей, что обладаете достаточной силой, чтобы сразу же сделать их презренными рабами»⁵⁵. Но это выступление в защиту идеи всеобщей забастовки было лебединой песней Оуэна как деятеля рабочего движения. В августе 1834 г. «Великий союз производства» прекратил свое существование, не просуществовав и года.

Последнее собрание делегатов Союза сочло необходимым отметить в своей резолюции основную причину неудачи этого начинания. Союз, гласила резолюция, встретил со стороны промышленных предпринимателей и богатой части общества, а также со стороны правительства гораздо большее сопротивление, чем предвидели его основатели. По существу это было признанием внутренней порочности всего оуэновского плана.

* * *

В теоретической системе Оуэна, как и в его практических планах, много противоречивого. Наивна и устарела для XIX в. его рационалистическая философия. Непонятной кажется в условиях ожесточенной классовой борьбы 20-х-40-х годов его непоколебимая вера в возможность мирного преобразования общества. Бесспорно наличие в его учении, как и в других утопических системах, мелкобуржуазных черт. Энгельс в «Положении рабочего класса в Англии» отметил существеннейшие недостатки оуэновского социализма: его терпимость к буржуазии, его «смирный и миролюбивый» характер, «абстрактность» его принципов, непонимание исторического развития, отрицательное отношение к «озлоблению» рабочего класса, т.е. к классовой борьбе, проповедь «филантропии и всеобщей любви»⁵⁶.

Оуэновский социализм возник «в первый, неразвитый период борьбы между пролетариатом и буржуазией»⁵⁷; этим объясняются его характерные черты, делающие из него одну из разновидностей «критически-утопического» социализма. Идеи Оуэна начали проникать в английский рабочий класс в 20-х годах, наибольшей популярности достигли они в начале 30-х годов. Неудача «Великого союза производств» послужила поворотным пунктом в развитии оуэнизма, в дальнейшем пропаганда оуэнизма никогда уже не имела большого успеха в массах. Мощное классовое движение английского пролетариата, чартизм, отодвинуло оуэновскую утопию на задний план. Подобно всем утопическим системам, с развитием реальной классовой борьбы система Оуэна утратила всякое историческое оправдание, а его школа выродилась в реакционную секту.

Тем не менее исторические заслуги Оуэна велики. Наряду с другими великими утопистами он дал яркую и глубокую для своего времени критику капитализма. 40 лет служил он неустанно интересам рабочего класса, как он их понимал. 40 лет проповедовал он, хотя и в утопической форме, идеи коммунизма. Он настойчиво и горячо боролся за законодательное ограничение рабочего дня, за охрану труда, за просвещение рабочих масс, за общественное воспитание детей. Он единственный из великих утопистов попытался связать, пусть на основе неудовлетворительной теории и потому неудачно, проблему социалистического преобразования с рабочим движением. Оуэн с полным правом занимает одно из первых мест среди тех великих мыслителей, которых научный коммунизм считает своими предшественниками.

1 «Дальнейшее развитие плана, содержавшегося в Докладе Комитету Ассоциации для облегчения положения промышленных и сельскохозяйственных рабочих», т.I, стр.111. Все ссылки на работы, кроме помещенных в журнале «Кризис», даются по изданию: Р.Оуэн. Избранные сочинения, т.1-11. М.-Л., 1950.

2 «Дальнейшее развитие плана...», т.I, стр.125-128, 131-132.

3-4 «Дальнейшее развитие плана...», т.I, стр.112-114.

5 «Описание ряда заблуждений и бед, вытекающих из прошлого и настоящего состояния общества», т.I, стр.145.

6 Там же, стр.144.

7 «Книга о новом нравственном мире», т.II, стр.15-20. «Революция в сознании и деятельности человеческого рода, или Грядущий переход от неразумия к разумности», т.II, стр.125-126, 220-244;

8 «Книга о новом нравственном мире», т.II, стр.30-33; «Описание ряда заблуждений и бед...», т.I, стр.144-145 и др.

9 «Описание ряда заблуждений и бед...», т.I, стр.145; «Доклад графству Ленарк о плане облегчения общественных бедствий», т.I, стр.270; «Книга о новом нравственном мире», т.II, стр.15-20.

10 «Доклад графству Ленарк...», т.I, стр.243-246.

11 Там же, стр.225-230.

12 «Революция в сознании и деятельности...», т.II, стр.188.

13 «Книга о новом нравственном мире», т.II, стр.24.

14 «Доклад, представленный Комитету Ассоциации для облегчения положения промышленных и сельскохозяйственных рабочих», т.I, стр.89,

15 «Доклад графству Ленарк...», т.I, стр.201-202.

16 «Описание ряда заблуждений и бед...», т.I, стр.140.

17 «Доклад, представленный Комитету Ассоциации...», т.I, стр.30.

18 «Доклад графству Ленарк...», т.I, стр.182.

19 «Описание ряда заблуждений и бед...», т.I, стр.140-141.

20 «Революция в сознании и деятельности...», т.II, стр.198.

21 «Речь в Таверне лондонского Сити 21 августа 1817 г.», т.I, стр.174.

22 «Книга о новом нравственном мире», т.II, стр.21-22.

23 «Доклад графству Ленарк...», т.I, стр.208-210; «Книга о новом нравственном мире», т.II, стр.49-50; «Революция в сознании и деятельности...», т.II, стр.169-172, 201-205.

24 «Доклад графству Ленарк...», т.I, стр.184-192, 208.

25 «Crisis», t.I, № 13, p.50; № 15-16, p.59.

26 «Конституция общины "Новая Гармония"», т.I, стр.276.

27 «Доклад графству Ленарк...», т.I, стр.232-233.

28 «Книга о новом нравственном мире», т. II, стр. 62-81

29 «Речь в Таверне лондонского Сити», т. I, стр. 166-167; «Доклад графству Ленарк...», т. I, стр. 258-259; «Книга о новом нравственном мире», т II, стр. 56-58.

30 «Доклад графству Ленарк...», т.I, стр.262-263.

31 «Речь в Таверне лондонского Сити», т.I, стр.170-171.

32 «Революция в сознании и деятельности...», т.II, стр.269-272. Спиритические увлечения последних лет жизни - симптом старческого одряхления Оуэна - не могут приниматься всерьез при характеристике его идейного наследия.

33 «Доклад графству Ленарк...», т.I, стр.256. «Конституция общины „Новая Гармония"», т.I, стр.280-281.

35 «Книга о новом нравственном мире», т.II, стр.42.

36 «Доклад графству Ленарк...», т.I, стр.251.

37 «Дальнейшее развитие плана...», т.I, стр.131.

38 «Речь в Таверне лондонского Сити», т.I, стр.161.

39 «Описание ряда заблуждений и бед...», т.I, стр.148.

40 «Революция в сознании и деятельности...», т. II, стр. 122-131.

41 Например, «Crisis», t. III, № 27, p. 219; «Книга о новом нравственном мире», т.II, стр.105.

42 «Революция в сознании и деятельности...», т. II, стр. 185.

43 «Книга о новом нравственном мире», т. II, стр. 104-105.

44 Дальнейшее развитие плана...», т.I, стр.123.

45-46 См., например, «Доклад графству Ленарк...», т.I, стр.251 и др.

47 «Революция в сознании и деятельности...», т.II, стр.207.

48 «Crisis», t. I, № 3, p. 11.

49 Ibid., t. I, № 30, p. 119; t. III, № 15, p. 113-117.

50 Ibid., t. I, № 7, p. 28.

51 Ibid., t. I, № 13, p. 51; № 15-16, p. 59.

52 Ibid., t.III, № 6, p.42-43; № 7-8.

53 p.62-63; № 15, p.113-117; № 21, P.161-162; № 27.

54 p.219; № 31, p.253 а.о.

55 «Crisis», t.III, N 231, p.249-250.

56 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.2, стр.459-460.

57 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.4, стр.455.

ДЖОН ФРЕНСИС БРЕЙ *

Группа английских социалистов 20-х и 30-х годов XIX в. до сих пор еще весьма мало изучена. Беглые и совершенно недостаточные характеристики в книге М.Беера¹, небольшая работа Э.Лоуэнталя², предисловие Г.Фоксуэлла к английскому переводу «Права на полный продукт труда» А.Менгера³ и две монографии: М.Хазбаха об У.Томпсоне⁴ и Э.Галеви о Т.Годвине⁵ - вот все, что здесь заслуживает быть отмеченным. Историки-марксисты к этим темам, можно сказать, еще не прикасались. Между тем для них изучение английской социалистической мысли начала XIX в. должно представлять особый интерес. Эволюция оуэнизма в 30-х годах, в период соприкосновения оуэновской пропаганды с рабочим движением, взаимоотношения оуэнизма с чартизмом, взаимоотношения мелкобуржуазных и пролетарских элементов как в реальном рабочем движении, так и в идеологии - все это проблемы громадного значения для тех, кто желает уяснить во всей жизненной конкретности процесс превращения пролетариата в класс для себя. С другой стороны, английская социалистическая литература была, как известно, хорошо знакома Марксу и Энгельсу. Что могли они из нее почерпнуть, какое место надо ей отвести в процессе формирования марксизма как идеологии пролетариата? Без пристального исследования тех мыслителей, на которых ссылаются Маркс и Энгельс в своих работах, на эти вопросы нельзя дать сколько-нибудь точного ответа.

Джон Френсис Брей - не самый талантливый из социалистических писателей рассматриваемой эпохи. Его книга написана очень неровно в литературном отношении и наряду с ярко написанными страницами в то же время изобилует повторениями. Однако Маркс посвятил ему несколько страниц в «Нищете философии»⁶. В утопическом проекте денежной реформы Брея Маркс видит «ключ ко всем прошлым, настоящим и будущим сочинениям г-на Прудона»⁷. Но, с другой стороны, Маркс отмечает, что Брей, в противоположность Прудону, «отнюдь не выдает себя за обладателя последнего слова человечества»⁸, и называет английского мыслителя коммунистом⁹.

И действительно, Брей имеет большее право на это, чем прочие представители английского социализма его времени. Уже этого одного было бы, кажется, достаточно, чтобы вызвать интерес к Брею. Тем не менее о Брее до сих пор нет ни одной сколько-нибудь значительной работы. Привлечь внимание к этому забытому коммунисту, отметить некоторые своеобразные черты его системы - и составляет цель настоящей заметки.

* Печатается по тексту одноименной главы, вошедшей в кн.: В.П.Волгин. Очерки по истории социализма. Изд. 4-е. М.- Л., 1935, стр.357-377. Впервые статья В.П.Волгина о Брее была опубликована в кн.: «На боевом посту». М., 1930, стр.496-515.

Типографский рабочий по профессии, Дж.Фр.Брей выступил с единственной книгой «Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению» в 1839 г., в период расцвета чартистского движения, несколько лет спустя после неудачи «Великого союза производства». Книга Брея как бы подводит итог опыту социалистической пропаганды предшествующих лет. Брей целиком переносит в свою систему ряд основных положений Оуэна. Мы находим у него и оуэновское учение о человеческом характере и оуэновскую идею коммунистических поселений, и оуэновскую критику денежной системы. Но это оуэнизм, переживший значительную эволюцию, оуэнизм, усвоивший ряд положений, совершенно не свойственных первоначальной концепции учителя. Книга Брея во многом отражает впечатления начала 30-х годов - времени, когда центр тяжести оуэновской пропаганды был перенесен в рабочие организации, когда верхи этих организаций увлекались своеобразно понятым и преломленным оуэнизмом. В этом источник оригинальных черт учения Брея, и именно это придает его книге особое значение в истории английского социализма.

Представления Брея о будущем коммунистическом обществе не расходятся с общеизвестными взглядами Оуэна. По-видимому, в силу их общеизвестности Брей не считает необходимым на них останавливаться. Мы не находим у него детального описания коммунистических общин, столь характерного для пропагандистских произведений самого Оуэна, начиная с «Доклада» 1817 г. и кончая «Революцией в сознании и деятельности человеческого рода» 1849 г. Зато мы находим в «Несправедливостях в отношении труда...» чрезвычайно интересное развитие идеи переходного периода от капитализма к последовательному коммунизму. Существо оуэновской концепции идея переходного периода чужда. В основных работах Оуэна мы ее не встретим. Тем не менее в начале 30-х годов некоторое неотчетливое представление о необходимости какой-то промежуточной стадии между существующим строем и строем коммунистическим у Оуэна, очевидно, было. Было оно, конечно, и у тех вождей рабочего движения, которые шли за Оуэном. Брею не принадлежит, таким образом, честь самостоятельного открытия «переходного периода». Надо думать, что он не очень самостоятелен и в своей конкретной характеристике переходного строя. Вероятнее всего, что на его долю выпало лишь дело систематизации мыслей, носившихся, так сказать, в том воздухе, которым дышали вожди чартизма, деятели рабочего движения его времени.

Брей обосновывает мысль о необходимости переходного периода отнюдь не соображениями экономического или политического порядка. Он исходит из учения Оуэна о формировании человеческого характера и рассуждает следующим образом. Противники коммунизма доказывают, что система коммунизма противоречит установившимся привычкам человека. Действительно, признает Брей, люди не обладают в данный момент теми интеллектуальными и нравственными свойствами, которые необходимы для действия системы равенства. Человек с его установившимися предрассудками, с его классовым и кастовым воспитанием не в состоянии жить в гармонии и равенстве со своими

товарищами. Но нельзя считать эти особенности современного человека чем-то неизменным. Они вызваны известными причинами, и необходимо подумать, нельзя ли заменить эти причины другими, вызвав тем самым и другие следствия. Переходный период и предназначен для того, чтобы, создав учреждения, вполне доступные для современного человека со всеми его недостатками, образовать тем самым новую среду, воспитывающую в нем новые свойства, нужные для коммунизма¹⁰.

Такова теоретическая аргументация Брея. Брей не забывает о ней ни на минуту при характеристике институтов переходного периода. Каждый раз он отмечает, что эти институты, с одной стороны, вполне соответствуют тем свойствам человека, какими он обладает сейчас, с другой стороны - воспитывают человека для более совершенного коммунистического порядка¹¹. Но совершенно ясно, что конкретные черты переходного строя, как они даны у Брея, не могли быть выведены им логически из указанных общих положений, они взяты из жизненного опыта рабочего движения. Переходный строй Брея радикально отличается от оуэновского идеала, хотя, быть может, сам Брей этого не сознает. Развитие общества к коммунам Оуэна по плану Брея трудно себе представить. Брей пытается связать логически две принципиально различные установки. Для того, чтобы это показать, необходимо остановиться на деталях его плана.

Основной хозяйственной ячейкой переходного общества является акционерная компания трудящихся¹², объединяющая от 100 до 1000 человек. Эта организация строится на совершенно иных началах, чем община Оуэна. Принцип последней - хозяйственное самоудовлетворение, отсюда земледелие как основной труд, промыслы как нечто дополнительное. Принцип компании Брея - профессиональное объединение: компания состоит из трудящихся одной профессии и занимается одним определенным производством. Если оуэновский идеал проникнут хозяйственным партикуляризмом, то переходный порядок Брея предполагает широкую общественную организацию труда, в которой каждая профессиональная компания выполняет известную функцию. Наряду с компаниями производственными мы видим компании по организации транспорта, по распределению¹³. Общество в целом превращается как бы в федерацию профессиональных обществ, в конфедерацию труда¹⁴. На тех же началах организуется производство и в сельском хозяйстве¹⁵.

Все члены компаний равноправны. Все трудятся, и все получают вознаграждение за труд согласно единому, общему для всех принципу. Каждый получает весь продукт своего труда. Противоречия интересов внутри компании поэтому не существует. Ее члены составляют единый класс «работников ума и руки». Вознаграждение их имеет форму заработной платы¹⁶. Поэтому право на весь продукт труда выражается в системе равной заработной платы за равное число часов труда¹⁷. Как все английские социалисты его времени, Брей выводит этот принцип вознаграждения логически из закона трудовой стоимости. «Стоимость зависит от труда, и из этого может быть сделано только то заключение,

что все люди за равное количество труда должны получать равное вознаграждение»¹⁸.

Брей понимает, что способ измерения труда часами при различии человеческих способностей неточен. Он и не считает такую систему вознаграждения идеальной. Но она во всяком случае несравненно справедливее системы, существующей в его время, и потому принимается им для переходного периода¹⁹.

Помимо того, что при такого рода порядке не будут иметь места изъятия из продукта труда в пользу нетрудящихся классов, - трудящиеся не будут терпеть урона от случайностей, от них не зависящих. Например, заработок земледельцев не будет зависеть от урожая²⁰. Все случайные убытки, (от пожара, кораблекрушений и т.п.) распространятся на всю нацию, которая будет представлять в этом отношении как бы единое страховое общество. Личный и имущественный налоги послужат для покрытия расходов не только по управлению, но также по социальному страхованию, воспитанию детей, содержанию инвалидов и т.п. Таким образом, большая семья не будет лежать бременем на отдельном трудящемся. Каждый ребенок - будущий работник общества, эмбрион полезных для общества духовных и физических способностей. Естественно, что на общество должна падать и забота о его воспитании, как и о содержании старика, отдавшего уже обществу свой труд²¹.

За исключением той части дохода, которая идет на покрытие указанных общественных потребностей, всем остальным своим доходом трудящийся вправе распоряжаться, как ему заблагорассудится. При этом естественно, что у того, кто больше работает, будет больше и возможностей удовлетворять свои потребности, так как за больший труд он больше получит²². Но это не принесет никакого ущерба для работающего меньше, ибо не будет изъятием из продукта его труда. Всякий, если пожелает, может даже делать сбережения и накапливать богатство. При режиме переходного периода, при независимости человека от человека богатство одного безвредно для другого²³.

Права отдельных компаний точно не определены у Брея. Во всяком случае их хозяйственная самостоятельность весьма ограничена. В важнейших хозяйственных вопросах они подчиняются органам, стоящим над ними. Такими органами являются национальные и местные промышленные палаты. Они состояются из способнейших рабочих, избранных всем народом²⁴. Палаты производят тщательное статистическое обследование потребностей страны. Совместно с директорами отдельных предприятий они определяют количество необходимых благ всякого рода, число рабочих, нужных для каждого производства, отношение цен продуктов друг к другу. Они же ведут все общенациональные дела, т.е., очевидно, организуют дело воспитания, обеспечение инвалидов, строительство новых зданий, проведение дорог и т.п. Организация производства носит, следовательно, характер единой плановой системы. Земля, средства производства и жилые постройки составляют национальное достояние и сдаются государством в аренду²⁵. Распределение, как мы уже говорили, составляет функции особых компаний. Они покупают продукты у производственных компаний; при

продаже продуктов потребителю к первоначальной цене прибавляется сумма, соответствующая затраченному компанией труду по перевозке и распределению²⁶. Очевидно, в ведении этих компаний состоят национальные и местные склады съестных припасов и базары, заменяющие мелочных торговцев²⁷. Каждый продукт имеет установленную твердую цену, не повышающуюся вследствие спекуляции и не понижающуюся в связи с производством. Эта цена определяется издержками производства в конечном счете - суммой затраченного на производство труда. Таким образом, трудящийся получает заработную плату и на нее приобретает все ему необходимое. Заработная плата выражает количество затраченного им труда, цена приобретенных продуктов соответствует количеству затраченного на них труда. Равные стоимости обмениваются на равные стоимости, ни один индивидуум, ни одно производство не несут от этой операции никакого ущерба. При такой системе нет места для эксплуатации.

Но зато, приводит Брей возможное возражение экономистов, в ней нет соревнования, конкуренции, а следовательно, нет стимула к труду. Брей решительно опровергает это утверждение. Не конкуренция, заявляет он, толкает человека к труду, а потребность в вещи. Конкуренции, действительно, не будет. Там, где довольно работы, не может быть конкуренции из-за работы. Там, где довольно продуктов, не может быть конкуренции из-за продуктов. Неверно, будто конкуренция родит изобретения: изобретатели обычно умирают в нищете. Зато конкуренция ведет к тому, что половина рабочих не работает вовсе, а вторая половина работает за голодную плату. При равной заработной плате за равный труд стимулов к труду будет достаточно. Помимо общественного мнения, каждый будет знать, что от количества его труда зависят его благосостояние и обеспечение его будущего, поскольку ему не возбраняется накопление²⁸.

В обществе, организованном по указанным принципам, не может быть ни перепроизводства, ни безработицы. Стремясь оправдать эти явления, экономисты утверждают, что беда здесь в Несоответствии численности населения наличному капиталу, и проповедуют ограничение численности населения, приспособление числа рабочих к капиталу²⁹. Но ведь капитал - не более как сбереженный труда продукта. Труд - его отец, земля - его мать³⁰. Следовательно, вопрос должен быть поставлен иначе: об увеличении капитала применительно к потребностям населения. Этому препятствуют разделение общества на классы и интересы капиталистов. В условиях строя акционерных компаний трудящихся этого препятствия не будет. Для создания капитала нужны труд, который обеспечивает население, и сырой материал, которого достаточно вокруг³¹. Рост производительных сил можно поэтому считать бесценным на тысячелетия. Машины будут вводиться в производство в неограниченном количестве³². Отрицательные стороны машинизма не будут иметь места, ибо все теряющие работу в связи с введением более усовершенствованных машин будут приниматься в акционерные компании. С другой стороны, производственные продукты всегда найдут сбыт, ибо будет существовать соответствие между суммой

произведенных ценностей и суммой полученной рабочими заработной платы. Производство получит небывалую эффективность. Если вначале Брей предполагает, сохранение 8-10-часового рабочего дня, то он уверен, что с ростом производительности труда рабочий день удастся сократить до 5 часов.

Акционерные компании соединяют в себе принцип общего владения производительными силами с частной собственностью на предметы потребления. Именно поэтому они и могут служить подготовкой к высшей стадии цивилизации - к полному коммунизму. Они не вводят никаких новых, недоступных современному человеку принципов. Их принцип - простое расширение принципа акционерных компаний, существующих уже в настоящее время³⁴. Но так как внутри них нет классового деления, отсутствует противоречие интересов, царит общий труд, то они обеспечивают оздоровление человека. Они излечивают человека от узкой классовой корысти и воспитывают его, приучая к общности³⁵.

Хотя осуществление переходного строя, по мнению Брея, значительно легче для современного человечества, чем осуществление коммунизма, все же Брей уделяет проблеме перехода к нему много внимания. И его рассуждения свидетельствуют о том, что и в этот отношении он не является ортодоксальным сторонником учения Оуэна.

Чтобы понять учение Брея о социальной революции, необходимо прежде всего рассмотреть его теорию общества и общественного развития. Пусть непоследовательная, пусть эклектическая, но такая теория все же у Брея есть. Одной из ее составных частей является, несомненно, традиция рационалистическая, связывающая Брея непосредственно с Оуэном и через него с Годвином. Общественный идеал равенства для Брея - строй, соответствующий разуму и справедливости³⁶. У человека имеются некая извечная «природа» и «предназначение»³⁷. Несовершенство общественных отношений, в частности противоположность интересов, - результат незнания основных принципов «книги природы»³⁸. Исключительное право на землю противоречит «природе вещей»³⁹. Беда в том, что люди не понимают своего предназначения. Природа не делает ошибок, но люди отошли от природы в силу невежества и обмана. Результатом невежества и обмана является между прочим, и деление общества на классы; Брей называется признать его естественным и неизбежным⁴⁰. Человек находится в сетях своего невежества. Но знание растет из поколения в поколение, и его накопление создает возможности для разрешения любой задачи⁴¹.

Все эти формулировки как нельзя более типичны для рационалистического, естественноправового социализма XVIII в., основной теоретический фонд которого был унаследован и сохранен Оуэном. Не смог освободиться от этой привычной схемы аргументации и Брей. Но, взгляды в его теоретические построения нетрудно разглядеть проступающие сквозь схему контуры новых взглядов на общество и общественные отношения.

Первое, что здесь должно быть отмечено, - черты историзма в построении Брея. При этом характерно, что с исторической точки зрения он рассматривает не только общество, но и природу; историзм свойствен

его общему мировоззрению. Во всей вселенной, заявляет он, от звезды до атома, происходят непрерывно изменения; ничто не находится в покое, нет в мире ничего постоянного⁴². Абсурдно думать, что в этом меняющемся мире одни общественные порядки не подлежат изменению. Мировое движение рассматривается Бреем телеологически. Процесс мирового движения целесообразен, это - процесс непрерывного совершенствования⁴³. Таким же совершенствованием должно быть и изменение общественного порядка.

Телеологизм не мешает Брею признавать каузальную закономерность исторического процесса. Всякое состояние общества, всякая политическая форма исторически обусловлены. Они навязываются человечеству силой вещей. И те порядки, которые в известный исторический период отвечали потребностям, позднее становятся нетерпимыми⁴⁴. Сознание исторической необходимости в известный период известного общественного порядка отражается также в такой формулировке Брея: общество не могло быть иным, чем оно есть, по природе своих составных частей и в силу обстоятельств, которые на него воздействовали⁴⁵. Но если каждый общественный порядок исторически необходим, то столь же необходимы и перемены. Социальные перемены естественны и неизбежны, как фазы всеобщего прогресса. Их не следует приписывать ни отдельным лицам, ни правительствам. Все попытки противодействовать этому движению человечества бессильны и вызывают лишь страдания, которые напрасно приписываются самим переменам и которые в действительности обусловлены сопротивлением естественному ходу вещей⁴⁶.

В чем же движущая сила неизбежного развития? В ответе на этот вопрос Брей не в силах подняться над рационалистической традицией, давая ей, впрочем, своеобразную формулировку. Он признает изначальность общественного состояния человечества. Общество всегда было и всегда будет. Но для руководства общественной жизнью людей даны две силы: инстинкт и разум. И так как инстинкт у человека слабее, чем у животных, то общество человеческое ниже по своему строению, чем общество пчел и бобров⁴⁷. Отсутствие сознания - основа существования общественного гнета; рост сознания приводит к попыткам сбросить ярмо. Ясно, что с этой точки зрения знание, как мы уже отмечали, должно представляться Бреем движущей силой общественного прогресса. Природа дает как бы фундамент обществу, в своем развитии общество является искусственным созданием человеческого разума⁴⁸.

Однако Брей понимает, что развитие разума - не какой-то равномерный, единообразный поток, не встречающий на своем пути никаких границ и преград. Он усваивает и развивает дальше оуэновскую теорию формирования человеческого характера внешней средой. Каждый общественный порядок принудительно внушает людям известные взгляды. Учреждения действуют на людей и, так сказать, формируют их соответственно своим особенностям. Отсюда прочность и рутинность общественных отношений⁴⁹. Таким образом, система может быть разрушена благодаря развитию знания, т.е. разумом, и в то же время разум формируется системой. Где же выход из этого

противоречия? Теоретически Брей не в силах его найти, хотя практически он, как увидим ниже, нащупывает его гораздо более удовлетворительно. Несмотря на силу рутины, говорит Брей, в обществе постепенно накапливаются разрушительные факторы отклонения, которые в конце концов дают обществу новый толчок. Как и почему они возникают, остается неясным. Во всяком случае в них проявляется «всемогущий дух движения». Это - один выход. Другой выход составляет появление в том или ином индивидууме духа, который остается почему-то вне влияния господствующих общественных сил и, подобно комете, вторгается в сложившуюся систему, нарушает ее обычное движение и дает ей новое направление. Такие гениальные пионеры обычно погибают, но свое дело они тем не менее делают⁵⁰. Как видим, объяснение Брея носит почти мистический характер.

Обратимся теперь от этих теоретических соображений Брея к даваемой им характеристике современных ему общественных отношений и к намечаемым им способам их изменения. В разных местах своей книги Брей указывает два разных источника существующих зол: частную собственность на землю⁵¹ и неравный обмен⁵². В центре его внимания, несомненно, стоит последнее. Если частная собственность на землю является предпосылкой неравенства, то неравный обмен его, так сказать, развивает и увековечивает. Принцип неравного обмена - душа господствующего порядка⁵³. Неравенством обмена объясняет Брей эксплуатацию. Все богатства производятся трудом рабочих. Если богатства сосредоточены в руках части общества, то эти богатства - не что иное, как грабительски присвоенный труд целых поколений рабочих⁵⁴. Этот грабег происходит повседневно. Результатом неравенства обмена является разделение общества на классы: трудящихся и бездельников. С другой стороны, пока существуют классы, пока существуют капиталист и рабочий, не может быть равного обмена. Для того чтобы исчезло рабство трудящихся, труд должен стать всеобщим и обмен - равным⁵⁵.

Хотя Брей и делит современное ему общество, по старому общераспространенному в социалистической литературе начала XIX в. обычаю, на трудящихся и бездельников, в подавляющем большинстве случаев под первыми он понимает наемных рабочих, под вторыми - капиталистов. Землевладельцы и крестьяне не привлекают его внимания. Точно так же по традиции он говорит иногда о трудящихся, или производительных, классах (во множественном числе). Но конкретная характеристика трудящихся всегда включает черты, свойственные исключительно пролетариату. Здесь, очевидно, случай, когда новые понятия уже проникают в старые формы, но еще недостаточно осознаны, чтобы разрушить эти формы и заставить мыслителя от них отказаться.

О гармонии интересов составляющих общество классов не может быть и речи⁵⁶. Выгоды капиталиста - всегда ущерб для рабочего. Современное общество есть поэтому система вечной войны между капиталистами и рабочими. Из этого положения Брей делает вывод и по отношению к практическому осуществлению социальных преобразований. Интересно, что он использует при этом оуэновскую теорию образования характера для обоснования взгляда,

противоположного оуэновскому. Учреждения, говорит он, действуют на людей. Поэтому знать всегда думает, как знать. Привычки, предрассудки и чувства каждого класса создаются его общественным положением⁵⁸. Господствующие классы неспособны понять становящиеся все более ясными истины. К этим классам принадлежат защитники существующего порядка. Они имеют общую цель: убедить народ, что все обстоит благополучно⁵⁹. Капиталисты всегда будут сопротивляться переменам, не желая расстаться с классовым господством. Им противостоят производственные классы. Само их положение заставляет их думать об улучшениях и средствах для их осуществления. Таким образом, сила рутины, свойственная системе, воплощается в одном классе, дух движения, отклонения от существующего - в другом.

Только рабочие могут провести реорганизацию. Они должны рассчитывать исключительно на собственные силы⁶⁰. Беда рабочих в том, что они не сознают ясно, в чем причина зла и в чем средства спасения. Они искали помощи у тех классов и каст, которые заинтересованы в том, чтобы их подавлять, которые живут их трудом. Они шли за предложениями, не имеющими никакого отношения к их нуждам. Брей, впрочем, не отрицает возможности некоторой помощи со стороны отдельных доброжелательных капиталистов, например в деле организации опытных коммун⁶¹. Но это, по его мнению, не решает вопроса об общем преобразовании. Оно может быть лишь делом рук рабочих, осознавших свои цели и пути их достижения.

Пока рабочие не сознают своих целей и не объединятся для их достижения, они останутся орудиями в руках других людей. Сознание и единство - вот мощные средства низвержения существующего зла. Условия уже созрели для социального переворота. У рабочих есть достаточно сил изменить общественный порядок. И им это не грозит никакой опасностью. Производители должны лишь сделать усилие - и их цепи будут разорваны навеки⁶². Пусть же рабочий класс бесстрашно идет в бой! Противодействие господствующих классов неизбежно, но оно бессильно задержать общественное движение и поведет лишь к тому, что оно будет сопровождаться страшными конвульсиями⁶³.

На чем основывается уверенность Брея в близости переворота? Он не говорит особо о связи роста сознательности и солидарности рабочего класса с развитием производительных сил. У него есть лишь глухое и несколько неопределенное указание на то, что машинизм открывает путь к уничтожению существующего зла. Поэтому он высказывается против разрушения машин. Но, по-видимому, он ценит машину только как орудие, которое призвано облегчить человеческий труд после переворота, а не социальную роль ее в современном обществе⁶⁴. Зато очень отчетливо выступает у Брея связь идеи социального переворота с идеей профессионального союза. Именно в профессиональном союзе рабочие нашли форму своей организации. Рабочие, объединенные тред-юнионы, достаточно многочисленны и разумны и поэтому могут произвести социальный переворот. Они страдают от существующего порядка, и уже сейчас они ставят целью уничтожение его несправедливостей. Им остается лишь убедиться в том, что

существующий порядок не поддается частичным улучшениям. Тогда весь рабочий класс восстанет, как один человек, и потребует социального преобразования. При сознательности рабочего класса не может существовать классовое общество. Кто сможет сопротивляться рабочим? Объединенный в стремлении к общей цели, рабочий класс может ниспровергнуть существующие учреждения и построить новые. Тем более, что тред-юнионы являются уже готовыми ячейками нового порядка, как бы прообразами будущих акционерных компаний⁶⁵.

Цель движения рабочих ясна. Менее определены в системе Брей его средства. Из предыдущего уже видно, что Брей был противником всяких частичных реформ. Пока не уничтожены классы, не установлены общий труд и равный обмен, частичные реформы не могут принести, по его мнению, никакой реальной пользы рабочему классу, ибо все, что он будто бы выиграет от них, будет отбираться у него капиталистами. Например, совершенно нелепо говорить о налоге на капитал. Реально капиталист не может платить налогов, ибо он ничего не производит. Всякий налог ложится в конечном счете на плечи трудящихся⁶⁶. Бесполезно для рабочих и сокращение рабочего дня: сокращение продукции не может увеличить долю в ней рабочего класса⁶⁷.

Еще более решительно высказывается Брей против борьбы за политическое преобразование. Можно сказать, что вся его книга пронизана полемикой с чартистами. В его аргументации против политической борьбы немало интересного. Политическая реформа, утверждает Брей, не нужна рабочему классу ни как цель, ни как средство для достижения иной цели⁶⁸. Политический гнет отнимает у рабочих, по расчетам Брея, вдвое менее, чем гнет социальный. Между тем ниспровержение социальной системы требует не больше усилий, чем ниспровержение системы политической. Капиталисты без насилия не уступят свою власть в парламенте рабочим. Какой же смысл затрачивать силы на это, если можно столь же легко достигнуть большего? Что касается той мысли, что политическая реформа полезна как средство для дальнейшего полного освобождения рабочих, то эта мысль основана на непонимании связи социальных явлений. Неравенство прав вытекает из неравенства жизненных условий⁶⁹. Дурное правление - не причина, а следствие неравенства⁷⁰. При сохранении неравенства и деления общества на классы всеобщее избирательное право бесполезно⁷¹. Политическая реформа не меняет отношения рабочих к другим классам⁷². Монархии и республики имеют по отношению к рабочим одни и те же свойства". Вся история доказывает, что равенство не может быть достигнуто политическими реформами: неравенство существовало при самых разнообразных политических и религиозных системах.

Для подтверждения этих положений Брей несколько раз обращается к примеру Соединенных Штатов, обнаруживая в изображении американских порядков незаурядную наблюдательность. «Соединенные Штаты, - говорит Брей, - в политическом отношении обладают всем, чего мы до настоящего времени не имеем, и большим, чем мы можем надеяться достигнуть. И все же мы видим там властолюбивого тирана и скованного раба, сытого золотого короля и голодающего нищего,

банкира-капиталиста и безработного. Фактически мы наблюдаем там все несправедливости, нужды и тяготы, с которыми мы знакомы у себя». Политическая власть, которой обладают рабочие в Соединенных Штатах, неспособна освободить их от социальных несправедливостей⁷⁴. Если есть у американских рабочих кое-какие преимущества, то это мелочи, зависящие к тому же от своеобразных условий времени и места, а не от формы правления. Поскольку в Соединенных Штатах есть богатые и бедные, можно с уверенностью предсказать их судьбу. Из деления общества на классы всегда вырастает тирания. Такова судьба всех старых и новых республик. Зародыш монархической власти заложен в существе американского общества. И несомненно, что еще до конца XIX столетия республика Соединенных Штатов превратится в монархию или олигархию. Сколько бы мы ни удивлялись справедливости принципов равенства, положенных в основу великой республики Запада, повседневный опыт показывает, что в реальной жизни эти принципы не находят себе применения. «Нет больших тиранов, чем республиканские золотые мешки Соединенных Штатов»⁷⁵.

Из тех мотивов, которые приводит Брей против целесообразности для рабочего класса политической борьбы, стоит упомянуть еще об одном, связанном с отчетливостью его классовой позиции. Рабочие увлекаются политической борьбой под влиянием советников, являющихся обычно выходцами из других классов. Эти люди не знают ни страданий рабочих, ни их мыслей. Они не в состоянии поэтому найти правильный выход из существующего зла. В силу своего положения в обществе они приносят с собой предрассудки, свойственные этому положению. Они могут быть только слепыми вождями. Даже поняв истинные причины нужды рабочих, они не могут быть полезны рабочему классу. Ибо в таком случае они неизбежно станут на позицию, враждебную рабочим интересам⁷⁶.

Итак, ни частичных реформ, ни политической борьбы! Рабочий класс должен поставить своей непосредственной целью принципиальное изменение социальной системы, и у него достаточно сил, чтобы такого целостного преобразования добиться. Какие же для этого надо применить меры? На этот вопрос Брей не может или не хочет дать ясного ответа. Он знает, что капиталисты не сдадут своих позиций добровольно. Он знает, что государство и церковь будут против реорганизации⁷⁷. Значит, необходимо восстание? Всеобщая забастовка? О последней Брей странным образом не думает, несмотря на широкое распространение идеи всеобщей забастовки в среде рабочей интеллигенции его времени. Напомним, что именно в конце 30-х годов план всеобщей забастовки, впервые выдвинутый Бенбоу, был воспринят чартистами. Что касается восстания, то Брей решительно высказывается против мысли о необходимости насилия в целях социального переворота. Здесь он говорит как правоверный оуэнист. Насилие нужно тогда, когда цель движения - интересы одного какого-либо класса. Поэтому всегда насильственны политические революции, являющиеся по существу лишь сменами одной тирании другою. Коммунистический переворот имеет в виду интересы всего общества. Он не должен поэтому сопровождаться

обычными «бедами» революции⁷⁸. Он будет произведен не силой, но убеждением⁷⁹.

Не освободившись от мирного утопизма Оуэна, Брей впадает в безысходное противоречие. Само собой разумеется, что он с его ясным пониманием противоречия классовых интересов и классового характера власти не может доверить реализацию своего плана существующему государству. Преобразование производит временное правительство из представителей каждого производства. Объяснить, как возникает это правительство и как оно берет в свои руки власть, Брей не в состоянии. Если оно возникает путем насильственного переворота, то это противоречит установке на мирный ход преобразования. Если оно возникает мирным путем рядом с существующим правительством и последнее добровольно передает ему свои полномочия, то это противоречит тезису о неизбежности сопротивления капиталистов. Повидимому, Брей мечтает о втором пути: рабочие, организуясь, образуют такую силу, что капиталисты убеждаются в бесполезности сопротивления.

Организация переходного строя предполагает, что земля и капитал принадлежат обществу⁸¹. Передача их из рук частных владельцев в руки общества производится путем выкупа⁸², притом по цене по соглашению. Брей против принудительной экспроприации. То обстоятельство, что капиталисты будут знать заранее, что их не лишат капитала безвозмездно и насильственно, очевидно, должно смягчить их отношение к перевороту, должно побудить их отказаться от сопротивления. Однако нельзя сказать, чтобы переворот совсем не наносил им материального ущерба. Помимо того, что они лишаются возможности использовать выкупные суммы для дальнейшей эксплуатации чужого труда, они несут потери также на той части своей собственности, которая носит денежную форму. Ибо одним из актов временного правительства является реформа денежного обращения, замена существующих денежных знаков новыми. Впрочем, возможно, что при этой операции Брей тоже предполагает некоторое вознаграждение держателей старых знаков.

Нас не должно удивлять, что Брей считает денежную реформу одной из существеннейших частей предлагаемого им преобразования. Вопрос о денежном обращении стоял очень остро в английской публицистике первой трети XIX столетия, в том числе и в социалистической. Следует, однако, подчеркнуть, что Брей, в противоположность своим предшественникам, Атвуду и Грею, отнюдь не считает денежную реформу панацеей от всех бедствий человечества. Это - лишь одна из деталей в общем плане социалистического преобразования. О применении ее при капиталистическом строе, о ее самостоятельной преобразующей силе Брей не говорит вовсе. В этом его радикальное отличие от всех утопистов, мечтавших излечить болезни капитализма путем реформы обращения, не затрагивая основ капиталистического производства.

Теоретические основы проекта Брея весьма просты и очень напоминают теорию Атвуда. Деньги - только представительный знак капитала. Обеспечение денег - не в золоте, а во всем реальном богатстве

страны⁸³. Количество действительно обращающихся в стране денег далеко отстает от того, что деньги должны представлять. Если денежный капитал Англии составляет 100 млн. ф. ст., то ее реальный капитал - 3 млрд. ф.ст.⁸⁴ Право выпуска денежных знаков, монополизированное высшими классами, - мощное орудие в их руках. Денежная монополия держит рабочих в рабстве. Обладание деньгами - средство эксплуатации и символ господства одних классов над другими⁸⁵.

Из этих общих положений следуют два основных вывода. Во-вторых, при общественной реорганизации должно быть выпущено такое количество денежных знаков, которое соответствовало бы реальной производительной силе страны. Во-вторых, эта денежная масса должна через акционерные компании стать доступной всем трудящимся. На каждого гражданина Брей считает необходимым ассигновать по 100 ф.ст., или 2 млрд.ф. на все государство. Эта сумма, влитая в систему акционерных компаний, вырастающих из тред-юнионов, дает системе движение, позволяя развить полным ходом производительную деятельность. Выкуп капиталов будет производиться при помощи обязательств. Капиталистов это не должно смущать. Получая за что-либо золото, они получают в сущности лишь нечто, представляющее вещи, произведенные трудом. Всегда все сводится в конечном счете к труду. Почему же непосредственное обещание труда уплатить через известное время то, что он только и может произвести, не имеет такой же цены, как обещание капитала уплатить то, что производит труд? Брей предполагает, что долг капиталистам будет выплачен в течение 20 лет⁸⁷.

Мы далеко не исчерпали всего содержания книги Брея. Некоторых весьма интересных сюжетов мы коснулись лишь вскользь. Нам казалось особенно существенным обратить внимание на те стороны учения Брея, в которых выявился его отход от оуэнизма. Не может быть никакого сомнения в том, что развитие Брея шло в направлении от оуэнизма к синдикализму. Взгляд на тред-юнион как на ячейку будущего общества, отчетливое представление о классовых противоречиях и убеждение в том, что только рабочий класс может осуществить социальное преобразование, отрицание политической борьбы, недоверие к интеллигенции - все это черты из синдикалистского комплекса идей. Мысль о превращении тред-юнионов в производственную гильдию в течение некоторого времени не была чужда и Оуэну. Но у него эта мысль была чем-то чужеродным в общей системе его взглядов. У Брея, как, вероятно, и у значительной группы оуэнистов - рабочих 30-х годов, она заняла первенствующее место, оттеснив на задний план коммунистическую общину, оставшуюся лишь в виде весьма отдаленного идеала. Совершенно чужда Оуэну ярко-классовая позиция Брея. Здесь Брей гораздо ближе к таким синдикалистски настроенным деятелям 30-х годов, как Смит, чем к Оуэну. Хотя признать Брея представителем этой группы мешает его отвращение к насильственным мерам, мы все же не видим достаточного основания считать книгу Брея полемически направленной против революционного синдикализма, как утверждает Беер⁸⁸. В общем книга Брея должна была больше отвечать, с точки зрения ее классового духа, настроениям бывших синдикалистов,

несколько разочарованных методами борьбы, проповедовавших ими в начале 30-х годов, чем настроениям правоверных оуэнистов. Сочинение Брея интересно прежде всего тем, что фиксирует для историка в законченной форме систему идей, распространенных в рабочей интеллигенции того времени и представляющих весьма радикальную переработку оуэнизма.

Но книга Брея интересна еще с одной стороны. Как известно, гильдейские социалисты видят в Оуэне одного из своих предшественников. Они могут при этом иметь в виду не столько Оуэна 1820 г., сколько оуэнизм начала 30-х годов. Та форма, какую принял оуэнизм у Брея, ближе всего к гильдейскому социализму. Нам не удалось найти указаний на прямое влияние книги Брея на гильдейцев. Но во всяком случае по существу идеологическая линия идет от Оуэна через Брея к гильдейцам. Для исследователей гильдейского социализма и его идеологических antecedентов книга Брея - документ, заслуживающий внимания.

1 M.Beer. A History of British Socialism. London, 1920.

2 E.Lowenthal. The Ricardian Socialists. New York, 1911.

3 A.Menger. The Right to the Whole Produce of Labour. London, 1899.

4 M.Hasbach. William Thomas Thompson. Jena, 1922.

5 E.Halevy. Thomas Hodgskin. London, 1903.

6 См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.4, стр.102-106,108,109.

7 Там же, стр.102.

8 Там же, стр. 106.

9 Там же, стр.102.

10 . Fr.Bray. Labour's Wrongs and Labour's Remedy. Leeds, 1839, p.134.

11 Ibid., p.158, 163-164 a.o.

12 Ibid., p.157.

13 Ibid. p.178.

14 Ibid. p.161.

15 Ibid. p.157.

16 Ibid. p.199.

17 Ibid. P.160.

18 Ibid. p.201.

19 Ibid. P.161.

20 Ibid.

21 Fr.Bray. Op.cit, p.165 a.o.

22 Ibid. p.60.

23 Ibid. p.160, 168.

24 Ibid. p.157, 162 a.o.

** «Гильдейский социализм» - реформистское течение, возникшее в начале XX в. в Англии. Его предпосылки отказывались от классовой борьбы, требовали национализации буржуазным государством промышленности и транспорта и передачи их в управление национальным гильдиям, т.е. объединениям трудящихся той или иной отрасли народного хозяйства.

25 Ibid. p.162, 168, 180 a.o.

26 Ibid. p.181.

27 Ibid. p.180.

28 Ibid., p.160.

29 Ibid, p.138.

30 Ibid., p.59.

31 Ibid., p.189.

32 Ibid., p.158.

33 Fr.Bray. Op.cit., p.181.

34 Ibid. p.164.

35 Ibid. p.162-164.

36 Ibid. p.IV.

37 Ibid. p.25.

38 Ibid. p.28.

39 Ibid. p.32-33.

40 Ibid., p.28-29.

41 Ibid., p.8-9.

42 Ibid., p.11.

43 Ibid., p.10.

44 Ibid., p.11.

45 Ibid., p.8.

46 Ibid., p.11-12.

47 Fr.Bray. Op.cit., p.39.

48 Ibid., p.119.

49 Ibid., p.26.

50 Ibid., p.26-27.

51 Ibid. P.32 a.o.

52 Ibid.

53 Ibid. P.47, 48 a.o. p.57.

54 Ibid.

55 Ibid. P.48-49. p.69.

56 Ibid. P.51.

57 Ibid.

58 Ibid. P.25-26. P.115.

59 . Fr.Bray. Op.cit, p.111.

60 Ibid., p.16.

61 Ibid., p.128.

62 Ibid., p.89.

63 Ibid, p.12. .
64 Ibid., p.82-83.

6 Ibid., p.74.
66 Ibid., p.10,

67 p.94.

69 Ibid., p.23,

70 Fr.Bray. Op.cit., p.36.

71 Ibid., p.17-18.

72 Ibid., p.90.

73 Ibid., p.17.

74 Ibid., p.94.

75 Ibid., p.19-20.

76 Ibid., p.99.

77 Ibid., p.216.

78 Ibid., p.191.

79 Ibid., p.214.

80 Ibid., p.172.

81 Fr.Bray. Op.cit., p.170.

82 Ibid., p.172.

83 Ibid., p.140-141.

84 Ibid., p.141-142.

85 Ibid., p.149-150.

86 P.157.

87 Ibid., p.172 в предисловии к немецкому переводу книги Брея.

В. П. ВОЛГИН

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.

М.: Наука. 1976

Vive Liberta, 2010

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В АНГЛИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 1830-х-1840-х ГОДОВ *

При изложении развития Социалистической мысли в XIX в. совершенно невозможно ограничиваться характеристикой лишь ее наиболее видных представителей, оставивших нам законченные теоретические работы. Нельзя игнорировать тот факт, что отдельные положения, отдельные формулировки, включенные впоследствии в ту или иную социалистическую систему, иногда впервые появлялись не на страницах более или менее обстоятельных исследований, а в периодической прессе, в публицистических статьях. Влияние публицистики на массы бесспорно, она обычно воздействует гораздо шире, чем труды научного характера. Но роль публицистики в общем идеологическом развитии зачастую не находит должной оценки. Между тем общественная мысль движется не только по большим дорогам, но и по скромным проселкам. В частности, эволюцию социалистических идей в первой половине XIX в. не всегда можно понять должным образом, исходя только из литературного наследия, оставленного великими и

малыми утопистами. В дальнейшем развитии социализма как теории немалую роль сыграли малоизвестные, а иногда и вовсе неизвестные деятели социалистической и рабочей прессы.

I

Англия 30-х и 40-х годов XIX в. была страной наиболее развитого и наиболее передового рабочего движения. Это рабочее движение приобретало своеобразные и интересные организационные формы. Оно имело свою прессу - весьма значительное число журналов, ставивших своей специальной задачей удовлетворение интересов рабочих. К рассмотрению этих организационных форм рабочего движения и тех идей, какие пропагандировались в английской рабочей публицистике начала XIX в., мы теперь и перейдем.

К 20-м годам XIX в. английский рабочий класс очень далеко продвинулся вперед по сравнению с концом XVIII в. в смысле своего классового самосознания и организованности. В 1824 г. под давлением нарастающего рабочего движения в Англии были отменены законы, запрещавшие рабочие организации. С конца 20-х годов идет быстрым темпом рост профессиональных союзов. Рабочие союзы отнюдь не ограничиваются в этот период чисто профессиональными функциями. Классовая борьба сама собой подводит рабочие организации к постановке политических проблем.

Какие же политические проблемы ставятся рабочими организациями? Нужно иметь в виду, что конец 20-х и начало 30-х годов XIX в. - это период борьбы английской буржуазии за расширение избирательного права. До избирательной реформы 1832 г. власть в английском парламенте принадлежала небольшой, весьма тесно сплоченной олигархической группе представителей крупного землевладения и высших слоев преимущественно торгового капитала. Новая промышленная буржуазия была в значительной части отстранена от участия в парламентской жизни, лишена возможности влиять на направление деятельности этого основного органа государственной власти. И понятно, что воодушевленные своими экономическими успехами промышленники не могли более мириться с политическим порядком, сохранившимся по наследству от эпохи до промышленного переворота.

Само собой разумеется, что борьба средних классов, как тогда выражались в Англии, с высшими классами за политическую реформу не могла в той или иной мере не отразиться на росте политических интересов пролетариата, с конца XVIII в. уже не раз выступавшего в качестве действенной силы на политической арене. Средние классы были заинтересованы в том, чтобы мобилизовать пролетариат, представлявший крупную и в значительной степени организованную силу, на защиту требований избирательной реформы. И действительно, рабочий класс, по крайней мере его более сознательные верхи, был втянут в эту политическую борьбу и играл в ней в течение некоторого времени роль союзника буржуазии.

* Печатается по тексту 4-й главы кн.: В.П.Волгин. История социалистических идей, ч.2, вып.1. М.- Л., 1931. Не переиздавалась.

В ряде промышленных центров главная тяжесть борьбы падает на рабочих. Рабочие составляют основные кадры участников на митингах, во многих случаях они являются членами комитетов борьбы за избирательную реформу. В массе рабочего класса нет еще отчетливого сознания противоположности политических интересов пролетариата интересам средних классов, с которыми он вместе идет на борьбу против правящей олигархии, нет сознания необходимости собственной классовой политической линии. Можно лишь отметить, что требования рабочих группировок, борющихся за избирательную реформу, более радикальны и более определены, чем требования группировок чисто буржуазных. В рабочей прессе мы встречаем решительные протесты против умеренности тех проектов, которые выдвигаются буржуазией. Если и раздаются голоса в пользу самостоятельной политики рабочего класса, то они составляют не общее правило, а исключения. Но именно эти исключения и представляют для нас особый интерес.

Радикальные элементы рабочего движения были наиболее влиятельны и лучше всего организованы в Лондоне. Лондонские рабочие подверглись весьма сильному воздействию оуэновской пропаганды, но оуэновские идеи они соединяли с идеями политической реформы. В 1829 г. в Лондоне был основан союз для распространения кооперативных знаний. Связанный по своему происхождению с кооперативным движением, он фактически играл роль центра социалистической пропаганды. В союзе принимали участие будущие деятели чартистского движения Гетерингтон и Ловетт. Одновременно возник чисто политический союз «Общество радикальной реформы», основные кадры которого составляли лондонские передовые рабочие. Наконец в 1831 г. был создан «Национальный союз рабочих классов», сочетавший в своей программе политический радикализм с социализмом Оуэна и его школы. Мы видим в этой программе и требование полного продукта труда для рабочих, и чисто рационалистическую надежду на распространение просвещения и знаний. Но наряду с этим мы встречаем тут же и идею необходимости парламентской реформы: всеобщего избирательного права, ежегодных выборов, тайного голосования и т.п. Причину всех бедствий рабочих программа видит в нарушении естественных прав человека.

Внутренне несогласованная программа «Национального союза» теоретического интереса не представляет. Но в среде наиболее сознательных рабочих, тяготеющих к союзу, зреют в этот период новые идеи - идеи классовой борьбы. И наиболее последовательные сторонники этих идей делают уже из них выводы о необходимости разрыва со средними классами в области политической.

В тесной связи с союзом для распространения кооперативных знаний, а затем и «Национальным союзом» был орган, издававшийся Гетерингтоном и носивший название «Защитник бедняка». Редактором этого органа был О'Брайен, игравший впоследствии крупную роль в чартистском движении. «Защитник бедняка» занимал резко враждебную позицию по отношению к буржуазному проекту реформы. Его редакция была настроена революционно, не раз высказывалась за насильственные

меры борьбы, но в то же время стояла за сохранение политического союза с буржуазией. Однако через статьи и корреспонденции «Защитника бедняка» имели возможность выявить свою точку зрения и сторонники иных взглядов. Авторы этих статей нам неизвестны, ибо статьи появлялись неподписанными. Но мы находим в них ряд идей, которых не встречали ни у одного из теоретиков английского социализма начала XIX в.

В одной из статей, напечатанных в начале 1831 г., автор защищает ту мысль, что рабочие должны быть представлены в законодательном собрании рабочими же. Если представители принадлежат не к тому классу, к какому принадлежат их избиратели, то представительство превращается в жалкую комедию. Конечно, грабители заинтересованы в том, чтобы народ вручал свою судьбу вору. Но с точки зрения интересов народа это чистейшая бессмыслица. Народ будет действительно представлен лишь тогда, когда палата общин будет заполнена рабочими. Пока в ней сидят люди, которые живут прибылью в той или иной ее форме, ни будут всегда составлять законы так, чтобы прибыль росла, а заработная плата падала. Нужно такое законодательное собрание, в котором народ будет решающей силой, и тогда лишь он сумеет бороться с жадностью капитала. Закрывать глаза на противоречие интересов различных классов может только либо идиот, либо обманщик. Автор не верит в возможность улучшения положения рабочих путем кооперации, так как, по его мнению, обусловливаемое кооперацией понижение цен на предметы потребления рабочих вызовет соответственное понижение заработной платы. Таким образом, вся выгода от кооперации достанется капиталистам. Большее значение он придает тред-юнионам, но главным образом как политической силе. Тред-юнионы могут сыграть большую роль, если только они останутся вполне самостоятельными рабочими организациями, если они не будут доверять руководство нерабочим.

Идея непримиримости классовых интересов сформулирована в изложенной статье с необычайной для того времени четкостью. Из этой идеи делается еще более необычный вывод: рабочие не должны доверять представительство своих интересов ни в парламенте, ни в своих организациях никому, кроме рабочих. Здесь звучит нота недоверия не только к средним классам, но и к тем интеллигентам, вроде Гетерингтона, которые стремились отдать силы делу рабочего класса. Рабочие могут выслушивать их советы, но вести борьбу за свои экономические и политические интересы они должны совершенно самостоятельно. Остается неясным, что противопоставляет автор буржуазным проектам избирательной реформы, согласен ли он с платформой всеобщего избирательного права, которую отстаивал «Защитник бедняка». Ответ на этот вопрос, правда, не очень отчетливый, мы находим в другой статье, по-видимому, принадлежащей перу того же лица.

Исходя из той же предпосылки противоречия классовых интересов, автор второй статьи доказывает, что проект реформы, выдвинутый буржуазией, ухудшит положение пролетариата. Проект дает избирательные права предпринимателям и отказывает в них рабочим.

Землевладельцы, торговцы и промышленники одни будут иметь привилегию издавать законы. Если это осуществится, цены на съестные припасы подымутся, а заработная плата упадет. Говорят, что в Англии сто гнилых местечек. После принятия проекта вся Англия превратится в гнилое местечко. В основу реформы, которая действительно отвечала бы интересам народа, должен быть положен, по мнению автора, такой принцип: народ, производящий хозяйственные блага, должен также один иметь право издавать законы. Это положение является, видимо, политическим выводом из принимаемого всеми английскими социалистами начала XIX в. экономического закона, согласно которому труд есть единственный источник богатства. Здесь в не вполне отчетливой форме несомненно содержится идея избирательного права трудящихся - идея, которую в конце XVIII в. защищали бабуисты и которая была затем надолго забыта. Если политические полноправными должны быть люди, производящие хозяйственные блага, то, очевидно, представители других классов политических прав лишаются.

Мысль о необходимости самостоятельной рабочей политики и самостоятельной рабочей политической организации не была чужда и некоторым провинциальным деятелям рабочего движения. Любопытное выражение этой мысли мы находим у вождя ланкаширских текстильных рабочих Догерти. Ланкашир к этому времени приобрел уже значение крупнейшего района хлопчатобумажной промышленности. В 1831 г. там была уже собственная рабочая газета «Голос народа». Политическая платформа этого органа - платформа обычного политического радикализма того времени. Но именно в «Голосе народа» появилась статья Догерти, в которой впервые намечены организационные контуры самостоятельной политической партии пролетариата. Догерти выдвигает мысль об объединении тред-юнионов в национальную ассоциацию с задачами чисто политическими. Эта ассоциация, опираясь на организации профессиональные как на свои основные ячейки, должна руководить всеми действиями рабочего класса, направленными к его освобождению, в том числе и парламентской борьбой. Мысль Догерти интересна не только сама по себе: она замечательна еще и тем, что предвосхищает принцип построения современной английской рабочей партии.

В том же 1831 г. появился памфлет Бенбоу «Великий национальный праздник и конгресс производительных классов». Бенбоу - сапожник по профессии, затем издатель и владелец кофейни, был очень известным агитатором своего времени. Памфлет его проникнут тем же настроением, какое отличает рассмотренные нами статьи в «Защитнике бедняка» и план Догерти. Но в отличие от Догерти, ищущего для самостоятельной политической борьбы рабочего класса определенных организационных форм, Бенбоу ставит проблему тактики, соответствующей интересам и возможностям пролетариата. Размышляя над ней, он приходит к идее всеобщей забастовки.

Теоретические предпосылки рассуждения Бенбоу не представляют ничего нового и оригинального. Труд народных масс - единственный источник богатства. Народ - основа всей мощи государства, но

созидаемыми им богатствами и государственной властью пользуются угнетатели народа. Это противоречие является результатом невежества народа и отсутствия единства в его среде. Но из положений, которые признал бы и Оуэн, Бенбоу делает выводы, весьма далекие от просветительства утопистов. Рабочие, которые все производят, сами должны освободить себя - нелепо рассчитывать на помощь угнетателей. Когда рабочие поймут это, они победят. Как будто для того, чтобы рабочие поняли изложенные истины, и предлагает Бенбоу объявить «великий национальный праздник», прекратив работу на месяц. Единовременное прекращение работы уже само по себе будет иметь громадное значение, ибо оно даст рабочим осознание своей коллективной силы. Но этого мало: отдых должен быть использован для просвещения рабочих самым широким образом. Месяц праздника должен быть месяцем рабочих конгрессов, которые найдут свое завершение в общенациональном конвенте.

Здесь мысль Бенбоу делает неожиданный поворот, и месяц пропаганды социальной революции превращается в месяц социальной революции. Задача национального конвента - разбить тиранию, чтобы затем преобразовать общество сверху донизу путем правильного распределения богатств. Бенбоу предполагает, не приводя веских доводов, что тирания не сможет долго сопротивляться солидарной воле трудящихся. Он советует, готовясь к конгрессу, заготовлять провизию только на неделю. Больше «праздновать» не придется, ибо тираны поймут свое бессилие, и конвент сможет - очевидно, без дальнейшего сопротивления - приступить к общественному преобразованию. Характер этого преобразования у Бенбоу не вполне ясен. Перераспределение имущества должно производиться назначенными народом комитетами, которые позаботятся о том, чтобы вернуть народу имущество, принадлежащее ему по праву. Бенбоу подчеркивает, что действия народа будут основываться не только на силе, но и на праве. Но, по-видимому, он мечтает не о полной экспроприации, а лишь о частичной. О том, что последует за экспроприацией, в памфлете не говорится.

Несмотря на ряд весьма существенных недостатков произведения Бенбоу, не следует умалять его значения в развитии тактических идей социализма. Как раз эта сторона у теоретиков утопического социализма была наиболее слабой. В области тактики влияние утопического социализма на социалистическое рабочее движение могло быть лишь отрицательным. Памфлет Бенбоу - симптом того, что в передовом слое английского рабочего класса уже в начале 30-х годов XIX в. совершенно самостоятельно работала мысль над проблемами общественного преобразования. Высказанная Бенбоу идея всеобщей забастовки не раз обсуждалась в 30-х и 40-х годах в английских рабочих кругах. В течение некоторого времени она увлекала даже Оуэна - правда, не в качестве орудия общего социального переворота, а в качестве средства борьбы за сокращение рабочего дня.

II

Избирательная реформа 1832 г. вызвала в рядах пролетариата горькое разочарование в политике союза его со средними классами. Буржуазии удалось провести такой закон об избирательном праве, который вполне удовлетворял ее интересы и игнорировал интересы рабочего класса, поддерживавшего буржуазию в борьбе за избирательную реформу. Акт 1832 г. имел колоссальное воспитательное значение для английского рабочего класса. Понимание необходимости самостоятельной классовой организации рабочих, которое в конце 20-х годов отличало лишь наиболее передовых деятелей, теперь становится почти всеобщим. Неудача с избирательной реформой, обман, который не могли не видеть самые широкие слои рабочего класса, на время оттолкнули английский пролетариат от борьбы за реформу парламента вообще. Как реакция на реформу 1832 г. среди рабочего класса, особенно в его руководящей верхушке, наряду с проектами Оуэна получают также распространение антипарламентские идеи, весьма близкие к современному синдикализму.

В конце 1832 г. Оуэн организовал «Институт для устранения невежества и бедности». С 1832 г. он начал издавать свой журнал «Кризис». «Институт» привлёк довольно значительные кадры рабочих и приступил, согласно планам Оуэна, к организации меновых базаров. Быстро росла сеть кооперативов. В то же время шла интенсивная пропаганда оуэнизма в рядах тред-юнионов. В 1833 г. К идеям Оуэна примкнул союз строителей и начал выходить его еженедельный орган «Пионер». Наконец в том же году в Лондоне Вобрался конгресс кооперативов и тред-юнионов, проходивший целиком под знаком отрицания парламентской борьбы и принявший оуэновский план общественного преобразования путем объединенного действия тред-юнионов, меновых базаров и кооперативов.

Однако победа Оуэна была лишь кажущейся. Ему была совершенно чужда идея классовой борьбы. Но вытравить классовую борьбу из реальной повседневной деятельности организаций рабочего класса не было никакой возможности. Увлекаясь организацией меновых базаров и кооперативов, английские рабочие в то же время не могли отказаться от борьбы за улучшение своего положения на тех предприятиях, где они работали. Именно вслед за конгрессом, укрепившим самосознание пролетариата, последовала полоса ожесточенной классовой борьбы. Начинается целая цепь забастовок, вызывающих панику в правящих кругах и большое разочарование у Оуэна, который видит в этом явное

противоречие своему плану. В рабочем классе чувствуется большой подъем. Число рабочих, организованных в тред-юнионы, быстро растет. «Если организация пойдет и дальше так,- пишет один корреспондент в «Защитнике бедняка», - то с классовым разделением будет покончено и производительный класс не позволит более непроизводительному нарушать естественное право и справедливость и присваивать себе богатства, созданные рабочими». Забастовочное движение носит само по себе раздробленный характер, стачки преследуют частные цели; однако одновременно и в связи с ними складывается своеобразная система идей, отличающаяся радикально от оуэновской тем, что в основе ее лежит принцип классовой борьбы. Идея всеобщей забастовки, как средства этой борьбы, как средства ниспровержения существующего строя усиленно обсуждается. В ней видят как бы универсализацию, применение к общим целям того метода, который представляется специфическим рабочим методом борьбы в отдельных столкновениях труда с капиталом. В связи с этим и отдельные стачки начинают рассматривать не только с точки зрения их непосредственных результатов, но и с точки зрения развития общей классовой борьбы. Не может быть проигранных рабочих стачек, ибо каждая стачка пробуждает сознание новых слоев рабочих и обостряет классовый антагонизм. А как только рабочие придут к осознанию своего положения, последний час капитализма пробил.

Руководящие группы рабочего класса не очень склонны верить в утопию Оуэна о мирном вращении в социалистический строй. Чувствуется потребность в какой-то новой теории, более соответствующей жизненной практике и настроениям пролетариата. И такая теория, пытающаяся по-новому осветить весь комплекс вопросов, связанных с социальным переворотом, постепенно складывается. Ее пропагандистами являются редактор «Пионера» Моррисон и редактор «Кризиса» Смит. Моррисона и Смита объединяло с Оуэном лишь отрицательное отношение к «политикам», к сторонникам борьбы за парламентскую реформу. «Кризис» и «Пионер» вели горячую полемику с «Защитником бедняка», оставшимся на прежних позициях и доказывавшим необходимость всеобщего избирательного права для успеха дела рабочих. Но взгляды, которые высказывались в этой полемике Моррисоном и Смитом, были в сущности совершенно непримиримы со взглядами Оуэна.

Смит решительно отмечает то положение «политиков», согласно которому политическая реформа является предпосылкой социальной. Он против высокой оценки участия рабочих в чисто политических организациях и в парламенте. Рабочие должны заниматься собственными делами; таким способом они вернее могут направлять действия правительства. Политическая свобода без свободы социальной для рабочих невозможна. В условиях экономического рабства политические права рабочих пошли бы на пользу угнетателям, которые заставили бы рабочих служить целям своих партийных группировок. Для того чтобы стать свободными, рабочие должны сделаться экономической силой в обществе. Эту экономическую силу дает рабочим тред-юнион.

** В 1832 г. под давлением народных масс парламент утвердил Билль о реформе. В соответствии с ним 56 так называемых «гнилых местечек», от которых депутаты фактически не избирались, а назначались земельными магнатами, лишились права посылать депутатов в парламент. Кроме того, было сокращено представительство от ряда мелких избирательных округов. Освободившиеся места (примерно 1/5 всех мест в парламенте) были распределены главным образом между городами и сельскими округами. Это явилось победой промышленной буржуазии, которая тем самым была признана господствующим классом и в политическом отношении.

Тред-юнион со свойственными ему методами борьбы является, таким образом, орудием освобождения рабочих, единственно реальным, единственно действенным. Моррисон развивает эту мысль дальше. В его представлениях тред-юнион - как бы ячейка будущего общества рабочих, призванная вытеснить существующие в буржуазном обществе органы власти. Возрастающая мощь тред-юнионов должна подчинить себе в конце концов все экономические интересы страны. Будущее представляется Моррисону как диктатура тред-юнионов. Тогда рабочие получают и всеобщее избирательное право: ведь каждый рабочий - равноправный член тред-юниона и, следовательно, равноправный избиратель. Верховным органом управления явится не парламент, а палата тред-юнионов, которая станет руководить всей хозяйственной жизнью страны. Политической власти в сущности не будет, так как ее поглотит всеобщая хозяйственная организация трудового народа.

Революционный тред-юнионизм Моррисона и Смита с их учением о классовой борьбе и о диктатуре был несомненно шагом вперед как по отношению к политическому радикализму «Защитника бедняка», так и по отношению к оуэновскому утопизму. Ошибочной, однако, являлась чрезмерно низкая оценка силы сопротивления политического аппарата капиталистического государства и политических методов борьбы пролетариата. Эта неправильная оценка была связана с преувеличенно оптимистическим представлением о мощи тред-юнионистского движения и революционных перспективах его развития. Жизнь уже очень скоро показала слабость молодого английского тред-юнионизма и неприспособленность его аппарата для достижения поставленных перед ним грандиозных целей в условиях буржуазной диктатуры. А дальнейшая история профессионального движения обнаружила и другую погрешность в рассуждениях революционных тред-юнионистов: линия развития профессиональных союзов, лишенных руководства со стороны классовой политической организации пролетариата, оказалась весьма непохожей на ту, которую рисовали Моррисон и Смит.

Высшего пункта своего развития движение революционного тред-юнионизма достигло в момент образования единого Национального союза производств. На учредительном конгрессе союза была принята программа, отражающая еще в значительной степени влияние Оуэна. Мы находим в ней и требование аренды тред-юнионами земли для организации колоний безработных, и требование устройства тред-юнионами производственных и потребительских кооперативов. Но своим органом конгресс объявил «Пионер» Моррисона. Организация Национального союза оказалась преждевременной, непосильной для движения при тогдашнем его состоянии. Союз опирался на недостаточно развитые и недостаточно объединенные тред-юнионы; у него отсутствовало основное условие для плодотворной деятельности - достаточные финансовые средства. У отдельных тред-юнионов не было навыка к сплоченной работе по единому плану. Наконец, организация разрывалась внутренними противоречиями между сторонниками революционно-классовой точки зрения и сторонниками оуэновской программы мирного строительства, объединявшей по преимуществу

ремесленных рабочих. В этом заключался источник непрерывных споров и внутренних конфликтов. Не удивительно, что лишенный внутреннего единства союз распался, не просуществовав и года. На конференции в августе 1834 г. Оуэн настоял на ликвидации союза, совершенно его разочаровавшего, и на организации вместо него общества пропаганды. Правда, противники Оуэна пытались еще в течение некоторого времени продлить жизнь союза и выпустили в сентябре номер его официального органа, но это была попытка совершенно безнадежная. К концу 1834 г. союза уже не существовало.

Сентябрьский номер союзного органа заслуживает большого внимания со стороны историка. Мы находим в передовой статье этого номера изложение весьма своеобразного теоретического построения, совершенно нового для английской социалистической мысли. В статье чувствуется влияние немецкой философии и сенсимонизма. Судя по этим признакам, можно предполагать, что она написана Смитом, одно время увлекавшимся сен-симонизмом и знакомым с немецкой философией. Первое, что бросается в глаза при чтении этого произведения, - историческая точка зрения автора. Мы не находим здесь обычных для школы Оуэна рассуждений, отталкивающихся от естественного порядка. В основе лежит идея общественного развития, идея неизбежной смены общественных форм в истории человечества. Все в природе находится в движении, все изменяется. Изменяются органические существа, беспрерывно переходящие из одной формы в другую. Точно так же и человеческое общество находится в постоянном процессе преобразования. С изменением общества меняются и идеи. Между тем законы и правила, созданные для уже исчезнувших условий, оказываются более косными. Это несоответствие вызывает стремление к радикальному изменению законов. Обязанность разумного правительства - следить за изменением идей и потребностей и своевременно изменять законы. Настоящая эпоха, по мнению автора статьи, является именно такой эпохой перехода от старого строя, от старой системы, экономической и политической, к новой.

«Пробивает себе путь новая система труда, новый промышленный строй - и борьба между классами представляет собой положительные признаки нарождающегося социального порядка». В классовой борьбе автор видит исторически неизбежное, не зависящее от человеческой воли явление. Через борьбу людей действует закон развития общества, и эта борьба необходима для человечества. Борьба сопряжена со страданиями, рабочие делают в ходе ее ряд ошибок, но на этих страданиях и ошибках они учатся.

Исторический взгляд на общество, представление о будущем общественном строе как о необходимом результате предшествующего развития, признание борьбы классов в качестве условия и признака смены одного общественного порядка другим, - все это заставляет очень высоко оценивать глубину мысли и самостоятельность автора статьи, сумевшего освободиться под влиянием классовой борьбы пролетариата от старых, но очень прочно укоренившихся предрассудков рационалистического социализма. Конечно, в статье содержится только

набросок теоретического построения. Отношение автора к ряду весьма существенных проблем остается неясным. В частности, у него нет четкого ответа на вопрос о том, в чем же состоит сила, движущая общество вперед, обуславливающая возникновение новых идей. Однако склонность его решить этот вопрос в материалистическом смысле несомненна. Единственную причину распространения новых взглядов он видит в том, что старые идеи сковывают новую жизнь, старый путь стал тесен для материальных завоеваний современности.

III

Неудача революционного тред-юнионизма неспособна была надолго задержать развитие английского рабочего движения. Уже в 1836 г. мы видим новые попытки создания общеклассовой организации пролетариата на основе определенной политической платформы. В середине 1836 г. известный по оуэновскому союзу распространения кооперативных знаний Ловетт с группой единомышленников основывает Лондонскую ассоциацию рабочих. Лондонская ассоциация опиралась на ремесленных рабочих и частью на мелкую буржуазию и ставила целью политическую пропаганду в пользу новой парламентской реформы. Несколько позже на севере Англии, в пролетарских текстильных районах, началось движение против нового закона о бедных, вскоре также приобретшее политический характер. Новый закон, созданный реформированным парламентом, наносил весьма серьезный удар по материальным интересам рабочего класса. Он упразднял существовавшую с XVI в. систему приплаты из средств попечительств о бедных рабочих, получающим недостаточную заработную плату. Эта система являлась некоторым подспорьем для кустарей и пролетаризированного крестьянства, а в трудные времена кризисов - и для фабричных рабочих. Закон 1834 г. сохранял выдачу пособий только нетрудоспособным бедным; для способных к труду он учреждал «работные дома» с каторжным режимом. Само собой разумеется, что эта реформа не могла не вызвать в рабочих кругах возмущения против «либерального» парламента, избранного на основе нового избирательного закона 1832 г. Кульминационным пунктом возмущения рабочих достигло в 1837 г., когда закон о бедных стал впервые осуществляться.

Начиная с 1836 г. английская промышленность вступает в ряд трудных лет. Депрессия и последовавший за ней кризис надолго дезорганизовали профессиональные союзы, отняли у рабочих всякую надежду на улучшение их положения путем экономической борьбы. В связи с кризисом растет безработица. Настроение рабочих становится революционным. На этой почве и возникает то мощное политическое движение рабочего класса, которое носит в истории имя чартизма. В нашу задачу не входит изображение всех перипетий бурной истории этого движения, но совершенно необходимо уяснить, какими социальными идеями вдохновлялись его участники и какое идейное наследство оставил чартизм последующим поколениям борцов за социализм.

В чартистском движении, в составлявших его группировках можно констатировать наличие разных оттенков политической и социальной мысли. Квалифицированные и хорошо оплачиваемые рабочие Лондона и крупных старых центров, рабочие, занятые в предприятиях ремесленного типа, составляли правое крыло движения; во главе его стояли деятели Лондонской ассоциации. Фабричные рабочие севера, плохо оплачиваемые, остро переживающие последствия закона о бедных и промышленной депрессии, образовали левое крыло; лидером его был в течение ряда лет О'Коннор, примкнувший к рабочему движению ирландский радикал. Органом левого крыла была основанная в 1837 г. в Лидсе «Северная звезда», руководимая О'Коннором при участии О'Брайена, бывшего редактора «Защитника бедняка». Эти группировки можно считать основными в движении. Правое крыло стояло за конституционные методы действия и получило название «партии моральной силы»; левое крыло считало мирные средства недостаточными и составляло так называемую «партию физической силы». В различные моменты движения в нем выделяются и приобретают значение группы крайне правые, стоящие за тесный союз с буржуазией, и крайне левые, бунтарские. Отдельные представители правого и левого крыла иногда обнаруживали в тех или иных вопросах колебания. Поэтому дать общую, единую характеристику идеологии чартизма невозможно.

Первым официальным программным документом чартизма является хартия, составленная вождями Лондонской ассоциации и опубликованная 6 мая 1838 г. Хартию с воодушевлением приняли все рабочие политические организации. Текст этого основного документа движения поражает своим исключительно политическим характером. Здесь отчетливо сформулированы радикальные политические требования, не раз выдвигавшиеся в Англии с конца XVIII в. Эти политические требования таковы: всеобщее и равное избирательное право для всех мужчин, достигших 21 года, перераспределение избирательных округов в соответствии с численностью населения, тайное голосование, ежегодные выборы, вознаграждение народных представителей за участие в работе парламента. Социальных требований в хартии нет.

Мало отличается в этом отношении от хартии и национальная петиция, представленная чартистами в парламент в 1839 г. Правда, петиция содержит характеристику социального положения в Англии, но эта характеристика - весьма общая и классово не заостренная. В ней говорится о голоде рабочих и разорении промышленников, о плохой оплате труда и о бесприбыльности капитала. Столь же неопределенны и социальные пожелания петиции. У рабочего не должно отниматься справедливое вознаграждение за труд, у предпринимателя - его законная прибыль; должны быть отменены законы, удорожающие продукты питания и делающие деньги редкими, а труд дешевым. На редакции петиции очень отразилось влияние буржуазных попутчиков чартизма, поддерживавших движение в его первые годы. Если в ней и чувствуется слабый намек на идею «полного продукта труда», то эта идея дана в самой невыразительной форме «справедливого вознаграждения за труд», к тому же еще ослабленной упоминанием о «законной прибыли».

Содержательнее в социальном отношении была вторая петиция - 1842 г. Этот год был годом промышленного кризиса и в то же время годом наивысшего подъема чартистского движения и революционного настроения английского фабричного пролетариата. Это не могло не отразиться и на официальных заявлениях чартистов. Тем не менее и петиция 1842 г. не содержит отчетливой социальной программы. Большая часть документа посвящена политическим вопросам. Характеристика социальных условий Англии дается лишь как обоснование политической реформы, ибо «народные обиды», как выражаются авторы петиции, возникают, по их мнению, вследствие политического бесправия народа. Такое представление о связи между политикой и экономикой, конечно, недостаточно. И все же здесь сквозит мысль, которая была совершенно скрыта в предыдущих документах: политическая реформа необходима как средство, как предпосылка для социальных преобразований. Петиция указывает, какие «обиды» должны быть устранены: тяжелые налоги, низкая заработная плата, чрезмерный рабочий день, новый закон о бедных, монополии (среди последних - монополии на машины и на землю). Но какими путями должны быть устранены все эти беды, петиция не говорит. Это и понятно, ибо общепризнанной социальной программы у чартистов не было в 1842 г., как не было и в начале движения.

Отсутствие общей социальной программы не должно вводить в заблуждение. Несмотря на то, что ясных социальных требований в документах чартизма нет, чартизм отнюдь не являлся движением чисто политическим. Эту истину ярко сформулировал один из агитаторов чартистского движения еще в 1836 г.: «Вопрос о всеобщем избирательном праве есть в конечном счете вопрос ножа и вилки, вопрос о хлебе и сыре». Как ни различны были представления чартистов о способе разрешения социального кризиса, они стремились к политическому преобразованию, считая его необходимым предварительным условием для искоренения социальных зол.

Изменение системы избирательного права никем из деятелей чартистского движения не рассматривалось как самодовлеющая цель. Сравнительно небольшая группа рабочих, увлеченных оуэнистской пропагандой, по преимуществу квалифицированные рабочие ремесленного типа, видела спасение в коммунистическом плане Оуэна. Для нее введение всеобщего избирательного права было ступенью к организации коммунистических поселений. Эта группа составляла ничтожное меньшинство. Освободившись от аполитизма Оуэна, она сохранила его своеобразный филантропический утопизм, его веру в моральные методы преобразования рядов чартистов, несмотря на свой коммунизм, она стояла, с точки зрения тактики, на правом фланге - в соответствии с ее социальным положением. Наоборот, подавляющее большинство революционно настроенных промышленных рабочих новых фабрик и заводов было еще в весьма значительной мере проникнуто мелкобуржуазными предрассудками и симпатиями. Их пролетарское сознание находилось на весьма низкой ступени развития. Недавние крестьяне и кустари, они не освободились еще от мечты вернуться к

положению самостоятельных производителей. Эти настроения обусловили распространение в чартистской среде социальных проектов, с экономической точки зрения реакционных, проектов, которые можно назвать мелкобуржуазно-народническими.

Самым типичным образцом таких реакционных утопий, увлекавших чартистов, можно считать так называемый «земельный план» О'Коннора. В 1838 г. О'Коннор выдвинул проект, напоминающий аграрно-уравнилельные проекты конца XVIII в. Схема его очень проста: государство выкупает земли крупных помещиков, дробит их на участки размером по два акра, снабжает участки необходимым инвентарем и сажает на них миллион пролетариев. Для осуществления всей этой операции О'Коннор считал необходимым выпустить государственный займ в 100 млн. ф.ст. Принимая, что семья состоит в среднем из 7 человек, О'Коннор предполагал, что таким способом будет оттянуто на землю из рядов промышленного пролетариата 7 млн. человек. Это и само по себе представлялось ему благом, но сверх того сокращение армии пролетариата на несколько миллионов должно было уменьшить, если не вовсе устранить, безработицу и значительно повысить шансы оставшихся пролетариев на успех в их борьбе за улучшение материального положения.

В 1838 г. этот проект занимал второстепенное место в чартистской пропаганде. После провала обеих чартистских петиций, после ряда неудач движения, в 1845 г. О'Коннору удалось привлечь к своим планам большее внимание, и на некоторое время аграрная реформа оттеснила на задний план даже проблему парламентской реформы. Проект 1845 г. отличался от проекта 1838 г. в одном существенном отношении. В 1838 г. О'Коннор делал ставку на государственное вмешательство, которое представлялось ему в эту пору надежд на скорое осуществление хартии делом весьма близким. В 1845 г. он пропагандирует идею организации частного общества для покупки земли и ее колонизации пролетариями. Общество должно было состоять из пайщиков, вносящих по 2 ф. 10 шилл. каждый. На собранный капитал должна была быть приобретена земля. По расчетам О'Коннора, при 2 тыс. пайщиков можно было бы приобрести 120 акров, что при норме в 2 акра на семью давало 60 наделов. Наделы должны были распределяться по жребию между пайщиками, уплачивающими арендную плату по 5 ф. в год. На суммы, полученные путем залога земли, и на поступающую арендную плату О'Коннор думал приобрести новый участок и т.д. Таким образом, в течение четырех лет все пайщики должны были быть посажены на землю, превратиться в мелких крестьян-собственников.

Само собой разумеется, что план наделения земель рабочих на средства самих рабочих не исключал в представлении сторонников О'Коннора идеи государственного вмешательства. Наоборот, успех колоний должен был послужить стимулом к усилению борьбы за хартию, осуществление которой могло бы обеспечить проведение опыта при содействии государства в общенациональном масштабе. Частная земельная ассоциация О'Коннора имела по отношению к его проекту

1838 г. такое же значение, как коммуны Оуэна по отношению к его общему плану преобразования, - значение опыта, примера.

Хотя, как мы говорили, коммунизм, даже в его утопической оуэновской форме, был мало распространен среди участников движения, все же последовательно индивидуалистический план О'Коннора не мог не встретить возражений. Наиболее решительного и горячего противника план этот нашел в недавнем соратнике О'Коннора О'Брайене. О'Брайен был крупнейшим теоретиком чартизма в эпоху расцвета движения: его называли «школьным учителем» чартистов. Однако мы глубоко ошиблись бы, если бы предположили, что О'Брайен критиковал О'Коннора с коммунистической точки зрения. Взгляды О'Брайена на пути социального преобразования весьма неотчетливы и носили на себе также заметный отпечаток мелкобуржуазных симпатий и вкусов.

О'Брайен прошел школу оунизма и был прекрасно знаком с английской социальной литературой. Он знал также французских социальных мыслителей XVIII в.: между прочим, ему принадлежит английский перевод известной книги Буонарроти о Бабефе. Таким образом, его теоретическая подготовка была значительно выше, чем у большинства вождей чартизма. В конце 30-х годов XIX в. он защищал своеобразное сочетание оуэновских идей с идеями радикальной политической реформы: в избирательном праве он видел средство осуществления оуэновских коммунистических поселений. Эпоха чартизма - конец 30-х и начало 40-х годов - эпоха расцвета его сил и таланта. Однако подъем массового движения вовсе не способствовал уточнению взглядов О'Брайена на будущее общество - наоборот, в эти годы он проповедует систему, теоретически более слабую, во всяком случае менее последовательную, чем коммунизм Оуэна.

В 1834 г. О'Брайен в составленной им «Хартии прав человека» хотя и объявляет собственность священной, но в очень условном смысле. Собственность не должна быть насильственно уничтожаема. Нынешние собственники сохраняют свою собственность при общественном преобразовании, но О'Брайен все же предполагает, что настанет время, когда собственники осознают бесполезность своих прав и сами от них откажутся - видимо, с полным торжеством коммунистического принципа. В 1841 г. О'Брайен высказывается за неприкосновенность частной собственности уже без этих оговорок. Частная собственность создана для блага человечества, и лишь в силу испорченности людей она превратилась в его проклятие. О'Брайен отделяет эксплуатацию, являющуюся результатом злоупотреблений собственностью, от принципа собственности. С злоупотреблениями он считает нужным бороться, а принцип он берет под защиту. Он стремится к тому, чтобы «сделать приобретение собственности одинаково легким при помощи честных и законных средств» и затем дать всем одинаковую законную охрану этой собственности: тогда за собственность не придется более опасаться. Очевидно, О'Брайен стремится не к отмене частной собственности, а к более равномерному ее распределению.

Лишь один вид собственности О'Брайен отвергал на протяжении всей своей публицистической деятельности. Он стоял на той точке

зрения, что собственность может быть приобретена исключительно трудом. Следовательно, заключал он, - земля так же мало может по природе стать собственностью отдельного человека, как море, воздух или солнечный свет. Но если она не может стать собственностью по естественному праву, то остается предположить, что она признается собственностью по договору. Однако такового договора в действительности никогда не было. Исключительное владение землей есть просто узурпация, грабеж. Исходя из этих положений, О'Брайен приходит к идее национализации земли, которую он и противопоставляет мелкособственнической утопии О'Коннора.

Таким образом, О'Брайен в споре с О'Коннором стоит на более радикальной, но отнюдь не на коммунистической позиции. О'Брайен менее революционен в своем плане осуществления национализации, чем его непосредственный предшественник Спенс. Он против принудительного отчуждения земельной собственности. Собственники земли, по его проекту, могут сохранять за собою землю, если они не желают продать ее государству. Но продажа земли в другие руки не должна допускаться. Только государство имеет право покупать землю. По-видимому под влиянием сен-симонистов О'Брайен высказывается за отмену права наследования по отношению к земельной собственности. После смерти владельца его земля переходит к государству, которое, однако, выплачивает наследникам ее стоимость. Из образовавшегося таким образом земельного фонда государство снабжает землю нуждающихся в ней граждан на правах аренды, причем О'Брайен допускает и индивидуальную аренду, и коллективную. На каждого землевладельца должно отпущаться лишь столько земли, сколько он в состоянии обработать (трудовая норма). Земельная рента поступает целиком в пользу государства, которое не только выплачивает из нее выкупные суммы бывшим владельцам, но и покрывает все прочие свои расходы. Так О'Брайен от национализации земли приходит, подобно многим сторонникам этой идеи, к проекту единого налога.

Наряду с национализацией земли О'Брайен включил в свою программу социального преобразования оуэновский план реформы системы обращения. При этом оуэновские базары он превратил в общественные учреждения. Такие учреждения следует создать повсеместно, и через них должен происходить обмен. Ценность предназначенных для обмена продуктов определяют особые должностные лица; в качестве мерила ценности О'Брайен выдвигает труд или ценность хлеба. Металлические деньги в системе О'Брайена уничтожаются, их заменяют бумажные денежные знаки, выражающие определенную трудовую ценность.

Как видим, социальная программа О'Брайена направлена против крупного землевладения и торгового капитала. О'Брайен надеется, что предлагаемые им земельная и денежная реформы устранят наиболее вопиющие недостатки строя, основанного на частной собственности. Промышленный капитал затрагивается этими реформами лишь косвенно, проблема промышленного пролетариата разрешается совершенно утопически: очевидно, О'Брайен, как и О'Коннор, представлял, что часть

пролетариата вернется на землю, часть сможет восстановить свою хозяйственную самостоятельность вследствие изъятия механизма обмена из рук посредников-эксплуататоров, ибо в руках у народа окажутся политическая власть, земля, трудовые деньги и государственный кредит. Правда, О'Брайен конечным идеалом, осуществление которого относится к неопределенному будущему, считает коммунизм. Он утверждает, что освобожденный его реформами народ впоследствии убедится, какие выгоды дает объединение труда, и постепенно добровольно перейдет к кооперативному производству. Но этот безобидный социализм отдаленного будущего, противопоставляемый О'Брайеном «мечтательному социализму» Оуэна, не может скрыть мелкобуржуазного в своем существе характера его практической программы.

Следует подчеркнуть, что О'Брайен, несмотря на умеренность программы, не имел успеха в полемике с О'Коннором. Идея индивидуального крестьянского землевладения одержала победу над идеей национализации земли. Лишь после естественного провала О'Конноровской утопии, лишь после нового поражения чартизма в 1848 г. на поприще политической борьбы на конференции 1851 г. национализация земли была включена в программу.

В этот же последний период чартизма на одно из первых мест в движении выдвинулся Эрнст Джонс.

Взгляды, проповедуемые Джонсом, носят достаточно отчетливый социалистический характер. Джонс защищает «полное господство труда над капиталом». Он требует передачи всех орудий производства трудящимся при помощи организации кооперативного производства. Он против «монополии» как на землю, так и на средства труда. Борьбась с этой монополией он предлагает, подобно своим предшественникам из школы Оуэна, не путем экспроприации, а путем организации объединенной в национальном масштабе сети кооперативных предприятий. При широком развитии организуемой государством кооперации капиталисты должны исчезнуть, ибо рабочие пойдут, конечно, не к ним, а туда, где они сами будут хозяевами. Но для этой цели необходим в первую очередь переход политической власти к рабочим, т.е. хартия.

Взгляды Джонса нельзя считать характерными для чартизма. Среди вождей чартизма он стоит особняком. Нора его влияния относится к периоду, когда чартистское движение перестало быть движением массовым.

В общем можно констатировать, что в социалистическую систему представлений о будущем обществе чартизм не вносит никаких существенно новых черт. Значение чартизма в истории социализма лежит в другой области - в области методов борьбы и их социологического обоснования. Здесь это первое широкое политическое движение пролетариата оставило для будущих борцов за социализм богатое, до сих пор не вполне оцененное наследство. Английский пролетариат и его вожди неясно сознавали социальные цели движения, но выступление на поприще массовой борьбы за политическую власть во

имя этих, хотя бы и неотчетливых, социальных целей должно было неизбежно поставить ряд вопросов, которые были чужды социалистам-утопистам. Различные группировки чартизма отвечали на эти вопросы по-разному, впервые намечая те пути, по которым должна была неизбежно пойти социалистическая мысль в следующий период, когда дело социализма неразрывно слилось с рабочим движением.

IV

Избирательная реформа не являлась для чартистов самоцелью, хартия представлялась им средством для перехода власти к трудящимся. Чартистские вожди и публицисты были убеждены, что рабочий класс станет при системе всеобщего избирательного права настоящим распорядителем, настоящим хозяином в стране. Это представление связано, конечно, с наивным преувеличением значения политической формы, но оно тесно связано с системой идей, составлявшей крупный шаг вперед по сравнению с оуэнизмом. Оно основывалось на новом взгляде на общественные отношения первые проблески которого мы отметили еще в период, предшествующий чартизму. В эпоху чартизма впервые получает широкое распространение учение о классовом строении общества, о классовом характере государства и о классовой борьбе.

Наиболее яркое выражение нашли эти идеи у О'Брайена. Он проповедовал их уже с начала 1830-х годов, со времени своей работы в «Защитнике бедняка». О'Брайен, как уже говорилось, перевел на английский язык книгу Буонарроти. Его социальное мировоззрение в ряде точек соприкасается с бабувизмом. Как и бабувисты, О'Брайен занимает промежуточную позицию между теорией естественного права и теорией классовой борьбы, но все же он значительно ближе к последней, чем его французские учителя, - благодаря более развитым социальным отношениям современной ему Англии. Традиции теории естественного права сказываются у О'Брайена в стремлении обосновать социальную программу требованиями «природы» и «разума». Существующий строй он называет иногда искусственным и случайным. Но это наследие старого не мешает ему давать подчас изумительный по силе классовый анализ общества и последовательную, продуманную аргументацию в пользу тактики классовой борьбы.

Подобно Бабефу О'Брайен констатирует, что история человечества есть история «векового заговора» богатых всех стран в целях угнетения бедных. «Нищета бедных необходима для богатства богатых». Идет непрерывная война богатых против бедных, и все преступления и все суеверия человечества имеют своим источником эту «людоедскую» войну. Напрасно возлагать вину за ту или иную политическую систему на отдельных лиц, как неосновательно сводить грабительство капиталистов к их индивидуальным недостаткам. Поведение капиталистов определяется их положением в обществе. Политические деятели являются лишь «избранными орудиями» тех классов, дела которых они делают. Правители и министры обладают только той властью, которую их наделяет общество.

Подходя с этой точки зрения к характеристике современного ему английского общества, О'Брайен различает в нем «высшие классы», т.е. аристократию, «средние классы», т.е. буржуазию, и рабочий класс. Это деление у О'Брайена еще не вполне четко, в частности, в понятие рабочего класса входит у него в некоторых случаях не только пролетариат, но и другие категории «трудящихся». Однако оно все же дает возможность О'Брайену правильно поставить ряд существенных для рабочего класса политических проблем. Если правительство не свободно определять линию своего поведения, если его политика «заказывается» ему господствующими классами, то возникает вопрос, интересы каких классов выражает политика современного английского правительства? Иными словами, где проходит грань между правящими классами и классами угнетенными? Для О'Брайена вопрос не подлежит сомнению. Основное противоречие - противоречие между имущими и неимущими. Средние классы всегда объединяются с высшими для защиты собственности. Существующие законы, представляющие собою легализацию грабительства, одинаково выгодны и нужны для всех групп грабителей.

Ясно, что признание этих положений приводит с неизбежностью к крушению всех утопических надежд на осуществление общественного преобразования существующими правительствами. Логическим выводом из них должна быть необходимость для рабочего класса совершенно самостоятельной классовой позиции. Надежды на объединение реформаторов всех классов должны быть отброшены. В истории бывали случаи, когда средние классы призывали массы на помощь для достижения собственных целей, но, добившись своего, они всегда предавали бывших союзников и объединялись с врагами, чтобы вновь поработить народ. Так приходит О'Брайен к признанию единства высших и средних классов в их вражде по отношению к интересам рабочих. Разнообразие имеющихся среди эксплуататоров политических, религиозных и экономических группировок лишь вводит в заблуждение народ. Поэтому О'Брайен решительно выступает против прочного союза с какой-либо из буржуазных партий. Он заявляет, что из двух врагов - землевладельца и капиталиста, тори и виги - он больше ненавидит капиталиста. Но в качестве депутата он предпочитает виги, так как его господство приблизит тот момент, когда народ сможет освободиться от обоих.

Добиться своего освобождения народ может, таким образом, лишь собственными силами. О'Брайен не только регистрирует факт классовых противоречий, он видит в классовой борьбе единственный путь спасения для рабочего класса. Смешно рассчитывать, что на угнетателей можно подействовать аргументами справедливости и человеколюбия. Такие расчеты свидетельствуют о полном непонимании существующего общественного порядка. Никогда богатые не отрекались от своей власти во имя справедливости. Только сила может обратить их к гуманности. «Единственное счастье, которое они понимают, - это деньги, власть заставлять других работать на себя... Единственное средство смягчить их - это страх». Для того чтобы народ мог провести все, что ему нужно, в его

руках должна быть власть. Нужно правительство всего народа для защиты всего народа. Чтобы этого достигнуть, необходимо объединение угнетенных и борьба их против угнетателей за свое политическое освобождение.

Изложенные взгляды О'Брайена представляют значительный интерес и сами по себе. Еще важнее для нас то, что эти взгляды в эпоху чартизма имели весьма широкое распространение. Идеи противоречия классовых интересов и классовой борьбы мы находим в агитационной литературе и в речах чартистских ораторов как левого, так и правого крыла движения. Даже умернейший Ловетт знает, что рабочие только собственными усилиями могут добиться освобождения, что представители класса эксплуататоров никогда не окажутся способными защищать по-настоящему интересы рабочих. Конечно, классовая точка зрения не могла вытеснить сразу и без остатка из сознания деятелей чартистского движения старые идеалистические предрассудки. Отзвуков рационалистических представлений можно обнаружить в их выступлениях немало. Но все же надо признать бесспорным, что чартистское движение, революционно-классовое по своей объективной сущности, оставило грядущим поколениям борцов за дело рабочего класса значительное идейное наследие - революционно-классовое представление об обществе и путях его преобразования.

Теоретическое признание классовой борьбы отнюдь не может само по себе гарантировать четкого и последовательного проведения этого принципа на практике. По конкретным вопросам практики в чартистском движении было много разногласий. Основным, наиболее существенным надлежит считать, как мы уже говорили, разногласие по вопросу о применении физической силы. В споре по этому вопросу впервые отчетливо выявились две тенденции, боровшиеся в рабочем движении на протяжении всего XIX в.: революционная и оппортунистическая. Расхождение между правым и левым крылом движения обнаружилось с первых же шагов. Обе группировки признавали необходимой агитацию за хартию, организацию рабочих масс на платформе, возмещаемой хартией, подачу петиций и устройство демонстраций. Но правые считали, что применение одних лишь этих легальных форм давления на правящие классы должно привести к уступкам с их стороны, что угроза обратиться к более сильным, «физическим» средствам борьбы может лишь дискредитировать движение и оттолкнуть от него склонных к соглашению представителей буржуазии. Надежда на соглашение с буржуазно-радикальными группировками неизбежно вела к стремлению смягчить формы классовой борьбы, по возможности притупить ее острие. Правые решительно протестовали поэтому против всяких призывов к вооружению рабочих, против всяких намеков на подготовку действительно революционных выступлений. В области теории это неизбежно толкало правых назад, к старому утопизму.

Левые отнюдь не отрицали значения легальных способов борьбы, но они считали, что эти способы могут дать реальный эффект лишь в том случае, если правящие классы будут чувствовать готовность чартистов прибегнуть в случае надобности к физической силе, к способам,

выходящим за пределы легальности. Кроме того, они признавали вероятным, что правительство проявит упорство даже при наличии такой угрозы и что в таком случае рабочему классу действительно придется взяться за оружие. Отсюда следовало, что рабочие массы необходимо к этой перспективе готовить как путем агитации, так и рядом организационных мероприятий.

На чартистском конвенте 1839 г. большинство поддержало компромиссную формулу: «мирно, если можно, если нельзя - насильем». Формула не удовлетворила крайних левых, сторонников немедленного восстания. Первые считали недопустимым говорить о насильственных мерах при каких бы то ни было обстоятельствах. Вторые настаивали на подчинении всей деятельности чартистских организаций единой задаче подготовки вооруженной борьбы. Для нас представляют особый интерес крайние левые, впадавшие иногда в анархическое бунтарство, но в то же время наиболее последовательно отстаивавшие революционно-классовые позиции.

Во главе крайних стоял Гарни, и их органом был «Лондонский демократ». Группа Гарни выделилась из Лондонской ассоциации, недовольная умеренностью ее руководителей, сторонников «моральной силы», и образовала независимую демократическую ассоциацию. В области теории группа разделяла позицию О'Брайена, и ее теоретический манифест был напечатан в «Северной звезде» О'Коннора. Но в то время как О'Брайен и О'Коннор считали, что восстание без идейной и организационной подготовки обречено на неудачу, Гарни и другие сотрудники «Лондонского демократа» высказались так, как будто они были уверены, что народ готов подняться в любой момент и разогнать буржуазный парламент. Эта установка приводила их к недооценке организационного момента в движении, к ориентации на неорганизованные, наиболее обездоленные общественные низы. Их рассуждения зачастую предвосхищают анархическую аргументацию Бакунина. Так, «Лондонский демократ» утверждал, что победу движению принесут не организованные массы, а те, кто извергнут из общества жестокими законами, те, кого обычно именуют разбойниками, те у кого нет домашнего очага, нет средств, чтобы придать ценность жизни. Анархический уклон группы Гарни приходится рассматривать как отражение настроений низших слоев ремесленного пролетариата, не способных к планомерной борьбе, требующей выдержки и настойчивости, стоящих на той грани, где пролетариат смыкается с люмпен-пролетариатом.

Основная масса рабочего класса не была подготовлена к революционному перевороту - этим объясняется успех компромиссной формулы. Однако опыт каждого нового дня движения должен был все более убеждать чартистов в том, что первая часть формулы («мирно, если можно») наивна. С каждым днем становилось все более ясно, что на принятие чартистской петиции парламентом рассчитывать не приходится. С каждым днем приходили новые вести о подготовке правительства к репрессиям. Развитие событий заставляло уделять все больше внимания конкретизации тех мер, которые должны быть приняты в тот момент,

когда мирные средства окажутся исчерпанными. Попытка наметить такие крайние меры была сделана конвентом в особом манифесте. Манифест, очевидно, пытается учесть все серьезные предложения, делавшиеся по этому вопросу, и с нашей точки зрения представляет документ исключительно интересный.

Конвент исходит в своем воззвании к массам из той предпосылки, что привилегированные классы не пойдут на уступки. Личина конституционной свободы сброшена, деспотизм встает перед народом в неприкрытом виде. И виги и тори обнаруживают одинаковую решимость удержать власть какой бы то ни было ценой. Конституционные права нарушаются, из рядов борцов за дело народа вырывается одна жертва за другой. Можно уже предвидеть, что законные требования народа (т.е. петиция, поданная в парламент) будут отклонены. Однако конвент из такой характеристики политического положения не делает того, казалось бы, само собой разумеющегося вывода, что настала пора прибегнуть к «крайним мерам». Наоборот, он призывает массы не поддаваться на провокации врага, который может воспользоваться каким-либо проявлением «нетерпения и пыла», чтобы потопить движение в крови. Чартисты не должны начинать конфликта первыми. Они должны оставаться на мирном пути, предоставив правительству наступать. Но если против масс начнется поход, они должны дать отпор - и тогда «одним коротким актом борьбы власть будет сокрушена».

Так довольно извилистыми путями манифест все же приходит к проблеме насилия. Очевидно, руководящему органу движения нельзя ограничиться обещанием, что борьба будет решена «коротким актом». Необходимо указать, в чем этот акт будет состоять. Конвент решает на это не в форме положительных директив, а лишь в форме ряда вопросов, ответа на которые он ждет от востума предстоящих митингов. При этом он считает нужным еще и еще раз подчеркнуть свое «квдвойне усердное стремление достигнуть своих целей без кровопролития и нарушения закона». Лишь после этой новой оговорки воззвание спрашивает, готовы ли массы пойти на перечисляемые далее «крайние меры».

В чем же они состоят? Список вопросов, заключающихся в воззвании, отличается крайней пестротой. Среди них мы находим, например, такие, как вопрос о бойкоте враждебных движению газет. Лишь пять вопросов имеют существенное значение. Конвент считает нужным поставить на голосование в народных собраниях и организациях: 1) изъятие вкладов из сберегательных касс и банков и предъявление бумажных денег к обмену на золото и серебро; 2) отказ от взноса квартирной платы и налогов; 3) избрание во время ближайших выборов в парламент своих кандидатов на народных собраниях с тем, чтобы избранные в назначенный день сформировали истинное народное представительство; 4) всеобщую забастовку на срок в один месяц; 5) приобретение оружия для защиты народных прав и вольностей. Все эти предположения никак одно с другим не увязаны, идея революционного восстания несомненно имеется, но в форме, которая стремится и восстание истолковать как акт легальной обороны.

Совершенно ясно, что воззвание носит отпечаток своеобразного и вредного для дела соглашения «партии физической силы» с «партией моральной силы». Этим объясняется прежде всего самая форма воззвания, ничего не рекомендующего от имени конвента и перечисляющего в виде вопросов несогласованную группу мероприятий - от всеобщей стачки до бойкота газет или отказа от спиртных напитков. Этим объясняется загромождение воззвания несущественными мелочами. Этим объясняется его общая «оборонческая» позиция. Не удивительно, что воззвание подверглось резкой критике со стороны Гарни, несмотря на то, что в текст было включено предложение, им всегда выдвигавшееся: о выборе народом на собраниях истинных народных представителей, которые должны противопоставить себя парламенту, избранному на основе существующего закона. Гарни доказывал, что и этот план, и план всеобщей стачки могут иметь значение истинно революционных планов лишь в том случае, если они связаны с готовностью к вооруженному восстанию. Само по себе ни то, ни другое не способно повести к капитуляции противника, обладающего достаточной вооруженной силой. С другой стороны, Гарни высмеивал идею изъятия вкладов, доказывая не без основания, что рабочие не имеют текущих счетов и вряд ли смогут таким путем вызвать серьезные затруднения для государства.

Несмотря на эти бесспорные недостатки чартистского манифеста, он все же - пусть неотчетливо - формулировал ряд идей, представляющих шаг вперед в понимании революционного процесса. В этом его историческое значение.

Ни одному из предложений конвента не было суждено осуществиться. Манифест оказался прав в своем предсказании. Парламент подавляющим большинством отклонил чартистскую петицию, а правительство приступило к самым решительным репрессиям. Всеобщая забастовка не осуществилась, вооруженного восстания не произошло. Пролетариат оказался не подготовленным к социальной революции ни идейно, ни организационно. После этого поражения чартизм переживает в 1840 и 1841 гг. период некоторого упадка, однако движение не замирает окончательно, в поредевших рядах чартистов идет идейная и организационная работа. Чартизм как бы накапливает силы для новой борьбы. Именно в этот период в 1840 г. чартизм оформляется как политическая партия (Национальная чартистская ассоциация) с партийной кассой, с центральным комитетом, ячейками (коллегиями) и местными советами. Организация ассоциации носила централистский характер. По существу это была первая попытка построения рабочей партии. Однако следует отметить, что ее пролетарский характер не отразился на ее уставе. Ячейки ассоциации не были связаны ни с предприятиями, ни с другими рабочими организациями. Мысль о построении партии на базе тред-юнионов была высказана во время дискуссии об уставе, но не нашла себе поддержки.

В те же годы в среде чартистов происходили весьма знаменательные споры об избирательной тактике и об отношении к буржуазным партиям. Вопрос об избирательной тактике разделил

чартистов по той же линии, что и вопрос о «физической силе». Предстоящие выборы и хозяйственные затруднения, предвестники надвигающегося кризиса, - все это толкало некоторые группы либералов на путь заигрывания с чартизмом. Эта тенденция находит отклик в настроениях людей «моральной силы», в самом чартизме. Потрясения и неудачи 1839 г. толкнули эту группу еще дальше вправо. Потеряв надежду на успех самостоятельной рабочей политики, вожди этой группы предлагали чартистам в избирательной кампании поддерживать либеральные кандидатуры, при условии обязательства кандидатов голосовать в парламенте за хартию. На диаметрально противоположной точке зрения стоял О'Коннор. Несмотря на ряд оговорок, которые он делал относительно желательности выставять собственных кандидатов, даже если они и не имеют шансов пройти при баллотировке, главную цель О'Коннор видел в том, чтобы «вымести вон вигов». «Долой кровавых, подлых вигов!» - таков был лозунг, брошенный «Северной звездой». Этот лозунг нашел горячий отклик в рядах чартистов. Представители землевладения казались чартистам менее опасными врагами, чем представители буржуазии. Во всяком случае они были менее ненавистны, чем виги, руководители антирабочей и античартистской политики последних лет.

Особую позицию, значительно более последовательную с точки зрения принципа классовой борьбы, занял в споре О'Брайен. Он категорически высказался против содействия, хотя бы косвенного, победе тори. Это недопустимо, ибо тори - партия откровенно реакционная, враждебная всему демократическому. Но столь же недопустима ориентация на поддержку вигов: виги, как партия буржуазии, не могут дать рабочему классу ничего хорошего, так как интересы буржуазии и пролетариата противоположны. Главная задача чартистов во время выборов - агитационная. Поэтому на первой стадии избирательной борьбы, на широких народных собраниях, в которых могут участвовать все граждане, должны всегда выдвигаться самостоятельные чартистские кандидаты. Кандидаты должны произнести избирательную речь и призвать собравшихся подать голос путем поднятия рук. После этого необходимо принять резолюцию, в которой заявляется, что истинным своим представителем собравшиеся признают избранного ими кандидата, а результаты последующей баллотировки в узком кругу пользующихся избирательными правами они считают недействительными. Там, где чартисты не имеют значительного числа избирательных голосов, этим их участие и ограничивается. Там же, где они могут своими голосами дать перевес той или другой партии, они отдают голоса той из них (безразлично - тори или вигам), которая дает обязательство провести за это некоторых чартистских кандидатов.

Тактика О'Брайена не была принята чартистами. Подавляющее большинство пошло за О'Коннором, более простой план которого в то же время больше отвечал настроениям момента. Естественным выводом было голосование за тори. Большого практического значения это не имело, ибо среди чартистов было не так много людей, обладавших избирательным правом. Но, конечно, тактика голосования за

реакционеров столь же мало могла содействовать развитию классового самосознания пролетариата, как и противоположная ей тактика соглашения с вигами. Дискуссия об избирательной кампании свидетельствует о том, что из правильных теоретических предпосылок - принципа классовой независимости движения - большинство чартистов, поддаваясь временным импульсам, не всегда оказывалось способным сделать соответственные выводы в области практической политики. Их историческая заслуга все же очень велика, а их ошибки понятны. Им пришлось в этих вопросах впервые проторять те пути, по которым впоследствии шла мысль рабочих и социалистических партий других стран.

В период упадка движения 1840-1841 гг. вопрос о «крайних мерах», о применении «физической силы» на время оказался снят с повестки дня. Ловетт и его лондонские друзья начали усиленно пропагандировать мирное культурничество, выдвинули на первый план задачи умственного и нравственного просвещения рабочего класса. Правда, это ликвидаторство вызвало жестокий отпор со стороны О'Коннора и левых. Однако и в уставе Национальной чартистской ассоциации, составленном левыми, подчеркивается, что ассоциация применяет для достижения своих целей «только мирные и конституционные средства». Обстоятельства складывались так, что выпячивать революционные методы действия было нецелесообразно. Но в 1842 г. движение вновь переживает подъем, еще более высокий, чем в 1839 г., и вопрос о революционной тактике приобретает прежнюю актуальность.

Мы уже говорили о том, что 1842 г. был годом тяжелого промышленного кризиса, особенно больно ударившего по хлопчатобумажной промышленности севера Англии. К 1842 г. чартистские организации не только успели оправиться от разгрома 1839 г., но и накопили новые силы. Под второй петицией, внесенной в мае 1842 г., стояло свыше 3 млн. подписей. Но петиция была вновь отклонена, и чартистские вожди опять оказались перед тем же вопросом: что дальше? Между тем на севере поднималась волна рабочего движения вне зависимости от агитации и директив чартистских вождей. Непрерывное понижение заработной платы при повышении цен на съестные припасы, сокращение производства и рост армии безработных - все это создавало в рабочих кругах крайне напряженную атмосферу. В течение лета 1842 г. в ряде местностей Северной Англии происходили голодные бунты. Для буржуазных политиков нужда и недовольство рабочих служили аргументом против консервативного правительства и за отмену так называемых «хлебных законов». Ввозные пошлины на хлеб, удорожающие съестные припасы, вот в чем, утверждали они, корень зол, переживаемых Англией. В это русло - русло борьбы против хлебных законов, стремились они направить и революционную энергию пролетариата, используя ее таким образом в своих целях. На известный отрезок времени и в известных пределах для промышленной буржуазии представлялось поэтому целесообразным разжигать недовольство рабочих. Этот момент несомненно еще более усиливал

напряженность положения, и без того напряженного из-за промышленного кризиса.

Несмотря на то, что кризис уже шел на убыль, на некоторых предприятиях севера в конце июля и в начале августа было объявлено о новом понижении заработной платы. Рабочие объявили забастовку, которая очень быстро охватила весь хлопчатобумажный район. В первоначальных требованиях стачечников речь шла о заработной плате 1839 г. Но агитация чартистов и уроки классовой борьбы не прошли для рабочих бесследно. Когда представители тред-юнионов собрались на конференцию в Манчестере для обсуждения вопроса о забастовке, то выяснилось, что большинство не склонно ограничивать свои задачи чисто экономическими требованиями. В резолюции, принятой на конференции, было заявлено, что рабочие не смогут добиться полного продукта своего труда, пока не будет уничтожено классовое законодательство и установлен «принцип коллективного труда». Исходя из этих соображений, конференция призвала рабочих бастовать, пока хартия не станет законом. Так экономическая борьба рабочих, независимо от чартистских вождей, переросла в политическую.

Перед таким положением оказалась чартистская конференция, собравшаяся через несколько дней после конференции тред-юнионов. Конференция должна была решить вопрос: санкционировать ли забастовку и призвать к ней всех английских рабочих, превратив ее таким образом во всеобщую, или уклониться от этой ответственности, обманув надежды уже бастующих северян, главной опоры чартизма. Славившийся как вспышkopуcкатель и бунтарь, Гарни высказался против всеобщей забастовки. С его точки зрения забастовка сама по себе не могла дать победы, она должна была или повести к разгрому рабочих, или к вооруженной борьбе. Для последней Гарни считал рабочих в данный момент неготовыми. Значительное число ораторов признавало, что забастовка неизбежно приведет к открытой борьбе, но тем не менее высказывалось за забастовку. О'Коннор занял неопределенную позицию. По существу, по-видимому, солидарный с Гарни, не веря в возможность восстания, он призывал не соединять вопрос о забастовке с вопросом о восстании, и подал свой голос с большинством, вотировавшим забастовку. Весьма правдоподобно, что он считал недопустимым для чартистской организации отказаться в поддержке уже бастующим рабочим.

Забастовка, несмотря на призыв чартистов, не превратилась во всеобщую. Юг не поддержал северян, и через неделю стачка была ликвидирована. Это было тягчайшим поражением, от которого чартизм в сущности уже никогда не мог оправиться. Оно показало, что английский пролетариат далеко еще не обладал той сознательностью и той сплоченностью, какие необходимы для окончательного штурма капиталистического общества. Буржуазное государство оказалось гораздо более живучим и мощным, чем это представляли себе чартисты.

В 1848 г., в связи с новым ухудшением в положении промышленности и в связи с революцией во Франции, чартизм вновь оживает: опять подается петиция, опять созывается конвент в обсуждаются вопросы о забастовке и восстании. Но эта вспышка

движения принесла вождям чартизма лишь горькое разочарование. Хотя кое-где и имели место разрозненные столкновения рабочих с полицией и войсками, хотя на севере рабочие заготавливали оружие, движение не приобрело массового характера и под давлением репрессий быстро заглохло. Последний период истории чартизма с точки зрения идей интересен лишь в двух отношениях. Именно в это время в передовых рабочих кругах Англии пробуждается сознание необходимости международного единения, международной солидарности пролетариата. В 1846 г. было организовано общество «Братских демократов», объединившее английских, немецких, польских и французских революционеров. Главным деятелем этого общества был хорошо известный нам Гарни. К этому же времени относится эволюция Гарни и Джонса в сторону коммунизма, но эта эволюция не оказала уже существенного влияния на чартистское движение. Хотя остатки чартистских организаций существовали до 1854 г., как действенная политическая сила чартизм с 1848 г. сходит со сцены.

Конец 40-х годов является поворотным пунктом и в истории английского рабочего движения, и в истории английского социализма. С 50-х годов начинается стремительный рост английской промышленности - на ряд десятилетий Англия занимает бесспорно первенствующее место на мировом рынке. Рост прибылей буржуазии сопровождается некоторым общим повышением заработной платы, особенно чувствительным после ряда лет ее непрерывного падения. Вместе с тем цены на предметы потребления рабочего класса после отмены хлебных законов, которой в конце концов добилась буржуазия, начали понижаться. Общее положение рабочего класса улучшилось. С другой стороны, напуганные революционным подъемом пролетариата, правящие классы оказались достаточно предусмотрительными, чтобы пойти на ряд частных уступок. Из таких мероприятий так называемого «рабочего законодательства» особенное значение в смысле «умиротворения» рабочих имел, по признанию самой буржуазии, закон о 10-часовом рабочем дне для женщин и детей, занятых в хлопчатобумажной промышленности.

Под влиянием всех этих факторов рабочее движение теряет свою революционную окраску. Тред-юнионы вступают на путь мирного соглашения с предпринимателями, отказываясь от мечты о «принципах коллективного труда» и от методов революционной борьбы. Кооперативное движение расстается с оуэновским утопизмом, рассматривается уже не как средство преобразования общественного строя, а как метод улучшения положения рабочего как потребителя в рамках капитализма. На почве этих мирных настроений получают успех различные псевдосоциалистические, социал-реформаторские теории вроде так называемого «христианского социализма». Но их рассмотрение выходит за рамки изучаемой нами эпохи.

1 См. В.П.Волгин. Очерки истории социалистических идей. М., 1975, стр.185-187.

СИСТЕМА ФУРЬЕ *

Один из оригинальных мыслителей первой половины XIX в., Фурье оставил после себя четыре большие, весьма сложно построенные книги, немало статей и значительное количество рукописей, опубликованных после его смерти учениками. И по структуре, и по содержанию, и по манере изложения произведения Фурье нелегки для усвоения.

В богатой сокровищнице идей Фурье далеко не все части представляют равную ценность. Едва ли можно найти другую систему, в которой гениальные и передовые идеи были бы так тесно сплетены с идеями вздорными и отсталыми, как это имеет место в учении Фурье. Тонкий наблюдатель и аналитик, Фурье дает нам исключительную по глубине характеристику социальных порядков его времени, их происхождения и развития. Критика капиталистического общества на той его стадии, какой достигла Франция в первой четверти XIX в., составляет весьма ценную сторону его учения; она оказала, несомненно, большое влияние на дальнейшее развитие социальной мысли. Немало оригинальных идей, свидетельствующих о большой прозорливости великого утописта, идей, сохранивших интерес до нашего времени, содержит учение Фурье о будущем обществе, несмотря на несомненное наличие в нем мелкобуржуазных тенденций. Эти элементы фурьеризма также сыграли в свое время весьма значительную роль.

Однако как критика капиталистических отношений, так и общественный идеал Фурье обосновываются и объединяются в его системе при помощи «философских» построений, зачастую не только реакционных по существу, но и поражающих своей фантастичностью. В его работах, говорит Энгельс, «нет недостатка в мистицизме, не менее экстравагантном, чем всякий другой». Чтобы выделить и должным образом оценить то, что дает основание считать Фурье одним из самых замечательных мыслителей нового времени, читателям его произведений приходится, таким образом, преодолевать не только препятствия структурного, стилистического и терминологического порядка, но и трудности, связанные с существом его аргументации.

I

Фурье происходил из малокультурной семьи, принадлежавшей к средней торговой буржуазии Безансона. Он учился в провинциальной школе, рано был вынужден прервать образование, чтобы поступить приказчиком в торговое предприятие. В течение значительной части своей жизни он зарабатывал средства к существованию в качестве торгового или конторского служащего. Большинство знаний Фурье

* Печатается по тексту вступительной статьи к изданию: Ш.Фурье. Избранные сочинения, т. I. Перевод с франц. и комментарии И.И.Зильберфарба. М.-Л., 1951, стр.5-79 (серия «Предшественники научного социализма»). Впервые к теме мировоззрения Фурье В.П.Волгин обратился в 1918 г. в рецензии на кн.: Ш.Фурье. Избранные сочинения. Перевод с франц. под ред. Тотомианца. М., 1918-«Рабочий мир», 1918, № 7, стр.58-59. В.П.Волгиным были опубликованы следующие статьи, взглядам Фурье «Система Фурье» - «Под знаменем марксизма», 1929, № 7-8, стр.102-126; «Фурье, Шарль». - БСЭ, т.59, 1935, стб.344-349..

приобрел путем самообразования. Отсутствие систематической школы наложило отпечаток на его систему, отразившись особенно сильно на ее общей теоретической части.

В своей философии Фурье в основном примыкает к «теософскому» течению философской мысли XVIII в., хотя он испытал на себе (о чем нам еще придется говорить) несомненное влияние буржуазного Просвещения. Центральным понятием в философии Фурье является понятие бога. Бог есть сила, приводящая мир в движение, активный принцип бытия. Наряду с ним, как принципы, не сотворенные богом, стоят материя и математика². Но хотя материя и не сотворена, сама по себе она пассивна, движение дается ей богом. Поскольку математика также не зависит от бога в своем бытии, бог должен согласоваться с нею в своем творении и в управлении сотворенным им из материи миром³. В движении материи существует, таким образом, математическая закономерность. Но она подчинена закономерности телеологической, как средство - цели. Мир организован богом из материи при помощи математики, как целесообразный механизм. Все в нем происходит по некоему провиденциальному плану. Познать основные причины того или иного движения - значит, для Фурье, познать цели, руководящие божеством, которое это движение вызывает. Задача науки - понять законы, управляющие движением. Но так как эти законы даны материи богом, то понять их - значит открыть цели божества, постигнуть мир в его божественном предназначении.

Божество в системе Фурье - далеко не абстракция. Бог - личность с рядом определенных личных свойств, запечатлевающих в его творении. В действительности имеет место, конечно, обратный процесс: не бог наделяет мироздание своими свойствами, а Фурье наделяет своего бога теми свойствами, какие он считает присущими мирозданию: интегральное направление движения при помощи притяжения, единство системы, распределительная справедливость и т.д.⁴ Помимо этих общих свойств, бог наделен страстями, аналогичными страстям человека, в том числе страстью к разнообразию и интриге. Еще существеннее, что бог стремится иметь в своей деятельности соучастника: таким соучастником бога является человек⁵.

Весь сотворенный мир, по учению Фурье, аналогичен творцу, отражает его свойства. Кроме того, весь сотворенный мир подчинен законам математики во всех своих частях. В этом основа провозглашаемого Фурье универсального закона всеобщей аналогии. Вселенная подобна богу; человек подобен вселенной, или, как часто выражается Фурье, является зеркалом вселенной. Так Фурье приходит по существу к христианскому учению о сотворении человека «по образу и подобию божью». Закон всеобщей аналогии Фурье считает весьма существенной частью своего учения, он широко пользуется им для подтверждения тех или иных положений. Так, стремясь уяснить природу страстей человека, он проводит параллель между ними и музыкальными тонами или цветами; фазы развития общества он сравнивает с фазами небесных тел и т.п.

В соответствии с общими целями творения бог дал законы всем частям мироздания. Невозможно допустить, умозаключает Фурье, чтобы он не дал законов для человеческого общества⁶. Бог не мог оставить человека, это «подобие божества», без социального кодекса. Установленные богом законы социальной жизни людей можно и должно открыть, исходя из основных свойств природы человека - из его страстей, через посредство которых выявляется в человеке воля бога и осуществляется его провиденциальный план⁷.

Вместо того чтобы проповедовать борьбу со страстями, нужно их изучить, чтобы понять цели, которые бог ставит перед человечеством⁸. Мир подчиняется законам движения. Закон материального движения - притяжение. Аналогичный ему закон социального движения - влечение страстей. Первый был открыт Ньютоном, честь открытия второго Фурье приписывает себе.

Итак, чтобы установить положения социального кодекса, необходимо изучить страсти человека. Познав их во всем их разнообразии, из них нетрудно вывести чисто логическим путем социальные законы, соответствующие страстям и, следовательно, природе человека и воле бога. Таким образом, социальный кодекс Фурье - не система закономерностей реальной жизни человеческого общества, а новая разновидность облеченной в своеобразную форму теории «естественного права». Это совокупность норм, обеспечивающих социальную гармонию и выводимых из свойств человеческой природы, принимаемых за основные. Метод установления этих норм - рационалистический. Эти рационалистические и естественноправовые черты учения Фурье связывают его при всем его своеобразии с философией Просвещения XVIII в.

Человеческий род, утверждает Фурье, не пришел еще к той цели, к которой его желает привести природа⁹. Социальный кодекс может быть осуществлен лишь в результате прохождения человечеством ряда подготовительных к нему этапов. Это положение выводится в системе Фурье из устанавливаемого им закона двойственности движения. Во всех сотворенных мирах чередуются два типа движения: беспорядочное и гармоническое. В качестве примера из мира материального Фурье ссылается на кометы и планеты. Первые подчинены, по его мнению, беспорядочному движению, вторые - гармоническому, и кометы по истечении определенного промежутка времени должны превратиться в планеты. Точно так же и в социальном бытии человечества должны существовать века беспорядочности, дисгармонии, и века порядка, гармонии¹⁰.

В соответствии с этим общим законом Фурье дает схему развития человечества, параллельную схеме развития индивидуума. Вся земная жизнь человечества продолжается 80 тыс. лет и распадается на 4 фазы и 32 периода. Первые 7 периодов - периоды дисгармонии, но в то же время периоды роста человечества, накопления им сил. Они составляют первую фазу, соответствующую детству в жизни индивидуума, и должны продолжиться 5 тыс. лет. Затем идут 18 периодов гармонического существования, достигающего апогея между 16-м и 17-м периодами. Века

гармонии длется 70 тыс. лет. Начиная с 26-го периода человечество попадает вновь в фазу дисгармонии, охватывающую последние 7 периодов - старость человечества. Эта 4-я фаза длится, как и первая, 5 тыс. лет. По прошествии их наступит конец земного существования человеческого рода.

Такова философски-историческая схема Фурье. Эту совершенно фантастическую схему Фурье заполняет конкретным содержанием лишь для первой фазы. Прежде всего, не довольствуясь абстрактной формулой «двойственности движения», он ставит вопрос о том, какими конкретными обстоятельствами обусловлена дисгармония первых периодов. Причина этой дисгармонии состоит в том, что земной шар недостаточно снабжен средствами существования, необходимыми для человека, чтобы он мог с первых же шагов своего бытия обеспечить себе гармоническое развитие. Фурье считает, что на других, лучше снабженных небесных телах такое развитие, вопреки закону двойственности, возможно¹¹. Во всяком случае земное человечество может достигнуть изобилия (а следовательно, и гармонии, невозможной без изобилия) лишь в результате ряда длительных усилий.

Человечество появляется на земле со страстями, созданными богом применительно к гармоническому существованию, которое должно длиться 70 тыс. лет, а не применительно к векам дисгармонии - этому, с точки зрения общих планов провидения кратковременному этапу развития¹². Поэтому люди в первый период после творения, повинаясь своим страстям, инстинктивно группируются согласно нормам социального кодекса в свободные ассоциации - серии. Страсти индивидуума не противоречат в этом строе общему благу, поэтому человечество еще не знает организации власти. Для Фурье, как и для его предшественников, теоретиков естественного права XVIII в., это - период счастливого детства человечества, «естественного» состояния. Материальными предпосылками этого «земного рая» были редкость населения и относительная легкость удовлетворения потребностей. Люди добывали себе пищу, собирая плоды, занимаясь охотой и рыбной ловлей. Однако уже этот период знает зачатки земледелия и скотоводства¹³.

Этот эденический (от слова eden - «земной рай») период жизни человечества не мог быть длительным. С размножением населения росли трудности в добывании средств существования, росла нужда, разлагавшая первобытные серии. Поскольку тех ресурсов, какие предоставляла в распоряжение человечества природа, было уже недостаточно, человек должен был развить свою производительную деятельность. Лишь производство могло обеспечить изобилие, необходимое для гармонии. Но для того чтобы было создано такое производство, человечество должно было пережить века страданий. Оно должно было как бы отступить от своего первоначального положения, чтобы накопить силы и сделать новый прыжок вперед¹⁴.

Когда первобытные ассоциации распадаются, им на смену приходят родственные, семейные хозяйства. Отдельные семьи, недостаточно мощные сами по себе, объединяются в орды, во главе орд появляются вожди, не располагающие еще, однако, принудительной властью; в семье

женщина ставится в подчиненное положение. Основным занятием людей является скотоводство. Этот период Фурье называет дикостью. Но порядки, установившиеся в период дикости, не в состоянии избавить человечество от нужды, связанной с ростом населения. Под давлением нужды и вызываемых ею раздоров общественная организация диких, орда, распадается на изолированные семьи, в которых вырастает деспотическая власть отца. Остальные члены семьи попадают в полурабское положение. Этот период - патриархат. В это время складываются между людьми отношения господства и принуждения.

Но зато организация принуждения делает возможным развитие производства.

Патриархат, однако, также не в состоянии продвинуть производство достаточно далеко и создать условия для гармонии. Человечеству приходится сделать как бы еще один шаг назад. Патриархальные семьи вновь начинают соединяться. Из власти отца вырастает деспотизм, возникает новый период - варварство. Общество распадается на два класса: господ и рабов. Варварство - время полного рабства трудящихся и женщины. Но рабство позволяет человечеству сделать новый шаг по пути подъема производства. Если период патриархата имеет своим признаком мелкое производство, то варварство создает уже производство среднее. Человечество, говорит Фурье, приобретает уже в варварском состоянии достаточно мастерства, чтобы организовать материальную сторону гармонии¹⁵.

Следующий период, цивилизация, имеет своей целью дальнейшее развитие производства, но уже в новых, более совершенных формах, не на основах рабства, а на основах индивидуальной свободы. Цивилизация отнюдь не совпадает в учении Фурье с капитализмом. Период цивилизации начинается у него с государств древнего мира. Цивилизация, таким образом, объемлет и рабовладельческие общества, и феодализм, и период победы капитализма. У Фурье все это многообразие охватывается понятием «крупное бессвязное производство». Первая фаза цивилизации отмечена освобождением женщины, вторая - освобождением трудящихся. За второй фазой цивилизации следует ее апогей, высшая точка, какой она может достигнуть. К этому моменту цивилизация создает науку и искусство, необходимые для полного успеха гармонического строя. В качестве символа этих достижений цивилизации Фурье берет экспериментальную химию и искусство мореплавания¹⁶.

После апогея цивилизации все готово для перехода к гармонии. Цивилизация выполнила свое предназначение, создав предпосылки новой организации общества. Однако выход из цивилизации не был своевременно найден, и цивилизация неизбежно должна была пойти под уклон. Самые ее достижения, необходимые для блага человечества, стали служить ему во вред. Свобода, это создание цивилизации, в третьей ее фазе вырождается в торговую анархию, которая приводит в конце концов к монополии торговых компаний. Дальнейшее движение человечества по кривой цивилизации должно привести к коммерческому феодализму, вырастающему из торговой монополии. Цивилизация,

освобождающая человечество по мере своего подъема, в течение последних двух фаз его поработает. Вместо индивидуального рабства эпохи варварства возникает коллективное рабство, основанное на экономической зависимости, на тирании частной собственности. Цивилизация начала свое существование с крупных вассалов, с патриархальной или дворянской олигархии, она должна его закончить возвращением крупных вассалов, принявших новый образ - образ директоров или шефов акционерных компаний. Соприкосновение крайностей - общий закон движения¹⁷.

Какую роль играет в этом историческом процессе разум человека? В частности, как связывает Фурье со своей философией истории сделанное им, по его мнению, «открытие» божественного социального кодекса?

Развитие человечества идет по плану, установленному богом. Но бог Фурье не желает быть деспотом, он в известном смысле существо социальное. Он хочет, чтобы человек был у него не рабом, а сотрудником. Поэтому он предоставляет человеку известную свободу, которая выявляется в деятельности разума¹⁸. Человечество может ускорять или замедлять ход исторического развития, оно может даже вовсе миновать известные периоды. Чтобы достигнуть гармонии, нужен известный уровень производства, но, с другой стороны, нужно также понимание человечеством его судеб, открытие человеческим разумом социального кодекса¹⁹. До сих пор разум не был в состоянии разрешить эту задачу. В течение веков дикости, патриархата и варварства это соответствовало планам бога. Если бы в один из этих периодов и был открыт социальный кодекс, человечество не смогло бы провести его в жизнь из-за низкого уровня производства. Ясное представление о блаженстве людей при гармоническом строе при невозможности его осуществления повергло бы людей в отчаяние и могло бы даже приостановить развитие человечества. Но с того момента, как материальные предпосылки гармонии созданы, неспособность человеческого разума открыть социальный кодекс служит лишь препятствием к установлению гармонического порядка. Социальный кодекс мог бы быть введен в жизнь, по мнению Фурье, еще в век Солона. Если этого не произошло, если человечество провело лишних 2300 лет в рамках периода цивилизации, то виноваты ошибки разума, его ложная наука. Переживаемые людьми страдания являются как бы карой божества за уклонение человечества от предназначенного ему пути, за замедление процесса исторического развития²⁰.

Сделанное Фурье открытие социального кодекса дает, как он утверждает, возможность легко и безболезненно перейти к гармонии. Согласно схеме Фурье, первому гармоническому периоду предшествуют семь периодов. Четыре из них для европейских народов уже миновали. Это - эденизм, дикость, патриархат и варварство. Пятый период - цивилизация. За нею следуют, по схеме, гарантизм и социантизм. Эти периоды - шестой и седьмой - человечеству пришлось бы пройти, если бы не открытие Фурье. Поскольку люди знают теперь, как должна быть организована гармония, они могут в силу прав, предоставленных богом человеческому разуму, ускорить болезненный для общества процесс,

миновав гарантизм и социантизм, перепрыгнув через них. Что касается народов, находящихся еще на стадиях варварства или дикости, то они смогут перепрыгнуть сразу через все промежуточные периоды, в том числе и через цивилизацию²¹.

Переход человечества к гармонии составляет, с точки зрения Фурье, эру не только в истории человечества, но и в истории мироздания. Успехи человека как сотрудника бога в творении таинственным образом отражаются в виде нового творческого акта, изменяющего к лучшему материальные условия жизни человечества. Характеризуя эти изменения, Фурье дает полную волю своей пылкой фантазии: он предсказывает улучшение климата земного шара в связи с появлением «северной короны», нового источника света и тепла; превращение морской воды в приятный напиток; появление новых пород животных, полезных для человечества, и т.д. Эти странные идеи логически связаны в построениях Фурье с основами его мирозерцания, в частности с законом всеобщей аналогии.

Философии истории Фурье присущи некоторые черты материализма и бессознательной диалектики. Так, с каждым историческим периодом Фурье связывает известные производственные признаки: патриархат - мелкое производство, варварство - среднее, цивилизация - крупное. Но степень развития производства рассматривается им не как основа данной социальной структуры, а как ее цель - в соответствии с общим телеологическим характером его построения. Основным, стержневым признаком каждого периода Фурье считает, исходя из своей теории страстей как выражения воли бога в человеке, не признак производственный, а признак, наиболее связанный с игрой страстей, - характер отношений между мужчиной и женщиной. Для эденического периода стержнем является свободная любовь, для варварства - полное рабство женщины и т.д. Общество движется вперед в течение первой фазы под давлением противоречия между его потребностями и ресурсами окружающей его природы. Противоречие преодолевается созданием и ростом производства. Аналогией с этим представляет развитие в течение отдельного периода первой фазы. Исходным моментом развития является нужда, вызываемая относительным перенаселением. Толкаемое ею общество создает свойственную данному периоду форму организации, временно удовлетворяющую его потребности. Затем эта форма организации оказывается недостаточной; социальный строй данного периода распадается, чтобы дать место новому. Как ни интересны эти элементы материализма и диалектики сами по себе, в учении Фурье они сплетаются с телеологией и рационализмом, не получают должного развития и не меняют общего характера системы²².

Современное общество весьма далеко от того порядка, к которому человек предназначен. Это, по мнению Фурье, как бы преходящая болезнь человеческого рода, подобная прорезанию зубов у ребенка; но болезнь затянулась на лишних 2300 лет²³. Человечество переживает эпоху упадка цивилизации, создавшей уже все предпосылки для гармонии. Продолжение существования цивилизации влечет за собой

бездну зол, ничем не оправданных и являющихся карой за неспособность человеческого разума открыть социальный кодекс.

Для Фурье существующий общественный строй - предел беспорядка, нищеты и разврата. Фурье дает одинаково отрицательную характеристику экономическим порядкам общества, его политическим формам, морали и философии. Можно ли где-нибудь увидеть беспорядок более ужасный, чем тот, что царствует на земном шаре? - спрашивает Фурье. Половина Земли населена хищными зверями и дикарями, что в сущности одно и то же. Из другой, «культурной» половины три четверти заселены варварами и головорезами, держащими в рабстве женщин и земледельцев. Следовательно, только восьмая часть земного шара остается на долю так называемых «цивилизованных», похваляющихся своим превосходством и в то же время умножающих нищету и разврат до последней степени. Между тем сокровища природы далеко не исчерпаны; способности человека велики и доступны развитию. Человек достиг больших успехов в производстве и науке. Если он тем не менее не может как следует воспользоваться своими способностями и достижениями, то причина коренится в порочном устройстве общества.

При существующих в обществе порядках около двух третей населения, по мнению Фурье, живет паразитически, за счет труда остальной трети. Фурье со свойственной ему склонностью к классификации дает подробный обзор различных категорий паразитов, существующих в цивилизованных обществах. Он делит их на три группы: паразиты домашние, паразиты социальные, паразиты дополнительные.

К первой группе - паразитов домашних - он относит прежде всего большинство женщин, которые заняты в домашнем хозяйстве или вовсе не работают (три четверти в городах и половина в сельских местностях). Те, которые вовсе не работают, явно ведут паразитическое существование; те, которые заняты в домашнем хозяйстве, тратят свои силы с общественной точки зрения совершенно нецелесообразно. К этой же категории относятся три четверти детей, силы которых при существующих условиях совершенно не используются в городе и почти не используются в деревне. И наконец, сюда же следует причислить значительную часть прислуги, не занимающуюся никаким производительным трудом или занятую трудом, который станет излишним в обществе, когда оно покончит с раздробленными домашними хозяйствами.

Еще многочисленнее категории паразитов, относящихся к группе паразитов социальных. Здесь в качестве первой категории Фурье называет армию, военных всякого рода. Армия отвлекает от труда наиболее крепкую молодежь, заставляя людей приносить в жертву паразитической функции их лучшие годы. Армию держат без всякого производственного дела, пока ее не употребят для дела разрушения. Вторую весьма значительную категорию социальных паразитов составляют легионы всякого рода чиновников, финансовых и других, сборщиков налога, служащих в охране. Только таможи отнимают во Франции 28 тыс. человек. Затем идет добрая половина промышленников, относительно непроизводительных, поскольку они изготавливают продукты

плохого качества. Сюда же относятся девять десятых торговцев и служащих у них и две трети работающих на транспорте. К этой же категории Фурье причисляет контрабандистов.

Дополнительные паразиты - это прежде всего всякого рода прогульщики по своей или по чужой вине, лодыри, которые празднуют то «святой понедельник», то карнавал, то свадьбу, то праздник корпорации, то праздник революции. Это - рабочие, которые прекращают работу, как только отвернется хозяин, прерывают ее из-за всякого пустяка, сводя, таким образом, рабочую неделю самое большее к четырем дням. Далее идут «софисты», среди которых первое место занимают юристы, люди комильфо и обслуживающий персонал, заключенные в тюрьмах, больные, которых в гармоническом строе было бы в десять раз меньше; наконец, всякие отбросы общества - мошенники, публичные женщины, нищие и т.п.

Рядом с прямыми паразитами Фурье ставит еще две общественные группы: агентов положительного разрушения и агентов отрицательного творчества. Первые - люди, ведущие и организующие войну, спекулянты, своими манипуляциями вызывающие голод, и т.п. Вторые - производители бесполезных или вредных работ: строители разрушающихся зданий, нигде не годных дорог и мостов, рабочие, сводящие лес, который в интересах страны было бы необходимо сохранить²⁴.

Таким образом, весьма значительные и разнообразные группы населения не принимают участия в производительном труде, их содержит трудящееся меньшинство. Но, обращаясь к рассмотрению положения этого меньшинства и организации его труда, Фурье находит раскрывающуюся перед ним картину еще более безотрадной. Производительность труда работающей части общества совершенно недостаточна. При существующем порядке общество не в состоянии обеспечить своим членам сколько-нибудь сносное существование. Организация труда в современном обществе такова, что в нем даже успехи производства приводят не к росту благосостояния, а к еще большей бедности. Производство в цивилизации либо чрезмерно раздроблено, либо чрезмерно централизовано. Анализируя особенности существующих видов производства - мелкого и крупного, Фурье приходит в обоих случаях к отрицательным выводам.

В раздробленном производстве труд «свободен». Собственник трудится, руководствуясь индивидуальными интересами, и имеет возможность проявлять в своем труде индивидуальную инициативу. Но эта «свобода» - пустая приманка: она ведет к обеднению массы и обеспечивает преуспевание не подлинному трудолюбию, а плутовству²⁵. Мелким собственникам недоступны достижения техники, недоступны блага кооперации. Подчинение производства разнообразию частных интересов ведет к хаосу, беспорядку в общественной экономике. Раздробленность производства тормозит его рост. Образцом раздробленного производства является сельское хозяйство, где дробление связано с господствующим предрассудком, будто обработка земли семейными группами соответствует природе человека²⁶. В

результате сельское хозяйство совершенно не принимает участия в техническом прогрессе. Мелкие хозяйства собственников и фермеров лишены необходимых капиталов и не в состоянии ввести у себя механические усовершенствования, производить необходимые мелиоративные работы, не в состоянии обеспечить в должном количестве удобрения и ввести правильный севооборот. Хотя труд собственника и привлекательнее труда наемника, человек может достичь всех преимуществ экономии и механизации лишь в крупной хозяйственной ячейке, а отнюдь не в изолированном семейном хозяйстве. Господство мелкого хозяйства в земледелии приводит с неизбежностью к нищете крестьянина.

Среди массы этих раздробленных производств в цивилизованных обществах возникли и с большой быстротой распространяются производства крупные, централизованные. В этих крупных производствах, отмечает Фурье, мы увидим и технический прогресс, и кооперацию. Но труд в таких предприятиях - труд подневольный, насильственный. Рабочих сгоняет на фабрики жестокая нужда, которая превращает их в рабов труда. Собранные в больших массах, они подчиняются в своей работе эгоистическому руководству. Они не получают ничего от роста продукции, нисколько не заинтересованы в результатах своего труда²⁷. Поэтому их труд отличается малой производительностью и плохим качеством. Труд должен быть радостью и счастьем, в цивилизации он является страданием и проклятием. Цивилизация совершенно неспособна соединить привлекательность труда, энтузиазм по отношению к труду с высокой техникой и преимуществами кооперации. А только такое соединение может дать необходимый для благосостояния трудящихся уровень производительности труда.

Цивилизация ведет к тому, что численность людей, имеющих собственные орудия труда, все более уменьшается. Между руководителями труда и трудящимися образуется все большая пропасть. Капиталы сосредоточиваются в немногих руках, и укрупнение производства, само по себе необходимое, оказывается при цивилизации общественным бедствием. Концентрация отдаст общество во власть кучки капиталистов, пользующихся своим положением для усиленной эксплуатации народных масс. Из раздробленности производства и конкуренции вырастает монополия, из анархии - эгоистическая олигархия²⁸. В итоге этого процесса обществу угрожает восстановление феодализма более страшного, чем старый феодализм, - феодализма коммерческого. Положение большинства трудящихся становится в этой системе все хуже. Социальный прогресс - иллюзия. Богатый класс идет вперед, но бедный стоит на месте²⁹. Богатство возрастает, а бедность не уменьшается.

Наиболее яркий показатель общей неорганизованности всей общественной системы Фурье видит в торговле. На ее анализе он особенно подробно останавливается. В торговле, в ее бедственных последствиях, как в фокусе, сосредоточены, по его мнению, все основные пороки строя цивилизации. Торговля по своему существу должна

представлять собой лишь орудие потребления, она должна облегчать использование обществом продуктов, изготовленных производителями. Торговец - слуга потребителя. В существующем общественном строе торговля является средостением между производителем и потребителем, она не столько содействует нормальному прохождению продуктов от первого ко второму, сколько нарушает связь между тем и другим. Заняв выгодное положение посредника, торговля держит в зависимости от себя и производителя, и потребителя. Сельское хозяйство, основная функция общества, целиком поработано торговлей³⁰. Начиная с XVIII в., говорит Фурье, торговцы постепенно овладевают обществом и при помощи биржи становятся повелителями повелителей. Спекулянты и аферисты держат в своих руках судьбы целых империй.

Наличие этого средостения между производителями и потребителями ведет к ряду чрезвычайно тягостных последствий. К таким последствиям Фурье относит прежде всего несоразмерность производства с потреблением. Количество продуктов, выбрасываемых на рынок, то не в состоянии удовлетворить самых существенных потребностей, то во много раз их превышает. Спекуляция и ажиотаж фатально приводят к кризисам³¹. В качестве примера для своего времени Фурье дает интересную характеристику кризиса 1825 г.³² Но он объясняет кризис главным образом махинациями торговцев. Одна группа торговцев, стремясь в своей жадности максимально использовать предполагаемое расширение американского рынка, перебросила в Америку товаров в четыре раза больше, чем рынок мог поглотить. Это вызвало застой в торговле, обесценение товаров и банкротство фабрикантов. С другой стороны, скупщики хлопка в расчете на расширение производства закупили весь хлопок, какой был на рынке. Когда фабрики остановились, скупщики потерпели крах и последовала новая волна банкротств. Таким образом, Фурье склонен искать причины промышленных кризисов не в организации производства, а в организации обмена, что сближает его с мелкобуржуазными критиками капитализма. Впрочем, ему не чужда мысль о том, что свойственная цивилизации анархия производства сама по себе ведет к диспропорции между предложением и спросом и обуславливает неустойчивость хозяйственной системы. Тот же кризис 1825 г. он определил как «кризис от избытка». Поглощая массу капиталов, отвлекая от полезного дела много рабочих рук, торговля причиняет обществу неисчислимый вред. Выгодное положение торговли между производителем и потребителем позволяет ей бесстыдно фальсифицировать продукты, которыми пользуется потребитель³³. В Париже, говорит Фурье, совершенно невозможно добыть стакан натурального молока. Торговля порождает бесконечные спекуляции. Своими приемами скупки и ажиотажа торговля во много раз усиливает существующий в обществе беспорядок. Наконец, на почве торговли вырастает самое искусное и самое бесстыдное из всех мошенничеств - банкротство. Банкротство, выгодное для того или иного торговца, всегда пагубно отражается на массах населения, всегда несет с собой разорение. Фурье останавливается на вопросе о банкротстве с особым вниманием, посвящает ему немало страниц и дает, по своему

обыкновенно, необычайно тщательно разработанную классификацию банкротств. Перечислив девять родов и тридцать шесть видов банкротств, он утверждает, что это число можно было бы увеличить втрое и вчетверо³⁴.

На почве экономического хаоса, присущего цивилизации, в цивилизованных обществах развиваются социальные противоречия. Рабочий, труд которого основан не на свободном влечении, а на нужде, на угрозе голодной смерти, не только безразличен к результату своего труда - он начинает ненавидеть самый процесс труда, воспринимаемый им как страдание. Труд для него - подлинный ад³⁵. Все, что он имеет от труда, - это скудная заработная плата, падающая под давлением конкуренции до самых ничтожных размеров. Чем более развита в стране промышленность, тем хуже положение рабочих. Предприниматели имеют склонность понижать заработную плату рабочего до самого низкого предела и основывать, таким образом, процветание мануфактуры на обнищании рабочих. «Индустриализм,- говорит Фурье,- это последняя наша научная химера»³⁶. Страна наиболее индустриальная - Англия - в то же время страна с наиболее несчастным рабочим населением. Английские рабочие буквально умирают с голоду в стране, где имеется избыток продуктов питания. Рабочий не может быть уверен даже в том, что он всегда найдет себе работу, которая спасет его от голодной смерти. Наемный труд поработает не только тело, но и душу рабочего: его положение целиком зависит от воли и часто от каприза нанимателя. Рабочие проникаются враждой к своим нанимателям и ко всему существующему строю³⁷. Это естественно и понятно, ибо существующий строй можно характеризовать как тиранию частной собственности над массами³⁸. Предприниматели в свою очередь находятся в постоянной войне с массами и ненавидят их³⁹. Вся общественная система, утверждает Фурье, пронизана антагонизмами. Следует, однако, отметить, что при всей красочности той характеристики, которую дает Фурье раздирающим цивилизацию антагонизмам, его представление о классовом строении общества далеко не четко. Для него, как и для социалистов XVIII в., основное деление общества - деление на богатых и бедных. Иногда Фурье пытается дать более дифференцированную классификацию общественных групп; но и в этих случаях его классификация носит пестрый характер (например: двор, знать, буржуазия, народ и чернь).

Анархический порядок цивилизации, порядок неограниченной конкуренции, неограниченной экономической свободы, совершенно лишен какого-либо плана. Каждый при этом порядке заботится лишь о том, чтобы удовлетворить собственные интересы, никто не думает об интересах целого. В хозяйстве периода цивилизации общественный интерес и личный противоречат друг другу. Существующее общественное устройство - война каждого против всех и всех против каждого. Индивидуум находится в состоянии непрерывной борьбы с коллективом, счастье одних основано на несчастье или даже гибели других⁴⁰. Каждый может действовать как ему угодно, на свой риск, хотя бы и во вред обществу. Лишь ничтожное меньшинство - какая-нибудь одна восьмая

населения - довольно этим строем. Недовольное большинство, принадлежащее к рабочим и бедноте, не восстает лишь из страха наказания. Довольно цивилизацией только небольшое число людей праздных и привилегированных⁴¹. И этот порочный порядок, пагубный для самих «цивилизованных» наций, они стремятся навязать диким народам. В результате этого насильственного распространения цивилизации в Америке происходит истребление древних туземных рас, в Африке торгуют неграми, всюду распространяются болезни и алкоголизм. Дикари, говорит Фурье, физически вырождаются от одного соседства с цивилизованными⁴².

Анализ экономических порядков цивилизации занимает центральное место в критике Фурье. Но Фурье не менее резко клеймит и ее политические порядки и господствующие в ней идеи. При этом он зачастую очень недурно подмечает зависимость политических фактов и идеологии от экономических отношений. Экономический беспорядок отражается, по его мнению, в политической сфере как политическая несправедливость. Государство является по существу слугой и защитником привилегированных и богатых против массы населения. Оно вооружает небольшое число рабов, чтобы держать в покорности рабов безоружных⁴³. Законы хороши только для тех, в чьих интересах они созданы. Большинство знает законы лишь по налогам и поборам. Даже в справедливом суде государство отказывает бедному, так как он никогда не в состоянии обеспечить себе должную защиту против богатого. Правительства находятся в полном поработании у «негоциантов», говорит Фурье. Коммерция - новая власть, которая стоит наравне с государством и стремится подчинить его себе полностью. Большая часть войн, особенно колониальных, имеет своей основной причиной аппетиты торговцев. Международное право - химера и ложь; в этой области решают только интересы, в ней нет иных правил, кроме вероломства и насилия.

Не лучше обстоит дело и с моральным состоянием общества. В цивилизации, где каждый действует за себя и для себя, эгоизм господствует над всем. В обществе столько моральных систем, сколько в нем классов. Как в области экономической Фурье заостряет свою критику на торговле, так и в области моральной образцом беспорядка служат для него брачные отношения. В существующем обществе, говорит он, брак для женщины - только механизм угнетения и страдания. Брак как будто изобретен специально для преступных операций. Это - своеобразная спекуляция, при помощи которой можно завоевать себе богатство и уважение, не будучи достойным ни того, ни другого. Женщина - товар, объект преступного торга. Настоящей любви в браке нет, поэтому супруги обманывают друг друга. Адюльтер - нормальное и как бы обязательное явление для большинства браков. Проституция в браке и проституция внебрачная, неизбежный результат бедности, по существу одинаково ярко выявляют моральное падение общества⁴⁴.

Мы знаем уже, что ложная наука цивилизации задержала, по мнению Фурье, переход человечества к гармонии на две тысячи лет с лишком. Фурье высоко ценит точные науки. Но науки неточные - мораль, политику,

политическую экономию, философию - он подвергает самой жестокой критике. Это - ложные знания, они не умеют ничего объяснить и открыть⁴⁵. Христианскую мораль Фурье отвергает за ее аскетизм, за ее борьбу со страстями, этим голосом бога в человеке. Его отталкивает в ней также идея воздаяния в ином мире за земные страдания, оправдывающая существующее зло и дискредитирующая мирового творца⁴⁶. Не лучше и мораль философов. Все они проповедуют подавление и исправление страстей. Конечно, их моральные законы, Направленные против страстей, не могут иметь ничего общего с природой человека. Их попытки бороться с природой были бы опасны, если бы не были смешны.

В последнее время, говорит Фурье, моралисты отодвинуты в общественном мнении новой сектой - экономистами. Мораль проповедовала презрение к богатству, экономисты, впад в противоположную крайность, начали восхвалять наживу. Вопреки протестам Руссо и Мабли, они ввели культ «золотого тельца». Как мог произойти такой поворот? До середины XVIII в. повсеместно господствовало предубеждение против торговли. Но торговля достигла своего полного торжества - и ученые начали ее восхвалять. Философы приспособились к мнению века, их соблазнило золото. После краткой борьбы между лестью и критикой золото победило, и философы превратились в самых низких лакеев купцов. Своей ложной теорией они освящают зло цивилизации вместо того, чтобы искать из нее выхода⁴⁷.

Неспособна найти этот выход и политика. Фурье отрицательно относится к Французской буржуазной революции XVIII в. и к революционерам вообще. Революционеры, утверждает он, никогда ничего длительного не созидали. Их методы годятся только для дезорганизации, для разрушения. Их братство и равенство - чистейший обман. Французская революция принесла столько же несчастия, сколько благ она обещала. Нелепа и политическая цель революционеров - республика. Фурье издевается над принципом народного суверенитета: трудно понять, что это за суверен, у которого при общем изобилии продуктов в стране нет простого хлеба и которому его «приказчики» не желают обеспечить даже право на труд и на прожиточный минимум. Не верит Фурье и во всеобщее избирательное право: оно приводит лишь к тому, что народ продает свой голос за несколько экю. Представительное правление - тоже сплошной обман. Если, таким образом, ничего не могут дать народу теория и практика революционеров, то не менее бессильны в деле преобразования сторонники политических реформ, либералы. Их проекты беспомощны, половинчаты. Они совершенно неспособны устранить зло радикально и в конце концов только упрочивают его⁴⁹. У них нет даже представления о том, что необходимы глубокие изменения в экономическом и социальном режиме. Они хотят реформировать управление, не затрагивая хозяйства. Между тем общество нельзя преобразовывать по частям. Задача не в том, чтобы улучшить цивилизацию, а в том, чтобы показать ее абсурдность и изобрести новый и лучший социальный механизм⁵⁰.

Положение общества таково, утверждает Фурье, что для его спасения необходимы срочные меры. Напряженность общественных противоречий грозит социальными потрясениями, междоусобной войной. В этой надвигающейся социальной борьбе Фурье не видит способа разрешить кризис цивилизации. Стремясь предупредить нависшую над обществом опасность катастрофы, он противопоставляет учениям политиков, экономистов и моралистов свое открытие, способное, по его мнению, всех примирить.

III

Мы видели уже, как подходит Фурье к проблеме лучшего общественного устройства. По его мнению, существует некий предустановленный план социального порядка, соответствующий природе человека. Этот план можно открыть при помощи изучения основных свойств человека. Так как определяющими свойствами природы человека, выражающими в человеке волю божества, Фурье признает страсти, то задача построения нормального общественного порядка приводит к созданию таких условий, при которых свободное удовлетворение страстей обеспечивало бы гармоническое сочетание человеческих индивидуумов. Эта задача, думает Фурье, вполне разрешима, ибо бог, ведущий миры, создал страсти, через которые он выявляет в человеке свою волю, применительно к потребностям гармонического порядка. Существующий дисгармонический строй коверкает и подавляет страсти, подчиняя их придуманным людьми нормам. Гармонический строй требует свободы страстей; гармония предполагает полное наслаждение жизнью или, как выражается Фурье, полное согласие между творением и творцом. Бог, по мнению Фурье, управляет миром посредством притяжения, а не посредством принуждения: наслаждения - весьма важный элемент в расчетах божества. Счастье каждого - в удовлетворении его страстей и полном их развитии. Чтобы достигнуть общего счастья, необходимо найти средства удовлетворить страсти всех людей⁵¹.

Свойственные человеку страсти распадаются, по Фурье, на три группы: страсти материальные, или чувственные; страсти привязанности, симпатические; наконец, страсти верховные, распределительные, честь открытия которых Фурье приписывает себе. Материальных страстей пять в соответствии с пятью органами чувств. Страстей привязанности четыре: дружба, любовь, честолюбие и семейлюбие. Они толкают людей к образованию групп. Особенно важную роль в социальной теории Фурье играет последняя категория страстей - страсти распределительные. Их три: страсть к соревнованию, или интриге, страсть к разнообразию и страсть к творчеству, или энтузиазм⁵².

До сих пор распределительным страстям не уделяли должного внимания. Их считали пороками. Но страсти, данные человеку богом, сами по себе не могут быть порочными - порочна искажающая природу человека цивилизация. Интрига, несмотря на причиняемое ею беспокойство, удваивает силы человека, изощряет его способности, ведет к усовершенствованию производства. Страсть к переменам несовместима с организацией труда, существующей в настоящее время.

Рабочий прикован к монотонному труду на длительный срок, если не на всю жизнь. Но из этого противоречия следует лишь необходимость перестроить организацию труда в соответствии со страстью, а никак не признание страсти порочной. Страсть к творчеству, или composite, требует для своего удовлетворения сочетания наслаждений души и тела, испытываемых одновременно. Такое сочетание воодушевляет человека, рождает в нем энтузиазм, возвышающий и облагораживающий все остальные страсти.

Совместное действие трех высших страстей приводит к гармонии. Поэтому их открытие и применение составляет необходимую предпосылку гармонического строя. Полное развитие страстей человека создает еще одну, тринадцатую страсть - гармонизм, или унитаризм. Гармонизм - стремление человека согласовать свое счастье со счастьем всего окружающего мира, всего человеческого рода. «Это - всеобщее взаимное доброжелательство, которое может развиваться только тогда, когда весь род человеческий будет богатым, свободным и справедливым»⁵³. Гармонизм подобен белому цвету, представляющему соединение ряда цветов; он представляет соединение страстей.

Итак, для того чтобы в человеческом обществе воцарилась гармония, нужно построить такую общественную организацию, которая соответствовала бы как страстям материальным и страстям привязанности, так и распределительным. Удовлетворение материальных страстей достигается известным уровнем материального благосостояния, комфорта, довольства. Поэтому Фурье объединяет их под именем «люксизма» (от слова luxe - «роскошь»). Для удовлетворения страстей привязанности необходима свободная группировка людей в процессе труда по симпатиям и антипатиям. Поэтому эти четыре страсти носят общее наименование «группизм». Наконец, для удовлетворения распределительных страстей необходим такой порядок, при котором: процесс труда соответствовал бы естественным влечениям человека и давал трудящимся физическое и духовное удовлетворение, вызывая в них энтузиазм; человек не был бы прикреплен к одной какой-либо разновидности труда, но имел бы возможность в течение рабочего времени переходить от одного труда к другому; между различными категориями трудящихся могло бы возникать трудовое соревнование, интрига. Так как необходимость удовлетворения распределительных страстей определяет, по теории Фурье, разделение общественной организации на специализированные трудовые единства - серии, то Фурье именует эту группу страстей «сериизмом»⁵⁴.

Когда труд будет организован так, чтобы служить удовлетворению основных страстей человека, он будет привлекательным, будет наслаждением; тогда исчезнут в обществе антагонизмы, тогда не станет паразитов, тогда удвоится, утроится, удесятится производительность труда, количество производимых продуктов возрастет в громадных размерах⁵⁵.

Основной ячейкой гармонического общества является, по Фурье, ассоциация, которую он называет фалангой. Уже самые размеры фаланги определяются на основе положений теории страстей. Страсти,

рассуждает Фурье, комбинируются в индивидуумах по-разному. Отсюда проистекает разнообразие характеров. Фурье со свойственной ему склонностью к точности вычислений определяет, исходя из числа страстей, число возможных человеческих характеров - 810. При построении трудовой ячейки необходимо считаться с различием характеров. Наличие в ячейке всех 810 характеров обеспечивает возможность для каждого найти себе занятие по склонности и для каждого занятия найти подходящего исполнителя. Удваивая число 810, чтобы иметь всегда заместителей, Фурье определяет нормальный размер фаланги в 1620 человек. Допуская известные колебания, он устанавливает пределы состава ячейки от 1600 до 2000 человек⁵⁶.

Фаланга - производительно-потребительное товарищество. Основной вид труда в ней - сельское хозяйство. По мнению Фурье, склонности к сельскохозяйственному и промышленному труду распределяются у людей в отношении 3:1. Поэтому промышленность стоит в фаланге на втором месте, отнимая только четверть общего труда. Фаланга нуждается в земельной базе, которую Фурье, опираясь на свое вычисление личного состава, определяет в одну квадратную милю. Для приобретения такого участка земли и для первоначального оборудования необходим капитал в 4 млн. франков. Этот капитал Фурье рассчитывает получить путем привлечения в фаланги капиталистов в качестве акционеров. Они должны это сделать отнюдь не из филантропических соображений. Капиталисты, внесшие в фаланги пай, становятся их полноправными членами, пользуются всеми преимуществами жизни в фаланге и в то же время получают известную долю дохода, составляющую весьма значительный процент на внесенный ими капитал.

Идею соответствия труда склонностям человека Фурье проводит весьма последовательно. В фаланге никто не трудится по принуждению, каждый выбирает себе труд по своему вкусу. Дети, например, по мнению Фурье, любят возиться в грязи. Поэтому детские трудовые отряды должны быть использованы в первую очередь для грязных работ. Фурье старается найти подходящие виды труда даже для людей с такими своеобразными склонностями, как обжорство. Но организация труда должна обеспечивать не только соответствие труда чувственным страстям человека, она должна давать также удовлетворение страстям привязанности и распределительным. Эта цель достигается путем своеобразного распределения трудящихся по сериям, которые в свою очередь распадаются на небольшие группы (не менее семи человек в каждой). Каждая серия связана с определенным видом труда: таким образом, может быть серия садоводов, серия скотоводов, серия ткачей и т.д. Участие члена ассоциации в той или иной серии и в той или иной группе определяется его склонностями, его «страстями», почему Фурье именует их «series passionnelles». Влечение страстей находит в механизме серий свою организационную форму⁵⁷.

Член ассоциации выбирает ту или иную группу в пределах той или иной серии в соответствии со своими склонностями. Но он работает не в одной серии, а в нескольких (30-40). Его рабочий день составляется не из труда в какой-то одной отрасли производства, а из небольших, сменяющих друг друга отрезков труда по часу, по полтора в каждой из тех серий, в которых он состоит. Группы формируются в пределах серии свободно, и каждая из них занимается выполнением определенного вида труда в пределах специальности данной серии, например культивированием того или иного сорта роз в серии розистов. Каждый член ассоциации, переходя в течение дня из одной серии в другую, от одного вида труда к другому, тем самым удовлетворяет страсть к разнообразию, к перемене, подавляемую в современном обществе.

В каждой серии член фаланги участвует в какой-либо группе, в которой подобраны люди, связанные общими интересами к работе и личными симпатиями. Эта группа соревнуется с другими группами той же серии, стремясь победить их в этом трудовом соревновании. Таким образом, деление на группы и работа в группах содействуют удовлетворению как страстей привязанности, так и распределительных. Так как труд по склонности в свободно избранной группе удовлетворяет человека и физически, и духовно, он испытывает также высшую из страстей - энтузиазм. Член ассоциации, в противоположность работнику периода цивилизации, вдохновлен своим трудом, он проявляет в труде свою страсть к творчеству. Наконец, полное раскрытие и удовлетворение всех страстей ведет к расцвету гармонизма как их синтеза. Для члена фаланги его личный интерес полностью сливается с интересом общественным⁵⁸.

Ассоциации чужда система наемного труда. Все трудящиеся ассоциации - ее члены. Но не следует думать, что режим ассоциации - режим равенства. Фурье - решительный противник «химеры» равенства. Основным недостатком других проектов общественного преобразования он считает именно их стремление к равенству. Экономическое равенство, по его мнению, несовместимо со свободой⁵⁹. Режиму гармонии чужды единообразие и уравнительность. Среди членов каждой фаланги должны быть и богатые, и бедные. Фурье настаивает на том, что в фаланге должны быть представлены не только различные склонности человека и различные трудовые специальности, но по возможности и различные размеры капиталов. Режим ассоциации так же несовместим с равенством состояний, как он несовместим с единообразием характеров⁶⁰. Не послужит ли это неравенство состояний источником антагонизма, внутренних раздоров в фаланге? Фурье глубоко убежден, что в гармоническом строе наличие богатых и бедных не может служить основанием для конфликтов, что богатые Мондоры и бедняки Грожаны будут прекрасно друг с другом уживаться.

Капиталисты, состоящие пайщиками фаланги, могут пользоваться всеми преимуществами и удобствами жизни в фаланстере, даже не принимая участия в труде. Но Фурье уверен, что труд в фаланге, дающий удовлетворение страстям человека, труд-наслаждение, неизбежно привлечет к себе и капиталистов. Капиталисты будут работать рядом и

совместно с бедняками. Однако Фурье оказывается не в состоянии провести эти положения последовательно. Набрасывая проект примерного дневного распорядка труда в фаланге, он дает его в двух вариантах: для богатого и для бедного. Они различаются весьма существенными чертами.

Богатый, как мы видим, свободен от работ на конюшне, от косьбы, от фабричной работы. Он тратит гораздо больше времени на трапезы и развлечения. Наконец, из всех видов труда для него подобраны по преимуществу такие, которые и в цивилизованном обществе служат излюбленным занятием богатых в свободное время: охота, рыбная ловля, ухаживание за экзотическими растениями и т.п.⁶¹

Тем не менее работа в сериях будет, по мнению Фурье, весьма действенным средством к сближению богатых с бедными. У богатого исчезнет его отвращение к труду и пренебрежение к трудящимся. Он почувствует общность интересов со своим бедным соседом по работе. Ему не придется более ожидать со стороны бедного попрошайничества, плутней и обмана. В свою очередь бедный перестанет завидовать богатому, ибо он, если и будет оказывать богатому какую-либо услугу, то дружески, добровольно, а не по найму. К тому же положение бедного в гармонии настолько изменится к лучшему, что его можно приравнять к положению буржуа в строе цивилизации («он будет жить не хуже нашего буржуа»). Наконец, в том же направлении будет действовать совместное воспитание детей. Все классы общества, ассоциированные и объединенные общностью интересов, забудут взаимную ненависть, тем более что народу, увлеченному привлекательным трудом, не придется изнывать под тяжестью труда, а богатые перестанут презирать физический труд, в котором они сами будут принимать участие. Классовая рознь исчезнет в атмосфере всеобщей гармонии⁶².

Индустрия, как мы уже указывали, занимает в фаланге подчиненное место... Фурье уверен, что потребность в продуктах индустрии значительно сократится при гармоническом строе: люди достигнут такого совершенства в изготовляемых ими тканях и предметах домашнего обихода, при которых одежда и утварь станут практически вечными. Доброкачественность вещей и бережливое обращение с ними дадут фаланге колоссальную экономию, что и позволит свести промышленный труд к норме, предусмотренной склонностями⁶³.

Сельское хозяйство носит в фаланге характер, резко отличающий его от сельского хозяйства цивилизации. Не случайно, что в приведенном нами распорядке трудового дня двух членов фаланги мы не видим ни одного сеанса, имеющего отношение к хлебопашеству. Фурье считает, что преимущественное значение хлеба как предмета питания объясняется историческими причинами, но вовсе не должно сохраняться навсегда. Хлеб сам по себе отнюдь не является излюбленной пищей людей, предпочитающих ему мясо и фрукты. Добывание хлеба связано с тяжелым трудом, влечение к которому встречается редко: пахота, жатва, молотьба весьма мало привлекательны. По всем этим причинам в гармонии, по мнению Фурье, хлеба будет добываться и потребляться очень мало; его вытеснят мясо, фрукты, молочные продукты, сладости. В

соответствии с этим и в производстве будут выдвинуты на первые места огородничество, садоводство, птицеводство и т.п., а площадь хлебных полей будет сокращена до минимума.

Распределение продукта общественного труда в фаланге отражает и закрепляет сохраняющееся в ней классовое деление. Мы уже говорили, что капиталисты-пайщики фаланги получают прибыль на внесенный ими капитал. Весь общественный доход делится в фаланге на три части. Капиталу из этого дохода причитается $4/12$, таланту - от $2/12$ до $3/12$ и труду - от $5/12$ до $6/12$ ⁶⁴. Фурье рассчитывает на весьма высокую производительность труда в фаланге. Поэтому, по его вычислениям, капиталист сможет получать на свой капитал весьма высокий процент, что должно послужить стимулом для капиталистов вкладывать средства в фалангу, дающую больший доход, чем частные предприятия. Акции фаланги по приносимому ими доходу разделяются на три категории. Наибольший процент (до 40) дают «рабочим» акции, таких акций разрешается иметь лишь одну-две. Число акций второй категории, дающей значительно меньший доход, также ограничено. Те, кто имеет большее число акций, получают около 5-7%, т.е. примерно такой же процент, какой дает капитал в системе цивилизации. Таким образом, небольшие капиталы - результат сбережений трудящихся - дают в фаланге больший доход, крупные взносы капиталистов - меньший. Капиталист, не желающий ставить свой доход в зависимость от больших или меньших успехов хозяйства фаланги, может потребовать постоянного фиксированного дивиденда.

Акции фаланги передаются по наследству, могут продаваться и по требованию держателя выкупаться самой фалангой. Фурье подчеркивает необходимость сохранения полной подвижности капитала в гармоническом строе. Сделки совершаются в определенные часы на бирже, которая имеется в каждой фаланге⁶⁵.

Причитающиеся на долю трудящихся $5/12$ - $6/12$ дохода распределяются между ними согласно установленным в фаланге основным принципам оплаты труда. Труд оценивается тем выше, чем он неприятнее, чем менее он притягателен, чем важнее он для фаланги в смысле закрепления связывающих ее уз общности. Исходя из этих принципов, фаланга определяет долю участия серий в общем доходе. Гарантеей справедливости этого распределения дохода между сериями служит самый распорядок труда в фаланге. В самом деле, если бы кто-либо был только плотником или каменщиком, он в силу корыстолюбия стремился бы защищать интересы плотников и каменщиков в ущерб другим профессиям. Но в фаланге собственный интерес будет побуждать каждого защищать строжайшую справедливость: ведь каждый участвует во многих сериях, и то, что он выиграет при несправедливом распределении как работник одной серии, он неизбежно потеряет как работник остальных.

Система распределения дохода бросает новый свет и на систему распределения труда в фаланге. Капиталисты-пайщики ассоциации могут позволить себе выбирать более легкие серии. Капиталист не заинтересован в том, чтобы брать на себя большой и неприятный, хотя и

лучше оплачиваемый, труд косца, конюха и т.п., ибо капиталист получает главную часть своего дохода не из тех $4/12$, которые причитаются труду, а из тех $4/12$, которые причитаются капиталистам в качестве процента на вложенный ими капитал. И наоборот, бедные члены ассоциации, не вносящие в нее ничего, кроме личного труда, естественно, должны стремиться к более высоко оцениваемым видам работы, хотя бы и к более тяжелым⁶⁶.

В пределах каждой серии труд также оценивается неравномерно. Более старые и достойные ее члены получают более значительную, новички - более скромную долю дохода серии. Люди, выделившиеся своими интеллектуальными способностями, получают часть из $3/12$ дохода, выделяемых таланту, причем индивидуальная ценность их труда и размер причитающегося каждому дохода определяются голосованием граждан⁶⁷. Но каковы бы ни были эти доли, каждый член фаланги обеспечен известным минимумом дохода. Он знает, что его непосредственные, наиболее насущные потребности в пище, одежде и помещении всегда будут удовлетворены. Для бедных членов фаланги, еще только вступающих в нее и не имеющих права на доходы минувшего года, этот минимум гарантируется в форме аванса, погашаемого из последующих доходов⁶⁸. Таким же авансом пользуются лица, временно нетрудоспособные. Право на минимум средств существования, как и право на труд, служат эквивалентом естественных прав человека на охоту, рыбную ловлю, собирание плодов, пастбу скота - прав, отнятых у него цивилизацией⁶⁹.

Никакого жалованья, никакой заработной платы никто в фаланге не получает. Фаланга знает только соучастников, делящих между собой общие доходы. Как капиталист в фаланге в силу привлекательности труда становится соучастником трудового процесса, так и трудящийся имеет возможность стать после более или менее длительного срока пайщиком. Фурье предполагает, что доходы фаланги будут настолько велики, что каждый ее член сможет при желании делать сбережения и приобретать на них паи фаланги. Какова бы ни была приобретенная им доля акций, все же он будет уже чувствовать себя собственником. Цель не в том, чтобы уничтожить собственность, утверждает Фурье, а в том, чтобы наемников превратить в собственников⁷⁰.

Подобно многим своим предшественникам, социалистам-утопистам XVIII-XIX вв., Фурье уделяет большое внимание внешней обстановке и быту фаланги. Все члены фаланги живут в общем громадном здании, расположенном в центре ее территории. Это здание Фурье называет фаланстером. Рассчитанное на 1600-2000 человек, оно должно быть больше даже таких дворцов, как Версальский или Эскуриал. Центральная часть его отводится для общественных учреждений: столовых, библиотек, биржи, храма, телеграфа, зимнего сада и т.д. В одном крыле будут расположены мастерские, работающие с шумом (кузница, детские мастерские), в другом - большие залы для собраний и жилые помещения. Основное здание фаланстера связано со всеми другими зданиями системой крытых и отапливаемых галерей и подземных коридоров. Таким

образом, в фаланстере можно пройти из жилых помещений в библиотеку, из библиотеки в конюшню, не зная даже, какая погода на дворе.

Потребление в фаланге должно быть организовано также на коллективных началах. Все работы, обслуживающие непосредственно потребление, производятся соответствующими сериями⁷¹. Фурье - решительный противник системы раздробленных домашних хозяйств; он приводит в пользу общественной организации потребления все те доводы, какие выдвигались в защиту потребительного коммунизма еще отцами церкви. Он вычисляет, какая огромная экономия должна получиться от замены 300 отдельных амбаров одним амбаром и т.д. Однако из этого отнюдь не следует, что потребление носит в фаланге коммунистический характер. В фаланстере имеются жилые помещения разного качества и в разную цену, кухня фаланстера изготавливает завтраки и обеды различных «классов»⁷². Помещения и стол высшего класса доступны по цене только богатым. Бедные должны довольствоваться помещением и столом низшего качества, ибо они по своим доходам не в состоянии оплатить лучшие квартиры и улучшенное питание. Фурье оговаривает, однако, что «продукты, которыми будет питаться третий класс, представляющий собой низы народа, будут гораздо тоньше и изысканнее тех деликатесов, которыми наслаждаются наши теперешние гастрономы».

Торговля в фаланге составляет монополию ассоциации, частная торговля в ней не допускается. Администрация фаланги организует общественные склады и магазины, обслуживаемые специальными сериями. Оценка продуктов производится арбитрами. Фаланга не знает в торговле посредников, которые, пользуясь своим положением, вздувают цены товаров при строе цивилизации для повышения доходов. Торговля в гармонии будет в 20 раз шире по своему объему, чем торговля цивилизации. Но она потребует для своего обслуживания в 20 раз меньше работников. Каждый член фаланги может приобретать в ее магазине все⁷³, что ему а необходимо, согласно его вкусу и его возможностям.

Неравенство в быту, как и в труде, о котором мы уже говорили связано в системе Фурье с основным социальным неравенством, характерным для гармонического строя. Выбор помещения и стола определяется не столько потребностями или трудовыми доходами члена ассоциации, сколько наличием у него капитала и размерами последнего. Точно так же не столько способностями, сколько социальным положением определяется и выбор того или иного вида труда; эти черты фаланги естественно вытекают из сохранения класса капиталистов и прибыли на капитал. Идея утратила бы всякий смысл, если бы капиталисты не имели возможности использовать свои нетрудовые доходы для улучшения условий существования. Необходимости вытекающего из этих условий антагонизма Фурье не чувствует.

С хозяйственной системой фаланги тесно связана система воспитания, так как дети и детский труд занимают значительное место в общей трудовой организации. Воспитание преследует в фаланге двоякую цель: развить в будущих членах фаланги общественные чувства и

трудовые навыки. В обществе, построенном на привлекательном труде, соответствующем склонностям, на тех же началах, очевидно, должно строиться и воспитание. Фурье - горячий пропагандист идей трудового воспитания. Человек, предназначенный к труду, проявляет склонности к нему с самого раннего возраста. Надо лишь понять и использовать эти склонности. С другой стороны, человек предназначен к жизни в широкой общественной организации - фаланге. Поэтому, утверждает Фурье, было бы совершенно ненормально воспитывать его в одной из самых узких групп - в семье. Воспитание должно быть общественно-трудовым. Организация воспитания должна быть в известном смысле подобием трудовой организации. Принцип серии следует проводить и в ней самым последовательным образом. Только такое воспитание даст обществу граждан, всесторонне развитых для жизни в гармонии, доставит самим детям максимум радостей и даст возможность обществу извлечь из детского труда громадную пользу.

Дети до трех лет находятся на попечении особой серии нянь, которая составляется из женщин, имеющих к этой работе влечение. Матери приходят лишь в установленные часы для кормления ребенка грудью. С двух лет ребенок соприкасается с трудовыми процессами, наблюдая, как работают дети старшего возраста, и возясь с игрушками, которые также должны служить целям трудового воспитания.

В силу свойственной детям подражательности ребенок обязательно начнет повторять то, что делают старшие. Так, к трем годам он успеет уже пристраститься к тем работам, которые более всего соответствуют его склонностям. В три года он сдает экзамен, после которого поступает в специальные детские «маленькие мастерские». Переходя постепенно с низшей на высшую ступень, ребенок в конце концов превращается в полноценного члена фаланги. На всем протяжении этого процесса основными принципами остаются свобода, соревнование, разнообразие⁷⁴.

Интересны, хотя и парадоксальны, соображения Фурье о методах воспитания чувств ребенка. Для развития зрения и слуха Фурье рекомендует оперу, для развития обоняния и вкуса - кухню (осознание развивается, по его мнению, позже, к половой зрелости). Опера, утверждает Фурье, сочетает в одно стройное, гармоническое целое ряд весьма разнообразных элементов: пение, игру на музыкальных инструментах, поэзию, жест, танцы, гимнастику, живопись, механику. Все элементы оперы привлекательны для ребенка, каждый из них развивает в нем полезные качества и таланты. Опера как целое может служить школой единения и гармонической деятельности. Наконец, по своему содержанию она может служить школой нравственности, в ней следует внушать детям отвращение ко всему, что оскорбляет чувство справедливости, истины и единения. Само собой разумеется, что дети, согласно общему принципу гармонического воспитания, только в самом раннем возрасте приходят в оперу в качестве зрителей, в дальнейшем становясь ее активными участниками. Не меньшее значение имеет в воспитании кухня, и ею ребенок может заинтересоваться не меньше, чем оперой: сама природа вложила в него страсть к кухне. Кухня, развивая

два чувства, необходимые для жизни человека, служит в то же время отправным пунктом для получения ряда полезных знаний в области ботаники, зоологии, анатомии, она возбуждает в ребенке интерес к агрономии и зоотехнике.

Научное образование дается в системе Фурье как надстройка над трудовым воспитанием. Учение должно иметь своей основой любознательность, которая рождается из занятий трудом. Даже интерес к изучению грамоты пробуждается в связи с интересом к тому или иному виду труда. Ребенок узнает, что из книги он может почерпнуть полезные сведения, относящиеся к любимому делу, и что продвинуться дальше в этом деле он сможет, только став грамотным. И он, конечно, сам попросит, чтобы его учили. Гораздо проще идет дело на дальнейших ступенях обучения. Отдельные виды работ сами толкают ребенка к изучению математики, химии, естествознания: этими толчками нужно только уметь воспользоваться.

Дети, принимая участие в трудовых процессах, с раннего возраста становятся полезными работниками фаланги. Но, кроме того они, как мы уже упоминали, выполняют в ее хозяйственной жизни еще некоторые специфические функции. Дети и юноши всегда имеют склонность к служению обществу. Фаланга использует эту склонность, поручая детям выполнение тех работ, которые имеют большое общественное значение и в то же время отталкивают взрослых. Привлечь к этим работам детей тем легче, что в большинстве своем они отличаются манерой неряшливости и беспорядка. Эти склонности нужно лишь развить и усовершенствовать. Они должны найти свое место в общей системе гармонии, будучи положены в основу особых детских дружин, которые Фурье называет маленькими ордами. Эти орды всегда на ногах в три часа утра, они чистят животных, конюшни и стойла, работают на бойнях, заботятся об исправном состоянии и чистоте дорог. Несмотря на отталкивающий характер этих работ, члены орд будут получать за них самое маленькое вознаграждение. За то орды будут пользоваться в фаланге большим почетом: на торжествах их приветствуют раньше всех, при их приближении звонят в колокола и т.п. Если две трети мальчиков и треть девочек обладают склонностями, необходимыми для орд, то треть мальчиков и две трети девочек обладают иными вкусами. Они отличаются чистоплотностью, любовью к изящному, к украшениям. Из них формируются маленькие дружины, задача которых - вносить в жизнь фаланги прекрасное. Они заботятся о цветниках, об украшении храмов и зал, о внешнем оформлении празднеств⁷⁵.

Фаланга - основная и независимая ячейка гармонического общества. Но она отнюдь не является самоудовлетворяющейся хозяйственной единицей. Если торговле нет места внутри фаланги между отдельными ее членами (исключая куплю-продажу акций), то торговля между фалангами представляется у Фурье весьма оживленной. Ее должны вести от имени фаланги и по ее поручению особые должностные лица. Каждая фаланга будет закупать у других фаланг крупными партиями нужные ей продукты. «Торговые обороты гармонийцев, - говорит Фурье, - будут по крайней мере в сто раз больше, чем у нас, ибо каждая фаланга

будет покупать у десяти соседних фаланг десять сортов тех или иных овощей или капусты и будет продавать им взамен десять сортов тех овощей, которые составляют ее гордость». Сделки этого рода будут совершаться публично, на биржах. Отсутствие частных торговцев освободит торговлю гармонического общества от всех недостатков, свойственных ей в цивилизации⁷⁶.

Помимо торговых сношений, фаланги в известных случаях объединяют свои силы для разрешения общих производственных задач, выходящих за пределы возможностей одной фаланги. В то время как цивилизация создает армии для разрушения, ассоциация создаст армии, служащие целям производительным. Конечно, эти армии не будут набираться насильственно. Они будут состояться добровольно, согласно общим принципам фаланги: добровольности и привлекательности труда. «Рекрутов» будет притягивать в армию сознание важности подлежащего выполнению дела, а также празднества и удовольствия, которыми будет сопровождаться работа этих трудовых армий. Такие армии, организованные для созидания, смогут за короткие сроки изменить лицо земного шара. Они превратят Сахару в плодородную страну, они проложат каналы через Суэцкий и Панамский перешейки. И они выполняют эти работы с быстротой и совершенством, недоступным для рабского и наемного труда, ибо работа в армиях будет для гармонийцев сплошным праздником и утехой для самолюбия⁷⁷.

Семья как хозяйственная единица утрачивает в фаланге всякое значение. Сельскохозяйственный и промышленный труд организован в системе серий; домашнее хозяйство заменено общественной кухней и общественным обслуживанием. Гармония осуществляет полную эмансипацию женщины⁷⁸. Женщина является совершенно равноправным членом фаланги и принимает участие наравне с мужчиной в труде различных серий. Задачи воспитания детей также отнимаются у семьи. Гармонический строй знает семью лишь как свободный брачный союз большей или меньшей длительности - союз, основывающийся исключительно на свободном влечении мужчины и женщины⁷⁹. Фурье делит людей на различные группы в зависимости от характера их половых склонностей. Молодые люди, образующие корпорацию «весталов» и «весталок», отказываются от ранних половых связей и соблюдают целомудрие до вступления в брак и перехода в корпорацию даму-азелату. Воздержание, обязательное для этой категории молодых людей, необязательно для людей более страстного темперамента. Наряду с группой «весталов и весталок» в фаланге имеется группа «ваххантов и вахханок». Но существование «весталата» и почет, которым он окружен, сдерживает чрезмерное развитие чувственности и легкого отношения к половым связям. Брачные союзы в гармонии могут быть более или менее прочными, более или менее длительными. Учитывая разнообразие человеческих характеров, Фурье допускает различные типы брачных союзов⁸⁰. Одно во всех этих типах остается обязательным: свобода заключения и расторжения брака, так как Фурье и здесь не забывает, что страсть к перемене является одной из главных страстей

человека; насилие в брачном союзе не менее ужасно, чем в других человеческих отношениях.

При общественном строе, в котором все основано на системе естественных страстей, естественных влечений человека, организация принуждения должна оказаться излишней. Оно не применяется при направлении трудящихся в ту или иную отрасль производства. Оно не применяется при распределении продуктов. Оно не нужно ни для укрепления семьи, ни для воспитания детей. Наконец, ему нет места и в отношениях между фалангами, определяемых исключительно свободными соглашениями. Естественно, что строй гармонии оказывается по существу строем анархическим, хотя Фурье не только не употребляет этого термина, но и придумывает для гармонии сложную иерархическую систему всякого рода должностей и званий.

Анархические черты гармонии связаны с общим философское историческим построением Фурье. Мы знаем, что в первоначальном строе общества - в «земном рае» на заре существования человечества - царила гармония между страстями индивидуума и общим благом, поэтому естественное состояние не знало власти. В последующие периоды эта гармония была разрушена. Насилие, власть возникли как результат разрыва между страстями и благом целого и как необходимое средство для создания хозяйственных предпосылок возвращения к гармонии. С переходом к ассоциации эти основания для отношений господства и подчинения исчезают.

В фаланге имеется орган общего руководства делами - ареопаг. Но ареопаг не издаёт никаких уставов и правил, так как они не могут заменить свободного притяжения; ареопаг не даёт приказов. Он лишь советует на основании опыта своих членов и научных данных, высказывает мнение о тех или иных начинаниях фаланги. Каждая серия может принять этот совет и может с ним не согласиться. Мнения ареопага всегда выслушиваются со вниманием, но они не имеют обязательной силы. Ареопаг не вмешивается в распределение. В состав ареопага входят руководители всех серий, избираемые самими сериями, капиталисты, имеющие в данной фаланге значительные экономические интересы, члены фаланги, по возрасту, заслугам или иным причинам пользующиеся особым уважением сограждан, «магнаты» фаланги, т.е. лица, занимающие почетные или представительные должности. Ареопаг выделяет из своей среды правление, или совет⁸¹.

Все расчеты как между гражданами и фалангой, так и между отдельными фалангами ведутся особой серией счетоводов. Счетоводство носит очень простую форму: каждому гражданину открыт кредит, соответствующий его предполагаемому доходу; все им получаемое учитывается, и баланс подводится в конце операционного года, после распределения дохода. Так же балансируются в определенные сроки сделки между разными фалангами. Все спорные дела решаются третейским судом⁸².

Несмотря на отсутствие принудительных связей между фалангами, гармонический строй приведет, по мнению Фурье, к установлению того мирового единства, которого не в состоянии достигнуть цивилизация. Это

единство найдет свое выражение в единстве основ хозяйственного строя, в единой системе прямого налогового обложения, в организации промышленных армий, в установлении общей монеты, общей системы мер, общего языка и шрифта и т.д.

Казалось бы, в этой организации нет места для монархии и монархических титулов: монарху здесь решительно нечего делать. Но среди человеческих влечений немалое место занимает честолюбие. С ним, как и с другими влечениями, вытекающими из естественных страстей человека, по мнению Фурье, не следует бороться, его необходимо использовать как дополнительное орудие для привлечения людей к общественно-полезной деятельности. Люди гонятся за титулами. Надо эти титулы сохранить как выражение высокой общественной оценки деятельности членов фаланги. Поэтому мы видим в гармонии почти полный ассортимент званий, когда-либо и где-либо существовавших. Здесь и калифы, и великие князья, и монархи различных степеней (унархи, дуархи и т.д.). На вершине этой пирамиды находится омниарх, т.е. глава всего земного шара. Число лиц, имеющих звания, Фурье исчисляет миллионами (одних унархов 2985984). Все эти звания дают право на больший или меньший почет, но не дают никакой реальной власти.

Фурье неоднократно высказывал уверенность в том, что гармонический строй легко и быстро осуществится в жизни, как только его открытие станет достаточно известным. Если, например, в 1823 г. приступить к организации пробной фаланги и в 1824 г. пустить ее в действие, то реорганизация может завершиться, по его мнению, в 1828 г. А для организации пробной фаланги достаточно убедить сравнительно небольшую группу людей, в числе которых, конечно, должно быть несколько капиталистов.

Фурье ясно видел перспективу социальных потрясений и революций, вытекающих из противоречий цивилизации. Но в социальной борьбе и в революциях он не видел способа разрешения этих противоречий. Он противопоставляет революционному пути общественного преобразования свое открытие, всех примиряющее, а потому способное привлечь к себе представителей всех классов. Для установления гармонического порядка не нужно, по его мнению даже вмешательства правительств; поэтому участие в политической борьбе бесплодно. Вся задача социального преобразования сводится к мирной пропаганде и к примеру. По утопичности своих представлений об осуществлении общественного идеала у Фурье мало равных в истории социальных идей.

Однако при всей уверенности Фурье в близком и легком осуществлении гармонии мы почти во всех его произведениях наряду с характеристикой гармонического строя находим ряд соображений о том порядке, который последует за цивилизацией, если человечество не внемлет голосу разума и бога, призывающего его к гармонии устами Фурье. Этот порядок занимает место между цивилизацией и гармонией, составляя в общей схеме общественного развития шестой период. Фурье именует его гарантизмом. Известные элементы гарантизма имеются уже в последних фазах цивилизации, что совершенно естественно, так как, по

учению Фурье, в каждом периоде намечаются черты периодов, за ним следующих. Такими чертами являются в цивилизации административное и индустриальное единство, страховые учреждения, религиозная терпимость. В режиме гарантизма сохраняется система индивидуального производства, но в качестве корректива к ней создаются кооперативные учреждения. Отдельные хозяйства объединяются в них на основе солидарности как бы для взаимного страхования. Как первый этап развития гарантизма Фурье намечает реформу торговой системы, как второй - создание солидарной системы мануфактуры, как третий - внедрение ассоциации в сельское хозяйство. Таким образом, развитие идет от частного хозяйства через частичную ассоциацию к ассоциации полной.

Наиболее характерным из намечаемых Фурье учреждений эпохи гарантизма можно считать коммунальную акционерную контору. Это - кооператив с многообразными задачами. Она доставляет населению товары, избавляя его от посредничества торговцев, выполняя функции потребительского общества. Она выдает своим членам ссуды по низкому проценту (кредитное товарищество). Она организует предприятия для переработки продуктов сельского хозяйства и дает, таким образом, земледельцам добавочный заработок в зимнее время. Она берет на себя хранение и сбыт зерна или вина, произведенных земледельцами, и освобождает их от необходимости продавать свой урожай немедленно после уборки по низким ценам (товарищество по сбыту). Фурье представляет себе, что контора, постепенно расширяя свои операции в области производства и втягивая в это производство население, постепенно усиливая элементы коллективности в хозяйстве, будет все более и более приближаться к типу фаланги⁸³. Идея коммунальных контор оказала известное влияние на развитие мелкобуржуазного кооперативного движения во Франции. Эта часть учения Фурье, представлявшаяся ему второстепенной, имела, таким образом, некоторый практический успех. Однако, как само собой разумеется, никаких тенденций к перерастанию в фалангу мелкобуржуазная кооперация не обнаружила - при всем почтении ее теоретиков к великому имени Фурье.

В организации коммунальных контор главная роль принадлежит самому заинтересованному населению. Но следует отметить, что Фурье, не придающий существенного значения помощи правительств в деле превращения цивилизации в гармонию, считает их способными содействовать введению в жизнь гарантизма. Вопреки той характеристике, какую он дает этим правительствам в связи с критикой политических порядков цивилизации, Фурье ждет от них инициативы в учреждении хозяйственных ячеек, долженствующих положить конец свойственной цивилизации хозяйственной анархии. Это - «казенные фермы». Фермы берут на себя те же функции, что и коммунальные конторы: снабжают население продуктами, дают ссуды и т.п. Но они прежде всего являются образцовыми государственными сельскохозяйственными предприятиями. Фурье уверен, что такие хозяйства быстро привлекут к себе мелких сельских хозяев, которые не в

состоянии свести концы с концами на своих индивидуальных клочках земли. А с другой стороны, они будут притягивать к себе капиталы, вытесняемые из торговли. В своем дальнейшем развитии и ферма, по мнению Фурье, ведет туда же, куда ведет и коммунальная контора, - к установлению строя гармонии.

* * *

В социальной теории Фурье немало мелкобуржуазных черт. Мелкобуржуазна прежде всего одна из основных идей гармонии - идея мирного сотрудничества капитала с трудом, идея примирения классов в фаланге. Мы знаем, что Фурье мечтает о капиталистах, которые, сохраняя свой нетрудовой доход, займутся в фаланге полезным трудом, и о рабочих, которые будут постепенно превращаться в маленьких капиталистов. В этом же смысле характерно его заявление о том, что основная задача не в уничтожении собственности, а в ее распространении и закреплении. Мелкобуржуазным настроениям отвечает представление Фурье о будущем обществе как о системе мелких, в основном самодовлеющих хозяйственных единиц. Не менее ярко сказываются те же черты в проектах Фурье для эпохи гарантизма. Основная мысль этих проектов - спасение мелких собственников от угрожающего им капитализма путем кооперирования - типичная мелкобуржуазная утопия. Конечно, в системе Фурье сказываются настроения определенного слоя мелкой буржуазии на определенном этапе исторического развития. Это - мелкая буржуазия, стоящая уже на пороге Экспроприации, чувствующая свое бессилие противостоять капиталу без некоторого объединения сил, на путях индивидуального хозяйствования. Именно в такие моменты в мелкобуржуазной среде возникают идеи артельного объединения отдельных товаропроизводителей; именно такие тенденции красной нитью проходят через утопические построения Фурье.

Идеальное общество Фурье весьма далеко от марксистско-ленинского понимания социализма как первого этапа развития коммунизма. В нем сохраняется частная собственность на средства производства в форме акций фаланги; сохраняются классовое деление общества, нетрудовой доход класса капиталистов, а следовательно, и эксплуатация трудящихся. «После всех прекрасных теорий об ассоциации и свободном труде, после пространных, полных негодования тирад против торговли, своекорыстия, конкуренции, мы на деле имеем, - говорит Энгельс, - старую систему конкуренции на улучшенных началах...»⁸⁴ Социальный строй гармонии, взятый в целом, отнюдь не соответствует классовым интересам и чаяниям пролетариата. Но в социальной теории Фурье имеется, несомненно, ряд положений, сближающих ее с социализмом. Это - идея коллективной организации производства и потребления, идея свободного труда-наслаждения, принципиальное отрицание наемного труда, гарантия минимума средств существования, устранение противоположности между городом и деревней, между физическим и умственным трудом и т.п. Это своеобразное сочетание разнородных и противоречивых социальных идей, отражая своеобразие дарования Фурье, в то же время отвечало

противоречивости положения и сознания трудящихся масс начала XIX столетия.» Рабочий класс этого времени еще не освободился от мелкобуржуазных настроений, еще не достиг ясного сознания своих классовых интересов. «Пролетариат, - говорит об этой эпохе «Манифест Коммунистической партии», - еще находится в очень неразвитом состоянии и представляет себе поэтому свое собственное положение еще фантастически...»⁸⁵

Наряду с положительными элементами учения Фурье о будущем обществе большое значение имела та критика капитализма, которую дает Фурье и которая в некоторых своих частях не утратила своей остроты и до наших дней. У Фурье, говорит Энгельс, «мы находим критику существующего общественного строя, в которой чисто французское остроумие сочетается с большой глубиной анализа. Он ловит на слове буржуазию, ее вдохновенных пророков дореволюционного времени и ее подкупленных льстецов, выступивших после революции. Он беспощадно вскрывает все материальное и моральное убожество буржуазного мира и сопоставляет его с заманчивыми обещаниями просветителей об установлении такого общества, где будет господствовать только разум, такой цивилизации, которая принесет счастье всем, - с их заявлениями о способности человека к безграничному совершенствованию»⁸⁶. Этой беспощадной критикой капитализма Фурье содействовал на известном этапе росту классового самосознания пролетариата, доставил драгоценный материал для просвещения рабочих.

Теория Фурье при всех ее мелкобуржуазных чертах оказала значительное влияние на развитие социалистической мысли XIX в. Она отражала, хотя и в фантастической форме, протест против капиталистического гнета и тем самым служила интересам пролетариата как наиболее страдающего класса капиталистического общества⁸⁷. Исходя из высокой оценки значения системы Фурье для развития социалистических идей, Энгельс резко осудил в свое время Дюринга, не разглядевшего за «чуждачествами» Фурье ни его изумительной по силе критики, ни его гениальных прозрений. Исходя из высокой оценки того плодотворного и передового, что содержит в себе учение Фурье, Энгельс признал за ним право на почетное место среди ближайших предшественников научного социализма.

1 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.1, стр.528.

2 «Theorie des quatre mouvements», p. 3 (Oeuvres completes, t.I, 3-me ed. Paris, 1846).

3 Ibid, p.31.

4 «Theorie de l'Unite universelle», t.II (Oeuvres completes, t.III, 3-me fid. Paris, 1846), p.245, 266.

5 Ibid., t.I, p. XXXV; XXII-XXIII.

6 «Le Nouveau Monde» (Oeuvres completes, t.VI. Paris, 1846), p.31 e.a.

7 «Theorie des quatre mouvements», p.11.

8 «Theorie de l'Unite universelle», t.II, p.252-253; «Theorie des quatre mouvements», p.107 и ряд других.

9 «Theorie des quatre mouvements», p.15.

10 «Theorie de l'Unite universelle», t.II, p.36; «Le Nouveau Monde», p.446.

11 «Theorie des quatre mouvements», p.68.

12 Ibid., p.70.

13 Ibid., p.54, 63; «Theorie de l'Unite universelle», t.I, p.184; «Des lymbes obscurs». - «La Phalange», 1849, I-II, p.9.

14 «Theorie des quatre mouvements», p.36, 56.

15 «Des lymbes obscurs», p.10, 24-28, 35.

16 «Theorie de l'Unite universelle», t.II, p.p.356. 207-208; «Le Nouveau Monde».

17 «Theorie de l'Unite universelle», t.II, p.208-209; «Le Nouveau Monde», p.390; «Theorie des quatre mouvements», p.265.

18 «Theorie de l'Unite universelle», t.I, p. XXIII-XXX.

19 Ibid., p.XXXI.

20 «Theorie des quatre mouvements», p.94; «Theorie de l'Unite universelle», t.II, p.241.

21 «Theorie des quatre mouvements», p.276.

22 «Theorie des quatre mouvements», p.89; «Des lymbes obscurs», p.26.

23 «Theorie des quatre mouvements», p.24-25.

24 «Theorie de l'Unite universelle», t.III, p.174-179.

25 Ibid., p.277.

26 «Le Nouveau Monde», p.8.

27 «Theorie de l'Unite universelle», t.I, p.96-97; «Le Nouveau Monde», p.28.

28 «Publication des manuscrits de Ch. Fourier». Paris, 1850-1858. t.III. p.27- 31.

29 «Le Nouveau Monde», p. 34.

30 «Theorie de l'Unite universelle», t. III, p. 92.

31 «Le Nouveau Monde», p.392 sq.

32 Ibid, p.393.

33 «Theorie de l'Unite universelle», t.II, p.43.

34 «Theorie de l'Unite universelle», t.III, p. 124; «Le Nouveau Monde», p.398.

35 «Theorie de l'Unite universelle», t.I, p. 149.

36 «Le Nouveau Monde», p.28, 39.

37 «Theorie de l'Unite universelle», t.II, p.158.

38 «Le Nouveau Monde», p.390.

39 «Theorie de l'Unite universelle», t.IV, p.385; «Le Nouveau Monde», p.33.

40 «Theorie de l'Unite universelle», t.I, p.38.

41 Ibid., t.II, p.158.

42 «Publication des manuscrits», t.I, p.291.

43 «Theorie de l'Unite universelle», t.I, p.202-203.

44 «Theorie des quatre mouvements», p.192; «Theorie de l'Unite universelle». t.III, p.119.

45 «Theorie de l'Unite universelle», t.II, p.117.

46 «Theorie de l'Unite universelle», t.II, p. XXXVIII; «La fausse industrie...», t.II. Paris, 1836, p.487.

47 «Theorie des quatre mouvements», p.188.

48 «Le Nouveau Monde», p.60.

В. П. ВОЛГИН

ЭНЕРГИИ ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.

М.: Наука. 1976

Vive Liberta, 2010

49 «Publication des manuscrits», t.I, p.22.
 50 «Theorie des quatre mouvements», p.263.
 51 «Theorie de l'Unite universelle», t.II, p.232; «Le Nouveau Monde», p.55.
 52 «Theorie des quatre mouveiments», p.81.
 53 Ibid., p.79.
 54 Ibid.; p.81.
 55 «Le Nouveau Monde», p.15.
 56 «Theorie de l'Unite universelle», t.III, p.371, 440; «Theorie des quatre mouvements», p.84-85.
 57 «Theorie des quatre mouvements», p.12; «Theorie de l'Unite universelle», t.III, p.400-403.
 58 «Le Nouveau Monde», p. 74-76; «Theorie de l'Unite universelle», t.III, p.404-409. «Theorie de l'Unite universelle», t.II, p.159.
 60 «Theorie de l'Unite universelle», t.II, p.4.
 63 Ibid., p.151.
 64 «Le Nouveau Monde», p.314; «Theorie de l'Unite universelle». t.III, p.445.
 65 «Theorie de l'Unite universelle», t.III, p.451, 454.
 66 Ibid., t.IV, p.519-525, 529, 533-534
 67 Ibid., p.505.
 68 Ibid., t.III, p.445.
 69 Ibid., t.II, p.163.
 70 «Theorie de l'Unite universelle», t.I, p.199.
 71 Ibid., t.III, p.459, 526, 530, 540.
 72 «Le Nouveau Monde», p.583.
 73 Ibid., p.411; «Theorie de l'Unite universelle», t.III, p.10.
 74 «Le Nouveau Monde», p.170-171, 180-181, 192; «Theorie de l'Unite universelle», t.IV, p.260-282.
 75 «Le Nouveau Monde», p.207-209, 214; «Theorie de l'Unite universelle», t.IV, p.166-184.
 76 «Le Nouveau Monde», p.90; «Theorie de l'Unite universelle», t.III, p.405.
 77 «Theorie des quatre mouvements», p.263-267; «Theorie de l'Unite universelle», t.III, p.557-560.
 78 «Theorie de l'Unite universelle», t.IV, p.182; «Le Nouveau Monde», p.141.
 79 «Theorie de l'Unite universelle», t.III, p.54, 59; «Theorie des quatre mouvements», p.199. 80 «Theorie des quatre mouvements», p.125, 140, 184-185.
 81 «Le Nouveau Monde», p.113-114.
 82 «Le Nouveau Monde», p.114.
 83 «Theorie de l'Unite universelle», t.III, p.284-287.
 84 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.1, стр.529.
 85 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.4, стр.456.
 86 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.20, стр.270.
 87 См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.4, стр.455.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ФУРЬЕ *

В деле изучения теорий так называемых великих утопистов начала XIX в. достигнуты за последние десятилетия значительные успехи. В частности, привлекла к себе внимание исследователей и система Фурье. Не говоря о большом количестве отдельных статей и работ более или менее популярного характера¹, мы имеем две серьезные монографии о Фурье: Буржена² и Аш³. Казалось бы, нет особого смысла возвращаться к рассмотрению темы, достаточно изученной. Однако литература о Фурье при всех ее достоинствах отличается одним общим методологическим дефектом, делающим бесполезным новый пересмотр социологических идей Фурье и их философских предпосылок.

Едва ли можно найти систему, в которой гениальные идеи были бы так тесно сплетены со взглядами, с нашей точки зрения, совершенно нелепыми, как это имеет место в системе Фурье. Тонкий наблюдатель и аналитик, Фурье дает нам ряд поразительных для его времени, исключительных по силе характеристик социальных порядков эпохи начала промышленного капитализма. Менее силен он в своей теории будущего общества - теории, во многих своих существенных чертах являющейся образцом мелкобуржуазной утопии. Все же и здесь много идей поразительно свежих, оригинальных, сохранивших интерес до настоящего времени,- быть может, много идей, которые окажутся актуальными в еще большей степени для будущих поколений. И наконец, все эти отдельные ценные части связаны в единое целое при помощи социологических и философских положений, которые заставляют некоторых биографов Фурье сомневаться в умственном равновесии автора.

Влияние учения Фурье было весьма широким. Естественно, что разные части его системы усваивались и распространялись неравномерно. Меньше всего имела успех общая концепция Фурье: даже ближайшие его ученики чувствовали потребность очистить ее от «чуждачеств». Если мы выйдем за пределы школы Фурье в узком смысле слова, то увидим, что усвоение тех или иных его положений - явление весьма распространенное. Трудно назвать социалиста XIX в., не испытывавшего на себе в известной мере влияния Фурье. Но то, в чем сам Фурье видел общую философскую основу всего своего учения, оказалось мертворожденным; части системы продолжали жить, утратив ту связь, которую давал им автор. Постепенно складывалось представление, что общие философские и социологические идеи Фурье не имеют никакого отношения к существу его системы, что их можно игнорировать как некий излишний и вредный нарос.

Такова была традиция, с которой, сознательно или бессознательно, считались новейшие исследователи. К этой традиции присоединились действующие в том же направлении добавочные мотивы. Для исследователей, конечно, должно было представляться наиболее

* Печатается по тексту 9-й главы кн.: В.П.Волгин. Очерки по истории социализма. Изд. 4-е. М.- Л., 1935, стр. 317-356. Не переиздавалась.

существенным выяснение того, что оказалось наиболее прочным, наиболее долговечным в системе. Это обуславливало неравномерное внимание к различным ее элементам, выпячивание одних в ущерб другим. Наконец, некоторые исследователи не были вполне свободны от пропагандистских заданий, от стремления ознакомить читателя не столько с гениальным мыслителем, сколько с гениальными мыслями. Признать же гениальной общую концепцию Фурье для них было невозможно.

В силу всех перечисленных обстоятельств мы имеем перед собою в большинстве трудов о Фурье не настоящего Фурье, а Фурье, несколько идеализированного, модернизированного, очищенного. Идеи Фурье даются не в той перспективе, в какой они располагались в системе самого Фурье, а в перспективе, которая привносится исследователем. Было бы еще не так опасно, если бы дело сводилось просто к игнорированию некоторых идей, признаваемых «несущественными». Но изменение перспективы неизбежно ведет к искаженному, хотя, с точки зрения исследователя, быть может, и улучшенному, изложению той стороны взглядов, которая признается «существенной». Отсюда, как нам кажется, проистекает, например, преувеличенная оценка «элементов исторического материализма», которые находит в системе Фурье Арк.А-н.⁴ А писателей менее осторожных такое отношение к Фурье приводит иногда к выводам прямо диковинным - вроде открытия Я.Харапинского, что «попытка Фурье обосновать философски социальную теорию является методологически правильной»⁵.

Настоящая статья имеет задачей лишь восстановление взглядов Фурье на социальную науку, ее предмет, метод и основные выводы. Так как Фурье действительно пытается дать своим взглядам на социальную жизнь философское обоснование, то нам придется неизбежно затронуть и философские идеи Фурье. Обратит внимание на эту сторону системы будет, думается, ввиду всего сказанного, бесполезно.

I

Рассуждение о методе - одна из излюбленных тем Фурье. Он возвращается к ней в каждом из своих крупных произведений. По обыкновению он стремится классифицировать и учесть все правила метода, подобно тому, как он учитывает и классифицирует все виды банкротства⁶. Многие из этих правил могут быть приняты лишь теми, кто приемлет общую философию Фурье. Но наряду с ними мы находим правила, так сказать, бесспорные, например: 9) «остерегаться, как бы заблуждения, ставшие предубеждениями, не были взяты в качестве принципов»⁷, 7) «принимать только ту истину, которая подтверждена опытом»⁸. К сожалению, приходится признать, что в своем построении Фурье лишь в весьма малой степени следует устанавливаемым им правилам. Они играют у него известную отрицательную роль. При их помощи он подвергает методологической критике чужие воззрения. Впрочем, и здесь они дают критике лишь некую внешнюю форму, прикрывая собой обычно простое и немотивированное отрицание того или иного, неприемлемого для автора воззрения. Примером может послужить применение цитированного нами правила 9. Принципы всех

философских систем, утверждает Фурье, основаны на заблуждениях, превратившихся в предрассудок. Таково заблуждение, что провидение ограничено и неуниверсально. Из этого заблуждения вытекает предрассудок, будто бог не создал социальных законов для человечества и будто эту задачу должен разрешить человеческий разум. Заблуждению Фурье противопоставляет «здравый принцип» иерархии: богу в направлении движения принадлежит первое место, разуму - второе⁹.

Это рассуждение является характерным образцом философских рассуждений Фурье. Фурье не доказывает вовсе, что исследуемое им положение покоится на заблуждении и потому является предрассудком. Он просто его провозглашает таковым. Точно так же он не делает попыток логически обосновать собственное положение. «Абсолютное сомнение» - исходное методологическое правило Фурье, чисто механически прилагаемое им к другим системам, теряет силу по отношению к принципам, которые он кладет в основу своей.

По существу основные положения Фурье не доказываются им согласно тем или иным методологическим правилам, а даются как некое откровение. Их можно принять по субъективным побуждениям внелогического порядка, логически они не мотивированы.

Центральным понятием философии Фурье является понятие бога¹¹. Бог есть движущий и активный принцип. Правда, наряду с ним как принципы несотворенные стоят материя и математика¹². Эти два принципа как бы ограничивают своим независимым существованием творческую волю бога. Но материя - начало чисто пассивное, приводимое в движение богом и не имеющее собственных, свойственных ей законов движения. Материя нужна в системе Фурье как несотворенная субстанция, ибо он не признает возможности творения из ничего¹³. Но законы даются ей богом.

Несколько иначе обстоит дело с математикой (или со справедливостью). Ее место в системе мироздания определяется у Фурье не вполне точно. С одной стороны, это, как мы видели, некий самостоятельный принцип, помещаемый Фурье рядом с божеством: бог должен согласоваться с математическими законами, от него не зависящими, подчиняться им. Он не может их изменить¹⁴. В силу этого бог не всемогущ. Так, он - в силу, очевидно, этих общих законов движения - не может избавить ни одного из миров от известной доли страданий. С другой стороны, Фурье эти математические законы рассматривает как законы, свойственные самому божеству. Как бы мы, однако, ни понимали соотношение бога и математики, математические законы выявляются в творении лишь через волю бога, ибо именно он, считается ли он при этом со своим внутренним свойством или с внешней для него необходимостью, устанавливает известный порядок в творении.

Уже из приведенных мест видно, что божество в системе Фурье - далеко не абстракция. Бог - личность с рядом совершенно определенных личных свойств, запечатлевающих в его творении. Об этих свойствах мы узнаем у Фурье немало любопытного. Для понимания социологии Фурье прежде всего необходимо запомнить основные свойства бога (опускаем систему их классификации): интегральное направление

движения при помощи притяжения, экономия средств, распределительная справедливость, всеобщность провидения, единство системы¹⁶. Но заслуживают внимания в связи с общей характеристикой мировоззрения Фурье также свойства вторичного порядка, о которых Фурье упоминает мимоходом. Бог, как оказывается, обладает страстями, общее число которых - двенадцать¹⁷. Страсть бога к разнообразию не была бы удовлетворена, если бы все миры шли одинаково равномерно к гармонии или, наоборот, оставались бы вечно в расстроенном состоянии.

Точно так же временные отпадения человеческого разума от путей божьих дают материал для удовлетворения страсти бога к интриге¹⁸⁻¹⁹. В «Теории четырех движений и всеобщих судеб» той же страстью бога к разнообразию объясняется тот факт, что бог дает возникать периодически в человеческих обществах зернам благодетельных или вредных новшеств²⁰. Наконец, у бога есть еще одна интересная страсть, существенная для социологии Фурье. Бог - в известном смысле существо социальное: он желает иметь соучастников в разного рода функциях. Таким соучастником бога является человек²¹; в чем его соучастие выражается, мы еще увидим ниже.

Сохраняя понятие личного бога, Фурье сохраняет также и идею творения «по образу и подобию божью», распространяя ее на весь сотворенный мир²². Само собой разумеется, что, подчиняясь законам математики, бог подчиняет им и сотворенные им миры. В этом - логическая основа защищаемого Фурье принципа всеобщей аналогии. Все миры, созданные богом, аналогичны ему и друг другу, и от одного можно умозаключать к другому по аналогии. В частности, человек есть зеркало мира, и, следовательно, для понимания индивидуальной и социальной жизни человека можно и должно пользоваться умозаключениями от известных уже законов мира материального и наоборот. Известно, как широко и как наивно применял Фурье аналогию (страсти - геометрические кривые - тона; общественные формы - небесные тела и т.п.). Известно, к каким фантастическим выводам он подчас таким путем приходил. Мы не будем останавливаться на этих деталях; для нас важно лишь выяснить их философские предпосылки.

У некоторых исследователей Фурье чувствуется тенденция несколько умалить роль божества в мироздании Фурье. Так, Арк. А-н в своей книге о Фурье утверждает, что бог не является у Фурье руководителем мира²³; Арк.А-н пытается истолковать провидение Фурье как своеобразный псевдоним закона природы²⁴. На наш взгляд, оба эти положения опровергаются в достаточной мере вышеизложенным и являются результатом отмеченного нами в начале статьи стремления «очистить» Фурье, сделать его для нас более близким и приемлемым. Для Фурье бог - не только «первый двигатель», не только «законодатель природы». Учение Фурье совершенно непохоже на деизм с его бессодержательным, абстрактным божеством. Оно более антропоморфично чем традиционное христианство. Бог Фурье - страстный бог. Акт творения удовлетворяет его страсти²⁵. Поэтому творение не должно рассматриваться как акт единичный, в интересах бога - его продлить. Фурье различает три одновременных творения, уже

имевших место (первое - пробное, уничтоженное потопом), и предвидит в будущем ряд новых²⁶. Бог, таким образом, не только создал, но и будет впредь создавать и обновлять материальное содержание мира (Фурье называет это *mobilier du globe*).

Мир управляется «законами природы»; но этот термин имеет весьма своеобразный смысл в натурфилософии Фурье. Закономерность в природе есть, но она привносится, так сказать, шанс, она дается планом бога, осуществляющего планомерно некие цели, поставленные им миру. Стоит вчитаться в такие натурфилософские рассуждения Фурье, как его рассуждение об очертаниях Земли²⁷. Распределение континентов и проливов для Фурье отнюдь не случайно, но не в том смысле, что оно является неизбежным результатом определенных условий - физических, геофизических, геологических и т.д. Оно не случайно в смысле целесообразности. Фурье объясняет нам весьма детально, какими целесообразными мотивами вызваны, например, заостренная форма южных материков или наклон земной оси, и находит, что создано «весьма добро». «Можно было бы, пожалуй, выразить недовольство, что бог слишком далеко протянул стрелку Магелланова мыса, что является временным препятствием». Но и это сделано не зря: «намерение бога было таково, чтобы этот путь был покинут, чтобы люди провели через Суэцкий и Панамский перешейки каналы, доступные для больших судов»²⁸. Целесообразность здесь, правда, относится к планам бога, но по существу в центре всего стоят, как мы видим, интересы человека, о котором бог заботится более всего.

Было бы неправильно предположить, что Фурье сознательно противопоставляет телеологическое понимание мира его каузальному пониманию. Вернее, он стоит на той ступени в развитии философской мысли, на которой еще не осознано различие этих методологических установок. Для него каузальное и телеологическое объяснение сливаются, причина покрывается целью. Очень характерна в этом отношении та критика, которую Фурье направляет против современных философов и ученых. «Как рассматривали они природу? В движении они изучали только действия, не считаясь с причинами. На всякий вопрос, относящийся к причинам, они отвечают молчанием. Спросите их, почему бог дал Сатурну, семь спутников, а Юпитеру, значительно более крупному, четыре. Они укроются от ответа за так называемым непроницаемым покровом. А между тем что же это за теория движения без знания причин? Чтобы проникнуть в них, нужно определить план, движущие пружины, механизм и цель движения. На каких основах построил бог свой план, каким правилам он следовал, какую цель он ставил?»²⁹ Правила, как мы знаем, - это математика; с этой точки зрения можно говорить о математических законах мира. Но правила подчинены цели, математические законы используются богом для осуществления телеологической закономерности.

** В первой половине XIX в. были известны 4 спутника Юпитера, открытые в 1610 г. Галилеем. В конце XIX - первой половине XX в. обнаружили еще 8 спутников этой планеты.

Итак, мир построен целесообразно, согласно определенному плану, при помощи которого осуществляется его цель. Цель эта - всеобщая гармония. Поэтому общая наука о мире может быть названа наукой о гармониях мира³⁰. По отношению к отдельным частям мироздания существуют данные богом кодексы, обеспечивающие осуществление гармонии³¹. В силу закона всеобщей аналогии и кодексы аналогичны друг другу. Задача в том, чтобы открыть эти кодексы или, говоря более общо, открыть планы бога. Это задача и разрешена Фурье: им открыты и возвещены планы бога³².

II

Как бы много места ни отводил Фурье в своих произведениях вопросам богословским и натурфилософским, в центре его внимания всегда остается проблема социальной жизни людей. Учение о божестве и творении важно ему для обоснования социальной теории.

Может ли быть, чтобы бог, позаботившийся о законах для самых ничтожных частей мироздания, для каких-нибудь насекомых, оставил без социального кодекса человека, это «зеркало мира» и «подобие божества»? Но как раз на этот счет распространены, полагает Фурье, самые превратные мнения. Утверждают, что задача создания социального кодекса лежит всецело на самом человечестве, на человеческом разуме. Но это предположение не выдерживает критики. Ведь нельзя думать, что наш разум в качестве законодателя выше божественного разума. Нельзя думать, что всеведущий бог не знал об этой слабости человеческого разума. Бог имеет большой опыт в творении и не может сделать такой ошибки³³. Остается, следовательно, одно из двух: либо бог не сумел дать нам кодекс, гарантирующий справедливость и истину, либо он не хотел дать нам такой кодекс. В первом случае - как можем мы надеяться на разрешение этой задачи своими слабыми силами; во втором случае - как можем мы мечтать о постройке здания, которого бог хотел нас лишить?

Итак, социальный кодекс существует, существуют установленные богом законы социальной жизни людей. Чтобы уяснить логический характер этих законов, прежде всего необходимо остановиться на методе, какой, по мнению Фурье, надлежит применять для их открытия.

Исходным пунктом для Фурье, как и для теоретиков естественного права XVIII в., служит здесь «природа» человека. Основная ошибка философов в том, что они, вместо того чтобы изучать природу человека, изучали лишь способы ее подавлять. В этом их отличие от физиков, и в этом причина того, что физики достигли ценных результатов, тогда как все усилия философов остались тщетными. Вряд ли Фурье представляет достаточно отчетливо, что такое «изучение природы» в физике. Во всяком случае в области социальной «природой» для него вовсе не является вся эмпирическая данность, а потому и социальный кодекс не покрывает собою всей социальной жизни людей. Природа в человеке - то, что соответствует в человеке видам бога. Так, например, индустрия (Фурье имеет в виду организацию индустрии в период цивилизации) противоречит видам бога и, следовательно, является нарушением естественного порядка³⁶. Человеческий род не пришел еще к той цели, к

которой его желает привести природа³⁷. Человек может вследствие предрассудков уклоняться от природы³⁸. Мораль с этой точки зрения есть искусство «денатурировать» человека (*l'art denaturer homme*)³⁹.

Совершенно ясно, что «природа» в социологии Фурье имеет то же значение, что у Морелли или у Мабли. Это - совокупность некоторых признаков человеческого существа, принимаемых по тем или иным причинам за основные, совокупность признаков, из которых признается возможным вывести нормы социального бытия. «Социальный кодекс» Фурье - не теория общественного развития, а новая разновидность облеченной в своеобразную форму теории естественного права. Жизнь по этому кодексу - не сущее, а должное, судьба человечества, его предназначение.

Что же в человеческой природе является для Фурье основным? Что должно в ней изучать, чтобы иметь возможность открыть социальный кодекс? Согласно общей философской концепции Фурье, в человеческой природе надлежит установить свойства, в которых выявляется воля бога. Ясно, что, зная эти свойства, на них нетрудно построить систему регулирующих социальное поведение норм, ибо и они формулируют ту же волю, в существе своем единую.

Фурье считает, что он открыл тот механизм, при помощи которого бог выявляет свою волю в человеке. Этот механизм - страсти, страстное притяжение. Страстное притяжение - истолкователь видов бога на социальный порядок⁴⁰. Страсти - элементы социального механизма⁴¹. Поэтому свобода развития страстей дает счастье⁴². Сила страстей может служить залогом согласия⁴³.

Что именно страстное притяжение является действенной силой социального механизма и толкованием божественной воли - это положение Фурье подкрепляет самыми разнообразными доводами. Часть его аргументов носит чисто эмпирический характер. Так, Фурье утверждает, что стимулы притяжения действуют непрерывно, его импульсы неизменны всегда и везде, тогда как свет разума изменчив и обманчив⁴⁴.

Признавая страсти истинным выразителем воли божьей, человек кладет конец внутренней борьбе между страстями и мудростью или законом и достигает, таким образом, внутреннего единства⁴⁵. Далее следуют аргументы от гипотетических совершенств того строя, который должен быть создан на основе признания страстей, аргументы, которые могут быть убедительными лишь для того, кто уже уверовал в спасительность притяжения по страсти. Всю серию доводов завершает довод философский от единства системы и всеобщей аналогии. «Мир, или вселенная, сообщается с богом только при посредстве притяжения; все сотворенное, от звезд и до насекомых, достигает гармонии, лишь следуя импульсам притяжения; была бы двойственность системы, если бы человек должен был достигать цели бога, гармонии и единства каким-либо иным путем, а не путем притяжения»⁴⁶.

Таким образом, страстное притяжение в мире человеческом является частным случаем общего закона, открытого Ньютоном для мира материального. Открытие Фурье дополняет открытие Ньютона, основано

для мира материального. Открытие Фурье дополняет открытие Ньютона, основано на законе всеобщей аналогии и в то же время его подтверждает. По-видимому, этот довод приводится в произведениях Фурье чаще всего. В действительности мы имеем здесь логически немотивированное отнесение одного понятия (притяжение по страсти) к другому (притяжение), как частного к общему, при помощи игры словом «притяжение». Ясно, что признание «откровения» Фурье о страстях логически необязательно даже для того, кто примет его общее откровение о боге, единстве системы и всеобщей аналогии.

Если страсти - основной элемент социального механизма и выявление воли бога в человеке, то социальный кодекс, очевидно, должен быть кодексом страстей. Иногда Фурье его так и называет: *code regulateur des societies et des passions*⁴⁷.

Нужно верить, что бог, создавая страсти, снабдил нас также средством целесообразно использовать этот материал. Исходя из страстей, необходимо и возможно построить социальный кодекс чисто логическим путем. Только избрав страсти в качестве руководителя в социальной жизни, можно быть уверенным, что следуешь по пути божью, а следовательно, прийти к справедливости, истине и социальному единству, к человеческому предназначению⁴⁸. Пока мы социальный кодекс не открыли, мы не знаем человека, ибо не знаем цели, которой служат страсти.

Теория ассоциации Фурье, построенная на учении о страстях, и есть искомый социальный кодекс, дарованный человеку богом. В силу этого ассоциация осуществляет в пределах человечества гармонию, к которой оно предназначено и которая является, как мы уже знаем, общей целью, поставленной богом миру⁴⁹. В то же время ассоциация может быть названа и естественным законом, поскольку страсти составляют существо природы человека. Ассоциация - кодекс естественный или дарованный богом⁵⁰. Поэтому же и права человека, обеспечивающие удовлетворение его страстей и подлежащие, очевидно, включению в социальный кодекс, Фурье называет естественными правами⁵¹.

Сочетание теории естественноправовой с общей откровенно теологической концепцией не должно нас удивлять. Вырастая исторически из нрава божественного в результате его рационализации, естественное право обычно носит на себе явные следы своего происхождения. Элементы теологии в нем всегда присутствуют, ибо самая сущность концепции требует соотнесения социальных явлений с должностванием. При этом дающим нормы, поставляющим человечеству цели может быть личное божество, или выступающее в качестве его псевдонима провидение, или, наконец, анонимная «природа». В теории Фурье своеобразно не соединение естественного закона и божественного, а лишь способ их соединения через механизм притяжения, являющийся в природе человека выразителем целесообразно направленной воли бога.

С другой стороны, теория естественного права связана с рационализмом. Рационалистичным прежде всего является метод раскрытия естественноправовых положений. Естественное право, в

отличие от божественного, не может даваться в форме откровения. Оно находится - так сказать, в скрытом состоянии - в самой природе человека, как потенциальный вывод из ее свойств, принимаемых за существенные и основные. Установив эти свойства построить на них систему естественного права - очевидно, задача чисто логическая. С таким методом связывается неизбежно и соответственная характеристика исторического процесса. Если разум должен логически конструировать систему норм социального бытия и если такой системы до настоящего времени как реальности не существует, то это может быть отнесено за счет слабости человеческого разума, за счет его заблуждений. Несовершенство исторических порядков - результат несовершенства разума. Такой ход рассуждений свойствен многим теоретикам естественного права XVIII в.

Теория страстей Фурье, та подчиненная роль, которую он отводит в человеческой природе разуму, его критика философов-рационалистов зачастую скрывают от глаз исследователей имеющиеся в его системе чисто рационалистические черты. Между тем они в ней имеются, они в ней не случайны и не стоят ни в каком противоречии с его учением о человеческой природе. Многие из мыслителей XVIII в., в том числе и Морелли, отводят страстям весьма существенное место в учении о человеке. И тем не менее не подлежит никакому сомнению, что Морелли должен быть причислен к последовательнейшим рационалистам. Как возможно такое сочетание, мы сейчас увидим на примере Фурье.

Страсти даны человеческой природе богом. Им же создан и кодекс страстей - социальный кодекс. Разум слишком слаб для законодательных функций⁵². Законодательная власть принадлежит богу, человеческому разуму - исполнительная⁵³. Но из этого не следует, что функции разума и его значение в истории человечества ничтожны. Как мы видели, установление гармонии, осуществление предназначения человечества, восстановление единства человека с богом - все это должно явиться результатом открытия. Необходимо открыть социальный режим, основанный на притяжении⁵⁴. Без открытия или изобретения социетарного механизма (т.е. социального кодекса) невозможно выйти из существующего хаоса⁵⁵. «Я приношу, - говорит о себе Фурье, - изобретение, которое выведет человеческий род из хаоса к счастью»⁵⁶.

Открытие или изобретение есть, конечно, дело разума, правильно подмечающего то, что составляет природу человека, и делающего из подмеченного правильные выводы. Тот, кто разрешает эту великую задачу, по справедливости может быть назван гением. Но если задача, логическая в своем существе, не была до сих пор разрешена, очевидно, это - результат неправильного метода. Наши ложные методы могли задерживать до сего дня открытие средств применения страстей, заявляет Фурье⁵⁷. Заветы божьи были нарушены ошибкой человеческого разума⁵⁸. Виды бога не были поняты учеными - эту мысль Фурье не устает повторять на протяжении всей своей литературной деятельности. Так как ученые и философы не изучали природы человека, в которой выявляется воля бога, и действовали ложными методами, то не удивительно, что в течение 25 веков они не могли открыть истину⁵⁹. Идя ложными путями,

политические и моральные науки (для точных наук Фурье делает исключение) не сделал» за 25 веков своего существования ничего для блага человечества. Немудрено, что все их попытки улучшить социальный порядок остались бесплодными⁶⁰.

Как мы видим, Фурье осуждает философов не только за то, что их философские системы ложны. Конечно, науки цивилизации и сами по себе абсурдны. Философы и моралисты - апостолы заблуждения⁶¹; но главная беда не в этом. Главное в том, что философы своими заблуждениями задерживают осуществление естественного порядка, социального кодекса, соответствующего воле бога. Человечество провело в первой фазе своего развития 7000 лет из-за ложной философии⁶². Цивилизация длилась из-за философов на 2300 лет больше, чем то было необходимо⁶³. В этом нет для Фурье ничего удивительного. В самом деле, поясняет он, если заблуждение может длиться три года у индивидуума, 30 лет - у семьи, 300 - у корпорации, то почему не длиться ему 3000 лет у человечества?⁶⁴

Неточные знания ведут к социальным уклонениям. И это отражается не только на общем ходе исторического развития человечества. Фурье иногда не прочь свести к ошибочной философии, объяснить ее заблуждениями и конкретные исторические факты. Так, Французская революция порождена ложной философией. Философы доказали этим опытом свою полную неспособность. Эти мудрецы, говорит Фурье, потратив 25 веков на усовершенствование теорий, вызвали своим выступлением столько бедствий, сколько они обещали благоденствий⁶⁵.

Философы с их ложным знанием ничего не предвидели и ничем не могли руководить. Это ложное знание должно быть отброшено, и философы должны искать новое знание, обеспечивающее общее счастье⁶⁶. А так как философы и другие представители неточных знаний упорствуют в своих заблуждениях, то Фурье полусерьезно предлагает применить по отношению к ним особый метод, который он называет *perquisition forcee*. Всех софистов четырех факультетов - метафизиков, моралистов политиков и экономистов - надлежит собрать вместе и изолировать. Пусть они посидят, подобно кардиналам в конклаве^{***}, зная, что от них требуют изобретения, а не софизмов, что они будут сидеть, пока не откроют выхода из цивилизации. И меньше чем за шесть месяцев они придут к успешному результату⁶⁷.

В связи с естественноправовыми и рационалистическими моментами в социологии Фурье следует остановиться на его трактовке понятий случайности и необходимости. Для Фурье случайность переводит цивилизацию из одной фазы в другую⁶⁸. Он считает подлежащей сомнению необходимость цивилизации⁶⁹. В частности, к своей третьей фазе цивилизация пришла случайно, без какого бы то ни было влияния

философов. Наконец, слабыми успехами социального прогресса мы обязаны случаю, а не политическим или моральным наукам⁷⁰. Ясно, что во всех приведенных примерах Фурье противопоставляет случай, случайное тому, что является результатом сознательной воли, основанной на правильном понимании «судеб». Необходимо лишь то, что оправдано ясным суждением о природе; все остальное случайно. Ибо отсутствие ясного суждения подчиняет человека случайным внешним импульсам⁷¹.

Такое отнесение к категории случайного всего, что не соответствует «природе» и «разуму», типично для естественноправовых теорий старого времени. В самом деле, если есть для общественной жизни кодекс «законов природы», понимаемый как кодекс норм, то необходимым должно представляться лишь то, что выведено «разумом» из «природы», т.е. то, что соответствует этим нормам. Все, что происходит, так сказать, вне пределов «разума» и «природы», должно представляться случайным. Подобные идеи мы находим, между прочим, в очень отчетливой форме у Морелли⁷². Однако необходимо иметь в виду, что у Фурье, как и у Морелли, цепь случайностей укладывается в некоторую телеологическую схему.

III

Итак, виды бога в отношении человечества не осуществлены: открытие Фурье впервые делает возможным их осуществление. Как примиряется в системе Фурье это положение со свойственной ей идеей универсального провидения? Как возможно, что бог, стремящийся ко всеобщей гармонии и давший человечеству обеспечивающие гармонию страсти и основанный на них социальный Кодекс, допустил уклонение от этого кодекса - уклонение, ведущее человеческий род к дисгармонии и неисчислимым бедствиям? Или, выражаясь в терминах естественноправовой теории, почему до сих пор не мог найти себе применения естественный закон, если он действительно логически вытекает из основных свойств природы человека? Эти вопросы приводят нас к философии истории Фурье.

Процесс претворения естественного права в действительности можно представлять себе двояко. Можно считать его независимым от условий времени и места. Основные свойства человеческой природы вечны и неизменны; следовательно, в любой момент истории человечества возможна организация общества на основе вытекающих из этих свойств вечных и неизменных «законов природы». С другой стороны, можно представлять себе, что к пониманию и, следовательно, осуществлению естественного права человечество может прийти лишь в результате прохождения определенного исторического пути, этапы которого являются как бы ступенями, по которым человечество поднимается к своей провиденциальной цели. Хотя мы и встречаем иногда у Фурье отдельные выражения, позволяющие сделать вывод в пользу первого варианта, эти выражения, очевидно, - лишь случайные обмолвки. Общему мировоззрению Фурье, конечно, соответствует второй вариант, который и развит им достаточно подробно в философско-исторических частях его работ.

*** Конклав - собрание кардиналов, созываемое для избрания нового папы. Оно проходит в изолированном от внешнего мира помещении (лат. *conclave* - «запертая комната»), двери которой открывают только после избрания нового папы. Для этого кандидатура претендента должна получить 2/3 голосов и 1 голос. Такой порядок установлен с 1274 г.

Бог не мог обеспечить человечеству сразу гармоническое существование. Это вытекает прежде всего из того, что для бога обязательны общие законы движения - законы математические. Одним из принципов движения является двойственность его характера⁷³. Современные мудрецы совершенно не понимают этого принципа, между тем древние инстинктивно пришли к его признанию. Именно из этого вытекает их вера в два начала вселенной: доброе и злое, вера в Оробаза и Аримана^{****}, демонов и богов. Действительно, надо отличать в движении гармоническое развитие и развитие беспорядочное⁷⁴. Оба характера движения могут быть легко подмечены в движении небесных тел. Так, кометы движутся согласно законам беспорядочного развития, тогда как планеты - по законам гармонического развития⁷⁴. Характеры движения сменяют друг друга. Поэтому Фурье думает, что кометы впоследствии от неправильного движения перейдут к гармоническому и станут планетами. В механизме мира и всех его частей чередуются века гармонии и разрушения⁷⁵.

По отношению к социальной жизни человечества этот закон двойственности движения выражается в том, что человечество в своей истории проходит некоторую кривую, аналогичную кривой

жизни отдельного индивидуума. Человечество начинает жизнь с фазы дисгармонии или восходящей бессвязности, соответствующей детству индивидуума; эта фаза должна отнять 5 тыс. лет. Она в свою очередь распадается на семь периодов: эденизм, дикость патриархат, варварство, цивилизацию, гарантизм, социентизм. Затем следуют фазы гармонии, соответствующие юности и зрелому возрасту, по 35 тыс. лет в каждой. История заканчивается новой фазой дисгармонии или нисходящей бессвязности, старостью человеческого рода,- тоже 5 тыс. лет. Таким образом, человечеству отведена жизнь в 80 тыс. лет, из них 70 тыс. приходятся на века гармонии⁷⁶.

Если отбросить приводимые Фурье точные цифры, никак, конечно, не аргументированные, то мы получим схему, довольно обычную для второй половины XVIII и начала XIX в. Развитие общества представляли подобным развитием индивидуума и Руссо, и современник Фурье Сен-Симон, и многие другие. Интересна и своеобразна у Фурье связь теории социального развития с общими принципами натурфилософии, с идеей дуализма развития. Именно исходя из этой идеи, Фурье заявляет, что бог не может избавить ни одного мира от страданий двух крайних веков. Однако необходимо отметить, что в первом своем произведении - «Теории четырех движений» - Фурье допускает некоторое отклонение от этой точки зрения. Так, он утверждает, что обитатели солнц и кольцеобразных планет, подобных Сатурну, могут миновать века восходящей бессвязности. Они обязаны этим благом богатству продуктов, доставленных им первым творением⁷⁸. Очевидно, что при

такой постановке вопроса корень социальных зол первой фазы лежит уже не в законе, обязательном для бога во всех созданных им мирах. Между мирами есть различие. Одни бог снабдил при творении лучшей двигательной силой, другие - худшей, недостаточной. Это неравенство приходится, по-видимому, отнести за счет свойственной богу, как мы уже видели, страсти к разнообразию.

Как бы то ни было, наш земной шар целиком подчинен дуализму развития. Как мы только что видели, материально это выражается в том, что бог снабжает Землю при первом творении числом продуктов, недостаточным для того, чтобы человечество могло сразу пойти по пути гармонии. Дело здесь, следовательно, не в недостатках человеческой природы. Человек создан изначально пригодным для гармонического существования, для социального кодекса. Ибо бог, создавая его, конечно, должен был иметь в виду 70 тыс. лет гармонического порядка, а не 10 тыс. лет дисгармонии⁷⁹⁻⁸⁰. Бог не создал наши страсти для варварства и цивилизации⁸¹.

В силу этого люди тотчас после первого творения стремятся группироваться согласно законам страстей. Они составляют свободные объединения, серии, необходимые для социальной гармонии. Но эти серии нестройны⁸², чем и отличаются от серий грядущих периодов. Это и не удивительно. Их возникновение не является результатом размышления и сознательного построения социального кодекса. Оно инстинктивно⁸³. Люди живут известным образом просто потому, что повинуются страстям, через которые их направляет бог⁸⁴. Характерный признак этого строя - свобода страстей, что и обуславливает счастье людей. «Первые люди вышли из рук бога счастливыми, так как они могли организовывать общество сериями, а все общества этого рода более или менее счастливы, ибо они допускают развитие страстей»⁸⁵. Общее благо в данный период совпадает со страстями индивидуума⁸⁶. Не случайно традиция повсеместно сохранила воспоминание о нем как о земном рае⁸⁷.

«Земной рай» Фурье является новым вариантом старой идеи о естественном состоянии, свойственной большинству теоретиков естественного права. При общей установке Фурье наличие в его системе, наряду с естественным правом, естественного состояния не удивительно. Интересно, что Фурье, повторяя в этом вопросе мыслителей XVIII в., совпадает с некоторыми из них не только в общей характеристике первоначального строя человеческого общества, но и в деталях. Так, Морелли, как и Фурье, свойственно представление о естественном состоянии в начале человеческого бытия как о состоянии, возникающем на основе инстинкта, а не по разумному убеждению. В этом его отличие от грядущего разумного, сознательного осуществления естественного права⁸⁸.

Эденический период не может быть длительным. Он обусловлен изобилием земных плодов при редком населении⁸⁹. С размножением человечества и с изменением к худшему природных условий (появление диких зверей) оно очень быстро должно было столкнуться с недостатком средств пропитания. При слабости человечества оно не могло в борьбе с

**** Характерный для зороастризма дуализм противопоставлял два вечных начала - добра (света) и зла (тьмы), борьба между которыми и составляла содержание мирового процесса. Силы добра возглавлял Ахура-мазда (позднее - Ормузд), силы зла - Анхра-Майно (позднее - Ариман).

этим препятствием сохранять гармонический строй, ибо гармония требует изобилия⁹⁰. Чтобы вновь достигнуть гармонии, человечество должно прежде накопить силы, что оно и осуществляет в течение следующих четырех периодов, развивая индустрию. Человек, следовательно, как бы отступает от того пункта, на котором он уже находился, разбегается, чтобы лучше прыгнуть⁹¹. Если бы крупная индустрия могла возникнуть в первый период, то не было бы необходимости в страданиях последующих периодов (дикость, патриархат, варварство, цивилизация⁹²). Человеческий род должен был из свободного состояния перейти к варварству и рабству, чтобы подняться от простой индустрии к сложной⁹³.

Дикость, патриархат, варварство и цивилизация - ступени, по которым человечество восходит к своей судьбе⁹⁴. Последняя из ступеней, цивилизация, - как бы временная болезнь роста, соответствующая прорезанию зубов. Все это - века дисгармонии, не соответствующие целям бога, но оправдываемые, как мы видим, с точки зрения общего плана мироздания, как этапы на пути к целям, пока еще не достигнутым. Лишь в результате 2-5-го периодов человеческий род накопил достаточно сил, создал достаточно развитую индустрию, чтобы приступить к построению гармонического порядка. Лишь тогда, когда люди к нему перейдут, восстановится и гармония между страстями индивидуума и общим благом, гармония, некогда существовавшая, но разрушенная в результате отхода человечества от естественного порядка и веков негармонического существования.

Необходимо подчеркнуть еще раз ту последовательность, с которой Фурье проводит в своей философии истории телеологическую точку зрения. Основным для него всегда остается не вопрос почему, а вопрос для чего. Его интересует не столько объяснение отдельных моментов в развитии человечества с точки зрения их причинной связи, сколько место, которое они занимают в плане восхождения человечества к его цели. Для него важно показать, что века дисгармонии были нужны для создания крупной индустрии и что крупная индустрия нужна для гармонии, наконец что все историческое движение в целом нужно для осуществления общего провиденциального плана. Конечно, он не может не говорить иногда о конкретной связи явлений, следовательно, об их причинной связи. Его соображения бывают иногда интересны, и мы к ним еще вернемся. Но для его телеологической концепции это - вопросы второстепенные.

Мы проследили действие одного двигателя, вызывающего необходимость веков дисгармонии, общего закона дуализма развития, выражающегося по отношению к человечеству в определенной кривой его развития и осуществляемого богом посредством диспропорции между потребностями человека и ресурсами окружающей его среды. Но в то же время Фурье, как мы уже видели, признает наличие еще одного фактора, влияющего на темп и ход развития и способного задерживать человечество в веках дисгармонии. Этот фактор - человеческий разум. Иногда Фурье как будто выдвигает даже разум на первое место в качестве силы, с которой связана дисгармония⁹⁵.

Рационалистическая тенденция увязана Фурье с общим провиденциальным планом божества весьма оригинально - при помощи идеи ассоциации, сотрудничества бога с человеком в руководстве вселенной. Философы заблуждаются, возлагая все на человека без социетарного вмешательства бога. Но ошибаются и богословы, сводя роль человека к нулю, все предоставляя богу⁹⁶. Бог не был бы справедлив и счастлив, если бы лишил свои создания всякой возможности влиять на движение. Это был бы деспотизм, предопределение, фатализм. Бог хочет иметь в человеческом разуме сотворца. Он предоставил нашему разуму честь вмешиваться в творение⁹⁷. Половину дела он всегда дает в руки своих созданий, желая видеть в них соучастников, а не рабов⁹⁸.

Итак, неверно, что разум единовластен, но неверно также, будто всякое движение от бога. Бог двигает человека согласно своей воле через посредство притяжения по страсти; но если бы всякое движение было от бога, как было бы возможно существование варварства и цивилизации с их подавлением притяжения для семи восьмьх населения и передачей руководства социальным движением в руки человеческого разума с исключением бога? В цитируемой фразе как будто самое существование периодов дисгармонии объясняется, вопреки изложенному выше, заблуждением человеческого разума. Но возможно, что это только неудачно отредактированное выражение. Необходимо иметь в виду, что то произведение, из которого взята цитата, осталось в рукописи, не вполне обработанной, в которой многие слова даны в сокращенном виде¹⁰⁰. Во всяком случае в той же работе несколькими страницами дальше мы находим уже другое, более узкое определение возможностей, предоставляемых богом человеческому разуму. Бог оставляет нам многочисленные шансы: замедление или ускорение в открытии, возможность миновать некоторые периоды¹⁰¹. О возможности выдумать какие-либо периоды, в плане бога не предусмотренные, здесь нет уже речи.

В человеке действуют два импульса: божий, выражающийся в данных богом страстях, и человеческий, исходящий от разума. Для гармонии необходимо их согласование, к которому человек свободен прийти, но к которому он пока не пришел. Поскольку это так, постольку человеческий разум и человеческая наука заслужили полностью упреки в задержке социального развития, на которые, как мы видели выше, Фурье не скупился. Если пройти через страдания первой фазы было необходимо для создания крупной индустрии, то чрезмерная длительность этих страданий может быть поставлена в вину человеческому разуму. Для выхода из дисгармонии нужны, таким образом, два условия: крупная индустрия и открытие разума¹⁰². Первое условие уже давно выполнено. По мнению Фурье, уже во времена Солона можно было перейти к системе гармонии. Второе дано открытием Фурье. Поэтому человечество могло бы теперь, в силу предоставленных богом человеческому разуму шансов, перескочить через два последних периода первой фазы и сразу вступить в век гармонии¹⁰³. Для тех же народов, которые до сих пор стоят на ступенях варварства и патриархата,

открываются еще более приятные перспективы, чтобы миновать все периоды, отделяющие их от гармонии, не исключая и цивилизации¹⁰⁴.

Резко осуждая несовершенство знания, тормозящее ставший давно возможным переход к гармонии, Фурье в то же время признает, что это несовершенство в известные периоды было необходимым, т.е. опять-таки оправданным с точки зрения общего провиденциального плана. Оно нужно было тогда, когда был невозможен выход из состояния дисгармонии. В самом деле, что получилось бы, если бы бог дал совершенное знание судеб в эту эпоху? Знание повергло бы наших предков в полное отчаяние. Предвидя прекрасное будущее, они должны были бы коснеть в варварстве, поскольку для осуществления гармонии была необходима более высокая ступень развития индустрии. Мало того, они отнеслись бы с пренебрежением к усовершенствованию индустрии, зная, что плоды это принесет лишь их отдаленным потомкам. Всеобщая апатия охватила бы народы. А может быть даже они начали бы сознательно вредить развитию индустрии и тем сделали бы невозможным переход к гармонии¹⁰⁵.

Таким образом, между действием обоих факторов, препятствующих осуществлению социального кодекса, существует до известного момента некая предустановленная гармония, объясняемая тем, что оба они связаны в единстве божественного плана социального движения. Несовершенство знаний и несовершенство индустрии в этом плане параллельны друг другу. О расхождении человеческого разума с божественной волей можно говорить лишь по отношению к тому периоду, когда индустриальные предпосылки социального кодекса уже созданы. Здесь начинается уже «непослушание» в отношении божественных планов. А так как божество - существо, обладающее страстями, оно не может к этому послушанию относиться равнодушно. Фурье поэтому вполне последовательно со своей точки зрения утверждает, что непокорные миры получают от бога наказание в виде мучительного неудовлетворенного влечения¹⁰⁶. Но этим наказанием психологического свойства дело не ограничивается. Та непрочность империй цивилизованных наций, те революции, которые они все переживают, - все это кары природы и божества за неисполнение их воли. Природа хочет как бы показать этими потрясениями непригодность построений человеческого разума, абсурдность современных человеческих знаний. Бог внушает ими необходимость следовать его планам¹⁰⁷.

IV

Таковы основные контуры социологического построения Фурье. Мы видели его общий телеологический характер, констатировали присутствие в нем элементов рационалистических, естественноправовых, выяснили, как связываются эти элементы с провиденциальным планом. Мы можем теперь приступить к рассмотрению материалистических элементов этой сложной системы без опасения преувеличить их значение.

Были ли в социологической системе Фурье черты материализма? И если были, то какое место они в ней занимали? На первый вопрос приходится дать утвердительный ответ. Отдельные заявления, а иногда и

частичные конструкции материалистического характера мы находим почти у всех социальных мыслителей XVIII в. Было бы странно, если бы их совсем не оказалось у Фурье, жившего в пору возникновения во Франции капиталистической индустрии и специально интересовавшегося экономическим переустройством общества. Одну из таких черт мы уже попутно отметили. Это - идея диспропорции потребностей человека и ресурсов природной среды как двигатель социального развития.

Указанная мысль не является самостоятельным достижением Фурье. Нетрудно убедиться, что она заимствована им у того автора, о котором он сочувственно отзывается в связи с характеристикой естественного состояния, - у Руссо. В самом деле, и в теории Руссо предпосылкой «естественного состояния» является редкость населения и - в связи с нею - легкость удовлетворения потребностей. И в теории Руссо толчком к дальнейшему развитию служат трудности в удовлетворении потребностей, трудности, возникновение которых обусловлено размножением человечества. Если Фурье и вносит в эту концепцию известные дополнения, то лишь дополнения, затемняющие основное положение о зависимости форм жизни человечества от соотношения его с окружающей средой, доставляющей ему средства к существованию. Так, в числе условий, необходимых для организации серий первобытного общества, он вводит как нечто равноправное отсутствие представительных знаков богатства или отсутствие предрассудков, как будто и то и другое никак не связано с общим типом отношения человека с природой и не может быть к нему сведено¹⁰⁸⁻¹¹⁰.

Как бы то ни было, недостаточность сил человека для удовлетворения его потребностей в данных природных условиях - такова основная пружина исторического развития по теории Фурье, по крайней мере на первых ступенях¹¹¹. На каждой ступени человек достигает известных успехов, но рост населения каждый раз вновь воспроизводит затруднения, делающие необходимым дальнейшее движение. Противоречие между потребностями и ресурсами ведет вперед; на этом диалектическом моменте мы еще будем иметь случай остановиться.

Однако в понимании самого процесса исторического развития, связи и последовательности составляющих его явлений теория Фурье в некотором отношении является шагом назад по сравнению с теорией Руссо. У Руссо уже имеется представление о том, что трудности в удовлетворении потребностей ведут прежде всего к изысканию новых средств для добывания пропитания, к росту производительных сил. Отличительными, основными признаками исторических периодов он склонен считать признаки производственные и из них уже выводит все прочие особенности данного периода. Так, весь строй первого периода после выхода из естественного состояния он объясняет, исходя из охоты и рыбной ловли, строй второго - из металлургии и земледелия. У Фурье в его характеристиках периодов признаки производственные также имеются. Напомним, что цель прохождения человечеством этих периодов, согласно божественному плану, и состоит в создании крупной индустрии. Поэтому эпоха патриархата имеет признаком мелкую индустрию, варварство - среднюю и цивилизация - крупную¹¹². Но

признаки каждого периода выводятся Фурье не из производства, а из игры страстей. Характерный признак, отсутствие или присутствие которого определяет период, признак стержневой, как выражается Фурье, связан не с производством, а с любовью¹¹³.

Характерным признаком эденизма является свободная любовь, варварства - абсолютное рабство женщины, цивилизации - исключительный брак. Стержневой признак всегда влечет за собою все остальные. Поэтому, если бы, например, варвары усвоили исключительный брак, они очень скоро стали бы цивилизованными; если бы мы усвоили рабство женщины, то очень скоро превратились бы в варваров. Остальные признаки являются побочными, и лишь очень медленно их возникновение может привести к смене периода. Это влияние «любовных обычаев» на социальный порядок Фурье и не пытается связать с механизмом борьбы человека с природой. Для его объяснения он прибегает к более легкому и более привычному методу - к раскрытию плана божества. Бог желал, чтобы счастье и несчастье человека были пропорциональны свободе и принуждению. Свободой же он считает лишь свободу обоих полов. Поэтому для периодов несчастья он назначил стержень (pivot) - порабощение женщины, а для периодов блага - прогрессивное ее освобождение¹¹⁴.

Так обстоит дело с периодами до открытия и установления социального кодекса. Что касается периодов дальнейших, гармонических, то они будут отличаться друг от друга, по-видимому, только последовательными улучшениями природы посредством новых творений¹¹⁵. Здесь Фурье, таким образом, уже совершенно отрывается от той материальной почвы, на которую он попытался было стать, следуя за Руссо, в своей трактовке первых ступеней исторического развития.

Попробуем теперь присмотреться к тому, как, собственно, представлял себе Фурье конкретно переход от одного периода к другому. Прежде всего очень характерно для Фурье, что мы, в сущности, можем только догадываться о том, как добывают себе средства существования люди первого, эденического периода. Вероятно, частью простым собиранием даров природы, частью охотой, рыбной ловлей и скотоводством. Так можно заключить из того, что Фурье отмечает изобилие стад, плодов, рыбы, птицы¹¹⁶. Этому же предположению соответствуют и те «естественные права», которыми пользуется первобытный человек: охота, рыболовство, собирание плодов, пастьба. Сверх того, существовали уже и зачатки земледелия¹¹⁷. Когда настает нужда (и появляются дикие звери), это вызывает не развитие производительных сил, как у Руссо, не переход к новым формам производства, а непосредственно социальный переворот: распадение серий и организацию несвязных хозяйств¹¹⁸. Возникает индивидуальная семья, семьи связываются в орды, вожди которых не имеют еще принудительной власти¹¹⁹. Женщина ставится в подчинённое положение. Этот строй - дикость. В период дикости люди постепенно отходят от земледелия и занимаются главным образом скотоводством¹²⁰. О росте производительных сил в этот период вряд ли можно говорить.

Следующий период - патриархат - возникает, как и дикость, в результате роста населения и нужды. Но патриархальное общество стоит на той же производственной базе, что и дикое. Меняется лишь общественная организация. Орда распадается в силу внутренних раздоров на почве недостатка пищи; в изолированной семье вырастает деспотическая власть отца. Остальные члены семьи попадают в полурабство¹²¹. Так зарождаются отношения господства и подчинения. Но, с другой стороны, эта организация семейного принуждения делает возможным развитие производства, что и придает, так сказать, провиденциальный смысл периоду. Таким образом, и здесь изменение социальных отношений является не следствием, а предпосылкой развития производительных сил и новых форм производства.

Переход от третьего периода к четвертому обрисован у Фурье не так отчетливо. Мы с трудом улавливаем движущую силу этого периода - вероятнее всего, ту же, что и в двух предыдущих случаях. Зато с тем большей яркостью выступает его оправдание с точки зрения целесообразности общего плана. Патриархат не мог продвинуть далеко развитие индустрии. Организованные в эту эпоху самостоятельные семьи начинают соединяться; из власти отцов вырастает деспотизм, и с ним приходит новый период - варварство. Общество распадается на два класса - господ и рабов¹²². Это, так сказать, пункт наибольшего отступления рода человеческого, время полного промышленного и женского рабства и кровопролитных войн. Но вместе с тем рабство обуславливает подъем индустрии, необходимый для осуществления гармонии. Человек приобретает в варварском состоянии достаточно мастерства, чтобы образовать с материальной стороны гармонию¹²³.

Такова картина развития человечества до вступления в современный период - цивилизацию. Оценивая ее, мы должны признать, что Фурье, заимствовав у Руссо важный для материалистической социологии принцип борьбы человека с природой, не сумел сделать из него даже тех выводов, какие сделал сам Руссо. Схема Руссо: недостаток средств существования - новая система производства - новый социальный строй - заменена у Фурье другой: недостаток средств существования - новый социальный строй - новая система производства. Для нас понятно, почему это произошло: такая схема больше соответствует общей телеологической установке Фурье. Развитие индустрии играет большую роль в концепции Фурье, но не как движущая сила, а как цель определенного отрезка истории, в свою очередь подчиненная высшей цели - гармонии. Поэтому и каждый период имеет достижение известного уровня индустрии своей целью, по отношению к которой особенности социального строя являются средством, организационной предпосылкой. Само собой разумеется, что этот телеологический индустриализм имеет с историческим материализмом лишь некоторое внешнее сходство.

Гораздо ближе к историческому материализму по существу ряд замечаний Фурье, относящихся к периоду цивилизации. Это и не удивительно. Фурье, как мы уже говорили, - наблюдатель исключительно тонкий, и от него не смогли ускользнуть те черты современных ему

отношений, которые красноречиво подтверждают зависимость политического строя и идеологии от экономических отношений. Однако, чтобы и здесь не впасть в преувеличение, остановимся прежде всего на общей характеристике периода и его места в провиденциальном плане.

Цивилизация - отнюдь не капитализм. Этот период охватывает у Фурье громадный отрезок времени, объединяя ряд самых различных экономических формаций. Начинается он с Греции и Рима классической эпохи и кончается современностью. Само собой разумеется, что единого производственного признака цивилизация не имеет и иметь не может. Остается неясным вопрос о генезисе цивилизации. Можно думать даже, что цивилизация, логически следующая за варварством, исторически параллельна ему, вырастая непосредственно из последней фазы патриархата путем смягчения зависимости женщин¹²⁴. Зато может быть установлен с достаточной точностью ее смысл, ее место в плане исторического развития. Цель цивилизации - в дальнейшем развитии индустрии, созданной во времена варварства и рабства на новых, более совершенных основах свободы.

Цивилизация, как и всякий период в системе Фурье, делится на ряд более мелких периодов - фаз. В течение первых фаз происходит как бы восхождение, постепенное утверждение принципа индивидуальной свободы, вытеснение им различных форм рабства и зависимости. В первой фазе освобождается женщина, ей предоставляются гражданские права. Вместе с тем формы деспотии сменяются более мягкими формами дворянского феодализма. Во второй фазе происходит освобождение трудящихся и в связи с ним - развитие наук и искусств, необходимых для индустрии. С окончанием второй фазы цивилизация достигает своего апогея, или полноты, выражающихся в экспериментальной химии и искусстве мореплавания. И то и другое - необходимые условия совершенства индустрии. Но, достигнув этих успехов, цивилизация уже выполнила свое предназначение, создала все предпосылки для осуществления периода, идущего ей на смену¹²⁵.

Мы достигли промышленной зрелости к середине XVIII в., мы обладали двумя характерными чертами апогея; было необходимо немедленно найти выход из цивилизации¹²⁶.

Этого выхода не было найдено, и цивилизация должна была пойти по нисходящей линии. Сами достижения знаний, не будучи должным образом использованы, начали служить ей во вред. Так, искусство мореплавания породило две отрицательные черты третьего периода - торгашеский дух и островную монополию¹²⁷. Избыток наших знаний и индустрии вреден нам, как вредна самая здоровая пища, если ее съесть в чрезмерном количестве. В третьей фазе свобода вырождается в торговую анархию, которая неизбежно ведет к монополии торговых компаний. Если мы и дальше будем оставаться в цивилизации, то мы неизбежно опустимся по ее кривой еще ниже, вступив в четвертую фазу - коммерческого феодализма, развивающегося из торговых компаний и подчиняющего всех своему господству. Таким образом, цивилизация, начавшаяся с процесса индивидуального освобождения, заканчивается

как процесс коллективного порабощения¹²⁸, как тирания индивидуальной собственности над массой¹²⁹.

Схема цивилизации имеет, как мы видели, характер необходимости лишь в своей первой половине. Вторая половина могла и не быть осуществлена, если бы нашелся своевременно гений, способный вывести человечество из цивилизации путем открытия. После того, что мы говорили выше о рационалистических элементах системы Фурье, это вмешательство гения не является для нас неожиданным. Оно - одна из возможных в теории Фурье поправок разума к ходу исторического развития. Но попробуем игнорировать это рационалистическое искажение схемы и рассмотрим ее в том виде, как она дана в таблице во всей полноте четырех фаз, как обязательных, так и необязательных.

Диалектический характер развития цивилизации при таком устранении действия разума бросается в глаза. Цивилизация движется вперед, в ее пределах растут и накапливаются силы человечества в области индустрии и науки. К известному моменту человечество достигает всего, что оно могло достигнуть в рамках цивилизации. С этого времени дальнейшее развитие становится возможным лишь при условии выхода из формы, давшей уже все, что могла она дать. Достижения цивилизации начинают ее разрушать, служа уже не на пользу, а во вред человечеству. Цивилизация деградирует, настает пора вступить в жизнь новому периоду.

Фурье особенно подробно характеризует цивилизацию как наиболее интересный для него период. Но схема четырех фаз свойственна каждому периоду, и, очевидно, развитие каждого мы должны представлять себе, по аналогии с цивилизацией, диалектическим. Это заключение вполне согласуется с тем наблюдением, какое мы сделали выше по поводу противоречия между потребностями человека и его ресурсами как движущей силы исторического процесса. Следует лишь оговорить, что в периодах от второго до четвертого развитие идет, так сказать, в обратном порядке: по нисходящей кривой в первой и второй фазах и по восходящей - в третьей и четвертой. Это объясняется тем, что в данные периоды человечество вообще отступает, чтобы затем сделать прыжок вперед¹³⁰.

В этой связи следует обратить внимание еще на одно, очень существенное обстоятельство. Развитие каждого периода аналогично не только развитию других периодов, но и развитию человеческого общества в целом. Период как бы воспроизводит в миниатюре общую кривую исторического процесса: детство, юность (восходящее крыло), апогей, возмужалость, старость (нисходящее крыло). Человечество, преодолев основное противоречие своего земного существования в течение первой фазы путем накопления индустрии, достигает высшей доступной для него гармонии: исчерпав ресурсы планеты, идущие на убыль, оно вновь сталкивается с тем же противоречием, которое, возрастая, возвращает человечество к исходному пункту¹³¹.

Таким образом, в философии истории Фурье имеются несомненно весьма интересные черты бессознательной диалектики. Но диалектическая связь сплошь и рядом разрывается под влиянием

рационалистических элементов мирозерцания Фурье и его общей телеологической установки. Получается концепция в высшей степени сложная и пестрая. А так как все ее разнородные части Фурье стремится объединить идеей бога и провиденциального плана, то и диалектика приобретает у него известный телеологический привкус, несмотря на наличие отмеченных нами выше материалистических положений. В самом деле: и дальнейшее прогрессивное развитие человеческого общества оказывается невозможным по достижении «апогея» ввиду того, что человечеством осуществлено уже божественное предназначение; и в развитии цивилизации наступает перелом и начинается нисхождение ввиду того, что она уже выполнила то, что было ей отведено в божественном плане.

Можно, конечно, игнорировать телеологию и попытаться конструировать диалектическое развитие цивилизации, исходя из материалистического Положения, о котором мы уже не раз говорили (противоречие потребностей и ресурсов). Но это будет как раз той модернизацией Фурье, которой мы стараемся избежать, модернизацией, которую нельзя произвести без насилия над мыслью Фурье. Действительно, если мы обратим внимание на характеристику отдельных фаз цивилизации, то убедимся, что для Фурье материалистический анализ отступает на второй план перед телеологической конструкцией. Иногда он к материалистическому анализу прибегает, иногда он об этом методе забывает. Провиденциальный план, наоборот, всегда у него перед глазами.

Первая фаза цивилизации начинается с дарования гражданских прав женщине. Если порабощение периода варварства так или иначе связывается Фурье с материальным мотивом, то здесь Фурье такого мотива не приводит. Вообще каузальная связь цивилизации с предыдущим периодом его как будто не интересует. Рядом с гражданскими правами супруги стоит в качестве признака фазы дворянский феодализм, который, очевидно, служит связью между первой и второй фазами, так как в «Новом мире» он отнесен к первой, а в «Теории всемирного единства» - ко второй¹³². Дворянский феодализм меняет форму рабства, привязывая трудящегося к земле, а не к господину, что облегчает процесс его освобождения. Постепенно коммуны, получая уступки то от жадного отца, то от доброго сына, приходят к свободе¹³³. И здесь представление о каузальной связи отдельных социальных явлений чрезвычайно сбивчиво и неясно; ни о материалистическом принципе их группировки, ни вообще о каком-либо принципе говорить не приходится. Если мы вспомним то изображение процесса освобождения индустриалов, какое было дано почти одновременно с Фурье Сен-Симоном, неотчетливость построения Фурье бросится в глаза особенно резко. Сен-Симон при всем своем историческом идеализме подчеркивает производственную основу как власти феодального дворянства (роль его в организации сельского хозяйства), так и роста удельного веса индустриалов. У Фурье производство, изменение его характера остается в тени при изложении первых фаз цивилизации. Зато их смысл с точки зрения плана истории

растолковывается неоднократно и очень детально во всех основных работах Фурье.

Наоборот, очень интересна с экономической точки зрения характеристика двух последних фаз цивилизации. Основные признаки фаз - признаки экономические. Экономическое развитие рассматривается здесь как стержневое. Все прочие признаки так или иначе связаны с экономикой. Это, например, для третьей фазы: меркантильный и фискальный дух, акционерные компании, анархическая торговля, экономические иллюзии. Мы не будем останавливаться на детальном рассмотрении всего, что дано Фурье в виде экономического анализа третьей фазы цивилизации. Здесь Фурье имеет дело уже не с историей, а с современностью. Здесь вступают в силу все положительные стороны его гения. Страницы, посвященные критике экономического строя цивилизации, все исследователи признают самыми блестящими страницами в произведении Фурье. Эта часть учения Фурье поэтому более или менее общеизвестна и излагать ее - значило бы выйти за пределы поставленной нами задачи.

Надлежит остановиться лишь на двух моментах, дополняющих наше представление о материалистических чертах в социологии Фурье. Эти моменты - воздействие экономических отношений на государство и на идеологию. Фурье нигде не ставит как особую проблему вопрос о государстве, его генезисе и его социальной природе. Отдельные, разрозненные замечания, какие мы находим у него по этому вопросу, связывают генезис государства с рационалистическими чертами в учении Фурье. Поскольку в «естественном состоянии», в эденизме, осуществлен социальный кодекс, основанный на страстях, - страсти индивидуума не стоят в противоречии с общим интересом, а потому нет никакой нужды в организации насилия, в принудительной власти. Уходя от естественного состояния, человечество разрывает связь между страстями и общим интересом. Во втором периоде - дикости - возникает поэтому известная иерархия, появляются вожди, но элементы принудительности имеются только в семье. Эти элементы растут в патриархате, достигают своего полного развития в варварстве, уже целиком построенном на принуждении. Варварство есть также период с наиболее четким классовым делением - господа, рабы; но функциональной зависимости между классовым расслоением и государством Фурье не устанавливает.

Классовое расслоение предыдущего периода с известными модификациями переходит в цивилизацию. Здесь нет уже индивидуального рабства, но зато есть рабство коллективное, обусловленное экономическими причинами, экономическим неравенством. Это неравенство делит общество цивилизации на резко противоположные и враждебные классы. Основное деление, проходящее красной нитью через все произведение Фурье, - деление на богатых и бедных, или, иначе, бездельников и трудящихся. Иногда Фурье делает попытки пойти дальше этого деления, обычного уже для социалистов XVII-XVIII вв. Но и в этих случаях, со своей страстью к детальным классификациям, он дает схему, непосредственно не связанную с производственным признаком. Так, в «Новом мире» он говорит о пяти

классах: двор, знать, буржуазия, народ и чернь. Эти пять классов в свою очередь подразделяются на подклассы: так, в буржуазии выделяются банкиры и финансисты, крупные торговцы и крупные собственники, мелкие торговцы и мелкие собственники¹³⁴.

Теории всемирного единства» Фурье говорит как о классах, о законниках, врачах, военных и т.д.¹³⁵

Каждый класс относится враждебно к другим классам. Но над всеми этими классовыми противоречиями господствует как основное противоречие между богатыми и бедными. В цивилизации только одна восьмая населения стоит за существующий строй, а семь восьмых им недовольны. Наемные рабочие и мелкий люд тотчас восстали бы против цивилизации, если бы не боялись. Именно из этого основного противоречия вытекают опасности социальных потрясений и революций. В данном контексте для нас несущественно, что Фурье не видит в этой классовой борьбе (*guerre-intestine*, как он выражается)¹³⁷ способа разрешения внутренних противоречий цивилизации, что он противопоставляет ей свое открытие, всех примиряющее. Важен самый факт признания им наличия в цивилизации противоречия классовых интересов и влияния их на государство.

В самом деле, Фурье дает бесчисленное множество доказательств того, что государство всегда оказывается на стороне богатых и как будто создано для того, чтобы обеспечить их власть. Опора цивилизации - солдаты. Политика современных государств состоит в том, чтобы вооружать небольшое число бедных рабов и с их помощью держать в руках массу безоружных бедняков¹³⁸. Таким образом, государство - организация власти над бедняком, направленная своим острием против его интересов. Бедный класс совершенно лишен политической и социальной свободы¹³⁹. Она составляет удел небольшого меньшинства людей, обладающих богатством. Постоянным признаком цивилизации является тирания частной собственности над массой¹⁴⁰. Классовый характер государства сказывается во всем. Стоит обратить внимание хотя бы на суд. В сущности мы имеем здесь дело с косвенным отказом бедняку в справедливости¹⁴¹. Ему не отказывают прямо. Он, конечно, свободен защитить себя перед судом; но ему нечем оплатить издержки процедуры.

Его богатый противник тянет дело по инстанциям, и он вынужден в конце концов отступить.

С другой стороны, государство, столь суровое к бедным, идет на поводу у самых недостойных вождельцев богатых. Оно покровительствует явно разбойничьим проделкам торговцев. Меркантильный дух деспотически господствует над самими суверенами¹⁴². Правительством командует негодянт. Только коммерция руководит политикой¹⁴³. Это - власть, которая входит в долю с правительством. Не имея легального авторитета, она стоит наравне с легальными повелителями и берет себе львиную часть. Но этого ей еще мало. Пользуясь растущей задолженностью правительств, она стремится стать выше их и взять их под свою опеку¹⁴⁴. Порабощение правительств все возрастает¹⁴⁵.

Если мощный механизм государства является, таким образом, игрушкой в руках экономически сильных социальных групп, могут ли остаться свободными от воздействия этой экономической силы философия, политика и мораль? Мы видели выше, что несовершенство этих отраслей знания является значительным фактором, тормозящим выход человечества из веков дисгармонии в века гармонии. Поскольку человеческий разум в предоставленной ему свободе не успел открыть истинной социальной науки, он был «подвержен» случайным импульсам¹⁴⁶. И среди них импульсы, исходящие от экономической действительности, не могли не сыграть первенствующей роли.

Философия всегда шла позади жизни. Для того чтобы началась первая фаза цивилизации, нужно было освобождение женщины. Мудрецы Китая, Египта и Индии об этом даже и не думали. Во вторую фазу цивилизация вступила посредством смягчения рабства. Философы древности не имели об этом никакого представления. Третья фаза развилась под влиянием торговой политики. Так как это был упадок, философы должны были задуматься над тем, как бы уравновесить его пагубные последствия. Вместо того чтобы бороться с пороками торговой политики, они начали их восхвалять¹⁴⁷. Так возникла наука, вызывающая со стороны Фурье самые резкие осуждения, - политическая экономия.

Торговля была всегда презираема и отвергаема философами. В этом были единодушны и киники, и стоики, и Платон, и Сенека. До середины XVIII в. это предубеждение против торговли господствовало повсеместно. Ученые начали восхвалять торговлю лишь тогда, когда она достигла полного торжества. Так, откупщиков начинают хвалить, когда они появляются в карете, запряженной шестью лошадьми. Напрасно Руссо и Мабли вступались за честь Греции и Рима. Напрасно они защищали вечные истины морали: бедность есть благо, от богатства необходимо отказываться. Все это не помогло: философы приспособились к общественному мнению века. Какие же интересы их к тому побудили? Их соблазнили золото, быстрота и размах торговых успехов. Этот блеск ослепил ученых. После краткого колебания между лестью и критикой вес золота перетянул. Они стали окончательно самыми низкими лакеями купцов¹⁴⁸.

На этой блестящей и злой характеристике мы можем закончить наше рассмотрение материалистических элементов системы Фурье. Приведенными примерами подтверждается полностью положение, выдвинутое нами в начале статьи. Сила Фурье - в изумительном даре острого наблюдения и критики. Там, где он соприкасается с «землей», с конкретными фактами окружающей его жизни, он стоит на высоте, недостижимой для большинства его современников. И здесь же он ближе всего к материалистическому пониманию происходящих в обществе процессов. Но от этих материалистических прозрений Фурье оказался совершенно неспособен подняться к построению материалистической философии общества. Охватить движение общества в целом, вскрыть действующие в нем силы (а это одно дало бы ему возможность наметить не фантастически, а реалистически перспективы будущего) он не смог, несмотря на присущий его мышлению дар бессознательной диалектики.

Основная причина этого явления лежит, несомненно, в социальной природе системы Фурье. Для мелкобуржуазного утописта, каким он являлся по существу, было невозможно дать последовательно материалистическую социологию. В XVIII в. к ней мог приближаться философ буржуазной революции Барнав, в XIX в. ее мог создать философ пролетарской революции Маркс, Фурье же мог дать материалистический анализ некоторым преходящим явлениям общественной жизни. Но это были как раз те явления, которые с точки зрения его общественного идеала заслуживали, наибольшего осуждения. Современная фаза цивилизации проникнута материалистическими тенденциями. Ее волей-неволей приходится рассматривать материалистически, если не хочешь умышленно закрыть глаза на действительность. Но среди этих тенденций Фурье не видел таких, которые вели бы к осуществлению его утопии. Поэтому он, с одной стороны, материалистически исследует современную жизнь, с другой - идеалистически, телеологически ее осуждает. И последнее в его общей концепции важнее первого.

Так социальные настроения Фурье должны были толкать его от материализма к идеализму. Пойти по этому пути было для него тем естественнее, что здесь он не порывал пуповины, связывавшей его с общим религиозным мировоззрением его социальной среды. Этим объясняется тот факт, что из всех идеалистических систем Фурье остановился на наиболее отсталом, наиболее близком к традиции мистико-теософском течении XVIII в., восходящем своими истоками к средневековой философии и к Каббале. Отсюда - его богословие и связанный с богословием провиденциальный план.

Но Фурье не мог все же остаться совершенно свободным и от влияния рационалистов XVIII в. с их идеей естественного права, дающей такую прекрасную универсальную форму для любого утопического построения. Эта идея вошла в его систему в качестве весьма существенной составной части. Подобное соединение рационалистических тенденций с общей теологической концепцией отвечало, очевидно, в наибольшей степени настроениям той среды, которая питала социалистическую мысль первых десятилетий XIX в. Напомним, что такое сочетание находим мы и у Пеккёра, и у Кабе, и даже у Вейтлинга. Наконец в поисках той реальной пружины, при помощи которой бог пускает в ход целесообразный механизм социальной жизни, Фурье остановился на положении Руссо о диспропорции между потребностями человека и его ресурсами. Телеология и рационализм системы помешали Фурье сделать из этого положения все возможные выводы.

Мы отмечали в социологии Фурье некоторые несвязности и разрывы, обусловленные разнородным характером ее составных частей, ее эклектизмом. Однако приходится признать, что задача объединения всех этих разнородных элементов в единой телеологической системе выполнена Фурье с известным успехом.

- 1 На русском языке – книги: И.Водовозов. Шарль Фурье, 3-е изд. М.-Пг., 1923; Арк А-н. Шарль Фурье, его личность, учение и социальная система. М., 1922, и др.
- 2 H.Bourgin. Fourier, Contribution a l'etude du socialisme francais. Paris. 1905.
- 3 K.Asch. Die Lehre Charles Fouriers. Jena und Munchen, 1914.
- 4 Арк. А-н. Элементы диалектики экономического материализма в системе Фурье. - «Под знаменем марксизма», 1924, № 3.
- 5 Я.Харапинский. Социально-философские воззрения Фурье. Вятка, 1927 г.
- 10 «Theorie de quatre mouvements», p.3 (Oeuvres completes..., t.I, 3-e ed. Paris, 1846).
- 11 См. выше, стр. 78.
- 12 Ibid., p.30.
- 13 Ibid., p.97.
- 14 Ibid., p.31.
- 15 «Theorie de l'Unite universelle», t.II, p.271.
- 16 Ibid., p. 245, 266.
- 17 «Le Nouveau Monde industriel...» (далее - «Le Nouveau Monde»), p.445 (Oeuvres completes..., t.VI, 3-me ed. Paris, 1846).
- 18-19 «Theorie de l'Unite universelle», t.I, p.XXXIV.
- 20 «Theorie des quatre mouvements». p.195.
- 25 «Theorie des quatre mouvements», p.38.
- 26 «Le Nouveau Monde», p.448.
- 27 «Theorie des quatre mouvements», p.43.
- 28 Ibid., p.46.
- 29 «Le Nouveau Monde», p.445.
- 30 «Theorie de l'Unite universelle», t.II, p.32.
- 31 «Le Nouveau Monde», p.31.
- 32 «Theorie des quatre mouvements», p.282. Эта идея составляет один из постоянных мотивов во всех произведениях Фурье.
- 33 «Le Nouveau Monde», p.372 sq.
- 34 «Theorie de l'Unite universelle», t.II, p.111-112.
- 35 «Theorie des quatre mouvements», p.17.
- 36 Ibid., p.3.
- 37 Ibid., p.15; «Theorie de l'Unite universelle», t.II, p.127.
- 38 «Theorie des quatre mouvements», p.37.
- 39 «Le Nouveau Monde», p.439.
- 40 «Theorie des quatre mouvements», p.11
- 42 «Theorie de l' unite universelle», t.II, p.31.
- 43 «Theorie des quatre mouvements», p.54.
- 44 Ibid., p.56.
- 45 «Theorie de l'Unite universelle», t.II, p.240.
- 46 Ibid., p.91.
- 47 Ibid., p.242.
- 47 «Theorie de l'Unite universelle», t.II, p.111.
- 48 Ibid., p.259.
- 49 Ibid., t.I, Avant-propos, p.29.

50 «Le Nouveau Monde», p.31.
51 Список их параллельно страстям см. «Theorie de l'Unité universelle» t.II p.164.
52 «Theorie de l'Unité universelle», t.II, p.251.
53 Ibid, p.137.
54 Ibid, p.243.
55 «Le Nouveau Monde», p.9.
56 «Theorie des quatre mouvements», p.19.
57 «Theorie de l'Unité universelle», t.II, p.31.
58 «Theorie de l'Unité universelle», t.I, p.XXXII.
59 «Theorie des quatre mouvements», p.2.
60 Ibid, p.15.
61 Ibid., p.283.
62 Ibid., p.37.
63 Ibid., p.16.
64 «Theorie de l'Unité universelle», t.II, p.116.
65 «Theorie des quatre mouvements», p.2.
66 Ibid., p.277.
67 «Theorie de l'Unité universelle», t.II, p.143.
68 «Theorie des quatre mouvements», p.91.
69 Ibid., p.4.
70 Ibid., p.100.
71 «Theorie de l'Unité universelle», t.I, p.XI sq.
72 См. выше, стр.120.
73 «Theorie de l'Unité universelle», t.I, p.36.
74 Ibid., p. 36.
75 «Le Nouveau Monde», p.446.
76 Иногда мы встречаем другой вариант: 5000 - восходящая бессвязность, 36000 - восходящая гармония, 9000 - апогей, 27 000 - нисходящая гармония, 4000 - нисходящая бессвязность. Итого - 81000 лет («Theorie de l'Unité universelle», t.II, p.271).
77 Ibid, p. 271.
78 «Theorie des quatre mouvements», p.68.
79-80 «Theorie des quatre mouvements», p.70.
81 «Le Nouveau Monde», p.24.
82 «Des lymbes obscurs». - «La Phalange», 1849, janvier, fevrier, p.9; «Theorie des quatre mouvements», p.54.
83 «Theorie de l'Unité universelle», t.I, p.184.
84 «Des lymbes obscurs», p.9.
85 «Theorie des quatre mouvements», p.54.
86 Ibid., p.63.
87 «Le Nouveau Monde», p.439.
88 Morelly. Code de la nature. Paris, 1910, p.64.
89 «Le Nouveau Monde», p.439.
90 «Theorie des quatre mouvements», p.56.
91 Ibid, p.36.
92 Ibid., p. 68.
93 «Theorie de l'Unité universelle», t.II, p.215.
94 «Theorie des quatre mouvements», p.16.
95 «Theorie des quatre mouvements», p.37.
96 «Theorie de l'Unité universelle», t.I, p.XXIII.
97 Ibid., p.XXXI.

98 Ibid., p.XXVII.
99 Ibidem.
100 Ibid., t.I, p.111.
101 Ibid., p.XXXI.
102 «Le Nouveau Monde», p.9.
103 Ibid, p.XII.
104 «Theorie des quatre mouvements», p.276
105 «Theorie de l'Unité universelle», t.II, p.241.
106 «Theorie de l'Unité universelle», t.II, p.241.
107 «Theorie des quatre mouvements», p.279-282.
108-110 «Theorie des quatre mouvements», p.54- 55.
111 «Des lymbes obscurs», p.26.
112 «Le Nouveau Monde», p.XI.
113 «Theorie des quatre mouvements», p.89.
114 «Theorie des quatre mouvements», p.89-90,
115 Ibid., p.35.
116 Ibid., p.54.
117 «Des lymbes obscurs», p.23.
118 «Theorie des quatre mouvements», p.56. .
119 «Des lymbes obscurs», p.28.
120 Ibid., p.24
121 Ibid., p.26-27.
122 Ibid., p.10.
123 Ibid., p.35.
124 «Des lymbes obscurs», p.30.
125 «Theorie de l'Unité universelle», t.II, p.208. Общая схема развития цивилизации; Ibid., p.207 и в более полном виде - «Le Nouveau Monde», p.356.
126 «Theorie de l'Unité universelle», t.II, p.209.
127 Ibid., p.209.
128 Ibid., p.208.
129 «Le Nouveau Monde», p.390.
130 «Des lymbes obscurs», p.23.
131 «Theorie des quatre mouvements», p.35.
132 «Le Nouveau Monde», p.386; «Theorie de l'Unité universelle», t.II, p.207.
133 Ibid., p.210.
134 «Le Nouveau Monde», p. 324.
135 «Theorie de l'Unité universelle», t.1, Avant-propos, p.38.
136 Ibid., p.157.
137 «Le Nouveau Monde», p.419.
138 «Theorie de l'Unité universelle», t.I, p.202-203.
139 Ibid., t.II, p.158.
140 «Le Nouveau Monde», p.390.
141 Ibid., p.399.
142 «Theorie des quatre mouvements», p.222.
143 «Theorie des quatre mouvements», p.225.
144 «Theorie de l'Unité universelle», t.II, p.203-204.
145 Ibid., p.206.
146 Ibid., t.I, p.XI.
147 Ibid., t.II, p.210-211.

I. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ СЕН-СИМОНА

1

Анри де Сен-Симон (1760-1825) стал писателем, когда ему было более сорока лет. К этому времени он прошел уже на своем жизненном пути немало крутых поворотов. В исключительно характерной биографии Сен-Симона нашли свое отражение, иногда в весьма неожиданной форме, все перипетии социального и интеллектуального развития Франции конца XVIII в. Происходя из старой феодальной семьи (до конца дней своих Сен-Симон не забывал, что он состоит в родстве с Карлом Великим), Сен-Симон получил прекрасное воспитание под руководством одного из крупнейших ученых-энциклопедистов - Д'Аламбера. Затем последовала обычная для знатного молодого человека того времени военная служба, но в совершенно новой, необычной обстановке американской революции. Так причудливо сплетались в судьбе Сен-Симона старые феодальные традиции с влияниями нового буржуазного мира, контуры которого смутно вырисовываются в литературных построениях просветителей XVIII в., чтобы затем впервые отчетливо реализоваться на глазах у юного французского офицера в революционной в то время Америке, столь непохожей на феодально-монархическую Францию. О том, с какой восприимчивостью впитывал и как сочетал в себе Сен-Симон эти влияния, можно судить по роившимся в его голове в эту эпоху планам, соединявшим в себе технические замыслы крупного хозяйственного значения с отважностью завоевательной авантюры прошлых веков. Таков был предложенный им мексиканскому вице-королю проект канала, соединяющего Атлантический океан с Тихим, проект, осуществление которого стало возможным лишь в пору расцвета капиталистических отношений*.

* Печатается по тексту кн.: В.П.Волгин. Сен-Симон и сен-симонизм. М., 1961, 158 стр. Взглядам Сен-Симона и его последователей В.П.Волгин посвятил также следующие работы: «Сен-симонизм».- В кн.: В.П.Волгин. Очерки по истории социализма. М.-Пг., 1923, стр.133-150; «Сен-Симон и сен-симонизм». М.-Л., 1924, 112 стр.; 2-е изд.- М., 1925, 104 стр.; «Сен-Симон». - В кн.: В. П. Волгин. Очерки по истории социализма. Изд. 2-е. М.- Л., 1926, стр.200-256; «Über die historische Stellung St.-Simons». - «Marx-Engels Archiv. Zeitschrift des Marx-Engels Instituts in Moskau». Bd.1. Frankfurt aM. Marx-Engels Archiv Verlagsgesellschaft, 1926, S.82-118; «Сен-Си-ион и сен-симонизм». - В кн.: В.П.Волгин. История социалистических идей, ч.2, вып.1. М.-Л., 1931, стр.5-34; «Сен-Симон и сен-симонизм». - В кн.: В.П.Волгин. Очерки по истории социализма. Изд. 2-е. М.-Л., 1935, стр.231-316; «Социальное учение раннего сен-симонизма».- В кн.: «Изложение учения Сен-Симона». Перевод с франц. М.Е.Ландау, под ред. и с комментариями Э.А.Желубовской. М.-Л., 1947, стр.5-50 (серия «Предшественники научного социализма»); 2-е изд.-М., 1961, стр.7-80; «Социальное учение Сен-Симона». - В кн.: Сен-Симон. Избранные сочинения, т. I. Перевод с франц., под ред. и с комментариями Л.С.Цетлина. М.-Л., 1948, стр. 5-85 (серия «Предшественники научного социализма»). В.П.Волгин выступал также в качестве редактора книг: «Изложение учения Сен-Симона (1828-1829)». М.-Пг., 1923, 336 стр. Предисловие В.П.Волгина.- Там же, стр.V-XXII; Сен-Симон. Избранные сочинения (1819-1825). Перевод с франц. А.И.Рубина, Л.С.Цетлина и С.С.Цетлина. М.-Пг., 1923, 212 стр. Предисловие В.П.Волгина. - Там же, стр.II-XXXIII.

* Атлантический океан был соединен с Тихим Панамским каналом, первое судно по которому прошло в 1914 г.

В. П. ВОЛГИН

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.

М.: Наука. 1976

Vive Liberta, 2010

Революция 1789 г. увлекает Сен-Симона своей политической стороной только в первый момент. Он очень скоро отходит от политической борьбы и со свойственной ему порывистостью берется за новое, весьма доходное в то время дело - за спекуляцию национальными имуществами. Захватывает ли его спекуляция только тем, что она дает ему возможность продолжать широкую барскую жизнь, или его и здесь пленяет размах операций, азарт завоевателя-авантюриста на новом поприще капитализма, сказать трудно. Во всяком случае, в его жизненном опыте отмечается новая грань, отвечающая определенной грани в социальном развитии его эпохи. Барская жизнь, которую он ведет, не есть, однако, жизнь человека, лишенного высоких умственных интересов. Он пользуется средствами, чтобы усваивать путем непосредственного общения с самыми выдающимися умами того времени высшие достижения научной мысли, пополняя, таким образом, пробелы своего образования.

Этот второй, революционный период жизни Сен-Симона заканчивается его разорением. Частью вследствие ряда внешних условий, частью вследствие полного отсутствия способности копить и сберегать, столь несвойственной его широкой натуре капиталиста-барина, к началу XIX в. Сен-Симон оказывается нищим. Последние 20 лет он живет то случайным заработком, то случайными подачками, то за счет своих друзей. И как раз на это время полуголодного существования падает его литературная деятельность.

Сен-Симон был склонен толковать всю свою жизнь до 1802 г. как ряд сознательно проданных опытов, которые были ему необходимы для того, чтобы с полным пониманием окружающей действительности приступить к построению новой социальной системы. Это, конечно, не так. Но совершенно бесспорно, что эти опыты действительно создали необходимые условия для возникновения его учения, что без них для Сен-Симона было бы невозможно обнаруженное и глубокое понимание жизни общества и задач социальной науки. То новое, что дал Сен-Симон в своих произведениях, что отличает его от социальных мыслителей дореволюционного и революционного времени, могло возникнуть лишь на основе учета опыта двух величайших переворотов конца XVIII и начала XIX в.: политической революции, потрясшей Францию в 1789-1794 гг., и экономической революции, перестраивавшей на новых капиталистических началах промышленную жизнь передовых европейских стран. Чтобы правильно оценить то и другое, мало было личной одаренности, нужно было непосредственное жизненное соприкосновение с революционными, политическими и экономическими процессами, нужна была широта не только умственного, но и житейски-практического горизонта, которая так сближает Сен-Симона с Томасом Мором.

Жизнь Сен-Симона охватывает исключительный по своему содержанию период истории Франции: последние годы феодально-абсолютистского порядка - Революцию - Империю - Реставрацию. Его литературная деятельность началась в 1802 г. («Письма женевого обитателя») и закончилась в 1825 г. («Новое христианство»), Напомним

наиболее характерные черты социального развития Франции того времени.

Французская революция, разрушив феодально-абсолютистский порядок, расчистила путь для свободного развития во Франции капиталистических отношений; социальные и политические условия, задерживавшие их развитие, были революцией устранены. Переворот, конечно, нанес известный ущерб некоторой части старой буржуазии, связанной своими интересами с господствовавшим классом старого порядка, со старым государственным аппаратом, с королевским двором. В период якобинской диктатуры многие представители буржуазии серьезно пострадали от принудительных займов, от реквизиций, от отдельных актов нарушения собственности, от связанного с военным положением застоя в делах и т.д. Но зато за время революции многим удалось составить себе целые состояния путем покупки и перепродажи национальных имуществ, путем поставок для армии и всевозможных темных финансовых операций. Наряду со старыми капиталистами появились новые, по размерам капиталов далеко оставлявшие за собой старых. Накопление капиталов продолжалось, несомненно, даже во время Конвента. После 9 термидора, сбросив начавшую стеснять их якобинскую диктатуру, капиталисты смело выступили на сцену как настоящие «хозяева» Франции. Ко времени захвата власти Наполеоном буржуазия, освобожденная от пут феодально-абсолютистского порядка, оттеснившая на задний план дворянство, пережившая более или менее благополучно время «террора», вознаградившая себя за пережитые тревоги материальными благами, представляла собой господствующий класс в полном смысле этого слова.

По своему значению для будущих судеб Франции одним из самых крупных достижений Французской буржуазной революции было перераспределение земельной собственности, явившееся результатом продажи так называемых национальных имуществ, т.е. земель церкви и эмигрировавшего дворянства. Этот акт, вызванный непосредственно финансовыми соображениями, был совершенно необходим в общих интересах революции. Победа третьего сословия была бы не полна и не прочна, если бы ее не закрепило перемещение собственности из рук привилегированных в руки буржуазии и крестьянства. Нанося удар привилегированному землевладению, это мероприятие подрывало экономические позиции старого господствующего класса. С другой стороны, переход земли в руки непривилегированных, сопровождаемый освобождением земли от феодальных уз, создавал большой слой мелких земельных собственников, кровно заинтересованных в защите завоеваний революции. Старые владельцы отнюдь не были склонны забыть о своих «священных» правах. Их объединяющими центрами были эмигрантские организации, главным их средством действия - иноземная интервенция. Это своеобразное положение не в малой степени содействовало установлению новой, наполеоновской монархии.

Приобретатели земли, удовлетворенные революцией, мечтали не об углублении революции, а о внутреннем спокойствии, о «порядке», который обеспечил бы им надлежащее использование их новой

собственности. К «порядку» стремилась и буржуазия, напуганная брожением в плебейских массах, разочарованных результатами революции. Такого порядка не могла дать старая монархия, возвращение которой представляло бы угрозу всем завоеваниям революции; оно сопровождалось бы, без сомнения, возвращением эмигрантов, старого господствующего класса и старых собственников земли, за которую ее покупатели уже заплатили сполна. Следовательно, нужно было создать новую власть. А так как власть должна была опираться на силу, то естественным претендентом на нее явился человек, располагавший единственной дисциплинированной силой того времени - победоносной армией.

Время правления Наполеона было временем относительно быстрого роста французской капиталистической промышленности. Франция вслед за Англией вступает на путь промышленной революции. В ряде отраслей производства, в первую очередь в хлопчатобумажной, происходит вытеснение ручного труда машиной, вытеснение мелких мастерских фабрикой, объединение некогда изолированных рабочих в фабричных казармах. Число рабочих, занятых в капиталистической промышленности, увеличивается. Их низкая заработная плата, их нищенские условия существования, рост применения женского и детского труда, брожение в рабочей среде все больше привлекают к себе общественное внимание.

Экономическая политика Консульства и Империи неизбежно должна была служить и действительно служила интересам господствующего класса. Правительство Наполеона всячески поощряло развитие капиталистической промышленности. Чтобы обеспечить соответствие правительственных мероприятий интересам капитализма, была создана система промышленных и торговых палат, состоявших из представителей торгово-промышленного класса и связанных с генеральным советом при правительстве; последний обязан был концентрировать и обсуждать все предложения и требования, исходившие от этих своеобразных представительных органов буржуазной верхушки. Правительство содействовало внедрению в производство новых машин, стремилось оградить отечественных промышленников от английской конкуренции, обеспечить им рынок сбыта. Высшим проявлением этой политики была континентальная блокада.

Наполеон пришел к власти и держался у власти, опираясь на буржуазию и крестьянство. Но в последние годы его правления в отношении к нему буржуазии и крестьянства чувствовались некоторые колебания, весьма опасные для прочности наполеоновской монархии. Политика Наполеона не дала тех результатов, на достижение которых она была рассчитана. Многолетняя война с Англией повлекла за собой почти полное прекращение морской торговли Франции и фактическую утрату Францией ее колоний. Войны Наполеона истощили французские финансы. Континентальная блокада не привела к повышению французского экспорта; наоборот, в результате общей экономической депрессии спрос на продукты французской промышленности упал. В 1811 г. разразился кризис, который, согласно официальному отчету, был вызван недостатком сырых материалов вследствие прекращения морских

сношений и сокращения рынка, особенно заграничного. Эти печальные итоги резко охладили отношение буржуазии к императорскому режиму.

Буржуазии нужен был мир и восстановление торговых сношений. Если Наполеон этому мешал, она готова была дать ему расчет, как дают расчет неумелому приказчику. Аналогичный поворот намечался в последние годы Империи и в настроениях крестьянства, главным образом под влиянием непосильных тягот, которые возлагала на него внешняя политика императора. Ежегодные наборы, громадные людские потери начали вызывать в деревне глухое, но тем не менее отмеченное современниками недовольство. Корни Империи были уже расшатаны, когда военное поражение нанесло ей окончательный удар и восстановило на французском престоле династию Бурбонов.

Реставрация вернула к власти дворянство; лишь в той мере, в какой власть не могла пренебрегать крупными успехами, достигнутыми капитализмом, дворянство было вынуждено сделать некоторые уступки буржуазии: политические, допуская верхи буржуазии к избирательным урнам, и экономические, обеспечивая ее хозяйственные интересы. Несмотря на эти вынужденные компромиссы, правительство Реставрации было правительством феодальной реакции, и буржуазия относилась к нему именно как к таковому. Между тем капиталистическое развитие Франции в эпоху Реставрации шло нарастающими темпами, и экономические позиции буржуазии укреплялись. Именно в этот период получил во Франции широкое распространение паровой двигатель, увеличилось потребление каменного угля, больших успехов достигла металлургия. С ростом экономической мощи буржуазии росли ее политические притязания. Но уроки революции 1789-1794 гг. излечили буржуазию от ее республиканских увлечений. Буржуазия довольствуется теперь скромным идеалом буржуазной монархии, обеспечивающей буржуазный «порядок» и оберегающей как от покушений феодальной реакции, так и от революционных попыток растущего вместе с капиталистической индустрией пролетариата.

Переход к машинной технике вытесняет в ряды пролетариата все новые группы мелких ремесленников и занятых в рассеянной мануфактуре крестьян. Промышленность не успевает их поглощать, и безработица - хроническое явление уже и в эту эпоху. Но пролетариат еще не проявляет самостоятельной политической активности. Лишь иногда он стихийно поднимается с протестом против машин или против нищенской заработной платы. Только тонкий слой рабочих, преимущественно парижских, как будто хранит неясные революционные традиции. Тем не менее наряду с умеренной либерально-буржуазной оппозицией эпоха Реставрации знает и революционные тайные общества. Их члены вербуются по преимуществу из рядов мелкой буржуазии, их программа не идет дальше буржуазной демократии.

Между либеральной оппозицией и революционными республиканскими группами распределяется политически активная часть интеллигенции. В составе интеллигенции с развитием капиталистической промышленности происходят известные изменения. В ее среде растет удельный вес той ее части, которая занята в промышленных

предприятиях и в кредитных учреждениях. Верхи интеллигенции - преуспевающие инженеры, крупные банковские служащие, тесно спаянные своими интересами с интересами предприятий, в которых они служат, - идеологически неизбежно тяготеют к миру крупной буржуазии. Особенности их положения, их групповых настроений вносят некоторые своеобразные оттенки в их идеологию. Но в основе своей она остается буржуазной. На противоположном полюсе находится та часть интеллигенции, которая не сумела или не успела пристроиться. Необеспеченность материального положения, неудовлетворенность, неуверенность в завтрашнем дне питают в этих группах революционные настроения. Студенчество и демократическая интеллигенция задают основной тон в тайных обществах эпохи Реставрации. В большинстве своем эти группы стоят на почве буржуазной демократии. Но в этих низах интеллигенции имеются некоторые предпосылки и для возникновения социалистической идеологии. Близость к пролетариату по бытовым условиям, соприкосновение с представителями рабочего класса в непосредственной жизни и в политической борьбе не может не толкать мысль в направлении социализма.

Таковы, были социальные отношения в ту эпоху, когда вырабатывалась система Сен-Симона и складывалась его школа.

2

Если мы не можем верить Сен-Симону, когда он объясняет все перипетии своей карьеры заранее поставленной общей жизненной задачей, то, вступая 42 лет на путь литературной деятельности, он, несомненно, такую общую задачу себе ставил. Это была задача создания новой философии, новой энциклопедии, которая должна была дать на основе всех приобретений отдельных точных наук широкое обобщение положительного характера - в отличие от «Энциклопедии» XVIII в., ставившей перед собой, по мнению Сен-Симона, чисто отрицательную задачу: не создание новой системы, а разрушение старой. Центральное место в этой философии должна занимать, полагал Сен-Симон, наука о человеке, социальная наука, которая должна, подобно физике, химии и астрономии, стать наукой «позитивной», основанной на наблюдениях и фактах. Но философия у Сен-Симона не есть лишь высшее теоретическое обобщение, она является в то же время и практическим руководителем, организация философии - организация жизни. В сущности философия интересует Сен-Симона именно в этом своем втором качестве, новая философская система создается им, как основа для новой системы общественных отношений. Учение Сен-Симона проникнуто активностью в самой высокой мере, пассивная созерцательность ему совершенно чужда.

Эту связь философии с жизнью отнюдь не следует понимать так, как понимали ее французские рационалисты XVIII в. Для них было характерно противопоставление существующего строя строю разумному, естественному. Задачу общественной философии они видели в том, чтобы открыть вечные и неизменные законы этого естественного строя. С их открытием в жизни общества должен воцариться разум, господство которого сменит господство невежества, неразумия. Вся эта концепция

Сен-Симону совершенно чужда. Все общественные институты - и собственность, и политическое устройство, и даже религия - имеют, по его мнению, лишь относительное, историческое значение. Учение Сен-Симона не знает общественного строя, естественного для человека вообще, вне условий времени и пространства. Учение Сен-Симона не знает и резкого разрыва между неразумием настоящего и прошедшего и разумом грядущего. Но зато оно знает и последовательно развивает лишь слегка намеченную рационалистами XVIII в. идею закономерности общественного развития, идею, закрепленную опытом революционных десятилетий и освященную великими достижениями естественных наук.

Идея закономерности - основной стержень системы Сен-Симона. Детерминизм - руководящий принцип научной методологии, совершенно бесспорный в области наук физических. Сен-Симон настаивает, что этот принцип должен быть перенесен и в область истории, если она хочет быть наукой. Существует закон жизни человечества, который может быть установлен научно и знание которого дает возможность предвидения в области явлений социальных, как в области явлений физических. Этот высший закон все увлекает и надо всем господствует. Люди для него только орудия. Хотя он действует через людей, но не в их власти уклониться от его влияния или овладеть его действием. Новая система общественных отношений, которую возвещает Сен-Симон, не есть, следовательно, как то было у рационалистов, система, отвечающая вечным требованиям разума; она - необходимое следствие и естественное продолжение всей прошлой истории¹. Она должна осуществиться в силу самого хода событий². «Будущее слагается из последних членов ряда, в котором первые члены составляют прошлое»³. Цель истории как науки и состоит в том, чтобы дать человечеству возможность из того, что произошло, заключать о том, что будет. История остается нагромождением груды фактов, пока эти факты не связаны теорией, устанавливающей порядок их последовательности⁴.

В закономерном историческом процессе философские системы занимают вполне определенное и весьма важное место. Философия каждой исторической эпохи определяет ее социальную и политическую систему. «Основная задача философов заключается в том, чтобы постигнуть наилучшую для данной эпохи систему общественного устройства, чтобы побудить управляемых и правящих принять ее, чтобы усовершенствовать эту систему, поскольку она способна к совершенствованию, чтобы низвергнуть ее, когда она достигнет высшей степени своего совершенства, - низвергнуть и построить вместо нее новую при помощи материалов, собранных учеными специалистами в каждой отдельной области»⁵. В приведенных словах в сжатой форме выражен ряд мыслей, чрезвычайно характерных для исторической теории Сен-Симона. Эта историческая теория - теория явно идеалистическая. В ней правят миром философские идеи, имеющие своей основой достижения отдельных наук, следовательно, достижения человеческого разума. Философия не есть нечто единое, всегда себе равное. Философия развивается, и в ее рамках развивается жизнь. Каждая данная философская система возникает не случайно в голове того или

иного случайного гениального мыслителя. Она возникает закономерно на основе успехов наук и потребностей общества. Философ не выдумывает ее, а постигает. Постигнутая, она усваивается обществом как наилучшая для данной эпохи, существует, пока общество может в ее рамках развиваться, затем разрушается, чтобы дать место новой философии, соответствующей новому уровню знаний, новой эпохе.

В подтверждение того, что философско-историческая система Сен-Симона должна быть отнесена к числу идеалистических, можно привести цитаты из произведений Сен-Симона всех периодов его литературной деятельности. Политические системы возникают, по Сен-Симону, не случайно, а в силу закона прогресса человеческого разума⁶. Поэтому устойчивым порядком может быть только порядок, согласный с состоянием просвещения⁷. Состоянием просвещения определяются пределы власти и возможных ее достижений⁸. Средневековую теологическую и феодальную систему создали и ввели в жизнь философы, предварительные разрушившие старую систему, в свое время также созданную античными, греческими и римскими философами. Необходимые средства для создания всякой новой общественной системы дает Прогресс знаний¹⁰. Таким образом, господство военных в свое время было необходимо в силу низкого интеллектуального развития европейцев и в силу прогресса знаний перестало быть необходимым¹¹. Подобного рода замечаний можно найти у Сен-Симона сколько угодно, и все они составляют в совокупности последовательную, продуманную идеалистическую систему. С этим же рядом положений связана та высокая оценка, какую дает Сен-Симон исторической роли духовной власти.

Правда, наряду с этим мы встречаем иногда фразы и обороты, дававшие некоторым исследователям повод причислять Сен-Симона к первым провозвестникам материалистического понимания истории. Так, выясняя причины упадка значения старой военной знати и роста авторитета промышленников, Сен-Симон связывает эти явления с перемещением собственности и с переходом руководящих функций в производстве из рук первых в руки вторых. Перемещение собственности он, в свою очередь, объясняет чисто хозяйственными причинами¹². Он утверждает, что организация собственности составляет фундамент социального здания, тогда как организация правительства является лишь его формой. Основную причину Французской буржуазной революции он видит в изменении соотношения общественных сил как в результате интеллектуального прогресса, так и в результате прогресса экономического¹³. И тем не менее все эти положения не дают основания говорить о материализме концепции Сен-Симона. Само хозяйственное развитие всегда мыслится им как в существе своем развитие интеллектуальное, как одно из проявлений умственного прогресса. Рост промышленности, рост власти человека над природой - результат применения общей системы знаний¹⁴. Если данные Сен-Симоном характеристики отдельных моментов конкретного исторического процесса действительно, как мы еще увидим, содействовали уяснению реальных движущих сил истории, то общая его философско-историческая

концепция не теряет на всем протяжении его творчества идеалистического характера.

Каждая новая общественная система, сменяя систему устаревшую, составляет некоторый шаг вперед в развитии общества. Это развитие, по Сен-Симону, аналогично развитию человеческого организма. «Общество человеческое, подобно человеку, с момента своего возникновения совершенствуется, достигая в конце концов зрелости»¹⁵. В первом периоде детства все сосредоточено на еде, все силы направлены на добывание пищи; добывание пищи является главным занятием народов, стоящих на первой ступени цивилизации. В следующем периоде детства ребенок начинает увлекаться ремеслами: он охотно возводит каменные насыпи, прорывает каналы и т.п. Этому периоду соответствует та ступень цивилизации, на которой стоял Древний Египет с его пирамидами. В юношеском возрасте у человека появляется склонность к изящным искусствам: всякий молодой человек пробует свои силы либо в поэзии, либо в музыке, либо в живописи. Той же склонностью отличались древние греки. Вступая в период физической зрелости, человек определяет пределы своих сил в борьбе с природой. Аналогией этому периоду составляет римская цивилизация. Затем деятельность человека становится менее активной, но более правильной, воображение слабеет и растет рассудительность. То же переживает и человечество¹⁶.

Исторической теории Сен-Симона не чужды известные черты диалектики. Процесс совершенствования общества, медленный и равномерный, прерывается в определенные моменты бурными кризисами, свойственными также и процессу развития индивидуума. Мы уже знаем, чем эти кризисы вызываются. Общественная система до известного момента отвечает состоянию человеческих знаний, цивилизации, в ее пределах человечество может развиваться. Поскольку это так, система существует и совершенствуется. Но затем человечество ее перерастает, между ее основами и состоянием цивилизации образуется разрыв - наступает период критики, разрушения системы, за которым следует период построения нового здания, соответствующего более высокому уровню, достигнутому цивилизацией. В политическом организме, говорит Сен-Симон, всегда существуют совместно два момента: пережитки угасающего прошлого и зародыши восходящего будущего. Анализ настоящего, взятого изолированно, может дать только очень поверхностные или даже совершенно ложные выводы в результате смешения этих двух моментов.

Изображая развитие человечества как процесс, аналогичный росту человека, Сен-Симон напоминает Руссо. Но от Руссо Сен-Симон отличается своим оптимизмом. Для Руссо золотой век был позади, а современное человечество переживало период старческого одряхления. Сен-Симон горячо протестует против этой идеи. «Золотой век, - говорит он, - который слепое предание относило до сих пор к прошлому, находится впереди»¹⁷. Золотой век принесет человечеству совершенство социального строя. Нам его не видать, но дети наши когда-нибудь в него войдут, а мы должны проложить к нему путь. Человечество, таким образом, не регрессирует, но прогрессирует. Оно вступает сейчас в свой

зрелый возраст¹⁸. По-видимому, вопреки аналогии с организмом и в противоположность учению Руссо, Сен-Симон вовсе не считает необходимым для человечества одряхление и упадок даже в отдаленном будущем.

Каковы же признаки прогресса, в чем он выражается для того, чтобы судить о том, прогрессирует или регрессирует человечество, необходимо иметь какие-то критерии для оценки сменяющих одна другую общественных систем. Таких критериев Сен-Симон устанавливает четыре. «Лучшее общественное устройство - то, которое делает жизнь людей, составляющих большинство общества, наиболее счастливой, предоставляя им максимум средств и возможностей для удовлетворения их важнейших потребностей. Это такое общественное устройство, при котором достойнейшие люди, внутренняя ценность которых наиболее велика, располагают максимумом возможностей достичь высшего положения, независимо от того, куда их поместила случайность рождения. Это затем такое общественное устройство, которое объединяет в одно общество наиболее многочисленное население и предоставляет в его распоряжение максимум средств для сопротивления иноземцам. Это, наконец, такое общественное устройство, которое приводит в результате покровительствуемых им трудов к наиболее важным открытиям и к наибольшему прогрессу цивилизации и наук»¹⁹. Пользуясь этими критериями, Сен-Симон и доказывает превосходство каждой последующей общественной системы над системой, ей предшествующей, тем самым подтверждая свою концепцию прогресса.

3

Установив основные положения философско-исторической системы Сен-Симона, посмотрим, как применяет он эти положения к объяснению конкретных исторических явлений.

Само собой разумеется, что с перенесением золотого века из прошлого в будущее рушится свойственная XVII и XVIII вв. теория естественного состояния как состояния изначального совершенства человеческого рода. У Сен-Симона представление о «колыбели человечества» связано с представлением о невежестве и грубости: жизнь человечества начинается не с золотого, а с железного века. Сен-Симону не только чужда теория естественного состояния. Он первый устанавливает ее близость к религиозному учению о рае и о грехопадении, смело сопоставляя учение Руссо с учением «богословов»²⁰. Первый период развития человечества, когда все усилия направляются на добычу пищи, мало останавливает на себе внимание Сен-Симона. Он посвящает ему лишь несколько малосодержательных отрывков в «Очерке науки о человеке»²¹. Момент, с которого изучение исторического процесса приобретает значение для познания будущего (а в этом цель истории), - это момент установления рабства²². Рабство, по учению Сен-Симона, было само по себе громадным шагом вперед, так как оно пришло на смену простому истреблению побежденных. Но оно еще более важно по своим последствиям. Оно дало возможность выделиться из общей массы господствующему классу, который, получив досуг, смог заниматься

усовершенствованием умственных способностей. Оно, таким образом, создало условия для прогресса человеческого разума, а следовательно, и для прогресса вообще.

Установление рабства связано с системой религиозно-философского характера - с политеизмом. Этой системе предшествует идолопоклонство. Но на последнем Сен-Симон останавливается так же мало, как и на истории первобытного человечества вообще. Политеизм не сразу и не целиком вытесняет идолопоклонство. Новая система усваивается сначала только учеными, которые выделяются в особую корпорацию жрецов. Для общенародного употребления они сохраняют фетишизм, внутри своей корпорации развивая новую систему. Эта двойственность ясно видна на примере Египта, где особенно резко была проведена грань между мыслящими и верующими²³. Распространение среди народных масс политеистическая система получила лишь позже - у древних греков. У них политеизм, создателем которого Сен-Симон считает Гомера, стал всеобщей религией²⁴. На этой религиозной системе, как на основе, выросла система политическая. Последняя была скопирована с первой. Даже республиканские конституции греческих городов представляются Сен-Симону подражанием Олимпу, который тоже был республиканским собранием^{***}.

Политеистическая система была крупным шагом вперед. Но сама по себе она была все же весьма несовершенна. Значительная часть народов древности жила в полном рабстве, господа имели над этой частью право жизни и смерти. Рядом со светской властью, властью вооруженных, возникла уже духовная власть, власть ученых. Но светская власть продолжала безраздельно господствовать, духовная власть была ей всецело подчинена. Власть (как светская, так и духовная) передавалась по наследству в рамках военного класса патрициев, для плебеев возвышение было совершенно невозможно. Пределы государств политеистической системы были чрезвычайно ограничены, и государства были поэтому очень непрочны. Наконец, и в научной области народы древности преуспели весьма мало. Правда, они уже занимались политикой как наукой, но они не пришли к познанию той истины, что руководить в общественной жизни должна мораль и поэтому духовная власть должна господствовать над светской²⁵.

*** Олимпийские боги рассматривались древними греками как патриархальная семья, во главе которой стоит Зевс, «отец людей и богов». Олимпийский пантеон сложился во втором тысячелетии до н.э., когда в древней Греции установилось господство родовой знати.

На смену политеизму должен был прийти монотеизм, учение о единой управляющей миром причине. Творцом монотеистической системы был Сократ^{****}, этот величайший из когда-либо существовавших людей²⁶. Но монотеизм не мог сразу сменить политеизм. Процесс перехода общества от идеи многобожия к идее единобожия должен был неизбежно вызвать глубокий и длительный кризис «сильнейший из всех известных в истории...». Окончательно утвердился монотеизм в форме христианства, над созданием которого трудились не только иудеи, но и платоники, а установили его римляне. С точки зрения Сен-Симона, не республиканская эпоха, а эпоха империи дает место римлянам среди великих исторических народов.

Основная идея христианства, говорит Сен-Симон, - братство людей. Этот моральный принцип при проведении его в жизнь нужно было смягчить применительно к умственному и нравственному уровню масс того времени²⁷. Но все же средневековая феодально-богословская система, в основу которой было положено смягченное, приниженное христианство, представляла крупнейший шаг вперед в развитии человечества. Отмечая преимущества средневекового строя, Сен-Симон резко порывает с рационалистической традицией XVIII в. и близок к той реабилитации средних веков, какую осуществляли реакционеры его времени. Но сходство с последними здесь только внешнее. Как мы увидим, для Сен-Симона средневековый порядок - далеко не идеальный порядок. Он лишь выше того, которому он пришел на смену - античного. Античный строй утверждал полное рабство, средневековый подготовил освобождение рабов, превращая их в крепостных. В античных государствах духовная власть стояла на втором месте, в средневековых она заняла господствующее положение. В античных государствах власть была привилегией патрициев^{*****}, в средневековых она оказалась доступна плебеям, поскольку они были допущены в ряды духовенства, носителя высшей власти. Античный строй мог создать значительно меньшие и более слабые общественные организации, поэтому он погиб от варваров; средневековый же строй, наоборот, их ассимилировал²⁸. Если в средние века по-прежнему господствует военная власть меньшинства (патрициев) над большинством (плебеями), если сохраняются еще остатки рабства, то это было неизбежно. Иначе при невежестве большинства осуществление полностью принципа братства привело бы к анархии и разрушению общества²⁹. Кроме того, военные (феодалы) были действительно руководителями масс в главной отрасли мирных трудов того времени - в сельском хозяйстве, как богословы - в научной деятельности³⁰.

**** В действительности монотеизм - религиозная система, основанная на вере в единого бога, - зародился значительно раньше. Элементы его появляются в религиях древнего Востока (у египтян, вавилонян). Как последовательная система он складывается в VII-V вв. до н.э. (иудаизм). Приписывать Сократу создание монотеистической системы нет оснований.

***** Слово «патриции» Сен-Симон употребляет не в точном историческом смысле, а в более широком значении - «знать».

До IX в., утверждает Сен-Симон, шло разрушение античной системы; с IX по XIII в. строилась новая феодально-богословская система. Создание прочной общественной организации, окончательно сложившейся к XIII в., дает возможность гораздо более быстрого прогресса человеческих знаний, освобождая духовные силы, занятые ранее защитой общества³¹. Этот прогресс идет в двух направлениях: теоретическом и практическом. Накаплиются и углубляются знания законов, управляющих явлениями, с одной стороны; совершенствуется их применение в полезной промышленной деятельности человека - с другой. Небывалого до тех пор расцвета достигают обе отрасли деятельности человечества к XV в. С XV в. успехи цивилизации перерастают рамки старой феодально-богословской системы, для дальнейшего прогресса необходима ее дезорганизация. Система уже выполнила свое назначение, ее руководящие силы - духовенство и дворянство - дали все, первое - в области интеллектуальной, второе - в области военной деятельности. Их значение непрерывно падает с ростом значения новых групп, выдвигаемых ходом цивилизации: представителей светской науки - ученых и представителей мирного труда - промышленников³².

В «Катехизисе промышленников» в характеристику старых и новых общественных слоев вплетается по отношению к Франции элемент национальный. Старое дворянство - завоеватели-франки, промышленники - покоренные галлы. Возможно, что на Сен-Симона влиял в этом вопросе его ученик, известный историк О.Тьерри, для которого характерно такое изображение генезиса общественных классов³³. Обратное влияние представляется менее правдоподобным, так как и в более ранних (например «Очерк науки о человеке», 1813 г.) и в более поздних («Рассуждения литературные, философские и промышленные», 1825 г.) произведениях Сен-Симона мы находим в применении к классам средневекового общества лишь термины «патриции» и «плебеи» - термины, устанавливающие генетическую связь между системой феодально-богословской и системой античной. Появление промышленников и ученых в среде плебейства, упадок и разложение дворянства (патрициата) трактуются как явления общие, а не только свойственные истории Франции, и в этой общей трактовке лишен интереса вопрос о национальном происхождении той и другой группировки, национальная окраска является чем-то для них случайным.

До XV в. в обществе господствуют богословские идеи, носителем которых является духовенство. Естественно, что духовенство пользуется властью над умами и нравами. К XV в., и особенно начиная с XV в., человеческий разум, разрабатывая опытные науки, перешедшие в Европу от арабов, делает ряд открытий, которые дают материал к построению новой системы³⁴. Общество постепенно высвобождается из-под господства богословия, все большим становится удельный вес светских ученых, развивающих светские науки. Между тем официальная власть остается в руках старых богословов. В обществе возникает внутреннее противоречие, которое выражается в борьбе нового, научного элемента со старым, богословским. Начинается критика феодально-богословской системы, прежде всего его духовной, богословской стороны. Лютер,

Коперник, философы XVIII в.- все это, по мнению Сен-Симона этапы критической, дезорганизаторской работы, которая была необходима, ибо без нее нельзя было построить новую систему соответствующую новым завоеваниям человеческого разума.

Вслед за критикой духовной стороны феодально-богословской системы идет критика ее светской стороны, феодальной организации как таковой. Пока знать руководила сельскохозяйственными работами, важнейшими по тому времени, ей, естественно, принадлежала власть. Однако начиная с XV в. плебеи не только сделали громадные успехи в теоретических знаниях, они научились их практическому приложению, полезному для общества: плебеи выдвинулись на первое место как руководители промышленных предприятий. Опека, которую знать осуществляла над плебеями, потеряла с этого времени всякий смысл. Бессмысленной стала система, которая представляет собой какой-то опрокинутый вверх дном мир: способнейшие находятся в классе управляемых, класс правителей состоит из людей посредственных. Но для того чтобы установилось нормальное положение - система, соответствующая изменившемуся в результате прогресса цивилизации соотношению общественных групп, - европейским обществам необходимо было пережить длительный процесс разрушения старого феодального мира, процесс, начало которому было положено критикой Коперника и философов³⁵.

Разрушение феодального и богословского строя есть, следовательно, по Сен-Симону, процесс двусторонний, хотя в основе его и лежит нечто единое: прогресс человеческого разума. Это, во-первых, чисто идеологическая критика; это, во-вторых, сопровождающая ее и воодушевляемая ею борьба реальных общественных сил. В первой активная роль выпадает на долю ученых, во второй - на долю промышленников. Во Франции подъем влияния промышленников Сен-Симон отмечает с эпохи крестовых походов, которые разорили знать и дали возможность промышленникам откупиться от ее господства, которые повысили спрос на продукты промышленности и содействовали скоплению в руках промышленников средств, необходимых для освобождения. Ко времени Людовика XI, утверждает Сен-Симон, существовал уже отчетливо отмежевавшийся от других общественных слоев и достаточно сильный класс промышленников. В его состав входили невоенные землевладельцы, сами обрабатывавшие свою землю, освободившиеся и объединившиеся в городах ремесленники и, наконец, торговцы. Со времени Людовика XI этот класс вступает в борьбу с феодалами, причем сразу же находит себе союзника в лице королевской власти. По мнению Сен-Симона, основателем союза между королем Франции и промышленниками против знати был Людовик XI. И королевская власть в его лице, и промышленники были одинаково заинтересованы в устранении феодальной пестроты в управлении, в установлении единой, прочной власти, какой могла быть только королевская власть. Естественный союз королевской власти и промышленности с этих пор не прерывался в течение веков. Даже Людовик XIV, говорит Сен-Симон, вопреки своей репутации, не нарушал

этой основной политической линии французских королей: ведь именно при нем Кольбер помогал промышленникам создавать большие фабрики и строил на государственные средства прекрасные мануфактуры, именно при нем была учреждена Академия наук, которой специально было поручено оказывать содействие промышленным трудам³⁶.

Класс промышленников, все более преуспевающий, отвоевывающий все новые и новые позиции у феодального строя, получил законченную организацию лишь в XVIII в., с образованием нового вида промышленности, частные интересы которого были тождественны общим интересам всей промышленности. Этот вид промышленности - банковское дело. Земледельцы, фабриканты и торговцы до возникновения банков составляли отдельные корпорации. Банк объединил их в единой системе кредита, придав тем самым классу промышленников, взятому в целом, такую денежную силу, какой не обладают ни все остальные классы вместе, ни даже государство³⁷. Эта мысль об организующей роли банков, брошенная Сен-Симоном, получила дальнейшее развитие у его учеников. В системе сен-симонистов банки играют роль не только силы, организующей промышленность. Они - единственное противоядие, которое выработала существующая сейчас система против раздирающей ее анархии, элемент будущего организованного строя в настоящем. Они сохраняются и в этом будущем строе как главный аппарат по управлению производством, соответственно изменив свой характер, освободившись от стимула индивидуального обогащения и став учреждением общественным³⁸.

Между тем как класс промышленников окончательно организуется и становится вполне способным взять в свои руки власть, старые господствующие классы окончательно дезорганизуются.

Решительный удар им нанесла Французская революция, основной причиной которой было изменение в соотношении общественных сил начавшееся с XV в. и закончившееся в XVIII в. Действительное соотношение сил было, по словам Сен-Симона, таково- реальная светская власть в руках промышленников, реальная духовная власть в руках ученых. Политический строй отвечал не этому реальному положению, а тому, которое существовало много веков тому назад: в этом политическом строе по-прежнему наибольший удельный вес имели дворянство и духовенство. В течение столетий шла гражданская и моральная революция, она сделала неизбежной революцию политическую. Задача этой революции состояла в том, чтобы привлечь к непосредственной политической власти силы, которые получили в обществе реальное преобладание. Было необходимо взять власть из рук дворянства и духовенства и передать ее в руки промышленников и ученых. Королевская власть, которая всегда, как мы уже видели, была союзницей промышленников, должна была и на этот раз стать на их сторону. По мнению Сен-Симона, она так и сделала; недаром Людовик XVI предоставил третьему сословию двойное представительство³⁹. Таким образом, революция началась хорошо. Но затем она уклонилась с истинного пути и потому привела к неудовлетворительным результатам: довершив дело дезорганизации старого феодального и богословского строя отменой феодальных привилегий, провозглашением свободы совести и т.п. мерами, она не построила новой промышленной и научной системы³⁹.

***** По указу Людовика XVI при выборах в Генеральные Штаты 1789 г. третье сословие получило 600 мест, в то время как дворянство и духовенство - по 300.

В. П. ВОЛГИН

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.

М.: Наука. 1976

Vive Liberta, 2010

Вопроса об историческом значении Французской революции, о ее причинах и результатах Сен-Симон касается в своих произведениях неоднократно, освещая то одну, то другую сторону проблемы. Интересные соображения о движущих силах революции находим мы в «Письмах к американцу». Сен-Симон подчеркивает здесь ту роль, которую сыграла в подготовке революции французская философия XVIII в. Именно тогда возникла, по мнению Сен-Симона, партия, которую он называет «свободомыслящей». Свободомыслящие разоблачили в своих трудах пороки старого правления, провозгласили новые принципы общественного порядка, которые затем узаконило Учредительное собрание. Свободомыслящие вовсе не хотели кровавой революции, и она могла бы обойтись без крови, новые учреждения, сменили бы старые без применения насилия, если бы у Франции не было могущественных соседей, находившихся еще под игом феодализма и суеверий. Недовольные революцией дворяне и духовенство обратились к этим соседям за помощью, и последние, опасаясь, что революция может затронуть и их самих, напали на Францию. Чтобы оказать отпор иноземным войскам, свободомыслящие были вынуждены поднять и вооружить народные массы. При их помощи они одержали верх над дворянством и духовенством всей Европы. Но вооруженные для отпора привилегированным пролетарии отстранили свободомыслящих и сами завладели властью⁴⁰, что и придало революции разрушительный характер.

Свободомыслящим удалось опрокинуть феодальные и теологические учреждения и победить силы, стремившиеся восстановить старый порядок. Однако в установлении нового порядка они еще не достигли такого же успеха⁴⁰.

Причину этой незавершенности Французской революции Сен-Симон видит здесь, по-видимому, с одной стороны, в неподготовленности свободомыслящих, в отсутствии у них общей концепции новой политической системы, а с другой - в реакции, вызванной временным захватом власти «невежественным классом». Иное объяснение дает Сен-Симон тому же факту в более поздних произведениях.

Основной недостаток революции, говорит Сен-Симон в своих работах последнего периода, состоит в том, что она не передала власти в руки промышленников и ученых, достаточно для этого созревших, а поставила во главе государства два промежуточных слоя: метафизиков и законников (легистов). Эти промежуточные слои образовались в процессе разложения старого общества и сыграли в свое время положительную роль. Потребность в них создавалась необходимостью приспособления старого строя к нуждам общественного развития в тот период, когда промышленники и ученые не были еще достаточно сильны, чтобы взять власть в свои руки. Легисты смягчили феодальную юстицию в интересах

***** Имеются в виду якобинцы, т.е. представители революционно-демократических слоев, а отнюдь не одного пролетариата. Период якобинской диктатуры (с 3 июня 1793 г. до 27 июля 1794 г.) - высший этап в развитии Великой Французской революции.

промышленности и не раз защищали промышленность в старых парламентах от сил феодализма; метафизики смягчили старое богословие, сохранив ряд религиозных положений, но открыв за их пределами двери свободному суждению. Без этого смягчения норм феодально-богословского строя было бы невозможно развитие в его недрах промышленности и науки. Ко времени Французской революции роль легистов и метафизиков была уже сыграна: с их помощью промышленники и ученые выросли в господствующую силу и должны были стать непосредственно господствующим классом общества. Однако резкие и решительные переходы от одной системы к другой, ей противоположной, очень трудны. Промышленники, привыкшие видеть в промежуточных слоях - в легистах и метафизиках - защитников интересов общественного развития, решили передать власть в ответственный момент в их руки. Между тем эти группы были по самому существу неспособны к построению новой системы. Легисты, изоцрявшиеся в изобретении способов защиты промышленности во враждебном ей строе, занялись созданием системы гарантий и «сдержек», которые должны были обеспечивать интересы промышленников, вместо того чтобы прямо все поставить на службу промышленности. Метафизики занялись поисками наилучшей возможной власти, соответствующей промышленным или общим принципам. И те и другие только так и могли действовать. Их нельзя за это упрекать. Но как бы то ни было революция, попав в несоответствующие руки, не привела к построению промышленной и научной системы вместо феодальной и богословской. Она оставила страну в неорганизованном состоянии. Необходимо сделать дальнейший шаг вперед, уже созидательного характера - шаг, который должен завершить революцию⁴¹.

Аналогичным, хотя и не тождественным, путем шло, по мнению Сен-Симона, в последние столетия развитие Англии. Здесь развитие промышленности привело после революции XVII в. к созданию компромиссного строя. Английское правление - это феодальное правление, приспособленное, насколько возможно, к нуждам промышленности. Власть осталась в руках феодального класса дворянства, которое объединилось с промышленниками против королевской власти, тогда как во Франции промышленники объединились с королевской властью против дворян. В английской системе смешаны два принципа, и это смешение ведет к целому ряду конкретных дефектов, свидетельствующих о болезненном состоянии английской нации. В доказательство Сен-Симон приводит факты, говорящие о продажности английского парламента и о болезненной страсти к деньгам, распространенной среди англичан. Именно потому, что в Англии феодальная система сделала все возможные уступки промышленной, она просуществоует там, утверждает Сен-Симон, дольше, чем во Франции. Французские промышленники больше, чем английские, заинтересованы в смене системы, а французские феодалы гораздо меньше способны к сопротивлению, чем феодалы английские, в борьбе с королем сосредоточившие в своих руках всю власть. Первой к промышленному режиму должна перейти Франция, а за нею последует Англия⁴².

Мы видим, что у Сен-Симона основным содержанием исторического процесса с XV в. является борьба общественных классов. Эта трактовка истории новой Европы не находится в противоречии с изображением более ранних стадий общественного развития. Антагонизм между промышленниками и феодалами - новая форма того же антагонизма, какой существовал между патрициями и плебеями. В учении Сен-Симона классовая борьба

Признавая всю значительность теории Сен-Симона, мы должны, однако, тут же подчеркнуть два пункта, которые отличает неясная, двусмысленная характеристика общественных отношений новой Европы. Первый пункт - вопрос о возникновении общественных классов. На этот вопрос у Сен-Симона нет вполне отчетливого ответа. Даже если мы отметим как случайную мысль о связи классов нового французского общества с завоевателями-франками и покоренными галлами, если мы будем иметь в виду те сочинения Сен-Симона, где он стремится дать общее изображение хода исторического процесса, - и в этом случае мы должны будем убедиться, что Сен-Симон безнадежно путается в своих объяснениях. Он отмечает хозяйственный момент в характеристике классов и причин их роста и упадка (феодалы - не только военные защитники общества, но и организаторы сельского хозяйства, их значение падает с утратой ими хозяйственных функций, удельный вес промышленников повышается с их хозяйственными успехами и т.д.). Он утверждает, что нет изменений в общественном порядке без соответствующего изменения в форме собственности. Сен-Симон, будучи последователен, должен был бы в той же хозяйственной деятельности и в изменении организации собственности искать и самые корни общественных классов. Если бы он сделал этот шаг, он неизбежно пришел бы к материалистическому пониманию истории. Но Сен-Симон этого шага не делает, его общая концепция остается идеалистической. Поэтому вопрос остается без ответа по существу, ибо ссылки на политеизм в объяснение классового строения античного общества, на христианство в объяснение строя феодально-богословского, конечно, таким ответом считаться не могут. И материалистические рассуждения о росте промышленности, и теория франкского завоевания остаются в системе Сен-Симона наращиваниями, очень интересными, но логически не связанными с основами его исторической теории.

Второй пункт, поражающий в теории классов Сен-Симона своим несоответствием реальным взаимоотношениям его эпохи, это его представление о классе промышленников как о едином классе. Линия основного деления общества проходит у Сен-Симона между утратившими хозяйственное и политическое значение, превратившимися в тунеядцев представителями правящих групп феодального общества и промышленниками, в число которых входят все трудящиеся в индустрии и в сельском хозяйстве как в качестве физических рабочих, так и в качестве предпринимателей. К промышленникам по существу примыкают и интеллигентские группы: ученые и художники, хотя они играют в обществе в качестве представителей духовной власти некоторую самостоятельную роль. Основное деление общества у Сен-Симона

двуучленно - в соответствии с представлением о борьбе двух порядков: феодального и промышленного. Между двумя основными классами существуют, правда, промежуточные, которые иногда, как мы уже говорили, получают у Сен-Симона общее наименование буржуазии⁴³. Но эти классы не играют существенной роли в экономике общества. Промышленный строй, идущий на смену феодальному, мыслится Сен-Симоном как строй окончательный, лишенный внутренних противоречий. Не должно быть поэтому внутренних противоречий и в том классе, который является творцом этого нового строя.

Сен-Симон слишком тонкий наблюдатель, чтобы не видеть того, чего не могли не видеть даже мыслители XVIII в.: в среде нового общества, идущего на смену старому, феодальному, резко бросается в глаза различие между двумя группами. Одни обладают собственностью, другие ею не обладают. Наличие этих групп Сен-Симон констатирует уже в первом своем произведении⁴⁴. Он сознает даже необходимость борьбы между собственниками и несобственниками. Участием людей, не имеющих собственности, объясняет он в своих ранних работах разрушительный характер Французской революции. Он отмечает господствующее политическое направление группы несобственников: это страсть к равенству. Тот же ряд мыслей находим мы и в более поздних «Письмах к американцу» (1817). В этом произведении, как мы уже говорили, имеется даже термин «пролетарии» в применении к несобственникам. При этом указывается, что пролетарии, вдохновляемые страстью к равенству, захватив в свои руки власть, показали, что может быть нечто худшее, чем старый режим⁴⁵.

В дальнейших работах Сен-Симона оценка пролетариата существенно меняется. Сен-Симон тщательно доказывает зрелость французского пролетариата, проявившего большие способности к управлению имуществами во время Французской революции. Эти способности сказались как в области земледелия, так и в области промышленности. В первой области несколько тысяч пролетариев сразу перешли в разряд собственников, и это несколько не отразилось на обработке земли, наоборот, земля стала приносить более обильные урожаи, чем в прежние годы. Вторая область, французская промышленность, только потому могла подняться после революции, что место старых предпринимателей, раздавленных революцией, было занято большим количеством новых людей, вышедших из рядов простых рабочих. Следовательно, делает вывод Сен-Симон, пролетарии не представляют более опасности для общественного спокойствия и не нуждаются в опеке⁴⁶.

Таким образом, отношение Сен-Симона к пролетариату на протяжении его литературной деятельности не остается одним и тем же. Но самое существование пролетариата как группы, отличной от группы собственников в пределах промышленного класса, Сен-Симон нигде не отрицает. И тем не менее он не выделяет пролетариат в особый класс. Различия, казалось бы, весьма существенные между пролетариями и предпринимателями, представляются ему чем-то внешним, а антагонизм между ними - основанным на взаимном непонимании. По существу,

интересы руководителей промышленных предприятий совпадают с интересами народных масс. По мнению Сен-Симона, улучшение морального и физического существования бедного класса сопряжено с увеличением, а отнюдь не с уменьшением наслаждений класса богатого⁴⁷. «Предприниматели промышленных работ оказываются, в силу природы вещей, руководителями и представителями взглядов большинства»⁴⁸. Этим совершенно голословным утверждением разрешается у Сен-Симона весьма реальное общественное противоречие, спасается единство промышленного класса и, следовательно, перспективы мирного построения новой общественной системы. Конечно, до известной степени возникновение идеи солидарности интересов предпринимателей и рабочих может быть отнесено за счет недостаточного развития во Франции начала XIX в. промышленного капитала и недостаточной четкости демаркационной черты, отделяющей в эту эпоху пролетариев от независимых товаропроизводителей - мелких ремесленников и крестьян. Конечно, сохранить концепцию солидарности было легче в такой обстановке, чем в обстановке второй половины века. Но внутренний мотив, который заставил Сен-Симона, обычно столь прозорливого, закрывать глаза на факты, ему хорошо известные, здесь гораздо важнее. Сен-Симон как творец новой социальной системы чувствовал практическую потребность доказать, с одной стороны, отсутствие внутренних противоречий в ней, с другой - возможность и необходимость ее безболезненного, мирного установления совместными усилиями всех элементов общества, кроме ведущих паразитическое существование остатков феодального класса. Признание реального противоречия внутри массы «трудящихся» подорвало бы всю его практическую программу.

4

Какова же была практическая программа Сен-Симона? Как представлял он себе будущий промышленный строй? В течение первых лет его литературной деятельности центральное место в ней занимают проблемы философские и философско-исторические хотя активный интерес к преобразованию общества чувствуется уже в первом его произведении - в «Письмах женевого обитателя». В работах последнего десятилетия проблема общественного преобразования, - проблема построения новой «промышленной системы» выдвигается на первый план. Мы уже знаем, что социально-политический переход от существующего неорганизованного состояния, являющегося продуктом разложения феодального строя, к промышленной системе мыслится Сен-Симоном как переход власти из рук феодальных и промежуточных общественных групп в руки промышленников и ученых. Для него это равносильно переходу дела управления государством от бездельников и паразитов к трудящимся. Формы, в которых он изображает в различных произведениях самую организацию власти промышленников и ученых, довольно разнообразны, но существо этой организации всегда остается приблизительно одним и тем же: духовная власть сосредоточивается в Академии, светская - в Совете промышленников⁴⁹. Существующие органы власти этим как будто не упраздняются. Остается король,

остается министерство, остаются палаты. Но законодательная инициатива, составление бюджета, контроль за его исполнением - все передается новым органам, к которым и переходит вследствие этого реальная власть.

Новые общественные силы, получив власть, должны будут неизбежно поставить перед собой новые цели, принципиально отличные от целей старой власти. «До настоящего времени,- говорит Сен-Симон,- правители смотрели на народы, как на свои вотчины: все их политические планы были направлены или на эксплуатацию этих вотчин, или на их увеличение»⁵⁰. Этому принципу старой власти ее враги противопоставляли в борьбе с нею принцип свободы. Его было необходимо провозгласить тогда, когда свобода всячески угнеталась, когда нужно было сдерживать произвол. Но при построении промышленной и научной системы свобода не может быть целью. Люди соединяются в общества вовсе не для обеспечения свободы, так как свободнее всего они в изолированном состоянии. Идея свободы как цели общественной организации есть пустая и метафизическая идея, соответствующая потребностям переходного времени разложения феодально-богословского строя. Точно так же нелепа формальная идея порядка в качестве цели общества. Поддержание порядка - средство, а не цель общества. Это - основное условие, при котором общество может посвятить себя какой-либо деятельности, но отнюдь не содержание деятельности⁵¹. Гораздо ближе к истине те, кто провозглашает в качестве основного принципа нового общества благо нации. Но и это неопределенно: благо нации допускает самые различные толкования, всякий правитель может понимать его соответственно своему вкусу. Если он честолюбив, он будет видеть благо народа в завоеваниях, если он любит роскошь, он будет считать благом постройку дворцов и устройство празднеств и т.п. Поэтому необходимо дать более точное определение цели общественной организации. Это определение гласит: «Целью общественной организации должно быть возможно лучшее применение для удовлетворения потребностей человека знаний, добытых науками, искусствами и ремеслами, распространение этих знаний, их развитие и возможно большее накопление - иными словами, возможно более полезное комбинирование всех отдельных работ в области наук, искусств и ремесел»⁵². Стремление к возможно более широкому удовлетворению человеческих потребностей - характерная черта социальной философии Сен-Симона. Ему совершенно чужды аскетические тенденции, свойственные большинству более ранних утопистов (в том числе и бабуистам).

Сен-Симон нигде не дает более конкретной характеристики этой деятельности общества по комбинированию отдельных работ. По этому вопросу в его произведениях имеются лишь разбросанные там и сям намеки. Но, во всяком случае, сама идея общественной организации производства, общественного плана производства не есть случайная идея в учении Сен-Симона. Основная задача промышленной системы - установление ясного и разумного комбинированного плана работ, которые должны быть выполнены обществом. Наличие общего плана

хозяйства - черта, наиболее резко отличающая систему, проповедуемую Сен-Симоном, от хозяйственной анархии, характерной для капиталистического строя. Это именно и позволяет ему именовать будущий общественный строй ассоциацией⁵³. Но это слово не должно вводить нас в заблуждение. Ассоциация Сен-Симона не предполагает общественной собственности на средства производства. У него нет речи об отмене частной собственности, об экспроприации. Государство лишь в известной мере подчиняет деятельность отдельных промышленников общему плану, направляя ее в известное русло. Сохраняется, следовательно, и классовое строение общества, как сохраняется барыш предпринимателей. Сен-Симон прямо призывает не очень придирайтесь к барышам промышленников, если они ведут работы, полезные для государства⁵⁴. Необходимо, говорит он поощрять возможно больше земледельческую, промышленную и торговую деятельность... Надо привлекать людей приманкой частных выгод к работам по устройству каналов, дорог и мостов, по осушению, распашке и орошению.

Общество и в будущем сохранит, по мнению Сен-Симона, форму пирамиды.

Как мы уже знаем, Сен-Симон не считает институт собственности вечным и неизменным. Этот институт подлежит усовершенствованию с изменением исторических условий: «...до очевидности ясно, - говорит он, - что в каждой стране основным законом является тот, который устанавливает формы его организации, но из того, что этот закон является основным, еще не следует, что он не может быть изменен». Сен-Симон считает необходимым отыскание такого способа организации собственности, который «доставил бы наибольшую сумму благосостояния и свободы. Сен-Симон считает, что промышленная система будет системой максимально возможного равенства. Полное равенство немыслимо. Мы уже видели, как Сен-Симон осуждает «страсть к равенству» эпохи буржуазной революции. Действительно осуществимое равенство состоит прежде всего в том, что в промышленной системе все являются трудящимися, паразитизм старых правящих групп исчезает. Общество есть союз людей, занятых полезными работами. Уже в «Письмах женевого обитателя» (1802 г.) Сен-Симон провозглашает принцип всеобщего труда: «Все люди будут работать; они все будут смотреть на себя как на работников, прикрепленных к мастерской. На каждого возложена обязанность постоянно давать своим силам применение, полезное для человечества». Беспольных для мастерской работников в ней не должно быть. Различие между трудящимися лишь в том, что одни работают руками, другие - головой. Богатого только за то и будут кормить бедные, что он работает головой. Но место, которое каждый занимает в общественной системе, будет определяться не случайностью рождения, так как все привилегии будут уничтожены, а способностями. Из этого положения ученики Сен-Симона сделали вывод об отмене права наследования и об иерархии способностей во всех областях общественной жизни, в том числе и в хозяйственной («каждому - по его способностям, каждой способности - по ее делам»). У Сен-Симона проблема остается недодуманной. Иногда он под привилегиями

разумее и богатство: богатый, мозг которого не способен к работе, будет вынужден работать руками. Иногда он имеет в виду только политические привилегии и говорит о способностях как об условии политического возвышения⁵⁶. В одном месте он говорит, что значение и доход каждого должны быть пропорциональны его способностям и его вкладу⁵⁷. Во всяком случае, принцип возвышения по способностям (в промышленности) и неизбежность права собственности на средства производства у него остаются непримиренными.

В таких пределах осуществляется в промышленной системе равенство. И все-таки Сен-Симон заявляет, что организованная описанным выше способом деятельность системы будет направлена к наибольшей выгоде наибольшей массы. Эта тема повторяется во всех произведениях последнего периода его деятельности. Иногда Сен-Симон говорит об организации политического общества, предоставляющего всем образующим его индивидуумам возможно большую сумму счастья, иногда - о создании учреждений, целью которых будет увеличение благосостояния последнего и самого многочисленного общественного класса или самого бедного общественного класса. Наконец, мы имеем и еще одну совершенно отчетливую формулировку: общественное устройство, основные учреждения которого в своей совокупности содействуют увеличению благосостояния пролетариев⁵⁸. Настойчивость, с которой Сен-Симон возвращается к этой мысли, возрастающая точность ее выражения, пафос - все это свидетельствует о том, что в последние годы жизни интерес Сен-Симона к участи пролетариев был очень велик. С этим связано, конечно, и изменение оценки, какую давал Сен-Симон деятельности и успехам пролетариев в последние годы. К сожалению, интерес к пролетариату нашел свое выражение лишь в приведенных формулировках; он не успел оказать влияния ни на сен-симоновскую теорию классов, ни на его концепцию будущей общественной системы. Конкретного представления о том, какими мерами должно быть достигнуто повышение благосостояния наиболее многочисленного класса, у Сен-Симона, в сущности, нет. Мы можем отметить в характеристике будущего строя только одно сколько-нибудь существенное положение, непосредственно отвечающее на нужды пролетариата. Как мы знаем, труд у Сен-Симона обязателен для всех. Естественно, что он должен быть и доступен всем. Сен-Симон, очевидно, под впечатлением наблюдавшихся в начале XIX в. промышленных кризисов и обусловленной ими безработицы, обращает на этот вопрос особое внимание. Он не раз возвращается к мысли, что общественная система должна обеспечить пролетариату непрерывный труд. У Сен-Симона есть, таким образом, идея права на труд⁵⁹; но она не получает у него сколько-нибудь исчерпывающего развития.

Очень интересные выводы по отношению к функциям власти, которые делает Сен-Симон из концепции промышленной системы.

В старых общественных системах, утверждает он, интересы большинства нации были подчинены интересам меньшинства. Это было необходимо вследствие невежества большинства, которое приходилось держать в опеке, чтобы не давать обществу распасться. Поэтому главной

функцией власти в старом обществе было поддержание порядка среди этого подчиненного большинства. Обеспечение спокойствия и безопасности всем видам труда - такова была полезная сторона ее действий. Но это спокойствие достигалось громадной затратой сил: меньшая часть общества тратила свои силы на то, чтобы держать большинство в покорности, большая часть тратила свои силы на борьбу с меньшей. Между тем воздействие человека на человека само по себе вредно; нет другого полезного труда, кроме воздействия человека на вещи.

Переход к новой системе, ставший возможным вследствие того, что большинство народа созрело и не нуждается более в опеке, позволяет свести к минимуму функции поддержания порядка. Промышленная система менее всего требует управления людьми, так как в системе, прямая цель которой - благо большинства, не приходится тратить энергию на поддержание власти над этим большинством, которое уже не является врагом существующего порядка. «Отсюда следует, что власть, управляющая в собственном смысле слова, будет в промышленной системе, насколько возможно, ограничена». Функция охраны порядка отойдет на задний план и, может быть, даже не будет требовать особых должностных лиц. «Обязанность поддержания порядка сможет легко стать почти целиком общей обязанностью всех граждан - как в смысле задержания нарушителей порядка, так и в смысле разрешения споров». Место системы управления людьми, системы господства займет система администрации, система управления вещами. Административная власть сменит власть правительственную. И основной задачей этой администрирующей власти, носителями которой будут ученые, художники и промышленники, будет организация работ по «окультуриванию» земного шара в интересах человечества. Средства, идущие на войско и полицию, пойдут только на промышленную деятельность, распространение знаний и развлечения. Будущее общество представляется Сен-Симону в виде громадной, сложной мастерской. Политика в таком обществе - прежде всего наука о производстве. Легко себе представить, восклицает Сен-Симон, чего сможет достичь человечество, когда оно перестанет расточать силы на управление друг другом и организует их для совместного воздействия на природу, в особенности, если тот же принцип восторжествует и в отношениях народов между собой⁶⁰.

5

Новая общественная система Может установиться, согласно идеалистической концепции Сен-Симона, только тогда, когда состояние знаний даст возможность построения новой философской системы, лежащей в ее основании. Так, на политеизме была построена античная система, на христианстве - феодально-богословская. Кризис, который переживают европейские общества, является результатом несвязности общих идей. Как только появится теория, соответствующая достигнутому уровню просвещения, все придет в порядок. Какова же эта новая философия, которая должна сменить христианство и послужить базисом

для промышленного строя? В разные периоды своей деятельности Сен-Симон давал на этот вопрос неодинаковые ответы.

В более ранних произведениях Сен-Симона новой философской доктриной, подготовленной развитием знаний с XV в., является «физицизм», образующий промежуточное звено между просветительной философией XVIII в. и позитивизмом Конта. Все человеческие знания, утверждает Сен-Симон, проходят в своем развитии три стадии: теологическую, предположительную, или метафизическую, и позитивную. Теологическая соответствует низкому уровню знаний, характерному для феодальной системы. Но начиная с XV в. разум стремится обосновать свои суждения на наблюдаемых фактах. Все науки одна за другой принимают положительный характер. Очевидно, что философия, на них основывающаяся, должна также стать положительной. Она не могла стать положительной сразу, и в качестве промежуточных систем возникли системы метафизические. Эти системы соответствовали промежуточному периоду, когда разрушался феодально-богословский строй. Однако и XIX в. находится до сих пор под влиянием критического характера XVIII в., он не усвоил еще созидательного направления, не создал еще соответствующей этому направлению позитивной философии. Настала пора ее создать. Подобно «Энциклопедии» XVIII в. (критической) должна быть создана новая энциклопедия - положительная. Новая политическая система явится следствием этой новой философии⁶¹.

Центральной идеей новой философии будет идея единого закона, управляющего всеми явлениями вселенной. Человеческий разум от идеи многих одушевленных причин переходил к идее единой одушевленной причины (политеизм - монотеизм). Далее, от этой идеи человек возвысился до понимания законов, управляющих явлениями. Следующий шаг - верование в единый закон⁶². Единый закон должен сменить единого бога - эта мысль совершенно отчетливо формулируется Сен-Симоном. Он даже знает какой это закон: «Идея тяготения должна играть роль абсолютное общей идеи и заменить идею бога»⁶³. Отсюда и преклонение Сен-Симона перед Ньютоном как перед великим мыслителем установившим впервые единый общий закон. Идея бога устарела. Она соответствовала более примитивному состоянию человеческих знаний и человеческого разума. Ребенок, ударившийся о камень, одушевляет его и кричит: «Злой камень!» В этом возрасте, преисполненном жизни, все представляется живым. Становясь взрослым, человек перестает искать везде в природе жизнь. Точно так же человечество, придя к идее единой причины одушевило эту причину, наложило на нее печать воображения. Сейчас вера в бога не нужна, потому что она ничуть не помогает уяснению законов природы. Кроме того, с ней не мирится здравый смысл. Признание всеведения, всемогущества и все-совершенства божества приводит к противоречиям, совершенно невыносимым. «Размышляя о богословской системе, нельзя не поражаться громадности рассуждения, отделяющего ее от современного состояния просвещения». Теизм так же пережил себя, как политеизм в эпоху Цицерона⁶⁴. Сейчас обосновать философию на идее одушевленной причины невозможно. Вместо того чтобы воплощать абстракцию, как это делают богословы и метафизики,

надо из бога как существа извлечь идею закона. Не идея бога должна лечь в основу философской концепции, а идея тяготения⁶⁵.

Так, радикально порывая с существом «богословской» системы, Сен-Симон, однако, и в этот период сохраняет очень многое от ее формы. По-видимому, ему представляется, что «простой народ», несмотря на проделанную с XV в. критическую работу, еще неспособен воспринять положительную философию в чистом виде. Поэтому отношение между истинными воззрениями философов и верованиями простого народа должно складываться так, как это было в Египте. «Лица, посвятившие себя изучению наук, должны верить, что вселенная управляется единым законом... Простой народ должен верить, что вселенной управляет всемогущее существо». Ученые должны, конечно, распространять свои знания в народе. Но они должны пользоваться для этого языком откровения, должны вкладывать в уста бога лучшие научные результаты своих работ⁶⁶. И сам Сен-Симон этому совету, следует в весьма значительной мере. Его произведения являются причудливым сплетением обычной формы логических доказательств и формы откровения. Он нисколько не стесняется вкладывать в уста бога восхваление Ньютона и проекты создания высшего научного совета, нисколько не стесняется от имени бога провозглашать себя основателем новой религии: «...так говорил со мной бог»⁶⁷. В соответствии с этим свою положительную философию он называет религией, корпорацию ученых - духовенством, лишь преобразованным в связи с преобразованием религии⁶⁸, духовенством, имеющим свою иерархию, аналогичную старой, и даже своего папу⁶⁹.

Получаются, таким образом, как бы две доктрины; одна - чисто теоретическая, позитивная, служащая для внутреннего употребления, другая - практическая, носящая характер откровения, служащая для пропаганды. В последних литературных произведениях Сен-Симона практический интерес, интерес к общественному преобразованию, достаточно сильный и в предыдущих работах, берет верх над интересом теоретическим. Вместе с тем религиозная форма, имевшая ранее значение своеобразного приспособления, становится чем-то самодовлеющим, позитивная наука и ее достижения превращаются лишь в средство, в материал для реформирования религии. Происходит как будто лишь легкое изменение в расположении тех же составных частей системы. А между тем в результате вместо позитивной философии, весьма рационалистически задуманной, хотя и возводимой в ранг религии из практических соображений, мы получаем новое христианство, настоящую религию чувства, моральное учение с потусторонней санкцией, хотя и с большим рационалистическим привкусом. Если от первой, несомненно, произошел позитивизм Конта, то второе послужило исходным пунктом для религиозного учения позднейшего сен-симонизма. Конт, бывший непосредственным свидетелем этой эволюции, поворот Сен-Симона к «гуманитарному мистицизму» относит к 1818 г.

Историческое христианство - это, согласно общему построению Сен-Симона, теистическая система, в форме которой единобожие восторжествовало над многобожием среди европейских народов. Как таковое оно - пройденная ступень. Но мы знаем, что христианство в то же время - моральный принцип. Этот принцип формулируется Сен-Симоном так: люди должны относиться друг к Другу, как братья. В ту эпоху, когда христианство возникало, всеобщее братство людей вследствие их невежества не могло восторжествовать в полной мере. Конкретным результатом провозглашения христианского принципа была, по мнению Сен-Симона, лишь отмена рабства. Христианство, как мы уже знаем, должно было идти на уступки, приспособляться к состоянию умов. В частности, оно должно было отказаться от подчинения своему моральному принципу светской власти: «кесарево - кесарю». Светская власть продолжала основывать свое могущество на праве сильнейшего. Отсюда - феодальная организация. Сейчас, утверждает Сен-Симон, прогресс цивилизации позволяет пойти дальше.

Христианские народы достаточно подготовлены к полному усвоению христианской морали. Новое христианство должно прийти на смену старому - новое христианство, которое, в противоположности старому, подчинит себе светскую власть и будет стремиться построить на христианской морали всю систему общественных отношений.

Возможность применения основного принципа христианства к общественным отношениям влияет и на формулировку провозглашаемого им принципа; эта формулировка может быть гораздо более конкретной, чем она была в первоначальном христианстве. В новом виде формула братства людей гласит: религия должна направлять общество к великой цели наискорейшего улучшения участи наибеднейшего класса⁷¹. В противоположность старому христианству доктрина нового христианства будет видеть в этом морально-социальном повелении самую главную свою составную часть. Новое христианство будет совершенно очищено от суеверий, привившихся к старому вследствие невежества людей. Это будет возвращение к чистой религии, свободной от теологии⁷². Культ и догмат вообще играют, по мнению Сен-Симона, тем большую роль, чем ближе мы к основанию религии; по мере развития человеческого разума все большее значение приобретает в ней духовная сторона. Основная ошибка Лютера, который оказал большие услуги прогрессу своей критикой старого христианства, в том и состояла, что он считал необходимым восстановление и сохранение в обновленной религии тех догматов, какие были изложены в священном писании. Это было так же бессмысленно, как если бы математики, физики и прочие ученые стали утверждать, что разрабатываемые ими науки должны изучаться по первым произведениям, какие трактовали об их предметах⁷³. Однако не следует думать, что Сен-Симон изгоняет из своего нового христианства всякую догму, превращая его в чистую моральную доктрину. Догма должна быть очищена согласно научным данным, она должна быть отодвинута на второй план, но все же догму новое христианство иметь будет⁷⁴. В своем последнем произведении Сен-Симон восстанавливает и личного бога и личное бессмертие,

которое является наградой за служение великим земным целям⁷⁵. Он протестует даже против возможного подозрения в скептическом отношении к божественности основателя христианства⁷⁶. И все это говорится с такой серьезностью, которая заставляет подходить к новому «откровению» Сен-Симона несколько иначе, чем к его более ранним откровениям. Если это и грим для соблазна верующих, то грим, сделанный так искусно, что черт его не отличишь от черт живого лица.

Вслед за догмой восстанавливается и культ. Новое христианство имеет свой культ и свое духовенство. Недостаточное внимание к культу - вторая ошибка, которую Сен-Симон ставит в вину Лютеру. Задача руководителей христианства состоит в том, чтобы внушить всем людям основное правило христианской морали, чтобы приучить их применять его во всех перипетиях своей повседневной жизни. Христианская мораль будет, конечно, положена в основу воспитания. Но этого мало. Необходимо пользоваться всеми средствами, чтобы толкать мысль людей в нужном направлении. Необходимо возбуждать их страх картиной бедствий, которые их постигнут, если они уклонятся от исполнения предписаний морали, и картиной радостей, с которыми сопряжено их соблюдение. «Для того чтобы вызвать в этих двух направлениях наиболее сильное и полезное действие, нужно комбинировать все средства, все возможности, какие могут предложить искусства».

Сен-Симон мечтает о развитии культа совместными усилиями проповедников, поэтов, музыкантов, скульпторов и архитекторов. Все искусства должны соединиться, чтобы сделать культ полезным обществу, чтобы через культ перевоспитать человечество в духе христианской морали⁷⁷.

Усвоение нового христианства и построение на его основе общественной системы, утверждает Сен-Симон, - единственный выход из кризиса, в котором находятся европейские общества со времени разрушения феодально-богословской системы. Положение новой Европы аналогично положению Римской империи перед распространением христианства. Человечество было спасено от разложения и поднялось на новую ступень благодаря старому христианству. Точно так же сейчас оно будет спасено новым христианством. И поведение первоначальных христиан должно быть образцом для проповедников нового христианства. Единственное средство его распространения - убеждение. «Пусть нас преследуют, как и первых христиан,- говорит Сен-Симон,- нам совершенно возбраняется употребление физической силы»⁷⁸.

Новое христианство, подобно христианству первоначальному, будет поддерживаться, распространяться и защищаться силой морали и общественного мнения. Положение таково, что можно ожидать насилий, восстаний со стороны бедных классов. Но насильственные средства годятся только для разрушения, а не для созидания. Необходимо принять все меры, чтобы распространение нового учения «не толкнуло бедный класс к актам насилия против богатых и правительств»⁷⁹. Поэтому-то Сен-Симон и считает нужным обращаться со своей проповедью не к этому наиболее заинтересованному в торжестве нового христианства бедному классу, а к богатым и сильным. Обращаться к бедным, по его мнению

опасно. И вот Сен-Симон создает совершенно неправдоподобную теорию, согласно которой над установлением нового общественного строя всегда трудятся с наибольшим жаром не те, кто в нем заинтересован. «Страсть к общественному благу имеет гораздо большее значение в деле политических улучшений, чем эгоизм тех классов, которым эти перемены принесут наибольшую пользу». Эту мысль Сен-Симон подтверждает опять-таки ссылкой на основателей христианства, принадлежавших будто бы совсем не к тем группам населения, которым установление христианства должно было принести пользу. Общественное преобразование будет произведено силой нравственного чувства, силой энтузиазма⁸⁰.

Впрочем, богатые и сильные должны пойти за новым христианством не только в силу нравственных побуждений, но и в силу своих интересов. Сен-Симон убежден, что осуществление основного принципа нового христианства - улучшение морального и физического существования бедного класса - невозможно иными средствами, кроме тех, которые увеличивают наслаждения богатого класса. Эту мысль он подкрепляет соображением, о котором уже приходилось упоминать в другой связи: художники, ученые и руководители промышленных предприятий принадлежат к классу работников; их интересы по существу совпадают с интересами народных масс, они - естественные вожди рабочих, единственные вожди, заслуживающие доверия⁸¹.

Ученики Сен-Симона, подчеркивая религиозную сторону системы, склонны преувеличивать значение религиозного энтузиазма в деле общественного преобразования. Политической борьбой они, за редкими и случайными отступлениями, не интересуются. Сам Сен-Симон, при всем религиозном идеализме его последних произведений, все же в определенной мере остается весьма трезвым политиком-реалистом, делающим выводы по отношению к будущему из своего анализа исторического прошлого и настоящего. Преобразование, полагает он, невозможно без усвоения новой религии, без религиозного энтузиазма. Но, с другой стороны, оно происходит в обстановке реальной политической борьбы и само должно носить форму такой политической борьбы. Оно должно быть совершено какой-то политической силой. Мы уже знаем, что, по учению Сен-Симона, исторический процесс выдвигает в качестве крупнейшей политической силы промышленников. Мы знаем, что промышленники сами заинтересованы, по мнению Сен-Симона, в преобразовании, ставшем необходимым для дальнейшего развития общества, что в будущем обществе он отводит им значительную роль. Совершенно естественно, что Сен-Симон приходит к выводу о необходимости организации политической партии промышленников. Основным ядром этой партии должна послужить организация парижских промышленников, «так как политические интересы Европы обсуждаются во Франции, а социальные интересы Франции обсуждаются в Париже». Парижским промышленникам будет нетрудно организовать, потому что они составляют в Париже самый многочисленный и влиятельный класс; а за ними неизбежно последуют промышленники Франции и затем всей Европы. В этой связи следует отметить, что уже в 1816 г. Сен-Симон вел

переговоры с представителями парижской либеральной буржуазии, стремясь получить их поддержку в деле издания задуманного им журнала «Промышленность» («L'Industrie»), посвященного пропаганде преимуществ промышленного строя над военным. Этот союз с либералами был, как и следовало ожидать, кратковременным. После выхода третьего тома «Промышленности» большинство буржуа сочло необходимым отмежеваться от Сен-Симона.

Промышленная партия, как представляет себе Сен-Симон, радикально отличается от партий консервативной и либеральной, поскольку последние связаны с феодальным и промежуточным классами: их цель - либо сохранение феодализма, либо его использование в своих интересах; целью же промышленной партии будет установление новой системы. Организация промышленной партии в европейском масштабе поведет с необходимостью к утверждению в Европе промышленной системы и к уничтожению системы феодальной⁸².

Признание закономерности и необходимости политической борьбы отнюдь не противоречит представлению Сен-Симона о мирном характере грядущей победы нового христианства. Образование партии промышленников произойдет, полагает он, мирным путем. Средства насилия здесь совершенно не нужны, потому что у существующих правительств не может быть никаких оснований противодействовать ее образованию. Это будет партия мирная и моральная. Она будет стремиться действовать при посредстве общественного мнения, а никакое правительство не может помешать образованию общественного мнения. Более того, основная политическая сила современного общества - королевская власть - не только не заинтересована в противодействии промышленникам, она, наоборот, заинтересована в успехе их начинаний. Королевская власть, утверждает Сен-Симон, отнюдь не связана органически с силами феодального общества. Она, как мы уже видели, в борьбе промышленников против феодалов стояла некогда на стороне первых. Короли Франции способствовали в тот период естественному ходу вещей. По мнению Сен-Симона, нет никаких оснований у них отказываться от этой роли и сейчас. Оттого, что король объявит, что промышленники составляют первый класс среди его подданных, оттого, что он призовет промышленников к управлению общественным достоянием, его авторитет не станет меньше. А так как преобразование вызовет общее повышение благосостояния и довольство всей нации, привязанность народа к королю, ставшему во главе движения в пользу преобразования, будет еще больше, чем была до того.

Промышленная система не противоречит королевской власти; король в ней будет первым промышленником, как ранее был первым дворянином. Исходя из этих соображений, Сен-Симон в «Катехизисе промышленников» и в «Системе промышленности» рассматривает на королевскую власть как на опору в борьбе за промышленный строй, как на один из факторов, действующих в направлении ставшей исторически необходимой общественной реорганизации⁸³.

В «Новом христианстве» он выражает ту же мысль в свойственной этому произведению форме религиозного призыва. Государи Европы, говорит он, объединились под знаменем христианства в Священный союз. Но их поведение далеко не соответствует провозглашаемому Сен-Симоном нормам истинного христианства. Они поддерживают старую систему власти меча, власти кесаря. И Сен-Симон считает необходимым обратиться к ним с призывом: «Государи! Прислушайтесь к голосу бога, говорящего вам моими устами, станьте вновь добрыми христианами, перестаньте считать наемные армии, дворянство, еретическое духовенство и нечестивых судей главной опорой. Объединенные во имя христианства, сумеете выполнить все обязанности, которые оно налагает на власть имущих. Помните, что оно предписывает им употребить все силы на то, чтобы возможно быстрее увеличить социальное счастье бедняка»⁸⁴.

Весьма высоко оценивая роль королевской власти и промышленников в предстоящем перевороте, Сен-Симон далеко не с такой » определенностью высказывается о политической роли третьего его элемента, которому в будущей промышленной системе отводится видное место, - интеллигенции, т.е. ученых и художников. В той политической партии, о которой мечтает Сен-Симон, они во всяком случае занимают второстепенное место. Ученые, говорит Сен-Симон, оказывают промышленникам большие услуги, но сами обязаны им большим - своим существованием. Промышленный класс - основной класс, без него не может существовать никакой другой. Он может поставить другим классам условия, какие пожелает. Поэтому с призывом об организации новой партии Сен-Симон и считает нужным обращаться к промышленникам, а не к ученым⁸⁵.

Деятельность ученых и художников крайне важна в другой области - в области подготовки новой общественной философии и ее пропаганды. Ученые должны доказать возможность увеличения в новом порядке благосостояния всех классов общества. Они должны выяснить средства, обеспечивающие непрерывность труда массы производителей, разработать основные принципы общественного образования, установить законы гигиены социального организма; в их руках политика должна быть дополнением к науке о человеке. Люди искусства, люди с богатым воображением, будут содействовать преобразованию свойственными им средствами. Они возвестят будущее человечества, они отнимут у прошлого золотой век и перенесут его в будущее поколения, они воодушевят общество, нарисовав перед ним прекрасную картину новых успехов, дав ему почувствовать, что вскоре все члены общества будут пользоваться наслаждениями, которые до того были уделом лишь одного, весьма малочисленного класса.

Задача промышленной партии будет состоять в том, чтобы взять управление государством из рук дворян, военных и законников и передать его в руки промышленников. Этот исторический акт, как и вся деятельность партии, будет, по мнению Сен-Симона, мирным актом. Да и с кем, спрашивает Сен-Симон, была бы нужна насильственная борьба? Ведь промышленники составляют 24/25 общества. Они преобладают

чисто физически. Они производят все богатства и владеют денежными средствами. Они превосходят других интеллигентностью и деловыми способностями. И человеческая и божественная мораль призывает их к управлению государством. Сможет ли кто-либо бороться против такой силы. Когда промышленники организуются, власть совершенно естественно перейдет в их руки. Их политическое мнение будет общественным мнением, а общественное мнение правит миром⁸⁶.

* * *

Социальное учение Сен-Симона не может быть признано социалистическим в том смысле, в каком мы употребляем это слово в наши дни. Сен-Симон сохраняет в своем идеальном обществе частную собственность, классы предпринимателей и рабочих, предпринимательскую прибыль. Сен-Симон нигде не говорит об обобществлении средств производства, хотя бы даже частичном. «Промышленная система» имеет черты, сближающие ее с государственным капитализмом. Частные интересы отдельных предпринимателей в известной мере подчинены в ней интересам общим, но поскольку правящим классом являются те же предприниматели, совершенно ясно, что этими «общими» интересами должны оказаться интересы класса предпринимателей, взятого в целом.

Учение Сен-Симона не есть манчестерство, как утверждал Г.Экштейн, хотя в ранних работах Сен-Симона, направленных против феодального порядка, есть заявления, осуждающие вмешательство государства в дела промышленности". Учение Сен-Симона утопически стремится преодолеть анархию капиталистического строя, не затрагивая его основ. В полном соответствии с таким характером будущей общественной системы находится и «революция», которая к ней должна привести. Это - мирный переворот, производимый одним из господствующих классов против другого при благосклонном содействии королевской власти, переворот, в котором участие масс нежелательно и опасно. Сен-Симон верит, что результаты промышленной системы будут благодетельны для масс, для беднейшего класса. Но сам этот «беднейший класс» должен, по мнению Сен-Симона, оставаться пассивным, предоставляя представительство и защиту своих интересов его «естественным» руководителям - предпринимателям.

Рядом существенных положений система Сен-Симона совпадает с распространенными буржуазными идеями первой четверти XIX в. Как и признанные выразители интересов буржуазии, Сен-Симон идеализирует в начале своей деятельности диктатуру Бонапарта, возлагая на него упования в деле реорганизации общества. Как и они, он затем критикует Бонапарта, как создателя «нового феодализма». Вместе с ними он ведет при Реставрации борьбу с «обломками феодализма», расчищая пути для полного торжества «промышленников». Подобно им Сен-Симон видит в истории последних веков прежде всего историю промышленности и падения старых феодальных групп. Подобно им он с ужасом вспоминает революционные годы, боится нового выступления общественных низов и мечтает о союзе промышленников с королем, о «промышленной монархии». Подобно им, наконец, он идеализирует и увековечивает

систему наемного труда, «общественную пирамиду». Тем не менее характеризовать Сен-Симона просто как одного из буржуазных идеологов было бы неправильно, ибо это совершенно не уясняет своеобразных особенностей его системы.

Общественный план работ, ассоциация, превращение государства в организатора производства, обязательный труд, иерархия способностей, духовная власть ученых - таковы своеобразные черты учения Сен-Симона. Их совокупность, их сочетания сделали сен-симонизм неприемлемым для общественного класса, к которому Сен-Симон обращался по преимуществу, - для буржуазии. Они ни в какой степени не соответствовали ее настроениям. Для буржуазии этого периода с ее индивидуалистическими стремлениями идея общественной организации труда должна была казаться нелепым чудачеством. Понять возникновение специфических особенностей системы Сен-Симона можно, только исходя из настроений общественной группы, тесно связанной в своем развитии с развитием промышленности, близко стоящей к буржуазии по условиям существования, отнюдь не враждебной капитализму, но все же подходящей к социальным вопросам с несколько иной точки зрения, - из настроений квалифицированной, по преимуществу технической интеллигенции. Сен-Симон не принадлежал к этой группе по социальному происхождению. Но вкус к широким замыслам большого научного и технического размаха был присущ ему на всем протяжении его жизненного пути, начиная с плана Панамского канала и кончая мечтами о превращении земного шара в рай путем применения всех достижений науки для его переделки. Более всего Сен-Симон тяготел к высококвалифицированным кругам интеллигенции, где он главным образом вращался в тот период, когда вырабатывал принципы своей социальной системы.

Высокая оценка точной науки как основы технического прогресса в противовес метафизике и юридической схоластике в этой среде была чем-то само собой разумеющимся. Признание соответственной положительной роли людей науки в управлении обществом было простым логическим выводом из такой оценки. Заслуживает внимания, что Сен-Симон в проектируемой им Академии наук отводит место трем категориям ученых: математикам, физикам и экономистам. Это, как мы видим, представители дисциплин, наиболее важных для технического и организационного прогресса производства, т.е. люди, представляющиеся Сен-Симону естественными руководителями и учителями технической интеллигенции. Не менее близка была той же группе идея иерархии способностей и обязательного труда. Трудом и способностями выдвигается на руководящий пост инженер; в отличие от собственника орудий производства он связан с производством не правом, фиксированным в гражданском кодексе, а личными знаниями и талантом. С точки зрения Сен-Симона понятен принципиально различный подход к капиталисту, пассивно получающему доход с капитала, и к капиталисту-организатору. Первый - тунеядец, второй - труженик; первый имеет возможность жать, где не сеял, каким бы ничтожеством он ни был по существу; второй преуспевает в меру своих организаторских дарований.

Мы знаем, что Сен-Симон действительно из класса промышленников исключает собственников, не руководящих промышленностью, относя их к промежуточным классам, не играющим существенной роли в экономике общества.

Наконец, только в той же среде могла зародиться и мысль Сен-Симона о подчинении всего производства единому плану. Техническому организатору производства более, чем кому-либо иному, понятны преимущества централизованной организации. Он не может не сознавать, даже в эту эпоху, что индивидуалистическая система ставит препятствия наиболее целесообразному использованию новых производительных сил. Не будучи сам собственником орудий производства, он может позволить себе мечту (утопическую в данной обстановке) об общественном плане использования достижений технического прогресса. Таковы были общественные настроения, которые, преломившись в сознании Сен-Симона, придали его учению специфические черты, заставляющие отнести ему совершенно обособленное место в ряду мыслителей начала XIX в.

К концу жизненного пути, очевидно, под влиянием роста во Франции капиталистических отношений, обострения классовых противоречий, ускорения процесса пролетаризации масс, Сен-Симон все с большей четкостью формулировал, все резче выдвигал на первый план те положения системы, которые позволяют говорить о ее социалистических тенденциях: идеи общественного плана работ, иерархии способностей, принцип наибольшего блага наиболее многочисленного класса. Эти положения могли послужить и действительно послужили впоследствии основанием для построения социалистической системы. Сам Сен-Симон, как мы уже говорили, не делает из них последовательно социалистических выводов, они остаются у него социалистическими, так сказать, в потенции. Тем не менее та энергия, тот пафос, с которыми он на них настаивал, сыграли немалую роль в подготовке умов к усвоению идей социализма и в этом смысле служили интересам растущего рабочего класса.

Уже этого достаточно, чтобы отнести Сен-Симону почетное место в истории социализма. Но не меньшее значение для дальнейшего развития социалистической мысли имела и другая сторона учения Сен-Симона - его философия истории. Идеалистическая в основе, своим последовательным детерминизмом, представлением о диалектическом характере исторического процесса, характерными для нее попытками вскрыть классовую сущность общественного развития и общественной борьбы его времени сен-симоновская философия пролагала пути материалистическому пониманию истории. Припомним нарисованную Сен-Симоном картину роста промышленности с XI в. и борьбы промышленников с феодальным обществом - борьбы, завершающейся Французской революцией. Материалистические моменты в философии истории, как и социалистические моменты в «промышленной системе», не додуманы Сен-Симоном до конца. Но в развитии исторической науки они сыграли свою, весьма существенную роль.

1 Catechisme des industriels. - In: H. de Saint-Simon. Oeuvres choisies, III. Bruxelles, 1859, p.191.

2 Extraits de l'Organisateur. - Ibid., II, p.379.

3 Memoire sur la science de l'homme. - Ibid., II, p.132.

4 Memoire sur la science de l'homme. - Ibid., III, p.217-218. Opinions litteraires, philosophique et industrielles (далее - Opinions litteraires). - Ibid., III, p.217-218; Travail sur la gravitation universelle. - Ibid., II, p.190.

5 Opinions litteraires, p.217-218.

6 Nouveau Christianisme. - Ibid., III, p.279.

7 Du systeme industriel. - Ibid., III, p.12.

8 Catechisme des industriels, p.105.

9 Opinions litteraires, p.218.

10 Ibid., p.252.

11 Ibid., p.277-278.

12 H. de Saint-Simon. Du systeme industriel. Paris, 1822, p.47.

13 Эта мысль повторяется много раз. См. ibid., p.50-51.

14 Особенно отчетливо - в Opinions litteraires, p.232-240.

15 Ibid., p.261 sq.

16 Memoire sur la science de l'homme, p.105-107.

17 Ibid., III, p.215.

18 Вполне точно: социальный возраст французского народа соответствует 21 году (Catechisme des industriels, p.187).

19 Memoire sur la science de l'homme, p.100.

20 Opinions litteraires, p.221.

21 Memoire sur la science de l'homme, p.197-199.

22 Catechisme des industriels, p.188.

23 Memoire sur la science de l'homme, p.104.

24 Ibid., p.107-108.

25 Opinions litteraires, p.232.

28 Memoire sur la science de l'homme, p.100-101.

27 Opinions litteraires, p.232-233.

28 Ibid., p.221-232.

29 Ibid., p.277-278.

30 Ibid., p.237, 303; см. также: Catechisme des industriels, p.77 sq.

31 Opinions litteraires, p.232.

32 Catechisme des industriels, p.75 sq.; Opinions litteraires, p.235 sq.

33 О.Тьерри работал с Сен-Симоном до 1816 г.

34 Opinions litteraires, p.41.

35 Ibid., p.302-305.

36 Catechisme des industriels, p.78 sq.; Du systeme industriel, passim.

37 Catechisme des industriels, p.85-87; Opinions litteraires, p.246.

38 «Изложение учения Сен-Симона». М., 1947, стр.264 и сл.

39 Catechisme des industriels, p.51 sq.

40 Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin, XIII. Paris, 1875, p.170-179.

41 Du systeme industriel, p.V sq.; 51 scf. В «Катехизисе промышленников» промежуточный класс получает наименование буржуазии, а в его состав входят, кроме легистов, военные, разночинцы и землевладельцы. Разрушив старый феодализм, этот класс восстанавливает затем феодализм в свою пользу, делая буржуа королем, а своих членов оделяя титулами герцогов, графов, баронов и т.д. (Catechisme des industriels, p.23).

42 Такую характеристику английского развития мы находим в «Катехизисе промышленников». В ранее написанных произведениях Сен-Симон более высоко оценивает английскую конституцию. Так, в «Очерке науки о человеке» он высказывает мысль, что именно английская организация придет на смену феодальному режиму у всех европейских народов есть общий признак всякого исторического человеческого общества. Где-то на заре истории теоретически мыслится общество бесклассовое, но о нем трудно сказать что-либо определенное. На истории XV-XVIII вв. Сен-Симон останавливается дольше, дает классам этого периода более конкретную социально-хозяйственную характеристику. Поэтому для развития теории классовой борьбы эта часть построения Сен-Симона имеет наибольшее значение, она оказала наибольшее влияние на дальнейшее развитие исторической науки и теорию социализма.

43 Помня своеобразие терминологии Сен-Симона, не следует придавать несвойственного ей значения антитезе «промышленников» и «буржуазии». В состав промышленников входит вся буржуазия в нашем смысле этого слова, за исключением рантье (собственников, не руководящих промышленностью).

44 de Saint-Simon et d'Enfantin, XV, p.26. Lettres d'un habitant de Geneve. XIII, I, p.178.

46 De la reorganisation de la societe europeenne. - In: H. de Saint-Simon. Oeuvres choisies, II, p.267 sq.

47 Nouveau Christianisme, p.373.

48 Ibid., p.239-240.

49 Catechisme des industriels, p.205 sq.; Opinions litteraires, p.308-309.

50 Extraits de l'Organisateur. - In: H. de Saint-Simon. Oeuvres choisies, II, p.365.

51 Du systeme industriel, p.375.

52 Extraits de l'Organisateur, p.370.

53 Ibid., p.375.

54 Suite a la brochure de l'Organisateur. - In: H. de Saint-Simon. Oeuvres choisies, II, p.443.

55 Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin, XV, p.55.

56 Suite la brochure de l'Organisateur, p.444.

57 «L'Organisateur», 1820, 9 lettre

58 Du systeme industriel, p.39; Opinions litteraires, p.313-314; Nouveau Christianisme, p.317.

59 Opinions litteraires, p.244, 288.

59 l'Organisateur, p.370-371, 373-377; Opinions litteraires,

60 Extraits de P.277-296.

61 Saint-Simon. Oeuvres choisies, II, p.14-15. Memoire sur la science de l'homme, p.14-15; Du systeme industriel, p.I-VI; Travail sur la gravitation universelle, p.173-174.

62 Memoire sur la science de l'homme, p.33-34; Travail sur la gravitation universelle, p.192.

63 Travail sur la gravitation universelle, p.219.

- 64 Memoire sur la science de l'homme, p.125-128.
- 65 Travail sur la gravitation universelle, p.238.
- 66 Memoire sur la science de l'homme, p.41.
- 67 Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin, XV, p.57.
- 68 Memoire sur la science de l'homme, p.24-25.
- 69 Travail sur la gravitation universelle, p.249.
- 70 Nouveau Christianisme, p.321-325; Du systeme industriel, p.269.
- 71 Nouveau Christianisme, p.328.
- 72 Du systeme industriel, p.275, 310.
- 73 Nouveau Christianisme, p.364-365.
- 74 Ibid., p.328.
- 77 Nouveau Christianisme, p.358-360.
- 78 Du systeme industriel, p.284-286.
- 79 Nouveau Christianisme, p.372-373.
- 80 Du systeme industriel, p.299-310. Nouveau Christianisme, p.373.
- 81 Catechisme de l'industriels. p.103-105.
- 83 Ibid., p.112-113.
- 84 Nouveau Christianisme, p.380-382.
- 85 Catechisme des industriels, p.197. Взгляды Сен-Симона на соотношение этих двух групп - промышленников и интеллигенции - претерпели известную эволюцию. В ранних произведениях он отводит ученым более значительную роль.
- 86 Catechisme des industriels, p.72-75, 104.
- 87 G.Eckstein. Der alte und neue Simon. - «Archiv für die Geschichte des Sozialismus», II, S.432.

II. СОЦИАЛЬНОЕ УЧЕНИЕ РАННЕГО СЕН-СИМОНИЗМА

1

Анри де Сен-Симон, мыслитель тонкий и глубокий, оставил после себя большое и весьма разнообразное литературное наследство. Но он менее всего заботился о том, чтобы придать своим взглядам форму продуманной и последовательной системы. Объединить воззрения Сен-Симона в систему значило создать нечто новое: надо было много несвязного связать, много недодуманного додумать. Эту задачу завершения оставшейся незавершенной работы взяла на себя после смерти Сен-Симона в 1825 г. небольшая группа его друзей и учеников (О.Родриг, Алеви, Дювернье и др.), к которым вскоре присоединились два новых сторонника идей Сен-Симона, занявших в дальнейшем среди сен-симонистов руководящее положение, - Анфантен и Базар.

Анфантен пришел к сен-симонизму, будучи весьма начитан в просветительной литературе XVIII в. и разбираясь в современной ему буржуазной политической экономии. Произведения последних лет жизни Сен-Симона, особенно «Катехизис промышленников», произвели на Анфантена большое впечатление. В 1825 г. мы видим его уже в основной группе. Базар был активным деятелем революционной борьбы времен Реставрации, участвовал вместе с Бюше в организации французских ячеек движения карбонариев. К середине 20-х годов Базар, очевидно, разочаровался в плодотворности политической борьбы и увлекся

учением Сен-Симона. В 1825 г., вскоре после смерти учителя, ученики приступили к изданию первого сен-симонистского журнала «Производитель» («Le Producteur»).

Издание «Производителя» (1825-1826 гг.) содействовало сплочению сен-симонистов и разработке сен-симонистского учения. В числе сотрудников «Le Producteur», кроме указанных выше, мы видим Серкле, А.Бланки, Руана, Конта. Статьи журнала сближало единство основной точки зрения, единство философской традиции, несомненно восходящей к Сен-Симону. В начале 1826 г. в составе редакции «Производителя» произошли изменения. С 1 апреля журнал принял более определенный характер пропагандиста сен-симонистской доктрины, что было отмечено появлением в нем нового проспекта. В мае 1826 г. в статьях О.Родрига Сен-Симон был открыто провозглашен учителем и основоположником доктрины, которую защищал «Производитель».

Основную задачу издания журнала сен-симонисты видели, несомненно, в том, чтобы ознакомить с системой учителя широкие круги интересующихся социальными проблемами читателей. Но с первого же номера журнала мы находим в его статьях новые черты, иногда дополняющие выдвинутые Сен-Симоном положения, иногда намечающие новые выводы из этих положений. Особенно выделялись в этом смысле статьи О.Конта, который с 1817 г. был в течение некоторого времени сотрудником Сен-Симона. Его считали еще в 1825 г. принадлежащим к сен-симонистской школе, но в его статьях в «Производителе» уже совершенно ясно вырисовываются контуры его собственной философии.

Вводная статья журнала, написанная Серкле, указывала, что журнал имеет целью развить принципы философии, в основе которой лежит человеческая природа. Назначением рода человеческого на земле статья объявляла эксплуатацию внешней природы и ее преобразование к наибольшей выгоде человечества. Движение к этой общей цели, утверждал автор, определяется тремя направлениями, соответствующими трем категориям человеческих способностей: способностям физическим, моральным и интеллектуальным. Общий смысл движения человечества может быть определен термином «прогресс». Все более точное представление о назначении человека и его силах ведет человечество к непрерывному улучшению его ассоциации.

Философия журнала, говорится в одной из его статей, позитивна и в своей цели, и в своем методе. Она отбрасывает всякие рассуждения о непознаваемом и о неразрешимых проблемах происхождения и судеб вещей. Его социальная теория научна и экспериментальна. Она не принимает характерного для XVIII в. учения об абсолютном значении чисто отрицательного понятия свободы и идеи ложного равенства; но ей чужда также мысль о приспособлении к новым условиям устарелых организаций, которые не имеют уже никакой цены. Пропаганда журнала не связана ни с либерализмом, ни с католицизмом⁸⁸.

Политические формы, опирающиеся на базу индивидуализма, по мнению редакции «Производителя», ложны в основе. Политика должна исходить не из отвлеченных идей свободы, национального суверенитета и т.п., а из позитивного изучения общества и его развития. «Индивидуализм» и «свобода» сыграли свою роль в борьбе с отжившими порядками, препятствовавшими прогрессу. Они очистили мир, но не могут его оплодотворить. Теперь творческая роль должна принадлежать науке. В научно организованном обществе нет почвы для угнетения, а следовательно, и для борьбы за свободу⁸⁹.

Сен-Симон, утверждает журнал, указал историческим знаниям новую цель. История для него - позитивная наука. Это - социальная физика. Задача историка - классифицировать факты, открывать законы их связи, показывать, до какого пункта дошло в своем развитии человеческое общество, отмечать в нем зародыши смерти и предусматривать его будущую судьбу⁹⁰.

Исторический путь ведет человечество от раздробленности к единству, от войны к миру, от антагонизма к росту и расширению ассоциации, обеспечивающей гармонию между общими и индивидуальными интересами. Эта характеристика основного направления исторического процесса присуща сен-симонизму на всех ступенях его развития. В исторических построениях журнала «Производитель» мы наряду с нею встречаем формулу, также в основном восходящую к Сен-Симону и приобретающую впоследствии широкую популярность как одно из основных положений исторической философии позитивизма. Это положение о смене трех последовательных стадий в ходе исторического развития человечества: теологической, метафизической и позитивной.

Будущее общество «Производитель», следуя за Сен-Симоном, определяет как общество индустриальное, как состояние, ставящее себе целью эксплуатацию земного шара объединенным человечеством при помощи всех средств, какими оно располагает, - средств материальных, моральных и интеллектуальных. Индустрия, наука, искусство - таковы три пути деятельности человечества.

Общество, осознавшее основные тенденции своей жизни, неизбежно откажется, утверждает «Производитель», от современной формы управления⁹¹. Общество сумеет найти новую форму, соответствующую его потребностям, сумеет научно организовать высшую власть, которая будет законной и необходимой. Первое место в общественной организации будет занимать духовная власть, которая имеет своей функцией управление мнениями, установление принципов⁹² и закономерностей различных сфер деятельности будущего общества.

Современное общество переживает состояние анархии. С этой анархией связана идея свободного исследования. Человеческая мысль неизбежно вернется к догме, догматизм - естественное состояние человеческого разума, к нему разум тяготеет по своей природе⁹³. Общие правила поведения могут начертать для общества лишь люди, исключительно активные в спекулятивном направлении. Необходимая и неизменная основа общественного и частного благополучия - вера

спонтанная, не требующая доказательств, догма, провозглашаемая компетентным авторитетом⁹⁴.

Только такая догма создаст нужные условия для морального объединения людей. В индустриальном обществе более, чем в каком-либо ином, необходима моральная власть, необходимо непрерываемое догматическое руководство; для того, чтобы вести человечество к высоким целям, надо обеспечить согласие между богатыми и бедными, предпринимателями и рабочими⁹⁵. Однако универсальную догму составляют не идеи, полученные из откровения, но идеи доказанные, прогрессивные, рациональные. Какие основания отрицать законность духовной власти, основанной на авторитете знания, спрашивает журнал в одной из своих статей? Могут сказать, что такая власть установит неравенство между людьми, но «Производитель» вовсе не стремится к равенству: неравенство не только существует, оно является всегда стимулом человеческого прогресса.

Высшая духовная власть осуществляется корпусом ученых. Источник духовной власти - в гении отдельных людей. Они открывают средства физического и морального усовершенствования людей и передают их массам. Гений по природе несет обязанности управлять и воспитывать, поддерживать социальный порядок. Он обучает, повелевает и подавляет тех, кто покушается на общественное устройство, которое он же устанавливает как базу своего воздействия на общество⁹⁶.

Религиозную окраску, которую идея духовной власти получила у сен-симонистов впоследствии, мы в «Производителе» еще не находим. Но сообщество ученых, осознавшее свою цель и преследующее эту цель, является, несомненно, своеобразным рационалистическим подобием духовенства⁹⁷.

Организация производства и распределения в будущем обществе в «Производителе» лишь слегка намечена. Принцип авторитета, столь характерный для концепции сен-симонистов, получает применение и в системе производства. В настоящее время, утверждают сен-симонисты, материальная деятельность, освобожденная революцией от ее старых уз, поработана идеей свободы⁹⁸. Распределение труда отдано на волю случайностей, индивидуальной инициативы и конкуренции. На этой почве вырастают антагонизмы внутри общества, вражда между предпринимателями и рабочими, нищета, взаимная ненависть между нациями. Беспорядок и случайность царят там, где должны царить порядок и направление, ненависть и разделение там, где нужна ассоциация и согласие. В идеальном обществе каждый должен отдавать свои силы тому виду деятельности, который наиболее соответствует его способностям или навыкам: если бы каждый делал то, что ему нравится, все были бы счастливы⁹⁹.

Население всего земного шара должно составлять дружественное единство, имеющее единый интерес и единую мысль, служащее уже известной нам общей цели - полной и методической эксплуатации нашей планеты¹⁰⁰. Сблизим нации в труде, восклицает автор одной из статей журнала!

«Ассоциация» - термин, который употребляет «Производитель» как для характеристики будущей организации производства, так и для характеристики тех путей, которые должны к этой организации привести. Большое внимание уделяет журнал так называемой командитарной ассоциации. Это - кредитное учреждение, деятельность которого служит высоким целям реорганизации общества. Его капиталы состояются из взносов пайщиков - капиталистов Франции, Англии, Германии. При руководящем центре командитарной ассоциации должны быть сосредоточены способнейшие ученые и промышленники. Этот совет ассоциации имеет своей задачей оценку предложений, направляемых в ассоциацию предприятиями, желающими воспользоваться кредитом. Непосредственная задача ассоциации как кредитного учреждения состоит в том, чтобы поощрять прогресс производства, поддерживать способнейших организаторов индустрии, стремящихся вводить в промышленность улучшенные методы. Сен-симонисты предполагают, что командитарные ассоциации будут заинтересованы в процветании как крупных, так и мелких предприятий. Они будут содействовать подъему множества мелких собственников, заслуживающих поддержки ввиду проявляемых ими способностей. Через ассоциацию крупные капиталы станут как бы просачиваться в производство по множеству мелких каналов. Это будет, по мнению сен-симонистов, лучшим средством преодоления «узких предрассудков» об антагонизме между формами промышленности, это будет верным путем к слиянию индивидуальных интересов, к развитию позитивного чувства общего интереса¹⁰¹.

Сен-симонисты не забывают выдвинутого их учителем положения о необходимости улучшения участи наиболее многочисленного и наиболее бедного общественного слоя - пролетариата. В своих кредитных операциях командитарная ассоциация должна учитывать влияние предлагаемых новых методов работы на жизнь и здоровье рабочих, на их права. Рабочие, напоминают сен-симонисты, - первопричина и главная цель производства. По-видимому, сен-симонисты предполагают, что при содействии ассоциации рабочие, проявившие наибольшие способности, будут переходить в ряды мелких предпринимателей. Кредитная система, связывающая способности с капиталами, утверждают они, поднимет моральную энергию рабочих, обнаружит и снабдит средствами «бедных изобретателей»¹⁰². Мощная организация кредита, связывающая спрос промышленников и предложение капиталистов, предоставив капиталы в распоряжение трудящихся, будет содействовать их распределению в обществе в соответствии со способностями, сотрет грани между трудящимися и праздными, содействуя в то же время росту общественного богатства.

Кредитная система составляет основное звено в изображаемом сен-симонистами процессе общественного преобразования. Как мы видим проект сен-симонистов не затрагивает ни права собственности, ни права наследования. В одной из статей журнала, написанной Анфантенном, имеются довольно резкие выпады против права наследования и его моральных последствий. Анфантен заявляет, что отмена права наследования не должна вызывать возражений. Но он считает, что

кредитная система совершенно безболезненно приведет к тому же результату - к торжеству права способности.

Построенная при помощи командитарных ассоциаций идеальная организация промышленного труда, как мы знаем, требует, по теории сен-симонистов, для своего правильного функционирования руководства со стороны духовной власти. Полезная деятельность в области промышленности должна направляться компетентным ученым комитетом, а не неловкими эмпириками. Только научное знание открывает обществу его единственную цель. Рассчитывать при ее осуществлении на индивидуальную инициативу каждого - значит пользоваться ненаучными методами, чреватými тяжкими ошибками. Только представители знания, обладающие непрерываемой властью, способны регулировать движение общества вперед - без потрясений, без братоубийственной войны, способны вести его к великой цели - к братской эксплутации земного шара.

Три направления деятельности человечества - наука, индустрия, искусство - должны быть, по мнению сен-симонистов, комбинированы в целях общего блага. Мы уже знаем, как связывают сен-симонисты науку и индустрию. Но в социальной жизни весьма важна также роль искусства. В существующем обществе в соответствии с его анархическим характером искусство подчиняется ложным капризам. Истинная задача искусства - организовать и двигать массы во имя великих социальных целей организовать трудящихся во имя труда¹⁰³.

Влияние «Производителя» было невелико, хотя многие органы либеральной прессы обратили внимание на его пропаганду и в общем довольно резко осудили ее, обвинив сен-симонистов в реакционных стремлениях воскресить старый, отживший догматизм. В октябре 1826 г. «Производитель» прекратил свое существование. Некоторые из его сотрудников покинули ряды сен-симонистов, но основное их ядро осталось верно учению Сен-Симона в той форме, которую оно приняло в статьях «Производителя». Работа в журнале закрепила их идейные связи друг с другом; в беседах и публичных выступлениях они продолжали развивать основные положения их «новой веры». В 1828 г. они пришли к мысли необходимости дать связное и общее изложение системы Сен-Симона в форме лекций в возможно более полном объеме. Из записки этих лекций, прочитанных в 1828-1829 гг., возникла книга, которой ее авторы дали название «Учение Сен-Симона. Изложение». Однако вопреки этому заглавию книга отнюдь не была простым изложением идей Сен-Симона. Ученики Сен-Симона в «Изложении учения» не только систематизировали доктрину учителя; продолжая работу над ней, начатую ими в журнале «Производитель», они сделали из положений Сен-Симона ряд новых и весьма существенных выводов, которых мы у самого Сен-Симона не находим.

2

«Изложение учения» - новый и большой шаг вперед в развитии социальных идей начала XIX в., новая ступень, соединяющая Сен-Симона с социальными мыслителями следующего поколения. Эту книгу можно и должно поэтому расценивать самостоятельно, независимо от

той оценки, которую мы даем произведениям самого Сен-Симона и его идеям.

Лекции, вошедшие в состав «Изложения», читались самым выдающимся представителем сен-симонизма - Базаром¹⁰⁴. Но содержание их предварительно обсуждалось в тесном кругу руководителей сен-симонистской «школы». Известно, что в обсуждении принимали участие Анфантен, О.Родриг и ряд других лиц. Записи лекций были вновь коллективно отредактированы. Книга должна была отразить идеи, разделяемые всей основной группой последователей Сен-Симона. Естественно, что она вышла без указания имени автора.

Различные части учения Сен-Симона остались после его смерти не в равной мере доработанными. Наиболее отчетлива и ясна его философско-историческая концепция и связанный с нею анализ существующего общества. Наименее определенны его представления о будущем человечества, - о том самом будущем, близость которого он провозглашал. В «Изложении» мы находим больше принципиально новых элементов именно в учении о будущем. Но большая ясность социальных перспектив сообщает большую ясность и историческим оценкам. Поэтому и в характеристике исторического процесса «Изложение» дает формулы более отчетливые, более заостренные, чем соответственные формулы Сен-Симона.

Для сен-симонистов, как и для их учителя, общественный идеал не есть нечто раз навсегда данное, нечто, вытекающее логически из каких-либо априорных посылок. То будущее, которое они возвещают, есть для них неизбежный результат закономерного исторического процесса, связывающего прошлое с будущим как причину и следствие¹⁰⁵. Философия истории является, таким образом, основанием всей системы сен-симонистов, как она дана в «Изложении».

История не есть простой рассказ о прошлом, утверждают сенсимонисты вслед за своим учителем. Цель ее - раскрытие будущего, которое вытекает из прошлого. История должна быть позитивной наукой, ее метод тот же, что у наук естественных¹⁰⁶. Развитие человеческого общества не имеет в себе ничего случайного, жизнь общества так же закономерна, как любой ряд явлений, изучаемый какою-либо из естественных наук. Представления сен-симонистов об историческом процессе, таким образом, последовательно детерминистичны. Их система решительно порывает с традицией XVIII в. - рационалистической, естественноправовой традицией, которой пропитана даже революционная пропаганда Бабефа и бабувистов. Интересно, что сен-симонисты не только исключают из аргументации естественноправовые доводы - они в полной мере сознают свой разрыв с теорией естественного права как незыблемой системы, соответствующей разуму и природе. Человек прогрессирует, утверждают они, прогрессирует, следовательно, и естественное право, т.е. право, которое для данного исторического момента соответствует природе¹⁰⁷. Некогда природа позволила человеку иметь рабов, позже она ему это запретила, заменив рабов крепостными, затем и эти цепи были разбиты, но природа позволяла все же одним жить в праздности за счет труда других. Сейчас

уже праздность и эксплуатация противоречат природе, провозглашается новое естественное право, которое соответствует новым условиям и которое не могло возникнуть ранее¹⁰⁸.

Итак, в обществе, как и в природе, царит закономерность. Но учение сен-симонистов чуждо фатализма. Человек для них - активный элемент в закономерном историческом развитии а отнюдь не пассивное существо, влекомое внешним роком¹⁰⁹. Интересы и симпатии личности закономерны. Даже тогда, когда личность на основании изучения прошлого предугадывает будущее, она не утрачивает своей в нем заинтересованности. Сознание неизбежности торжества ее стремлений способно только усилить напор, а никак не ослабить. Оно освобождает личность в полном смысле этого слова от бессознательного подчинения власти неведомого ей закона. Как активный элемент, отдельная человеческая личность может играть весьма крупную роль в развитии событий. Сен-симонисты высоко оценивают историческую роль гения.

Сен-симонисты считают, что общество представляет некое органическое единство. Явления общественной жизни, конечно, могут и должны быть известным образом классифицированы. Переноса из математики в философию истории понятие ряда, сен-симонисты говорят о ряде промышленных фактов, ряде развития науки, ряде развития симпатий. Но эти ряды не оторваны друг от друга. Наоборот, они теснейшим образом связаны, как органы единого коллективного существа, именуемого обществом. Процесс исторического развития есть единый процесс. Философия истории сенсимонистов монистична.

Что же лежит в основе этого процесса? «Наиболее общий факт в поступательном движении обществ, - говорят сен-симонисты, - факт, содержащий в себе все другие, - это прогресс нравственной концепции»¹¹⁰. Духовное развитие, смена систем мировоззрения - философских систем, как говорит Сен-Симон, религиозных систем, как предпочитают говорить ученики, - вот движущая сила человеческой истории. Философия в учении сен-симонистов имеет двойственный характер. С одной стороны, она дает наивысшие научные обобщения фактов; с другой стороны, она раскрывает будущее человечества и обращается к нему с моральным призывом. Именно поэтому они и отдают предпочтение термину «религия». Следует отметить, что в противоположность Сен-Симону, для которого духовный прогресс - прежде всего прогресс разума, для сен-симонистов первенствующую роль играет прогресс морали, чувства. В последних своих работах, особенно в «Новом христианстве», Сен-Симон, несомненно, эволюционировал в направлении той морально-религиозной концепции, которой придали законченную форму его последователи; но все же в нем дает себя чувствовать ученик рационалистов XVIII в. Сенсимонисты ближе к Руссо, и религиозность сен-симонистов имеет более углубленный, более искренний характер. Интересно, что при переиздании сочинений Сен-Симона ученики старательно вычеркивали имеющиеся в его произведениях выпады против идеи личного бога.

Идеалистическое толкование исторического процесса проводится сен-симонистами весьма последовательно. В этом, несомненно,

сказалось не только влияние Сен-Симона, но и влияние немецкой идеалистической философии, которой очень увлекалась французская учащаяся молодежь 20-х годов, особенно революционно настроенная. Этапы исторического развития отмечены в их теории философско-религиозными системами. Фетишизм, политеизм и монотеизм - не только отношение людей к миру и к богу, но и отношения их между собою, не только «религиозное бытие», но и «бытие социальное»¹¹¹. Переход от одной системы к другой связывается с именами гениев - творцов систем, появление и деятельность которых отнюдь не случайны. Эти гениальные творцы для сен-симонистов - Сократ, Христос, Сен-Симон. Они первыми угадывают и формулируют то, что подготовлено общественным развитием. Творчеству того или иного лица придает значительность то, что данное лицо отражает общие нужды масс. Гений открывает человечеству новые пути, но только тогда, когда для этого созданы соответствующие условия в определенной закономерной последовательности. Так согласуют сен-симонисты в своей исторической теории идеализм с детерминизмом. Идеализм не мешает также сен-симонистам обращать очень большое внимание на «ряд» промышленности. Промышленные факты интересуют их как факты, «наиболее осязательные» и влияющие на материальные интересы. Но промышленный ряд остается у них рядом вторичным по отношению к основному - к развитию нравственной, религиозной концепции.

Надо отметить в философии истории сен-симонистов еще одну черту, связанную с их идеализмом: детерминизм сочетается у них со своеобразной телеологией. Для них исторический процесс не только закономерен, но закономерно ведет человечество к определенной цели. В законе, который устанавливает положительная наука истории, в ее предвидениях сен-симонисты видят не только установление определенной и необходимой последовательности явлений, они стремятся «прочитать в них ясно начертанные волю, желание, цель - цель искомую, но никогда не достигаемую; к ней человечество непрерывно приближается»¹¹². Очевидно, закон исторического развития есть закон этой высшей воли, а неизбежное, обусловленное прошлым будущее - в то же время ее цель. Телеологический уклон мысли здесь бесспорен; но этот уклон, характерный для всех теорий прогресса XVIII и начала XIX в., в менее определенной форме не чуждый самому Сен-Симону в последние годы его деятельности, не должен помешать нам констатировать в сен-симонизме как ценное достижение философско-исторической мысли его детерминизм, зерно, легко выделяемое из телеологической шелухи.

Каковы же, по мнению сен-симонистов, законы исторического развития? Во всяком обществе они признают две основные формы человеческих взаимоотношений: антагонизм и ассоциацию. Исторический закон в своем наиболее общем виде должен определить движение этих форм в историческом процессе. Этот закон таков - исторический процесс есть процесс убывания антагонизма и роста ассоциации. Первоначальная задача возникающих обществ - война; их конечная цель - слияние в мировую всеобщую ассоциацию. На своем пути общество проходит ряд

промежуточных этапов, на которых ассоциация приобретает все более и более широкое значение: от первичной, элементарной ассоциации - семьи - через касту, город и нацию - к человечеству, ко всемирной ассоциации трудящихся. Прогресс - рост и расширение ассоциации.

Одно из проявлений антагонизма - война. Но антагонизм имеет место не только в отношениях между обществами, но и во внутриобщественных отношениях. Этот внутренний антагонизм есть по существу классовый антагонизм, ибо основу его составляет эксплуатация человека человеком. С этой точки зрения прогресс есть процесс постепенного ослабления эксплуатации. Начало эксплуатации - в войне, первая ее форма - рабство, установление которого связано с переходом в области религиозной от фетишизма к политеизму. Далее формы эксплуатации смягчаются. Смена политеизма христианством сопровождается заменой рабства крепостничеством. Сейчас нет уже и крепостного права, но эксплуатация все еще существует: эксплуатируемый, который назывался рабом, затем крепостным, теперь называется рабочим.

«Рабочий материально, умственно и морально эксплуатируется так же, как некогда раб. Действительно, ясно, что он едва зарабатывает себе на существование и что работать или не работать - от него не зависит». Рабочий не составляет прямой собственности своего хозяина, какою был раб: его положение, всегда временное, определяется обоюдным соглашением; но разве соглашение это действительно свободный акт со стороны рабочего? Нет, ибо рабочий, вынужденный рассчитывать на свой вчерашний заработок, чтобы просуществовать сегодня, должен под страхом голодной смерти согласиться на предлагаемую ему сделку»¹¹³.

Эксплуатация рабочих не поκειται более на грубой силе. Но этой силы и не нужно, поскольку существует привилегия наследственного богатства. Пролетарии, не получившие по наследству собственности, вынуждены сами предлагать себя собственникам в качестве объекта эксплуатации. «Вся масса трудящихся эксплуатируется людьми, собственность которых она утилизирует... при таком положении вещей рабочий является прямым потомком раба и крепостного»¹¹⁴.

Если основные принципы философии истории сен-симонизма - детерминизм и идеалистический монизм - унаследованы учениками Сен-Симона от их учителя, то учение об истории как процессе роста ассоциации и убывания антагонизма принадлежит почти целиком самим ученикам - вероятно, главным образом Базару, крупнейшему теоретику школы в этот период. У Сен-Симона были лишь отдельные элементы этой концепции, притом в виде весьма неопределенных намеков. Эта сторона исторической теории сен-симонистов имела, несомненно, большое влияние на дальнейшее развитие социалистической мысли. Философия истории сен-симонистов - первая заслуживающая серьезного внимания попытка исторического обоснования неизбежности социализма.

Переходя к вопросу о классовом составе современного им общества, сен-симонисты и здесь делают значительный шаг вперед. Для Сен-Симона рабочие составляли лишь группу в обширном классе «индустриалов», в классе, в который входят и владельцы промышленных

предприятий, и землевладельцы, сами обрабатывающие свои земли. Основная общественная грань проходит у него между бездельниками и трудящимися в широком смысле этого слова. Эта нечеткость в понимании классовой структуры общества отражает незавершенность процесса формирования пролетариата во Франции его времени. У сен-симонистов эта старая грань тоже остается; но наряду с нею гораздо большее значение получает новая, проходящая между собственниками орудий труда и пролетариями. Все «трудящиеся» эксплуатируются бездельниками, но предприниматели в свою очередь пользуются привилегиями эксплуатации, которая, таким образом, всей тяжестью падает на рабочий класс. Однако в общей формуле исторического процесса как смены форм эксплуатации сен-симонисты останавливаются на том общественном делении, которое было им завещано учителем. «Человек эксплуатировал до сих пор человека. Господа, рабы; патриции, плебеи; сеньоры, крепостные; земельные собственники, арендаторы; празднолюбы, труженики - такова прогрессивная история человечества до наших дней»¹¹⁵.

Историческое развитие есть для сен-симонистов развитие прогрессивное. Человечество совершенствуется и в моральном и в материальном отношении, идет вперед. Сен-симонисты знают факты регресса отдельных обществ. Но эти факты не нарушают закона общечеловеческого прогресса. Все общества принимают участие в общем развитии как деятельные члены; но одни идут впереди в качестве руководителей на пути прогресса (сен-симонисты подходят, как мы видим, очень близко к гегелевской идее «избранных» народов); вторые следуют за ними; третьи сбиваются с этого пути и отпадают, создавая в общем развитии перебои. Но эти перебои кратковременны, закон прогресса побеждает все случайные отклонения; место, очищенное одним народом, занимает другим.

Гораздо большее значение имеет в философии истории сенсимонистов идея неравномерности, свойственное прогрессу по существу. В развитии человеческих обществ происходит правильное закономерное чередование двоякого рода эпох: эпох органических и эпох критических. В органические эпохи все подчиняется определенной системе, политической и религиозной, все объединено общими идеями, индивидуальная деятельность подчинена общему благу. Силы антагонизма не исчезают вполне, но они перевешиваются силами ассоциации. Пока это так, система развивается и человечество прогрессирует, оставаясь в ее пределах. Существующий общественный порядок не подвергается спору, он соответствует уровню, достигнутому человечеством в его развитии, и представляется абсолютным. Но это соответствие мало-помалу нарушается. Общество начинает чувствовать недомогание, возникают сомнения и недовольство: органическую эпоху сменяет критическая. В критические эпохи все разлагается, все оспаривается, все разрушается. Нет общей веры, нет общей цели. Во всех областях жизни и деятельности царят анархия, индивидуализм, скептицизм. Старая философская система отжила, новая еще не выработана. Все недовольно существующим порядком, но нет еще идеи

нового, идущего ему на смену. Силы ассоциации слабеют, силы антагонизма растут. Но это усиление антагонизма для таких эпох полезно и необходимо. Антагонизм, проявляющийся в классовой борьбе, является здесь орудием разрушения устарелого общественного порядка; он расчищает путь для нового творчества, для новой и более широкой ассоциации¹¹⁶. В конце концов силы антагонизма перерастают силы ассоциации и разрывают устарелую форму общества. Таким образом, общественное здание строится (органическая эпоха), затем разрушается (критическая эпоха), но лишь для того, чтобы быть построенным вновь, с новым совершенством. «За моментами неурядицы, эгоизма, безбожия следуют иерархия, самопожертвование, вера - одним словом, новый порядок». Исторический процесс идет диалектически. Общественная система растет и развивается, пока в ее пределах не созревают внутренние противоречия, в конце концов ее разрушающие. За разрушением идет вновь созидание, восстанавливаются иерархия, вера, но с новым содержанием, соответствующим новой ступени развития человечества.

Последней органической эпохой, пережитой человечеством, было средневековье, религиозной основой которого служило христианство. Следуя за Сен-Симоном, сен-симонисты идеализируют христианскую религию и средневековый общественный строй. Именно христианство смягчило, по их мнению, рабство, христианство же создало рядом с военной организацией мирную организацию духовной власти - церковь, служащую прообразом будущего. Углубляя мысль Сен-Симона, авторы «Изложения» дают анализ социальных форм средневековья - феодализма и системы промышленных корпораций. Феодальная организация, пришедшая на смену анархии и индивидуализму предшествовавшей критической эпохи, была возможным для того времени применением принципа ассоциации. Потому она так легко установилась, почти не вызвав сопротивления, потому свободные собственники с такой охотой отказывались от своих прав, превращаясь в вассалов. Той же потребности в единении и в ассоциации в области промышленного труда служили корпорации. Идеализация средних веков сближает сен-симонистов, несомненно, с теоретиками реакции начала XIX в. Но в противоположность реакционерам, они мечтали о восстановлении средневековых порядков; Социальные порядки и церковь средних веков представлялись для них лишь несовершенным прообразом грядущей общественной организации.

Переходя к рассмотрению того исторического периода, современниками которого они являются, сен-симонисты утверждают, что до - второй период критической эпохи, начавшейся в XV в. Все устои старого порядка разрушены уже вконец - сначала литературной критикой, затем революцией, которую, кажется, сен-симонисты характеризуют иногда как пору сплошного разрушения, чуждого всякой положительной идеи, как высшее проявление индивидуализма. Везде царит крайняя анархия: в науке, искусстве, политике, индустрии. В критике анархии существующего общества критика отношений хозяйственных не занимает у сен-симонистов первенствующего положения. И здесь многое взято

непосредственно у Сен-Симона. Но ученики обнаруживают более глубокое понимание капиталистического строя и высказывают ряд новых интересных соображений. Таковы их замечания о конкуренции, о кризисах как неизбежном результате анархии, индивидуализма в производстве. Возможно, что эти соображения были внушены сен-симонистам их знакомством с теорией Фурье, уделявшего в своих книгах большое внимание этим вопросам.

Резко критикуя существующий строй с моральной точки зрения, сен-симонисты находят ему, однако, историческое оправдание: он исторически необходим в целях ликвидации старых, потерявших свое положительное значение общественных иерархий. Но его значение - временное, и уже чувствуется приближение нового органического периода. Настала пора с этим невыносимым положением покончить, настала пора созидания. «Ввиду этого страшного кризиса, - заявлял сен-симонист, - мы призываем человечество к новой жизни, мы спрашиваем у этих разобщенных, обособленных, борющихся между собой людей, не наступило ли время открыть новые узы любви, учения и деятельности, которые должны объединить их, заставить их шествовать мирно, в порядке, любовно к общей судьбе»¹¹⁷.

3

Идущая на смену критической новая органическая эпоха обусловлена, следовательно, всем предшествующим развитием; ее наступление неизбежно, так как старый порядок разрушен до основания, человечество устало жить в анархии критического периода, элементы новой системы уже имеются налицо. Но, будучи последовательными детерминистами, обосновывая необходимость нового социального порядка не доводами разума, а анализом исторического процесса, сен-симонисты в своих представлениях о способе осуществления социального идеала остаются утопистами. Они признают положительную роль классовой борьбы в период разрушения. Но фактором созидательным, творческим они ее не считают. Реальной силы, способной к творчеству нового, они поэтому не могут нащупать. Новые узы спасительны для всех, они должны объединить всех, новый порядок - это новая религия, новое откровение. Общий энтузиазм в отношении социального преобразования, единый мирный порыв людей, пробужденных к сознанию своего предназначения, - таков рычаг предстоящего общественного переустройства.

Сен-симонисты знают, что в прошлом не только разрушение старого, но и созидание нового порядка шло всегда насильственным путем. Но причина этого, по их мнению, в том, что человечество было тогда недостаточно сознательно, что оно совершало перевороты, полагаясь на инстинкт и не проверяя его рассуждением. Проникнутое энтузиазмом к новому, человечество бросалось в переворот, недостаточно его подготовив и недостаточно ясно представляя себе его ход. Отсюда неизбежные конфликты и насилия. Теперь - дело иное. Закон развития человечества открыт. Переход к новой форме общества окажется постепенным и мирным, ибо он будет «задуман и подготовлен только в результате совместного действия воображения и доказательства,

энтузиазма и рассуждения»¹¹⁸. Новое христианство, возмещаемое Сен-Симоном, подобно старому христианству, войдет в жизнь мирным путем.

Убеждение сен-симонистов в возможности совершить общественное преобразование, опираясь на религиозный энтузиазм и на силу разумных доказательств, приводит их к полному отрицанию политической борьбы. В этом отношении они идут гораздо дальше Сен-Симона. Сен-Симон тоже не верит в революционные пути преобразования. Мы знаем, что Сен-Симон вовсе не отказывается от политической деятельности. Наоборот, он рекомендует организацию партии промышленников, а до ее образования советует даже поддерживать существовавшие (в эпоху Реставрации) партии правого и левого центра. Сен-симонисты относятся ко всем партиям одинаково отрицательно; политические партии не способны дать ничего, поскольку у них нет никакой доктрины, никакой религии. Лишь июльская революция 1830 г., как мы увидим ниже, вызвала в рядах сен-симонистов некоторые колебания по этому вопросу. Но временный интерес к политической борьбе у сен-симонистов очень скоро пропал, и республиканское движение последующих месяцев они не только не поддерживали, но и резко осуждали.

Основные черты будущей положительной эпохи, считали сенсимонисты, открыты на основании изучения прошлого и настоящего Сен-Симоном. Сен-Симон для них такой же творец новой системы философской и в то же время социальной, - какими были Сократ или Христос. Это открытие могло быть сделано только тогда, когда исполнились для него сроки, но это не умаляло в глазах учеников гениальности их учителя. В действительности приходится признать, что для создания этого «откровения», как и для создания большинства откровений, больше сделали, ученики, чем сам учитель.

Основа существующего строя - собственность. Сен-симонисты готовы признать, что собственность есть база политического порядка вообще. Но собственность не есть нечто вечное и неизменное. Это - социальный факт, подвергавшийся и подвергающийся изменениям в процессе исторического развития, подчиненный как и все социальные факты, закону прогресса. Она может в различные эпохи различным образом определяться и регулироваться. Так, вначале право собственности распространялось в одинаковой мере на вещи и на людей. Осуществление этого права не было стеснено ничем. Затем право собственности по отношению к людям подверглось существенным ограничениям. Наконец, законодательство признало, что человек вовсе не может быть собственностью своего ближнего. Точно так же законодательство всегда регулировало в соответствии с идеями эпохи способы передачи собственности.

Соответствует ли в данный исторический момент порядок передачи собственности потребностям общества? «Собственность... складывается из богатств, которые не предназначены для непосредственного потребления... Она обнимает земельные владения и капиталы, т.е., выражаясь языком экономистов, фонды производства»¹¹⁹. Таким образом, говоря о собственности, сен-симонисты имеют в виду собственность на орудия и средства производства, а не собственность на

предметы потребления. Это необходимо все время учитывать при изложении их взглядов на собственность. Собственники - хранители орудий труда, их функция заключается в распределении этих орудий между трудящимися. «Кто же должен быть в таком случае собственником,- спрашивают сен-симонисты, - праздный ли, невежественный и безнравственный сын умершего, или человек, способный достойным образом выполнять свою общественную функцию?»¹²⁰ Стоит поставить так вопрос - и ответ будет ясен. Право наследования - наиболее вредная, наименее соответствующая потребностям общества черта современного порядка. Передача собственности по наследству - «самая безнравственная из всех привилегий - привилегия жить в обществе, не работая, или быть вознаграждаемым в нем свыше своих трудов». Источник права наследования - в старой военной системе общественной организации. Принцип современного права собственности - традиция, восходящая к завоеванию, как бы отдаленно это завоевание ни было. В новой системе - мирной ассоциации - это право представляется возмутительным и нелепым. Как Христос провозгласил: «Долой рабство!», так Сен-Симон провозглашает: «Долой наследование!»

На смену старому праву наследования, праву более сильного и привилегии рождения, идет новое право, право труда, право способности. Сен-Симон пришел сказать человеку: «Твоя праздность противоречит природе, она нечестива, вредна для всех и для тебя самого, ты будешь трудиться»¹²¹⁻¹²². Основанное на этом праве труда новое общество есть ассоциация трудящихся, ассоциация, цель которой - совместный труд. «Всемирная ассоциация - вот наше будущее. Каждому по его способностям, каждой способности по ее делам - вот новое право, которое заменит собою право завоевания и право рождения, человек не будет более эксплуатировать человека, но человек, вступивший в товарищество с человеком, будет эксплуатировать мир, отданный во власть ему». Может ли человечество, истомившееся в пустыне современной анархии, не внять голосу этого светлого откровения? Люди умели подчиняться приказам, идти вперед с энтузиазмом во имя целей войны, кровопролития; грабежа, смерти. Тем более они должны пойти за призывом к жизни.

Таковы принципиальные основы будущего общества. Уже эти основные положения уведут сен-симонистов за пределы построений самого Сен-Симона. У Сен-Симона есть понятие ассоциации. Но в его ассоциации сохраняется частная собственность на средства производства, сохраняется класс, владеющий средствами производства. Защита интересов пролетариата уживается еще у него с буржуазными тенденциями. Ученики вкладывают в понятие ассоциации совершенно новое содержание. У Сен-Симона идея труда как основы будущего общества есть представление об относительности права собственности, есть противопоставление права способности праву рождения. Но та своеобразная и продуманная комбинация, в которой находятся эти элементы в «Изложении учения», составляет бесспорную заслугу учеников. Мысль Сен-Симона в вопросе о собственности остается в

рамках буржуазного строя, мысль учеников разбивает эти рамки, устанавливая связь эксплуатации с собственностью на средства производства и приходя к выводу об отмене права наследования.

Мы находим в «Изложении учения Сен-Симона» не только установление общих принципов. Сен-симонисты пытаются, с одной стороны, конкретно представить своим слушателям и читателям строение возмещаемой ими системы, с другой стороны, найти в окружающей действительности элементы, зародыши будущего. В разрешении первой задачи они идут путем совершенно оригинальным их построение ни в малой степени не напоминает настроения их предшественников, коммунистов XVIII в., ни гениальных фантазий их современника Фурье; здесь они закладывают основы совершенно нового направления социалистической мысли направления, которому некоторые из эпигонов социализма присваивали иногда наименование «коллективизм». В постановке второй задачи, тесно связанной с их историческим подходом к вопросам социализма, они, естественно, вовсе не могли иметь предшественников среди социалистов-рационалистов.

Ассоциация не только кладет конец эксплуатации; она представляет выход из господствующей в области производства анархии. Сен-симонисты считают существующий строй совершенно нелепым с точки зрения экономической целесообразности. Главным пороком строя, в основе которого лежит частная собственность, является его неорганизованность. Мы уже знаем, что распределение средств производства, покоящееся на праве наследования, случайно и произвольно. Но и тогда, когда собственник - человек действительно способный, он стремится не к общественному благу, а к частному обогащению: он пользуется своими правами исключительно в целях эксплуатации неимущих. Между тем назначение предпринимателя, с общественной точки зрения, состоит в том, чтобы организовать удовлетворение общественных потребностей определенным видом продуктов, чтобы правильно распределить с этой целью орудия труда¹²³. В интересах человечества эта функция должна быть урегулирована. Анархическая система частного производства должна быть заменена централизованной системой производства общественного. Будущий хозяйственный строй должен создать организацию промышленности, какую до сих пор человечество знало только в области промышленности военной.

Ни в одной из социалистических систем начала XIX в. данная идея централизованной организации общественного производства не выражена с такой отчетливостью, как у сен-симонистов. Их экономический идеал в этом отношении диаметрально противоположен мечтам Фурье и Оуэна, призывавших человечество вернуться к небольшому самодовлеющему хозяйственным группам. Сен-симонисты стремятся не к сужению хозяйственной жизни, а к ее расширению, они целиком принимают то, что сделано в этом направлении капитализмом, и хотят лишь внести в хаос, каким представляется хозяйство капиталистической эпохи, целесообразность и планомерность. Если в хозяйственной жизни столько беспорядка, то происходит это не от того,

что хозяйственные связи слишком широки и сложны, а от «того, что распределение орудий труда производится обособленными индивидами, не знающими ни нужд промышленности, ни людей и средств, пригодных для их удовлетворения»¹²⁴. Чтобы прекратить беспорядок, чтобы отнять почву у кризисов, необходимо покончить с этим индивидуализмом, отнюдь не разрушая его приобретений.

Распределение орудий труда в плановом хозяйстве, которое призвано сменить существующее анархическое хозяйство, должно отвечать трем условиям: во-первых, орудия труда следует распределять пропорционально потребностям каждой местности и каждой отрасли промышленности; во-вторых, при их распределении надлежит соотносываться с индивидуальными способностями; в-третьих, производство нужно организовать таким образом, чтобы ни в одной из его отраслей никогда не приходилось бояться нехватки или перевыполнения. Чтобы эти условия осуществить, необходимо установить новый порядок передачи собственности: «право наследования, ныне ограниченное пределами семьи, должно перейти к государству, превращенному в ассоциацию трудящихся»¹²⁵.

Орудия производства сосредоточиваются, таким образом, постепенно в руках государства. Но государство не выступает непосредственно в роли организатора промышленного предприятия. Будучи верховным собственником орудий производства, оно и берет на себя лишь функции собственника. Оно распределяет орудия производства как бы на правах аренды, вручая то или иное предприятие тому или иному лицу, проявившему в данной отрасли производства наибольшие способности. Пользуясь терминами предшествующей органической эпохи, дающей прообраз будущей, сен-симонисты говорят о ленной грамоте, выдаваемой производителю, и о его промышленной инвеституре. «Право на богатство, т.е. на распоряжение орудиями труда, дает исключительно умение приложить его к делу». Так реализуется одно из основных положений сен-симонизма: каждому по его способностям. Каждый получает в общественной иерархии место, соответствующее его индивидуальной ценности.

Конечно, для этой деятельности государства совершенно не подходит старый бюрократический аппарат. Но жизнь, подготовившая наступление нового социального порядка, вырабатывает уже для него и соответствующий механизм. В недрах современного общества, раздираемого анархией, создается противоядие ей путем выделения особого промысла, задача которого состоит в упорядочении экономической жизни. Это - банкирский промысел, являющийся наиболее выдающимся фактором современной промышленности. Банки - вот зерно будущего в настоящем.

Страницы, посвященные роли банков в настоящем и будущем, принадлежат к интереснейшим страницам «Изложения». В своей оценке банков сен-симонисты идут по стопам Сен-Симона, у которого мы находим замечания об организующей промышленности функции банков. Сен-Симон и особенно его ученики оказались в этом вопросе для 20-х годов XIX в. очень тонкими наблюдателями. У сен-симонистов замечания

Сен-Симона о банках получили новое развитие. Банки в их системе приобретают значение станкового хребта будущей хозяйственной организации. Не следует думать, что сен-симонисты идеализируют банки капиталистического общества, что банки представляются им совершенно законченной системой организации и регулирования хозяйства. Если бы это было так, то это значило бы, что на смену критической эпохе уже пришла эпоха органическая. Порожденная анархическим обществом, система банков носит на себе явственный его отпечаток. Упорядочение, которое банки могут вносить в настоящее время в хозяйственную деятельность, весьма и весьма относительно. В их работе есть сторона положительная, которая должна быть использована при построении будущей общественной организации, и сторона отрицательная, отражающая все зло современности и подлежащая уничтожению.

Направляя капиталы в тот или иной район, в ту или иную отрасль промышленности, в то или иное предприятие, банки выполняют функцию распределителей средств производства, тем смягчая промышленную анархию. Но эту функцию они выполняют плохо. Так как современные банки преследуют в первую очередь частные, а не общественные цели, то они, естественно, стремятся извлечь из своей деятельности возможно больший доход, возможно большую «десятину»¹²⁶. Желая обеспечить себе этот доход, они должны руководствоваться в распределении капитала материальными гарантиями, какие может представить кредитующее лицо, а отнюдь не его способностями. Таким образом, и здесь бездельник, получивший состояние по наследству, имеет больше шансов, чем талантливый, но бедный труженик. Наконец, современные банки, хотя их кругозор и несравненно шире кругозора отдельного промышленника, все же не в состоянии охватить все промышленные операции страны в целом. Для того чтобы все эти дефекты в системе банков устранить, необходима прежде всего возмещаемая сен-симонистами перемена в организации собственности, необходимо превращение общества в ассоциацию трудящихся¹²⁷.

В этой ассоциации правительством в области материальной выступит центральный банк. Он станет хранителем и распределителем всей массы орудий производства. В нем будут концентрироваться все потребности, от него будут исходить все усилия¹²⁸. Сведения о потребностях районов и индустрии поступят в центральный банк от специальных банков, обслуживающих отдельные отрасли промышленности. Через эти же специальные банки будут распределяться средства производства между работниками. Каждый индивидум будет определенным образом расценен банком и сообразно со своими способностями займет место в промышленной иерархии. Один окажется простым рабочим, другой - заведующим мастерской, третий - директором предприятия. Но директор - отнюдь не владелец своей мастерской и орудий труда; он только общественное должностное лицо, организующее для общества производство при помощи других лиц, ему подчиненных.

Получая место в обществе соответственно своим способностям, каждый гражданин получит от общества вознаграждение в соответствии со своими заслугами. Равенство вознаграждения при неравной производительности труда сен-симонисты считают несправедливым. Неравенство вознаграждения стимулирует труд: только при нем получают полный простор для развития индивидуальные способности. В силу тех же соображений сен-симонисты сохраняют в будущем обществе индивидуальную собственность на предметы потребления. Но при всем неравенстве индивидуумов в отношении их вознаграждения и жизненного уровня все равны в одном: нет людей, живущих на ренту или на прибыль, все живут на средства, являющиеся вознаграждением за труд, получаемым как жалование или как пенсия. В бюджете ассоциации (или ее центрального банка) актив составляет совокупность годовой продукции всех видов промышленности, пассив - распределение этих продуктов между трудящимися¹²⁹.

В «Изложении учения» сен-симонисты не ставят вопроса о мероприятиях переходного характера. В журнальных статьях при обсуждении проблем текущей экономической политики они, однако, не могли не давать оценки тем или иным проектам и предложениям с точки зрения их пользы или вреда для преобразования общества в ассоциацию трудящихся. В связи с этим они не раз выдвигали и собственные предложения экономических реформ. Эти предложения разнообразны и содержат в себе зародыши ряда утопических планов общественного преобразования, нашедших в дальнейшем более полное развитие в системах поздних утопистов мелкобуржуазного толка. Так, сен-симонисты защищали идею участия рабочих в прибылях тех предприятий, в которых они работают. Они представляли себе, что участие в прибылях, пропорциональное труду рабочих, постепенно распространяясь и укрепляясь, может привести к отмиранию системы заработной платы и к утверждению на предприятиях принципа ассоциации.

Так, они проповедовали организацию кредита для рабочих в целях обеспечения их орудиями труда, развивая уже известную нам по статьям в «Производителе» идею преобразующей роли командитарных ассоциаций. Они предлагали отмену наследования по боковой линии и увеличение налога на наследство, понижение процента и арендной платы и т.п. А с другой стороны, они горячо защищали проекты создания широкой ассоциации капиталистов-предпринимателей в целях планомерной индустриализации страны, перенося, таким образом, идею совместной эксплуатации человечеством земного шара из общества будущего в общество капиталистическое.

Практические предложения сен-симонистов представляют некоторый исторический интерес. Они в известном смысле характерны для утопической школы, принципиально стоящей на «внеклассовой» позиции, а практически скатывающейся к мелкобуржуазному, а подчас и просто к буржуазному прожектерству. Но значение сен-симонизма для развития социалистических идей определяется не этими проектами, а его философией истории и его учением о всемирной ассоциации трудящихся. Иерархия способностей в ассоциации и идея вознаграждения «по

заслугам», осуществляемого посредством системы банков, не имеют никаких аналогий в старом, дореволюционном коммунизме. Сен-симонисты это отличие своей системы от старого коммунизма прекрасно сознают и старательно его подчеркивают. Отмежевываясь от коммунистов, они резко критикуют коммунизм как систему, будто бы подавляющую развитие личности, а следовательно, и развитие общества. Основным недостатком коммунизма они видят в том, что он, устраняя соревнование, дает ленивому то же, что и трудолюбивому, таким образом разрушая собственный принцип равенства. Сен-симонисты утверждают даже, что их система не имеет с коммунизмом ничего общего. Это уже несомненная неблагодарность, так как идея общественной организации труда, основная идея сен-симонизма, несомненно, связана своим происхождением с влиянием старого коммунизма.

4

Мы уже говорили о том, что ассоциация сен-симонистов совершенно непохожа на те ассоциации - мелкие самодовлеющие хозяйственные единицы, - какие мы находим в системах Фурье и Оуэна. Сен-симонисты не только не стремятся к хозяйственной дробности, им представляются с хозяйственной точки зрения недостаточно широкими даже рамки существующих государств. Их идеал - организация единого хозяйства на территории всего земного шара. Этот свой интернационализм они не только провозглашают, но и обосновывают, как им свойственно, исторически. Нация для них - ассоциация минувшей органической эпохи. Внутренней моральной связью для нее служила любовь к отечеству. Критическая эпоха разорвала эту связь, любовь к отечеству угасла. Об этом не приходится жалеть, так как она, естественно, должна уступить свое место более высокому чувству, соответствующему более высокой форме ассоциации, - любви ко всемирной семье человеческой¹³⁰.

Эпоха всемирной ассоциации трудящихся не есть только одна из органических эпох, подобная предшествующим. При ней общество будет организовано непосредственно в целях прогресса. Всемирная ассоциация - полное торжество принципа ассоциации над антагонизмом; как форма общественной организации она максимально совершенна и потому не способна к дальнейшему совершенствованию. Если в ней не будет места антагонизму, то не будет оснований и для смены будущей органической эпохи новой критической эпохой. Будущая органическая эпоха станет окончательной¹³¹. Человечество идет к конечному состоянию - к такому порядку, при котором дальнейший прогресс сможет осуществляться без перерывов, без кризисов, постоянно, правильно и во всякий момент¹³². Таким образом, изложенные выше общие законы исторического развития относятся только к периодам до установления новой органической системы, к периодам антагонистическим. Затем история в старом смысле слова как бы прекращает свое течение, или, вернее, наступает новая, принципиально отличная от старой полоса исторического процесса.

Общественная организация будущего есть организация, освящаемая религиозной доктриной, что совершенно соответствует философско-исторической концепции сен-симонистов: ведь органические эпохи всегда религиозны, только критические разрушают религию. Религиозной проблеме посвящены последние лекции первого тома «Изложения учения» и почти весь второй том. Для нас было важно выделить в сен-симонизме то, что представляется наиболее интересным и ценным в этой системе с точки зрения истории социалистической мысли, что оказало наибольшее влияние на дальнейшее развитие социализма. Поэтому при всем своеобразии постановки религиозной и церковной проблем в «Изложении учения» мы не считаем нужным останавливаться подробно на этой стороне учения. Отметим только те ее черты, которые связаны теснейшим образом с областью социальных отношений.

Возвещаемая сен-симонистами религия не есть реформированное христианство. Христианству свойственно понятие бога как существа только духовного. Из этого вытекает, по мнению сенсимонистов, ряд положений, определивших все будущее христианства и его социальную роль. Если бог - чистый дух, то тело и заботы о нем греховны¹³³. Проповедуемое христианством братство также получает духовное значение, и его осуществление переносится на небеса. Материальная жизнь остается вне сферы непосредственного воздействия религии. Это закреплено в двух принципах христианства: «воздайте кесарево кесарю» и «царство мое - не от мира сего». Отсюда две власти в средние века: духовная, проповедующая братство, светская, правящая посредством насилия. Для христианства, противопоставляющего дух плоти, такое разделение светской и духовной власти, царства кесаря и царства бога, было естественно и неизбежно.

Сен-симонисты ценят исторические заслуги христианства. Они считают, что его ошибки были неизбежной уступкой условиям времени; христианство могло завоевать мир, только отказавшись от полного осуществления принципа братства, перенеся его в потустороннее. Сейчас уже, полагают сен-симонисты, этот дуализм утратил свой смысл. В религии сен-симонистов плоть, физическая сторона жизни и человеческого существа, восстанавливается в своих правах, реабилитируется. Сен-симонисты - решительные враги аскетизма. Все части бытия - и человека и мира - гармоничны, все они одинаково призваны к развитию. Бог не есть чистый дух. Бог - все, что существует, все в нем, все через него, все - он. Поэтому и царство бога простирается и на дух, и на тело.

Материальная деятельность человека также есть явление религиозного порядка. Развиваясь материально, человек совершает религиозное дело не в меньшей степени, чем развиваясь духовно. Христианство пренебрегало индустрией, религия будущего будет руководить всеми видами человеческой деятельности. Общество будущего - единое общество; и в нем должна быть единая власть, закон кесаря исчезнет перед законом бога, во всем установится власть бога¹³⁴. Политическое устройство будущего равно религиозному устройству, светская иерархия сливается с иерархией церковной. Получается

своеобразная теократия, в которой служители религии руководят всей жизнью общества в целом, воспитывая его в духе братства, объединяя деятельность промышленности, науки и искусства и направляя общество к единой цели.

Демократия рассматривается сен-симонистами исключительно как орудие разрушения старой системы, как политическая форма критической эпохи. В их положительных построениях она не играет роли. Они иронизируют над «импровизированными законодателями», «непрошенными законодателями» революционной эпохи, они иронизируют над всеобщим избирательным правом. Они отрицают старый ценз, основанный на собственности, но не во имя демократии, а во имя нового ценза, соответствующего новым условиям, во имя иерархии способностей. Руководящий Центр иерархии возникает отнюдь не демократическим путем. Сен-симонисты решительно высказываются против народного избрания. Иерархия строится не снизу вверх, а сверху вниз. Глава общества, верховный первосвященник, как называют его сен-симонисты, сам выдвигается на этот руководящий пост. «Источник его власти - его высокая одаренность, выдвигающая его на первое место в иерархии способностей, его гений».

Задача человека, говорят сен-симонисты, расти в любви, в разуме, в силе. Отсюда три порядка социальных функций: мораль, наука, индустрия. Социальная иерархия должна быть живым выражением связи и взаимной зависимости этих функций. Люди, в которых доминирует любовь, естественные вожди общества и хранители религии - священники. Те, у кого более развит разум, хранители знаний или теологии - ученые. Те, кто занят эксплуатацией земного шара, - промышленники. «Религия или мораль, теология или знание, культ или индустрия - таковы три больших аспекта социальной деятельности будущего: священники, ученые, промышленники - вот общество в целом»¹³⁵. Верховный первосвященник - это не ученый, не промышленник, он - носитель высшей любви, натура художественная. Он - источник и санкция порядка, он - олицетворение закона. Закон в будущем обществе - не абстракция, а человек, который лучше всех знает цели общества и индивидуумов и больше всех любит их. От этого человека, верховного первосвященника, исходят все социальные блага, он назначает своих ближайших помощников, руководителей науки и индустрии. Словом, он - живой закон¹³⁶.

Основная задача будущей иерархии - воспитание человечества для новой жизни, для ассоциации. Это в первую очередь воспитание чувств, объединяющих людей. Роль чувства падает в эпохи критические. Но чувство всегда является необходимым признаком человека как общественного существа, а в эпохи органические его роль огромна. Только чувство, выражаемое в различных формах, может увлекать общество к той или иной цели. Эти формы выражения чувств называются искусством в эпохи критические и культом в эпохи органические. Таким образом, идея социального воспитания как воспитания чувства приводит сен-симонистов к восстановлению культа в старом смысле этого слова, культа - как надежнейшего воспитательного средства старых религий.

Следуя завету Сен-Симона в «Новом христианстве», ученики не отказываются от внешних форм религии, аналогичных формам католичества, вплоть до исповеди.

По сравнению с функцией воспитания функции законодательства и управления отступают в ассоциации на второй план. Законодательство является как бы дополнением воспитания. В ассоциации законодательство не может быть орудием борьбы, ибо ассоциации чужды общественные антагонизмы. Оно будет служить лишь целям регламентации порядка в интересах ассоциации, распространяя свое действие как на экономическую, так и на нравственную стороны жизни. Но, будучи лишь дополнением воспитания, законодательство поддерживает нравственный кодекс и обучает ему в особой форме. Его сфера - вне сферы воспитания ухватывает только исключительные факты, нарушающие норму. Следовательно, нормальное течение общественной жизни как будто совсем не регулируется законом. Нетрудно заметить, что сенсимонисты здесь несколько отступают от точки зрения Сен-Симона, предвидевшего в будущем полное исчезновение системы управления людьми. Однако и сенсимонистам не чужда мысль, что в результате воспитания человечество достигнет такого уровня развития, при котором законодательство станет совершенно ненужным¹³⁷.

Идея теократии связывает сенсимонизм, столь современный в области исторического и экономического анализа, со старыми традициями сектантского коммунизма средних веков и эпохи Реформации и еще более с учением Кампанеллы об управлении умственной аристократии. Здесь проявляется неожиданная стойкость традиции, заслуживающая внимания историка. Она объясняется, несомненно, в конечном счете отсутствием в представлениях сенсимонистов той внутренне организованной, спаянной внутренней дисциплиной общественной силы, какой является в теории научного коммунизма пролетариат. Без такой силы невозможна организация «всемирной ассоциации трудящихся». Этот пробел и призвана восполнить иерархия духовных руководителей, опирающихся в своей деятельности на религиозную санкцию и на тщательно продуманную систему воспитания, - иерархия, являющаяся по существу, как и у Кампанеллы, стилизованной в церковном духе интеллигенцией.

* * *

Не подлежит сомнению, что в сенсимонизме между временем появления в свет последнего произведения Сен-Симона (1825 г.) и временем лекций, вошедших затем в «Изложение учения» (1828-1829 гг.), происходит значительный сдвиг в сторону социализма, усиливаются и развиваются социалистические тенденции, имеющиеся в теории Сен-Симона¹³⁸.

Известно, что в 30-х и 40-х годах XIX в. термин «социализм» имел весьма неопределенное значение. В предисловии к 4-му немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» Энгельс указывает, что под социалистами понимали в 1847 г. два типа людей: с одной стороны, приверженцев различных утопических систем, с другой - всякого рода

«социальных знахарей» (К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.22, стр.62). Я употребляю этот термин в современном, ленинском понимании. Необходимым признаком социализма в этом смысле является: отмена частной собственности на средства производства и передача их в собственность общества; уничтожение классов и эксплуатации человека человеком. Сен-Симону эти идеи были чужды даже в последний период его деятельности, когда он выступил в качестве защитника рабочего класса.

88 «Le Producteur», I, p.5-7

89 Ibid., II, p.167.

90 Ibid., IV, p.406.

91 «Le Producteur», II, p.487.

92 Ibid., p.314.

93 Ibid., p.359.

94 Ibid., p.359, 360; III, p.118.

95 Ibid., II, p.529.

101 «Le Producteur», II, p.18, 32, 110.

102 Ibid., I, p.37.

103 Ibid., p.177

104 В литературе о сенсимонизме встречается указание на то, что лекции 5-я, 12-я и 15-я были прочитаны О.Родригом, а 8-я и 16-я - Анфантенон. Такое мнение основано на сообщении сенсимониста Фурнеля в его «Bibliographic saint-simonienne». Однако в других источниках мы не находим подтверждения этому сообщению.

105 Ibid., IV, p.479.

107 Ibid., II, p.108-109; IV, p.459.

108 Ibidem.

109 Ibid.; p.177.

110 Doctrine de Saint-Simon, p.161.

111 Ibid., p.497-498.

112 Ibid., p.192.

113 Ibid., p.94.

114 Ibid., p.229.

115 Doctrine de Saint-Simon, p.228.

116 Doctrine de Saint-Simon, p.210-211.

117 Ibid., p.91.

118 Doctrine de Saint-Simon, p.280-281.

119 Ibid., p.256.

120 Ibid., p.95.

121-122 Doctrine de Saint-Simon, p.94,

123 Doctrine de Saint-Simon, p.258 sq.

124 Doctrine do Saint-Simon, p.258-259.

125 Ibid., p.120,

126 Ibid., p.269-270.

127 Ibid., p.272.

В. П. ВОЛГИН

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.

М.: Наука. 1976

Vive Liberta, 2010

- 128 Ibid., p.273.
129 Doctrine de Saint-Simon, p.274.
130 Doctrine de Saint-Simon, p.155.
131 Ibid., p.222.
132 Ibid., p.200.
133 Doctrine saint-simonienne. Exposition. Deuxieme annee, 1829-1830 Paris 1854, p.402.
134 Ibid., II, p.399.
135 Doctrine saint-simonienne, II, p.434.
136 Ibid., p.486.
137 Doctrine de Saint-Simon, p.83-84, 98-100, 370-372.
138 «Не следует вообще забывать, - писал Маркс, - что лишь в последней своей работе «Nouveau Christianisme» Сен-Симон прямо выступил как выразитель интересов рабочего класса и объявил его эмансипацию конечной целью своих стремлений. Все его более ранние произведения фактически представляют собой лишь прославление современного буржуазного общества в противоположность феодальному...» (К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.25, ч.II, стр.154).

III. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СЕН-СИМОНИСТСКОЙ ШКОЛЫ

1

Для того, чтобы понять этот сдвиг, необходимо приглядеться к той среде, из которой сен-симонизм той поры вербует свои основные кадры. Сен-Симон обращался с проповедью по преимуществу к промышленникам и к верхам буржуазной интеллигенции. В этих кругах проповедь успеха не имела: в распоряжении буржуазии имелись теории, быть может, менее оригинальные, но зато более точно соответствовавшие ее настроениям и интересам данного исторического момента; верхи буржуазной интеллигенции способны были платонически сочувствовать своеобразным чертам теории Сен-Симона (идее плановости хозяйства, права способности и т.п.), но в реальной жизни они неизбежно тяготели к тем же вульгарно-буржуазным системам. Первоначальный состав сен-симонистской школы принадлежит не к этим преуспевающим представителям интеллигенции, а к интеллигентским низам, к революционным слоям интеллигенции, к студенчеству. Успех сен-симонизма среди студенчества главным образом политехнической школы отмечается всеми современниками. Виднейшие сен-симонисты - Базар, крупнейший теоретик первого периода, автор большей части лекций, вошедших в «Изложение учения», Бюше, Карно, Лоран, Руан - пришли к сен-симонизму из республиканских тайных обществ. Низы интеллигенции - группа, наиболее способная в известные исторические моменты под впечатлением растущих классовых противоречий заражаться настроениями рабочего класса. В этой среде обычно находит немало адептов зарождающегося социалистического движение. Понятно, что здесь в учении Сен-Симона пленяло как раз то, что было в нем своеобразно и что отталкивало от него буржуазию: несколько неопределенные, несогласованные, не додуманные до конца, но в потенции социалистические надежды на золотой век, на будущее царство организованного труда. Понятно, что в новой среде именно эти стороны

учения могли и должны были получить свое развитие. Система сдвинулась на иную социальную базу. Из разновидности буржуазной идеологии первых периодов деятельности Сен-Симона выросла новая форма утопического социализма. Социалистические тенденции уже в последних произведениях Сен-Симона сказываются гораздо более резко, чем в его ранних работах¹³⁹. Но социалистической системой по своему основному характеру сен-симонизм стал лишь в работах Базара, Анфантена и их соратников.

Социальным происхождением сен-симонизма объясняются как его достоинства, так и его недостатки. Возникший в среде интеллигентских групп, связанный с промышленностью и банковским делом, сен-симонизм мог внести в социалистическую теорию много нового и свежего материала. Сен-симонисты сумели оценить технические и организационные достижения капитализма и их значение для дальнейшего развития общества. Они попытались, хотя и в несовершенной форме, подвести под социализм исторический фундамент, обосновав его неизбежность анализом прошлого и настоящего человеческого общества. Но они оказались неспособны полностью порвать с сен-симоновской идеей «бесклассовой», а по существу буржуазной «индустриализации». Они не смогли понять исторического значения классовой борьбы пролетариата, оценить пролетариат как активную силу истории, а не только как страдающую, эксплуатируемую массу. Отсюда их исторический идеализм, отсюда их отрицательное отношение к революции, их враждебность к демократии, их авторитаризм, наконец, их теократическая утопия.

Своего высшего пункта как система утопического социализма сен-симонизм достиг в «Изложении учения» накануне июльской революции 1830 г. Последующие годы существования школы не представляют для истории социализма такого интереса, как годы, предшествовавшие революции. Но организационная и пропагандистская деятельность сен-симонистов в 1830-1832 гг. содействовала распространению основных положений, выработанных школой ранее. С этой точки зрения она также заслуживает известного внимания.

Июльская революция явилась для сен-симонистов полной неожиданностью и вызвала в их рядах некоторые колебания. В их планах общественного преобразования политическая революция совершенно не была предусмотрена. 28 июля вожди сен-симонистской школы обратились к своим сторонникам с призывом соблюдать спокойствие, ссылаясь на поведение Сен-Симона во время великой революции. Революцию они рассматривали в этом воззвании лишь как доказательство правильности сен-симонистского анализа существующих общественных отношений, как симптом царящей в обществе анархии. Только сен-симонисты, утверждало воззвание, способны указать истинный путь к будущему, только они - обладатели высшей любви к народу.

Тем не менее некоторые сен-симонисты - Карно, Рейно и др., увлеченные народным движением, приняли участие в июльских боях. 30 июля сен-симонисты выпустили прокламацию, знаменующую временный

сдвиг в отношении школы к политической борьбе. Революция трактуется здесь как возможное средство социального переворота. Прокламация высоко оценивает революционную борьбу XVIII в. и признает июльские дни завершением этой великой борьбы. Сен-симонисты не только восхваляют народ за разрушение старого феодального порядка, не только клеймят позором праздных, живущих чужим трудом, они призывают закрепить победу, навсегда отменив все без исключения привилегии рождения и установив принцип возвышения людей по их способностям и вознаграждения по труду.

Стремясь использовать революцию в интересах своего общественного идеала, сен-симонисты сочли даже возможным принять участие в совещаниях представителей политических партий у Лафайета. Наивный утопизм этого шага особенно ярко сказался в совершенно фантастическом предположении о возможности использовать диктатуру Лафайета для осуществления сен-симонистской программы социальных преобразований.

В письме Анфантена провинциальным сен-симонистам, опубликованном 1 августа, отмечается уже неудачный исход революции. Июльское восстание, по мнению автора, не заслуживает даже наименования революции. Ничто не изменилось в социальной организации. Некоторые имена, цвета, национальный герб, титулы - таковы завоевания «дней траура и славы». Но Анфантен, очевидно, допускает возможность использования политической революции для осуществления сен-симонистского идеала. Июльская революция, полагает он, могла бы иметь иной исход, если бы у народа нашлись достойные его вожди. Такими вождями, единственно способными обеспечить народу результаты его победы, могли бы быть только сен-симонисты. В действительности к власти пришла перепуганная буржуазия, которая постарается вновь наладить представительную машину, конституцию, являющуюся сделкой между классами и не принимающую в расчет народ. Внезапный переход от принципиального аполитизма к крайнему политическому авантюризму не мог не вызвать в рядах сен-симонистов смущения. Смущение переросло в открытое недовольство, когда обнаружилась полная безрезультатность новой тактики. Многие сен-симонисты выступили против вождей с обвинениями в непоследовательности. Базару пришлось выступить с новой декларацией («Суждение о последних событиях»), в которой он пытался объяснить позицию сен-симонистов стремлением добиться, чтобы революция в дальнейшем развитии обеспечила сен-симонистам возможность свободно вести пропаганду.

В «Суждении» Французская революция провозглашается величайшим проявлением божественного провидения. Июльская революция - ее окончательное завершение. Но все же она, по мнению Базара, не является той социальной революцией, о которой мечтают сен-симонисты. «Суждение» прославляет народ, противопоставляя его «феодальной и праздной буржуазии». Но зовет оно народ не к революции, а к новой власти «любви», осуществляемой выдающимися избранниками людьми¹⁴⁰.

В одном из последующих произведений сен-симонистской пропаганды мы находим развернутую и как бы завершающую оценку июльских дней. Вся история Реставрации, писали здесь сенсимонисты, была лишь бесплодной сменой министерств, не приносившей никакой пользы для излечения от социальных зол. Это вызвало новое вмешательство народа, которое никто не смог предупредить. Хартия погибла, Реставрация кончилась, но какие же это дало результаты? Просто во Франции стало одним французом меньше после изгнания Карла X. В июльские дни на сцене появился новый класс - пролетариат, но буржуазия не поняла значения этого факта и снова вернулась к законному порядку вместо того, чтобы подумать об удовлетворении нужд масс.

1830-1831 гг. - годы очень интенсивной сен-симонистской пропаганды - как устной, так и литературной. Важнейшими источниками для ознакомления с ее содержанием являются так называемые «Проповеди» («Predications»)¹⁴¹ и журнал «Le Globe»¹⁴², с октября 1830 г. ставший органом сен-симонизма. В течение этого периода сен-симонисты в вопросах социальной политики остаются в основном верны тем принципам, которые были сформулированы в «Изложении учения».

«Сен-симонисты требуют, - говорят они в своем послании палате депутатов, - чтобы орудия труда, земли и капиталы, которые образуют сейчас раздробленные фонды частной собственности, были объединены в социальный фонд и чтобы этот фонд эксплуатировался ассоциацией, построенной иерархически, чтобы задача каждого соответствовала его способностям, а богатство было бы мерой его трудов». То, что буржуазия признала в свое время по отношению к знаниям, следует признать теперь по отношению к богатству: богатство должно быть результатом заслуг самого человека, а не его предков.

Для экономистов, утверждают сен-симонисты, купля-продажа представляется необходимым, естественным процессом, подчиненным закону спроса и предложения. Но в обществе, составляющем единую семью, этот закон должен быть отменен. В таком обществе при организации производства учитываются потребности отдельных его членов. В таком обществе нет места купле-продаже, а может быть только распределение. Несмотря на некоторое уточнение социалистических формулировок, сен-симонисты, однако, по-прежнему избегают говорить об отмене частной собственности. Они предпочитают говорить об ее преобразовании. Но по существу это - преобразование частной собственности в собственность общественную. Верховным владельцем земли должно быть, по мысли сен-симонистов, государство. Промышленные предприятия также не должны составлять частной собственности предпринимателей. Руководители предприятий - должностные лица общества. Они любят свое предприятие, как моряк любит свое судно, хотя оно и принадлежит государству. В характеристике существующих общественных отношений пропаганда сен-симонистов под влиянием роста капиталистического производства и обострения свойственных капитализму общественных противоречий отводит в этот период значительно больше места антагонизму между буржуазией и

пролетариатом как противоречию основному для современного общества, постепенно отходя от старой сен-симоновской формулы, выдвигавшей на первый план антагонизм между бездельниками и трудящимися. В одной из проповедей Лоран вносит некоторые новые черты в сен-симонистское понимание социальной роли буржуазии после победы революции. Революция, говорит Лоран, закончила борьбу между дворянством и буржуазией, и буржуазия, овладев добычей, принялась ревностно оберегать порядок, обеспечивающий ей плоды победы, свободу жить в праздности среди изобилия земных благ, пользуясь чужим трудом.

Аристократия денег заменила аристократию титулов, и новая аристократия вооружилась принципом свободы, невмешательства в отношения между трудом и капиталом. «Спросите, - восклицает проповедник, - у бесчисленных париев, окружающих вас, что такое свобода, лишаящая их социальной поддержки, предоставляющая своим собственным силам людей, которых случайность рождения лишила всяких сил, свобода, принуждающая их под страхом смерти к работе, по большей части ненавистной им, не соответствующей их способностям, к работе, плоды которой достанутся господам!» Эта свобода дает им право на все только затем, чтобы глубже почувствовать, что они не имеют возможности переступить границ, определенных их наследственной нищетой. Они свободны все читать и писать, но они не умеют и не могут ни того, ни другого. Во имя свободы конституция отказывается вмешиваться в упорядочение интересов рабочих, но та же свобода не мешает поклонникам конституции поручать национальной гвардии и линейным войскам внушать рабочим идею законного режима, лишь только рабочие вздумают сообща позаботиться о своих интересах. В конечном счете общественный порядок конституционалистов основывается на силе.

Демократы видят выход из положения в распространении избирательного права на все слои народа, не понимая, что беднейший и многочисленнейший класс, отупевший, невежественный, голодный, жаждет избавителя. Демократы кричат против следственного пэрства, института, мало кого интересующего, и они охраняют наследственное право собственности, гнетущее громадное большинство. Они возмущаются тунеядством чиновников и не хотят подумать о несравненно более распространенном тунеядстве праздных бесполезных людей, накапливающих богатство посредством пота бедняков-рабочих¹⁴³.

Сен-симонисты понимают, что обществу угрожает революция. Они предупреждают о возможности появления нового Спартака. Но путь Спартака - не их путь. Они хотят, чтобы низшие классы отказались от ненависти к богатым, а высшим классам они проповедуют любовь к бедным. Проповедуемое ими общественное преобразование должно быть осуществлено мирным путем, а не путем мятежа. По поводу лионского восстания рабочих 1831 г. они выражают надежду, что привилегированные пойдут навстречу интересам рабочих, поняв ту опасность, которой угрожает им ненависть рабочих.

В качестве меры перехода к полной отмене права наследования сен-симонисты предлагают отменить наследование по боковой линии и повысить налог на наследства. Они считают желательным также понижение процента и арендной платы. Но центральную роль в общественном преобразовании они по-прежнему отводят преобразованной системе банков. Банкиры должны стать незаинтересованными организаторами общественного хозяйства. Вся совокупность экономических мероприятий общества должна быть направлена как к своей основной цели - к перераспределению орудий труда в соответствии со способностями. К той же цели должна вести и реформированная система образования.

Конечным идеалом сен-симонистов в эти годы, как и в «Изложении учения», остается всемирная ассоциация. Первым этапом на пути к ней должен быть союз трех стран - Англии, Франции и Германии. Эти государства должны распределить между собой цивилизаторские функции по отношению к другим народам. Такой союз, полагают сен-симонисты, будет иметь своим результатом разоружение. А экономия на вооружениях позволит им приступить к осуществлению дорогостоящих хозяйственных предприятий: построить сеть железных дорог, прорыть Суэцкий и Панамский перешейки, улучшить судоходство. Для Франции сен-симонисты намечают более детальный план ее индустриализации, предусматривающий, между прочим, развитие горнорудной промышленности, рост добычи угля и железной руды, ирригацию, осушку болот и т.д.

В сен-симонистской системе, как она дана в «Изложении учения», идея социального преобразования и идея экономического прогресса тесно связаны: «Человек не будет более эксплуатировать человека, но человек, вступивший в товарищество с человеком, будет эксплуатировать мир, отданный ему во власть».

Однако среди сен-симонистов, по-видимому, всегда были люди, для которых центр тяжести учения лежал во второй части формулы - не в уничтожении эксплуатации человека человеком, а в плановой эксплуатации мира. В журнале «Производитель» можно обнаружить тенденцию к некоторой идеализации проектов обширной ассоциации капиталистов для сознательного и планомерного направления капиталов на научно продуманные экономические начинания. Правда, автор этого проекта (Руан) напоминает, что ассоциация должна обратить особое внимание на положение рабочих. Но все же речь идет здесь несомненно о плановом экономическом прогрессе в рамках капитализма. Те же идеи капиталистической индустриализации еще явственнее выражены в «Le Globe» в 1832 г. Наличие в сен-симонистской литературе таких тенденций было как бы предвестником последующего перехода большинства сен-симонистов на буржуазные позиции.

В 1831 г. среди сен-симонистов произошел раскол. Он был вызван непосредственно не разногласиями из-за социальной политики, а расхождениями в связи с организацией сен-симонистской «церкви». Религиозные интересы, всегда игравшие заметную роль в сен-симонистском движении, с каждым годом приобретали в жизни сен-

симонистской организации все большее значение. Сен-симонистская школа постепенно перерастала в «церковь». Уже в 1829 г. религиозные мотивы, несомненно, имевшиеся в наследии Сен-Симона (особенно в «Новом христианстве»), выдвигаются в сен-симонистской школе на первый план. Споры о существовании бога, о равноправии духовного и плотского начал (реабилитация плоти) и об общественных функциях женщины вызвали в этом году отход от сен-симонистов Бюше. Выступивший против Бюше Базар защищал пантеистическое понимание бога: бог - существо не только духовное, но и материальное. Базар не без основания обвинял диссидентов в возврате к ортодоксальному католицизму.

С защитой сен-симонистской религии от сторонников ортодоксальных религиозных традиций выступил также Анфантен. Он так характеризовал отношения между христианством и сен-симонизмом: христианство - религия горя, ибо оно возникло и господствовало, когда массы были несчастны; сен-симонизм - религия радости, ибо с его торжеством общество будет организовано в интересах масс.

Тот же 1829 г. должен быть отмечен в истории сен-симонизма как год создания первоначальной организации сен-симонистской «церкви»: в январе 1829 г. Анфантен и Базар были объявлены верховными вождями «церкви». Через год, в 1830 г., сенсимонисты создали церковную иерархию с высшим советом, с апостолатом и неофитами. В этот период выступления сен-симонистов, в особенности выступления «верховного отца» Анфантена, все более проникаются религиозным пафосом: не случайно произведения этого периода были объединены сен-симонистами под общим названием «Проповеди».

«Церковь» ввела для своих членов униформу, организовала совместные трапезы. Но в пределах этой новой церкви назревали внутренние конфликты. Анфантен не считал разработку доктрины законченной «Изложением учения». В частности, он полагал, что существенного дополнения требует учение об иерархии. Сен-симонисты признавали равенство полов в религиозном, политическом и моральном отношении. Но они, полагал Анфантен, не сделали из этого принципа всех вытекающих из него выводов. Качества природы мужчины и женщины значительно отличаются друг от друга. Полнота человеческой жизни может быть поэтому достигнута лишь в их соединении. Если это так, то отсюда следует, что для руководства жизнью человечества, для того, чтобы возглавлять общественную иерархию, необходимы два человека: мужчина и женщина (*pretre et femme-pretre*), связанные целомудренным браком. В области отношений между полами Анфантен, подобно Фурье, развивал идею допустимости различных типов половых связей и объявлял одинаково законными и постоянные, и временные браки. Первосвященническая пара должна была, по теории Анфантена, иметь возможность вмешиваться в самые интимные стороны жизни «верных». Она должна знать все душевные движения детей, чтобы иметь возможность всеми средствами направлять их к единой цели.

Против этих новых моральных и организационных идей выступил Базар. В июле 1831 г. разногласия между Базаром и Анфантеном были

вынесены на суд коллегии. Базар обвинял Анфантена в том, что, оправдывая все человеческие склонности, он разрушает понятие добра и зла; в том, что он проповедует беспорядочное смешение полов; в том, что, подчиняя все движения низших воле высших, он подавляет всякую свободу, человеческое достоинство и самостоятельность индивидов. В ноябре 1831 г. спор закончился выходом из «церкви» Базара и его сторонников. Анфантен остался впредь до подыскания *femme-pretre* единственным вождем «церкви». Но раскол нанес сен-симонистской школе непоправимый удар.

Обращаясь с призывом ко всем классам, сен-симонисты не раз пытались привлечь к себе рабочих. Несмотря на глубокий внутренний кризис, переживавшийся сен-симонизмом в 1831 г., именно этот год отмечен усилением сен-симонистской пропаганды среди рабочих. По-видимому, сен-симонисты испытывали некоторое разочарование; их обращения к высшим классам не давали ожидаемых результатов. «Буржуа и ученые ушли от меня, - говорил Анфантен, - мы - пролетарии». Идя навстречу интересам аудитории, сен-симонисты, выступая перед рабочими, выдвигали на первый план социальные тенденции своей системы. Так как большинство новых адептов нуждалось не только в духовной пище (среди них было немало безработных), то у сен-симонистов возникла мысль об оказании им материальной помощи. Эта попытка материальной помощи, выразившаяся в организации потребительских коммун, кооперативных мастерских и т.п., представлялась, вероятно, сен-симонистам в то же время попыткой реализации той части их социальной доктрины, которая могла быть реализована при существующих условиях. В действительности во всех этих организациях было очень мало специфически сен-симонистского. Каждый член коммуны должен был сдавать в коммуну все свои доходы и получал в ней жилье и общий стол. В коммуны шли по преимуществу либо безработные, либо люди, имеющие недостаточный заработок. Коммуны приносили убыток. Так, доход одной коммуны составлял 655 фр. при расходе в 2092 фр. Столь же убыточны были и кооперативные мастерские.

Пролетарии составляли в сен-симонистской иерархии особый «Разряд рабочих». С большим энтузиазмом относился к делу организации рабочих Фурнель, который являлся директором «Разряда». По его расчетам, в октябре 1831 г. в «Разряде» состояло 330 «верных» и 1500 «ассистентов», по большей части ремесленных рабочих. Число желающих попасть в сен-симонистские рабочие организации было значительно больше, чем они были в состоянии принять. Но эти успехи были непрочны. Рабочие относились очень подозрительно к религиозной стороне сен-симонистского учения. Кое-где склонны были видеть в сен-симонистской религии «новый маневр иезуитов»¹⁴⁴. Отталкивали также рабочих сен-симонистские идеи иерархии и теократии, антидемократизм и авторитаризм сен-симонистской организации. Рабочие чувствовали себя неполноправными в сен-симонистской «церкви» и требовали установления в организации равенства. Они открыто выражали сомнения в разумности такого порядка, при котором «избранные» определяли

положение в обществе всех остальных граждан. Рабочие организации сен-симонистов не обладали, таким образом, внутренней устойчивостью.

Бессилие сен-симонистов привлечь к себе широкие народные массы обнаружилось очень скоро. Это бессилие, обусловленное самим существом теории, неизбежно должно было привести в дальнейшем к разложению сен-симонизма, к вырождению школы Сен-Симона в маловлиятельную секту. В апреле 1832 г. сен-симонисты, оставшиеся верными Анфантену, образовали в Менильмонтане ^{*****} трудовую коммуны. Этот «уход от мира» был объявлен как начало нового большого дела, как подготовка к «апостолату», который должен был доказать миру всю ценность сен-симонистской доктрины. В действительности он был симптомом разочарования в результатах сен-симонистской пропаганды, симптомом приближающегося конца сен-симонизма.

Это мирное умирание сен-симонизма было прервано в августе 1832 г. судебным процессом. Предав сен-симонистов суду по обвинению в нарушении законов об обществах и в преступлениях против нравственности, правительство предоставило им возможность еще раз выступить публично с изложением их доктрины. Речь Анфантена на суде 28 августа 1832 г. была по существу последним прощальным выступлением сен-симонистской школы. Она в сжатой форме резюмировала основные положения школы. В ней уделено значительное внимание вопросам морали и религии, функциям первосвященника и реабилитации плоти. Но в то же время она содержит представляющие интерес соображения относительно собственности, напоминающие о лучших временах сен-симонизма. Современная конституция собственности, говорил Анфантен, имеет своим результатом наследственную нищету и наследственную праздность. Собственность как право, основанное на рождении, должна перестать существовать. Этого требует прогресс общества. Но трансформация собственности должна происходить мирно, добровольно, с применением всех возможных способов вознаграждения. Пока рождение является принципом передачи богатства и политической власти, все системы гарантии будут только порождать и поддерживать деспотизм.

* * *

После процесса сен-симонистская «церковь» формально прекратила свое существование. Сен-симонизм как социально-политическое течение вскоре утратил всякое влияние. Некоторые сенсимонисты перешли к фурьеризму. Некоторые, покинув ряды сенсимонистов, создали собственные социальные системы: Бюше, Леру, Пеккёр, Конт.

Большинство сен-симонистов, освободившись от былых социалистических мечтаний, оказалось в редакциях буржуазных газет или нашло себе место в рядах ответственных работников финансового и индустриального мира. «Отщепенцы» буржуазной интеллигенции вновь вернулись в свою социальную среду, превратившись в горячих пропагандистов идей буржуазного индустриализма. После революции 1848 г. их можно было видеть даже среди видных деятелей

императорского режима. Но историческое значение сен-симонистской школы этим, конечно, не умаляется. В лучшие годы своей деятельности она сумела создать продуманную, логически цельную социальную систему, занимающую в истории социалистической мысли весьма важное место. Своей пропагандой она, несомненно, содействовала распространению социалистических идей во Франции. Среди социальных мыслителей следующего периода мало людей, не испытывавших на себе в той или иной степени влияния сен-симонизма.

140 См. И.Иванов. Сен-Симон и сен-симонизм. М., 1901, стр.681-689.

141 «Проповеди» были начаты сен-симонистами вскоре после окончания цикла лекций, вошедших в «Изложение учения», 11 апреля 1830 г., и продолжались до 22 января 1832 г. Собрание проповедей было издано сен-симонистами в двух томах.

142 «Le Globe» можно считать органом сен-симонизма с 26 октября 1830 г., когда в нем появилась восторженная статья о Сен-Симоне. С 18 ноября 1831 г. журнал имел подзаголовок: «Journal de la doctrine de Saint-Simon»; с 1 января 1832 г. - «Journal de la religion saint-simonien».

143 «Predications». Paris, 1830-1832: I, p.76-89, 476-478; II, p.882.

144 C.Bougie. Chez les prophetes socialistes. Paris, 1918, p.14.

ПЬЕР ЛЕРУ - ОДИН ИЗ ЭПИГОНОВ СЕН-СИМОНИЗМА *

Сен-симонизм как система утопического социализма достиг своего высшего развития в конце 20-х годов XIX в. В 1830 г. появилось крупнейшее и наиболее содержательное произведение сен-симонистской школы - «Изложение учения Сен-Симона». В первые годы Июльской монархии сен-симонизм пережил глубокий внутренний кризис, приведший к его расколу. К 1834 г. сен-симонизм как особое организованное течение социальной мысли исчезает. Эти последние годы существования школы не представляют для истории социализма такого интереса, как годы, предшествовавшие Июльской революции. Но организационная и Пропагандистская деятельность сен-симонистов в 1830-1834 гг. содействовала распространению основных положений, выработанных школой ранее, и с этой точки зрения заслуживает внимания историка.

Среди социальных мыслителей последующего периода было мало людей, не испытывавших на себе в той или иной степени идейного влияния сен-симонизма. Одним из таких мыслителей был Пьер Леру, писатель, пользовавшийся в 30-х - 40-х годах XIX в. большой известностью не только во Франции, но и за ее пределами.

Пьер Леру (1797-1871) происходил из парижской мелкобуржуазной семьи. В 1814 г. в связи со смертью отца и необходимостью содержать семью Леру был вынужден отказаться от поступления в Политехническую

* Печатается по тексту одноименной статьи в кн.: «Французский ежегодник. 1962». М., 1963, стр.150-179; ранее эта статья была опубликована в кн.: «Из истории общественных движений и международных отношений». Сб. статей в память акад. Е.В.Тарле. М., 1957, стр.389-404.

***** Менильмонтан - один из районов Парижа.

школу. Став типографским рабочим, начал непосредственно общаться с пролетариатом. Это оказало несомненное влияние на его дальнейшее идейное развитие.

В 1824 г. Леру организовал издание журнала «Le Globe», к участию в котором он привлек ряд видных представителей либеральной и радикальной интеллигенции времен Реставрации. В журнале, который отнюдь не был социалистическим, уделялось значительное внимание социальным проблемам. В нем появлялись заметки на такие темы, как эмансипация ремесленников, сочувственно обсуждались опыты производственной и потребительской кооперации. В 1825 г. журналом заинтересовался Сен-Симон, что имело своим результатом встречу Леру с Сен-Симоном. По-видимому, Леру уже тогда был по своим настроениям близок к сен-симонизму.

В октябре 1830 г. Леру реорганизовал «Le Globe», превратив его в орган сен-симонистов. В 1831 г. он принимает самое деятельное участие в сен-симонистской пропаганде, выступая с лекциями в Бельгии, а также в Лионе и других городах юга Франции. Но правоверным сен-симонистом Леру оставался недолго. В конце 1831 г. он одновременно с Базаром вышел из сен-симонистской организации. Впоследствии Леру утверждал, что он отделился от сен-симонизма, чтобы защищать «возвышение пролетариата» и «отмену привилегий буржуазии». Последующие годы были временем наиболее интенсивной литературной деятельности Леру, выработки им собственной доктрины, годами его наибольшей популярности. В 1831-1835 гг. он сотрудничал в журнале «La Revue Encyclopedique». В конце 30-х и начале 40-х годов им были написаны его основные философские работы:

«О равенстве», «О человечестве», «Опровержение эклектизма». В 1845 г. он основал журнал «La Revue sociale».

К 40-м годам относится также выход его книг по социально-экономическим вопросам, составленных главным образом из статей, напечатанных им ранее в журналах: «О плутократии», «Мальтус и экономисты», «Карета Агуадо». Более поздние произведения Леру посвящены по преимуществу вопросам религии и не представляют особого интереса. Многие современники приписывали произведениям Леру такое же историческое значение, как «Общественному договору» Руссо. Гейне в своих корреспонденциях из Франции называл Пьера Леру одним из ее крупнейших философов. В русских радикальных кружках 40-х годов XIX в. имя Леру ставили рядом с именами Сен-Симона и Фурье. Жорж Санд считала себя «бедной копией» Леру, его фанатической ученицей. Социальные романы Жорж Санд написаны, несомненно, под влиянием Леру, а некоторые, возможно, и под его редакцией. Бесспорно также влияние Леру на Виктора Гюго.

Но слава Леру была непродолжительна. Во время революции 1848 г. он не играл сколько-нибудь значительной роли, хотя и был избран членом Учредительного собрания. Среди его выступлений этого периода заслуживает быть отмеченным протест против кровавой расправы с пролетариатом в июньские дни. Составленный им проект конституции Второй республики лишь закрепил за ним репутацию чудака-прожектера.

После 1848 г. о Пьере Леру как социальном мыслителе уже почти не вспоминали. Умер Леру в апреле 1871 г., во время Парижской Коммуны. На заседании Коммуны 13 апреля 1871 г. по предложению Тридона было принято решение направить двух членов Коммуны на похороны Пьера Леру. При этом Коммуна сочла необходимым оговорить, что «она оказывает эту честь не философу, принадлежащему к мистической школе..., но политическому деятелю, который после июньских дней 1848 года смело выступил на защиту побежденных».

Леру считал себя продолжателем дела Сен-Симона. Основную заслугу Сен-Симона он видел в разработке проблем социальной науки. Для Леру это наука о законах исторического развития человечества, о его прогрессе («Учение о совершенствовании»). В то же время это наука о будущем, наука о «порядке и организации» общества, нормативная доктрина жизни и спасения, которую Леру противопоставляет программам политических партий. Будущее, указывал Леру, есть неизбежный результат исторического процесса. Прошлое и будущее связаны в последовательных проявлениях бытия. Теории будущего хороши лишь постольку, поскольку они не оторваны от земли, не уносятся в область мечты.

Но Леру был далек от научного понимания закономерностей исторического процесса. Как и у многих других утопистов, исторический процесс у него является осуществлением провиденциального плана. Идея провидения, ведущего человечество к некоей высшей цели, не вполне чужда и сен-симонистам. У Леру она сформулирована особенно отчетливо. Как мы еще увидим, Леру часто заявляет, что христианство - доктрина устарелая. Тем не менее в учении Леру об обществе и человеке немало черт, своеобразно отражающих те или иные положения христианской доктрины. К числу таких черт следует отнести склонность Леру к триадам - своего рода навязчивому представлению, восходящему к христианскому учению о триединстве бога. Тройственна природа человека: ощущение, чувство, познание; три стороны природы человека проявляются в общественной жизни последовательно в свободе, братстве, равенстве. Тем же трем сторонам соответствуют три проявления человеческой деятельности: промышленность, искусство, наука. Триада отражается также и в историческом процессе: человечество проходит на своем жизненном пути три стадии - детство, которому соответствует свобода, юность, которой соответствует братство, зрелый возраст, которому соответствует равенство. Закон развития западных обществ отражает закон развития индивида. Тройственна также форма общения человека с себе подобными и с природой: семья, нация, общественность. Высший политический орган состоит из трех палат. Вообще исторические воззрения и выводы Леру зачастую очень тонки и интересны, однако их не всегда легко освободить от густого тумана малопонятной метафизики и мистики.

Мир, утверждает Леру, представляет зрелище непрерывной борьбы, борьбы элементов с целым, борьбы видов друг с другом. Для человеческого общества также, если присмотреться к нему внимательно,

характерна постоянная борьба. Целью этой борьбы отнюдь не является, как полагал Вольтер, счастье человечества. Целью является не счастье, а движение вперед, достижение более высокого совершенства. Отдельные люди ищут своего благополучия, но они никогда его не находят. Берег, которого они стремятся достигнуть, непрерывно от них удаляется. Нельзя найти покоя в мире, где все - переменна¹.

В произведениях Леру мы находим немало отдельных замечаний, характеризующих значение для развития человечества отдельных моментов в истории религии и отдельных течений философской мысли. Интересно его замечание об эпикуреизме как течении, возникающем на развалинах язычества; интересны его указания на связь христианства с философией Платона и стоицизмом. Христианство, утверждает Леру, приняло философию Платона и этику Зенона, осудило и отвергло природу и жизнь; таким оно было при своем возникновении. Ныне выродившееся христианство, отказываясь от первоначальных принципов, позорно старается найти способ устроить свои дела на земле. Но разработанной общей схемы развития человечества мы у него не находим.

Конечной целью всего пути человеческого рода Леру считает равенство. Идея равенства занимает центральное место в общественной философии Леру; в этом одно из главных его отличий от сен-симонизма. Слово «равенство», по Леру, резюмирует всю прошлую жизнь человечества. Все гениальные творцы создавали свои сменявшие одна другую системы для того, чтобы могло осуществиться равенство; для той же цели были совершены все открытия, велись все войны; во имя равенства человечество на протяжении столетий проливало кровь и пот. Сократ и Иисус отдали жизнь для того, чтобы люди пришли к понятию равенства. Но для того же были изобретены буссоль и книгопечатание, была открыта Америка. Во имя этой цели прошли по земле Цезарь и Александр, во имя ее рабы строили дороги, прокладывая пути армиям завоевателей².

Прогресс, закон рода человеческого, состоит в осуществлении равенства во все больших размерах. Этот прогресс никогда еще не шел с такой быстротой, как ныне. Все великие религии, философии и законодательства содержат зародыш равенства. Религия является в своей сущности выражением человеческой солидарности; равенство является одной стороной этой солидарности.

Основное препятствие на пути осуществления равенства, следовательно, на пути прогресса, составляют касты. В истории следуют один за другим три режима каст: режим каст семьи, режим каст родины, режим каст собственности. Преодолевая ту форму каст, которая имеет в основе собственность и которая создана феодальным порядком, равенство должно стать подлинным равенством; оно объединит всех людей в едином и общем праве³. Таким образом, подлинное равенство возникает после трех фаз неравенства. Выход из режима каст - выход из рабства к свободе. В настоящий момент человечество находится между двух миров: миром неравенства и рабства, который заканчивает свое

существование, и миром равенства, который начинается. Свободное общение со всем человечеством составляет интерес и право индивида.

Деление человечества на отличные друг от друга разряды, как бы они ни назывались, преступно. Сами по себе семья, родина и собственность - благо для человечества. Но из них вырастают три вида рабства; рабство, связанное с семьей, связанное с государством и связанное с собственностью. Возникший со времени вторжения варваров режим каст собственности существует, утверждает Леру, вплоть до нашего времени. Как бы конкретизируя свои суждения о смене в жизни человечества различных «режимов каст», Леру различает древний режим каст, соответствующий, очевидно, родовому строю, средний режим каст, соответствующий античности, и режим современных каст, охватывающий новую историю человечества начиная с возникновения феодализма. Нынешняя собственность, подчеркивает при этом Леру, рожденная в недрах феодальной собственности, имеет ту же природу.

Но в настоящее время последний режим каст представляет собою уже руины. Из этих руин восстает новый человек, который несет в своем сердце наставления христианства и философии. Этот новый человек видит в земле наследие всех людей. Во всех предшествовавших ему поколениях человечества он видит своих предков. Он чувствует себя связанным со всем и имеет право на все. Все подготавливается к величайшей трансформации. Человечество ищет града, основанного на братстве, равенстве, единстве. Пока эти принципы не реализованы, страдания человеческого рода будут продолжаться, все более возрастая.

Цель жизни человеческого существа, продолжает Леру, - реализовать в возможно более полной мере в единстве и общении все три аспекта человеческого бытия. Всякое родившееся человеческое существо носит в себе тип рода человеческого. Оно предназначено в своем развитии войти в общество в качестве гражданина, члена ассоциации, выполняющего ту или иную общественную функцию. Свобода - это возможность для каждого человеческого существа проявлять в обществе самого себя. Это проявление невозможно, когда человек подчинен другому человеку или эксплуатируется им. Равенство - это обеспеченная возможность для каждого индивида пользоваться теми же благами и возможностями, что и другие, без подчинения другому лицу.

Основной общественной ячейкой, по мнению Леру, должна считаться триада, т.е. ассоциация трех человеческих существ, каждое из которых наиболее полно выражает в отправлении общественной функции преобладание одной из сторон человеческой природы (ощущение, чувство, сознание). Основные органы власти состоят из триады административной, триады воспитательной, триады законодательной и т.д. Все они избираются членами коммуны и в свою очередь посылают представителей в общее правление. Центральное правление организует внутреннюю жизнь коммуны: занимается распределением труда в коммуне, содействует росту производства, организует финансы, заботится о справедливом распределении продуктов, об их производстве, о внешних сношениях.

Ступени, по которым человечество поднимается к равенству, определяются в системе Леру сменяющимися религиозными учениями. Религия раскрывалась постепенно - отсюда постепенное совершенствование рода человеческого. Эта черта является общей для всех мыслителей, воспитавшихся в сен-симонистской школе. Основы религии вечны, ее проявления меняются с прогрессом знаний. Все религии, которые последовательно сменяли друг друга у различных народов, - «преходящие и прогрессивные формы вечной истины». Религия, по Леру,- синтез достижений человечества, синтез, составляющий основу всей его практической деятельности. Не отделяйте религии от общества, говорит Леру, это все равно что отделять голову от туловища. Общество без религии - либо абстракция, либо абсурд, химера, какой никогда не существовало. Мысль человеческая едина: она и религиозна, и социальна; в ней социальная и религиозная стороны порождают друг друга и соответствуют друг другу. Бог - фундамент, база всего сущего. Нельзя понять бытие, игнорируя религию, которая служит опорой бытия и его проявлением в нашем сознании. Данной земле соответствует данное небо - и наоборот. Для того чтобы совершенствовать нас самих, человечество, мир, надо найти точку опоры в боге.

Для понимания задач прогресса, для усовершенствования человека, для усиления его власти над природой необходимо, утверждает Леру, внимательное изучение прошлого и настоящего. Точкой опоры для движения вперед служит общность человеческого рода, взаимная солидарность людей. Существует коллективное бытие человечества, выражающееся в связи поколений бывших и грядущих. Благополучие, польза, страсти, эгоизм отдельного человека не могут быть поняты вне рамок общего вопроса о соотношении человека и человечества. Пытаясь разрешить этот общий вопрос, Леру дает следующую весьма туманную формулировку положения о связи жизни индивида с жизнью человечества: наша жизнь, говорит он,- не только в нас, но и в других людях, нам подобных, во всем человечестве⁴.

Леру не признает сен-симонистского деления исторических эпох на органические и критические. Но он вводит понятие промежуточных эпох, отделяющих период господства старой религии от времени полного утверждения новой. Такова была, например, эпоха Эпикура между эпохой господства античной религии и христианством. Точно так же и теперь, полагает Леру, человечество находится «между двумя мирами: миром, который кончается, и новым миром, который начинается»⁵.

Старый мир есть средневековое общество, которое Леру, следуя за Сен-Симоном, называет теологическим и феодальным. В основе этого общества лежал, по мнению Леру, христианский «синтез», религиозная система, которую, однако, не следует отождествлять с учением Евангелия. Краеугольным камнем средневековой христианской системы была та мысль, что земля - место испытаний, как бы преддверие неба, где человек будет вознагражден за земные страдания. Человек верил, что после земной жизни его ждут небо или ад. Чем тяжелее было его положение, тем сильнее была его вера в небесную справедливость.

Будущая жизнь служила дополнением к жизни земной и возмещением за нее. Человеку было трудно вырваться из этого круга. Для несчастных земная жизнь являлась как бы переходом к жизни небесной. Вера в эти басни обуславливалась страшными страданиями земной жизни того времени. Небо и земля уравнивали друг друга. Человеческий ум, видя такую землю, не мог сомневаться в таком небе; веря в такое небо, примирялись с такой землей. Но когда эта средневековая вера умерла, должно было умереть и средневековое общество.

Разрушение средневековой веры является, по мысли Леру, результатом просвещения. Пока светское общество было невежественно, оно находилось в рабстве у духовенства. По мере того как оно просвещалось, оно приходило к сознанию, что имеет право быть свободным. Возрождение, протестантизм, философия - таковы основные фазы его освобождения. Леру весьма высоко оценивает заслуги французской философии XVIII в., ее пропаганду идей свободы и равенства, ее веру в прогресс, ее тенденцию к радикальному изменению человеческих отношений. Философы, говорит он, убедили народ в том, что короли, знать и духовенство недостойны управлять людьми, так как они не занимают среди людей первого места ни в сфере чувства, ни в сфере разума, ни в сфере труда. И наученный философами народ сверг власть короля, знати и духовенства, расчистив путь для дальнейшего прогресса. Наследство XVIII в., писал Леру, должно быть сохранено и умножено XIX веком. Но живая мысль XVIII в. должна быть освобождена от той формы, в которую она была облечена,- от скептицизма. Впрочем, Леру признавал, что в свое время скептицизм и атеизм сыграли положительную роль: они способствовали необходимому разложению старой доктрины, разрушению старых предрассудков - без этого невозможен был новый синтез.

Христианство, утверждал Леру, подняло человечество на высшую ступень, возведя его судьбу, присоединив к воспоминаниям о золотом веке в прошлом пророчество о золотом веке в будущем, когда человек вновь обретет свое счастье. Но затем общество распалось на две части, причем провозглашенные христианством принципы общности и равенства сохранили силу только для одной части, другая продолжала жить прежней жизнью. Теперь, когда первое, «религиозное», общество разрушено, осталось только одно общество, и иные принципы, проповедовавшиеся христианством столько лет, должны быть постепенно осуществлены этим единым обществом.

Христианство противопоставило нас нам подобным, противопоставило нас миру. Оно никогда не могло дать нам в боге счастье, благо, красоту, справедливость. Отсюда отрицательное отношение христиан к жизни и к природе. Отсюда их рай и их ад одинаково химеричны, ибо они одинаково находятся вне жизни. Представляя себе спасение людей вне жизни, вне природы, они и бога помещают вне жизни, вне природы. Христиане претендовали на то, чтобы победить природу в самих себе, как и в других людях, осуждая вместе с извращениями эгоизма также самый его принцип, необходимый и святой. Ибо эгоизм, осознав свой истинный интерес и свое право, требует

общения со всем человечеством полностью. Отсюда их догма о предстоящем конце мира. Отсюда двойственность власти мирской и духовной, государства и церкви. Впрочем, оговаривается Леру, время конца христианства еще не наступило. Оно должно еще совершить работу по подготовке перехода к новой системе: оно должно подготовить людей при помощи мистической общности во Христе к общности реальной. Для того чтобы выполнить эту задачу, христианство должно проповедовать не конец мира, а прогресс, совершенствование мира⁶. Христианство, Реформация, философия - таковы три акта великой драмы, приближающейся к развязке.

Современное общество распылено, говорит Леру. И оно останется таким, пока общий закон не просветит умы, не наполнит сердца. Такой общий закон должен дать новый синтез - проповедуемую Леру религию «Человечества». Идея «Человечества», утверждает Леру, лежала в основе христианства, иудаизма и всех прочих позитивных религий, как и всех позитивных философий. Это как бы определенный высший закон, отвечающий планам божества. В этом смысле древние религии и философии были поистине божественны. Бог, истинный бог постоянно обнаруживается нами в откровении вечном и наследственном. Человечество - Царь, и его век неизбежно придет. Место, место на земле, восклицает Леру, для рода человеческого!

Все страдания человечества ведут к новому синтезу, который должен его исцелить. Восстановление старого, христианского синтеза невозможно, подчеркивает Леру. Он так же непригоден, как предшествовавшие ему доктрины: платонизм, эпикуреизм, стоицизм. Мы верим в необходимость нового общего синтеза человеческого знания, говорит он, и мы не верим в реставрацию старого синтеза - христианства, ныне лежащего в развалинах⁷.

Укоренившееся почтение к христианству является одним из главных препятствий на пути к прогрессу. Леру призывает отвергнуть католицизм под любыми масками, даже если бы он пытался воплотиться в Робеспьере как законном наследнике Григория VII и инквизиции. Леру гордится тем, что ему удалось открыть религию «Человечества» в такое время, когда человечество представляется ни во что не верующим; но вера в человечество существовала в скрытом состоянии - и счастье в том, что это, наконец, понято. Среди развалин христианства и общества люди были в отчаянии. Якобинцы тщетно искали принцип, который мог бы придать обществу прочность. Это им не удалось. Но прогресс не может остановиться. Среди тьмы для нас воссиял луч света: мы возымели веру в бога, «сущего в Человечестве», в прогрессе мы обрели идеал.

Любите бога в вас и в других! - восклицает Леру. Не отделяйте бога от других существ. Бог не проявляется вне мира, и наша жизнь не отделена от жизни других существ. Индивид не является существом, изолированным от других индивидов. Живя в нормальном порядке природы и жизни, он находится в общении со всеми другими людьми, получая от них и давая им. Бытие отдельного человека неотделимо от человечества. Человечество объединяет в своем лоне меня и мне подобных. Человечество есть идеальное бытие, состоящее из множества

существований, которые сами по себе - человечество в потенциальном состоянии. Человек есть реальное бытие, в котором живет в потенциальном состоянии идеальное бытие, именуемое человечеством. Человек есть человечество в своеобразном проявлении. Человеческая жизнь - это сознание, чувство, ощущение, которые представляют результат сосуществования человека с обществом. Человечество, отделенное от нашего собственного существования, не существует. Не ищите человечество вне нас⁸. Вы исходите из человечества, вы живете в человечестве, вы живете для человечества. Человек с его чувствами создан бесконечным рядом его предков. Образованию твоего ума и твоих чувств способствовало все человечество в целом. Великие умы порождены человечеством. Они не имели бы никакого значения для будущего человечества без этой связи с ним. Человечество дает им жизнь, материалы, душу, ум, силу; оно эффективно входит во все моменты жизни человека.

Каждый человек носит в себе человечество. Если предположить, что каждый индивид вмещает в себе бесконечное развитие человечества, то возможно ли, что он проходит в человечестве без следа и без возврата?⁹ Совершенствование индивида есть совершенствование человечества.

Будущая жизнь - развитие и продолжение настоящей жизни. Мы родимся не только как порождение и наследники всех предыдущих поколений, мы сами - эти поколения. Дети, которые рождаются, имеют определенные воспоминания об их прежнем существовании. Из всего этого хода рассуждений Леру делает вывод, который давал основание многим считать его сторонником метемпсихоза. Вслед за Платоном, Декартом, Лейбницем, Леру утверждает, что это бытие, которое считают родившимся вчера и которому предстоит умереть завтра, есть вечное бытие, которое существовало раньше его настоящей жизни и которое будет существовать после ее окончания.

Новый человек получает от человечества все его характерные черты. Но он есть в то же время некий индивид, «я»; может ли быть, чтобы это «я» возникало из ничего? Излагаемую им систему Леру именует системой возрождения, которую он противопоставляет системе переселения душ. Эта система объясняет, по мнению Леру, и смутное воспоминание о предыдущих существованиях и необоснованные симпатии людей друг к другу¹⁰. Так Леру, отвергнув христианскую идею вечной жизни, приходит к выводу о бессмертии человека в лоне человечества: каждый из нас, утверждает он, возродится, но возродится в лоне человечества. Леру убежден, что эту его концепцию разделяли многие выдающиеся мыслители древнего мира: Вергилий, Платон, Пифагор, Аполлоний.

Свое учение Леру считает новой религией, которая должна сменить предшествующие. Критика, говорит он, разрушила старые формы религии, разрушила религию Моисея и христианство. Но существа религии, истины, скрытой в лоне религий, она поколебать не могла. Религия продолжает свое существование и стоит непоколебимо на руинах своих предшественниц¹¹.

До настоящего времени общество не имело религиозного принципа, теперь оно его имеет в религии человечества. «Мы не дети Иисуса, - заявляет Леру, - мы не дети Моисея, мы - дети Человечества». Основная идея новой религии - спасение на земле. Не надо отказываться от земли и от жизни, надо их усовершенствовать. Не надо думать о воображаемом рае и воображаемом аде, рай должен осуществиться на земле. Земля не есть нечто неизменное; истинное небо - бесконечная проекция нашей земной жизни.

Идея «спасения на земле» и стремление обеспечить это «спасение» для всех людей, переносивших в прошлом и переносящих сейчас земные страдания, приводит Леру к мистическому учению о «непрерывности» жизни человечества и его «единстве во времени». Каждый человек, говорит Леру, отражает в себе все общество, каждый человек есть своеобразное проявление своего века, своего народа и своего поколения, каждый человек есть человечество. Человек связан с предыдущими поколениями и с их прогрессом. Человек мыслит не сам по себе. Он мыслит так или иначе, потому что другие мыслили до него, потому что эти мысли предшественников воплотились в мире. Наши мысли детерминированы прошлым. Мы не только дети и потомство тех, кто уже жил: в своей основе мы сами - более ранние поколения. Каждый, участвуя в горестях, сопряженных с прогрессом, неизбежно принимает участие в его благих результатах. Некоторые формулировки Леру позволяют думать, что мысль о «непрерывности» жизни человека в человечестве приводила его иногда к совершенно фантастическому представлению о повторности земной жизни индивида.

«Спасение на земле» в философии Леру, несомненно, родственно сен-симонистской «реабилитации плоти». Социальный смысл обеих концепций одинаков: религия должна освятить улучшение земной жизни людей. Но «синтез» Леру близок к сен-симонистской религии и другими чертами. Леру, как и сен-симонисты, яркими красками изображает «раздробленность» сознания и деятельности современного общества. В настоящее время и социальный порядок и религиозный порядок лежат в развалинах. Иначе и быть не может. Для нас нет больше старого неба и старой земли. Наследственное неравенство отвергнуто человеческой мыслью, расовые предрассудки рассеяны. Все люди равны - таков общий клич. Догма равенства оформилась в сознании всех людей. Однако равенство не осуществлено на земле, между правом и фактом - разрыв.

Род человеческий, говорит Леру, проходит через три фазы своего воспитания: чтобы прийти к фазе равенства, он должен пройти через три формы неравенства - режим каст семьи, режим каст родины и режим каст собственности. Человек последовательно является рабом семьи, нации, собственности, чтобы прийти, наконец, к пониманию единства индивида с человечеством» как бы к универсальной касте. Порядок будет восстановлен тогда, когда воцарится равенство. Небо средних веков исчезло, верования наших отцов, идеи первородного греха, искупления и рая погребены. Но вместе с этим небом, которое освящало общество, разрушилось и само общество. Земля по-прежнему полна слез, но у

несчастных нет более утешения в представлении о небе. Мы сохранили в обществе палача, устранив духовника.

Области человеческого знания отделены одна от другой барьерами, разрушающими его естественное единство, его гармонию. Каждая из областей живет изолированной жизнью. В философии господствует сомнение, в политике - индивидуализм, искусство служит тщеславию, эрудиция - удовлетворению праздного любопытства. Все признают, что общество расплывено. Самые смелые из якобинцев тщетно искали принцип, который мог бы возродить общество, копируя античные конституции, пригодные только для маленьких республик, где граждан содержали стада рабов. Это были смешные и лицемерные пародии. Затем Наполеон пытался взять за образец средние века и монархию Карла Великого. Потом реставрация старалась вернуть страну путем компромисса с идеями 1789 г. к старым формам и монархии.

Франция пережила, таким образом, ряд печальных экспериментов. Они были совершенно бесполезны, ибо в настоящее время общество переживает эпоху, когда после разрушения старого социального порядка должен установиться новый социальный порядок, основанный на новых отношениях людей к богу и друг к другу. Дело ретроградов безнадежно: если им и удастся удержать общество на некоторое время в неподвижности, им никогда не удастся обеспечить «порядок» - в недрах общества будет продолжаться смута, моральный, интеллектуальный и материальный беспорядок. Общество будет оставаться расплывленным, люди разобщенными, пока «общая вера» не объединит их сердца. Общественный маразм не мог не вызвать потребности в новом синтезе. Поворот от анализа к синтезу знаменует приближение новой эпохи. В великие эпохи обновления, когда рушится один социальный порядок и рождается новый мир, кажется, что над землей царит дух зла. Элементы человеческой мысли, лишенные координации, хаотически борются между собой, пока новое слово, нетерпеливо ожидаемое всеми, не повелит им гармонически сочетаться. Это распад, который предшествует новой жизни, агония и смерть и в то же время предвестие возрождения.

Когда люди начинают сомневаться в том, во что они верили, когда они разрушают то, что ранее воздвигли, это называется философией. Но когда они находят решение проблемы и объединяются в этом решении, тогда философия исчезает. Философы разрушают несовершенные религии, усвоенные человечеством, - и это важный труд, труд, подготовляющий новый синтез, труд, подготовляющий религию, которая должна сменить философию. Человечество ждет слов, возвещающих о новой жизни, призыва идти на поиски нового неба и новой земли.

Грядущая религия «Человечества» должна дать обществу необходимое единство. Она должна объединить разрозненные идеи, и в этом смысле о ней можно говорить как о новой энциклопедии. Она должна объединить вокруг доктрины прогресса мысль, чувство и практику. Она должна обеспечить полное единство, примирить власть и свободу, устранить противоречие между обществом и индивидом.

II

В современном обществе царит непрерывная борьба, постоянная война, подобие той борьбы, которая в животном мире происходит между видами. Но человечество жаждет покоя в этой жизни, которая не знает покоя, жаждет устойчивого благополучия в жизни, в которой с абсолютной необходимостью царят непрерывные перемены¹².

Основной целью своих исследований Леру объявляет разрешение вопроса о том, может ли человечество быть более счастливым или, по крайней мере, менее несчастным, чем в современном обществе. Человечество, указывает Леру, живет в преддверии светлого будущего, но еще его не достигло. События, начавшиеся в 1789 г., правильно носят имя революции. Ничего подобного не было в нашей истории, все предшествовавшие кризисы не выходили за пределы социального и религиозного порядка средних веков. При всех прежних переменах мировоззрение средних веков оставалось в силе. О равенстве людей на земле даже не подозревали. Все верили в равенство перед богом и в церкви. Революция опрокинула это мировоззрение средних веков. Средневековая вера умерла. Однако Европа не освободилась от духа феодализма. Французская революция остановилась на полдороге. Действительно, в течение ряда лет в судьбах Франции наблюдались большие колебания, которые, однако, нашли свое завершение в утверждении принципа суверенитета. Этот принцип народного суверенитета - высшее выражение провозглашенного Французской революцией лозунга свободы, равенства, братства.

По мнению Леру, Сен-Симон был неправ, когда утверждал, что феодальная эпоха заканчивалась и что 1789 г. открыл новую эру. Ошибочно также утверждение Сен-Симона, будто «индустриалы» уничтожили тяготевшее над ними рабство. Это верно, говорит Леру, лишь в том случае, если под индустриалами разумеет только командиров промышленной армии. Да, обладатели богатств освободились от рабства, для капиталистов настала новая эра. Но ошибка Сен-Симона состоит в том, что он принял капиталистов за индустриалов¹³. Власть действительно перешла из рук военных в руки богатых. Феодализму действительно был нанесен удар отменой феодальных прав. Тем не менее феодализм еще жив. Старых сеньоров сменили новые, но им невыгодно признать это открыто перед лицом народа, с помощью которого они победили знать. В средние века господствовала аксиома «нет земли без сеньора». В настоящее время господствует аксиома «нет земли, т.е. орудия труда, без собственника». Собственник орудий труда уступает их трудящемуся и получает за это доход, как получали его в свое время сеньоры.

Развивая концепцию о «новом феодализме», воцарившемся с начала XIX в., Леру обнаруживал такое же непонимание сущности капиталистического способа производства, как и другие утописты его времени. Крупный капиталист, по мнению Леру, во всем похож на феодального сеньора. Он повелевает людьми, которых называют пролетариями, которые заняли место рабов и сервов. При помощи заработной платы он набирает полки тружеников, как феодальный сеньор

набирал отряды вассалов. Во время феодальных смут сеньоры вели друг с другом войну; так же и новые сеньоры ведут между собой ожесточенную войну, которая носит название конкуренции, спекулируют на взаимном разорении. И побеждает в этой войне тот, у кого больший капитал, как прежде побеждал тот, у кого больший отряд. Форма изменилась, но дух остался тот же¹⁴.

Нет никаких сомнений в том, продолжает Леру, что современная собственность есть по существу собственность феодальная. И эта новая форма феодализма, как и форма старая, пользуется защитой христианской церкви, служители которой клянутся на Евангелии в своей преданности золотому тельцу, вокруг которого пляшет современное общество.

«Я стремлюсь показать, - говорит Леру, - откуда происходит это ужасающее зрелище части человеческого рода, распинаемой другой ее частью»¹⁵. Современная эпоха выше всего почитает индустрию. Кажется, будто Бастилия была взята только для того, чтобы громадное число людей могло продавать и потреблять колбаски. Капиталистическую индустрию, закономерность ее возникновения и исторические перспективы ее развития Леру представляет себе неясно: она производит на него впечатление чего-то сходного с галерами Бреста или Тулона, где закованные народы трудятся, подгоняемые хлыстом капитализма¹⁶.

Семья, отечество, собственность, говорит Леру, - это три способа общения человека с себе подобными и с природой¹⁷. Они являются формами, необходимо присущими человеческому обществу. Но, становясь между индивидом и человечеством, они порождают расчленяющие общество касты. В современном обществе эти великие устои разлагаются под давлением меркантилизма. Каждый стал абсолютным сувереном, и все действия общества сводятся к тому, чтобы каждый оставался хозяином клочка земли, который ему доставили наследование, труд, случай или преступление. Этот порядок привел к тому, что доля одних непрерывно увеличивалась, а доля других уменьшалась.

Результат - позорное рабство 25 млн. чел. (Леру имеет в виду Францию).

В XVI в., отмечает Леру, гражданские войны велись во имя бога, с крестом в руках. Теперь они ведутся не ради вечного спасения, а ради материальных интересов. В наши дни фанатизм порождается чувствами низшего порядка. Великие слова: «порядок», «справедливость» - служат лишь прикрытием интересов лавочки. Рабочие Лиона поднимаются, чтобы защитить уровень заработной платы, - значит смерть рабочим Лиона, которые угрожают интересам лавочников! У чудовищного эгоизма лавочников в отличие от прошлого вовсе нет бога.

Прежде лавочники не задавали тон, не были законодателями. В обществе существовало отрицательное отношение к наживе, над лавочниками стояли еще знать и духовенство. Сейчас лавочники играют первую роль. У общества нет иного закона, иного принципа, кроме содействия их сделкам. Можно думать, что человечество жило и страдало только для того, чтобы прийти к царству торговцев. Иисус

изгнал некогда торговцев из храма, ныне нет иных храмов, кроме храмов торговли. Биржа заменила Нотр-Дам. Деньги - все. Буржуа вытеснил дворянина и священника.

Однако Леру, осуждая характерную для «царства лавочников» погоню за наживой, отнюдь не отрицает исторического значения борьбы за условия материальной жизни. Материальные вопросы всегда встают, по его мнению, с особой яркостью в периоды обновления, являясь одним из выражений прогресса. Требование материальных благ есть следствие всего предшествовавшего прогресса человечества. «В настоящее время, - продолжает Леру, - борьба пролетариев против буржуазии есть борьба тех, кто не обладает орудиями труда, против тех, кто ими обладает»¹⁸.

Интерес к материальным вопросам, по мнению Леру, не был чужд и христианству. Христианство противопоставило индивидуализму и рабству античного мира общность. Тем самым оно привело к упразднению рабства. В Реформации тоже был материальный стимул: изъятие земли и орудий труда у религиозного общества. Внимание к материальным вещам само по себе не должно нас ни удивлять, ни приводить в отчаяние, замечает Леру. Неправильно утверждать, слепо следуя Христу, что царство божие не на земле. Мы должны преобразить землю так, чтобы на ней царила небесная справедливость, только таким путем можно найти обетованное небо.

Человек - разум, предназначенный жить в теле. Руководящая им сила действует опосредствованно, через тело. Ни одна из самых благородных наших способностей не может проявляться без использования материальных благ. Поэтому все должны - и совершенно законно - стремиться к приобретению материальных благ. В борьбе между буржуазией и пролетариатом буржуазия, на первый взгляд, более, чем пролетариат, отстаивает идеи индивидуализма и свободы. Богатые обладают свободой и ее защищают, тогда как пролетарии настолько ее лишены, что способны идти некоторое время за тираном, который пообещает их освободить.

В борьбе за материальные блага нет ничего аморального. Она - следствие всего развития человечества. Общество не может быть основано на принципе жертвенности - это был бы абсурд. Ее нет ни у буржуа, ни у пролетариев. Одни хотят сохранить, другие достичь. Теория, выводящая законы общества, исходя из жертвенности, - ложная и опасная теория. Общество должно служить удовлетворению всех индивидуальностей, обеспечивать свободу всех. Именно эта цель способна породить и жертвенность: жертвенность для жертвенности - такая же нелепость, как искусство для искусства. Под прекрасным именем жертвы скрывается принцип авторитета, как под прекрасным именем свободы принцип эгоизма.

Людам нужен мир, а везде царят войны и вражда; нужна социальная справедливость, а везде царит случайность; говорят о свободе, а везде царят деспотизм и эксплуатация. Равенство перед законом - химера, если миллионам приходится работать без устали, не имея времени для культурного развития. Природа определяет предназначение каждого: всем вместе двигаться к общей цели, помогая друг другу. Но люди

уклоняются от пути, данного природой, борются друг с другом - и наиболее счастливые достигают своей цели, шагая по телам своих братьев. Философы не способны ориентироваться в лабиринте общественных отношений. Они говорят: миром правит случай, мотив человеческого действия - эгоизм, мы не знаем, откуда и куда идет человечество, но все эти рассуждения - свидетельство бессилия мысли.

Более детальную характеристику современных общественных отношений Леру дает на примере Франции. Эта характеристика не лишена в ряде случаев остроты и меткости. Содержащиеся в ней критические элементы служили ценным материалом для просвещения рабочих и бедноты, вопреки реакционным, утопическим идеям самого Леру. Правительство Франции, утверждал Леру, - подлинная плутократия. Франция представляет собой как бы громадную мастерскую, в которой занято 30 млн. человек, получающих заработную плату, 4 млн. мелких собственников, доходы которых едва покрывают самые необходимые расходы, и 1 млн. средних и крупных собственников (вместе с семьями). 196 тыс. отцов семейств, входящих в этот миллион крупных и средних собственников, образуют торговый дом, носящий имя Франции. Он приводит в движение 34 млн. рабочих и служащих. Эту подавляющую часть нации, говорит Леру, скрывающуюся за третьим сословием, называют пролетариями¹⁹. Выплачивая им около 5 млрд. в качестве заработной платы, фирма получает в свои руки чистый доход в 3800 млн. Во Франции нет как будто знати, нет феодализма. Есть одна лишь буржуазия. Чтобы быть последовательным, говорит Леру, нужно объявить буржуазию знатью и создать, таким образом, верхнюю палату, а из представительства пролетариата создать нижнюю палату. Ведь на самом деле буржуазия, завоевав богатство на поприще торговли и промышленности, сама превратилась в знать для своих промышленных рабов. Все представлены в палатах, кроме рабочих.

Явно преувеличенное число пролетариев в статистике Леру объясняется тем, что в основу классового деления общества он кладет то производственный признак - отношение к средствам производства, то признак потребительский. К пролетариям он причисляет в первую очередь трудящихся, не имеющих никакой собственности, но также и тех, которые не имеют собственности, необходимой для обеспечения их существования. Второй критерий позволяет ему включить в число пролетариев весьма значительную часть мелких собственников. Леру высмеивает утверждение буржуазных экономистов, будто во Франции непрерывно растет число земельных собственников. Действительно, говорит он, революция бросила труженикам в виде приманки идею земельной собственности как единственного средства их освобождения. Они стремятся к собственности, но почти никогда ее не достигают. Между трудящимися и землей стала банда спекулянтов. Когда сельскому пролетарию достается ничтожный клочок земли, его стоимость поглощает все сбережения покупателя, и он вынужден входить в долги. Этого обремененного долгами труженика вносят в списки плательщиков поземельного налога, и статистика приходит затем в восторг по поводу роста числа собственников. Между тем эти люди живут в тяжелом

повседневном труде, живут на заработную плату, у них нет доходов, они - настоящие пролетарии.

Как бы суммируя все высказанные им соображения, Леру приходит к такому определению существующих в обществе классов: мы называем пролетариями, говорит он, граждан, доходы которых не покрывают общей суммы их потребностей; мы называем собственниками граждан, доходы которых покрывают сумму 'их потребностей; мы называем капиталистами граждан, доходы которых превышают сумму расходов на существование. Следует однако, отметить, что мы встречаем иногда у Леру и иные определения пролетариата. Есть среди них и определения, основывающиеся также на роли пролетариата в производстве: пролетарии - люди, которые производят все богатства наций, обладают только поденной платой за свой труд и труд которых зависит от причин, находящихся вне их. Пролетарием, говорит Леру, следует считать всякого, кто вследствие отсутствия дохода вынужден зарабатывать каждый день на хлеб. С этой точки зрения и крестьянин - пролетарий, так как принадлежащий ему клочок земли обеспечивает ему существование только в результате тягостного повседневного труда. Франция, в которой живет 34,5 мл. человек, засчитывает, таким образом, 30 млн. пролетариев. Как известно, продолжает Леру, земля дает доход лишь в зависимости от тех средств, которые можно вложить в ее обработку. В распоряжении сельского труженика, который неблагоразумно становится собственником, нет таких средств. Но приходит неожиданная беда: болезнь, неурожай, и наш несчастный собственник, не будучи в состоянии оплатить свой долг, попадает в лапы более состоятельного соседа, который, конечно, воспользуется случаем, дающим ему возможность отобрать у бедняка его собственность.

Нет никакого сомнения, утверждает Леру, что французский народ - прекрасный народ, но богатым народом, счастливым народом его не назовешь. Около 20 тыс. собственников обладают всем французским капиталом. Во Франции из 34,5 млн. человек 4 млн. мужчин и женщин заняты в мануфактуре, торговле и сельском хозяйстве, которые могут существовать только на заработную плату, рискуя в противном случае впасть в полную нищету. Необходимо отметить, что Леру поистине одержим страстью к разнообразным статистическим сведениям, характеризующим состав французского населения с различных точек зрения, не всегда друг с другом согласующихся.

Мануфактурного населения во Франции почти столько же, сколько в Англии. Но английская промышленность имеет несравненно более обширные рынки. Объем французской внешней торговли не составляет и половины английской. Англия, которая с тем же рабочим населением производит больше, имеет меньше настоящих бедняков, так как там больше занятых рабочих²⁰. Леру не видит, однако, значительной разницы между экономическими порядками современных ему Франции и Англии. Английская конституция, говорит он, - результат феодализма и является не чем иным, как продолжением этого феодализма под парламентарной формой. Это своеобразный вид правительства, основанного, как и французское, на неравенстве.

Леру констатирует, что число пролетариев со времени Французской революции значительно возросло, а их положение ухудшилось. Отмена цеховой системы и промышленной регламентации вызвала увеличение числа рабочих всех профессий. Введение машин, позволивших привлечь к производству женщин и детей, послужило толчком к дальнейшему ускорению этого процесса. Ожесточенная конкуренция между рабочими, конкуренция машины и рабочих неизбежно должны были привести к снижению заработной платы. По вычислениям Леру, рабочий в 40-х годах XIX в. получал за семь дней столько, сколько рабочий до революции за шесть. «Все богатства, все товары мира представляют собой в основе человеческий труд, более или менее конденсированный человеческий пот»²¹.

Если большая часть народа, производящего все богатства, живет в крайней бедности, то, очевидно, его обкрадывают. Да, заявляет Леру, нас, тружеников, рабочих, пролетариев, несомненно, обкрадывают капиталисты, те, в чьих руках находятся орудия труда. Так как ничто не может быть произведено без орудий труда, то их владелец заставляет своих братьев платить ему налог за пользование ими. Собственники орудий производства присваивают себе весь продукт труда пролетария, выплачивая ему лишь заработную плату, уровень которой определяется тем, что необходимо рабочему, чтобы не умереть в процессе труда.

Через несколько поколений, говорит Леру, люди будут смотреть с сожалением на Францию XIX в., которую иногда изображают как высшую ступень цивилизации. Они будут думать о ней с той же печалью и с тем же отвращением, с каким мы думаем о средних веках или о времени разложения Римской империи. Видя массы пролетариев, лишенных всего, в стране, которая 5-10 лет назад написала на своем знамени священное слово равенство, они не поймут этого противоречия, как мы не понимаем античного рабства.

Центральной проблемой современности Леру считает проблему капитала, закону которого подчинено все производство. Научное определение капитала у Леру, разумеется, отсутствует. Чаще всего он называет капиталом орудия производства. Но надо отметить, что иногда он приближается к пониманию капитала как общественных отношений: «Капитал есть право извлекать доход... из накопленного богатства без участия в его применении». Его завещает нам прошлое, развитие науки, последовательные изобретения человеческой мысли. Он произведен предшествующей работой для целей производства. Название «капитал» (от *caput* - «голова») мало подходит для обозначения этого выражения колоссальной социальной мощи, проявляемой всеобщим объединением человеческих усилий во времени и в пространстве.

Леру понимал, что неизбежным следствием господства капитала является классовая борьба - борьба пролетариев против буржуазии, тех, кто не владеет орудиями труда, против тех, кто ими владеет. Он возмущался теми, кто считал владычество капитала самым мирным режимом. Эти люди видят мир там, где идет жестокая война, они не видят той битвы, которая происходит на всей поверхности земного шара и в которой капитал всегда побеждает. Социальный вопрос касается всех

классов, но с точки зрения политической - это прежде всего вопрос, затрагивающий пролетариат. Общество резко делится на третье сословие и на пролетариат. И этому делению соответствуют две доктрины: с одной стороны, индивидуализм, а с другой - доктрина ассоциации, организованного равенства, доктрина Французской революции²². В этой борьбе двух классов и двух доктрин Леру занимает совершенно определенную позицию. «Я - за рабов против господ, - заявляет он, - за слабых против сильных, за бедных против богатых»²³. Анализ истории и недавнего прошлого показывает, по мнению Леру, что уничтожение привилегий знати есть предвестие уничтожения привилегий буржуазии, шаг к возвышению пролетариата. Логика событий требует возврата к революционной традиции, которая, утверждает Леру, несет в себе идеи не только XVIII в., но также христианства и предшествовавших ему религий.

По мнению Леру, противником борцов за равенство является не старый режим, не разложившаяся знать, а буржуазный класс, составляющий значительную часть нации, держащий в своих руках и землю, и индустрию. Это то самое третье сословие, которое вызвало к жизни Реформацию, затем философию, а затем революцию²⁴. Этот класс поддерживает доктрину индивидуализма - и в силу своих интересов, и в силу своих настроений. Государство - только жандарм, охраняющий его ренту и его привилегии. Революция, направленная против такого класса, была бы настоящей гражданской войной. Чтобы действительно победить такой класс, надо морально преобразовать и его, и пролетариев - народ, который живет идеями, созданными высшими классами. Это моральное преобразование неизбежно, заявляет Леру, оно уже происходит. Равенство уже провозглашено и в сфере разума, и в сфере чувств, и в сфере деятельности. Современное общество не имеет иной догмы, кроме догмы равенства²⁵. Пусть этот принцип пока еще не осуществлен, пусть пока еще царит неравенство, лишь прикрываемое словами о равенстве. Конечная победа признанного теоретически принципа неминуема. Как бы медленно ни происходило движение к будущему, во всяком случае общество вступает в новую эру; законы, основной тенденцией которых был индивидуализм, отныне будут иметь своей руководящей идеей ассоциацию как форму осуществления принципа равенства.

Леру понимает историческое значение революций, их неизбежность при известных условиях, их плодотворность. Спасение неоднократно приходило к человечеству в результате революций. Кризисы и революция предшествовали установлению христианства. Конечно, оговаривается Леру, спасительны не сами революции. Но они приводят к пониманию основного принципа жизни общества, как лихорадка - к выздоровлению организма²⁶. Казалось бы, что, исходя из этих рассуждений, Леру должен был в конце концов прийти к идее революции как средства осуществления проповедуемого им строя «организованного равенства». Но этого шага он не делает. Существует, заявляет он, два пути к равенству: путь взаимного согласия и гармонии и путь раздоров и анархии, путь распада общества. Из этих двух путей Леру, как истинный эпигон сен-симонизма, предпочитает первый. Великие социальные

синтезы, утверждает он, создаются всеми, а не несколькими, путем непрерывного прогресса, а не путем катаклизмов.

Буржуазия во времена господства знати олицетворяла прогресс, а ныне ее правление означает застой. Мы можем утверждать, что интересы двух классов, пролетариата и буржуазии, разошлись, что обнаружилось уже в период Реставрации. Но это вовсе не означает, что их интересы полностью антагонистичны, что прогресс, необходимый для сохранения общества, не может быть куплен иной ценой, кроме гражданской войны. Надо предоставить обеим борющимся силам возможность мирно соперничать за власть в легальных условиях и устанавливать законы по взаимному согласию.

III

Книга Леру «О плутократии» посвящена главным образом анализу и критике современных ему экономических отношений. В заключительной части книги Леру пытается выявить закономерность возникновения этих отношений. Мальтус, говорит он, утверждает, что они основаны на законе природы, согласно которому человек, появляющийся на свет, когда все места в нем уже заняты и когда его семья лишена средств, чтобы его содержать, а богатые не нуждаются в его работе, не имеет права на какую-либо долю питания; он действительно лишний в этом мире. Леру вместе с Годвином решительно отвергает эту теорию природного происхождения социального неравенства. Оно возникло не в силу закона природы, а в силу искусственного закона, передавшего все богатства земли людям чистого дохода. Некогда господствовали духовенство и воинство. Затем появились богачи, достигавшие власти с помощью торговли, ростовщичества и иных источников наживы. Еще ниже стояли бедняки, рабы. С тех пор мир значительно изменился. Нет более правителей-воинов, говорит Леру, я не вижу дворян, я вижу богатых. Я не вижу духовенства, монастырских орденов, церкви, я вижу богатых. Кто некогда управлял государством? Благородные и жрецы. Кто им управляет теперь? Богатые. Мы живем при плутократии. Нужно политическим путем изменить этот экономический закон, вырвать руководство политикой из рук обладателей чистого дохода. Если существующий порядок вещей должен сохраниться, то я предлагаю, заявляет Леру, заменить культ Иисуса культом бога Плутос²⁷.

Полемике о мальтузианстве посвящена также значительная часть следующего произведения Леру - «Мальтус и экономисты».

Мальтузианство представляется, по-видимому, Леру наиболее ярким за последние десятилетия выражением экономической теории, служащей задачам реабилитации буржуазного порядка. Менее 50 лет, говорит Леру, прошло между подвигами наших отцов, деятелей Конвента, между выступлениями Сен-Жюста, который перед всем миром разоблачил современного Карфаген, и нашей эпохой, когда сама Франция карфагенизировалась, когда неогрантизм проник во французскую экономику и овладел французским правительством.

²⁷ Плутос (Аид) у древних греков был богом Подземного царства и в то же время считался богом богатства.

Внешне и в экономической, и в политической жизни произошли громадные изменения. Оружие феодальных сеньоров заменили деньги. Деньги стали орудием завоевания. Банкир заменил феодала, золото заменило железо и пушки. Но по существу все осталось по-прежнему. Нажива всегда есть война, и банкир, который завладел тем, что должно было принадлежать рабочему, делает лишь в другой форме то же самое, что делал феодальный сеньор, который с высоты своей башни принуждал людей труда становиться его дашгаками. Зло осталось тем же злом, изменилось только его название. Говоря словами Гоббса, человек человеку волк^{***}. Нажива, доход, барыш - это такое же воровство, как завоевания и грабежи, которые оно допускает.

Со времен падения Римской империи, с установления феодализма мы наблюдаем в обществе развитие каст собственности, лишь теперь завершающееся. Совершенно ясно, что собственность, установленная ныне, есть продолжение феодализма и в некотором отношении пародия на завоевания средних веков, что не мешает всему миру твердить, что революция 1789 г. отменила полностью и радикально феодальные права²⁸.

Третье сословие, победившее в революции с помощью всей нации, отнюдь не считало своей задачей продолжать дело варварского завоевания и быть завершающим звеном феодализма; но оно хвасталось, заявляя, что победило феодализм, тогда как на деле победило лишь самую древнюю форму феодализма. В этой связи представляет известный интерес полемическое выступление Леру против раннего сен-симонизма. Сен-Симон, пишет Леру, пока его не просветил свет истины и пока он не встал на путь «нового христианства», был проникнут ошибочной верой в индустрию. Он полагал, что власть жрецов и знати свергнута и что настала эра власти капитала. Богатство завоевало мир. Но это вовсе не было победой индустрии.

Подлинные представители эры индустрии - те, кто прилагает свою моральную, интеллектуальную и физическую силу к природе, источнику всего производства, используя для этого те орудия труда, которые человек сумел вырвать у природы, чтобы принудить ее повиноваться человеку. Нельзя считать индустриалами тех, кто имеет лишь некоторое отношение к производству предметов индустрии и к их обращению. Сен-Симон, бесспорно, ошибся, приняв их за истинных производителей.

*** Выражение «человек человеку волк» (*homo homini lupus est*) впервые встречается у римского комедиографа Плавта в комедии «Ослы». Т. Гоббс употребляет его для характеристики отношений между людьми в эпоху «естественного состояния».

По существу представление об индустриалах у Леру ближе к понятию пролетариата, чем у Сен-Симона. Современный пролетариат, заявляет Леру, - это трансформация античного рабства и средневекового серважа. Историческая задача индустриалов состоит в том, чтобы уничтожить рабство, которое над ними тяготеет. Но принцип индустриализма не так враждебен принципу феодализма, как обычно полагают. Англия феодальна, насквозь феодальна, но в то же время она индустриальна, индустриализм там царствует. В Англии можно видеть антагонизм между двумя видами собственников: обладателями капитала-земли и обладателями капитала-товара. Они жили в течение веков в полном согласии и руководствовались^{****} в сущности одним и тем же принципом, вплоть до двух революций^{****}, после которых им не удалось создать правительство, способное на равных началах обеспечить их интересы.

В средние века существовало два принципа, вызывавших осуждение со стороны христианства, - принцип завоевания и принцип наживы. В сущности, как уже было сказано, эти два принципа весьма близки один к другому; это две соперничающие формы одного и того же зла, две формы человеческого эгоизма, одна из которых уничтожила другую. Захват богатств теми, кто обладает чистым продуктом или капиталом, обеспечивающим им монополию на производство, эквивалентен войне, есть война²⁹.

Мальтус утверждает, будто сама природа осудила людей, оказывающихся лишними для жизни. Это неверно. Их осуждает капиталистическая индустрия. Природа сама по себе не является ни благотворной, ни вредной; она хранит в себе неизмеримые сокровища - и только. Задача человека состоит в том, чтобы извлечь их и использовать для своих нужд. Именно для этой цели и организовалось человеческое общество, ибо победить природу отдельный человек не в состоянии; ее может победить лишь ассоциация.

Суммируя все, что говорит Леру о кастах собственности и о феодализме, можно прийти к тому выводу, что для него феодализм есть как бы первая ступень каст собственности и что современную фазу, как фазу капитала, отделяет от фазы завоевания Французская революция 1789 г.

Капитал в различных его формах существовал и в средние века. Единственное значительное хозяйственное преобразование за это время состояло в том, что капиталисты-индустриалы, третья из каст средних веков, сделали деньги господствующей силой. Так в конце концов восторжествовал дух эгоизма, который христианство всегда именovalo царством Антихриста. Третья каста из каст собственности, каста капиталистов, заняла место знати и жрецов.

Единственная истинная экономическая наука, по Леру, содержится в Евангелии. Та наука, которую именуют ныне политической экономией, -

**** Имеются в виду Английская буржуазная революция 1640-1660 гг., покончившая с абсолютизмом, и так называемая «славная революция» 1688-1689 гг., после которой в Англии установилась конституционная монархия.

ложная наука. Ничто не может столь противоречить Евангелию, как собственность, которую проповедует экономическая наука. Эту ложную собственность христианство всегда проклиняло под именем капитала и ростовщичества, наравне с идолопоклонством. Основное положение экономистов, сформулированное Мальтусом, гласит: при существующем плодородии земли недалек тот день, когда люди будут вынуждены поедать друг друга, в случае если какое-либо препятствие не задержит роста народонаселения. Основное повеление христианства - творить добро, а существующая политическая экономия отправляется от эгоизма и восхваляет его. При этом она забывает сказать, что именно эгоизм препятствует росту средств существования и обрекает на смерть детей бедняков. В противоположность христианству политическая экономия осуждает милосердие. Ничто, как бы говорят экономисты, не спасет того, кто родился без заявки богатых на его рождение. Ничто не поможет тому, кто, появившись на свет, окажется без работы. Христианское милосердие, утверждают мальтузианцы, вредно для богатых. С ростом милосердия растет число пользующихся им бедных, но не увеличивается число богатых. Следовательно, не растет число людей, ибо кто не богат - не человек.

Христианство, продолжает Леру, опирается на веру в спасение человечества. Политическая экономия отрицает возможность его спасения. Согласно политической экономии, человечество навсегда приговорено ко злу. Политическая экономия не признает вечного чуда, которое признает Евангелие,- чуда роста средств существования в условиях сообщества, ассоциации, возврата человечества к единству. Капитал создает неодолимую преграду между естественной потребностью человечества в развитии и возможностью для человечества это развитие осуществить. Капитал монополизирует в своих руках средства производства, он препятствует росту производства пропорционально росту потребностей.

Человечество ныне доведено до совершенно безнадёжного положения, и тех, кто довел человечество до этого, следует считать подлинными преступниками. Существующие правительства совершенно об этом не заботятся. Они видят свою задачу исключительно в том, чтобы задерживать прогресс человечества, придавая человеческой смерти - вернее, тому, что спартанцы называли охотой за илотами,- более пристойный, научный вид³⁰.

Собственность, которую провозглашают экономисты,- это капитал, ложная собственность, злоупотребление собственностью. С исторической точки зрения капитал - то же ростовщичество. Как злоупотребление собственностью, он преступен. По существу между капиталом и ростовщичеством нет никакой разницы.

По мнению экономистов, говорит Леру, в мире всегда существует излишек населения. Убыль населения они считают явлением нормальным и необходимым. Это естественное приспособление населения к спросу на него со стороны богатых. В действительности же постоянство численности населения и в еще большей степени его уменьшение - убедительное свидетельство того, что данный народ

несчастен. Рост же человеческого рода, наоборот,- признак его процветания. Позиция, которую занимают в этом вопросе экономисты, - совершенно естественная позиция собственников капитала. Но это нападение экономической науки на величайший закон религии нечестиво. Проповедуемые ими прогрессии вовсе не являются истинными законами природы. Истинная собственность, по мнению Леру, резко отлична от капитала, она необходима и справедлива; капитал же всегда несправедлив и гибелен. Экономисты боятся при этом высказывать одно положение, которое, однако, вполне очевидно. Если может происходить некое накопление средств существования, то это накопление поглощается целиком капиталом, т.е. отнимается у человечества в целом, превращаясь в то, что называется аккумулированным богатством, приносящим доход своему собственнику. Для всего прочего населения этот прирост не дает ровно ничего. В конце концов экономисты утверждают, что не может быть иной организации общества, кроме той, которая основывается на господстве капитала, сосредоточенного в частных руках, что производство не может быть лучше организовано.

В переживаемое нами время, пишет Леру, все дворы и все правительства преклоняются перед капиталом, ставшим земным божеством. Судьбы нации попали в руки ростовщиков, именуемых капиталистами. Присвоенное владельцам собственности без какой-либо затраты труда право наращивания дополнительного имущества на имущество существующее есть не что иное, как право сеньора³¹.

Рост влияния Евангелия среди всех классов и во всех странах, считает Леру, вполне естествен, ибо в зерне евангельской проповеди лежит святая философия. Христианство, по Леру, всегда проповедовало гармонию между богатым и бедным. Цель христианства, как и всякой религии,- установление равенства и братства. Страсти людей сами по себе могут обращаться как к добру, так и ко злу. Истинное несчастье наше - в нашем невежестве. С точки зрения одного из основных положений христианской доктрины, проповедь Иисуса приводит к освобождению человечества от тяготеющего над ним первородного греха. Но почему же в таком случае первородный грех все еще продолжает тяготеть над человечеством, столь тяжко отражаясь на его судьбах? Ясно, что первородный грех будет существовать до тех пор, пока в мире будут существовать богатые и бедные. Разве не правда, что Христос пришел на землю снять пятно греха? Если он его смыл, то его больше не существует. А если вы говорите, что при действии закона благодати последствия вашего греха вечны, то тем самым вы отрицаете вашу доктрину искупления рода человеческого. Первородный грех - разделение людей. Искупление этого греха есть их единение в сообществе.

Касты порождают страдания человечества. Спасение от этих страданий - в единстве. Так философия открывает благодаря свету разума, откуда истекает зло на земле и каковы средства его уничтожения. То зло, которое относится к ощущению, имеет своим основным источником собственность. То зло, которое относится к чувству, имеет главной причиной семью. То зло, которое имеет

отношение к знанию, происходит от несовершенства общества или города.

Государство есть проявление важной части нашей натуры, но все же оно является причиной зла. Бесконечные несправедливости и жестокость - зло, вызываемое государством³².

Историю цивилизации, говорит Леру, тклет кровожадный паук - деспотизм. Этот паук питается кровью человечества. Внутри рода человеческого, разделенного на нации, возникает борьба. Установление на этой основе каст родины происходит в средние века. Рост каст родины повел к ослаблению каст семьи - каст восточных. Человеческое единство проявило себя у людей, хотя и не полностью, в Греции и в Риме под именем родины и республики. Вот почему эта фаза бросила такой яркий свет на последующий период. Но это единство, например Римской империи, было установлено ценой своеобразного дуализма: варвары и римляне, победители и побежденные, господа и рабы.

Существование Греции и Рима оправдывалось тем, что они являлись шагом вперед в развитии человечества к высшей цели, к единству, к сообществу. Таким же шагом было завоевание Римом варварских земель, хотя для самих римлян оно было простым захватом. Рим кончил тем, что стал преследовать слово, которое хотело открыть ему истину, стал жестоко преследовать христиан*.

Миру еще не раз придется выступать против каст, возникающих на основе государства. Но может быть, неизбежность зол, поражающих человеческое существование, происходит от недостатков человеческой природы? Нет, и это доказывается сокрушением каст семьи, тем, что человечество восприняло лозунги нрав человека - свободы, равенства, братства. Вслед за католицизмом и философией Просвещения, вслед за Французской революцией и империей, которая повсюду разнесла принципы Франции, возникло единство, которое не обрело еще материальной организации, но которое ее когда-нибудь получит. Это будет Европейский союз, всеобщий дух Европы, который создает родину повсюду, где человек сражается за справедливость, истину, свободу, за братство и равенство. Мы вступаем в эру, когда от одного конца Европы до другого, как в одном отечестве, справедливость будет сражаться против неравенства, истина - против заблуждения, свобода - против деспотизма³³.

В конце книги Леру вновь возвращается к вопросу о собственности и моральной оценке различных ее видов. Можно представить себе собственность как некое единство, как нечто, составляющее общественное достояние. В таком случае собственность каждого станет общественной функцией. Этот порядок следует назвать благом. В подлинном смысле слова собственностью называется обыкновенно собственность в разобщении, во зле, точно так же семья, взятая в своей общности и единстве, представляет собой благо; семья же в разобщении, в разъединении, называется кастой, или знатью. Государство в своей общности является богом, человечеством в зародыше, и называется cite, или отечеством. Государство в разъединении, во зле называется империей, династией и т.п. Человечество находится на последней стадии

прогресса в отношении этих форм нашей природы (семья, собственность, государство), которые вначале проявляются во зле, но затем прогрессируют к добру. Семья породила первую эпоху человечества - эпоху каст семьи, или примитивную античность. Государство - вторую эпоху, эпоху каст родины, или среднюю античность. Собственность породила средние века, или феодализм, который проявляется еще и сейчас и является эпохой каст собственности. Сначала раб семьи, затем раб государства, человек ныне раб собственности. Человечество, или, вернее, заключенное в нем божественное слово, стремится избавиться от этого рабства, чтобы выйти на свободу. Мы находимся ныне между двумя мирами: миром проявления нашей природы во зле и миром проявления ее в добре. Все несчастья, от которых стонет ныне Европа, проистекают главным образом от каст собственности, от дурной организации одной из законных сторон нашей природы. Человек, как правильно сказал Руссо, вышел из рук природы хорошим. Зло не есть сущность творения. Человек, эманация божества, должен проявиться сначала во зле, чтобы затем совершенствоваться, приближаясь к богу. Мы все заключены в одном и един - во всех. Мы живем общей жизнью; общность - в основе нашей природы. Наш закон повелевает нам любить друг друга. То, что религия называет искуплением, с точки зрения философии является способностью к совершенствованию.

Наши потребности и способности проявляются в трех формах - семья, отечество, собственность. Эти формы способны к совершенствованию: вначале они проявлялись в несовершенстве и зле, вне солидарности и вне общности. Но мы находимся уже в конце феодальной эпохи. Что же мы должны делать? Следовать Евангелию и совершенствоваться в духе общности, символом которого является общность христианства³⁴.

Деятельность, направленная на удовлетворение человеческих потребностей, является работой и создает соответствующие ей отношения, которые не должны нарушаться. Центральным понятием Леру в его анализе производственных отношений является уже упоминавшийся принцип ассоциации. Именно человеческая ассоциация в процессе работы извлекает пользу для себя из бесконечного плодородия природы и от работы, выполненной всем человечеством с первых лет его существования вплоть до настоящего времени. Ассоциация дает каждому индивиду через его участие в общем наследии и через работу средства обеспечить себе жилище, пищу и одежду. Каждый и все имеют право и обязанность выполнять в обществе одну из функций. Каждый и все имеют право на собственность. Собственность есть естественное право каждого пользоваться какой-либо определенной вещью в соответствии с законом, регламентирующим собственность.

Общество, коллективная среда - поле деятельности каждого человека. Это тот центр, из которого человек заимствует знание, которое он применяет, инструменты, которые он использует, предмет, который он трансформирует, - словом, все условия своего производства. Социальная среда вмешивается во всякий процесс производства в качестве владельца рабочих инструментов и сырья, в качестве вдохновителя и

распределителя. Работа содержит и питает общество материально, морально и духовно. В процессе работы крепнет ассоциация. Совместное участие в работе укрепляет узы ассоциации между рабочими, артистами, учеными.

Первое условие работы представляет собой прошлое; в нем сосредоточена наука, последовательные изобретения человеческой мысли, традиция. Это предмет, видоизмененный предшествующей работой в целях изготовления новых предметов. Это условие является выражением огромного социального могущества, так как оно обнаруживает универсальную ассоциацию людей во времени и в пространстве. Это условие неправильно называлось капиталом. Социальная сила, которой оно обладает, ныне в результате завоеваний и феодальной системы сосредоточена в руках нескольких частных лиц. Это можно объяснить только тем, что у нас не существует права, основанного на равенстве, братстве и свободе. Точно так же частным лицам предоставлены у нас кредит и торговля. Распределение товаров и рабочих инструментов должно принадлежать особой административной власти. Производство должно удовлетворять настоящие потребности и учитывать грядущие. Оно должно поддерживаться на одном уровне с потреблением. Формула вознаграждения за труд в нормальном обществе - тройственная и единая: каждому по его способностям, каждому по его труду, каждому по его потребностям. Способности определяют характер работы, завершенная работа определяет досуг, потребности определяют получаемые продукты.

IV

В 1848 г. Леру издал небольшую книжку, излагающую в популярной форме ряд основных положений его социального учения³⁵. Некоторые уже известные нам положения он здесь, естественно, повторяет, некоторые излагает более доступно. Во всяком случае рассматриваемое произведение Леру представляет особый интерес даже для тех, кто изучал другие его сочинения.

Подлинный творец всего национального богатства, пишет здесь Леру, - народ. Мы, т.е. народ, производим все вещи. Только мы вознаграждаем деятельных и кормим праздных. Правители, богатые не осуществляют даже контроля над трудом. Они, конечно, берут нечто из национального дохода, но то, что они берут, - это доля, изъятая из общего труда нации. Народ - источник всех богатств, и если он тем не менее беден, то это означает лишь то, что он ограблен. Мы, трудящиеся, по существу ограблены. В результате человеческого невежества немногие сумели овладеть науками, искусствами, всем, что изобрел человек. Когда нетрудящиеся соглашались дать трудящимся орудия труда, они это делают только в целях собственной прибыли. В этом смысле они нам действительно платят, но платят они нам злом, а кто дал им право платить нам таким образом? Эти люди, которые посредством своего капитала распоряжаются производством, по существу только чиновники государства, но они отличаются от прочих чиновников тем, что государство предоставляет им право самим устанавливать свое вознаграждение. А мы, подобно солдатам, отданы на их произвол.

Как это могло получиться? Надо, чтобы богатым кто-то платил за их заботы. Государство им не платит, значит им платим мы. Но мы можем платить им лишь своей работой; следовательно, мы работаем, а они пожинают плоды нашей работы. Вот и вся тайна современного общества. Для нас плоды нашего производства оказались заработной платой.

Исследуя в указанной книге собственность, Леру различает в ней два вида: собственность как право на продукт собственного труда и собственность как право на продукт чужого труда - ложная собственность. Собственностью считалось некогда право хозяина на своего раба, право феодала на своего вассала. Наконец, теперь существует подлинная собственность - собственность раба на свою личность, собственность вассала и серва на свою свободу, собственность трудящегося на свой труд.

Все произведенное неделимо до тех пор, пока его не разделит на части справедливость. Сколь безрассудны те, кто, внося в работу только часть, которая не только им принадлежит, но исходит от бога и от человечества, объявляют своими не только орудия, которыми нечто произведено, но и то, что произведено этими орудиями. Как если бы это орудие, которое имеет коллективное происхождение, не было для них общим; как если бы закон, орган всеобщей ассоциации, не был необходимым, чтобы гарантировать использование этого орудия; как если бы, кроме того, работа их братьев - пролетариев, а затем их собственная не вступила в процесс производства и не сделала его неделимым до того момента, пока его не разделит равенство.

Человек имеет потребность в собственности, человек имеет право на собственность. Собственность - это право каждого человека пользоваться и располагать частью благ, которую ему гарантировал закон. Следовательно, право на собственность существует лишь постольку, поскольку оно существует для всех. Оно существует только через общество. Собственность отнюдь не основана на праве первого захватчика, т.е. на силе и случае. Она - законное действие нашей личности, нашей свободы. Она является как естественной, так и необходимой для человека. Но необходимо лишь право собственности в абсолютном смысле. Что же касается применения этого права, то оно зависит от человеческой ассоциации. Из этого следует, что собственность в наше время должна уже принять иную форму.

Современные формы собственности - результат варварского завоевания. Люди разрушили конкретные феодальные права, но феодализм остался. Триста лет, обращается Леру к труженику, ты был сервом, рабом человека в доспехах; сейчас этот человек, капиталист, не в силах носить железные доспехи, но ты остаешься рабом в не меньшей степени. Не существует более воздвигнутой на горе крепости, которая господствовала над тобой; господствующий над тобой буржуа сделал своей крепостью несгораемый шкаф. Общество представлено двумя типами - богатым и бедным. Первый имеет в своем распоряжении накопленное богатство, орудия и аванс. Его сосед имеет разум и силу. Когда первый испытывает какую-либо потребность, сосед предлагает ему свои услуги для удовлетворения этой потребности. Дайте мне займы

ваши орудия, говорит он праздному, я произведу нечто, чтобы удовлетворить ваши потребности и кое-что сделать для себя. Именно то, что один из них дает, а другой - берет, носит теперь название собственности, или капитала. Собственники в действительности спекулируют своими богатствами: авансами, рабочими орудиями. Пролетарии имеют только зарплату, и эта зарплата всегда сводится к такому минимуму, чтобы не дать пролетарию умереть с голода и заставить его работать. Каждый день, каждый час приближает нас к еще более ужасающему неравенству, чем нынешнее; чистый доход непрерывно растет, а зарплата непрерывно уменьшается.

Капитал, основанный в Европе после варварского завоевания, есть по существу феодальный капитал. Феодализм был введением во владение рабочими орудиями до варварского завоевания. А индустриальный капитал есть введение во владение орудиями, созданными после варварского завоевания³⁶.

Производственный процесс, говорит Леру, неразрывен. Работа каждого связана с работой всех. Человеческий труд - труд непрерывный. Индивидуальной работы не существует, есть лишь объединенная работа человеческой ассоциации, проявляющаяся через индивидуальную работу. Чтобы индивидуальная собственность была поистине основана на работе, необходимо, чтобы она была равным образом распределена между рабочими. Одни утверждают, что богатство исходит от земли, другие - что оно исходит от общества, от хорошей или дурной связи между людьми, от человеческой ассоциации. Только ассоциация имеет право на собственность. Причина нашего несчастья - в дисгармонии, диссоциации, во взаимной войне, в которой находятся все члены одного и того же политического общества.

Прежде эта диссоциация называлась феодализмом, ныне - собственностью, или капиталом. Она проявлялась прежде в войне, ныне - в конкуренции. Революция прошла, как буря, а феодализм остался, ибо феодализм есть эгоизм и война. Каждый, побуждаемый ныне потребностью проявить свое право собственности, бросается на предмет, как собака на кость, и принимает этот предмет за свою потребность и свое право. Каждый находит естественным, что миллионер говорит: «это мое», потому он сам говорит о своем куске: «это мое». В определенный момент для создания данной вещи обязательно нужны бывают труд и время кого-то одного. Но всегда необходима также коллективная работа всего человечества. Индивидуальное право в сущности неразрывно связано с правом всех на индивидуальную собственность. Каждый признает неразрывность своего индивидуального права с правом всех, и, признавая это общее право, он платит тем самым десятину человечеству. Но если невежество и порок воздвигают преграду, отделяя человека от человечества, - к чему это может привести? Каждый, узаконивая узурпацию в тот момент, когда он чувствует нужду в присвоении продукта, потом представляет дело так, как будто это освящено прочным правом на присвоение этого продукта в любой момент³⁷.

Я доказал, пишет Леру в заключение, что собственность неделима в своем существе. Это вытекает из того, что производство стало

неделимым и что потребность рода человеческого, лежащая в основе производства, тоже неделима. Богатство производит весь род человеческий. Мы, человечество, есть единство. Собственность, как и производство, как и человеческие потребности, неделима. Не эгоизм, а человеческая ассоциация производит богатство. Благословенны бедные, ибо в их ассоциации, в их общей работе есть творческий закон. О, человеческая ассоциация, восклицает Леру, истинное общество, которое еще не существует, но которое некогда будет существовать! Если ты уже существуешь в зародыше в мире, если действуешь и производишь, прежде чем появиться во всем своем блеске и во всей своей славе, которая предназначена для будущего, то ты действуешь и производишь в народе бедном, в народе обездоленном, обреченном то на рабство, то на наемный труд³⁸.

Таким образом, для Леру, как и для сен-симонистов, моральное преобразование - основное условие преобразования социального. Но Леру отнюдь не разделяет безразличия сен-симонистов к политической борьбе и к политическим реформам. По своим политическим взглядам Леру примыкает к традициям руссоизма и Французской революции, внося, однако, в политическую теорию Руссо ряд оригинальных черт. Леру отвергает одно из основных соложений теории Руссо - учение об общественном договоре, противопоставляя ему свою концепцию органического единства общества. Поскольку существуют люди, существует и общество. Не может быть ни одного действия, ни одной мысли человека, которые не касались бы так или иначе других людей.

В социальной философии Леру имеются, несомненно, черты индивидуалистического воззрения. Право, говорит он, создано для индивидуума; против его суверенитета, против его права недействительно никакое иное право, его право выше права государства. Превращение государства в гидру, все охватывающую своими щупальцами, а индивида - в смиренного подданного не может быть целью прогресса и смыслом истории. Однако, с другой стороны, Леру считает неправильным сводить правительство к самым узким пределам, превращая его в жандарма собственности и наследования, а закон - в регулировщика материальных споров индивидов.

Слово «демократия» Леру пишет часто с большой буквы. Совершенство общества, заявляет он, пропорционально свободе всех и каждого. Основой подлинной демократии является справедливость, предполагающая освобождение пролетариата. Такой демократии еще не было. Она может быть организована только на почве общей морали, общей веры. Свободные учреждения - весьма важные позиции в борьбе за интересы самого многочисленного и самого бедного класса. Если бы деспотизму удалось устранить эти гарантии, прогрессу был бы нанесен тяжелый удар, а может быть, он стал бы вообще невозможен.

Существующие политические формы не в состоянии обеспечить «социальное восстановление». Основным принципом политического строя Леру признает народный суверенитет. Но что сделано, спрашивает он, чтобы организовать народный суверенитет? Ничего; наоборот, все сделано, чтобы обеспечить политическое господство богатых. Во

Францию перенесли английскую конституцию, установив две палаты³⁹, но обе палаты представляют одну и ту же аристократию богатых, монополизируя, таким образом, власть в руках одного класса.

В противовес этой системе Леру в течение некоторого времени защищал идею особой палаты, представляющей пролетариев. В дальнейшем он стал отстаивать идею всеобщего избирательного права. Необходимо, утверждал он, идти одновременно двумя путями: добиваться путем парламентской реформы возможно более справедливого представительства народа и готовить те решения, которые должно будет осуществить национальное собрание для достижения социальной цели.

Представительное правление есть, как говорит Леру, постоянное и необходимое орудие прогресса, форма, которая подлежит совершенствованию, но которая в существе своем несокрушима. Законодателем в настоящее время может быть только народное представительство. Оно призвано внедрить в республиканские учреждения принцип равенства, поставив себе целью улучшение положения наиболее многочисленного класса - пролетариата. Мероприятия, ведущие к этой цели, носят у Леру весьма умеренный характер и намечены им лишь в самой общей форме. Это охрана здоровья и заработной платы рабочих, установление для них отпусков, организация общественных работ, доступное для всех образование и т.п. Леру выражает иногда сомнения в способности демократии осуществить необходимые преобразования. Демократия, говорит он, подобна тому древнему воину, который умел выигрывать битвы, но не умел пользоваться своими победами.

Сокрушаясь по поводу того, что одни думают только о политических формах и пренебрегают социальными задачами, в то время как другие, отмахиваясь от политической реальности, взывают к мессиям и чудесам (намек на сен-симонизм), Леру осуждает тех утопистов, которые порывают с историческими традициями и «покидают большую дорогу, чтобы обосноваться в маленьких оазисах». Попытки построить внутри большого общества маленькие идеальные общества являются, по его мнению, естественной реакцией против существующего беспорядка и разложения. Нет ничего удивительного и в пояснении социальных мессий. Но не на этих путях может быть достигнуто освобождение человечества.

Нужно, однако, отметить, что, резко и подчас обоснованно критикуя «пути спасения», предлагаемые другими утопистами, Леру намечает иногда планы преобразования еще более утопические. Таков горячо защищаемый им план создания изобилия средств питания при помощи полного использования человеческих экскрементов. Этот «научный» биологический способ разрешения социальной проблемы Леру пропагандировал много лет, не раз выражая изумление по поводу того,

***** Французская конституция 1814 г. устанавливала режим конституционной монархии. При составлении этой конституции примером послужил английский государственный строй.

что никто не хочет к нему прислушаться³⁹. Иногда у Леру проскальзывала как будто мысль, что предпосылкой «преобразования» является изменение социального порядка (ассоциация). Но некоторые из его формулировок могут дать основание предполагать возможность осуществления этого спасительного плана как средства, пригодного при любых социальных условиях.

V

Представления Леру о социальном строе будущего общества довольно неопределенны. Экономисты, утверждает он, исходят из того, что производство не может быть иначе и лучше организовано, чем сейчас, что без капиталистов, без индивидуального владения капиталом не будет и богатства. Они принимают горизонт за предельную грань мира. Но капитал, понимаемый в данном случае как совокупность средств труда, всегда является плодом коллективных усилий. В каждом орудии труда заключена коллективная работа человечества, работа целых поколений. Его использование обеспечивается законом, органом общественной ассоциации. Орудие не может ничего создать без труда пролетария. Право распоряжения продуктами коллективного труда должно принадлежать обществу⁴⁰. Сам по себе капитал - прекрасная вещь, но именно поэтому он не может быть оставлен в руках эгоистов, именно поэтому он должен находиться под наблюдением и руководством общественного коллектива⁴¹. Было бы более справедливо, говорит Леру, если бы Франция действительно вступила во владение своим капиталом и открыто признала капиталистов простыми чиновниками, соответственно определив их права и обязанности⁴².

Леру первый употребил во Франции слово «социализм». Но он далеко не всегда соглашался причислять себя к социалистам, разумея под социалистами «авторитарную» школу Анфантена. Социалисты, писал он в 1833 г., приносят индивида в жертву обществу, превращают его в материал, тогда как он должен быть сам судьей своей судьбы. Анфантеновское учение Леру считал «пародией на все тирании, какие тяготели над землею». Леру относится с одобрением к содержащейся в учении сен-симонистов критике современного общества с его нищетой, меркантилизмом, всеобщим соперничеством. Но когда сен-симонисты начинают, по мнению Леру, говорить о превращении людей в полки ученых и промышленников, когда они выступают против свободы мысли, его охватывает страх перед этим «новым папством». Социальная среда должна быть организована так, чтобы обеспечить свободное развитие индивида, а не мешать ему.

Общество во имя своего блага должно охранять свободу индивида, но индивид для своего блага должен вступать в ассоциацию с себе подобными. Леру отвергает английскую политическую экономию, которая во имя свободы превращает людей в хищных волков, а общество - в совокупность группирующихся в зависимости от случайностей атомов. Если общество рассматривать как агрегат атомов, то общества нет, индивидуальность не ограничена пределами, в морали господствует скептицизм, в общественной жизни - эксплуатация добрых злыми. Для сторонников индивидуализма равенство - химера, их система приводит к

к самому позорному неравенству. Их свобода - ложь, ибо ею пользуется лишь ничтожное меньшинство. Но неверно также, что общество - все, а индивид - ничто, что индивиды - лишь подданные или чиновники, которые должны находить удовлетворение во всем, что служит интересам общества. Признав, что жизнь индивида есть функция социальной жизни, вы придете к деспотизму, утверждает Леру.

Принцип авторитета отжил свое время; на смену ему пришел принцип индивидуализма. Но уже в «Декларации прав» обнаруживается противоречие между принципом индивидуализма и принципом равенства. Борьба между этими принципами продолжается и теперь. Задача социальной науки - гармонизовать два вышеуказанных принципа. Эта цель не может быть достигнута равным разделом благ, который только увеличит и увековечит конкуренцию. Для ее достижения нужна новая организация производства. Собственность должна быть связана с человеческим трудом, должна стать социальной функцией⁴³.

Один из основных принципов социального порядка - принцип неделимости. Этот принцип господствует и в производстве. В каждом акте производства принимаем участие все мы, весь народ. Столь же нераздельный характер должна носить и собственность. Собственность не есть основа общества; наоборот, она существует лишь с санкции общества. Нелепо выводить индивидуальную собственность из потребностей человеческой природы: из потребностей человеческой природы можно вывести только право собственности для всех, или нераздельную собственность⁴⁴. Вместо права тунеядца на десятину должно быть признано коллективное право, право всех и каждого, право человечества⁴⁵. Основным принципом общества должен быть принцип солидарности, выводимой Леру из идеи социального единства. Солидарность преобразует лицо мира.

Орудия труда, утверждает Леру, должны принадлежать обществу. Общество, созданное в общих интересах и общими решениями, предоставляет каждому, в соответствии с его способностями, орудия труда и средства развития, составляющие общее наследие человечества. Каждый гражданин свободно черпает в этом источнике и создает при помощи своего труда продукт, который составляет его собственное достояние и которым он вправе распоряжаться, как ему вздумается. Леру имеет, по-видимому, в виду осуществление этого права в форме продажи продукта обществу. Общество, согласно определенным правилам, как бы дает займы индивиду средства производства.

Приведенные рассуждения Леру с особой яркостью характеризуют двойственность его классовой позиции. Тенденции пролетарские и тенденции мелкобуржуазные тесно сплетены в его сознании. Он решительный противник мелкобуржуазного «дележа» имуществ, он проповедует общественную собственность на средства производства. Но в то же время он боится общественной организации производства, боится «связывающей индивида» дисциплины. Он считает, что продукт является всегда результатом коллективного труда. Но он боится общественной организации распределения, боится нарушения права индивида на продукт его труда. Он мечтает о таком порядке, при котором не будет

более противоречий между индивидуумом и обществом, мечтает о «синтезе» индивидуального и коллективного начал. Но изображаемый им порядок с «арендой или займом» средств производства и с «продажей» продукта, конечно, такого синтеза нисколько не обеспечивает. Леру не дает детального описания своей идеальной общественной системы в действии. Мы не знаем поэтому, как должен был бы происходить «займ» сложного оборудования больших индустриальных предприятий, кто и как должен был «продавать» произведенный этими предприятиями продукт.

Утопия Леру логически предполагает ремесленное производство. Однако Леру не является врагом машинной индустрии: выступая резко против индустрии капиталистической, он почти всегда оговаривает, что индустрия сама по себе есть прекрасная вещь; он приветствует осуществляемый индустрией рост производительности труда, рост власти человечества над внешним миром. Трудно сказать, понял ли сам Леру, что его стремление к синтезу коллективизма и индивидуализма привело его в тупик.

Столь же противоречиво отношение Леру к классовой борьбе и революции. Понимая неизбежность классовой борьбы пролетариата, высоко оценивая историческое значение революции, восхваляя революционных деятелей, он противопоставляет революции некий «идеал» как средство умиротворения. Синтез революции и социального идеала для Леру невозможен. Здесь он опять оказывается в тупике, из которого находит лишь воображаемый выход при помощи своей религии человечества, при помощи учения о провиденциальном плане, осуществление которого неизбежно.

Эта двойственность, противоречивость учения Леру не случайна, как не случайно его учение о классах, включавшее в ряды пролетариата значительную часть мелкой буржуазии. Леру, как и Сен-Симон, субъективно стремился представлять интересы «самого многочисленного и самого бедного класса». Он, как и Сен-Симон, понимал уже, что в современном обществе таким классом является пролетариат. Но грань, отделяющая пролетариат от мелкобуржуазных низов, была еще очень неясна во французском обществе 30-х годов XIX в. В той пестрой плебейской массе, которую Леру именовал пролетариатом, происходил процесс образования подлинного пролетариата, намечались ростки новой, пролетарской идеологии. Но наряду с новым в этой среде еще пользовались весьма глубоким влиянием идеи и настроения, характерные для низов мелкой буржуазии. Эта неразвитость социальной базы и нашла свое отражение в учении Леру. Мелкобуржуазные тенденции доминируют во всем его построении.

Пропаганда Леру с ее реакционной мистикой, с ее учением о моральном преобразовании общества, о социальной гармонии могла лишь тормозить развитие классового самосознания пролетариата и в этом смысле имела, несомненно, реакционное значение. Нося на себе отпечаток определенного, переходного периода в развитии социальных отношений, идеалистическая философия Леру именно в силу этого соответствия условиям момента имела временный успех - по преимуществу среди мелкобуржуазной интеллигенции и ремесленного

пролетариата. С ростом классовой дифференциации она неизбежно должна была утратить свой эфемерный авторитет. Революция 1848 г., нанеся, как указывал В.И. Ленин, смертельный удар всем формам домарксовского социализма⁴⁶, не пощадила, разумеется, и утопической системы Леру. Во французском рабочем движении последующих лет учение Леру не имело никакого влияния.

- 1 P.Leroux. De l'Humanite. Paris, 1848, p.15, 33, 35.
- 2 P.Leroux. De l'Egalite. Paris, 1848, p.270.
- 3 Ibid., p.257.
- 4 P.Leroux. По l'Hiimanite, p.XIII, XIV, 3, 4, 5, 8.
- 5 P.Leroux. De l'Egalite, p.55.
- 6 P.Leroux. De l'Humanite, p.167, 169, 171.
- 7 P.Leroux. De la Philosophie et de Christianisme. «La Revue Encyclopedique», 1832.
- 8 P.Leroux. De l'Humanite. p.167, 200-205.
- 9 Ibid., p.205-215.
- 10 Ibid., p.216-225, 229.
- 11 Ibid., p.403-408.
- 12 P.Leroux. De l'Humanite, p.6, 15, 33, 35.
- 13 P.Leroux. Malthus et les economistes. Paris, 1848, p.28, 33, 36 etc.
- 14 P.Leroux. Le carrosse de M.Aguado. Paris, 1848, p.40-41; idem. Malthus et l'economistes, passim. ie d'Leroax. De l'Egalite, p.X.
- 15 P.Leroux. Malthus et les economistes, p.24-25, 28.
- 16 P.Leroux. De l'Humanite, p.128, 129.
- 18 «La Revue Encyclopedique», 1833, X-XII, p.98, 102.
- 19 P.Leroux. De la Ploutocratie. Paris, 1848, p.12, 27-36, 53-54, 224 sq.
- 20 P.Leroux. De la Ploutocratie, p.7-15, 18, 25-28, 37, 42, 72-75, 92.
- 21 P.Leroux. Malthus et les econoinistes, p.47.
- 22 «La Revue Encyclopedique», 1832, p.5.
- 23 P.Leroux. De l'Egalite, p.X.
- 24 P.Leroux. Discours sur la situation actuelle de la societe. 2-me discourse «Aux politiques».
- 25 P.Leroux. De l'Egalite, p.V.
- 26 P.Leroax. La greve de Samarez, t.I. Paris, 1863, p.219-220.
- 27 P.Leroux. De la Ploutocratie, p.241-242, 256.
- 28 P.Leroux. Malthus et les economistes. Boussac, 1849, p.3, 7, 8, 11, 22-23, 25-27.
- 29 P.Leroux. Malthus et les econoinistes, p.28, 29, 31-32, 38-42.
- 30 P.Leroux. Malthus et les economistes, p. 60, 62-65, 69, 73, 80, 137-139, 149, 152-159, 163-165.
- 31 P.Leroux. Malthus et les economistes, p. 170-175, 181-194, 201-206. 211- 218, 222.
- 32 Ibid., p.235-236. 249, 253-254, 268-274, 289.
- 33 P.Leroux. Malthus et les economistes, p.298-308.
- 34 Ibid., p.308-338.
- 35 P.Leroux, Le carrosse de M.Aguado.
- 36 P.Leroux. Le carrosse de M.Aguado, p.30-31, 33-35, 37-41 64 68-71.

- 37 Ibid., p.74-75, 80-83, 85-86, 99, 103-104.
- 38 Ibid., p.117-119, 120-122.
- 39 P.Leroux. Malthus et les economistes, p.218-219.
- 40 P.Leroux. Le carrosse de M.Aguado, p.31.
- 41 P.Leroux. Malthus et lee economistes, p.18-196.
- 42 Ibid., p.202.
- 43 P.Leroux. Malthus et les economistes, p.202.
- 44 P.Leroux. Le carrosse de M.Aguado, p.33 Ibid., p.99.
- 45 Во всяком случае ко времени февральской революции 1848 г. его отношение к социализму изменилось. В 1848 г. и позже он неоднократно называл себя социалистом.
- 46 См. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т.23, стр.2.

ПЕККЁР *

Вторая половина 30-х годов и начало 40-х годов XIX в.- время возникновения и деятельности во Франции тайных обществ, провозглашающих - в отличие от обществ первых лет Июльской монархии - лозунг социальной революции. Эти же годы - время появления ряда значительных произведений социалистической и коммунистической литературы: «Путешествия в Икарию» Кабе, «Кодекса общности» Дезами, «Ни дворцов, ни хижин» Пийо, «О человечестве» и «О равенстве» Леру, «Социальных судеб» и «Манифеста социетарной школы» Консидерана, первых работ Луи Блана и Прудона. На эти же годы падает расцвет литературной деятельности Пеккёра.

Константен Пеккёр (1801-1887) прошел и через сен-симонистскую, и через фурьеристскую школу. В 1830-1831 гг. он принадлежал к сен-симонистам; первые его статьи были напечатаны в сен-симонистском журнале «Le Globe». В 1833-1834 гг. Пеккёр участвовал в фурьеристских организациях и сотрудничал в фурьеристском органе «Журнал социального прогресса» («Revue du progres social»). В 1836 г. он уже отошел от фурьеризма.

В 1837 г. появилось первое значительное произведение Пеккёра - двухтомная работа «Об интересах торговли...». За нею последовали: «Des ameliorations materielles» (1839 г.), «Appelaux 240000», «О законодательстве и способе использования железных дорог» (1840 г.). «Новая теория социальной и политической экономии», «О мире», «Об армии» (1842 г.), «Республика Бога» (1844 г.). В 1845-1847 гг. Пеккёр писал в газетах и журналах («La Reforme», «L'Avenir», «La Revue independante»), участвовал в «Энциклопедии» Дидро.

* Печатается по тексту статьи, опубликованной в сб. «Исторические записки», кн.25, 1948. Пеккёру были посвящены также статьи В.П.Волгина: «Пеккёр, Константен».- БСЭ, т.44, 1939, стб.471-472; «Пеккёр после 1848 г.».- «Вопросы истории», 1948, № 4, стр.81-90.

Во время революции 1848 г. Пеккёр активно работал в Люксембургской комиссии и вместе с Видалем составил общий доклад о ее деятельности^{**}. В 1849 г. он сделал неудачную попытку издавать журнал («Salut du peuple»). В 1852 г. он покинул Париж, поселился в провинции, где и прожил в глубокой бедности почти 35 лет, не принимая более никакого участия ни в литературной, ни в политической жизни страны.

Пеккёру не удалось создать собственной школы. Его тяжеловесные, сложные по своей структуре произведения не имели широкого успеха. Круг его влияния был очень ограничен, его авторитет - по сравнению с авторитетом Леру, Консидерана и даже Бюше - был совершенно незначительным. Его систему, не привлекающую к себе большого внимания современников и основательно забытую социалистами следующего поколения, выросшего после 1848 г., извлекли из забвения в конце XIX и в начале XX в. историки, принадлежащие к правому крылу II Интернационала. Их интерес к Пеккёру не чужд идеализаторских тенденций, их привлекают в учении Пеккёра те черты, которые позволяют видеть в нем одного из предшественников оппортунизма. Такие черты в учении Пеккёра, несомненно, имеются; не заслуживая, конечно, идеализации, они заслуживают внимания и изучения. Но ими во всяком случае не исчерпывается для нас историческое значение наследия Пеккёра.

I

Пеккёр пытался определить сам историческое место своей системы. Она имеет, по его мнению, четыре исторических корня: ее моральная, духовная основа восходит к христианству и Библии; ее социальная и историческая сторона - к сен-симонизму; материальная характеристика ассоциации - к фурьеризму; политическая сторона системы, присущий ей дух равенства и свободы связывают ее с традициями Руссо и Французской революции. В другом месте, говоря о своих предшественниках, Пеккёр упоминает также Платона, Мора, Кампанеллу, Фенелона, Оуэна. Пеккёр весьма высоко оценивает заслуги сен-симонистской и фурьеристской школ. Критическая часть этих учений, по его мнению, достаточно полна. Но органическая часть требует дальнейшей разработки. В этой разработке и видит Пеккёр свою задачу, а предлагаемое им решение этой задачи считает компромиссом между сен-симонизмом, фурьеризмом и коммунизмом.

Сен-симонизм Пеккёр осуждает за его авторитаризм, за то, что он исключает индивидуальную свободу и народное представительство. Сен-симонистской неограниченной теократии, системе назначения должностных лиц сверху Пеккёр противопоставляет принцип народного избрания для всех общественных функций. Основной порок фурьеризма

Пеккёр видит в том, что он, отрицая принудительную власть, ведет к своеволию и анархии. Этой анархии Пеккёр противопоставляет принцип легального и обязательного единства действий. Наконец, в учении коммунистов он отвергает «абсолютное равенство», безусловную общность благ, выдвигая положение об «условном равенстве», о равном вознаграждении за эквивалентные функции¹. Но как бы ни ошибались сен-симонисты, фурьеристы и коммунисты, они, утверждает Пеккёр, более правы, чем их противники. Они бедны, их противники богаты; они несчастными, их противники - со счастливыми. Из своих современников Пеккёр отзывается с большим уважением о Бюше и Леру. При всех частных разногласиях с ними он признает, что они происходят из тех же моральных и политических принципов, которые лежат в основе его системы, что их общие выводы близки к его выводам.

Эта близость обусловлена не только общностью «источников», о которой говорит Пеккёр, имея в виду, очевидно, сен-симонистскую философию. В гораздо большей степени она свидетельствует об общности той социальной почвы, на которой выросло и учение Пеккёра, и учение Бюше, и учение Леру. Для этих трех «систем» характерно как общее им всем не только то, что может быть отнесено к влиянию сен-симонизма, но и то направление, в котором они от сен-симонизма отходят.

Считая себя продолжателем дела Сен-Симона и Фурье, Пеккёр ставит своей целью создание «социальной науки» или, как он часто выражается, «новой теории социальной и политической экономии». Подобно всем выходцам из сен-симонистской школы, Пеккёр признает то положение, что в истории нет ничего неизблемого. «В том, что создают индивидуумы, поколения и народы, - заявляет он, - нет ничего прочного, ничего вечного... Законы, институты, нравы, даже формы культа и религиозные догмы, даже теология, даже мораль, все, что основано на самых бесспорных принципах, - все течет, все меняется, всему суждено расти и шириться, а затем выйти из употребления... Никакая конституция, никакая промышленная или экономическая комбинация, ни одна общественная среда не может быть окончательной и совершенной; и только невежда может утверждать, что человечество не пойдет дальше либеральной конституции XIX в. или что кто-то нашел абсолютную форму, в которую навсегда должно вылиться человечество»². Общество всегда находится в переходном состоянии. Оно вечно движется³. Чтобы ответить на вопрос о его будущем, нужен широкий исторический кругозор, надо, охватив в единой концепции века и народы, открыть закон и условия прогресса, которым подчинено это движение⁴. Ибо все последовательно, ничто не возникает внезапно в нашем мире⁵.

Одна из наиболее значительных, наиболее передовых черт «социальной науки» Сен-Симона - характерный для нее последовательный детерминизм. Сен-Симон стремится распространить на явления общественной жизни утвердившееся в области наук физическое понятие каузальной закономерности. Исторический процесс в его представлениях столь же закономерен, как любой ряд явлений изучаемый какой-либо из естественных наук. Правда, и у самого Сен-

^{**} Люксембургская комиссия была учреждена временным правительством Франции после февральской революции 1848 г. Она заседала в Париже, в Люксембургском дворце, с 1 марта по 13 мая 1848 г. В ее составе были представители рабочих союзов и предпринимателей. Руководил комиссией Луи Блан, секретарем был Ф.Видадь.

-Симона, и еще больше у его учеников учение об исторической закономерности не лишено теологической окраски. Закон, устанавливаемый исторической наукой, не только вскрывает неизбежную причинную связь и последовательность явлений, но и выражает некую «волю, цель... к которой человечество непрерывно приближается». У эпигонов сен-симонизма, к числу которых должен быть отнесен - с точки зрения его философских взглядов - и Пеккёр, идея целеустремленности решительно оттесняет на задний план идею причинной необходимости. Историческая концепция Пеккёра - концепция телеологическая.

Исходным пунктом философско-исторического построения является у Пеккёра понятие бога. Бог - субстанция всех субстанций, причина всех причин. Пеккёр подчеркивает свое расхождение с сен-симонистами, растворяющими бога в природе. Он против пантеизма. Но он также против учений, превращающих бога в некоего изолированного от природы царя, чуждого делам мира. Небесный властитель должен быть связан с землей. Если человечество как целое подчиняется обязательному для него закону, то этот закон, как и все другие законы, исходит от бога. От него все права и обязанности. Отбросьте бога, говорит Пеккёр, и каждый сам для себя авторитет, страсти - всемогущи, человечество превращается в животный род, управляемый инстинктами.

Стремление обосновать социальную теорию на религиозных положениях характерно в большей или меньшей степени почти для всех утопических систем первой половины XIX в. В философии общества Пеккёра эта черта выражена весьма ярко. Но в то же время Пеккёр - ученик рационалистов XVIII в.; критерием достоверности является для него человеческий разум. Подобно теоретикам «естественной религии», он видит источник религиозной истины не в откровении, не в авторитете, а в природе и разуме. Бог обнаруживает перед нами свою волю через нашу природу, через наш разум, в меру наших коллективных усилий, направленных к познанию. Создатели так называемых «откровений» - это люди, которые открывают или совершенствуют моральные истины. Ввиду слабости человеческого разума основные принципы религии и морали открываются первоначально через «основателей» религии, т.е. через гениев великих людей. В специальных «откровениях» бога нет никакой необходимости, провидение управляет людьми через них же самих⁶.

Религия Пеккёра отвергает идею «воплощения», идею божественности Христа, идею «первородного греха». Пеккёр резко выступает против идолопоклонства, таинств, «восточных» предрассудков и символов господствующей религии. Истинный культ состоит не в этом, а в практике закона братства. Принципы религии Пеккёр считает вечными. Такими принципами являются, по его мнению, бытие всемогущего и справедливого бога, свобода воли и моральная ответственность человека и, наконец, признание будущей жизни. Последнему положению Пеккёр придает большое значение. «Верить в бога, в свободу воли, долг и ответственность и не верить в будущую жизнь, - говорит он, - это значит начать фразу и не окончить... Если нет будущей жизни, наш закон - эгоистическое благополучие»⁷. С ростом просвещения должны неизбежно изменяться выводы, которые делают

люди из вечны? принципов религии. Поэтому религия может жить, лишь прогрессируя. Религия умирает, когда она пытается закрепить без изменения свои верования и положения⁸. Прогресс Пеккёр относит к числу религиозных догм. «Без веры в прогресс и уважения этого закона нет истинной религии».

Все в истории подчинено провиденциальному плану. Планом провидения определяется закон роста человеческого рода. И сила вещей и природа человека толкают человечество к осуществлению предустановленных целей. Конечная цель, к которой провидение ведет человеческий род, - это реализация на земле царства божия, т.е. наибольшего счастья всех через любовь каждого. Плану провидения служат расы; подобно нотам в гамме, они отвечают различным потребностям и целям, к которым провидение призывает человечество в его общественной деятельности; провиденциальный смысл имеют изобретения человеческого разума; изыскивая способы обогащения, заселяя и культивируя землю, человек в то же время реализует высокие цели провидения; тому, что предопределено провидением, содействуют все, сами того не сознавая. К осуществлению провиденциальных тенденций ведут человеческие страсти, без которых человечество было бы неподвижно и в своем благосостоянии, и в просвещении, и в морали, без которых оно оставалось бы в естественном состоянии животного или дикаря. К этой же цели ведет человечество внедренный богом в души всех универсальный принцип «распределительной» справедливости - основная сила, при помощи которой, по учению Пеккёра, божество осуществляет свой план¹⁰.

В чем же состоит этот принцип, который является «регулятором социальных актов», «единственным и абсолютным измерителем»? Он должен иметь силу закона повсеместно и во все времена. Он должен выдержать проверку историческим опытом, должен быть узаконен нашей природой, освящен нашим разумом. Он должен давать логическое обоснование собственности и власти, существования самого общества. Он выражен в трех положениях: 1) не делай другим того, что ты не хочешь, чтобы делали тебе; 2) обращай с людьми так, как ты хочешь, чтобы обращались с тобой; 3) люби ближнего и человечество, как самого себя, и больше, чем себя. Эти законы для социальной жизни имеют, по мнению Пеккёра, то же значение, какое закон тяготения имеет для физических сил. Если доказательство закона тяготения состоит в опыте падения тел, то доказательство законов морали - в счастье, во всеобщей гармонии человеческого рода.

Из трех основных моральных истин вытекает логически трехчленная формула «свобода, равенство и братство», которую в дальнейшем Пеккёр пополняет двумя новыми членами - единством и солидарностью. Лозунг «свобода, равенство и братство» провозглашен Французской революцией, но он, по мнению Пеккёра, был, по существу, дан уже в Евангелии. Век разума лишь подтвердил то, что внушала человечеству христианская мораль в виде заповедей. Происхождение философских формул и религиозных положений одинаково. Их истинность доказывается всем опытом жизни, они соответствуют природе вещей.

Они авторитетны поэтому и для тех, кто верит в посланничество Христа, и для тех, кто верит в разум, ибо эти формулы - результат совершенно ясной дедукции разума. Вне этих принципов вся жизнь человечества подобна движущимся пескам. Отказываясь от них, мы должны признать, что жизнь подчинена праву сильного и слепой необходимости¹¹.

Необходимость не является, таким образом, для Пеккёра надежным руководителем по «движущимся пескам» социальных явлений. В соответствии с этим и «социальная наука», которую разрабатывает Пеккёр, не есть наука, ставящая себе целью изучение причинных связей и закономерностей в жизни общества. Социальная наука, или социальная и политическая экономия (для Пеккёра - это синонимы), изучает все те явления и институты, которые содействуют высоким целям человеческого рода,- свободе, равенству, братству и солидарности. Общество представляет собою единый организм, аналогичный в своей общей экономике организму человека. Отдельные его институты тесно связаны. Индустрия составляет его питательный аппарат, пресса - нервную систему и т.д. Предмет социальной науки составляют поэтому и религия, и мораль и право, и суд, и организация власти, и семья, и собственность, и наследование. Социальная наука занимается индустрией, сельским хозяйством, торговлей, отношениями людей между собою, их привычками, воспитанием, искусством, производством, распределением и потреблением материальных и духовных благ. Но цель ее - наилучшая организация общества, его институтов и человечества в целом. Ее основная задача - установить принципы, как бы освещающие интеллектуальное пространство, указывающие путеводную нить в лабиринте мыслей. Она должна дать идеальное построение, являющееся маяком для государственных деятелей, символом спасения и надежды для человечества, она должна дать принципиальную постановку вопроса об обществе. Теория занимается реальным лишь для того, чтобы уяснить идеал. Наука, которая подчиняется фактам, вместо того чтобы подчинить их своему закону, которая ограничивается анализом и установлением того, что есть, - это ложная наука. Истинная наука должна не рассказывать, а пророчествовать, должна раскрывать то, что должно быть. «Политическая экономия,- говорит Пеккёр,- не есть сухой и бесплодный анализ, который учит, как образуются, распределяются и потребляются материальные богатства в настоящее время или в прошлом; это - животворное знание, которое наставляет, как богатства всякого рода должны образовываться, распределяться и потребляться, чтобы быть законными и благотворными»

Пеккёру чуждо правильное понимание соотношения между анализом фактов настоящего и предвидением будущего. Поэтому он противопоставляет анализ и «пророчество». Поэтому он выступает против тех учений, которые пытаются раскрыть план прогрессивного развития человечества, исходя из истории или из космогонии,- отмежевываясь тем самым и от Сен-Симона и от Фурье. «Нельзя обосновать ничего научного на толковании истории, - утверждает Пеккёр. - Три состояния О.Конта, концепции Фурье, сен-симонизма - Анфантена или Сен-Симона, членение истории Вико, Макиавелли, Гердера, католицизма... тезис, антитезис и

синтез... три или четыре последовательных открытия Бюше - все эти различные точки зрения, различные претензии на установление законов, различные подразделения и пустые гипотезы, число которых можно увеличивать до бесконечности, никогда не достигли точного знания конечных судеб человечества, даже ближайших веков его существования, т.е. положительного знания законов социального движения, на что претендуют творцы этих воображаемых открытий и в особенности Фурье»¹³.

Совершенный тип общества - цель, к которой идет человечество,- должен быть выведен разумом из преподанных человеку общих принципов, из врожденных понятий. Критерием его совершенства могут быть только разум и справедливость. Совершенный тип, идеал, обоснованный априори, не зависит от условий среды. Чтобы его постигнуть, надо подняться над потоком фактов, а не плыть в этом потоке. Факты слепы и фатальны. Они плохи или хороши в зависимости от того, согласуются ли они с моралью или нет. Если они плохи, с ними надо бороться, если хороши, надо их защищать. Факты, являющиеся продуктом эгоистических побуждений, лишь затемняют истину. Только знание неизменных общих принципов, только вера в «единую истину», призванную восторжествовать в мире, дают нам возможность открыть равнодействующую всего сложного комплекса социальных явлений: нравов, морали, идей, индустрии.

Общие принципы, устанавливаемые социальной наукой, неизменны. Но Пеккёр понимает, что возможность осуществления «совершенного типа» общества, выведенного из этих принципов, определяется не только его разумностью и справедливостью. При неизменности принципов частные установления различны. Наука дает принципы и общие средства, не прилагая их к состоянию общества. Между тем применимость комбинаций науки определяется именно состоянием общества в данный момент; эти комбинации бесплодны, если их не поддерживают нравы и просвещение. Справедливость всегда остается справедливостью. Но страсти и предрассудки могут воспрепятствовать ее осуществлению. Надо различать внутреннюю ценность теоретических построений, способных обеспечить счастье людей, и степень морали и доброй воли народа. Необходимо бороться за то, что должно быть; но при этом приходится считаться с тем, что есть, с тем, что сильнее нас, что для нас фатально. Специфический характер социального механизма в тот или иной период его существования определяется не выводами априорной науки, независимой от эпох и обществ, а господствующими нравами и идеями. Это обстоятельство, по мнению Пеккёра, отнюдь не лишает значения «столь охаянные ретроgrадами утопии», разрабатывающие основы нового социального здания. Невозможное сегодня станет возможным завтра. Дело науки - доказать разумность плана, предоставив его осуществление общей воле. Однако на этой позиции абстрактного теоретизирования Пеккёр не в состоянии удержаться. Он оказывается вынужденным уделять немало места в своих произведениях не только тому, что «должно быть согласно любви», но и тому, что «будет или может быть согласно фактам». А это неизбежно приводит его от

от дедуктивных умозаключений к рассуждениям на конкретно-исторические темы, неизбежно вносит в его телеологическую философию общества элементы детерминизма.

В своих поздних статьях 1849 г. Пеккёр признает, что наряду со «знанием совершенного» имеет право на существование «знание возможного», т.е. того, что способно к развитию, того, что «становится». Социальная наука - как знание совершенного - исследует вопрос о том, что должно быть, отвлекаясь от условий места и времени. Социальная наука - как знание возможного - углубляется в недра реального и овладевает фактами, становясь социальным искусством¹⁴.

Совершенство, к которому провидение ведет человеческий род, имеет своим основным моральным принципом братство. Свобода и равенство без братства логически и социально бесплодны. Братство - творческий социальный принцип в наиболее точном смысле этого слова. Из братства вытекают преданность, долг и единство. Лишь при помощи братства из равных и свободных «я» создается человечество как коллективное и солидарное единство, в котором индивидуум не поглощается в целом, отождествляя себя

С другими Человечество приближается к совершенству путем прогрессивной социализации источников богатства, орудии труда, общего благосостояния, путем создания таких учреждений, которые содействуют реализации принципа братства. История идет к освобождению земли и материалов от индивидуальной инфеодации^{****}, к их незаметному превращению в собственность общую коллективную, неделимую, неотчуждаемую и социальную.

В «Salut du peuple» мы находим несколько иную формулировку тех же мыслей. Провиденциальной целью человеческого общества Пеккёр объявляет здесь общность, которой требует природа человеческих отношений. Зачатки этой общности имеются уже у дикарей, корни коммунизма весьма древни. Можно сказать, что общность составляет существо человеческого общества, что человеческий род рожден коммунистическим и умрет коммунистическим. Но у дикарей общность находится в эмбриональном состоянии Это зерно нормального общества растет с прогрессом цивилизации, ибо цивилизация в своем существе есть развивающаяся и постепенно конституирующаяся общность. Следуя за сен-симонистами, Пеккёр утверждает, что эпохам нормальным, органическим в развитии общества соответствуют единство, солидарность; индивидуализм, анархия интересов, разрыв социальных связей, ложная свобода, которую именуют *laissez faire*, свойственны эпохам критическим, эпохам болезни общества, когда оно трансформируется или разлагается¹⁵.

Тот экономический порядок, к которому неуклонно идет человечество, Пеккёр чаще всего называет ассоциацией. Ассоциация установится не потому, что ее придумали философы, не в результате пропаганды доктрины, - она войдет в жизнь в силу вещей, она возникнет как последовательный и необходимый результат большого исторического

процесса. Мы идем к ассоциации и к социализации фатально, говорит Пеккёр. К ним ведут изобретения гения, новые машины, развитие которых имеет провиденциальное значение; к ним ведут также религия, мораль, политика. Основной, первичной, определяющей силой в этом сложном и многообразном историческом процессе является моральный и интеллектуальный прогресс. В своем учении о движущих силах истории Пеккёр остается верен сен-симонистскому идеализму, как ни велик его интерес (нам еще придется об этом говорить) к развитию производительных сил и к их влиянию на судьбы человечества. Это и неудивительно: исторический идеализм логически вытекает из пеккеровского учения о провидении и о провиденциальном плане, осуществляемом в истории. Пеккёр убежден, что религия и мораль призваны покорить мир, а это неизбежно связано с признанием того положения, что идея господствует над фактами. Экономика общества, утверждает Пеккёр, покоится на моральных и религиозных верованиях, власть и закон - на мнении. Религия долга, милосердия и равенства служит базой социального здания. Просвещение способствует движению человеческого рода к его провиденциальному назначению, невежество в отношении законов природы его задерживает. Основные положения, преподанные религией, вечны и всеобъемлющи; но их понимание и их общественное значение изменяются с ростом знаний и морали; при неизменности цели, к которой идет общество, средства, находящиеся в его распоряжении, растут. Мораль - точка отправления и движущая сила всякого прогресса. Всякое улучшение всегда было связано в истории с новыми идеями и чувствами, с развитием разума. Мораль освободила человечество от рабства и крепостничества, подготовила освобождение коммун, внушила идеи свободы, равенства и братства, осуществила Французскую революцию. Европа - создание христианской морали. Эта мораль и сейчас составляет надежную почву для дальнейших изменений общественного порядка. Материальному прогрессу, социализации должен предшествовать прогресс моральный - пробуждение религиозных идей, сознание долга перед богом и перед ближними, стремление к братству. Равенство условий установится как результат прогресса общей морали¹⁶.

Нравы и просвещение относятся к фактам экономической и социальной жизни, как причина к следствию. Наилучшим примером того, как применяет Пеккёр это положение, служат его рассуждения о собственности и о социальной иерархии.

Организация собственности, как и другие социальные институты, на протяжении истории человечества изменялась не раз. Это затрагивало частные интересы, но общая социальная цель выше частных интересов. Способ регламентации собственности всегда отражал нравы данного времени, господствующие идеи о боге и о человеке. Это как бы перевод на язык социальных отношений морального и интеллектуального состояния народа. Этим объясняется вся история собственности. Сопоставим, говорит Пеккёр, древность с верой в природное неравенство людей, в различие их происхождения и христианство с верой в единство человеческого рода, в равенство и братство. Это сопоставление

**** Инфеодация - прикрепление, закрепление собственности.

убедительно доказывает зависимость между возможностью обладать и наследовать, с одной стороны, и состоянием верований и идей - с другой. Присвоение и передача богатств по наследству всецело подчинены верованиям. Все улучшения в этой области связаны с развитием человеческого разума. В древности царит вера в существование двух пород людей - божественного и животного происхождения. Небольшое число лиц, принадлежащих к первой группе, монополизируют социальные преимущества. Они только одни пользуются правом собственности. Вторая группа не допускается обладанию богатствами. Общество создано для «высшей расы», которая считает представителей «низшей расы» своими рабами. Человек подчинен человеку, его произволу, а не общественному полгу. Только «высшие» соединены в семьи, и семья считается самым надежным путем передачи не только богатств и орудий труда но и верований и специальности. Рождение является в это время как бы особым способом избрания. Считается, что сын является наиболее подходящим преемником для отца, так как он имел возможность получить от отца его опыт. Родственная связь - единственное средство поддержания порядка. Из всей этой совокупности условий вытекает наследственность профессий и власти. Иерархия во всех отраслях основана на рождении. Все частичные улучшения этого порядка являются скорее тенденцией, чем реальностью; пока еще царит вера во множественность происхождения, равенство не соответствует религиозным идеям. Поэтому попытки уравнивания - аграрные законы, восстания рабов - не приносят реальных результатов. Общество идет к своему упадку. Лишь христианство приносит новое верование: все люди братья - дети единого отца, все равны перед волей божией. Новая моральная доктрина создает новую базу для собственности. Учение Христа устанавливает родство «по духу». Отсюда вывод: родство «по плоти» не может служить основанием для наследования. Все, кто хочет принять участие в социальном деянии, должны иметь к тому возможность; им не может быть отказано в праве выбрать себе в обществе соответствующую функцию и, следовательно, в орудиях труда. Так из христианства вытекает идея новой иерархии способностей, которая должна заменить иерархию рождения.

Иерархия из субординации лиц превращается в субординацию функций. Первый пример такой иерархии дал католический клир. Но черты старой языческой иерархии исчезают лишь постепенно. В феодальных конституциях они были очень сильны вплоть до 1789 г. Россия, уклонившаяся с греческой схизмой от духа христианства, до сих пор коснеет в рабстве. И в странах Западной Европы порядок, соответствующий христианской морали, далеко не полностью утвердился. Конечно, превращение рабов в наемных рабочих было большим шагом вперед, но за ним должен последовать второй шаг. Наемные рабочие должны освободиться от излишних посредников, их эксплуатирующих¹⁷. Доводы против наследственности действительно сверху донизу по всей иерархической лестнице и по всем линиям разделения труда. У нас нет наследственности должностей. Но разве культура земли не является также общественной функцией? Полное

осуществление всех выводов из принципов христианства требует социализации орудий труда, превращения их в неотчуждаемый общественный фонд. Весь социальный организм должен представлять собою сложную иерархию функций, передаваемых не от отца к сыну, а от способного к способному¹⁸.

Факты экономического порядка как будто обладают собственной активностью. В действительности, утверждает Пеккёр, им дают первоначальный толчок идеи и чувства. Однако, не представляя собою самостоятельного ряда, экономическое развитие играет большую роль в планах провидения и по своей функции, и по своим последствиям. Для осуществления этих планов недостаточно морали, воля нуждается не только в знании цели, которую указывает мораль, но и в средствах ее достижения, а эти средства дают богатства, создаваемые индустрией. Непосредственно материальные средства не влияют на волю: ничто механическое не может сделать людей добродетельными и мудрыми. Тем не менее развитие морали и просвещения, по мнению Пеккёра, невозможно без материальных улучшений. Бог хочет изобилия, а не бедности, радости, а не печали. Учение Христа - доктрина счастья в этом мире. Достижения разума, благородные чувства прочны только тогда, когда удовлетворяются телесные потребности. «Обогащать значит просвещать»¹⁹.

Хотя мораль и религия важнее индустрии, сейчас европейским обществам нужны богатства для реализации заветов, провозглашенных Евангелием и Французской революцией. Моральные, интеллектуальные и материальные улучшения тесно связаны. Все три процесса - в плане того движения, которое дает творец живым существам и природе. Удовлетворение потребностей не есть высшая цель, но оно является условием достижения последней,

Поэтому новые машины (новые двигатели), ведущие к материальным улучшениям, по мере своего распространения должны вызвать изменения в конститутивных элементах общества. Их воздействие на социальную экономию отразится неизбежно на идеях, на нравах, на верованиях и чувствах народов. Они в конце концов радикально преобразуют гражданскую жизнь и социальные отношения, поставят под вопрос существование, мощь и равновесие империй²⁰.

Материальные улучшения имеют свойство удовлетворять личные и общественные потребности, увеличивать общую сумму полезности. В этом смысле они приносят пользу всем: рабочим и предпринимателям, производителям и потребителям, государству и человечеству. Однако Пеккёр понимает, что при существующих условиях они не содействуют ни лучшему распределению, ни свободе большинства. В качестве примера он указывает на Англию, где общее обогащение сопровождалось обеднением рабочих. Те же тенденции имеются везде, где крупным производством вытесняется мелкое. Материальные улучшения, таким образом, сами по себе не обеспечивают собственности и благосостояния²¹. Причина этого разрыва между ростом числа полезных продуктов и ростом благосостояния - аморальная конкуренция, господствующая в обществе свирепствующая в нем «свободная борьба

эгоизмов», отсутствие социальной предусмотрительности, слабость чувств христианского братства. Предприниматели конкурируют с предпринимателями, рабочие с рабочими, война идет между потребителями и продавцами, между продавцами и производителями, эта борьба ведет к снижению цен которое легче всего достигается за счет снижения заработной платы рабочих. Этот путь тем легче, что применение машин вытесняет рабочие руки из производства и бросает на рынок людей, готовых продать себя за любую цену. При такой конкуренции не может быть общего благополучия, материальные улучшения будут приводить не к преуспеванию, а к пауперизму²².

Новые машины могут быть приспособлены временно даже к старым неподвижным нравам (например, в Китае). При существующем порядке они могут явиться источником монополий, новых привилегий, создать опасность увлечения материальными благами. Развращенные классы увидят в них способ удовлетворения своих порочных наклонностей. Благосостояние без религиозных чувств может вести к вырождению. Чтобы предупредить опасные последствия материальных улучшений - феодальную концентрацию состояния, развитие монополий, рост пауперизма, вырождение, - необходимо, чтобы направление этого движения взяли в свои руки правительства, чтобы оно не было предоставлено случаю, частным интересам²³.

Развитие машин неизбежно. В конечном результате, утверждает Пеккёр, их распространение приведет к укреплению религиозных чувств, будет содействовать возвращению человечества к богу, реализации на земле истин, проповедуемых христианством. Человек не может быть добродетелен и просвещен в нищете. Чтобы он был счастлив, необходимы, с одной стороны, знание и исполнение моральных законов, с другой - знание и использование законов природы для удовлетворения человеческих потребностей. Развитие машин - признак совершенства цивилизации; чем больше машин, тем выше цивилизация, ее духовная сторона, ее мораль. Провиденциальное назначение изобретений выше вызываемых ими временных неудобств. Однако выполнить это назначение они могут лишь при том условии, что они перестанут быть привилегией меньшинства - лишь на основе прочной христианской морали, при помощи религиозной интерпретации 24.

Отнюдь не будучи в своей исторической теории материалистом, Пеккёр тем не менее уделяет большое внимание вопросу о влиянии новых машин на общественные отношения. Посвященные этому вопросу страницы его трудов составляют весьма интересную часть его литературного наследия. Разработка этой темы приводит его иногда к положениям, плохо согласующимся с его общей идеалистической концепцией и дающим основание говорить об элементах исторического материализма в его учении.

Определив направление прогрессивного движения человечества, фатально идущего к ассоциации, установив, что основной движущей силой прогресса является мораль, Пеккёр предупреждает, что открыть тенденцию отнюдь не значит достигнуть цели. Обращаясь к рассмотрению конкретной исторической действительности, он

констатирует в ней наряду с силой, ведущей вперед, к цели, предуказанной провидением, также силы реакционные, зло, с которым предстоит бороться, чтобы к этой цели прийти. Эти силы - сомнения, неверие, эгоизм. Духу ассоциации противостоит дух спекуляции, человеколюбию - жадность, любовь к материальным благам.

Эгоистические тенденции, стремление к индивидуальному обогащению весьма ярко сказываются в экономике современного общества. «В нем каждый производит,- говорит Пеккёр,- то, что он хочет, как он хочет, производит хорошо или плохо, производит слишком много или недостаточно, слишком рано или слишком поздно, слишком дорого или слишком дешево... Производитель игнорирует потребности и ресурсы, спрос и предложение. Он продает, когда он хочет, где он хочет, кому он хочет, по какой хочет цене... Отсюда вытекают, как неизбежное следствие, постоянные и универсальные банкротства, просчеты, неожиданные разорения и внезапные обогащения, торговые кризисы, безработица, сменяющие друг друга перепроизводство и нужда, неустойчивость и понижение заработной платы и прибылей или громадное расточение богатств, времени и усилий на арене ожесточенной конкуренции»²⁵.

В основе почти всех зол общества лежит, по мнению Пеккёра, ложная конституция собственности, право индивидуального присвоения земли и орудий труда. Всякое материальное богатство, рассуждает Пеккёр, есть продукт соединения двух элементов - труда и материи труда. Полезное воздействие труда - необходимое условие богатства. Произведенное богатство распадается на две части: часть, предназначенную для потребления, и часть, предназначенную для нового производства. Последняя часть также потребляется в процессе воспроизводства, сама служит материей труда. При существующем порядке многие не имеют в своем распоряжении материи труда и зависят поэтому от себе подобных. Тот, в чьих руках орудия моего труда, является моим господином говорит Пеккёр, если от него зависит предоставить их мне или отказать в них. Равенство, очевидно, требует, чтобы орудия труда находились не в руках индивидов, но в руках общества. «Материя труда» как объект присвоения получает имя собственности. Люди, не обладающие ею, как бы дают займы собственникам свой труд. За это они получают часть тех богатств, которыми располагают собственники, либо тех, которые создаются в результате активности несобственников. Происходит обмен рабочей силы на средства существования. Люди, обладающие «материей труда», как бы подставляют ее вместо труда и обогащаются, не работая. Так «материя», не создающая богатства без труда, получает магическую силу производить богатство для ее собственников. Если труд одного рабочего приносит 400 франков в год, то собственник, получающий 2 тыс. франков ренты, косвенно заставляет на себя работать 5 человек. Для трудящегося остается при этой сделке сумма, позволяющая ему жить на грани смерти, сохранять и продолжать свою расу. И эта сумма имеет тенденцию к постепенному понижению. Конкуренция, анархия производства, отсутствие связи и солидарности между производителями и

потребителями - все это результат индивидуального присвоения «материи труда», результат права собственности, как права пользоваться и злоупотреблять²⁶.

На почве противоречия материальных интересов в обществе разгорается внутренняя борьба. Общество представляет собой как бы военный лагерь, а гражданин кажется в нем побежденным врагом²⁷. В этой борьбе на одной стороне находятся сторонники «ложной и опасной демократии», на другой - защитники существующего порядка. Политику первых - «демократов» - Пеккёр резко осуждает. Им свойствен поверхностный радикализм, они ведут общество к разрушению, первыми жертвами которого окажутся те самые «бедные классы», в чьих интересах будто бы и идет борьба. Поднимая знамя, на котором начертаны лозунги братства и христианской любви, они внушают людям ненависть и низкую зависть к высшим классам. Они проповедуют бунт, перманентную революцию. В результате их пропаганды среди бедных классов растет отвращение к труду, ненависть к авторитетам, анархическая враждебность к обществу и его основным требованиям. Не понимая условий развития наук и искусств, не понимая значения культурных навыков, «демократы» стремятся свести жизнь культурных классов к «сложной простоте». Пеккёр считает вредными для общества эти тенденции грубоуравнительного характера.

И все же Пеккёр признает, что «демократы» руководствуются хотя и ложными, но и благородными идеями. Их противники не имеют никакого оправдания. Они борются за приобретенные права, защищают свои удовлетворенные интересы. Это - скупцы, дрожащие над своим сокровищем. Для них бедность - порок, добродетель - лицемерие, жертва - безумие. Отечество воплощается для них в семье и лавочке, человечество - это их дети. Их мораль - волчья мораль. Они нечестивы, они виновны в нарушении основных принципов, провозглашенных христианством. К их числу принадлежит значительная часть аристократии, торговцев и мануфактуристов²⁸.

Таким образом, современному обществу грозят две опасности: материализм, или любовь к богатствам, с одной стороны, презрение к порядку и власти - с другой. Тем не менее Пеккёр верит, что общество эти опасности преодолееет, что это - кризис, а не конец, что за кризисом последует «очищение». Симптомы грядущего «очищения» он видит в мире между культурными народами, в либеральных реформах, в росте трудолюбия. Законы о народном образовании, освобождение темнокожих, забота государств о стариках и детях, даже о преступниках, борьба против смертной казни - все эти факты укрепляют надежды на лучшее будущее. Укрепляет уверенность Пеккёра в благополучном преодолении кризиса также и то обстоятельство, что в массах, наряду с «умеренными» желанием улучшений, сохраняется «чувство порядка и повиновения». Это чувство восходит, по его мнению, своими корнями к живительной моральной силе, присущей христианству²⁹. Чем прочнее авторитет религии, тем меньше опасности радикализма и своеволия; в этой связи Пеккёр с удовлетворением отмечает большое влияние религии в Соединенных Штатах Америки и в Англии. Впрочем, иногда

Пеккёр допускает возможность временного торжества «сложной демократии». «Грязная демагогия», дух мятежа могут временно овладеть невежественными и воспитанными в традициях рабства массами и привести к «пагубным отклонениям». Демократия может стать тиранической и подчинить «чрезмерному» равенству богатый и культурный класс. Это будет, по мнению Пеккёра, «пародия на демократию». Если такой режим установится, то потребуются годы, чтобы эта реакция против ныне существующего зла исчерпала себя. Но в конце концов люди вернутся к пункту, который они не должны были бы переходить. Так всегда шло развитие человечества, замечает Пеккёр по поводу своего гипотетического построения. Человечество, чтобы достигнуть цели, должно как бы впасть в преувеличение. Всегда кажется, что нужно требовать большего, чтобы получить необходимое. Так будет продолжаться до тех пор, пока не распространится сознание того, что отвращение к злу часто повергает в другое зло³⁰.

В этой потрясающей современное общество борьбе сил новые машины в частности и в особенности новые мощные двигатели играют весьма значительную роль. Они объединяют, обогащают и просвещают людей.

При прежних орудиях производства господствовал труд в одиночку, индивид редко соприкасался с миром. В настоящее время жизнь толкает людей к непрерывному контакту друг с другом. Пеккёр прекрасно понимает, что распространение машин имеет своим неизбежным следствием крупное производство. Там, где появляются машины, мелкая индустрия не может бороться с крупной. Машина побеждает, ибо она ведет к сокращению издержек производства. «Если преобразование в способе производства обещает понижение цен продуктов, оно непременно совершится». Но для того, чтобы машины дали этот результат, производство должно быть организовано в крупных размерах. Новые машины заставляют объединять производство в больших мастерских. Рабочие селятся в больших общих домах. Население в промышленных районах достигает большой плотности. С другой стороны, объединению, сближению людей содействуют железные дороги, облегчающие их сношения. Легкость передвижений разрушает преклонение перед домашним очагом, «дух колокольни». Совместные путешествия, по мнению Пеккёра, более способствуют росту братских отношений между различными классами, чем проповеди трибунов демократии. Железные дороги бросают человека в человечество³¹. Наконец, железные дороги, создавая условия для быстроты действий власти, приводят к большей сплоченности государств. А с другой стороны, они облегчают для народов задачу защиты народных прав³².

Рост богатств является непосредственным результатом роста производительной силы машин. Но богатства растут также вследствие той экономии сил и капиталов, которая получается в связи с улучшением транспорта. Они растут вследствие усиления продуктивной активности людей, которая увеличивается в результате новой комбинации их способностей и единого руководства ими, в результате целесообразного соединения силы людей и силы вещей.

В цепи рассуждений Пеккёра об историческом значении новых машин наибольший интерес представляют его соображения о влиянии машин на психологию работников и на организацию производства. Машины, указывает Пеккёр, развивают в рабочем новые навыки. Необходимость согласовывать свои движения с действиями машин воспитывает в нем привычку к точности в работе. Трудовая деятельность становится из обязанности потребностью. Большая быстрота движения и их точность приучают к строгой экономии в употреблении времени. Более тесное общение в мастерских, более доступные путешествия по железным дорогам неизмеримо расширяют горизонт рабочих, содействуют их интеллектуальному и моральному развитию. Это развитие, являясь результатом введения новых машин, составляет в то же время предпосылку их распространения. Высокоразвитая индустрия требует интеллигентных рабочих. Рабочими нельзя руководить, как солдатами, требуя от них пассивного повиновения. Правда, в отдельных производствах машина как бы превращает рабочих в автоматы. Но в целом механические новшества требуют более интеллигентных людей. Держать рабочих в невежестве значит иметь плохих рабочих и худшие продукты, чем в других странах, что грозит обеднением и упадком. Благосостояние не может быть основано на невежестве низших классов. Рост богатства приводит к интеллектуальной, а затем и физической эмансипации рабочих³³.

Переходный период, связанный с введением новых машин, как и всякий переходный период, сопряжен с обострением внутренних взаимоотношений в обществе. Быстрая перемена нарушает равновесие, вызывает пертурбации в нравах и идеях. Последующие поколения не будут уже иметь привычек изолированного труда, для них не будет разрыва между воспитанием и жизнью. Этот разрыв объясняет те смуты и насилия, о которых шла речь выше и которые отмечают, по мнению Пеккёра, переход от невежественной демократии к состоянию свободы и равенства, предполагающему культурность широких масс. Жизнь, объединяя рабочих, воспитывает в них корпоративный дух и толкает их к протесту не только против произвола, но и против законного авторитета. Это явление Пеккёр расценивает отрицательно. Пока культура не умерит этот дух независимости в рабочих, говорит он, можно бояться эксцессов, особенно со стороны мануфактурных рабочих городов³⁴.

Однако за этими первыми порывами людей, сбрасывающих с себя цепи, Пеккёр рисует картину утешительного будущего. Наряду с духом независимости машины развивают дух порядка, иерархии, ассоциации, дух соревнования во имя общего интереса, содействуют установлению власти способнейших. В современном производстве каждый составляет как бы часть в общем часовом механизме, он должен действовать в определенный момент после такого-то и перед таким-то. Если без известной иерархии невозможно никакая комбинация полезных усилий, никакое разделение труда, невозможно самое общество, то ее значение возрастает во много раз с ростом состава промышленных объединений. Сейчас на отношениях высшего к низшему имеется еще отпечаток старой системы реальной, личной зависимости. Этот элемент личной

зависимости сохраняется потому, что высший часто занимает свое положение лишь в результате случайности рождения или в результате наличия у него капитала, а не в силу способности; естественно, что он, не обладая авторитетом, поддерживает свою власть грубой силой. А с другой стороны, эти личные отношения поддерживаются недостаточностью интеллектуального и профессионального развития у низшего. Под воздействием новых движущих сил эти условия, мешающие установлению иерархии способностей, скоро исчезнут. Новый способ труда, диктуемый новыми машинами, требует планомерного использования способностей в интересах общества. Регулирование способностей - неизбежный результат концентрирующей силы новых машин. Где люди свободно собраны для единой цели, неизбежно выделяется способность того кто наилучшим образом ведет к этой цели. И если он знает свои права и стремится их обеспечить, общественное мнение заставит признать законные права способности, проявившей себя услугами. Соединение в больших мастерских, развитие корпоративного духа сделают неизбежным выдвижение способнейших. И капиталисты заинтересованы в том, чтобы каждому найти место соответствующее его способностям, и получить от каждого максимум того, что он может дать. Всякий, кто выдвинется не по заслугам, будет вынужден в конце концов отойти на задний план. Люди привыкнут смотреть на свою работу, как на моральное обязательство, и на заслуги в ней, как на путь продвижения вперед. Так человечество придет к установлению принципа «каждому по его способностям и по его делам»³⁵.

Таковы, по мнению Пеккёра, основные последствия введения новых машин. Однако Пеккёр не скрывает от себя, что наряду с этими основными тенденциями в современном обществе под влиянием тех же машин возникает также противоположная тенденция к «промышленному феодализму». Идея промышленного феодализма унаследована Пеккёром от Фурье, в системе которого промышленный (коммерческий) феодализм является стержнем «четвертой фазы цивилизации». У Фурье коммерческий феодализм - это господство в хозяйстве монополистических компаний капиталистов, превращающих в своих вассалов средних и мелких собственников. Пеккёр считает возможным, что крупные собственники в союзе со старой аристократией попытаются установить на новой основе порядок, подобный средневековому, с концентрацией владений и с прикреплением общественных функций к имущественному положению. К такому порядку ведет организация товариществ с крупными акциями, доступными лишь крупным капиталистам; к такому порядку ведет безжалостная и истребительная борьба крупных капиталов с мелкими собственниками, превращение мелких собственников в пролетариев, которым фактически закрыты все пути к возвышению.

Пеккёр отмечает, что вытеснение мелких собственников крупными происходит не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. «С каждым днем, - говорит он, - капиталисты ставят все в большую зависимость от себя мелких парцелльных собственников... В конце концов с помощью задолженности и отяготительных ссуд они принудят их

продать свои участки». Можно опасаться, продолжает Пеккёр, что все эти процессы приведут в конце концов к положению, которое уже существуют в Англии, - к сосредоточению богатств в руках немногих и к пауперизму масс. Мелкая земельная собственность, созданная революцией, не является гарантией против промышленного феодализма, ибо она с каждым днем попадает все в большую зависимость от капитала. Железные дороги, требующие больших капиталов, содействуют этой централизации и образованию монополий крупных финансистов.

Отметим, что в этой связи Пеккёр выдвигает требование признания железных дорог общественным доменом. Железные дороги, каналы, вообще главные пути сообщения, говорит он, должны рассматриваться как предметы общественной необходимости. Они должны строиться, управляться и эксплуатироваться от имени и за счет всего общества его агентами³⁶.

И все же Пеккёр верит, что исторический процесс пойдет иначе для большинства стран Европы, а затем и для стран феодальных. Порука тому - идеи, дух нашего времени. Нельзя подчинить просвещенные и моральные классы. Только невежество и аморальность масс позволяют монополизировать богатства. Просвещение ведет к его диффузии. Просвещение, благосостояние, равенство связаны друг с другом: дайте одно - придет и другое. Дух материальных улучшений - активный двигатель свобод и истинной цивилизации. Все, что увеличивает жизненную активность богатых и бедных, ведет к рассеянию, или по крайней мере к подвижности состояний, а подвижность доставляет случаи к освобождению. Застойность хозяйственных отношений приводит к застою и в социальном положении людей. Отсутствие материальных улучшений, притупляя активность, закрепляет бедственную участь тех, на чью долю она выпала. И наоборот, последовательные улучшения приводят в движение капиталы и рабочих, дают массе больше шансов получить труд и добиться лучшего распределения доходов. Чем больше материальных улучшений, тем больше шансов, что интересы различных классов придут в равновесие³⁷.

Значительная часть движимых и недвижимых владений, рассуждает Пеккёр, находится еще пока в руках среднего класса, активного, дорожающего своей собственностью. В противоречии со своими собственными указаниями на возможность роста пауперизма в связи с материальными улучшениями Пеккёр, основываясь на изложенных соображениях о «подвижности» состояний, приходит к тому выводу, что улучшения, не уменьшая доли богатых, содействуют переходу рабочих в ряды среднего класса. Пример Англии, утверждает Пеккёр, ничего не доказывает. Ее промышленность работает на заграничного потребителя. Отнимите у Англии иностранный рынок, - а с распространением машин в других странах дело к этому идет, - и ее промышленность либо погибнет, либо перестроится на новых началах. Ибо машины и железные дороги предполагают большое и активное производство и такое же потребление, следовательно, многочисленный и достаточный средний класс³⁸.

Сопоставляя возможности установления господства радикальной демократии и непросвещенных масс с возможностями торжества

промышленного феодализма, Пеккёр приходит к выводу, что эксцессы равенства представляют для Европы большую опасность, чем эксцессы неравенства. Но если даже промышленный феодализм утвердился, его торжество будет временным. Это будет только прелюдия к более совершенной и справедливой общественной организации. Стабилизация в экономической жизни невозможна. При господстве конкуренции изобретения становятся источником монополий. Но создаваемые ими привилегии преходящи. Человечество, провидение сумеют социализировать благодеяния машин. Вызванное ими временное зло ускорит моральное возрождение человечества. Человечество придет к богу либо через благодарность, либо через страдание³⁹.

Идеалистическая философия общества мешает Пеккёру полностью понять ту роль, которую играют в историческом процессе общественные классы, оценить значение классовой борьбы как средства осуществления «ассоциации». Признавая христианскую мораль основной движущей силой современного общества, возлагая свои надежды на рост «социальных чувств», приведших в свое время к отмене рабства и к падению феодализма, Пеккёр последовательно, со своей идеалистической точки зрения обращается с призывом ко всем «людям доброй воли». Руководители движения к лучшему будущему будут, по его мнению, выделяться из всех классов общества. Нет ни одного класса, который сопротивлялся бы уничтожению нищеты трудящихся. В каждом члене исторического тела, утверждает Пеккёр, есть хорошая и дурная часть. И он верит в то, что именно «добрая часть» политического тела образует общественное мнение, которое и создает закон. Злая часть будет вынуждена подчиниться общественному мнению и закону. То, что создано общественным мнением, сохраняет прочное значение для ряда поколений. Надежды необходимо возлагать, многократно повторяет Пеккёр, не на борьбу, а на прогресс чувств равенства, свободы и солидарности между богатыми и бедными. В конце концов эгоизм будет раздавлен справедливостью.

На этих идеалистических позициях Пеккёр, однако, не в состоянии удержаться. Хотя предстоящее преобразование, как он говорит, отвечает разумно понятому интересу всех, тем не менее он не может не признать, что высшие классы заинтересованы в своих приобретенных правах, не совместимых с улучшением положения масс. Он понимает, что привилегированные классы в силу этой заинтересованности стремятся удержать народ в заблуждениях и неподвижности. Народ, наоборот, заинтересован в истине. Поэтому, утверждает Пеккёр, непросвещенная масса способна лучше судить об общественных делах, чем высшие классы⁴⁰.

Следовательно, интересы в известных случаях оказываются сильнее «социальных чувств». Конкретный пример такого торжества интересов над социальными чувствами, эгоизма над справедливостью представляет порядок, установившийся в Англии. Этот порядок является, по мнению Пеккёра, плодом сочетания традиции феодализма и «эгоистического индифферентизма». Как мы уже знаем, возможность установления промышленного феодализма в других странах Пеккёр связывает также с

с корыстными стремлениями крупных собственников и аристократии. Последнюю Пеккёр иногда прямо называет врагом прогрессивного развития человечества; аристократия стремится сохранить свои привилегии, даже не совместимые с общим благом.

На противоположном полюсе общества - «нижесредние» и «низшие» классы. Низшие классы составляют опору демократии, это сила прогрессивная. Однако они способны лишь толкать общество к прогрессу, разрешить же собственными силами стоящие перед обществом задачи они, по мнению Пеккёра, не в состоянии. Признавая бесспорный факт умственного и нравственного развития рабочих под влиянием новых машин, Пеккёр тем не менее настойчиво повторяет ту мысль, что «невежественные» индустриальные и сельскохозяйственные массы не сумеют сами осуществить свое спасение. Только средний класс способен оказать нужное сопротивление тенденциям, ведущим к промышленному феодализму. К просвещенному среднему классу примкнет часть рабочих, прошедших через сберегательные кассы к обладанию небольшой собственностью. Средний класс, вновь подчеркивает Пеккёр, непрерывно пополняется выходцами из пролетариата. Средний класс не может отгородиться от низшего, наоборот, ему принадлежит роль покровителя и освободителя пролетариата. К среднему классу примкнут также предприниматели, которых благоразумие побудит, хотя бы в интересах безопасности, в предупреждение мятежей и насилий, дать рабочим возможность освобождения. Вожди индустрии и лучшая часть среднего класса - вот кто совершит общественное преобразование на благо низших классов. Только средние классы могут претендовать на господство в Европе. Средний и нижесредний классы составляют «резерв провидения». Они пронесут через катаклизмы переходного периода лучшие традиции прошлого. Новый активный средний класс примет наследство от разложившегося высшего класса. Классы и индивидуумы имеют, таким образом, свои притязания и интересы, не всегда совпадающие с интересами общества в целом. Но их столкновение ведет в конечном счете к тому же результату, к которому ведут усилия людей «доброй воли» и прогресс общей морали. На пути к лучшему будущему есть препятствия, но они будут преодолены. Нельзя сделать из земли рай для немногих, не открывая двери в него для народа⁴¹.

В своих рассуждениях о будущем и о значении для этого будущего новых машин Пеккёр уделяет немало внимания - значительно больше, чем его учителя и предшественники, - вопросам международных отношений и грядущим судьбам «отсталых» стран. Он убежден, что и здесь внедрение новых двигателей приведет к весьма значительным переменам.

Мощь наций, говорит Пеккёр, зависит от их морали и их знаний. Но она зависит также и от их производственной активности. Появление новых машин наносит поэтому смертельный удар по статус-кво отсталых государств. Во избежание подчинения, в интересах самосохранения отсталые страны должны будут вводить у себя паровые двигатели со всеми их последствиями. Быстро догнать - это для них вопрос жизни или смерти. Передовые средства производства дают большее богатство, а

следовательно, я большую силу. Англия, отмечает Пеккёр, могла бороться десять лет против Наполеона только благодаря своему богатству. В связи с проблемой отсталых стран Пеккёр высказывает интересное положение, которое, однако, не находит в его трудах должного развития, - это положение о «единстве принципа», лежащего в основе всех отраслей деятельности в каждом обществе. Там, где патриархальна центральная власть, патриархальна и организация промышленности. И наоборот: там, где вводятся паровые двигатели, устанавливается царство свободы и равенства, представительное правление. Ибо необходимым условием промышленного развития является возможность регулярно выражать свои потребности. Представительное правление - общая форма будущего, каковы бы ни были различия и оттенки в развитии различных стран. Деспотизм связан с нищетой, невежеством, ленью; свобода - с богатством, с просвещением, с индустрией, с активностью. Рабы не могут соревноваться со свободными⁴². Пеккёр допускает, что проникновение машин в отсталые страны (Россия, Китай) может временно закрепить там деспотизм и кастовый строй. Но в конце концов сами деспоты поймут, что им выгоднее опереться на богатство и индустрию средних классов, а не на классы привилегированные.

III

Мы видели уже, какое значительное влияние имеют, по мнению Пеккёра, путешествия и облегчающие их железные дороги на развитие отношений между классами⁴³. Еще большее значение придает Пеккёр путешествиям в развитии международных отношений. Даже медленные и трудные путешествия прошлых веков играли огромную роль в развитии цивилизации. Путешествия, говорит Пеккёр, цивилизовали Грецию и Рим. Процесс распространения античной цивилизации нельзя себе представить без греческих и карфагенских купцов, без походов Александра Македонского, без поездок римлян в Афины. Без всех этих фактов не было бы ни греческой, ни римской культуры. В новое время путешествия португальцев и Колумба имели для европейской культуры не меньшее значение. Если таковы были результаты путешествий в прошлом, то чего же следует ожидать от путешествий в будущем, когда они станут во много раз доступнее с возникновением и распространением железных дорог. Как велико будет, восклицает Пеккёр, влияние производимого ими магического сокращения расстояний на моральные судьбы наций и человечества! Непрерывные передвижения населения будут иметь своим последствием сопоставление верований, учреждений, законов, нравов, обычаев, костюмов, вкусов, литературы, искусства. И все это приведет в конце концов к слиянию в единство, с каждым днем все более гармоническое и в то же время все более эластичное, не уничтожающее многообразия, которое необходимо для обеспечения свободы и личного счастья⁴⁴. Не случайно нации, желающие сохранить свою неподвижность, воспрепятствуют въезду в свою страну и выезду из нее. Иностранцы, приезжающие в свободные страны, увозят с собою домой «вакцину цивилизации». Люди предвидели, что свобода и равенство

распространятся по всему миру, но не знали, что они проедут в вагонах железной дороги.

Развитие путей сообщения ведет к росту внешней торговли, к укреплению мирных связей между народами. Железные дороги нарушат изоляцию народов, противоречащую воле провидения, они будут содействовать укреплению пацифизма и всеобщей солидарности. Соревнование между европейскими нациями будет продолжаться; но они будут не врагами, а соучастниками в создании богатств. Их влияние друг на друга - политическое, промышленное и умственное - будет усиливаться. Таковы пути, заключает Пеккёр, какими провидение подготовит будущее всеевропейское единство.

Экономические результаты новых машин и железных дорог сделают войну, как полагает Пеккёр, невозможной в Европе. Правда, железные дороги облегчают мобилизацию армий, но рост мирных связей, рост братских чувств и солидарности, стирая постепенно границы, уменьшает число возможных поводов к войне. С другой стороны, войны с их разрушительными следствиями становятся все более несовместимыми с ростом богатств в индустрии. Чем больше усвершенствуются машины, тем ужаснее, тем недопустимее причиняемые войнами разрушения. Подобные жертвы вряд ли нужны для прогресса человечества. Чем более жестока война, тем реже она: то, что выигрывают в войне, не стоит того, что в ней теряют.

С развитием индустрии человеческая активность из разрушительной и воинственной превращается в плодотворящую и мирную. Власть более сильного сменяется властью более способного в производстве. Общество из организации военной превращается в организацию мирного труда⁴⁵. С ростом политической роли средних классов война не будет более зависеть от каприза королей и придворных. Война будет возможна лишь из-за общественных интересов - интересов индустрии и торговли. А удовлетворения этих интересов можно, по мнению Пеккёра, добиться и мирными средствами - отказом от торговых сношений.

Сейчас нации признают только закон силы, прибегают к войне и для защиты своих прав и для нарушения прав других. Но война, утверждает Пеккёр, не есть путь обеспечения права, ибо сила - слепа. Пеккёр предвидит, что для разрешения споров нации создадут в конце концов международный трибунал, действующий согласно усовершенствованному кодексу международного права. Первая глава этого кодекса должна объявить войну вне закона. Пеккёр считает, что создание такого трибунала будет подготовлено соглашениями об арбитраже и о коллективном вмешательстве нейтральных наций как средства предупреждения вооруженных конфликтов. Мирные чувства и уважение к торговым сношениям приведут к тому, что войны будут происходить все реже и во все более мягких формах, - пока воинственный дух не будет окончательно вытеснен духом мирного труда, направленного на завоевание природы. Тогда, утверждает Пеккёр, следуя за Фурье, армии будут использованы для больших работ по постройке портов, тоннелей, для проведения каналов, для осушения болот. Для поддержания порядка будут сохранены лишь небольшие

вооруженные кадры. Вечный мир далек, заключает Пеккёр, но для Европы он близок.

Новые пути сообщения вызывают, по Пеккёру, существенные перемены в значении отдельных стран. Рост центристических сил устраняет препятствия на пути к осуществлению больших планов объединения, которые возникают у сильных держав. Прогресс ведет к созданию больших империй или федераций. Мелкие европейские государства неизбежно сгруппируются вокруг крупных - России, Франции Пруссии, образовав сначала экономические, а затем и политические союзы не на основах подчинения, но на основах свободы и равенства.

Но это лишь первый шаг на пути к объединению. В Европе умы стремятся к сближению. Ученые Европы уже считают себя гражданами мира. Академии уже имеют международное значение. Научные журналы распространяются во всех странах. Международные научные конгрессы должны сыграть, по мнению Пеккёра, ту же роль в обеспечении прогресса, какую средневековые церковные соборы играли в обеспечении застоя. В этом процессе космополитического воспитания наряду с учеными принимают участие и поэты, и романисты, и артисты⁴⁶.

Аналогичные отношения назревают в торговле. Железные дороги создают материальные связи, закрепляющие связи духовные. Вслед за европейской наукой возникает европейская промышленность. В союзах держав, в попытках мирного разрешения споров видны уже зачатки европейской политики. Народы, объединившиеся для целей войны, смогут объединиться для больших хозяйственных задач. Интерес, который разделял, теперь их связывает. Взаимная выгода ведет их к созданию торговой ассоциации. Примером такой ассоциации Пеккёр считает германский Таможенный союз.

Пеккёр понимает, однако, что уничтожение таможенных барьеров - дело неблизкого будущего. Нации, которые хотят быть равными и извлечь все, что возможно, из своих естественных ресурсов и из способностей своих граждан, вынуждены ограждать свою промышленность от иностранной конкуренции путем таможенных пошлин. Но он верит, что в дальнейшем путем постепенного расширения экономических соглашений нации придут к экономической солидарности. Общие интересы заставят народы установить единство мер и веса, ввести общий коммерческий язык, который впоследствии может вытеснить все прочие языки. Нации будут заключать друг с другом соглашения о совместной колонизации, о больших хозяйственных работах, важных для всех, о нейтрализации путей сообщения и т.д. Полностью экономическое соперничество будет ликвидировано с установлением международной власти, которая будет руководить международным хозяйством. Тогда будут упразднены все барьеры между нациями, и между различными зонами и расами установится естественное разделение труда⁴⁷.

Пеккёр полагает, что европейские народы образуют тесный союз. В международном конгрессе, руководящем этим союзом, все нации будут иметь равное число делегатов, избираемых не правительствами, а народами. Работа конгресса должна проходить публично. Пеккёр

решительно осуждает приемы тайной дипломатии. Конгресс должен иметь свою «армию мира», состоящую из контингентов входящих в него государств. В конце концов союз превратится в единое государство, подобное Соединенным Штатам Америки⁴⁸. Это создание «Европейской империи» может произойти, как полагает Пеккёр, мирным путем, без кровопролития. В еще более отдаленном будущем Пеккёр считает возможным осуществление даже проповедуемой сен-симонистами всеобщей ассоциации⁴⁹.

Всеобщая ассоциация не может быть, однако, провозглашена априори. Она явится, по учению Пеккёра, результатом повсеместного распространения принципов свободы, равенства и общего блага. Нет единообразия и параллелизма в развитии наций. В каждый исторический момент есть нации передовые, есть отстающие, причем место передовых не всегда занимают одни и те же нации. Доказательством служат развалины Мемфиса и Парфенона^{*****}. В настоящее время передовыми являются народы Европы. Только европейская цивилизация имеет веру и мораль, которые предназначены к универсализации (Пеккёр подразумевает христианство). Европа борется, утверждает Пеккёр, за принципы, которые должны покорить весь мир. Религии Азии - магометанская и брахманистская - находятся в состоянии упадка. После задержек и конфликтов свобода и равенство под эгидой Евангелия овладевают всеми странами.

В этом процессе распространения христианских принципов весьма значительную роль играют, по мнению Пеккёра, купцы. Европа и Америка экономически активны, азиатские нации - пассивны. Так как у цивилизованных народов растет спрос на продукты малокультурных стран, то они покрывают моря своими станциями, посылают в дальние страны своих колонистов, коммерсантов, консулов, дипломатов, миссионеров. Торговля и политика, таким образом, пробивают брешь, через которую проникает духовное влияние Европы, проникает «великая книга Запада» (т.е. Евангелие).

Вся история, говорит Пеккёр, показывает исключительное значение колонизации в прогрессе человечества. Все великие события - результат мирной или вооруженной колонизации. У колыбели античной цивилизации мы видим героев-колонизаторов. Все нации нового времени созданы колонизацией. Россия колонизовала степи, Соединенные Штаты Америки - индейские земли, Англия и Голландия - Индию и Океанию, Франция - Северную Африку. Машины создают новые стимулы для колонизации. Индустриальные и коммерческие народы севера нуждаются для своей индустрии в сырье юга. В ту же сторону толкает их перенаселение на родине и погоня за новыми богатствами. Давая человечеству машины, творец как бы говорит ему: распространяйся по

***** Мемфис - первая столица древнего Египта, крупнейший политический, религиозный, культурный и ремесленный центр эпохи Древнего царства (XXVIII-XXIII вв. до н.э.). Парфенон-храм Афины-Девы в Афинах. Величайший памятник древнегреческого искусства периода наивысшего расцвета Афин. Построен в 447-438 гг. до н.э.

необработанным районам, украшай и засевай весь отданный тебе земной шар. Колонизация европейскими народами Африки, Азии, Южной Америки неизбежна. Нации, не проявляющие благотворящей активности, вырождаются. По мере использования старых рынков и по мере развития в колонизованных странах самостоятельной индустрии колонизация проникает в новые районы земного шара. Колонии - аванпосты цивилизации в отсталых странах⁵⁰.

Пеккёр идеализирует и методы проникновения европейских народов в малокультурные страны, и результаты этого проникновения. Он убеждает читателя, что заинтересованность индустриальных стран в товарах малокультурных народов склоняет европейцев к «дружбе» с последними, заставляет отказываться от методов насилия. Европейские народы, по Пеккёру, стремятся будто бы не к завоеваниям, не к порабощению, а к установлению торговых связей, к обогащению. Им нужны сырые материалы и рынки. Разорив малокультурные страны, они не будут иметь там ни того, ни другого. Впрочем, иногда Пеккёр отходит от этой теории неизбежности мирных путей колонизации. Несмотря на всю силу «морального воздействия» европейских народов на отсталые, моральное и материальное развитие народов, говорит он, будет еще долго оставаться неравномерным. Эта неравномерность может привести к тому, что европейские державы бросят на Азию свои неисчислимые полки, чтобы подвинуть ее к цивилизации и устранить таким образом препятствия, стоящие на пути к их индустриальному росту и к общему прогрессу. Такую войну в интересах прогресса против «упорных варваров», против ретроградных правителей Пеккёр полностью оправдывает. Военное продвижение европейских держав в Азию и в Африку является в его глазах «экспансией цивилизации», своеобразной, но вполне законной формой «прозелитизма»⁵¹.

Мы уже отмечали, что в системе Пеккёра расы имеют свое место в общем процессе развития человечества. Их значение в различные моменты истории различно. Так, Пеккёр не согласен с теми, кто считает азиатские народы обреченными оставаться навсегда изнеженными и пассивными. Сейчас Азия действительно в летаргии. Но некогда азиатские цивилизации были весьма активны. Влиянию климата не следует, по мнению Пеккёра, придавать чрезмерное значение. Организованность и активность не составляют привилегии северян. Тем не менее народы севера с их развитой индустрией являются сейчас и долго еще будут являться арбитрами мира. Кавказская раса выше других. Она была прежде организована для войны; теперь она организована для мирного труда. С ростом индустрии роль кавказской расы возрастает, ей суждено заполнить имеющиеся на земном шаре пустые места. Народы монгольской и черной расы должны будут подчиниться промышленным обществам Европы, хотя это подчинение и будет осуществлено мирным путем, а не путем насилия⁵².

Рост торговых сношений с отсталыми народами прикрепляет эти народы к колеснице цивилизации. У них возникают новые потребности, новые интересы, новая трудовая организация. Характерно, что об эксплуатации отсталых народов, представляющей оборотную сторону

«распространения цивилизации», Пеккёр не говорит. В качестве примера «пробуждения и прогресса» малокультурного народа под «благодарным» и «мирным» влиянием европейцев он указывает на успехи народов Новой Зеландии в результате соприкосновения с англичанами. Маорийские войны, начавшиеся через несколько лет после опубликования книги Пеккёра и приведшие к массовому истреблению туземцев Новой Зеландии⁵³, должны были принести ему горькое разочарование⁵⁴.

Взаимодействие европейских народов с народами внеевропейских стран должно привести в конечном результате к смешению цивилизаций и рас. Само собой разумеется, что это смешение произойдет, по Пеккёру, на основе европейской цивилизации, восходящей к христианству, и при сохранении ведущей роли кавказской расы. Однако признание ведущей роли кавказской расы отнюдь не означает, что другие расы в результате смешения совсем исчезнут. Немыслимо, говорит Пеккёр, чтобы кавказская раса истребила низшие расы. Немыслимо также, чтобы смешение, создав многочисленные разновидности, полностью стерло первоначальные типы рас. Эти типы устойчивы и будут постоянно возвращаться. Расы, как и виды, есть совокупность индивидов, имеющих одинаковые предрасположения: умственные, моральные и физические. Это как бы ноты в гамме в планах творца, это орудия, отвечающие различным потребностям и целям, которые возникают у человечества в процессе его социального развития. Как индивид должен иметь свободу развиваться и занимать место в обществе в соответствии со своими задатками, так и расы должны войти в великую иерархию функций. Неравенство между расами будет постепенно сглаживаться в результате браков и образования новых поколений метисов. Естественные различия между ними не должны отражаться на политических правах, ибо братство и свобода не зависят от цвета кожи, размеров черепа и т.п. От внешних признаков людей нельзя умозаключать об их ценности. С проникновением цивилизации в малокультурные страны из «низших» рас начнут выдвигаться индивиды, которые в известных отношениях будут выше белых. Представители всех народов будут чувствовать себя гражданами мира. Их сближение вызовет изменения в сторону улучшения в национальных характерах, но отличия между ними сохранятся⁵⁴.

II

Взгляды Пеккёра на пути социалистического преобразования общества не оставались неизменными. Наиболее существенные изменения были внесены в них революцией 1848 г. Мы изложим учение Пеккёра о переходе к социализму сначала в том виде, какой оно получило в основных его работах, написанных в конце 30-х и в начале 40-х годов. Затем мы покажем, какие сдвиги вызвал в них опыт революции.

В общей характеристике, которую дает Пеккёр современному ему обществу, имеются черты, предполагающие к пессимистическим выводам. Иногда пессимистический тон выводов Пеккёра стоит даже в

некотором противоречии с изложенными нами выше его рассуждениями об общественном прогрессе и его движущих силах. Так, иногда Пеккёр говорит о «застое», который переживает Европа, - о застое в чувствах, в идеях, в экономической жизни. Он чувствует везде запах гангрены, агонии, смерти. Все верования, все авторитеты потрясены, все поставлено под сомнение, вплоть до самых священных обязанностей. В правительственных кругах, среди аристократии, даже в среде буржуазии он отмечает господство ложных идей о боге, о социальной цели, о справедливости, о собственности, о правах человека. Франция, которая, естественно, стоит в центре интересов Пеккёра, переживает, по его мнению, эгоистический упадок. Горизонт мрачен и грозен. Материализм, цинизм, бесстыдство, низость политических партий, продажность, с одной стороны, невежество, нищета, отчаяние - с другой, - все это способно вызвать опасение, что центр цивилизации передвинулся в другое место, что Франции предстоит пройти через парламентарный меркантильный и лживый английский режим с его земельной и мануфактурной аристократией, с его изголодавшимися и разложившимися (!) пролетариями. Если общество пойдет по этому пути, его ждет мрачное будущее; анархия может привести к разложению общества и к его смерти. А может быть и еще хуже; может быть, спрашивает Пеккёр в минуту сомнения, вся наша цивилизация идет к своему упадку⁵⁵?

Все эти сомнения Пеккёр, однако, преодолевает при помощи своей идеалистической философии общества. Падение цивилизации, заявляет он, невозможно. Наряду с руинами старого Пеккёр видит в окружающей его действительности материалы, нужные для постройки нового здания, - это мораль в ее основных указаниях, добрые нравы, любовь к человечеству, воля к добру, мощное общественное мнение, честолюбие, направленное к общему интересу, и т.д. На большей части европейского континента разложение еще мало подвинулось. Принципы жизни, уцелевшие среди разрушения, восходят к живительной моральной силе, истекающей от христианства. Эти ростки новой жизни неизбежно победят, инстинкт добра и истины приведет людей в те светлые области, где будет построено новое жилище человечества.

Мы стоим, говорит Пеккёр, на грани старого и нового мира. День новой справедливости приближается. Старая экономика отжила свой век вместе со старой моралью, с религиозными идеями язычества, с феодализмом и личной зависимостью. 1789 год возвестил миру новую политику, новую религию всеобщего братства, равенства и солидарности. Теперь настала пора дать новую экономику. Пеккёр признает, что робкие методы преобразований и скупое распространение новых идей не соответствуют интересам цивилизации и значению стоящих перед человечеством целей. Нельзя сделать невозможное, необходимо соблюдать известную последовательность в действиях, приходится считаться со временем. Но время само ничего не делает, оно приносит лишь то, что ему доверяют мудрость и предусмотрительность. Все творения природы подчинены ее законам; но природа знает внезапные ускорения. Нельзя получить плод без цветка и зародыша; но развитие зародыша может быть ускорено человеческими методами. Точно так же

***** Маорийские войны (1843-1872 гг.) - вооруженная борьба коренного населения Новой Зеландии (маори) против английских колонизаторов.

мудрыми методами может быть ускорен прогресс умов и учреждений. Изыскание и применение таких методов есть долг людей доброй воли⁵⁶.

Идеалистическая философия общества Пеккёра не допускает применения насилия как средства перехода к новому общественному порядку. Революции в истории человечества происходили всегда в результате разрыва между порывом и идеей, между целью и средствами. Прогресс непрерывен, новые средства производства и передвижения ускоряют его темпы. Но не надо никаких гигантских шагов, не надо разрыва с традициями, не надо разрушений. Внезапная перемена - химера. Следует призывать людей ускорить прогресс, разъясняет Пеккёр, но не следует компрометировать прогресс чрезмерной поспешностью. Невежество медленно рассеивается, страсти задерживают распространение просвещения. Перемены в режиме собственности должны быть подготовлены воспитанием, приучающим массы к истине. Большой и радикальной революции в учреждениях должна предшествовать большая и радикальная революция в умах. Старые формы будут отмирать постепенно, как постепенно будут расти новые формы. Чтобы вызвать на поверхность то новое, что зреет в недрах социального тела, нет надобности в глубоких потрясениях, в насильственных средствах. Честные и просвещенные новаторы, утверждает Пеккёр, не могут стремиться к ужасному средству революционных возмущений. «Насилие - печальная крайность, которой никто не должен советовать, потому что никто не знает, к чему оно приведет». Наоборот, долг новаторов - терпеливо отговаривать от этих средств дерзких и слепых, указывая им мирные и действенные средства, их долг предупредить «новое жертвоприношение богу прогресса». До настоящего времени всякий крупный шаг общества вперед оплачивался кровью и беспорядками. Обществу грозит опасность повторить этот исторический опыт, если его не предотвратят просвещение и милосердие⁵⁷.

Не случайно Пеккёр, говоря о деятельности «новаторов», «людей доброй воли», характеризует стоящую перед ними задачу как «ускорение» прогресса. Медленное разрушение старых форм, рост новых форм, отвечающих принципам христианства и революции, происходит, по его мнению, в экономической жизни г. силу вещей, без принудительного внедрения новых форм правительством или законодательной властью, хотя, как мы увидим, не без их помощи. Дух ассоциации, призванной сменить современную конкуренцию, никем не изобретен. Рост ассоциации органичен. Многие поняли необходимость ассоциации лишь после того, как она уже возникла в качестве факта экономической жизни. Ассоциация будет входить в жизнь разными путями у разных народов в зависимости от условий развития индустрии, от народных характеров, от предрассудков, от общего уровня цивилизации. Пеккёр, как мы уже указывали, считает, что под влиянием машин развиваются чувства иерархии и порядка, с одной стороны, чувства свободы и равенства - с другой. У одних народов сильнее сказывается первая, у других - вторая тенденция. В таких странах, как Россия и Австрия, ассоциация будет, возможно, строиться сверху, путем субординации. Но влияние Евангелия

и уравнивательных тенденций, связанных с новыми машинами, сделают эту форму ассоциации скоропреходящей. В странах Запада, во Франции, в Англии, в Америке, ассоциация будет расти снизу, путем свободы. Пеккёр явно предпочитает этот второй путь, осуществление ассоциации волей и согласием самих трудящихся.

«Просвещенная свобода», а не «суровая необходимость» осуществит социальный идеал и выведет человечество из тупика. Это не значит, однако, что Пеккёр не отводит никакой роли власти в деле социального преобразования. Он не согласен с теми, кто ждет от государства широкой инициативы в организации труда, с теми, кто считает, что государство, постепенно сосредотачивая в своих руках все большее число хозяйственных функций, в конце концов поставит правительственное руководство на место анархического и заинтересованного руководства отдельных предпринимателей. Такой путь установления в хозяйственной области абсолютного авторитета государства невозможен. Государство, заявляет Пеккёр, не должно превращаться в абсолютного владельца и распределителя орудий труда и в общего руководителя индустрии⁵⁸. Но столь же невозможна и абсолютная свобода.

Великое социальное преобразование может прийти к цели только при участии сильной и энергичной общественной власти, которая поймет требования века, поддержит движение прогрессивных элементов и будет опираться на любовь народа. Так, напоминает Пеккёр, всегда бывало в истории. Константин содействовал торжеству христианства, Карл - установлению национального единства, централизации^{*****}, позднейшие короли - организации феодальных учреждений, освобождению коммун и т.д. Вмешательство власти в экономику - конститутивный элемент общества. Государство, выступая в качестве высшего арбитра, должно изыскать способы уравнивания интересов, упорядочения промышленных отношений. Оно должно также принять меры для обеспечения воспитания и образования широких масс. Но государственное вмешательство должно носить эластичные формы, не нарушающие индивидуальную свободу и в то же время гарантирующие общие интересы. Погоня за богатством, столкновение интересов на арене возросшей конкуренции, попытки установления промышленного феодализма - все это делает активное вмешательство власти еще более необходимым⁵⁹.

Как ни важно участие государства в преобразовании общества, это преобразование не может быть осуществлено посредством «революционных декретов». Новые формы общественной организации возникают в недрах существующего общества без воздействия правительств, под влиянием действующих в обществе моральных сил и материальных условий. С применением паровых машин, утверждает Пеккёр, начинается эра ассоциации. Создающееся под влиянием машин крупное производство само уже является ассоциацией в широком смысле

***** Имеется в виду Карл Великий, создавший обширную империю (в конце VIII - начале IX в.), которая, однако, распалась вскоре после его смерти.

этого слова. На наших глазах происходит процесс ассоциирования капиталов в целях производства и обращения в форме акционерных обществ - процесс, поглощающий изолированные капиталы и изолированных рабочих. Возникают также ассоциации в целях страхования. Возникают ассоциации, организующие транспорт, хранение, продажу продуктов, общества для торговли предметами непосредственного потребления. Все это, по Пеккёру, предвестники и зародыши нового мира в социальной экономике, «переходные опыты новой индустриальной организации». Задача состоит в том, чтобы среди этих новых форм найти тот способ ассоциации, который в наибольшей степени отвечает интересам всех и каждого⁶⁰.

Трансформация промышленности может идти путем создания акционерных обществ, объединяющих крупные капиталы. Этот путь - путь промышленного феодализма - означает пролетаризацию мелких собственников, которые не могут сохранить при распространении новых машин свои мелкие предприятия, не могут бороться с крупной промышленностью. Как мы уже говорили, Пеккёр считает, что в передовых, свободных обществах с раздробленными богатствами более вероятен другой путь - путь «ассоциации средних классов», не экспроприирующей, а объединяющей мелких производителей. Исчезновение мелкой индустрии не есть исчезновение мелких капиталов. Доказательства этому, помимо приведенных выше общих соображений, Пеккёр видит в фактах наблюдаемой им экономической действительности. Преобразование изолированной промышленности в ассоциированную производят не только крупные капиталисты, но также и представители средних и низших классов. Таковы общества взаимопомощи рабочих, кооперативные товарищества в Англии, общины моравских братьев и т.д. Жизнь направляет все умы в сторону ассоциации. Лишь медленность этого потока преобразований мешает оценить все их историческое значение. Среди всех этих новых форм объединения в первой своей большой работе - «Des interets du commerce» - Пеккёр уделяет особое внимание анонимным обществам с мелкими акциями.

Пеккёр признает, что в своей характеристике таких обществ он не имеет в виду конкретных обществ, существующих в той или иной стране. Он дает идеализированное изображение этого типа «с точки зрения будущего». Но отдельные черты типа имеются уже в реальной жизни. Основные положительные его признаки таковы: участие мелких и многочисленных капиталов в общем крупном производстве; участие каждого в общем доходе соответственно размеру взноса; тенденция к постепенной социализации движимых и недвижимых фондов. В таких обществах акционеры принимают деятельное участие в ведении дела путем общих собраний; они избирают и смещают администрацию предприятий. Пеккёр уверен, что будущее принадлежит именно этому виду обществ и что в дальнейшем они будут становиться все более демократическими путем перехода на систему «бесконечно мелких» акций.

Такая «демократизация» не означает, однако, что в обществах будут объединены только мелкие капиталы. Наоборот, следуя за Фурье, Пеккёр объявляет наиболее желательной такую организацию обществ, при которой в них объединяются и крупные, и средние, и мелкие капиталы: это создает солидарность интересов, приближает слияние классов и позволяет без нарушения непрерывности перейти от одного социального строя к другому. Конечно, Пеккёр понимает, что и в такие общества могут проникнуть спекулянты. Именно здесь и желательно вмешательство государства, которое посредством соответственного законодательства должно изгнать из ассоциации «ажитаж», должно обеспечить сохранность взноса акционеров и социальных фондов. Акционерные общества с мелкими акциями могут служить прекрасными орудиями достижения общего благосостояния. Но без вмешательства государственной власти они могут переродиться в антисоциальную силу⁶¹.

Возможность приложения в крупных предприятиях мельчайших капиталов связывает массы с социальными интересами, с «порядком», придает обществу стабильность. Рабочие предприятия могут становиться постепенно его соучастниками. Собственность ни у кого не отнимается, наоборот, она дается умелым, экономным, честным и предусмотрительным рабочим. И если только она приобретена, акционерные общества обеспечивают собственнику доход на путях объединения, вместо того чтобы подвергать собственность случайностям и борьбе, как это происходит при режиме конкуренции. Успех акционерного общества зависит от искусного и честного ведения дела, а успех каждого его члена - от его труда. Поэтому среди акционеров царит дух здорового, основанного на справедливости соревнования, в организации господствует «способность» - не потому, что ее члены добродетельны, а потому, что это соответствует их интересам. В то же время в такой ассоциации нет монотонности «антисоциального» абсолютного равенства, сохраняется иерархия рангов, способностей, состояний. Все хорошие стороны индивидуальной конкуренции останутся в силе и в акционерном обществе; активность, честность, достоинство, которые, по мнению Пеккёра, воспитывает мелкая собственность, сохраняются и у пайщика крупного предприятия, ибо только этими качествами может он приобрести власть и почет. Но люди перестанут мечтать о несчастной «собственной лавочке», в которой они ищут свободу, независимость и благосостояние, а находят нищету, зависимость и отчаяние⁶².

Акционерные общества с мелкими акциями возникают пока по преимуществу в мануфактурах. Это свидетельствует о том, что распространение этой формы в промышленности легче, чем в сельском хозяйстве. Тем не менее и в сельском хозяйстве материальное освобождение наиболее здоровой части населения, участие масс в социальных благах могут быть достигнуты лишь на пути образования акционерных обществ. Крупное хозяйство должно вытеснить мелкое в земледелии, как вытеснило в индустрии. Ростом индустрии вызывается рост спроса на продукты сельского хозяйства. Раздробленное хозяйство

не в состоянии удовлетворить этот спрос, и мелкие собственники это скоро поймут. Мелкие собственники не проявили инициативы в индустрии - и они уничтожены. Та же судьба ждет их в сельском хозяйстве, если они не поторопятся и не опередят крупный капитал в организации больших сельскохозяйственных предприятий. Экономия и обеспеченность, которые ждут их в ассоциации, - в сопоставлении с теми трудностями, которые стоят перед мелкими собственниками, - достаточны, чтобы привести их к товариществу. В том же направлении толкает мелких сельских хозяев влияние железных дорог. Железные дороги побуждают к объединению в целях совместного транспорта и совместной продажи продуктов. Примеры такого объединения дает уже молочное хозяйство Голландии и Швейцарии. С развитием железнодорожного транспорта сельским хозяевам придется выбирать между самоубийством (если они будут держаться за обособленные хозяйства) и процветанием (если они объединятся). Нужно лишь время, чтобы рассеять предрассудки мелких собственников; главное препятствие на пути к сельскохозяйственной ассоциации - в невежестве и нищете деревенской бедноты. Но это препятствие будет преодолено, когда мельчайшие собственники увидят перед собою пример и будут испытывать конкуренцию крупных товарищеских хозяйств. Возможно, что ассоциация осуществится в земледелии раньше, чем капиталисты успеют ограбить крестьян. Так будет идти процесс ассоциирования там, где земельная собственность раздроблена. В странах, где земельная собственность концентрирована, переход к ассоциации может произойти без предварительного дробления - путем привлечения многих к участию в собственности⁶³.

Распространение ассоциации в сельском хозяйстве - неизмеримая по своему историческому значению революция. Эта революция разрешает наилучшим образом стоящие перед сельским хозяйством проблемы. Сохраняя собственность, сохраняя дробление богатств, ассоциация в то же время их объединяет, соединяет преимущества крупной и мелкой культуры. Ассоциация обеспечивает сельскому населению благосостояние, освобождение и гармонию. Особенно переход к ассоциации выгоден для безземельных и малоземельных: если они не объединятся, им не миновать превращения в поденщиков. В ассоциации становится возможным применение новых методов сельского хозяйства, значительно повышающих его продукцию. И в то же время мелкие акции дают возможность достигнуть этих результатов, не жертвуя интересами личной свободы, независимостью мелких земельных собственников. В будущем ассоциация обещает привести к еще более значительным переменам в жизни деревни. Мелкая собственность привязывает семью к сельскому хозяйству. В ассоциации это прикрепление семьи к определенной профессии будет необязательно. Сельские хозяева, как теперь техники, военные и представители других профессий, будут выходить из всех слоев населения; они будут подготавливаться к своей деятельности в сельскохозяйственных школах. В деревнях появятся вместо хижин большие элегантные, чистые, многоэтажные дома. С архитектурой улучшатся и бытовые удобства деревни. Сельское население количественно возрастет⁶⁴.

Разрыв между промышленностью и сельским хозяйством, между городом и деревней Пеккёр считает пагубным для общего благосостояния и для дела цивилизации. Этот разрыв будет ликвидирован. Развитие путей сообщения, распространение железных дорог восстановят естественную связь между различными отраслями человеческой деятельности, сблизят город с деревней, разрушат косность деревенской жизни. Сближение будет происходить с обоих концов. Деревня будет усваивать некоторые черты города (будет становиться *un peu ville*), город - некоторые черты деревни (будет становиться *un peu campagne*). Это поведет к более разумному распределению индустриальных предприятий, к перераспределению населения. Мануфактуры будут создаваться рядом с фермами, будут рассеяны по всей территории. Моральное состояние рабочих улучшится. Сейчас их развращают условия жизни в больших городах. Перенесение промышленности в деревню восстановит простоту нравов и здоровье рабочих масс. В качестве завершающего шага на пути преодоления противоположности между городом и деревней Пеккёр предвидит слияние промышленности и сельского хозяйства в руках акционерных обществ для совместной эксплуатации фабрики и фермы. Первые симптомы этого процесса - соединение в одном хозяйстве сахароварения и свеклосеяния, винокурения и разведения картофеля⁶⁵.

Таким образом, общества с мелкими акциями перерастают постепенно в «коммуны», прототипом которых для Пеккёра являются, несомненно, фаланги Фурье. Сейчас проблему организации таких коммун, по мнению Пеккёра, невозможно серьезно ставить, не впадая в утопию. Но впоследствии она будет поставлена и будет решена, ибо человечество не может не искать наилучшей комбинации способностей и интересов - комбинации, совместимой с ростом населения, производства, богатства, с одной стороны, с ростом свободы и морали - с другой. Коммуна Пеккёра - разновидность акционерного общества с мелкими акциями; она объединяет в себе от 3 до 4 тыс. человек, обитающих в общих обширных и прекрасных зданиях. Коммуна не является специализированным предприятием. Ее члены занимаются и промышленностью, и сельским хозяйством, и торговлей. Они сообща творят своим трудом общее благосостояние. И в то же время в коммуне признаются и уважаются индивидуальная собственность, семейная жизнь, неравенство заслуг и способностей. Размеры дивиденда и нормы заработной платы определяются общим собранием пайщиков; тем же общим собранием избираются руководители. Пеккёр предполагает, что в коммуне вряд ли будут «непредусмотрительные» рабочие, которые не будут состоять акционерами. Отделенные друг от друга четырьмя километрами полей, коммунальные жилища соединят преимущества большого города и деревни. Потребление в коммуне будет централизовано, не становясь общим. Эта централизация дает большую экономию. Но организация потребления отнюдь не напоминает монастырь или казарму - это ассоциация в потреблении, общая кухня, а не общая жизнь, подчеркивает Пеккёр, отмежевываясь от потребительского коммунизма⁶⁶.

Одну из самых трудных проблем в учении Пеккёра о социальном преобразовании представляет проблема превращения пролетария в пайщика акционерного общества, т.е. в полноправного члена ассоциации. Как мы видели, он надеется, что экономные и предусмотрительные рабочие сумеют стать пайщиками акционерных обществ. Он мечтает, что в будущих коммунах все рабочие будут акционерами. Тем не менее он понимает, как трудно рабочему «капитализировать», и неоднократно возвращается к вопросу, какими способами разрешение этой задачи может быть и будет облегчено.

Масса рабочих, говорит Пеккёр, не обладает сейчас капиталом, и эти рабочие не могут стать акционерами. Мало того, условия существования рабочих таковы, что они, юридически не будучи рабами, могут быть названы рабами нищеты. Они составляют объект эксплуатации, подобно машинам. На арене, где господствует конкуренция, каждый старается приобрести то, что ему нужно, как можно дешевле. При режиме *laissez faire* стоимость человека также имеет тенденцию к понижению, конкуренция обесценивает рабочие руки. Но мы уже говорили, что на этой пессимистической характеристике положения Пеккёр не может остановиться; такая характеристика предрасполагает к революционным выводам, ее очень трудно согласовать с учением о мирном росте ассоциации. Поэтому, вопреки всему сказанному выше, Пеккёр убеждает читателя, что следует ожидать улучшения судьбы рабочих. Обычно он связывает это улучшение с влиянием машин, с умственной и политической эмансипацией пролетариата, с ростом потребностей, с объединением рабочих в больших предприятиях⁶⁷. Общество ожидает цепь пертурбаций, если оно не пойдет в известной мере навстречу осознавшим свои права пролетариям. Нельзя оставлять их в состоянии открытого мятежа или пассивного сопротивления. Благоразумие побудит правительство и предпринимателей в интересах мира и безопасности дать рабочим возможность скопить сбережения и повиситься до положения пайщиков. Иначе обществу грозит гражданская война. Не случайно опыты организации, стремящейся гармонизировать труд, капитал и способность, идут, по Пеккёру, оттуда, где рабочие соединены в больших массах и как бы составляют товарищескую корпорацию (углекопы Анзена, ткачи Лиона и т.п.). Таким образом, если классовая борьба рабочих не является в учении Пеккёра движущей силой социального преобразования, то косвенно она этому преобразованию содействует, оказывая давление на государственную власть и на капиталистов.

Однако Пеккёру эта мотивировка уступок капиталистов рабочему классу представляется, по-видимому, слишком «низменной»; наряду с нею он выдвигает мотивировку более «возвышенную». Напоминая о том, что господа «добровольно» освободили рабов и сервов, Пеккёр утверждает, что богатые не смогут остаться глухи к проповеди братства, что они в силу братских чувств освободят своих рабочих, допустив их в качестве сотоварищей и даже сделав на их имя первый взнос (!). Повышение заработной платы и превращение рабочих в пайщиков будут результатом морального прогресса. Как на пример филантропии

предпринимателей Пеккёр указывает на деятельность Оуэна. Многие капиталисты были бы готовы, по мнению Пеккёра, последовать этому примеру, пойти на добровольные жертвы, если бы не конкуренция, если бы не страх перед кризисами и разорением. Но с развитием ассоциации, сокращающей нездоровую конкуренцию и повышающей стабильность предприятий, этот довод против увеличения доли рабочего в доходах будет терять свое значение.

Пеккёр считает необходимым предостеречь от чрезмерных ожиданий. Никакой предприниматель не в состоянии полностью обеспечить существование и заработок рабочего: такое обеспечение, говорит Пеккёр, может дать лишь социализация орудий труда - прекрасная утопия для нашего времени. Не следует мечтать также об уравнивании рабочего с предпринимателем в правах на доход предприятия. Речь идет лишь о повышении дохода, которое даст рабочему возможность делать сбережения. Из разных способов решения этой задачи Пеккёр сочувственно относится к участию рабочих в прибылях. Но рабочие не могут претендовать на то, чтобы быть участниками в прибылях на тех же основаниях, как и те, кто вложил в предприятие свой капитал. Ибо рабочие, не имея доли в общем фонде, не участвуют в убытках. Лишь тогда, когда рабочий сумеет накопить своей бережливостью некоторый капитал и внесет его в предприятие, он будет получать долю дивиденда, пропорциональную этому капиталу. Предлагаемый Пеккёром способ гарантировать рабочему возможность «капитализировать» составляет повышение заработной платы, сопровождаемое некоторым изменением ее формы. Заработная плата, заявляет Пеккёр, должна состоять из трех частей: 1) минимальная и фиксированная поденная плата; 2) плата условная, зависящая от чистого дохода предприятия или роста этого дохода; 3) плата, зависящая от экономии в средствах производства, во времени производства. Из второй и третьей части заработной платы рабочий получает на руки треть или половину. Остальное «капитализируется» через сберегательную кассу. Такая система, по Пеккёру, пойдет на пользу не только рабочим, но и предприятию, ибо рабочие будут заинтересованы в его процветании.

Это преобразование должно войти в жизнь без государственного вмешательства, на основе соглашения. Пеккёр высказывается против регламентации законом минимума заработной платы, ибо закон в этой сфере может только санкционировать уже складывающиеся в жизни отношения⁶⁸. Правительство может содействовать улучшению положения рабочих другим мероприятием - организацией общественных мастерских для бесплатного технического обучения подрастающего поколения. Косвенно государство влияет на повышение доли рабочих в доходах своей промышленной деятельностью. Оно обеспечивает своих служащих фиксированным жалованьем, отпусками, бесплатным лечением и т.п. Эти условия работы государственных служащих являются образцом для частных предпринимателей. Стачки рабочих, как средство повышения заработной платы, Пеккёр расценивает отрицательно: стачки, вызывая непрерывные беспорядки, лишь ухудшают положение рабочих⁶⁹.

Наряду с указанным путем вовлечения пролетариата в ассоциацию - через сбережения рабочих и приобретение ими паев в акционерных обществах - Пеккёр намечает и другой путь - через образование чисто рабочих товариществ. Как известно, идея устранения или смягчения социального зла при помощи организации рабочих ассоциаций была в 30-х годах XIX в. довольно широко распространена в демократических кругах Франции. Она пользовалась популярностью среди квалифицированных парижских рабочих. Мы находим ее даже у людей, весьма далеких от социализма.

Пеккёр не внес в разработку этой идеи ничего существенно нового. Оба пути ассоциации, говорит Пеккёр, требуют известных усилий и жертв со стороны рабочих; без этого они вновь подпадут под иго феодальной зависимости. Путь организации рабочих товариществ предполагает высокий уровень морали. Рабочие товарищества представляют собою образованные без «посредников-паразитов» производственные объединения с неотчуждаемым общим фондом. В таких объединениях нет капиталистов, нет и процента на капитал. Есть лишь рабочие, получающие в соответствии со своим трудом, живущие трудом, не ждущие ничего ни от капитала, ни от таланта. Излишек дохода сверх заработной платы, пропорциональной труду, ежегодно отчисляется в общественный капитал. По мнению Пеккёра, многие рабочие мануфактур с охотой пойдут в такие товарищества. Если сейчас осуществление чисто рабочих ассоциаций все же представляется делом трудным, то будущие поколения будут считать справедливым и естественным такой порядок, при котором каждый живет лишь тем, что он получает за свой труд. Пеккёр надеется, что среди рабочих найдутся интеллигентные люди, в которых силен «дух ассоциации» и которые могут выступить в качестве организаторов движения. Так возникнут новые очаги производства, сбыт продукции которых обеспечен потреблением самих его участников.

К рабочим примкнут филантропы, новаторы всех классов. Возможно, что за дело организации товариществ среди низших классов возьмется и государство, так как это соответствует интересам большинства. Создадутся условия, при которых руководителям индустрии, буржуазии, окажется выгодным взять в свои руки инициативу, чтобы не потерять своего влияния в обществе. Разумно ли будет с точки зрения буржуазии допустить, спрашивает Пеккёр, чтобы рядом с ее миром развивался «новый промышленный мир», противопоставляющий конкуренции свою солидарность и свои ресурсы?

Таким образом, и на пути создания самостоятельных рабочих ассоциаций Пеккёр видит в буржуазии не враждебную силу, но силу содействующую. Идеализируя «средний класс», победивший «патрициев», создавший новые богатства и узаконивший «право способности», ссылаясь на «общность происхождения» буржуазии и пролетариата от рабов и сервов, Пеккёр объявляет классовую борьбу между ними результатом «ослепления» обеих сторон⁷⁰. В действительности ослеплен, конечно, сам Пеккёр. Верно, что буржуазия не может примириться с созданием «нового промышленного мира»; но из

этого следует не то, что она будет помогать его созданию, а то, что она будет бороться против него с напряжением всех своих сил.

Как человек, прошедший школу сен-симонизма, Пеккёр не может не коснуться роли банков в процессе роста ассоциации. Он считает банки прекрасным средством для передачи орудий труда из рук тех, кто не может и не хочет их использовать, в руки тех, кто и может и хочет, но у кого нет ничего, кроме силы и способностей. С другой стороны, банки представляют искушение для авантюризма и спекуляции. До сих пор они были полезны лишь тем, кто уже имеет. Уменьшение числа кредитруемых с ростом ассоциаций и улучшение информации о положении промышленных предприятий затруднят, по Пеккёру, спекуляцию и понизят интерес к ней. Банки могут стать «народными». Им недостает сейчас для должного выполнения их положительных функций единства действий и общего контроля представительной власти. Вмешательство государства может дать им должное направление. И тогда они смогут принести пользу, регулируя производство, устанавливая равновесие между производством и потреблением, предупреждая кризисы.

Однако с дальнейшим распространением акционерных обществ последние, вероятно, вытеснят банки, взяв на себя их функции. Между капиталистами и промышленниками установится непосредственная связь. Ресурсы ассоциаций будут всем ясны - в отличие от индивидуального производства, руководство которого может не оправдать доверия и погубить все вложенные в дело средства. Поэтому капиталы смогут притекать в ассоциации без участия банкиров. В дальнейшем для целей распределения капиталов будет создан центральный орган национального кредита, и этим будет положен конец всем спекуляциям паразитов, кредит будет освобожден от личной жадности. Национальный центр будет кредитовать труд, талант и мораль независимо от обеспечения богатством, облегчая, таким образом, переход из положения рабочего в положение пайщика. Он будет кредитовать по преимуществу коллективные предприятия, поощряя тем самым распространение ассоциации. Он будет содействовать установлению связей между кредитруемыми ассоциациями, побуждая их заключать между собою обязательства о взаимном обмене продуктами, создавая конторы для покупки и продажи товаров и вытесняя посредников-торговцев.

Каждая ассоциация будет получать право выпускать свои продукты на рынок лишь по удовлетворении спроса другой ассоциации, с которой она заключила соглашение. Все пользующиеся кредитом ассоциации будут производить из своих дивидендов отчисления в «общий социальный фонд», который не может быть выпущен на арену свободной конкуренции. Наличие общего фонда, направляемого в тот или иной центр производства, отпуск кредита или отказ в нем будет содействовать созданию единой общей системы производства и обмена под единым руководством. Национальный центр, имея в своем распоряжении сеть разбросанных по стране контор по отдельным специальностям, будет хорошо осведомлен о спросе и предложении, без чего регулирование хозяйства было бы невозможно. С созданием такой организации будут

окончательно ликвидированы анархическая конкуренция и «слепое» производство⁷¹.

Так общество будет постепенно двигаться ко все более полной и широкой социализации орудий труда, ко все более справедливому распределению благ. Одновременно с распространением ассоциаций, с ростом системы связей между ними будет укрепляться их внутреннее строение. Ассоциации будут объявлены нерасторжимыми, а их капитал неотчуждаемым. При занятии руководящих постов в ассоциаций утвердится система избрания по конкурсу. Но весь этот процесс расширения и углубления ассоциации, как и ее возникновение, будет, как выражается Пеккёр, факультативен, т.е. будет протекать без принуждения со стороны государственной власти. Пути развития ассоциации в разных странах могут быть различны в зависимости от нравов, от уровня цивилизации. Но направление развития во всех случаях одно - к возможно полной при данном уровне морали централизации и социализации орудий труда⁷².

На той стадии ассоциации, которая возможна в ближайшем будущем, неравенство будет еще довольно значительным. Но оно не будет давать богатым политических и антисоциальных привилегий. Промышленный механизм будет включать в себя и самые «интегральные» ассоциации, и весьма дробные хозяйственные единицы. В некоторых отраслях - в розничной торговле, в производстве предметов искусства, в производстве новых предметов - будут сохранены индивидуальные предприятия и индивидуальная инициатива. Будут нужны, как говорит Пеккёр, и омнибусы, и частные экипажи. Не будет анархической конкуренции, но не будет и монопольной централизации. Формой промышленной организации, как и формой организации политической, будет представительное правление. Руководство промышленными предприятиями будет передаваться «по способности», а не по наследству. Власть будет регулировать пользование орудиями производства богатств. Но она отнюдь не будет препятствовать их образованию.

Несмотря на создание условий, облегчающих переход рабочих в пайщики, несмотря на то, что «все имеют возможность приобрести капитал», в ассоциациях будут еще, наряду с капиталистами-нерабочими и рабочими-пайщиками, рабочие, не имеющие никакого капитала. Но положение последней категории рабочих будет значительно лучше, чем при режиме индивидуальной конкуренции. Им будет обеспечен за добросовестную работу прожиточный минимум и бесплатное обучение. Будут созданы условия, при которых нуждаться будут только ленивые и непредусмотрительные рабочие. Дух солидарности, сказывающийся в рабочей среде даже в наше время господства крайнего индивидуализма, приведет при режиме ассоциации к созданию сети рабочих организаций. Если сейчас общества взаимопомощи рабочих имеют в виду главным образом поддержку своих членов в случаях болезни и безработицы, то в будущем их функции значительно расширятся: их кассы будут оказывать помощь в случае старости, инвалидности, будут поддерживать вдов и сирот; в каждой отрасли промышленности будет бюро, концентрирующее

все сведения о спросе и предложении труда. Рабочие организации будут объединены в районном и в национальном масштабе, создастся как бы «франк-масонское братство» труда. Право на участие в выборах должностных лиц предприятия будет давать при этом режиме только обладание паем или выполнение руководящей функции. Рабочие, не имеющие акций, не входят в избирательный корпус индустрии. Но возможно, что в представительных органах промышленности от них будут допущены делегации, ибо они заинтересованы в успехе предприятия. Это будет как бы своего рода «третье сословие»⁷³.

Основные принципы распределения для рассматриваемого периода, как его представляет себе Пеккёр, полностью отвечают установкам школы Фурье. Первый принцип - обеспечение для всех прожиточного минимума: «раньше необходимое для всех и лишь затем излишнее для немногих». Второй принцип - вознаграждение таланта (но умеренное). Третий принцип - сохранение дохода на капитал. Собственность и наследование не будут отменены. Но присвоение орудий труда и право наследования будут иметь все меньше и меньше вредных последствий, ибо с распространением акционерных обществ по наследству будут передаваться акции, а не земля, не промышленное предприятие, словом - не орудия труда сами по себе. Индивидуальная собственность будет существовать как собственность на акции; производственные фонды будут фондами социальными. Массы протестуют не против индивидуального права собственности, а против его исключительности, против монополии, против инфеодации земли и средств производства. В ассоциации у каждого будет возможность проложить себе дорогу в жизнь, приобрести капитал. Когда капитал будет у всех, его существование не будет представлять никакого неудобства, а между тем в форме капитала будет сохранен мощный стимул промышленной активности⁷⁴.

Политической характеристике режима ассоциации, как и вообще вопросам политического устройства, Пеккёр не уделяет особого внимания, и его замечания по этому вопросу не отличаются четкостью.

Как мы уже указывали, Пеккёр считает себя учеником Руссо и Французской революции. В принципе он сторонник демократии. Однако в своих ранних произведениях он доказывает, что воля народа отнюдь не всегда должна выражаться через всеобщее голосование. Всеобщее избирательное право, говорит Пеккёр, есть принцип, применяемый в зависимости от уровня культуры. Демократия - право и тенденция. С ростом морали и культуры власть будет становиться все более и более полным выражением общей воли. При режиме ассоциации, как думает Пеккёр, политические права будут связаны с промышленным цензом, ибо предполагается, что тот, у кого есть акции, заинтересован в порядке и имеет известные способности. Иными словами, политическими правами будут пользоваться пайщики ассоциаций - выросший с ростом богатств средний класс. Где есть собственники, капиталисты, т.е. граждане, т.е. люди свободные, разумные, моральные, друзья порядка и мира. Избирательное право будет добываться усилиями, трудом, предусмотрительностью, будет рассматриваться как вознаграждение, а не как бесспорное право, равно принадлежащее невежеству и знанию,

безнравственности и морали. Наилучшей формой политического представительства Пеккёр считает представительство от экономических организаций: от сельскохозяйственных, промышленных и торговых групп и коллективов. Интересно, что в этой связи он упоминает также об участии в выборах рабочих организаций.

Освобождаясь от нищеты, подымаясь в материальном, моральном и интеллектуальном отношении, человек будет законно получать избирательное право, которого его приходится лишать в силу его невежества и грубости. При всей своей вере в прогресс Пеккёр высказывает иногда мысль, что точное осуществление принципа всеобщего избирательного права вообще невозможно. И в будущем политические права, говорит он в своей первой работе, всегда будут законной привилегией сферы разума, морали и благосостояния. В известном смысле политический строй будущего представляется ему строем аристократическим. Это не будет, однако, наследственная аристократия. Наследственная аристократия, утверждает Пеккёр, не только не содействовала интересам справедливости и добра, но была на пути к ним препятствием. Нужна аристократия темперамента и воспитания, выделяющаяся своими способностями и заслугами. Этот промышленный, моральный, интеллектуальный цвет нации, эти избранные должны пользоваться известными привилегиями. Но они не будут представлять замкнутой, неподвижной касты. Монархии, по мнению Пеккёра, могут сохранить свое существование и в будущем обществе. Но прерогативы монархов будут согласованы с интересами общественного порядка, основанного на труде. На вопросе о том, в чем будет состоять это согласование, Пеккёр не останавливается, если не считать его указания, что в монархии наследственной управление должно быть в руках ответственного министерства". Отметим, что в более поздних произведениях, как мы еще увидим ниже, Пеккёр переходит на более демократические позиции.

Рассмотренные нами социальные и политические отношения Пеккёр считает стоящими значительно выше современных и по сравнению с последними очень привлекательными. Однако это не последний шаг в развитии человеческого общества. Вообще нет и не может быть абсолютной окончательной доктрины. Прогресс человечества бесконечен. Режим ассоциации соответствует определенному уровню развития человечества. Но в нем есть свои опасности. В известном противоречии с тем, что он говорил раньше, Пеккёр объявляет опасным основной фурьеристский принцип распределения дохода между трудом, талантом и капиталом.

Как бы забывая, что в другом месте того же произведения он доказывал безвредность капитала при режиме ассоциации, Пеккёр неожиданно выступает против дохода на капитал, даже в той форме, какую он получает в проектируемой им ассоциации. От участия капитала в дивиденде, говорит он, как из ящика Пандоры, проистекают все беды, связанные с неравенством богатств. Но более совершенная экономическая комбинация требует от массы таких качеств, какими она сейчас не обладает. Собственность и наследование будут сохранены,

пока люди в своем большинстве не согласятся жить во взаимной солидарности, пока каждый не будет уверен, что он всегда найдет в общей мастерской свою функцию и средства к существованию, пока каждый не будет считать своей обязанностью принести свой камень для построения гармонии и счастья человечества. Тогда общественное мнение будет считать труд законом для всех, капитал и собственность утратят свой смысл. Труд станет привлекательным, он будет средством приобретения популярности и влияния. Люди, уверенные, что труд будет у них всегда, не станут думать о накоплении капитала. Труд, капитал и талант, предсказывает Пеккёр, сольются в едином святом равенстве. Это время еще далеко, не считаться с этим было бы утопией. Но это время настанет. Распространение ассоциаций, их объединение, усовершенствование их внутренней организации, моральное и интеллектуальное воспитание людей в ассоциациях неизбежно приведут человечество к более высокому типу, социализации орудий труда⁷⁶.

Изложенные нами рассуждения Пеккёра о путях и перспективах развития современного общества даны им в его работе, вышедшей в свет в 1837 г. Они носят на себе следы самых разнообразных влияний, не сведенных в единое целое. К тому же по существу вопросу возвращается он в «Новой теории» в разделе о переходных мероприятиях, ведущих к социализации земли и к ассоциации⁷⁷. Пеккёр отказывается здесь от идеализации акционерных обществ с мелкими акциями, которым он приписывал ранее «социализирующую роль». На первое место он выдвигает образование небольших рабочих ассоциаций, не требующих материальной помощи государства. Такие ассоциации могут охватывать одну или несколько специальностей, дальнейшая пропаганда духа ассоциации приведет затем к их объединению. Однако этому, так сказать, естественному росту ассоциации должна содействовать государственная власть.

Мы знаем, что от содействия государства Пеккёр не отказывался и раньше. В «Новой теории» он пытается наметить некоторые возможные формы этого содействия. Должен быть издан закон об организации труда, устанавливающий следующие положения: 1) собственник орудий труда, у которого занято рабочих больше определенного числа, лишается права самостоятельного руководства предприятиями и обязуется передать руководство администрации и совету, выбранным рабочими; совет определяет число часов труда и размер продукции; 2) доход собственника орудий труда на его капитал не может превышать 4%; 3) изъятие капитала из производства воспрещается; 4) государством устанавливается минимум заработной платы; 5) с другой стороны, воспрещается уход рабочего с предприятия до истечения установленного срока и без предупреждения. Тот же закон должен гарантировать рабочему право на труд. Кому государство не может предоставить работу, тому оно выплачивает пособие по безработице в размере прожиточного минимума. При этом размер пособия зависит от причины утраты работы: оно достигает максимального размера, если безработица вызвана закрытием предприятия; оно минимально, если безработица является результатом лени или непорядочного поведения. Если

безработные могут быть использованы на общественных работах, они вместо пособия получают заработную плату, которая, однако, должна быть ниже существующей нормы.

Наряду с законом об организации труда Пеккёр предлагает закон о передаче государству права наследования по боковой линии. Поступившие в распоряжение государства в силу этого закона имущества должны быть использованы для поощрения и организации ассоциаций. Так постепенно общество придет в конце концов к признанию всех орудий труда неотчуждаемыми, к их полной социализации. Пеккёр, подобно многим его современникам, предлагает испытать свою систему на опыте, выделив для этой цели Алжир⁷⁷, недавно захваченный Францией, объявив завоеванные африканские территории неотчуждаемой и неделимой общественной собственностью. Интересно, что о судьбе туземного населения Алжира Пеккёр в этой связи совсем не упоминает⁷⁸.

В 1848 г.; как мы уже отмечали, Пеккёр принимал весьма активное участие в работе Люксембургской комиссии. В докладе и в предложениях комиссии, несомненно, в какой-то степени отразилось его влияние. Но все же эти документы являются результатом коллективного творчества, руководящая роль в котором (принадлежала не Пеккёру, а Луи Блану. Выделить в нем индивидуальную долю Пеккёра - задача при имеющемся в нашем распоряжении материале невыполнимая. Печальный результат деятельности Люксембургской комиссии должен был принести Пеккёру громадное разочарование, рассеять многие из его иллюзий.

Осенью 1849 г. Пеккёр приступил к изданию собственного журнала «Salut du peuple» («Спасение народа»). В развитии революционного процесса во Франции это время отмечено новым подъемом демократического движения. Политика контрреволюционной буржуазии, прибравшей власть к своим рукам после июльского поражения пролетариата и избрания президентом Луи-Наполеона, неизбежно должна была толкать влево мелкую буржуазию и крестьянство. «Мелкие буржуа, - говорит Маркс, - в ужасе поняли, что, разбив рабочих, они без сопротивления отдали себя в руки своих кредиторов»⁷⁹. Мероприятия буржуазной коалиции, особенно ее налоговая политика, содействовали политическому воспитанию крестьянства, пробуждали в крестьянских массах понимание того, в каком лагере находятся их эксплуататоры, в каком - их возможные союзники. Противостоя объединенным силам контрреволюции, революционирующиеся мелкие буржуа и крестьяне, естественно, стремились к объединению с рабочим классом. Эта тенденция проявлялась уже в союзе буржуазных демократов (Горы) с вождями социалистического движения в начале 1849 г.; поворот в общественных настроениях сказался также в результате дополнительных выборов осенью 1849 г. и в начале 1850 г.

Происходило объединение демократических сил, чреватое опасностями для господствующей буржуазии, - объединение вокруг «красного знамени». Вновь приобрели злободневность все вопросы

социального преобразования, поставленные старыми социалистическими школами: вопрос о кредитовании труда, о различных способах организации ассоциаций и о государственной помощи ассоциациям, о национальных мастерских, о роли в социальном преобразовании различных слоев населения, о завершении революции и о новой революции. В то время как наиболее передовые элементы пролетариата под впечатлением уроков революции все более тяготели к революционному коммунизму, различные течения мелкобуржуазного социализма, пользуясь благоприятной ситуацией, созданной для них сближением мелкой буржуазии с рабочим классом, пытались выступать вновь со своими старыми рецептами искоренения социальных зол. Именно в этот период революции и начал Пеккёр издавать свой журнал.

Опыт революции 1848 г., несомненно, внес некоторые новые оттенки в «социальную науку» Пеккёра, хотя ее основные принципы и остались неизменными. В «Salut du peuple» он выступает, как и до революции, защитником идеи мирного прогресса. Партия, заявляет Пеккёр, которая выдвигает в качестве своего девиза насилие, изъятия, мятежи и репрессии, партия, которая руководствуется гневом и местью, обрекает себя на поражение. Демократия должна быть верна своим принципам. Ее цель - обновление чувств и идей, ее средство - убеждение. Обновление учреждений и законов придет затем само собой⁸⁰. Пеккёр и в 1850 г. продолжает призывать к «разумному» решению социального вопроса, к уступкам со стороны имущих классов, ко всеобщему «соглашению»⁸¹. И все же в его отношении к революции и к революционному насилию чувствуется перемена.

В 5-м номере пеккёровского журнала помещена в качестве передовой статья под своеобразным заглавием: «Прогресс через страдание»⁸². Марси, автор монографии о Пеккёре, утверждает, что все статьи в «Salut du peuple» были написаны самим Пеккёром. Мы не имеем возможности проверить это утверждение, но считаем его весьма правдоподобным. Во всяком случае, помещение указанной статьи на первом месте свидетельствует о том, что выраженные в ней мысли полностью разделялись Пеккёром как редактором журнала.

Мы предчувствуем, говорится в статье, что революционный поток, унося последние остатки языческого и феодального прошлого, минует все иллюзорные компромиссы со злом, которые именуются переходными мерами, и вольется в чистые воды самого последовательного социализма. Это предчувствие не есть результат ведущего к самообману желаний; оно основывается на уроках истории. «Прогресс, который должен был бы совершаться под общие крики радости и освящаться религиозными церемониями, осуществлялся всегда до сих пор на путях скорби, среди всеобщего траура. То, что для будущего является громадным достижением, благословением свыше, представляется в настоящем длительным искуплением ошибок прошлого...» Прошлого не хочет уступать будущему, сила не хочет уступать справедливости, факт - праву, предрассудок - разуму, невежество - знанию. Отсюда неизбежность насильственного решения социальных проблем. Всякая сколько-нибудь значительная эволюция всегда происходила в истории в

***** Французские войска вторглись в Алжир в 1830 г. и до 1881 г. подавляли сопротивление племен, боровшихся с захватчиками.

недрах революции. Покажите мне, восклицает автор, прогресс в учреждениях и правах, который совершился бы иначе. Привилегированные и удовлетворенные никогда не проявляют желания вступать на путь, который, по их мнению, ведет их к пропасти или к социальной смерти. Они издали чуют конец своих привилегий. Поэтому они против переходных мер, против уступок. Ведь это переход к упразднению того, что они считают своим абсолютным правом. В данный момент, например, это переход к лишению прав капитала и к воцарению труда. Не ждите от них ничего. Никогда не принимали они достойно прогрессивного и мирного движения к лучшему. Судя по урокам истории, следует ожидать, что в обоих лагерях будут готовиться: в одном - к атаке, в другом - к отпору. И если бы завтра собрались Генеральные Штаты, в которых участвовали бы, с одной стороны, капиталисты и собственники, с другой - рабочие, пролетарии, то мы увидели бы, как гордые узлы социализма разрываются мечом, в огне гражданской войны, быть может, ценой смерти наций, которые сейчас являются передовыми.

Искать каких-либо средств мирного перехода, способных примирить добро и зло, - это безнадежная задача. Если бы человечество в прошлом ждало открытия таких средств, чтобы освободиться от несправедливостей, установившихся в течение веков, то мы и до сих пор жили бы в режиме каст и антропофагии. Если не будет внезапно проявления чувств любви и милосердия во всех душах, общество ждет одно из двух: или возвращение к варварству, или гигантский скачок по пути прогресса через ожидающий нас революционный ураган. В этом урагане исчезнут старые права, старые учреждения, а может быть, и старые нации.

Представлениям Пеккёра о революции не чужды элементы диалектики.

Не следует думать, заявляет он, что пролетариат удовлетворится переходными мероприятиями, которые в действительности ничего не излечивают. Кто говорит «переход», - говорит «развитие». Но в глубоких революциях общество не развивается, оно трансформируется. И в этих случаях происходит перерыв последовательности между тем, что было, и тем, что становится. Переходы возможны, когда из одного и того же принципа извлекаются новые выводы. Но когда дело идет о переходе от одного принципа, выводы из которого уже исчерпаны, к другому принципу, тогда провиденциальной неизбежностью становится революция, т.е., как мы сказали, перерыв последовательности. Мы находимся сейчас именно в таком положении, ибо нам предстоит перейти от последних применений принципа индивидуализма к первым применениям принципа солидарности, коллективизма⁸³.

Как мы видели, в статье все же предусматривается, хотя и в очень неопределенной форме, возможность мирного разрешения кризиса в случае победы в сердцах людей чувств любви и милосердия. Поэтому автор, хотя он и предостерегает оптимистам разочарование, считает все же нужным обратиться с призывом к высшим классам. «Вы говорите, что вы хотите социального мира? Хорошо, есть простое и верное средство: даруйте и соблюдайте социальную справедливость, которая

предусматривает равенство состояний». Все зависит от здравого смысла богатых классов: насилия и беспорядок, которые они предвидят и которых они так боятся, произойдут лишь в результате их слепого и преступного сопротивления действительному прогрессу⁸⁴. В заключение статьи Пеккёр предостерегает: «Вспомните о судьбе стольких знаменитых наций - Рима, Греции, Египта, Ассирии... Берегитесь! Бессмертие обещано только тем нациям, которые борются за дело божье, т.е. за прогресс, за свободу, равенство и братство всех. Франция переживает торжественный и страшный момент; вопрос стоит для нее так: быть ала не быть; смерть или радикальная трансформация»⁸⁵.

Несмотря на это предупреждение, несмотря на обращение к доброй воле, характерные для дореволюционных произведений Пеккёра, бросается в глаза различие между тем, как трактуется проблема революции в изложенной статье, и тем, как разрешал ее Пеккёр в своих ранних работах. И это изменившееся отношение к революции сказывается не только в одном, случайном отрывке; оно чувствуется во всех тех случаях, когда Пеккёру приходится этой проблеме касаться. Уже во введении к первому номеру журнала Пеккёр называет восстание «средством спасения», «предохранительным клапаном» для народов, находящихся в критическом положении. Он отказывается давать теорию восстания, готовить к нему; но не потому, что оно недопустимо, а потому, что народ сам берется за это дело, когда настает для него момент. Это право нельзя у народа оспаривать. Ибо в анналах человеческой истории не бывало социальной эволюции без революций и революции без катаклизма⁸⁶.

Пеккёр считает, что законным восстание может быть не только тогда, когда оно направлено против монархии. Он заявляет, что меньшинство вправе и даже обязано восстать против правящего большинства, если большинство принимает решения, противоречащие принципу народного суверенитета (например, восстанавливает королевскую власть), если большинство нарушает вечные законы справедливости, если оно препятствует прогрессу, если оно утверждает неравенство. Восстание против несправедливости во имя прогресса есть долг перед богом и перед людьми⁸⁷. Если индивиды или меньшинства по совести считают существующее право ложным, у них остается возможность сопротивляться этому ложному праву, завоевывать силой ту свободу, в которой им отказывает сила⁸⁸. Некоторые страницы «*Salut du peuple*» звучат как настоящий призыв к восстанию.

Представляя себе будущее революционное столкновение, Пеккёр, как видим, ожидает, что на страже существующего порядка будут в этом столкновении капиталисты и собственники, на стороне, нового порядка - рабочие, пролетарии. Характерно, что в «*Salut du peuple*» мы совсем не находим упоминания о «средних классах», которым Пеккёр в конце 30-х и в начале 40-х годов отводил основную роль в деле общественного преобразования⁸⁹, эта роль принадлежит пролетариату. Только пролетариат, утверждает Пеккёр, свободен от подчинения доктрине интереса и совершившихся фактов. Пролетариат открывает эру революций. Не следует думать, что рабочие, поднявшие знамя

революции, стремятся только к повышению своего благосостояния. Нет, дело идет о торжественном признании прав равенства и братства, об «отмене» пролетариата, о новом этапе в развитии цивилизации, о выходе трудящихся классов на арену социальной и политической жизни⁹⁰. Цель не в том, чтобы победивший класс эгоистически стал на место побежденного, цель в слиянии классов, в том, чтобы человечество стало тем, чем оно должно быть, - единой семьей⁹¹.

Исходя из своего нового понимания исторических задач пролетариата, Пеккёр призывает рабочих к единению и солидарности. Единение и солидарность обеспечивают пролетариату достижение свободы, равенства и благосостояния. Оставаясь разрозненными, предоставленные самим себе, пролетарии увековечивают свое рабство. Рабочий, который этого не поймет, - раб по своей природе. Но наиболее интеллигентная часть рабочих, к которым в данном случае Пеккёр причисляет и крестьян, все это уже поняла, и скоро это будет ясно всей массе пролетариата. В единении - сила. Католики говорят: вне церкви нет спасения. Для рабочих вне всеобщей солидарности нет спасения. Итак, солидарность, восклицает Пеккёр, солидарность не только между рабочими одной отрасли промышленности, между рабочими одного кантона, не только между рабочими одной страны; нет - «святая солидарность рабочих всех стран Европы, а если бы это было сейчас возможно, и всего мира!..» Союз, который охватил бы не только тружеников города, но и тружеников деревни, собрал бы путем членских взносов громадные суммы и мог бы сделать чудеса⁹².

В первом же номере «*Salut du peuple*» Пеккёр выражает сомнение в целесообразности «переходных мер», если они не связаны с «радикальными принципами»⁹³. Улучшения паллиативного характера - это лишь временные остановки для пролетариев, идущих к завоеванию прав человека во всей их полноте. Убедившись в недостаточности таких мер, пролетарии неизбежно пойдут дальше к своей цели. В начавшейся революции дело идет не о реформах в торговле, не о запрещении ростовщичества - дело идет об уничтожении пролетариата, о реализации свободы, равенства, братства⁹⁴. Из этого не следует, однако, что Пеккёр отвергает возможность «постепенного» и «добровольного» перехода от существующего строя к последовательному социализму. Как в своих ранних произведениях, так и в своих статьях 1850 г., он предупреждает о необходимости считаться не только с теоретически построенным идеалом, но и с реальными возможностями. Чтобы достигнуть основных целей практического Социализма - социализации орудий труда, преобразования всех видов труда в социальные функции, экономического единства нации, равенства социальных, экономических и политических условий, - необходимо использовать все отношения и тенденции нашей эпохи. Исходя из этого, Пеккёр считает нужным предложить народу ряд различных способов разрешения указанных задач.

Все эти способы могут быть сведены, по его мнению, к двум категориям: общество может быть преобразовано снизу, путем индивидуальной инициативы, «путем свободы», или сверху, путем коллективной инициативы, путем государственных мероприятий⁹⁵.

Пеккёр напоминает, - очевидно, опровергая противников государственного вмешательства, - что «унитарные социалисты», к которым он себя причисляет, никогда не отрицали первого способа преобразования - «пути свободы». Наоборот, они всегда утверждали, что просвещенная свобода, косвенно поддерживаемая государством, может осуществить ассоциацию и все те преимущества, которые присущи организации труда, осуществляемой сверху.

Отправным пунктом преобразования общества на путях свободы является производственная корпорация рабочих. Это центр гilda, элемент новой социальной экономики. С точки зрения экономической, основное звено социалистического порядка составляет ассоциация, построенная на равенстве и солидарности интересов. Однако не следует думать, что образование «добровольных товариществ» рабочих само по себе способно разрешить социальную проблему⁹⁶. Если рабочие товарищества не объединятся тотчас же между собою, если они не заключат пакта солидарности и взаимности, не обеспечат таким образом верной «клиентеллы» для своих продуктов, - все пропало: они погибнут в борьбе с хитрыми и ловкими предпринимателями - капиталистами, которые ничего не пожалеют, чтобы их уничтожить⁹⁷. Помимо этой опасности, угрожающей рабочим товариществам извне, со стороны капиталистического мира, Пеккёр видит также в системе свободных товариществ внутренний порок, грозящий ей разложением. Этот порок - возможность конкуренции между самими товариществами и в результате ее - возможность подчинения одних товариществ другим, обладающим монополией на предметы первой необходимости. Следовательно, эта система не исключает неравенства, если даже отдельные товарищества основаны на принципах самого строгого равенства⁹⁸.

Итак, товарищества, организованные рабочими для производства за их собственный счет, должны быть в свою очередь объединены, они должны иметь единый регулирующий и направляющий их деятельность центр. Как в процессе организации свободных рабочих товариществ, так и в процессе их объединения Пеккёр отводит большую роль Союзу рабочих, объединяющему их силы. Этот Союз рабочих должен поставить себе целью организацию производства силами самих рабочих, без помощи капитала, уничтожение ростовщичества и частного предпринимательства, освобождение трудящихся от десятины, которую с них взимают под именем арендной платы, процента, прибыли. Для достижения этой цели необходимо: создать собственные предприятия с собственным капиталом; заключить соглашения для взаимного потребления продуктов этих предприятий, сформироваться для совместной закупки оптом продуктов, которые они сами не производят; бороться против понижения заработной платы членов Союза, работающих в частных предприятиях; обеспечить взаимопомощь на случай безработицы, болезни и т.д.⁹⁹

Начинать организацию собственного производства Пеккёр рекомендует с таких отраслей промышленности, которые наиболее соответствуют навыкам членов Союза, которые в данной местности имеют наибольшие шансы на успех. На работников каждого товарищества должно быть возложено обязательство производить все закупки исключительно в магазинах Союза. Для того чтобы выдержать конкуренцию с частными предпринимателями, заработную плату в товариществах надлежит определить на первых порах в том же размере, в каком ее получают в анархической индустрии, а продажную цену продуктов несколько ниже цены продуктов частных предпринимателей. Все члены товарищества должны участвовать в образовании его фонда путем взносов, впоследствии покрываемых товарами. Ни в коем случае не следует допускать капитал к такому участию в ассоциации, при котором капиталист мог бы приобрести решающее влияние на предприятия; вообще следует избегать займов и, в случае необходимости к ним прибегнуть, отказывать заимодавцам в праве вмешиваться во внутреннюю экономику ассоциации. Что касается капиталистов, сохраняющих еще свои собственные предприятия, то Союз рабочих может своей деятельностью вынудить их к переговорам о передаче руководства предприятием за справедливое вознаграждение уполномоченному ассоциации и таким образом добиться полной эмансипации рабочих предприятия от власти капитала и эксплуатации. На таких предприятиях должен быть организован при директоре совет, избираемый рабочими; за капиталистом можно сохранить право вето или право выбора из представленных ему нескольких кандидатов. Связь между объединенными товариществами должна осуществляться при посредстве выбранного ими административного совета; совет должен иметь полномочия контролировать деятельность каждого производственного центра, распределять между ними кредиты и труд; определять заработную плату и цены на товары; обеспечивать солидарность, взаимность и справедливость в отношениях между товариществами. Совет устранил возможность конкуренции между отдельными предприятиями, будет заботиться о распределении между ними продуктов, о сбыте их с максимальной пользой для всех членов ассоциации, будет определять тариф заработной платы.

Совет должен распределять между пайщиками чистый доход товарищества после выделения известной его части на общественные нужды. При распределении коллективного дохода должны быть приняты во внимание все потребности социальной и индивидуальной жизни. Прежде всего должны быть выделены суммы, необходимые для сохранения и дальнейшего роста неделимого и неотчуждаемого социального капитала. Должны быть предусмотрены: резерв на покрытие недовыработки слабых и малоспособных работников; резерв на случай болезней и временной нетрудоспособности членов ассоциации, резерв на отпуск, на развлечения, на путешествия и т.п.¹⁰⁰

Идеи рабочего союза как силы, содействующей преобразованию общества на началах ассоциации, мы не находим в ранних произведениях Пеккёра. Этого нельзя сказать про идею содействия

государства победе принципа ассоциации. Пеккёр никогда не отказывался от известных форм такого содействия. Однако не подлежит спору, что после 1848 г. Пеккёр склонен отводить государству в деле разрушения капиталистического порядка и утверждения порядка социалистического гораздо более значительную роль. Уточнению и углублению его взглядов по этому вопросу, несомненно, способствовало распространение прудоновских идей «анархии», с которыми Пеккёр полемизирует в той или иной форме в каждом номере своего журнала (в 1-м номере борьбе с прудонизмом посвящены даже две статьи: «Что такое государство» и «Первое письмо гражданину Прудону»¹⁰¹).

Принуждение, утверждает Пеккёр, полемизируя с анархистами, вполне законно, когда оно служит справедливости. Претензию анархистов обойтись без вмешательства государства в деле экономической организации Пеккёр считает противоречащей самым бесспорным истинам. Правда, он отмежевывается также и от сторонников диктатуры. Однако ее он все же допускает в моменты социальных катаклизмов, если она служит общественному благу¹⁰².

К вопросу о тех мероприятиях, при помощи которых государство содействует переходу от капитализма к социализму, Пеккёр обращается не раз и дает их в разных вариантах. Подробнее всего программа реформ, «ограничивающих» произвол и тиранию капиталистов и землевладельцев и тем самым помогающих делу социального преобразования, развита в одной из статей 5-го номера «*Salut du peuple*». Осуществление намечаемых в этой программе мероприятий установило бы, по мнению Пеккёра, некоторый переходный порядок между режимом «абсолютной апроприации» орудий труда и режимом функционального пользования ими. Этот переходный порядок Пеккёр называет режимом «условной апроприации», так как он допускает частное владение источниками общественного богатства, но на известных условиях. Эти условия таковы: 1) лихоимство во всех его формах запрещается; так как понятие «лихоимство» покрывает у Пеккёра все нетрудовые доходы, то тем самым воспрещается и предпринимательская прибыль¹⁰³, 2) запрещается анархический обмен; устанавливается общий тариф цен на товары и все виды заработной платы и жалованья; торговцы по профессии, спекулянты, наживающиеся на обмене, - те же ростовщики, воры, их занятия вся греко-римская древность считала аморальными (именно поэтому Христос выгнал торговцев из храма); свободный обмен неизбежно порождает неравенство; 3) на каждого держателя капитала возлагается обязанность включить в число участников в распределении продуктов или их стоимости всех, кто содействует изготовлению этих продуктов, на основе равенства, т.е. в соответствии с их трудом; 4) на капиталистов возлагается также обязанность непрерывно использовать их капиталы и предоставлять работу трудящимся их предприятий; коллективно гарантировать предоставление работы безработным; 5) устанавливается, что в случае неиспользования производственных фондов, наносящего ущерб трудящимся, эти фонды экспроприируются во имя общественных интересов¹⁰⁴.

Ограничивая права предпринимателей-капиталистов, государство, с другой стороны, должно оказывать поддержку свободному движению трудящихся к ассоциации. Оно может в этом отношении сделать очень много. Оно может помогать рождающимся ассоциациям путем денежных субсидий. Оно может укрепить их, санкционировав в законодательном порядке их уставы. Оно может содействовать объединению ассоциаций путем их федерирования, устранять возникающие между ними споры, препятствовать созданию между ними отношений зависимости, поощрять их развитие и образование, основанной на подлинной солидарности «ассоциации ассоциаций»¹⁰⁵.

Пеккёр допускает, наконец, что государство может принять активное участие в общественном преобразовании путем организации национальных мастерских, хотя этому мероприятию он отнюдь не придает значения решающего или хотя бы наиболее желательного метода социальной реформы.

Большие социальные улучшения начинаются снизу, но завершаются сверху. Если движение к социализму начнется с добровольных ассоциаций и с их добровольного объединения, то оно должно закончиться признанием ассоциации обязательной. Прогресс осуществляется путем совместного действия государственного вмешательства и свободной деятельности индивидов. Вмешательство народного суверенитета, прямое или косвенное, неизбежно; нельзя сделать ни одного шага в направлении социальных реформ, не прибегая либо к его инициативе, либо к его помощи. Свободная ассоциация хороша как средство, но цель - ассоциация обязательная. Свободная, т.е. факультативная, ассоциация неспособна гарантировать будущее пролетариата; в ней многое зависит от произвола индивидуальных решений, от эгоистических интересов. Если мы признаем за индивидами право на труд, то мы должны признать за обществом обязанность обеспечить каждому возможность пользоваться орудиями труда. А это требует превращения общества в центр производства и распределения богатств, требует создания национальной ассоциации. Добровольные акты могут содействовать общественному преобразованию, но придать ассоциации характер всеобщего и постоянного социального порядка может лишь санкция закона¹⁰⁶.

Таким образом, даже в том случае, если движение к социализму совершается «путем свободы», наступает, по мнению Пеккёра, момент, когда государство, и ранее содействовавшее этому процессу теми или иными способами, должно как бы подвести ему итоги, оформив законом окончательную передачу суверенному народу права собственности на орудия труда, социализацию земли и капиталов. Но Пеккёр, как мы уже упоминали, в своих статьях 1850 г. допускает также возможность иного пути социалистического преобразования - пути единовременной, радикальной перестройки общественных отношений «сверху». Это, пожалуй, самая интересная из новых черт, привнесенных в социальное учение Пеккёра революционными годами.

Есть два момента, говорит Пеккёр, благоприятные для глубоких и решительных реформ: момент подготовки пересмотра конституции и

момент, непосредственно следующий за революцией. Во Франции через 60 лет после 1789 г. в великом деле создания национального богатства, распределения и потребления царят те же порядки, какие существовали в «прекрасные» дни правления королей и аристократов старого режима. Суверенный народ вскоре это поймет и захочет разрубить этот гордиев узел, что для него вполне возможно. Достаточно при одном из будущих пересмотров конституции, не говоря уже о неожиданностях фатального порядка (Пеккёр имеет в виду, очевидно, революцию), объявить, что в великой лаборатории общественного богатства имеются лишь различные функции и выполняющие их члены ассоциации¹⁰⁷. Учредительное собрание, или собрание по пересмотру конституции демократической и социальной республики, не только может, но и должно принять действенные меры в целях универсализации собственности. Нужно всех сделать собственниками, притом не в течение 50 или 1000 лет, а сразу, при помощи единого декрета. И это можно сделать, отменив частный кредит, индивидуальное и произвольное владение орудиями производства¹⁰⁸. Преимуществом такого законодательного решения социальной проблемы Пеккёр считает, то что оно «с завтрашнего дня» обеспечивает каждому его право на труд в соответствии с его способностями и возможность делать сбережения; для этого он должен лишь подчиниться общим условиям труда. Пеккёр понимает, что этот путь преобразования предполагает в качестве предпосылки экспроприацию в общественных интересах собственников орудий труда. Именно это обстоятельство, по его мнению, отталкивает многих от такой единовременной реформы анархической индустрии. Очевидно, чтобы примирить общественное мнение с идеей экспроприации, Пеккёр выдвигает предложение о выкупе, о всеобщей, постепенной или единовременной, экспроприации с вознаграждением, которое обеспечило бы существование экспроприированных. Провести такую меру суверенный народ может, дав путем всеобщего голосования соответственный наказ национальному собранию, облеченному полномочиями для пересмотра конституции¹⁰⁹.

С точки зрения морали и права насильственная экспроприация не является несправедливостью. Она является средством для установления такого порядка, при котором все имеют равные условия развития и благополучия при обязательной для всех необходимости работать, чтобы жить. Чем же плоха участь экспроприированных, спрашивает Пеккёр, если труд является общей обязанностью? Компенсация не есть оплата, обязательная для общества, это акт благородства и щедрости, как бы мост между прошлым и будущим. Принцип экспроприации для общественной пользы, продолжает Пеккёр, так же стар, как и общество. Каждый раз, делая шаг в направлении свободы, равенства и братства, общество создавало новых собственников путем передела земли, путем ограничения размеров собственности в каждой семье, путем отмены долговых обязательств. Переделы земли и решения об отмене долгов повторялись неоднократно как у древних евреев, так и в греческой и римской цивилизации. Всякий раз, когда концентрация и монополизация богатств достигали у какого-либо народа крайней степени, народ или

погибал в состоянии анархии, или возрождался, создав новых собственников. Так, во время Французской революции были экспропрированы духовенство и дворянство, а национальные имущества были проданы по дешевой цене среднему классу, до того неимущему и подчиненному аристократии. Но эти меры, сопровождавшиеся насилиями, были одновременно и недостаточными и несправедливыми. С одной стороны, они шли на пользу лишь некоторым, а не всем тем, кто имел равные права на них. С другой стороны, они не мешали существованию пауперизма и пролетариата; наоборот, революционные экспроприации содействовали их росту. Этим прежним реформам не хватало принципа взаимности и солидарности, принципа обязательной ассоциации¹¹⁰.

Будущая экспроприация восстановит пользование орудиями труда для всех и на равных условиях; она создаст столько собственников, сколько имеется трудящихся,- не исключительных собственников, пользующихся и злоупотребляющих собственными условиями богатства, а собственников коллективных¹¹¹. «Аграрный закон», передел собственности на условиях индивидуального владения и свободного распоряжения орудиями труда, неизбежно приводит в дальнейшем к возрождению неравенства, к нищете. Такова природа свободного обмена, свободного производства, закона спроса и предложения, конкуренции. Сохранение этих принципов общественной организации вновь восстанавливает все пороки общества, временно устраненные несовершенными уравнительными мероприятиями. Экспроприация имеет оправдание лишь в том случае, если трудящиеся, в пользу которых она производится, обязуются образовать нерасторжимую ассоциацию, если экспроприированные фонды, как достояние общественное, никогда не смогут вновь подвергнуться дроблению, индивидуальной апроприации¹¹².

Пеккёр старается сделать экспроприацию возможно более приемлемой для экспроприруемых. Он предупреждает их о возможности революционной бури и насилий, если они не проявят духа соглашения, если они будут упорно держаться за свои приобретенные права. Гораздо выгоднее согласиться на выкуп, который обеспечит бывшим капиталистам спокойное существование. Надо лишь иметь в виду, что общество не сможет выплатить им компенсации единовременно и они не смогут извлекать доход из получаемых ими в виде компенсации сумм. Компенсация должна будет выплачиваться путем ежегодных платежей, которые в силу запрещения всех форм нетрудового дохода могут быть использованы исключительно для приобретения предметов потребления.

III

В согласии со своим пониманием задач социальной науки Пеккёр считает необходимым дать характеристику высшего, идеального типа общества, соответствующего установленным им основным философским принципам. Такое идеальное построение может и должно, по его мнению, ориентировать человечество, дать ему путеводную нить, помогающую найти правильный путь в хаосе явлений.

Мы знаем, что, согласно философско-исторической теории Пеккёра, ничто из созданного человечеством не может считаться вечным и

прочным. Никакая конституция, говорит Пеккёр, никакая экономическая комбинация не может быть окончательной и завершенной. Найти «божественный кодекс», который бы давал «окончательное решение» социальному вопросу,- это химерическая надежда. Конечно, социальная наука всегда стремится найти то, что наилучшим образом соответствует божественному плану. Но она вынуждена учитывать в своих конкретных решениях просвещение, запас богатств, имеющихся в распоряжении общества. И нравы, и просвещение, и богатства прогрессируют; соответственно должно прогрессировать и устройство общества. Поэтому при решении проблемы будущего общества должна быть сознательно предусмотрена возможность дальнейшего прогресса в направлении наибольшего счастья всех.

По учению Пеккёра, общество не есть скопление индивидов, не зависящих друг от друга; общество - не механизм, по организм¹¹⁴. Это коллективное бытие, солидарное перед лицом бога в выполнении цели, которую мы, согласно его воле, совместно преследуем. Общество предшествует индивиду. Оно возникло вместе с человечеством и кончится вместе с ним. Для человека так же естественно жить в обществе, как для рыбы - плавать, для птицы - летать. Общество не является результатом соглашения между эгоизмами, где каждый выдвигает свои условия, которые индивидуум волен принять или отвергнуть. Оно выше воли человека, оно есть факт провиденциальный, это ассоциация, скрепленная долгом, где каждый должен повиноваться общему закону, условиям общего счастья, выполняя некую функцию. Пеккёр высказывается против Руссо и Фурье, считающих, что социальная справедливость предполагает неограниченное удовлетворение наших желаний или свободу притяжения страстей. Эта теория, говорит он, не учитывает долга, внимания к правам других. Всегда подчиняться только самому себе и своим влечениям, как того хотят Руссо (?) и Фурье, было бы возможно лишь в том случае, если бы все хотели того, что хочет социальный закон.

Право каждого жить и развивать свои способности для Пеккёра бесспорно. Но человек не может найти в себе самом все условия своего счастья. Подлинный интерес индивида - в слиянии с коллективом. Иногда Пеккёр формулирует свою мысль еще резче: существует только коллективный индивид¹¹⁵. Права и обязанности индивида находятся во взаимодействии с правами и обязанностями других. Общество создано не только для совместного труда и покорения природы, но и для защиты индивида от других индивидов. Братство и солидарность не осуществляются сами собой, они требуют для своей реализации коллективных усилий. Задача общества состоит в установлении справедливого распределения прав и обязанностей в согласии с законами морали, в достижении равновесия притязаний. Иными словами, все должно быть организовано в обществе так, чтобы несправедливые, эгоисты и порочные не могли эксплуатировать справедливых, преданных и добродетельных, чтобы всем на основе равенства было гарантировано пользование их естественными правами, чтобы всем было обеспечено моральное, интеллектуальное и физическое развитие¹¹⁶.

Социальная наука должна найти такую форму ассоциации, в которой каждый сможет идти к своему частному благу, только содействуя пропорционально благу общему, в котором каждый должен выполнять свои обязанности в той же мере, в какой он хочет пользоваться своими правами¹¹⁷. При этом социальная наука основывается на знании потребностей, способностей и тенденций человеческой природы. Исходя из этих тенденций, она находит те учреждения, которые обеспечивают достижение ее цели. Все, что есть в природе человека, находит свое отражение и в обществе. Элементы природы человека становятся в обществе элементами общественной организации - «конститутивными элементами», как их называет Пеккёр. «Конститутивные элементы» (например, религия, индустрия, наука, государство) являются основой для специальных функций. Этот великий и мудрый организм сложился эмпирически, как результат векового опыта, но он не мог не возникнуть, ибо он вытекает из провиденциального порядка вещей. Среди «конститутивных элементов» есть элементы вечные, которые могут исчезнуть лишь вместе с человечеством, - когда все люди будут полностью соблюдать закон справедливости (юстиция, полиция, армия), но во всяком случае они, даже оставаясь в принципе неизменными, по форме меняются, прогрессируют. Эта форма безразлична, от нее зависит благосостояние многочисленных классов. Изменения в формах связаны, согласно идеалистической философии Пеккёра, с прогрессом знаний и с накоплением опыта. Сейчас, утверждает Пеккёр, настало время их трансформации в соответствии с достигнутыми высотами социального знания¹¹⁸.

Основным моментом в характеристике общественного строя является способ соединения капиталов и людей. С этой точки зрения Пеккёр различает пять систем общественного устройства. Две из них - системы «партикуляризирующие», т.е. исходящие из абсолютного права собственности на орудия, источники и условия богатства и труда; три - «социализирующие» владение землей, «мертвым и живым капиталом», исходящие из того, что индивидуального и абсолютного права собственности на орудия труда нет¹¹⁹. Существующая система принадлежит к числу «партикуляризирующих». Эта система, которая предполагает хозяев-капиталистов и наемных рабочих, освящена почти универсальной традицией. По сути дела она является отрицанием ассоциации. Капитал - господин, который получает все блага, трудящийся - раб. «Хозяин» обогащается благодаря труду наемного рабочего, в то время как последний прозябает в самой глубокой нищете¹²⁰.

К тому же типу «партикуляризирующих» систем относит Пеккёр и те формы ассоциации, которые он пропагандирует как идущие на смену капитализму. Ассоциация объединяет землю, сырой материал, орудия труда. Но у каждого члена ассоциации остается право индивидуальной собственности на его пай, отчуждаемый и передаваемый по наследству. Ассоциация такого рода - как бы компромисс между капиталом, трудом и талантом. Она устанавливает коллективную собственность капиталистов и рабочих, богатых и бедных в том смысле, что повышение дохода

капиталиста сопровождается повышением дохода рабочих. Но неравенство богатств в этой системе остается¹²¹.

Наиболее последовательная из «социализирующих» систем - такая система, в которой совершенно отсутствует личная собственность, в которой не только орудия труда составляют общественную собственность, но все считается общим в каждый данный момент. В этой системе царит равенство благ: то, что получает рабочий, не зависит от его заслуг, только акт потребления узаконяет и осуществляет индивидуальное присвоение. Это религиозный идеал Евангелия - «царство божие на земле». Такое общество, по мнению Пеккёра, мечта, и долго останется только мечтой, ибо оно предполагает абсолютное совершенство всех. Чтобы сделать последовательный коммунизм возможным, нужны века дисциплинирующей работы¹²². Коммунизм есть благо, говорит Пеккёр в другом месте, если он практикуется по доброй воле всех, он - зло, если к нему принуждают¹²³.

Иногда Пеккёр выражает сомнение в достижимости коммунизма даже в отдаленном будущем. Если бы все жили согласно заветам Евангелия, рассуждает Пеккёр, не было бы ни моего, ни твоего, каждый работал бы по своим силам и потреблял по своим потребностям. Но люди обладают свободной волей, они подвержены страстям, способны к излишествах в потреблении. Эти проявления свободной воли должны находить ограничение в общественных установлениях. Ни для индивида, ни для общества не выгодно поощрение порока. Нельзя допускать, чтобы лучшие содержали худших: это была бы слепая и безумная благотворительность за счет добрых граждан. Их этих соображений Пеккёр выводит не только невозможность, но и аморальность полной общности благ. Каков бы ни был прогресс нравов и учреждений, всегда нужно будет определять некоторую часть богатств, которой индивид может свободно располагать (но отнюдь не злоупотреблять), иными словами, нужно будет сохранять индивидуальную собственность¹²⁴.

Вторым вариантом «социализирующей» системы Пеккёр считает систему, защищаемую сен-симонистами. В этой системе сохраняется неравенство вознаграждения за различные функции, выполняемые в обществе (каждому по его способностям, каждому по его труду). В известном смысле сохраняется индивидуальная собственность. Во главе общества стоит верховный вождь. Члены общества выполняют те или иные функции по своим способностям, определяемым высшей властью. Высшая власть доверяет тому или иному члену общества орудия труда, которые находятся в распоряжении получившего их лица; однако та же высшая власть может и отобрать их по своему усмотрению. В этой системе общественная иерархия подобна иерархии в казарме. Верховный отец правит всеми светскими и духовными делами на основе божественного права. Такое отчуждение свободы граждан представляется Пеккёру неприемлемым¹²⁵.

Наконец, третья «социализирующая» система - система, построенная в противоположность предыдущей на принципе народного суверенитета, распространяемого на все отрасли деятельности. Здесь народ оценивает работу и заслуги каждого путем конкурса и жюри и

соответственно с этой оценкой избирает гражданина для выполнения той или иной функции. Выполняя свою функцию, индивид получает соответствующее затраченному им труду вознаграждение, которое является его индивидуальной собственностью. В этой системе сохраняется возможность известного неравенства жизненных условий; каждый - творец своего материального благополучия. Способность и талант сами по себе не дают никаких прав. Если они проявляются в преданности, в заслугах перед обществом, они находят вознаграждение в общественной оценке, в возвышении, которое дает индивиду большой почет. Только труд дает право на долю общественных богатств: кто не работает, - не ест. Этот порядок, по Пеккёру в наибольшей мере соответствует распределительной справедливости, принципам братства и обязанностям по отношению к богу.

В «*Salut du peuple*» Пеккёр называет такую систему «условным коммунизмом», в отличие от «абсолютного коммунизма» первых христиан. Термин «коммунизм» он предпочитает здесь термину «социализм», последний стал, по его мнению, слишком эластичным, так как им пользуются доктрины, не имеющие ничего общего с подлинным социализмом (в первую очередь Пеккёр имеет в виду, по-видимому, Прудона).

Принимая во внимание привычки людей, их ложные идеи, грубые нравы, наибольшие шансы реализации в ближайшем будущем имеет вторая из «индивидуализирующих» систем, сочетающая принцип ассоциации с индивидуальной собственностью на орудия труда (в форме акций). Но если считаться не с тем, что есть, не со страстями и обстоятельствами, а с тем, что должно быть, то предпочтение приходится отдать изображенной выше «социализирующей» системе условного коммунизма¹²⁶.

В. П. ВОЛГИН

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.

М.: Наука. 1976

Vive Liberta, 2010

Анализируя различные формы общественного устройства с точки зрения «способа соединения капиталов и людей», Пеккёр разрабатывает весьма оригинальную для его времени теорию собственности. Обычно, утверждает Пеккёр, под правом собственности разумеется право индивидуального присвоения орудий труда¹²⁷. Собственность в таком понимании Пеккёр решительно отвергает. С религиозной точки зрения, говорит он, человек ничем не может обладать как собственностью. Все, что люди имеют, начиная с их собственной жизни, является лишь узурфруктом^{*****}. Правильнее говорить о владении предметами, а не о собственности, ибо единственным собственником является бог, от которого люди все получают как бы на правах аренды. Еще более неправильно признавать право собственности как право пользоваться и злоупотреблять: такое право прямо противоречит моральному закону. С точки зрения моральной природа принадлежит человечеству как коллективному бытию. Каждый индивид имеет право на земной шар, но через коллектив и на равных началах со всеми членами коллектива. Частное, индивидуальное присвоение не должно иметь места. Ни один человек не нуждается для жизни в индивидуальном обладании землею или иными материальными и нематериальными благами (воспитание, наука, искусство), являющимися средствами и условиями индивидуального и коллективного счастья. Но каждый должен иметь в своем законном распоряжении некую часть этих благ, чтобы иметь возможность участвовать в коллективном производстве общепользовных вещей. Поле труда должно быть общим, оно должно быть используемо на основе равного и братского соучастия¹²⁸.

По Пеккёру, как мы уже знаем, существующая система собственности есть причина почти всех общественных зол. Защитники существующей системы собственности выводят ее из права первого захвата, из факта владения и т.д. Они считают законным, что земля «инфеодирована» небольшому числу собственников, которые имеют права и не имеют обязанностей, которые могут не считаться с потребностями общества. Но если собственники земли имеют неограниченные права пользоваться и злоупотреблять, они могли бы даже отказаться обрабатывать свои земли. Ясно, что их права должны быть подчинены более высокому принципу - общему благу¹²⁹.

Осудив право собственности в том его виде, в каком оно, по его мнению, господствовало в течение всех веков цивилизации Пеккёр противопоставляет существующему пониманию собственности то понимание, которое должно прийти ему на смену. Это новое право собственности Пеккёр выводит из естественного права человека на условия существования. Только природа создает право; общество его гарантирует, превращает право в факт. Естественное право собственности, по учению Пеккёра, весьма сложно по своему содержанию. Оно включает право на средства существования, на

***** Узурфрукт - по римскому праву, пожизненное владение чужим имуществом с правом пользоваться доходами с него, но без права подвергать его существенным изменениям.

воспитание и обучение, на активную деятельность, соответствующую призваниям и силам, на эквивалентное вознаграждение за выполнение эквивалентной функции, возвышение согласно заслугам, на отдых в старости и в случае болезни и неспособности¹³⁰. Так как центральное место во всей этой системе занимает, по представлению Пеккёра, право на активную деятельность, т.е. на выполнение общественной функции, то иногда он коротко определяет право собственности как право на функцию¹³¹. Общество должно обеспечить пользование всеми этими правами каждому гражданину на основах равенства с его согражданами в частности; оно должно гарантировать каждому пользование орудиями труда, как условиями выполнения функций, и справедливой частью произведенных богатств, подлежащих потреблению.

Условное право пользования орудиями труда ни в коем случае не должно подменяться абсолютным правом присвоения некоторой их части, ибо такое присвоение есть несовершенный способ сочетания материи с трудом, способ, не согласуемый со свободой и счастьем многочисленных классов. Факт производства не образует права собственности. То, что я произвел, является условием моего существования, условием собственности, но не самой собственностью. Если я владею тем, что я произвел, то не потому, что это моя собственность, а потому, что общество дает мне возможность обеспечивать мое существование путем обмена произведенного мною на то, что мне нужно для удовлетворения моих потребностей. Объектом индивидуальной собственности и правом пользоваться и не допускать к ней другого могут быть только средства существования¹³². Абсолютное индивидуальное присвоение необходимой для существования доли национальной продукции и составляет, по Пеккёру, индивидуальную собственность в настоящем смысле этого слова. Иными словами, индивидуальная собственность, которую Пеккёр не отождествляет с правом собственности (как правом на функцию), есть вознаграждение за функцию. Законность индивидуальной собственности в этом ее понимании, по его мнению, бесспорна¹³³.

Что касается орудий труда, то единственным средством обеспечить существование, просвещение и свободу пролетариату является передача этих средств производства в распоряжение общества. Земля и «материя труда» должны быть освобождены от индивидуальной «инфеодации», должны стать «общей собственностью - неделимой, неотчуждаемой, социальной и коллективной». Они должны составить общественный домен, управляемый народным представительством. Такая социализация орудий труда разрушит собственность немногих; но она тем самым, согласно концепции Пеккёра, даст возможность обеспечить собственность всем¹³⁴.

Индивидуальное присвоение земли и частная собственность на орудия труда сыграли исторически прогрессивную роль. Строй, основанный на частной собственности, выше «негативного коммунизма» диких племен. Частная собственность содействовала развитию человеческих способностей и росту общественности. В этом смысле

Руссо, по мнению Пеккёра, неправ в своей оценке исторического значения собственности¹³⁵. Система индивидуального присвоения и передачи по наследству общественных функций и орудий труда установилась потому, что общество не знало тогда лучшей системы, потому что лучшая система не соответствовала нравам и просвещению¹³⁶. Социализация, предлагаемая Пеккёром, настолько же, по его словам, выше современного режима, насколько последний выше первоначального коммунизма. При этом она сохраняет все положительное, привнесенное в жизнь человечества современным режимом: соревнование и независимость в труде. В то же время социализация разрешает самую трудную проблему общественного устройства: она примиряет частные интересы с общими. Если общество познало, таким образом, лучший способ распределения труда и орудий, оно вправе в интересах всех отнять у собственников то, что оно временно им вверило. Экспроприация, по Пеккёру, вполне законна; вопрос о том, должна ли она быть произведена с вознаграждением или без вознаграждения, Пеккёр в своей основной работе, посвященной будущему обществу, оставляет открытым¹³⁷.

Признание земли и орудий труда общественным доменом приводит Пеккёра к проблеме власти. Он не считает возможным существование общества без власти. Государство, утверждает Пеккёр, вечно по самому своему существу. Нет общества без государства, как нет человека без головы. Эгоистические интересы и страсти, предоставленные самим себе, ведут к беспорядку и насилиям. Абсолютное *laissez faire* невозможно. Поскольку это так, насильственная власть остается первым условием индивидуальной безопасности, сохранения в обществе накопленных богатств и материального порядка. Когда возникают новые желания и потребности, на их почве вырастает новая система идей, чувств, моральных и материальных отношений. Если государство принимает эту систему, прогресс происходит мирно. Если государство неподвижно или ретроградно, движение происходит помимо него, вопреки ему. Народ разрушает государство, которое является препятствием на его пути, - но лишь для того, чтобы на его место поставить лучшее, - это революция. В результате ее государство как бы возрождается с миссией узаконить ее достижения, новую систему отношений. Так формы государства сменяют одна другую, но власть как таковая всегда остается «конститутивным элементом» общества. Нельзя рассчитывать на то, что различные страсти и воли сами по себе, анархически сойдутся на тех целях, достижения которых требуют право, счастье и свобода всех. Пример Фурье, стремившегося обойтись в своей системе без власти, доказывает лишь неосуществимость этой идеи. Свобода страстей, провозглашенная Фурье, пустое обещание. Фурье в конце концов не смог обойтись без известных ограничений свободы и без руководства. Власть и принуждение были бы не нужны, если бы люди не

***** Ж.-Ж.Руссо считал, что частная собственность - главная причина возникновения неравенства между людьми, и, следовательно, роль ее в истории безусловно отрицательна.

были свободны уклоняться от выполнения законов морали, если бы знание добра было гарантией его осуществления. Но это не так. Пока существуют в обществе субверсивные элементы, пока отдельные общества не объединены в ассоциацию, нужны и суды, и армии¹³⁸.

Верховным сувереном во всяком человеческом обществе - в согласии со своей общей философией - Пеккёр считает бога, ибо человек обязан повиноваться безусловно лишь велениям божества, что для Пеккёра равнозначно велениям разума и совести. В «*Salut du peuple*» он несколько видоизменяет эту формулу, заявляя, что суверенитет принадлежит закону любви и справедливости, закону свободы, равенства и братства. Суверенитет народа есть суверенитет условный. Индивид подчиняется суверенитету народа лишь постольку, поскольку его решения не противоречат велениям бога как высшего сюзерена. Моральный закон, данный богом, выше народного суверенитета, и в случае нарушения этого закона властью индивид, повинаясь голосу своей совести, имеет законное право сопротивляться власти, даже если это власть народа. Помимо права справедливости и разума существуют лишь соглашения, не имеющие абсолютного авторитета. Тем не менее в обществе должна существовать власть, которая судит и не подлежит суду. Такая власть не может принадлежать одному лицу, она должна принадлежать «регулируемому» голосу народа. Если для индивида критерием социальной и политической истины является его разум и ничто кроме его разума, то в обществе таким критерием является коллективный разум, общее мнение или мнение большинства, выраженное путем голосования. Коллективный разум интерпретирует основные принципы и моральные предписания, изыскивает средства для реализации этих предписаний, для достижений цели, поставленной свыше¹³⁹. В 1845 г. Пеккёр предсказывал приближение момента, когда народ - в результате роста своего самосознания, понимания своих прав и обязанностей - провозгласит и установит в действительности свой суверенитет. В 1849 г. он полагал, что с революцией 1848 г. этот момент уже наступил, что народ может уже сказать: «Государство - это я, ибо суверен - это я». Этому перевороту, этому осуществлению народного суверенитета, еще недавно бывшего лишь идеалом, Пеккёр придавал значение коренного переворота. «Если под государством, - говорил он, - понимать власть, государство, какими они были в прошлом, то можно сказать, что в социальной демократии нет государства»¹⁴⁰. Однако достигнутую ступень в развитии власти народа он не считает завершающей. Претензии и прерогативы депутатов, законодателей и королей отошли в прошлое; в настоящее время государственные деятели должны быть людьми народа, т.е. его уполномоченными. Нужен еще один шаг вперед: государственными деятелями должны стать сами народные массы. В принципе народ сам должен быть живым законом¹⁴¹. Не должно быть никаких договоров народа с его слугами, т.е. с его членами, хотя бы на один день, никаких конструкций. Не должно быть пожизненных или временных властей: каждый индивид в каждый момент своей жизни должен участвовать в законодательном творчестве, лично содействовать управлению республикой, быть одной из реальных сил, из которых

слагается социальное движение. Пеккёр убежден, что настанет день, когда весь народ будет повседневно высказывать свое мнение о своих собственных делах и, следовательно, сможет сам их вести.

Современное ему государство Пеккёр называет «государство-представитель», а будущее государство - «государство-народ».

Первое превращается во второе в результате роста коллективного разума и совершенствования социального механизма. В дальнейшем государство-народ растворяется в единстве. Не подлежит сомнению, что Пеккёр приближается здесь к идее отмирания государства, но в форме, соответствующей его идеалистическому мирозерцанию¹⁴².

Когда народ сам станет государством, прогресс во всех человеческих отношениях будет совершаться путем незаметных улучшений в соответствии с прогрессом в общественном мнении. И тогда будет нужна власть как условие единства, экономии, распределительной справедливости. Но это будет власть самого народа, и поэтому она не будет представлять никакой опасности для законной независимости индивида¹⁴³.

Если власть необходима вообще, то особенно необходима она в данное время, по мнению Пеккёра, в области экономической, в деле планового использования земного шара. То, что проповедуют под именем экономической свободы, это своеволие, индивидуализм, *laissez faire*. Подлинной свободы существующий порядок не знает. Единственная свобода, к которой следует стремиться, - свобода в ассоциации и централизации, в единстве и гармонии, в порядке и справедливости. Ассоциация отрицает экономическую свободу в современном ее понимании, она предполагает иерархию и, следовательно, власть. Без власти нельзя ни установить, ни сохранить ассоциацию, нельзя, как выражается Пеккёр, найти устойчивую форму ассоциации. Долой либеральные абстракции, восклицает Пеккёр, - либо единая социальная власть, либо олигархия предпринимателей. Тот, кто хочет экономической свободы, действительности проповедует рабство большинства, и проповедь эта идет на пользу лишь небольшому числу вождей промышленности¹⁴⁴.

С точки зрения высшего социального идеала Пеккёр подвергает критике и тот режим свободных ассоциаций, который он проповедовал как первую ступень в переходе от современного общества к обществу идеальному. Добровольные ассоциации, говорит он в этой связи, это как бы лиги и коалиции; переходя к ним, общество переходит от войны отдельных стрелков к войне большими батальонами. Как могли бы длительно существовать такие ассоциации между пролетариями и собственниками? Как могли бы они без вмешательства центральной власти обеспечивать всем труд и помощь при сохранении режима конкуренции?

Современное общество, продолжает Пеккёр, не имеет ничего общего с ассоциацией равных и свободных людей. Это просто скопление индивидов, силой вещей собранных на данной территории. В нем нет иерархии ни в сельском хозяйстве, ни в индустрии; нет порядка и единства ни в производстве, ни в распределении. Люди организуются для

войны, для политики, но они пренебрегают организацией производства, т.е. останавливаются перед тем, что как раз наиболее необходимо для общества. Здесь необходимо каждую деталь социального механизма поставить на свое место, чтобы вся машина правильно действовала. Каждый маленький владелец устанавливает дисциплину и иерархию в своем предприятии. Рабочий находит там орудия труда, условия своего существования; но он не может по произволу ими распоряжаться - они собственность предприятия. Эти принципы должны быть применены к обществу в целом.

Некогда считалось, что все достояние государства принадлежит королю, имеющему право им пользоваться и злоупотреблять. Теперь государство никому не принадлежит. Аналогичный процесс должен произойти и в области экономических отношений. В результате невежества и узурпации земля и орудия труда оказались инфоодированы меньшинству членов общества. Это - настоящее варварство. В интересах нации необходимо подчинение всех видов деятельности единому центру, общей воле, которая создавала бы гармонию, не уничтожая индивидуальной свободы. С экономической точки зрения общество является обширной мастерской промышленности, науки и искусства. Его цель - коллективная организация самосохранения, развития и усовершенствования. Во имя этой цели каждый должен подчинить себя руководящему центру для разрешения общей задачи и соответственно получить в обществе одну или несколько функций. Только при такой системе можно реализовать право на труд - задача неразрешимая в условиях частной собственности на землю и капиталы¹⁴⁵.

Исходя из приведенных положений, Пеккёр разрабатывает проект социальной и политической конституции общества, отвечающего требованиям его социальной философии. Этот «проект национальной и всеобщей ассоциации» дан им в приложении к «Новой теории». В истории развития представлений о социалистическом обществе он, несомненно, сыграл известную роль.

Национальная территория, согласно проекту Пеккёра, принадлежит всем и не принадлежит никому. Она составляет национальную собственность, неотчуждаемую и неделимую. Точно так же продукты минерального, растительного и животного царства, служащие орудием или сырым материалом труда, материальным условием создания богатств, составляют общую, неотчуждаемую и неделимую собственность. Те же продукты, потребляемые лично, могут становиться индивидуальной собственностью гражданина как вознаграждение его труда. Член ассоциации обладает орудиями труда лишь в качестве должностного лица, ответственного и могущего быть смещенным. Распоряжение орудиями труда принадлежит собранию представителей, которые, однако, не имеют права отчуждать их индивидам. Представительство - социальная функция, первая из социальных функций. Каждый член его представляет единую и неделимую ассоциацию, а не ту или иную ее часть. Собрание представителей руководит всеми видами социальной деятельности, в том числе индустрией, наукой и искусством. Социальная власть организует труд и

определяет вознаграждение. Это как бы административный совет промышленного предприятия, но акционеры последнего - в то же время его рабочие¹⁴⁶.

Страна разделяется на социально-экономические округа, или коммуны. Вся страна подобна большой мануфактуре, коммуна же является первичным центром умственного и материального труда - сельскохозяйственного, индустриального, научного, художественного. Но коммуна не составляет самодовлеющего хозяйственного целого. Каждая коммуна связана хозяйственными интересами с другими коммунами и подчинена высшим центрам. Граждане - должностные лица нации, а не коммуны. Они не связаны с коммуной нерасторжимыми узами и могут быть в интересах целого переводимы в другие районы; членство в коммуне не передается по наследству, однако при перемещениях семейные интересы принимаются во внимание. Желательно, чтобы в коммуне были представлены все виды деятельности, но практически это будет осуществляться не всегда. Это зависит от общих интересов ассоциации, от местных требований, от географических и климатических условий. Рациональное распределение коммун по территории страны будет производиться на основании обследования агрономического жюри. Если в коммуне будут представлены не все виды деятельности, то во всяком случае в ней должны быть представлены все те виды, которые необходимы для всестороннего развития молодого поколения и взрослых граждан¹⁴⁷.

Все граждане, являющиеся в то же время должностными лицами коммуны, разделяются по своим специальностям. Это разделение, говорит Пеккёр, соответствует порядку, установленному богом для призваний человека и его способностей, и порядку, установленному природой для объектов человеческой деятельности¹⁴⁸. Каждая специальность образует особый корпус, члены которого распределены по разным пунктам в соответствии с общественными потребностями. Каждая местная группа является как бы фрагментом единого тела, голова которого находится в столице. В то же время фрагменты всех специальностей, находящиеся на территории коммуны, ассоциированы в коммуне. В этом смысле коммуна составляет хозяйственное единство. Центральная власть и в организации производства, и в организации распределения знает только коммуны. Распределение между отдельными индивидами производится коммуной, и центральная власть в этом вопросе является лишь контролирующей инстанцией. Порядок труда на предприятиях определяется советом и руководством, но с учетом мнения трудящихся. Во всяком случае, задание каждого определяется не им лично, а коллективом или вышестоящим лицом применительно к общественным потребностям¹⁴⁹.

Для общества выгодно, чтобы индивид обладал несколькими профессиями. Множественность профессий повышает ценность индивида. Одна из обязанностей власти - раскрывать и развивать все заложенные в человеке способности. Поэтому в принципе совмещение одним лицом различных специальностей, разнообразие функций у работника допускается. Общество стремится к тому, чтобы совмещение

применялось возможно шире. Особенно важно организовать посменные занятия различными видами труда в тех случаях, когда труд вреден, когда он атрофирует способности человека, а также в тех случаях, когда данный вид труда не может занять человека каждый день и в течение всего года. Однако общество не может допустить, чтобы каждый варьировал свои занятия по своему произволу. Возможность совмещения в каждом отдельном случае и его способ определяются народным представительством. Выбор «сеанса» той или иной работы также принадлежит не индивиду, а административному совету. В таких пределах и с такими оговорками Пеккёр считает возможным и желательным осуществление выдвинутой Фурье идеи разнообразия в труде, смены трудовых «сеансов» в течение рабочего дня¹⁵⁰. Каждый гражданин занимает в общественной иерархии определенное место. Способ определения этого места в утопии Пеккёра весьма сложен и не во всех деталях ясен.

Образовательные учреждения в идеальном обществе бесплатны и доступны для всех. Но на высшие ступени образования могут претендовать лишь способнейшие, отбираемые в результате экзаменов. С достижением определенного возраста каждый становится активным работником общества. Все трудящиеся включаются в список способностей. Классификация граждан в этом списке производится судьями способностей - лицами, наиболее опытными в данной специальности, избираемыми частью народным представительством, частью непосредственно народом. Первую ступень в классификации составляют экзамены, производимые местными экзаменаторами; вторую - составление окончательного списка, в котором все классифицированы по способностям. Этот список составляется центральным жюри. Каждый гражданин после включения его в список имеет право претендовать на новый экзамен в целях признания за ним более высокой квалификации. Для экзаменов никакого возрастного ценза нет. Конкурсы и экзамены, так сказать, сопровождают гражданина на всем протяжении его карьеры. Наряду с иерархией профессиональной существует иерархия заслуг, морали, гражданственности. Если в отношении первой судьями являются специалисты, то в отношении второй судит народ путем голосования, периодически повторяющегося и пополняющего список лиц, заслуживающих общественного одобрения.

При всех назначениях и выборах руководителей учитывается и список способностей, и список заслуг. Заслуги не могут заменять профессиональную квалификацию, но для руководящего персонала они являются необходимым условием. Профессиональная квалификация не требуется лишь при избрании народных представителей. Впрочем, и здесь Пеккёр допускает предшествующий выборам экзамен. С другой стороны, при назначении простого рабочего необязательна гражданская квалификация. -

Для общества индивиды - орудия общего блага. Оно воспитывает их в соответствии с общественными потребностями и направляет на выполнение той или иной функции соответственно результатам конкурса и избрания. Конкурс неизбежно отстраняет некоторых индивидов от

желательной для них функции. Выбор функции не может быть предоставлен произволу. Ни одна функция не дается пожизненно. С одной стороны, каждому открыт путь к возвышению. Но для возвышения недостаточно иметь, стаж; стаж может быть лишь дополнительным аргументом при наличии гражданских и профессиональных заслуг. С другой стороны, каждый может быть отстранен от выполнения своей функции и заменен более способным и более заслуженным. Благо общества выше самолюбия. В интересах прогресса следует заменять худших лучшими. Назначение руководителей в каждой специальности возможно осуществлять одним из двух путей: или путем назначения вышестоящим должностным лицом, или путем избрания работниками данной специальности. Устранение руководителей производится либо по решению квалифицированного большинства (2/3 или 3/4) подчиненных, либо по решению вышестоящего органа. В первом случае требуется санкция вышестоящего органа, во втором - предварительный запрос мнения комитета данного предприятия о подчиненных этому лицу работниках данной специальности. Во всех случаях отстраненный может апеллировать к высшему органу¹⁵¹.

Пеккёр не придает большого значения форме правления. Существенно, по его мнению, лишь одно: чтобы она была представительной и правильно выявляла народный суверенитет. Признавая, как мы знаем, что с религиозной точки зрения верховным сувереном является бог¹⁵², Пеккёр в своем проекте идеального государства исходит практически из суверенитета народа. Точно так же, признавая, что в ближайшем будущем избирательное право будет лишь постепенно становиться всеобщим по мере роста культуры и морали, в идеальном государстве он считает всеобщее избирательное право незыблемой основой системы управления. Гражданин, утверждает он, может быть лишен избирательного права лишь в виде кары и лишь на время. Принцип всеобщего избирательного права, считает Пеккёр, имеет воспитательное значение. По его осуществлению победа в конечном счете обеспечена за истиной. Самая большая опасность режима абсолютной монархии состоит в том, что она соответственным образом воспитывает граждан. В этой связи Пеккёр дает абсолютной монархии интересную классовую характеристику. Власть «божьей милостью», говорит он, не может искать своей опоры в народе. Она всегда черпает свою силу в договоре со знатью, буржуазией или средним классом, которым грозит опасность со стороны класса эксплуатируемого. Всеобщее избирательное право дает власти точку опоры в сердце народа, среди наиболее многочисленных и бедные классов¹⁵³. Следует, однако, отметить, что Пеккёр здесь же делает оговорку: всеобщее избирательное право полезно постольку, поскольку среди большинства членов общества царит гармония интересов и мнений.

Как возможную форму организации центральной власти Пеккёр предлагает - в порядке гипотезы, которой он, очевидно, наиболее сочувствует, - единое и полноправное собрание народных представителей, избираемое прямым голосованием; при этом каждый член собрания рассматривается как представитель всего народа, а не

того района, в котором он избран¹⁵⁴. Это собрание может непосредственно избрать министров; может избрать одно лицо, которое затем назначит министров; может передать соответственные функции не отдельным лицам, а своим комитетам. Кроме «гипотезы» однопалатного представительства, мы находим у Пеккёра также проект двухпалатной системы. Согласно этому проекту, одна палата состоит из лиц, избираемых от всей совокупности граждан; вторая - из лиц, избираемых от специальностей, - поровну от каждой. «Специалисты» разрабатывают бюджет производства и потребления, а первая палата его утверждает¹⁵⁵.

К референдуму Пеккёр, по-видимому, относится отрицательно. Он считает необходимым подчеркнуть, что народ политически действует только через представительство. Однако полномочия представительства ограничены. Права, которые являются основой свободы, равенства и братства, не зависят от решения большинства. К этим правам Пеккёр относит свободу слова и печати, право на труд. Гарантией для народа является, по мнению Пеккёра, кроме доверия к представителям, кроме неприкосновенности основных прав, также и та система гражданских и профессиональных списков, о которых говорилось выше¹⁵⁶.

Единобрачная семья в идеальном обществе Пеккёра не только признается неприкосновенной - она объявляется священной. Пеккёр против идеализации «непостоянства», свойственной учению Фурье. Однако абсолютная нерасторжимость брака, по его мнению, безнравственна. С точки зрения социального закона брак - только договор. Этот договор можно расторгнуть, если имеется на то согласие обеих сторон и если материальные цели брака - воспитание детей и продолжение рода - полностью обеспечены. Поэтому, если государство возьмет на себя содержание детей, то можно будет допустить даже договоры о браке на короткие сроки. Моногамия - самая совершенная форма брака: но тот вид, который она имеет в настоящее время, не есть последнее слово социальной науки.

Положение женщины, говорит Пеккёр, следуя за Фурье, изменяется в прогрессивном направлении параллельно с изменением общественных форм. Рабству соответствует беспорядочность половых связей, полигамия; системе наемного труда - моногамия в соединении с гражданским неравноправием женщины. На смену этому порядку придет моногамия в сочетании с абсолютным равенством женщины и мужчины во всех правах. Легальное подчинение женщины мужчине недопустимо. Женщина идет к полной независимости. Она должна получить право на воспитание, на выполнение общественной функции, соответствующей ее способностям, на вознаграждение, соответствующее ее труду, на политическое представительство. Женщина не будет, таким образом, зависеть от мужа в хозяйственном отношении¹⁵⁷.

Дети также не составляют в утопии Пеккёра материального бремени для главы семьи. Существование, развитие и воспитание, а с установленного возраста и трудовая карьера детей обеспечиваются ассоциацией. За счет ассоциации организуются также лечение и содержание больных членов семьи. В случае, если семья хочет сама воспитывать детей, она получает от общества фиксированную сумму на

каждого ребенка. После вступления детей в трудовую жизнь, с того момента как на них возлагается обязанность добывать себе средства существования, опять-таки общество гарантирует им возможность дальнейшего совершенствования, сочетая их производительный труд с образовательным.

В учении Пеккёра, как мы знаем, проблема материального благосостояния неразрывно связана с проблемой морали, материальный прогресс - с прогрессом нравственным. Неравенство воспитания, утверждает Пеккёр, наряду с неравенством материальных условий - сердце социального зла. В идеальном обществе ассоциация обеспечивает всем равное и бесплатное образование за счет средств ассоциации. Государство имеет право воспитывать детей в едином направлении. Единство воспитания - гарантия общественного единства. «Свобода» образования грозит обществу - хаосом, анархией. Частная школа при режиме общественной собственности на орудия труда будет невозможна. Если каждый гражданин имеет право требовать, чтобы его дети получали воспитание, то государство имеет право принуждать родителей отдавать своих детей в общественные школы. В эти школы могут быть допущены учителя, исповедующие различные религии. Но они не должны преподавать ничего противоречащего кодексу общей морали, утвержденному народным представительством. Каждый с детства должен привыкать любить, хотеть делать свободно то, что он должен хотеть и делать. Хорошая конституция предполагает единство морали, воспитания и обучения. Весьма важно также, чтобы общество имело в своих руках систему профессионального образования. «Профессиональное образование помогает классифицировать способности, распределять способности в соответствии с потребностями районов и отраслей индустрии, обеспечивает равновесие между наличными работниками и функциями»¹⁵⁸.

В деле воспитания детей должны царить авторитет и единообразие. Свобода распространения и разнообразие идей должны быть оставлены более зрелому возрасту. Пресса, предназначенная для взрослых, должна быть совершенно свободна в деле пропаганды нового. В утопии Пеккёра все имеют право печатать свои произведения в общественных типографиях, что не исключает, однако, возможности судебного преследования за изданное произведение¹⁵⁹.

Очень много внимания уделяет Пеккёр вопросу о способах вознаграждения трудящихся. Коммунистическую формулу: каждому по его потребностям - Пеккёр, как мы уже знаем, в первой своей работе считает неосуществимой и несправедливой. В «Новой теории» он также ее отвергает. Эта формула, утверждает Пеккёр, предполагает добродетель людей. Социальная наука должна исходить из человека с его страстями и пороками. Если человек сам судья своих потребностей, все зависит от его морали. Эгоист может безгранично эксплуатировать своих собратьев, ибо нет ничего эластичнее наших потребностей и нет способа отличить истинные потребности от ложных. Притязания беспредельны, ресурсы ограничены. Очевидно, удовлетворение притязаний должно быть согласовано с возможностями эквивалентного

удовлетворения потребностей других членов общества и с общей суммой продуктов. Но если кто-то будет оценивать потребности с этой точки зрения, то формула превращается в иллюзию. Равное удовлетворение произвольных потребностей является, таким образом, либо несправедливостью, премией лени, либо химерой. Общество не может обеспечить беспредельное удовлетворение потребностей. Оно должно обеспечивать лишь равную возможность их удовлетворения¹⁶⁰.

Не согласен Пеккёр и с другими выдвигавшимися в его время в социалистической литературе принципами вознаграждения: каждому по его труду, каждому по его способности, каждому по его заслугам. Способности не зависят от воли человека; нельзя вознаграждать за большие способности и карать за меньшие. Нельзя вознаграждать также за заслуги перед обществом, т.е. в соответствии с социальной полезностью труда. Вольтер, создавая свои произведения, затрачивает не больше нервной жидкости, чем крестьянин, обрабатывающий поле. Для общества равно необходимы все функции; все они равно почетны, все они должны выполняться, и притом выполняться хорошо. Как можно сравнивать полезность продукта сельского хозяйства с полезностью продукта труда ученого. Наконец, не вполне удовлетворительна и формула: каждому по труду; главное затруднение - в различии природы труда, в невозможности свести его к единой мере. Нельзя вознаграждать по времени производства: в один час для одного труда уходит больше нервной энергии, чем в шесть часов для другого. Таким образом, время труда не может служить единицей измерений. Формула «по труду» хороша только в том случае, если мы будем ее толковать как соответствие вознаграждения реальной затрате нервной энергии¹⁶¹.

Инструмента для точного измерения этой затраты не существует. Можно лишь приблизительно определить число часов, которое трудящиеся в каждой специальности могут работать без вреда для здоровья, затем установить равенство между найденными таким образом единицами и вознаграждать их поровну. Власть обязана уравнивать функции, сводя их к эквивалентной затрате активности, насколько это возможно по природе вещей. Поскольку число часов труда для работников, выполняющих разные функции, будет различно, различна будет и цена каждого часа для разных специальностей¹⁶². Для получения установленного нормального вознаграждения гражданин должен добросовестно выполнять свои обязанности, что находит свое выражение в определенном количестве произведенных ценностей или в установленном числе часов труда. В зависимости от общественных потребностей эта норма может повышаться или понижаться. Люди, силы и способности которых отличаются от средних, могут затрачивать на выполнение задачи больше или меньше времени. Но это не должно отражаться на их вознаграждении. Не должны также учитываться при определении вознаграждения ни качество труда, ни его особое значение для общества. Вознаграждением в этих случаях являются слава, общественное одобрение, внутреннее удовлетворение. В тех профессиях, где результат труда не может быть измерен ни часами, ни количеством произведенных ценностей (например, политическая

деятельность, деятельность священника и т.п.), труд вознаграждается в размерах, установленных собранием представителей.

Наиболее целесообразной, таким образом, Пеккёр считает формулу: равное вознаграждение за социально-эквивалентные и одинаково хорошо выполняемые функции. Однако Пеккёр, по-видимому, не уверен в возможности осуществления этой уравнивающей системы даже в его идеальном обществе. Во всяком случае в этом вопросе он проявляет большие колебания. Допуская, что для полного равенства в вознаграждении «не настало время», он предлагает в качестве «переходной меры» разработку народным представительством тарифа способностей, функций и вознаграждения. При этом несколько изменяется и формула распределения: каждому в соответствии с его функцией и с его поведением при ее выполнении. В каждой специальности может быть установлено две или три различных категории вознаграждения. Каждый будет получать вознаграждение по той или иной категории в зависимости от таланта или от иных соображений. Такие различия, говорит Пеккёр, несправедливы; но они могут быть необходимы. Но, если будет принята такая система, народное представительство определит универсальный минимум вознаграждения, который должен быть обеспечен всем, ибо и наименьшая способность должна получать достаточно для покрытия основных потребностей. Размер этого минимума будет зависеть от богатства и доходов ассоциации. С другой стороны, государство определит для каждой функции максимум часов труда, изменяющийся в зависимости от потребности общества в данном продукте. Максимум не может отнимать времени, необходимого для отдыха и для удовлетворения культурных потребностей человека, - за исключением случаев, когда того требуют серьезные интересы общества или человечества¹⁶³. Таково учение Пеккёра о социалистическом распределении в «Новой теории». Впоследствии Пеккёр от этой системы вознаграждения, по-видимому, отказался. Во всяком случае, после революции 1848 г. в журнале «*Salut du peuple*» он явно отдает предпочтение - наряду с термином «коммунизм», о чем мы уже упоминали, - также и коммунистической формуле «каждому по его потребностям». И эта формула выражает здесь не только далекий идеал, унаследованный, по словам Пеккёра, от «первых учеников Христа»: она является конститутивным признаком социализма, который стремится поставить на место произвола, хаоса и эксплуатации существующего порядка «участие в производстве, пропорциональное способностям и силам, и участие в социальном дивиденде, пропорциональное потребностям»¹⁶⁴.

Ежегодно народное представительство, согласно выясненной опытом средней продукции рабочих средних способностей, будет определять, какое количество данного продукта должно быть произведено в час, в день и за год. Так как способность каждого к выполнению порученной ему функции засвидетельствована экзаменом и конкурсом, то вычисленное таким способом задание не может превышать силы работника. Если тем не менее он этого задания не выполняет, то это, очевидно, результат лени или недобросовестности. За такую

нерадивость общество вправе наказывать рабочего вычетом из причитающегося ему вознаграждения или другими мерами взыскания. Если кто-либо в определенный срок выполняет, например, половину того, что положено, то вполне законно оплачивать его труд также в половинном размере; это хорошее средство против лени.

Устанавливая штрафы за невыполнение нормы, Пеккёр относится отрицательно также и к ее перевыполнению. Он исходит при этом из предположения о некотором строго ограниченном объеме потребления каждого вида продуктов и о необходимости в социалистическом хозяйстве абсолютного соответствия производства и потребления. В каждой отрасли, говорит он, нужно определенное количество продуктов. Производство этого количества равномерно распределено между трудящимися. Добавочный продукт, изготовленный более быстрыми и ловкими, нарушает равновесие производства и потребления, делает ненужной некоторую долю труда их товарищей, следовательно - вредит всему корпусу трудящихся данной специальности. Поэтому работа сверх нормы одних работников допустима лишь в том случае, если она покрывает недовыполнение нормы другими. Но и при таких обстоятельствах труд сверх нормы должен рассматриваться как бесплатный труд на пользу общества. Добавочная плата за такой труд создавала бы среди трудящихся неравенство, своеобразную аристократию.

Уравнительная тенденция, сказывающаяся в этом рассуждении Пеккёра, как и в его рассуждениях о системе вознаграждения, по-видимому, имеет для его выводов большее значение, чем соображение о диспропорции между производством и потреблением. Он сам указывает, что эта диспропорция устраняется созданием новых «рынков», т.е. новых потребностей. И в то же время он сочувственно цитирует Бабефа, у которого находит эту же мысль о запрещении производства сверх установленной нормы. Это возвращение Пеккёра к бабувистской традиции заслуживает внимания. «Грубо уравнительные» черты его идеального общества, несомненно, противоречат тому, что он говорит в других местах об «антисоциальном» абсолютном равенстве. Это противоречие, как и другие, весьма многочисленные, противоречия системы Пеккёра, вытекает, несомненно, в конечном счете из противоречивости социальной позиции Пеккёра, отражающего в этом своем построении не столько рост самосознания пролетариата, сколько силу мелкобуржуазных традиций, препятствующих этому росту.

Помимо вознаграждения за свой труд каждый гражданин как член ассоциации имеет право на некоторую долю в дивиденде. В «Новой теории» наиболее справедливым способом распределения дивиденда Пеккёр считает распределение пропорционально труду. В виде компромисса он допускает выделение некоторой доли дивиденда для вознаграждения таланта (например, 3/4 - труду, 1/4 - таланту). Но общество воздает уважение тем, кто во имя принципа равенства отказывается от доли, причитающейся таланту.

Вознаграждение за труд, причитающаяся доля дивиденда выдаются гражданам в денежных знаках. Система денежных знаков,

представляющих равную для всех стоимость богатств, по мнению Пеккёра, необходима. Если бы общество от нее отказалось, пришлось бы для регулирования распределения в натуре иметь особых судей, оценивающих потребности граждан и размеры их удовлетворения; при таком порядке равенство вознаграждения находилось бы в зависимости от «произвола страстей»¹⁶⁵. Но «монета» в социализированном обществе Пеккёра - только знак; она может сама по себе вовсе не быть товаром, ее собственная ценность может равняться нулю. В «Республике бога» Пеккёр предусматривает возможность замены денежных знаков системой индивидуальных счетов граждан. При этой системе каждый гражданин приобретает нужные ему продукты в пределах установленного ему лимита по записи в его счете без оплаты денежными знаками.

Все продукты труда принадлежат обществу и помещаются в общественных магазинах. Их хранением и распределением ведают специальные должностные лица. Трудящийся не получает в свое распоряжение произведенных им продуктов и не обменивает их на продукты, ему необходимые. Каждый производит продукты для общества. Право трудящегося на продукты его труда выражается в форме права на пропорциональную долю в общем продукте. Это право реализуется путем приобретения нужных индивиду предметов в общественных магазинах за счет полученных им в качестве вознаграждения за труд денежных знаков.

Пеккёр стоит на почве трудовой теории стоимости (конечно, в ее домарксовской форме). Стоимость продукта определяется не его полезностью, не потребностью в нем, а вложенным в него трудом. При ее исчислении Пеккёр предлагает исходить из среднего труда работников средней способности. Но продажная цена продуктов в идеальном обществе не всегда будет соответствовать их трудовой стоимости. Минимум и максимум в продажных ценах будут определены законом. Пеккёр уверен, что мощный рост средств производства и достижения науки будут способствовать понижению цен. Если запасы продукта окажутся в несоответствии со спросом, а его количество не может быть быстро увеличено, цена продукта будет повышаться. При оценке будет, таким образом, учитываться не только вложенный в производство труд, но и соотношение между спросом и предложением. Повышение цены данного продукта приведет к тому, что его будут приобретать те, кто готов пожертвовать для этой цели удовлетворением какой-то другой потребности. Этот метод борьбы с диспропорцией между производством и потреблением Пеккёр не считает идеальным, ибо он нарушает равенство между потребителями, и выражает надежду, что необходимость в нем в дальнейшем вскоре отпадет.

Помимо диспропорций, вытекающих из реальных условий производства, Пеккёр предвидит также возможность диспропорции; связанной со свободой гражданина приобретать какой-либо продукт в том количестве и тогда, в каком и когда ему заблагорассудится. Равновесие между производством и потреблением основывается на статистическом учете. Однако эта гармония может быть легко нарушена потребителями. Если первые покупатели закупают полезного продукта больше, чем предусмотрено, то последующие могут оказаться вовсе без этого

продукта. В целях предупреждения подобных случаев Пеккёр предлагает - помимо общего статистического учета потребностей - установить систему предварительного индивидуального абонеента на определенное количество тех или иных предметов. При такой системе свобода индивидуальной закупки каждого ограничивается установленной нормой, согласованной с производством и не нарушающей потребностей других. Все эти мероприятия не могут, однако, полностью обеспечить равновесие между населением и средствами существования без морального перевоспитания людей. Если посредством воспитания вы не установите известной меры в потребностях и желаниях, известной устойчивости во вкусах грядущих поколений, говорит Пеккёр, вы никогда не сможете установить пропорции для необходимой экономии в общем производстве и потреблении.

Вся внутренняя торговля находится, таким образом, в руках общества. Оно, как выражается Пеккёр, «покупает» труд граждан; оно продает им продукты. Никто не имеет права перепродавать приобретенный им продукт. Точно так же только общество через свою центральную администрацию ведет внешнюю торговлю. Частный кредит в идеальном обществе Пеккёра также недопустим. Кредит - орудие ассоциации; ассоциация дает авансы гражданам в случае нужды, без процента. Всякий имеет право накапливать.

Поскольку общество предоставляет каждому «материю труда», накопление никому не может вредить. А с другой стороны, накопление - гарантия свободы и составляет поэтому одно из священных прав человека. Свои накопления гражданин может помещать в государственные сберегательные кассы. С точки зрения принципиальной сберегательные кассы не должны были бы платить вкладчикам никаких процентов. Но Пеккёр допускает установление небольшого процента по вкладам - как «уступку» духу капитала. Частные займы из процентов не только невозможны, но и бесцельны. Трудно представить себе, что может заставить людей при изображенных в утопии порядках прибегать к ростовщическим займам. Беспроцентные займы допустимы, и их оплату государство может даже гарантировать путем отчислений из трудового вознаграждения¹⁶⁷.

Основным источником покрытия общественных расходов и накопления общественного капитала является дивиденд ассоциаций. Однако Пеккёр считает возможным сохранить также налог на индивидуальные доходы граждан, пропорциональный их благосостоянию или, иначе говоря, сумме полученного вознаграждения. В ряде случаев трудящийся может рассчитывать не только на свое вознаграждение и на свои сбережения, но и на помощь специальных касс - пенсионной кассы, кассы помощи на случай болезни и т.д. Фонды этих касс составляются путем вычетов из индивидуальной части, причитающейся каждому из годового дивиденда. Интересен один налог особого назначения в системе Пеккёра. Одним из основных доводов против социализма (особенно в первой половине XIX в.) служило основанное на мальтузианских предпосылках положение, будто бы при социалистической системе неизбежен чрезмерный рост населения не соответствующий возможному

росту числа предметов, необходимых для удовлетворения потребностей этого населения. Опровергая этот довод, Пеккёр утверждает, что при тех порядках, которые он предлагает, личный интерес будет толкать к самоограничению в деторождении. Для того чтобы еще более усилить этот интерес, он вводит пропорциональные числу детей вычеты из вознаграждения трудящихся в фонд содержания и воспитания молодежи¹⁶⁸.

Изложенная система может быть осуществлена, по мнению Пеккёра, в одной стране. Проект, изложенный им в «Новой теории», предназначен им в первую очередь для Франции¹⁶⁹. Но конечным идеалом Пеккёра является, как мы уже знаем, всеобщая ассоциация. «Человечество едино, - говорит он, - это коллективное бытие, члены которого солидарны; оно вредит себе и идет против своей естественной цели, когда оно дробится на враждебные или просто отдельные группы. Деление людей на нации - остаток варварства. Нормальное состояние человечества - ассоциация, единство в братстве»¹⁷⁰.

Всеобщая ассоциация - это экономическая, гражданская и политическая ассоциация, руководимая из единого центра, располагающего законодательной, исполнительной и судебной властью. Справедливость, свобода, равенство и всеобщее братство, заявляет Пеккёр, выше национальных особенностей. Великое отечество человечества - выше отдельных узких отечеств. Подлинное отечество - не почва, не небо, не земля, это общность принципов, средств, цели; общность чувств, идей, верований и усилий т. Если человечество - коллективное бытие, то все люди должны иметь общие законы и учреждения, общую власть. Тогда у них будет общее отечество в едином человечестве. Территорией этого общего отечества будет весь земной шар. В нем могут быть административные деления, соответствующие природе вещей. Но все его части будут связаны воедино общей моралью, не знающей ни рас, ни происхождения, ни цвета кожи, ни национальности.

* * *

Взятое в целом учение Пеккёра можно рассматривать как замечательный пример эклектического соединения весьма разнородных элементов. Пеккёр очень начитан в социалистической и социально-реформаторской литературе своего времени. В каждой школе, в каждом течении - у сен-симонистов и у фурьеристов, у Бюше и у Леру, у коммунистов и у мелкобуржуазных реформаторов - он находит нечто ценное и стремится это ценное использовать в своем построении. Создать из этих частей цельную «систему» в настоящем смысле этого слова ему явно не удается.

Лежащая в основе социального учения Пеккёра философия представляет одну из разновидностей философского идеализма. Идеалистическое понимание мира и исторического процесса характерно для большинства утопических школ начала XIX в. Характерна для них и религиозная аргументация, свойственная Пеккёру. Многие из них устанавливают более или менее прямую связь между судьбами человеческого общества и «божественным провидением», между планом

социальных преобразований и христианской моралью. Здесь Пеккёр - при наличии известных индивидуальных оттенков - в основном примыкает к весьма распространенному течению мысли.

Подобно другим утопистам, Пеккёр видит свою задачу в том, чтобы, исходя из некоторых общих - моральных или религиозных - положений, построить план идеального человеческого общества. Но наряду с этой основной задачей Пеккёр ставит перед собой другую: научно осмыслить социальное значение происходящего на его глазах технического переворота, внедрения в производство новых производительных сил. Постановка этого вопроса является, несомненно, заслугой Пеккёра. Внимание к «материальным улучшениям», к «новым машинам» позволило ему дать много оригинального и интересного в характеристике современного ему общества. Но открыть действительные закономерности развития производительных сил, научно установить связь между этим развитием и социалистическим преобразованием общества было ему не по силам. Для этого нужен был гений Маркса, для этого нужна была методология диалектического материализма. Разрешить эту задачу, оставаясь на базе идеалистической философии, было невозможно.

Рассуждения Пеккёра в его дореволюционных работах о путях будущего развития общества исполнены противоречий. Пеккёр отмечает обнищание, пауперизацию рабочих в связи с внедрением в производство новой машинной техники; а с другой стороны, он старается убедить, что технические усовершенствования расширяют возможности рабочего накапливать и подыматься до лучшего положения. Пеккёр понимает, что «материальные улучшения» ведут неизбежно к укреплению предприятий и к пролетаризации мелких товаропроизводителей; а с другой стороны, он выражает уверенность, что технический прогресс будет содействовать переходу рабочих в ряды «среднего класса», его укреплению. Пеккёр предвидит рост культурности и сознательности рабочих на больших предприятиях с новой техникой; а с другой стороны, он не верит в их способность самим добиться своего освобождения. Пеккёр констатирует факт классовой борьбы, раздирающей современное общество, и признает ее историческую неизбежность; а с другой стороны, он решительно отвергает классовую борьбу как средство общественного преобразования.

Отказавшись от единственного реального пути движения общества к социализму, Пеккёр беспомощно предлагает читателям на выбор разнообразные мнимые пути социализации. При всем разнообразии этих социализаторских проектов Пеккёра все они в дореволюционный период отличаются одной общей чертой - все они игнорируют остроту раздирающего капиталистическое общество антагонизма, все они опираются в конечном счете не на анализ действительных общественных отношений, а на предвзятую идею неизбежного, хотя и постепенного торжества моральных принципов, носителями которых являются «люди доброй воли». Этот способ разрешения внутренних противоречий построения Пеккёра вполне соответствует его общей идеалистической концепции. Но совершенно ясно, что никакой объективной научной ценности этот идеалистический способ разрешения противоречий не

имеет, что он дает воображаемый выход из тупика, в котором бессильно бьется мысль Пеккёра.

Эклектизм и противоречивость построений Пеккёра не являются результатом его субъективных качеств: Пеккёр был человеком незаурядных природных данных, многие его рассуждения, взятые сами по себе, свидетельствуют о большой остроте и глубине ума. Корень всех недостатков его социального учения следует искать в межеумочности занимаемой им социальной позиции.

Пеккёр, несомненно, горячо и искренне сочувствует страданиям рабочего класса. Во всех его произведениях мы находим прочувствованные страницы, посвященные положению пролетариата. Однако наличие таких страниц еще ничего не доказывает: подобные им мы можем встретить и в работах буржуазных филантропов, и в произведениях представителей так называемого «феодального социализма». Гораздо существеннее для понимания социальных настроений Пеккёра тот факт, что резко критикуемому им капиталистическому строю он противопоставляет весьма последовательную и весьма продуманную для его времени картину социалистического порядка. Эта картина дает вариант представления о будущем строе, отличающемся от последовательно коммунистического, что подчеркивает и сам Пеккёр. Будущее общество, изображаемое Пеккёром, является предвидением не высшей фазы развития коммунизма, как она охарактеризована у Маркса и Ленина, - это тип общественного строя, который мы называем теперь социалистическим (в узком смысле этого слова) и который соответствует в наших представлениях первой, низшей фазе коммунизма; социалисты XIX в. чаще всего именовали его коллективистским. В истории разработки его основных принципов Пеккёру, бесспорно, принадлежит видное место. По четкости социалистических выводов учение Пеккёра представляет большой шаг вперед по сравнению с системами как его предшественников - сен-симонистов и фурьеристов, - так и его современников - Бюше, Леру и Луи Блана. Содействуя уточнению социалистических представлений, учение Пеккёра в этой своей части, несомненно, являлось отражением роста социалистического сознания французского пролетариата.

Смелый и последовательный в своих прогнозах, относящихся к более или менее отдаленному будущему, Пеккёр проявляет в своих произведениях 30-х и начала 40-х годов большую робость, становится весьма неуверенным и неопределенным, как только перед ним встают вопросы ближайших перспектив общественного развития. Он отступает в испуге перед картиной бедствий, которыми грозит обществу классовая борьба, он боится «невежественных рабочих», он предостерегает против насилия, против «ложной» демократии, против «беззастенчивых» демагогов. Он стремится во что бы то ни стало даже ценой отказа от результатов своего собственного анализа доказать возможность классовой солидарности и мирного перехода к социализму.

Страх перед классовой борьбой, стремление укрыться от неприятной исторической реальности под сенью идеалистической

философии и социалистически истолкованной христианской морали, как мы уже указывали, типичны почти для всех течений утопического социализма (не включая в их число революционного коммунизма Бабефа и его последователей). На ранних стадиях развития утопического социализма, в трудах великих утопистов непонимание исторического значения классовой борьбы пролетариата в известной мере соответствовало недостаточно высокому уровню его классового самосознания. Десятилетия, отделяющие Пеккёра от великих утопистов, отмечены ростом капиталистических отношений и обострением социальных противоречий. Уточнились грани, отделяющие наемных рабочих от мелкобуржуазных слоев населения, значительно выросло в рабочем классе понимание своеобразия его положения в обществе и специфических задач, из этого положения вытекающих. Учение Пеккёра, как мы уже говорили, в известной мере учитывает эти сдвиги; но в существеннейшем вопросе - о путях становления социализма - Пеккёр не смог порвать со старой традицией утопизма, приобретшей в новых условиях реакционный смысл. Его рассуждения о перспективах развития общества отражают не завтрашний, а вчерашний день в историческом развитии рабочего класса, не его рост, а препятствующие этому росту мелкобуржуазные идеологические влияния.

Нас не должно удивлять, что главную роль в предстоящем социальном преобразовании Пеккёр отводит не пролетариату, а «культурным» «средним классам»: ведь и в этом отношении его взгляды не отличаются существенно от взглядов великих утопистов. Но в социальной и политической обстановке конца 30-х и 40-х годов этот призыв к средним классам весьма резко подчеркивает мелкобуржуазные тенденции социального учения Пеккёра. Не случайно в истории революции 1848 г. имя Пеккёра связано с деятельностью Люксембургской комиссии, связано с именем Луи Блана. Не случаен и интерес к Пеккёру мелкобуржуазных оппортунистов эпохи II Интернационала.

Как мы видели, революция 1848 г. обогатила представление Пеккёра о путях перехода к социализму рядом новых идей. Несомненен сдвиг в отношении Пеккёра к насильственному перевороту, который он склонен теперь признать не только законным, но и более вероятным способом осуществления прогресса. Несомненно, что ведущую роль в деле социалистического преобразования он склонен отводить в своих послереволюционных статьях не «среднему классу», а пролетариату. Весьма интересна с этой точки зрения пропаганда в журнале Пеккёра организации Союза рабочих и намечаемая Пеккёром программа его деятельности. Весьма значительна по своему политическому смыслу эволюция во взглядах Пеккёра на участие государства в построении социалистического порядка. Наиболее существенно появление в его концепции мысли о возможности осуществления социального идеала в результате успешной революции, путем пересмотра конституции, минуя длительный процесс развития ассоциации.

Однако проникновение в социально-политические воззрения Пеккёра этих новых элементов не вызвало пересмотра основ его социальной философии. Она осталась по-прежнему идеалистической, а

следовательно, неспособной открыть подлинные закономерности исторического развития. Предлагаемые Пеккёром практические мероприятия и в этот период не представляют собой единой продуманной программы, основанной на понимании законов движения общества. Его представления о путях перехода общества к социализму остаются, как и ранее, эклектическими.

- 1 C.Pecqueur. La theorie nouvelle d'economie sociale et politique. Paris, 1842 (далее - Theorie nouvelle), p.V-VI.
- 2 Theorie nouvelle, p.245-246
- 3 C.Pecqueur. Des interets du commerce. Paris, 1837 (Далее - Des interets du commerce).
- 4 Ibid., p.358.
- 5 Ibidem.
- 6 Theorie nouvelle, p.64-83.
- 7 C.Pecqueur. La Republique de Dieu. Paris, 1844 (далее - La Republique de Dieu), p.42-43,61.
- 8 Ibid., p.107.
- 9 Ibid., p.202.
- 10 Des interets du commerce, p.XIII-XIV, 13, 228-231, 361-362.
- 11 Theorie nouvelle, p.1-9.
- 12 La Reforme/ 1844/26.11. Цит. по кн.: G.Marcy. C.Pecqueur, fondateur du collectivisme d'etat (1801-1887). Paris, 1934, p.41.
- 13 Ibid., p.166.
- 14 Theorie nouvelle, p. I-III, XI-XV; Des interets du commerce, p.XVI 288-«Salut du peuple», № 1, p.12.
- 15 Theorie nouvelle, p.2-4; Des interets du commerce, t.I, p.XI-XIII, t.II, p.13; «Salut du peuple», N 1, p.16-18.
- 16 Des interets du commerce t.I, p.143, 150, 284-287, 445, 447; t.II, p.13, 127-129, 228-231, etc.
- 17 C.Pecqueur. Des ameliorations materielles. Paris, 1839 (далее - Des ameliorations materielles), p.69.
- 18 Des interets du commerce, t.II, p.9-11, 469-494.
- 19 Des ameliorations materielles, p.32-33, 41, 60.
- 20 Ibid., p.7-13, 301.
- 21 Ibid., p.62, 66.
- 22 Ibid, p.67-68.
- 23 Ibid, p.70.
- 24 Des interets du commerce, t.II, p.25, 268, 288, 459, 467-468; t.I, p.228- 231, 351; Des ameliorations materielles, p.43.
- 25 Theorie nouvelle, p.415-416.
- 26 Ibid., p.404-416; «Saint du peuple», № 2, p.17, 22; № 3, p.18.
- 27 Des ameliorations materielles, p.XVIII.
- 28 Des interets du commerce, t.II, p.288-291.
- 29 Ibid., p.284-285.
- 30 Des interets du commerce, t.I, p.297, 342,

31 Ibid , p.297, 321, 329.
 32 Des interets du commerce, t.II, p.263-264.
 33 Des interets du commerce, t.I, p.299-305.
 34 Ibid., p.312, 313, 344.
 35 Ibid., p.315-341.
 36 Des interets du commerce, t.I, p.396-403, 467 sq.
 37 Des ameliorations materielles, p. 72-74.
 38 Des interts du commerce, t.I, p.407-408.
 39 Des interets du commerce, t.II, p.467-468; t.I, p.450-451.
 40 Des interets du commerce, t.I, p.XIII, XVIII.
 41 Ibid., p.371, 407-408, 421; t.II, p.80-82, 108-109, 262-263; Des ameliorations materielles, p.78.
 42 Des interets du commerce, t.II, p.251-253, 267-272, 417.
 43 Des interets du commerce, t.II, p.181.
 44 Des ameliorations matcrielles, p.303.
 45 Des interets du commerce, t.II, p.273, 362-368.
 46 C.Pecqear. De la paix. Paris, 1842, p.173.
 47 Des ameliorations materielles, p.233; De la paix, p.185, 370.
 48 Des interets du commerce, t.I, p.262; t.II, p.367, 401-402, 413-414.
 49 De la paix, p.351-352.
 50 Dee interets du commerce, t.II, p.383-397, 347-349.
 51 Ibid., p.321-324, 366-371, 430-432.
 52 Ibid, p.318-321, 347-349, 279.
 53 Des interste du commerce, t.I, p.230.
 54 Des interste du commerce, t.II, p.329, 341.
 55 Theorie nouvelle, p.XX-XXII; Des interets du commerce, t.II, p.283- 284; Des ameliorations materielles, p.XVII-XVIII.
 56 Theorie nouvelle, p. XIV-XVI; аналогичные заявления можно найти и в других произведениях Пеккёра.
 57 Des interets du commerce, t.II, p.15-17, 20; Des ameliorations materielles, p.XX, 173.
 58 Как мы увидим ниже, в своем идеальном обществе Пеккёр отводит государству именно такую роль хозяйственного руководителя; надо полагать, что приведенные замечания относятся лишь к ближайшему этапу общественного преобразования. Впрочем, возможно, что взгляды Пеккёра на роль государства пережили известную эволюцию.
 59 Des interets du commerce, t.I, p.369, 438-442; t.II, p.169-170, 258;
 60 Des interets du commerce, t.I, p.56-57, 89-91, 97.
 61 Des interets du commerce, t.I, p.56-57, 59, 89-91, 93, 96-98, 279, 440.
 62 Ibid., p.99-100, 279, 319.
 63 Des interets du commerce, 1.1, p.103-114.
 64 Ibid, p.103-108, 115-119.
 65 Ibid., p.122-126.
 66 Des interets du commerce, 1.1, p.177-182.
 67 См. выше, стр.273-274.

68 Такова точка зрения Пеккёра в 1837 г. Впоследствии, в связи с общим изменением его взглядов на роль государства, Пеккёр перешел на позиции государственного регулирования заработной платы.
 69 Des interets du commerce, t.II, p.110-112, 145-147, 152.
 70 Ibid., p.159-162, 165, 282.
 71 Des interets du commerce, t.I, p.194-198, 205-216; t.II, p.487-495.
 72 Des interets du commerce, t.I, p.445-447; t.II, p.93.
 73 Des interets du commerce, t.II, p.185-198, 244-245.
 74 Ibid, p.25-26, 28-29.
 75 Des interets du commerce, t.I, p.XVIII, 246-251, 259.
 76 Des interets du commerce, t.II, p.28-29, 31.
 77 Theorie nouvelle, p.756 sq.
 78 Ibid., p.764-765.
 79 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.7, стр.37.
 80 «Salut du peuple», № 1, p.5.
 81 «Salut du peuple», № 5, p.10.
 82 Ibid., p.3.
 83 «Salut du peuple», № 5, p.6.
 84 Ibidem.
 85 Ibid., p.6-7.
 86 «Salut du peuple», № 1, p.6-7.
 87 «Salut du peuple», № 4, p.7-10.
 88 «Salut du peuple», № 6, p.7.
 89 Ibid., p.185.
 90 «Salut du peuple», № 5, p.7-10.
 91 «Salut du peuple», № 1, p.7-8.
 92 «Salut du peuple», № 2, p.16-17. В этом рассуждении о рабочем союзе Пеккёр, несомненно, находится под влиянием Ф.Тристан, которое сказывается даже в деталях.
 93 «Salut du peuple», № 1, p.20.
 94 «Salut du peuple», № 5, p.8-9.
 95 «Salut du peuple», ,№ 2, p.14.
 96 «Salut du peuple», № 1, p.24; № 2, p.21.
 97 «Salut du peuple», № 2, p.15.
 98 «Salut du peuple», № 5, p.15.
 99 «Salut du peuple», № 5, p.17.
 100 «Salut du peuple», № 2, p.17-19; № 5, p.31.
 101 «Salut du peuple», № 1.
 102 Ibid., p.24-28.
 103 Выдвигая это требование, Пеккёр считает необходимым отмежеваться от анархистов, для которых, как он говорит, в упразднении «лихоимства» заключается весь социализм. Между тем, с точки зрения Пеккёра, - это только одна из предварительных мер, и притом не основная. Анархисты проповедуют беспроцентный кредит, не считая необходимой ассоциацию, не упраздняя конкуренции. Но там, где нет солидарности, где не регламентирована, не объединена под общим руководством вся экономическая деятельность, не может

быть беспроцентного кредита. Борьба против всех видов «лихоимства» может быть доведена до конца только на почве ассоциации. И созданию между ними отношений зависимости, поощрять их развитие и образование основанной на подлинной солидарности «ассоциации ассоциаций»

104 «Salut du peuple», № 5, p.13; № 3, p. 19; №. 6, p.26.

105 «Saint du peuple», № 4, p. 18, 19; .№ 5, p. 15.

106 «Salut du peuple», № 4, p. 14-16, 21-22.

107 «Salut du peuple», № 5, p.11; № 2, p. 30.

108 «Salut du peuple», № 2, p.17-18.

109 «Salut du peuple», № 2, p.19.

110 Ibid., p. 20-22.

111 Ibid., p. 23.

112 «Salut du peuple», № 6, p. 25-26.

113 «Salut du peuple», № 6, p.22-24.

114 Theorie nouvelle, p.226.

115 Des ameliorations materielles, p.150-153.

116 Theorie nouvelle, p.177-190.

117 Ibid., p.190-191.

118 Theorie nouvelle, p.207-228.

119 Des interets du commerce, t.II, p.28-29, 31.

120 Des interets du commerce, t.I, p.433.

121 Ibid., p.433-434.

122 Ibid., p.430, 435; t.II, p.186.

123 Theorie nouvelle, p.637.

124 Des interets du commerce, t.II, p.3-4.

125 Des interets du commerce, t.I, p.430, 435-436.

126 «Salut du peuple», № 1, p.12, 16; Des interets du commerce, t.I, p.431, 432, 437.

127 Des interets du commerce, t.II, p.2.

128 Theorie nouvelle, p.377-387.

129 Des interMs du commerce, t.II, p.7.

130 Theorie nouvelle, p.396.

131 Ibid., p.585.

132 Theorie nouvelle, p. 388-389,

133 Des interets du commerce, t.II, p.13.

134 Theorie nouvelle, p.403-404.

135 Ibid., p.494-495.

136 Ibid., p.568.

137 Ibid, p.568-569.

138 Theorie nouvelle, p.174-176, 224 etc.

139 Des interets du commerce, t.I, p.XIV, XVI, XVII; «Salut du peuple», № 1, p.7; № 4, p.4; Des ameliorations materielles, p.338.

140 «Salut du peuple», № 1, p.20-21.

141 Этот термин унаследован Пеккром от сен-симонистов, которые относят его, однако, не к народу, а к «верховному вождю».

142 «Salut du peuple», № 1, p.22-26.

143 Ibid., p.28.

144 Theorie nouvelle, p.451-467.

145 Ibid., p.554-556; «Salut du peuple», № 2, p.24-26.

146 Theorie nouvelle, p.700-701.

147 Theorie nouvelle, p.702-703.

148 La Republique de Dieu, p.212.

149 Theorie nouvelle, p.704-705.

150 Ibid., p.706-707.

151 Theorie nouvelle, p.716-728.

152 Ibid., p.222.

153 Ibid., p.342, 347.

154 Прямое голосование Пеккёр предлагает в «Новой теории»; в «Республике бога» он говорит о многостепенных выборах (La Republique de Dieu, p.234).

155 Theorie nouvelle, p.37.

156 Ibid., p.716, 722-725.

157 Ibid., p.305-317, 318.

158 Des ameliorations materielles, p.249.

159 Theorie nouvelle, p.278-290, 746.

160 Ibid., p.612-616. После революций 1848 г. отношение Пеккёра к формуле «каждому по потребностям» изменяется.

161 Ibid., p.607-609.

162 Theorie nouvelle, p.610.

163 Ibid., p.733 sq.

164 «Salut du peuple», № 1, p.4, 9, 11; № 2, p.10.

165 Theorie nouvelle, p.657.

166 Theorie nouvelle, p.657-667; La Republique de.Dieu, p.295.

167 Theorie nouvelle.p.742-745.

168 Ibid., p.747-750.

169 Ibid., p.702, § 111.

170 Delapaix, p.257-258.

171 Ibid., p.273.

СОЦИАЛЬНОЕ УЧЕНИЕ ВЕЙТЛИНГА *

I

В первые десятилетия XIX в. Германия в своем экономическом развитии значительно отставала от передовых стран того времени. В сельском хозяйстве Германии господствовали по существу феодальные отношения. Значительной части немецкого крестьянства лишь наполеоновская эпоха принесла освобождение от крепостного права. Новые методы обработки земли медленно проникали в германское сельское хозяйство. Индустрия в Германии была еще слабо развита, и в

* Печатается по тексту вступительной статьи к изданию: В.Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы. М.-Л., 1962, стр.5-60 (серия «Предшественники научного социализма»). Статья под таким названием была опубликована также в журнале «Вопросы истории», 1961, № 8, стр.7-26.

ней преобладали ремесло и домашняя промышленность. Централизованное капиталистическое производство едва только возникало. В те годы, когда промышленный переворот почти уже завершился в Англии, в Германии он делал свои первые шаги.

Особенности господствовавших в Германии политических порядков не могли не тормозить развитие германской промышленности и торговли. Германия распадалась на 38 отдельных государств, которые вплоть до конца 30-х годов были отделены одно от другого таможенными преградами и отличались друг от друга своими законодательствами в торговле и промышленности. Только в 1834 г. потребности торговли заставили германские государства отказаться от хозяйственной изолированности и образовать Германский таможенный союз.

Весьма слаба была в Германии металлургия, эта основная отрасль капиталистической индустрии и движущая сила ее развития. Соответственно отставала Германия и в отношении путей сообщения. Приступив в 1835 г. к постройке железных дорог, Германия могла изготавливать самостоятельно в течение первых пятилетий лишь одну шестую необходимых для ее железных дорог локомотивов, а остальные вынуждена была заказывать в Англии, Франции и Бельгии.

Более развита была в первую половину XIX в. ткацкая промышленность, по преимуществу в Саксонии и Силезии. Но организация ткацкой промышленности Германии напоминала ту стадию, на которой стояла Франция более чем за полвека до того. Даже в середине 40-х годов еще почти не было механических ткацких станков. Ткацкие предприятия представляли собой сочетание централизованной мануфактуры с домашней промышленностью. К сравнительно небольшим мануфактурам тяготело большое число связанных с ними ткачей-кустарей, работавших на собственных станках в собственных избах. Эти ткачи-кустаря в подавляющем большинстве случаев не порывали связи с землей, с сельскохозяйственным производством. Точно таким же было положение с рабочей силой в горной промышленности. Горнорабочими были по преимуществу крестьяне, занимавшиеся горным делом как отхожим промыслом.

Недостаточное развитие капиталистической промышленности, связь рабочего класса с землей, его неорганизованность имели естественным следствием весьма низкий уровень жизненных условий рабочего класса. Эксплуатация рабочих достигала размеров, каких не знали в то время Англия и Франция. Основную пищу рабочих составляли почти исключительно хлеб и картофель. Внешний вид населения ткацких районов был, по словам современников, совершенно нищенским. Рабочие десятилетиями не имели возможности приобретать новую одежду и ходили в отрепьях. Преобладание рассеянной мануфактуры задерживало концентрацию рабочих в городах и понижало их способность к сопротивлению эксплуатации.

Несмотря на неорганизованность рабочего класса, нестерпимые условия его существования вызвали в середине 40-х годов стихийную реакцию. В 1844 г. силезские ткачи поднялись, разгромили ряд мануфактур и несколько домов владельцев предприятий. Капиталисты

вынуждены были от гнева ткачей бежать в города. Лишь присланным правительством войскам удалось внести в ткацкий район «успокоение». Восстание ткачей не имело определенной программы - ни политической, ни даже экономической. Несмотря на это, оно не могло не произвести потрясающего впечатления как в правительственных кругах, так и среди радикальной интеллигенции. Известно посвященное этому событию стихотворение Гейне:

Глаза их сухие не блещут слезами,
Сидят у станков и скрежещут зубами:
«Германия, саван тебе мы соткем,
В него мы тройное проклятье вплетем,
Мы ткем, мы ткем».

Коммунистические идеи имели в Германии довольно широкое распространение в период Реформации. Коммунистические тенденции, отражавшиеся в социальном движении XVI в. настроения и чаяния предпролетариата, мы находим в лозунгах и требованиях демократического крыла реформационного движения: в проповедях Томаса Мюнцера и Мельхиора Гофмана, в выступлениях Яна Лейденского и других вождей анабаптистов. В том же XVI в. принципы коммунизма защищал в своих работах Себастьян Франк.

В конце XVII и начале XVIII в. несомненное сочувствие идеям общественного равенства выражали такие деятели немецкого Просвещения, как Томасий и Лейбниц. В некоторых работах Лейбница обнаруживается сочувствие к коммунистическим порядкам. Коммунистические тенденции находим мы также в произведениях малоизвестных немецких утопистов XVIII в. - Фрелиха и Цигенхагена.

В конце XVIII в. большой интерес к проблемам общественной организации проявлял немецкий философ Фихте. Фихте безусловно находился под влиянием событий и идей Французской буржуазной революции, в частности под влиянием уравнительного законодательства якобинского периода. В 1800 г. он издал своеобразный проект социального преобразования, назвав его «Замкнутое торговое государство». В его идеальном государстве хозяйственная деятельность строго регламентирована, напоминая некоторыми своими чертами хозяйство средневекового города. Фихте при этом сочувствует принципу имущественного равенства. Он против неограниченной конкуренции, против духа спекуляции. Он критически относится к частной собственности в современной ее форме. Но его уравнительство носит мелкобуржуазный характер. Его идеальное общество не знает ни принципа общественной собственности на средства производства, ни коммунистической организации труда.

Сколько-нибудь заметное влияние французских и английских коммунистических идей начала XIX в. может быть отмечено в Германии лишь с конца 20-х годов.

Одним из первых немецких писателей, на которых сказало это влияние, можно считать Людвиг Галля, который был лично знаком с Фурье, некоторыми сен-симонистами и Оуэном. В произведениях, опубликованных в 1825-1828 гг., Галль выступает с критикой

существующих общественных отношений. Эту критику, направленную в основном против зарождающихся капиталистических форм эксплуатации, можно назвать в этом смысле социалистической. Но требования преобразования общества на социалистических началах Галль не выдвигает. Его социализм - социализм мелкого собственника, болезненно переживающего процесс пролетаризации, но неспособного отказаться от идеализации строя, основанного на частной собственности. Основным пунктом его положительной программы - создание кооперативных объединений малоземельных крестьян и ремесленников. В организации кооперативов Галль видел средство приостановить процесс пауперизации низших классов, освободить их от власти денег, улучшить, таким образом, положение трудящихся без ущерба для обладателей капиталов.

В 30-х-40-х годах на почве нового хозяйственного подъема социалистические и коммунистические идеи получили в Германии более широкое распространение. В произведениях немецких социалистов этого периода обычно заметно определенное влияние немецкой классической философии. Но для истории социалистической мысли интереснее не их философская фразеология, а поставленный ими вопрос о возможности для германского общества миновать в своем развитии стадию капитализма.

Пропагандисты социализма знали - этому учил их опыт Англии и Франции,- что капитализм ведет к образованию пролетариата, к обезземеливанию крестьянства, что рост капитализма, связан с понижением жизненного уровня масс. Так как в Германии этот процесс не получил еще, по их мнению, своего полного развития, то для немецкого народа не исключена возможность прийти к социализму кратчайшим путем, минуя эту мрачную эпоху народных страданий. Германский капитализм, рассуждали они, не является необходимым следствием имманентного развития германской экономики. Он - искусственное порождение ложной экономической теории и ложной политики германских правительств, основанной на неправильном понимании путей развития немецкого хозяйства. Немецкий капитализм, полагали эти защитники «особого пути развития», носит хищнический характер и растет за счет разорения масс. Он сам подрывает этим возможность своего развития на основе внутреннего рынка, подрывая покупательную способность масс. С другой стороны, он не может рассчитывать на внешний рынок, на котором он не в силах конкурировать с прочно завоевавшими там позиции английскими и французскими фирмами.

Из этих положений немецкие утописты делали тот вывод, что просвещенное общественное мнение может помешать неразумным правительствам увлечь Германию на путь капиталистического развития, сумеет без классовой борьбы направить Германию на единственно спасительный для нее путь - путь социализма. В критике господствующих экономических представлений и в пропаганде разумных экономических идей видели они основную задачу немецкой социалистической интеллигенции.

В начале 40-х годов идеями особого некапиталистического пути развития Германии вдохновлялись многие представители групп так называемых «истинных социалистов». Эти идеи защищали Карл Грюн, Отто Люнинг, в течение некоторого времени их разделял Мозес Гесс.

Немецкие утопические социалисты искренне сочувствовали тяжелому положению немецкого предпролетариата и пролетариата своего времени, искренне желали избавить его от «зол капитализма и эксплуатации». Они видели противоречие интересов между правящими и богатыми, с одной стороны, трудящимися и бедными - с другой. Но они, как и другие утописты их времени, не понимали роли пролетариата в общественном развитии, не понимали, что именно капитализм, создавая кадры пролетариата, вместе с тем создает предпосылки для торжества социализма.

Наиболее значительный из представителей немецкого утопического коммунизма этого времени, Вильгельм Вейтлинг, родился в 1808 г. в Магдебурге. С 1828 г. началась его странническая жизнь. В качестве ремесленного подмастерья он работал в Саксонии и Вене, а в 1835 г. переехал в Париж, где существовала уже с 1834 г. связанная с «Обществом прав человека» Немецкая организация под наименованием «Союз гонимых». После раскола «Союза гонимых» в 1836 г. наиболее радикальные его элементы создали новое общество - «Союз справедливых». В этом обществе сильнее чувствуется влияние пролетарских элементов. Его программа проникнута идеями французского утопического коммунизма того времени. «Союз справедливых» был связан с «Обществом времен года». По поручению «Союза» в 1838 г. Вейтлинг написал первое свое сочинение «Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть». В этой книге, изданной на средства общества, чувствуется некоторое влияние Ламенне .

** Ф.Р.Ламенне - один из основоположников христианского социализма. В его книге «Слова верующего» (1834 г.) критиковались социально-экономические порядки, обрекающие народ на голод и страдания.

В. П. ВОЛГИН

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.

М.: Наука. 1976

Vive Liberta, 2010

В 1841 г. Вейтлинг перенес свою пропагандистскую и организаторскую деятельность в Швейцарию, где среди немецкой части рабочих пользовались в то время большим влиянием совершенно чуждые коммунистической идеологии традиции «Молодой Германии». Здесь ему удалось создать более десятка фереинов, сочетавших пропаганду коммунизма в духе «Союза справедливых» с легальной деятельностью - с кружками самообразования, с гимнастическими обществами, общественными столовыми и т.п. Здесь же в 1841 г. он приступил к изданию журнала, а в 1842 г. опубликовал самое значительное свое произведение «Гарантии гармонии и свободы». Эта книга, дающая наиболее продуманное, наиболее разработанное изложение учения Вейтлинга, имела широкий успех. В 1843 г. Вейтлинг написал новую книгу - «Евангелие бедного грешника», которая представляет собой попытку коммунистической интерпретации христианской традиции. Вейтлинг был приговорен к тюремному заключению и к изгнанию из Швейцарии^{***}.

1844-1848 гг. - годы новых скитаний Вейтлинга (Германия, Англия, Бельгия, Америка), в 1848 г. он возвращается в Германию. В 1849 г. Вейтлинг вновь и навсегда уезжает в Америку, где принимает участие в американском рабочем движении, выдвигая ряд утопических проектов социального преобразования. Его выступления этого американского периода не привлекают к себе большого внимания и не представляют интереса для истории развития коммунистической мысли. Право Вейтлинга на место в истории социальных идей определяется исключительно его произведениями 30-х - начала 40-х годов.

II

В философских рассуждениях Вейтлинга, как и в учениях других утопических коммунистов его времени, немало положений, напоминающих построения социальных мыслителей XVIII в. К современным ему философским системам Вейтлинг не проявлял особого интереса. Как и теоретики XVIII в., Вейтлинг строит критику существующего порядка на противопоставлении этого порядка «природе», естественным законам бытия. Идею естественного закона он считает ведущей идеей своего учения об обществе¹.

Все, что соответствует законам природы, - благо. «В природе все хорошо и полезно». Но рай, созданный природой, превращен человеком в место страданий. Основной закон природы - движение. Из этого следует, что незыблемым законом человеческого общества как части природы является прогресс, движущую силу которого Вейтлинг видит в росте знаний. В законе прогресса как бы концентрируются все относящиеся к обществу законы природы. Все прочие законы подчинены закону

*** Суд в Цюрихе обвинил Вейтлинга в подстрекательстве к преступлениям против собственности и к восстанию, а также в оскорблении религии. Первоначально Вейтлинга приговорили к 6 месяцам тюрьмы, а затем - к 10 месяцам заключения и высылке из Швейцарии с запрещением возвращаться в нее в течение 5 лет.

прогресса. Цель прогресса - движение человечества к идеалу. Постичь эту цель прогресса - значит постичь саму природу общества.

Никогда не существовало такого общественного порядка, который все признавали бы совершенным, не подлежащим никаким изменениям. Держаться за старые порядки как за нечто священное - вредно. Учреждения являются воплощением идей. Поскольку идеи совершенствуются, должны совершенствоваться и учреждения. В последовательных изменениях общественного порядка и выражается Прогресс общества. Но идеала абсолютного совершенства общество и в будущем никогда не достигнет. Такое совершенство означало бы остановку в развитии человеческого общества, конец прогресса².

Способность к совершенствованию - способность, дарованная человеку природой. Нарушение процесса совершенствования, стремление препятствовать ему является причиной множества страданий, которые с незапамятных времен приходилось испытывать человечеству. Со старыми, привычными порядками связаны личными интересами сильные мира, они используют все средства для того, чтобы эти порядки сохранить. При своем возникновении все наши учреждения стремились к какому-то благу. Но по мере того, как эти учреждения старели, они становились все более вредными для общества.

В основе учреждений, создаваемых человеческим обществом, независимо от того, хороши они или плохи, всегда лежит некий изначальный элемент, к которому необходимо восходить при всяких изменениях. Этот элемент - человеческие страсти разного рода и разной силы. Для удовлетворения страстей человеку даны способности. Применением этих способностей являются механические и духовные движения человека. Способности являются естественным пределом страстей, ибо только они дают возможность их удовлетворения. С расширением границ способностей человека расширяется и диапазон его страстей, что и составляет существенную движущую силу человеческого прогресса.

Влечения, страсти играют главную роль в человеческих действиях. Великие дела творят сильные страсти. Среди человеческих страстей Вейтлинг различает три типа: страсть к знанию, страсть к приобретению и страсть к наслаждению. Страсть к приобретению удовлетворяется владением, заработной платой и т.п.; в искаженном виде это - воровство, обман, налог. Удовлетворение страсти к наслаждению называется здоровьем, благосостоянием, удовольствием, славой; в искаженном виде это - роскошь, богатство, излишество. Удовлетворение страсти к знанию называется мудростью, талантом, ученостью; в искаженном виде это - тирания, обман, ложь³. Руководящую роль в этом комплексе страстей играют влечения к знанию: нужно знать что-либо, чтобы наслаждаться знанием и стремиться к его приобретению. Страсть к знанию - главная пружина общественного организма. Развитие общества всегда тесно связано с развитием идей.

Вся деятельность человека определяется его страстями и его способностями, т.е. средствами для удовлетворения его страстей. Для того чтобы страсти и способности получили должное направление,

необходимо, чтобы знание получило в обществе место, которое ему предназначено природой, место руководителя всех страстей и всех способностей. Нормальное общество характеризуется гармонией и параллельным ростом страстей и способностей. Из свободы и гармонии влечений и страстей может произойти только благо; из подавления их, из борьбы с ними во имя пользы немногих проистекает только зло. Общество должно обеспечить индивиду удовлетворение его потребностей и развитие его способностей. Общая сумма способностей и потребностей, утверждает Вейтлинг, соответствуют друг другу, необходимо обеспечить их соответствие для каждого индивида. Для современного общества характерно неравенство общественных положений. Это неравенство ведет к тому, что страсти одного обуздываются в пользу другого, что вызывает необходимость законов и наказаний.

Исходя из своей теории страстей, Вейтлинг ищет причину неравенства в том, что страсти к приобретению и наслаждениям восторжествовали в обществе над страстями к знанию. Для того чтобы добиться своей победы, страсти к наслаждениям и приобретению превратили знание в бессмыслицу и суеверие. Но силу знания нельзя сломить навсегда. Если страсти к приобретению и наслаждениям искажают ее и не дают ей прямого выхода, она найдет себе косвенные пути и в конце концов прорвется и победит. Она восторжествует над жадной стяжанием, бросая ему приманки в виде открытий. В качестве примера таких приманок Вейтлинг называет изобретение книгопечатания и паровой машины. Иными словами, рост знаний, являясь предпосылкой открытий, оказывается выгодным для удовлетворения страстей к приобретению и наслаждениям, которые в силу этого вынуждены содействовать росту знаний и, следовательно, в конце концов торжеству сил знания и восстановлению нарушенного равновесия.

Все страсти имеют естественное происхождение. Лучшая или худшая организация общества, счастье или несчастье индивидов зависят от того направления, которое дается этим страстям, от того, насколько затруднено или свободно их удовлетворение, иными словами, от организации удовлетворения страстей и использования способностей. При хорошей организации общества страсть одного не должна подавляться в пользу другого. При естественном порядке вещей каждому должна быть предоставлена свобода удовлетворения его страстей, поскольку она не нарушает свободу других и гармонию целого.

Сумма способностей, применяемых для удовлетворения страсти к приобретению, называется производством. Сумма способностей всех индивидов, используемая для удовлетворения страсти к наслаждению, называется потреблением. Руководство способностями, направляемыми на удовлетворение страсти к знанию, т.е., на усовершенствование и облагораживание способностей других людей, есть управление. Чем выше знание, тем лучше управление. Деятельность, направляемая на развитие всех трех видов способностей, и в первую очередь знания, составляет воспитание. Оно должно быть всеобщим и добровольным.

Здоровье общественного организма - в гармонии страстей и способностей индивидов с общественным порядком. Нарушение гармонии - болезнь этого организма. Таким образом, при хорошей организации общества в нем не может быть ни преступлений, ни пороков, ни законов, ни наказаний, но лишь правила и целебные средства.

III

Рассуждения Вейтлинга об обществе, о его элементах и движущих силах не лишены своеобразия. Есть известные оригинальные черты и в его характеристике основных этапов исторического развития общественных установлений, хотя и в ней чувствуется влияние исторических представлений XVIII в. Человек всегда стремится к расширению своих способностей, ибо такое расширение обеспечивает ему большее число предметов, удовлетворяющих его побуждения. Общество является одним из важнейших средств такого расширения способностей. В одиночестве человек слаб, соединив свои усилия, чего только люди не в состоянии сделать! Природа дала различным индивидам различные влечения. Способности отдельных индивидов также своеобразны. Отдельные индивиды не в состоянии удовлетворить все свои страсти, не образовав общества. Большие преимущества, которые дает соединение способностей, являлись как бы приглашением природы создать общественную организацию.

На заре человеческой истории потребности человека, а вместе с тем и его способности были значительно ограниченнее, чем в настоящее время. Соответственно значительно слабее была его тяга к общественности. Чем больше развивались его страсти, тем больше развивалась его склонность к общественной жизни, ибо он видел в ней средство для расширения своей деятельности и своих наблюдений.

История человечества начинается, по теории Вейтлинга, с некоего золотого века, сходного в своих основных чертах с «естественным состоянием» Мабли или Морелли. Человечество не знает еще в это время собственности, ему чужды понятия «мое» и «твое». Редкое население легко удовлетворяет свои потребности тем, что в изобилии дает ему природа. Охота и сбор плодов являются основными способами добывания пищи. Труда в нашем смысле слова первобытное человечество не знает. Никто не перекладывает труд на другого, общество обеспечивает равенство всех своих членов.

Первобытные люди живут в условиях полной свободы и независимости, как в земном раю. Они счастливее нас с нашими разгороженными полями. Не изобилие, а равенство создает довольство. Постепенно человек приходит к приручению животных и к скотоводству. В обществе образуются «классы», отличающиеся один от другого профессиональными признаками. Интересы этих классов зачастую вступают в столкновение. Пастухи, естественно, стремятся обезопасить свои стада от охотников. На этой почве вырастает чувство собственности.

Сначала возникает собственность движимая. В дальнейшем с ростом населения начинает ощущаться недостаток в плодах и пастбищах. Общество вынуждено перейти к земледелию, что толкает человека к оседлому образу жизни и к установлению земельной

собственности, а вслед за тем - права наследования. Первоначально общество не почувствовало пагубных последствий присвоения земли, ибо в свободной земле не было недостатка. Но затем, когда все свободные земли были уже распределены на основах частной собственности, земельная собственность стала беззаконием, поскольку она закрыла доступ к земле для множества людей, в ней нуждающихся.

Развитие трудовой деятельности человека как способа его борьбы с природой, возникновение новых видов труда - путь общества к прогрессу. Но в жизни общества вскоре наступает момент, когда частная собственность на землю становится препятствием на пути к дальнейшему прогрессу. Представления о праве собственности, возникшие при редком населении, совершенно не пригодны теперь, когда плотность населения возросла в сотни раз. В настоящее время землю невозможно делить между отдельными лицами. Она не может составлять чьей-либо исключительной собственности, она - для всех. Истощение обрабатываемых участков земли, рост трудностей в добычании пищи ясно указывает на необходимость коллективной обработки земли.

Установление частной собственности влечет за собой бесконечный ряд общественных бедствий. В обществе разгорается ожесточенная борьба за обладание имуществом. Положение тех, кто оказывается в этой борьбе побежденным, кто оказывается лишенным собственности, становится все более тяжелым, их нищета передается по наследству из поколения в поколение.

Одним из последствий частной собственности и ожесточенной борьбы за имущество являются войны. Войны допустимы, по мнению Вейтлинга, как средство борьбы против неправды, но они преступны как средство борьбы за владение теми или иными предметами. Войны ведут к возникновению рабства, к распространению права собственности на людей. С другой стороны, они ведут к соединению отдельных племен в целях обороны в народы, к возникновению более крупных общественных организаций.

Вместе с рабством возникает новое отношение к труду, разделение людей на нетрудящихся и рабов.

Дальнейшее развитие общества, рост потребностей в различных предметах потребления и соответственно - в различных орудиях труда приводят с неизбежностью к разделению труда между членами общества, а разделение труда - к обмену его продуктами. Вначале люди обмениваются непосредственно продуктами своего труда, причем цена этих продуктов определяется не количеством вложенного в них труда, а избытком или недостатком предметов для удовлетворения той или иной потребности, их количеством и качеством. Обмен никем не регулируется и обычно приводит к выгоде для одного и к убытку для другого участника обмена. Более удачливые постепенно накапливали свои богатства и использовали их для эксплуатации менее удачливых, вынуждая их работать на себя. Общественные антагонизмы непрерывно росли, приводя людей к взаимному обману, к непрерывным ссорам и насилиям, к воровству и разбою. Возникают законы об охране собственности,

зачастую карающие одних за те самые действия, какие помогали обогащению других; возникает государственная власть.

Неудобства прямого обмена вскоре приводят к изобретению денег. Денежная система обесценивает раба и делает возможным переход к использованию наемного труда. Избыток в обществе нуждающихся и возможность в любой момент при помощи денег заставить работать делают невыгодным для богатого содержание раба. Несмотря на то, что рабство на словах отменено, оно продолжает существовать в худшей для рабов форме. Уничтожение рабства - чистейшая комедия.

Деньги - движущая сила всей системы современного рабства. В современном обществе все стремятся к обладанию золотом, все становится продажным. Деньги окончательно искореняют прекрасные добродетели первобытного человека. Прежнее рабство имело в основе насилие. Теперь обнищавшие рабочие сами ищут возможности надеть на себя ярмо рабства. Они продают свою молодость, свои силы, Свою кровь. Их приучили считать то, что они получают взамен, их отечеством. В действительности то, что называют отечеством рабочего, является лишь совокупностью всех собственников и всей собственности страны, где он родился и где ни он, ни равные ему ничем не владеют⁴.

С тех пор как установилась денежная система, все сделалось предметом купли-продажи. Женщин более не похищают, но они сами продают себя, свою красоту за деньги.

Без денежной системы не было бы и десятой доли существующих несчастий. Она во много раз увеличивает общественное неравенство. Она подчиняет все человеческие стремления жажде золота. «Властелин и разбойник, купец и вор, адвокат и мошенник, священник и шарлатан - все кричат: денег, денег!»

Рассматриваемая в целом история человечества представляется Вейтлингу несомненным отходом от естественных законов. Всемирная история, говорит он, есть не что иное, как длинная история о разбойниках, в которой честные люди во все времена оказывались обманутыми.

При частной собственности успехи человека в борьбе с природой не обеспечивают благосостояния всех и установления справедливости. В обществе устанавливается неравенство как в труде, так и в пользовании благами. Процесс техники лишь обостряет это неравенство. Собственность мешает использовать полностью усовершенствования техники, устраняя людей от пользования ими. Законы собственности явным образом противоречат естественному закону и евангельскому завету любви к ближнему⁵.

Гармония между развитием знания и ростом довольства нарушается. Наука и просвещение не в силах преодолеть царящие в обществе жестокость и варварство. Цивилизация дает довольство немногим бездельникам, взваливая на многих бремя труда.

Вы работаете денно и нощно, производя необходимые для общества блага, обращается Вейтлинг к беднякам. Склады и магазины переполнены благами, отнятыми у природы вашим трудом. И в то же время большинство лишено самого необходимого. На долю тех, кто все

производит, приходится меньше всего. Сильные мира живут за счет того, что они отнимают у бедных. Удобства, которые цивилизация несет немногим, не могут искупить зло неравенства⁶.

Общественное зло прочно укоренилось. Его нельзя устранить мелкими подачками. Люди не могут быть счастливы, пока в обществе есть привилегированные и угнетенные. При существующем порядке одна часть общества изощряется в мастерстве извлекать из несчастий других мед для своей улады. Тиранам нелегко от этого отказаться. Но такое положение не может не вызывать у бедняков отчаяния и озлобления. Недовольство и ропот бедняков представляют постоянную угрозу для богатых, для их понятия собственности, для их денежной системы, для общественного строя в целом. Отчаяние бедных - это медленно действующий яд, постепенно разрушающий организм⁷.

Вейтлинг не раз возвращается к проблеме классового деления общества. Для характеристик общественных классов он пользуется весьма разнообразными терминами: наиболее часто он говорит о классах богатых и бедных. Следует, однако, подчеркнуть, что Вейтлинг основную грань между классами проводит иногда, подобно Сен-Симону, не между рабочими и предпринимателями, а между рабочими и предпринимателями с одной стороны и капиталистами - с другой.

Вейтлинг понимает, что классовые противоречия растут в обществе с ростом торговли и производства. Ему представляется совершенно бесспорным, что с развитием хозяйства усиливаются все пороки существующего общества. Он резко осуждает современную торговлю и порождаемые ею паразитизм и спекуляцию. Он разоблачает неорганизованность существующей формы производства, при которой появление новых машин вызывает безработицу и ухудшает положение тех, кто находит для себя работу. Все тяжелые последствия хозяйственного роста как бы освящаются денежным фетишизмом, поддерживаются и охраняются государством. Государство всегда служит защитником интересов богатых.

Защите тех же интересов служит также идея патриотизма. Отечество, говорит Вейтлинг, существует для собственников. Слово «отечество» равносильно слову «собственность». Кто ничего не имеет, у того нет отечества. У бедных нет собственности, которую у них мог бы отнять внешний враг: у него все уже отнял враг внутренний. При существующих условиях любовь к отечеству есть лишь средство превратить массу в слепое орудие в руках собственников. Это - ложь, заглушающая любовь к человечеству. Бедняки должны собраться под общечеловеческим знаменем. Они не могут считать своими соотечественниками тех, кто их поработил и отнял их землю. Нашим угнетателям чужды наши обычаи и становится чуждым даже наш язык. У нас будет отечество, когда мы от них освободимся, когда мы вышвырнем из его пределов этих людей. Сейчас для нас нет никакого смысла защищать их благосостояние и нашу нищету, которые они именуют нашим отечеством. Сейчас их крики «Отечество в опасности!» прикрывают лишь опасность для собственности. Правящие, чтобы превратить массы в послушное орудие для защиты отечества,

используют все ее предрассудки, все нездоровые страсти. Такой машиной легко распоряжаться. Составляющие ее люди с легкостью пойдут против так называемого внешнего врага, который и сам составляет такую же безвольную машину, состоящую из таких же тружеников. А в это время правящие, бросая в огонь войны людей и богатства собственных стран, сами прячутся за спиною своих армий.

Мы знаем, продолжает Вейтлинг, что нашего врага так же надувают его господа, как нас надувают наши. Пока в обществе царит неравенство, пока оно состоит из слуг и господ, для народов безразлично, кто ими правит: Наполеон, Фридрих-Вильгельм или Николай. Чужой вор менее опасен для них, чем вор собственный. Врага, освященного привычкой, прогнать труднее. Народу стоит бороться и умирать лишь за такое отечество, которое будет заботиться об интересах всего народа.

Тем же целям одурачивания и подчинения бедноты служат, по мнению Вейтлинга, и религиозные идеи - идеи потустороннего мира и отказа от земных благ. Проповедуя эти идеи, попы служат интересам богатых, действуя заодно с жандармами и шпиками. Все их усилия направлены к тому, чтобы закрепить за одними радости жизни, за другими - земные страдания, за одними - традицию собственности, за другими - традицию преступности.

Существующие в обществе нравы также служат опорой для тирании. Они учат считать честными людьми тех, кто послушно следует по путям, указанным начальством. Тех, кто ищет собственный путь, они учат считать безнравственными. Но это стремление закрепить то, что освящено традицией, препятствует прогрессу; оно является надежной основой тирании, неравенства и привилегий.

IV

Для того чтобы устранить тиранию и неравенство, необходимо разрушить старое общественное здание и построить вместо него новое, отвечающее интересам всех. Вейтлинг не считает возможным нарисовать заранее детально разработанный общий план универсально применимой коммунистической системы. Лучшую книгу, говорит он, нам придется, вероятно, написать своею кровью. Исходя из этих положений, Вейтлинг призывает к единению сторонников различных течений коммунизма. Однако, несмотря на этот отказ от детальной разработки плана коммунистического строительства, Вейтлинг формулирует в своих произведениях немало положений, характеризующих его представления о принципиальных основах и об отдельных сторонах будущего общества. Эти положения логически связаны с его теорией страстей. Будущее идеальное общество Вейтлинг именует Великим семейным союзом. Основным признаком здоровой общественной организации он считает соответствие общественного порядка страстям и способностям составляющих общество индивидов⁸.

Наилучшей организацией общества является такая, которая обеспечивает гармоническое сочетание способностей его членов и удовлетворение их потребностей, такая, в которой гармония целого не нарушает свободу индивидов.

Способности всегда создают столько предметов потребления, сколько их нужно для удовлетворения побуждений всех. Но хотя между страстями и средствами их удовлетворения существует в обществе прекрасная гармония, такого равновесия нет в жизни отдельного индивида. Его необходимо обеспечить посредством разумной общественной организации, основанной на принципах общности и равенства.

Вейтлинг считает, что попытки организации строя, основанного на общности имуществ, уже имели место в истории человечества, что разумные и благожелательные люди не раз проповедовали необходимость такого строя. Общность имущества была необходимым условием вступления верующих в первоначальную христианскую общину. Строй общности господствовал в ней, по мнению Вейтлинга, около 300 лет. Пагубные последствия для духа христианской общности имело, по мнению Вейтлинга, превращение христианства в господствующую церковь при императоре Константине. С этого времени начинается помрачение заветов Христа, ночь христианства, выделение и возвеличение пастырей церкви, порча нравов среди верующих⁹.

Строй общности был известен также древнему миру. Спарта, утверждает Вейтлинг, жила в условиях общности 500 лет. Но спартанское общество основывалось на рабском труде, оно не знало великого принципа: кто не работает - не должен есть, и этот порок привел его в конце концов к гибели. В Германии в XVI столетии общность проповедовал Томас Мюнцер. Он приобрел множество сторонников, но ему не удалось осуществить принцип общности, так как он возлагал слишком большие надежды на помощь божью и недостаточно обращал внимание на землю, на силу меча. Если бы Лютер не стал на сторону тирании знатных, если бы Реформация шла рука об руку с крестьянской войной, дело народа победило бы уже тогда.

Для руководства общественной организацией, основанной на общности и равенстве, непригодны ни королевская власть, ни диктатура, ни большинство голосов. Все эти формы правления образуются и руководствуются личными интересами. Диктатуру можно допустить только для переходного периода, ибо в период постройки нового общества нужна твердая власть, чтобы охранять его основы и чтобы помешать богатым ему вредить.

Цель управления - организация влечений и способностей, равномерное распределение трудов и наслаждений. Правители для достижения этой цели должны руководить обществом к выгоде всех в соответствии с законами природы, не повелевать, а давать направление, необходимое для обеспечения благосостояния и гармонии. Существующие правительства руководствуются исключительно корыстными побуждениями, пренебрегают задачей целесообразного направления влечений и способностей граждан; отказываясь воздействовать на граждан средствами, которые дает наука, они пользуются грубыми средствами наград и наказаний; в их интересах сохранять старое, придерживаться традиций.

Детальное изображение системы управления будущего общества Вейтлинг дает в «Гарантиях гармонии и свободы». Как мы уже знаем, ведущую роль в деле руководства обществом Вейтлинг отводит науке. Однако не все науки имеют положительное значение: вредна, например, архаическая юриспруденция, полезна философия, гармонизирующая все науки и являющаяся рулем управления. Под ее руководством находятся три отрасли науки: философская медицина, физика и механика. В соответствии с этой классификацией наук верховный орган управления Семейного союза состоит из трех лиц: медика, физика и механика. Этот орган носит у Вейтлинга название Трио¹⁰. Философская медицина - важнейшая наука будущего, поскольку она охватывает все проявления физической и духовной жизни человека; ее задача - организация желаний и способностей индивида. Физика занимается изучением явлений природы и их использованием для блага людей: в ее ведении находятся сельское хозяйство и разные отрасли промышленности, производство и хранение их продуктов. Механика руководит созданием и использованием машин. Центральное место в ней занимает изобретение новых машин и их применение на практике.

Трио избирается советом лиц, занимающих в Семейном союзе высшие должности. Этот совет Вейтлинг именует Центральной коллегией мастеров. На местах, в отдельных округах и городах, руководящими органами являются местные коллегии мастеров. Они объединяют способнейших в данной местности граждан. Каждая из них состоит из двух отделений: мужской и женской коллегии. Каждая коллегия мастеров избирает из руководителей отдельных предприятий Рабочий президиум. Рабочий президиум, избираемый Центральной коллегией мастеров, именуется Большим рабочим президиумом. Рабочие президиумы являются как бы исполнительными комитетами Коллегии мастеров, они распределяют между гражданами работу. Из членов коллегий мастеров составляются отборочные комиссии во время выборов и руководители отдельных производств.

При коллегиях мастеров состоят также Академии. Академии способствуют изысканию новых и более совершенных способов удовлетворения страстей членов общества, содействуют развитию искусств и новых отраслей промышленности. Они заведуют производствами, служащими удовлетворению влечений к приятному. В их ведении находится подготовка лиц, которые обязаны воспитывать наиболее ценные способности. При Академиях состоят мастерские для производства предметов искусства.

Наряду с перечисленными учреждениями в системе управления при Рабочих президиумах существуют еще комиссии здравоохранения, возглавляемые Общим советом здравоохранения. Общий совет здравоохранения, как и Большой рабочий президиум, выполняет при Трио функции министерств. Как увидим ниже, органы здравоохранения имеют в системе Вейтлинга весьма большое значение, поскольку в изображаемом им обществе будущего всякое отклонение от нормы, являющееся в настоящее время преступлением, квалифицируется как болезнь и соответственно влечет за собой не наказание, а лечение¹¹.

Законы в Семейном союзе, рассуждает он, - это по существу правила сохранения здоровья. Тех, кто законам противодействует, нужно поэтому рассматривать как больных, поскольку они нарушают гармонию способностей и страстей. Таких людей следует лечить, но не наказывать. Их лечение производится в благоустроенных госпиталях, из которых выпускают лишь тех, кто пройдет испытания, доказывающие, что он уже излечился. Неизлечимых больных изолируют от общества. Следует отметить, что в период революционной борьбы Вейтлинг считает возможным применять к людям, вредным для нового общества своими настроениями, более суровые меры «лечения». Таких людей, по его мнению, должны высылать на театры военных действий, где применяются военные законы¹². Кто не желает добровольно подвергнуться госпитализации, тех принуждают к этому лишением работы, пищи и жилья. Такая система «лечения» не требует, по мнению Вейтлинга, ни полицейских, ни жандармов.

Все руководящие должностные лица в Семейном союзе избираются обществом. Но предлагаемая Вейтлингом система выборов весьма своеобразна. Демократия, говорит он, не в состоянии обеспечить выбор наиболее талантливых людей, «многоголовое управление» имеет свои недостатки. Народноправство - пристойный обман. Оно много обещает, но мало дает. Конечно, установление общности и равного распределения благ в известной мере защищает от злоупотреблений при выборах, но система всеобщего голосования не устраняет возможности пристрастного и некомпетентного голосования. Идеальным способом выборов Вейтлинг считает конкурс. Управлять должны те, кто отличается наибольшими способностями. Конкурс, проводимый на основе специально поставленных вопросов, - наилучший метод выявления способнейших.

Вопросы, подлежащие решению на конкурсных испытаниях, ставятся Академиями и должны быть связаны с основными практическими задачами, которые стоят в настоящее время перед обществом. Академии же определяют, какие решения являются наилучшими, и выдвигают их авторов как способнейших на ту или иную должность, имея при этом в виду, что лица, занимающие ответственные посты, должны непосредственно руководить работой, а не только отдавать приказы. Таким образом, избрание зависит не от большинства, а от коллегии наиболее компетентных в данной области лиц: только дарование способно оценить дарование. Предлагаемая система выборов, кроме преимуществ, которые дает компетентность избирателей, имеет еще то достоинство, что она устраняет возможность проявления личных пристрастий. Срок, на который избираются те или иные должностные лица, не определяется заранее, он зависит от выявления новых, более способных кандидатов. Таким образом, каждые выборы обеспечивают господство знания и содействуют прогрессу общества.

Рассматриваемый в целом, отобранный при помощи системы конкурсов персонал управления составляет иерархию способностей. Общественное мнение неизбежно дает каждому одаренному гражданину должную оценку и предоставит ему в конце концов то место в обществе, на котором он может быть наиболее полезен. Но это возвышение

человека, по мнению Вейтлинга, отнюдь не может служить основанием для того, чтобы этот человек возомнил себя господином, имеющим право на лучшую жизнь, чем простые граждане. Сохранение за правящими какими-либо преимуществ, кроме общественного уважения, было бы равносильно продолжению царящих ныне несправедливости и неравенства¹³.

В Семейном союзе весьма своеобразно построена организация труда. Общественное производство, взятое в целом, изготавливает такое количество продуктов, которое достаточно для удовлетворения потребностей всех членов общества. Но в этом общественном производстве Вейтлинг различает два различных направления: работы, обеспечивающие удовлетворение потребности в необходимом и полезном, и работы, обеспечивающие удовлетворение потребностей людей в приятном. Работы первого рода организуются на основе общественного труда, обязательного для всех граждан. Вейтлинг предполагает, что количество этого обязательного труда будет определяться в каждом отдельном случае Трио, но не будет превышать шести часов в сутки, причем в течение этих шести часов каждый гражданин сможет, как и в фаланге Фурье, переходить от одного вида труда к другому, посвящая каждому два часа. Вейтлинг считает, что в дальнейшем рабочий день может быть еще более сокращен. В возмещение этого труда каждому гражданину обеспечивается удовлетворение тех его потребностей, удовлетворение которых по природе человека является необходимостью.

Вейтлинг, однако, считает нужным предупредить, что сразу после революции удовлетворить потребности всех граждан будет невозможно. Это станет возможным только с резким ростом производства, после того как общество вовлечет в оборот все необрабатываемые земли, построит каналы и железные дороги, построит новые фабрики и снабдит их оборудованием¹⁴.

К кругу обязательных работ относятся, по мнению Вейтлинга, работы, связанные с прогрессом полезных знаний, относящиеся к здравоохранению и воспитанию юношества, работы по обмену продуктов, изготовлению пищи, одежды, жилищ членов общества. Удовлетворение потребности в приятном обеспечивается дополнительными часами работы, которые добровольно затрачивают граждане в количестве, отвечающем их потребности. Эти часы работы Вейтлинг именуется коммерческими часами. Заработок за коммерческие часы используется для приобретения предметов, удовлетворяющих влечение к приятному, для развлечений, путешествий и т.п. Количество «приятных» предметов, измеряемое в рабочих часах, должно соответствовать количеству затраченных на них коммерческих часов.

Каждый трудящийся имеет право замены одной работы другой отрезками по два часа рабочего времени. Старикам и инвалидам предоставляются работы в наиболее легких производствах. Часы, превышающие нормы, в тех случаях, когда они необходимы по характеру производства, зачисляются в коммерческие часы.

Система коммерческих часов обеспечивает общественную гармонию при сохранении в то же время свободы каждого. Система, признает Вейтлинг, не отвечает требованиям арифметического равенства, но арифметическое равенство вело бы к нарушению законов гармонии. Общеобязательный труд для общества необходим. Для того чтобы обеспечить снабжение продуктами необходимости всех, приходится определить обязательное рабочее время каждого. Но удовлетворение потребности в приятном по природе необязательно. Поэтому необязательна и работа для их удовлетворения. Чем больше у индивида потребности в приятном, тем больше он дает коммерческих часов работы; если у него нет таких потребностей, он может от коммерческих часов вовсе отказаться, может перечислить их, если они у него имеются, в разряд обязательных часов. Коммерческие часы начисляются также должностным лицам за выполняемую ими общественную работу.

В связи с рассуждением о значении коммерческих часов Вейтлинг ставит вопрос о ценности продуктов. При этом, по-видимому, он имеет в виду ценность продуктов вообще, а не только ценность тех продуктов, которые предоставляются трудящемуся на счет его коммерческих часов.

Ценность продуктов, говорит он, определяется числом рабочих часов, затрачиваемых на их изготовление. В рабочих часах определяется также стоимость используемых материалов. В соответствии с этим Вейтлинг предполагает, что в Семейном союзе сохранятся денежные знаки, выражающие определенное количество часов труда и носящие изображение орудий труда. Однако цена предмета не всегда соответствует его трудовой ценности. Она колеблется в зависимости от редкости материала и от колебаний спроса. Цену продуктов определяют, исходя из всех этих данных, Академии.

Каждый член Великого семейного союза имеет свою коммерческую книжку, выдаваемую ему Академией. В коммерческой книжке регистрируются как коммерческие часы, так и часы обязательной работы. Коммерческая книжка указывает те отрасли производства и те мастерские, в которых владелец работает. В той же книжке отмечаются местожительство, время начала работы и ухода с нее, все изменения места жительства и места питания индивида, указывается, какие предметы, удовлетворяющие потребности в приятном, гражданин получает (для длительных удовольствий допускается абонемент). Таким образом, коммерческая книжка служит как бы паспортом гражданина.

Несмотря на наличие централизованного руководства производством, несмотря на гармонию между производством и потреблением, Вейтлинг считает возможными разрывы между количеством произведенных продуктов и спросом на них. В таких случаях руководство снимает в подобного рода производствах коммерческие часы и снижает число обязательных часов до двух или на время закрывает подобного рода мастерские. Такие ограничения или приостановки производства Вейтлинг именует *Geschäftsperr*e. В зависимости от условий ограничения производства могут носить как общий, так и местный характер.

Вейтлинг - весьма последовательный сторонник равноправия женщин. Но стремление установить полное равноправие полов приводит его к весьма странному построению двух параллельных обществ - мужского и женского. Каждое из них имеет свои коллегии мастеров, рабочие президиумы, Академии; каждое в пределах своей компетенции устанавливает коммерческие часы, каждое проводит в случае надобности временную приостановку работ. Как эти параллельные организации связаны друг с другом - весьма неясно¹⁵. О том, что они не полностью оторваны одно от другого, говорит указание Вейтлинга на возможность в случае отсутствия подходящих кандидатов-женщин на руководящие посты в женском обществе на эти посты избирать мужчин. Возможно, что обе системы связаны единым руководством Трио: о женском Трио Вейтлинг не упоминает.

Большое внимание обращает общество на организацию системы образования. Обучение граждан всем необходимым работам производится в Школьной армии. Учителя и учительницы - члены Коллегий мастеров и Академий. Построение Школьной армии копирует структуру общества в целом. В ней имеются мужской и женский разделы, свои Коллегии мастеров и Академии, свои коммерческие часы и т.д. Воспитывая страсти учащихся, Школьная армия выдвигает на первое место страсти знания. Наряду с научными истинами учащимся преподаются истины религиозные, однако не в тех формах, которые характерны для отдельных вероисповеданий: в совершенном обществе нет государственной религии, признаются лишь те религиозные истины, которые общи для всех вероисповеданий. По окончании обучения способнейших направляют в университеты. Учебные часы в университетах в таких случаях приравниваются к рабочим часам. Все прочие по выходе из Школьной армии должны сдать испытания, без которых они не могут получить прав гражданства. Если они хотят продолжать обучение, они могут в свободное от работы время слушать лекции в университетах, если часы их занятий не отнесены, как мы указывали выше, к рабочим¹⁶.

Печатание книг, отвечающих потребностям в полезном и необходимом (следовательно, в первую очередь научных), разрешается Трио, печатание книг, имеющих в виду приятное, - Академиями. Автор признанного полезным произведения вознаграждается определенным количеством коммерческих часов.

Установление общности имуществ, устранение всех систем эксплуатации, полагает Вейтлинг, приведет к колоссальным результатам в области науки и искусств: человечество тогда достигнет большой высоты научного знания, каждый будет иметь все условия, чтобы получать знания в соответствии со своими склонностями, чего теперь лишены 99 человек из 100¹⁷.

Когда общество конструируется согласно закону прогресса, когда в нем будут господствовать равенство и общность, когда руководящей силой в нем станет знание, а непосредственно управлять им будут способнейшие, - тогда господству личных интересов будет положен конец. Общность трудов и благ обеспечит общее благополучие. Если

система коммерческих часов и представляется некоторым отклонением от принципов коммунизма, то в дальнейшем, полагает Вейтлинг, с полным торжеством разума, это отклонение будет устранено, поскольку влечения к приятному полностью сольются с влечениями к полезному.

Вместе с коммерческими часами исчезнут в обществе и остатки денежной системы.

Высшим пунктом развития общества Вейтлингу представляется общество всечеловеческое, объединяющее в гармоническое целое все народы Земли, невзирая на сохраняющиеся различия их языков и нравов¹⁸. Достигнув этой высоты, человечество забудет о разделяющих его границах, откажется навеки от войн и армий¹⁹.

V

Зло существующего общества укоренилось очень прочно. Невозможно, по мнению Вейтлинга, устранить его «частными подачками». Необходимо построить общество заново, на новых началах. Исходя из этого положения, Вейтлинг уделяет мало внимания проектам устранения общественных бедствий посредством отдельных реформ. При сохранении существующей системы они неспособны привести к значительным результатам.

Некоторые предлагают, говорит он, как средство для исцеления общества реформу податной системы, понижение налогов на предметы необходимости и повышение их на приятные. Но при денежной системе это ни к чему не приведет, так как, пользуясь ею, богатые любой налог переложат на бедных. Из всех проектов налоговой реформы революционный характер носит, по мнению Вейтлинга, лишь проект налога на имущество, поскольку его цель состоит в том, чтобы большие состояния разбить на малые, а мелкие состояния увеличить и распространить. Но такое преобразование само по себе предполагает победу революции. Другие видят спасение во всеобщем избирательном праве и в установлении свободы печати. И то и другое само по себе должно быть признано желательным. Но равная для всех свобода печати при сохранении существующей денежной системы невозможна. Так же невозможна при этой системе и свобода выборов. Голосование при существующем порядке зачастую вырождается в пустую комедию.

Интересно отношение Вейтлинга к широко распространенным в его время проектам ассоциации. Он считает, что термин «ассоциация» может быть истолкован и действительно толкуется различными мыслителями по-разному. Основное значение слова «ассоциация» таково: ассоциация есть соединение индивидов, добровольное или принудительное, для некоторой общей цели. Она может служить интересам одного, интересам нескольких или интересам всех. В этом смысле ассоциацией можно считать и соединение солдат в казарме, и соединение рабочих на капиталистическом предприятии. Революционным средством ассоциация может считаться лишь тогда, когда она служит интересам всех. Но и в этом случае она лишь частично уничтожает то зло, от которого страдает человечество. Она не может служить средством искоренения всех его бед. Ассоциация представляет лишь формальную сторону новой общественной организации, она не составляет ее души, ее основного

принципа. Ассоциация вполне возможна без признания естественного равенства всех. Создание ассоциации еще не может само по себе привести к осуществлению нового общества, не может поднять общественную организацию на должную «научную» высоту.

Как пример ассоциации, не обеспечивающей блага самого бедного класса и потому не соответствующей принципам нового общества, Вейтлинг приводит фалангу Фурье. В системе Фурье, говорит он, сохраняются три различных класса с различными интересами. Основной недостаток фурьеризма в том, что Фурье стремится привлечь в свою фалангу купцов, денежных людей. Между тем интересы денежных людей несовместимы с требованиями общественного равенства. Хорошей революционной ассоциацией следует, по мнению Вейтлинга, считать такую, которая открыта для всех, желающих в нее вступить, в которой все члены пользуются совершенным равенством, которая обеспечивает гражданам более приятную и счастливую жизнь, чем жизнь вне ассоциации.

Как видим, все рассуждения о частных реформах приводят в конце концов Вейтлинга к мысли о необходимости полного, всеобъемлющего преобразования существующего общества. Здесь у него, по-видимому, нет колебаний. Менее четки и менее последовательны его представления о том, на каких путях возможно достижение такого целостного преобразования. В этом вопросе он всегда проявлял шатания.

Скажем прямо, говорил он в «Гарантиях», нам нужна революция. Будет ли она осуществлена духовным воздействием или потребуются применение грубой физической силы, - это покажет будущее: мы должны пропагандировать наши принципы, будучи готовы и к тому, и к другому²⁰. Как будто Вейтлинг отдает здесь предпочтение мирному пути преобразования. Наш принцип, говорит он, будет осуществлен сам собою на прогрессивных путях просвещения. Но вслед за этим рационалистическим заявлением Вейтлинг вспоминает, очевидно, о реальных общественных противоречиях. На этих путях, заявляет он, может быть достигнуто все, кроме того, что затрагивает интересы тех, кто имеет деньги. Где слыхано, чтобы они прислушивались к голосу разума? На протяжении всей человеческой истории победу новым идеям и новым учреждениям всегда давали войны и революции. Чем дольше будет сохраняться нынешнее состояние беспорядка, тем более жестоко будет сопротивление богатых, тем более решительно народ отвергнет реформу и тем более жестокой будет революция.

Вейтлинг считает необходимым готовить народ к такой революции. Он указывает на то, что вечное повторение призывов к миру притупляет мужество и пыл народа. Он понимает, что подготавливающих эту революцию борцов за правду ждут жестокие преследования, а иногда и гибель. Но в ряды борцов за правду, продолжает он, будут вступать все новые и новые силы, люди, которые, жертвуя своим благополучием и даже жизнью, поднимут мужество маловеров и доведут дело до победы, до установления строя гармонии и свободы. Из двух путей к цели - широкого и узкого - широкий заказан нам произволом и эгоизмом. Мы

вынуждены идти узким путем, на котором нас ждет множество опасностей и который требует от нас твердости.

Мыждемся часа освобождения, который превратит, восклицает Вейтлинг, земную жизнь в рай, а все человечество - в единую семью²¹.

Надо думать, что в конце 30-х и начале 40-х годов Вейтлинг испытывал весьма значительное влияние со стороны революционно настроенных рабочих, входивших в состав «Союза справедливых». Но и в этот период понятие социальной революции у Вейтлинга весьма расплывчато. Хотя он заявляет (вслед за Сен-Симоном), что выступает от имени беднейшего и самого многочисленного класса, мы не находим у него ясного представления о классовой структуре общества, понимания значения классовой борьбы пролетариата, роста его организованности и сознательности.

С революционным призывом он обращается к бедным и обездоленным вообще, особые надежды возлагая на люмпен-пролетариат. Человечество, по его мнению, всегда готово к революции, стимулом которой является рост нищеты и отчаяния.

Он ждет приближения новой всеевропейской революционной бури, целью которой может быть лишь осуществление принципов коммунизма: было бы бессмысленно проливать кровь за то, чтобы сменить одних грабителей другими. Но революция принимает в рассуждениях Вейтлинга характер бунта, стихийного бунта неорганизованных угнетенных масс. Успехи пролетариата на путях его классовой борьбы, рост его организованности оцениваются иногда Вейтлингом как явления отрицательного порядка, понижающие его революционный пафос, а в некоторых случаях и отклоняющие его от революционного пути. Борьба рабочего класса за его политические права и за улучшение материального положения в рамках существующего строя Вейтлинга мало интересует, а порой вызывает с его стороны даже осуждение. Так, он резко отвергает борьбу за рабочее законодательство, которое считает вредной для рабочих подачкой буржуазии. Экономические стачки, по его мнению, бесполезны даже тогда, когда они как будто достигают своей цели. Лишь политические забастовки рабочих он допускает как одно из средств революционной борьбы.

Иногда Вейтлинг выдвигает фантастические планы социального переворота, совершаемого 20-40-тысячной армией люмпен-пролетариев. Иногда он представляет себе революцию как партизанскую войну против существующего общества, усматривая акты такой войны в террористических актах и грабежах. В связи с этим он требует радикального пересмотра существующего кодекса морали, защищающего собственность, замены старой морали новой, революционной моралью. Даже Христос, по мнению Вейтлинга, не отказывался от такой морали.

Революционная борьба, в его представлении, носит анархический характер. Но Вейтлинг, как мы уже знаем, понимает в то же время, что для организации нового общественного порядка необходима революционная диктатура. Диктатура должна, опираясь на вооруженные массы, провести экспроприацию богатых. Вейтлинг склоняется, однако, к той мысли, что экспроприация не должна быть сразу распространена на

все имущества. В первую очередь должны быть конфискованы владения эмигрантов, неиспользованные земли, церковные земли. В дальнейшем имущества будут постепенно переходить к государству вследствие отмены права наследования. Иногда Вейтлинг уточняет свою мысль, заявляя, что богатым право на их излишки должно быть сохранено пожизненно.

Решения об осуществлении принципов коммунизма в производстве, о переходе от индивидуального производства к общинному будут приниматься в каждом округе или городе голосованием граждан, причем там, где за общность выскажется не менее 34 голосов, переход от индивидуального производства к общинному будет обязательным. Вейтлинг убежден, что такое голосование быстро приведет к повсеместной победе коммунизма. Даже сейчас, говорит он, принцип общности собрал бы при голосовании подавляющее большинство голосов. В тех районах, где будет проведено обобществление, будут уничтожены изгороди и рвы. Члены коммуны перейдут от индивидуального содержания скота к коллективному. В коммунах возникнут большие общие склады, в которых будут храниться продукты, и организуется сеть магазинов, из которых эти продукты станут получать население. Рабочие классы народа неизбежно все более будут тяготеть к коммунизму, и частным владельцам будет все труднее обеспечивать себе рабочую силу.

Дополнительные черты к характеристике представлений Вейтлинга о революционном преобразовании дают программные документы так называемого «Союза освобождения» - организации, которую возглавлял Вейтлинг во время первого своего пребывания в Америке (до 1848 г.). Семейный союз, утверждает один из этих документов, может быть создан только революционным путем. Борцы революции своим участием в ней приобретают себе революционное избирательное право. Они изберут на вооруженных собраниях временное революционное правительство для установления нового порядка.

В дальнейшем избирательное право будет принадлежать тем, кто занимается каким-либо общественно полезным трудом. Окажутся лишены избирательного права капиталисты, купцы, духовенство, адвокаты, лакеи и тому подобные паразиты.

Революционная власть разоружит злонамеренных богачей и контрреволюционеров и вооружит пролетариат. Старые суды и полиция будут отменены. Будут приняты необходимые меры для того, чтобы удовлетворить самые насущные нужды бедноты в пределах возможного в данный момент и тем крепче привязать ее к делу революции. Революционная власть должна будет переселить бедноту в дома богатых, аннулировать все долговые обязательства, избрать новых руководителей предприятий. Все общественные должности будут замещены по выбору народа. Всеобщая трудовая повинность станет законом. Деньги заменят трудовые свидетельства о затраченном рабочем времени и о качестве выполненной работы; эти свидетельства дадут право на получение из общественных складов равноценного количества предметов.

Наряду с такими революционными положениями в произведениях Вейтлинга, как уже было сказано, немало заявлений рационалистического и мирно-утопического характера. Даже тогда, когда он призывает к революции, он зачастую старается смягчить свои призывы множеством оговорок. Так, говоря о бунте угнетенных, он предостерегает в то же время от уличных боев, которые, по его мнению, обычно ведут лишь к истощению силы революции. Оправдывая террористические акты, он предостерегает против тираноубийства как средства, играющего на руку врагам революции. Он не раз говорит, что революция есть война против собственности, а не против лиц²².

Приближается время, утверждает он, когда духовные средства должны будут вытеснить физические. В поисках мирных путей преобразования он вспоминает даже об идее социальной монархии. Как много, восклицает он, просвещенных представителей высших классов участвовало в проповеди коммунистических принципов (Мор, Оуэн, Бабеф, Кабе). Вейтлинг выражает надежду на то, что в будущем число таких просвещенных людей будет расти, и даже на то, что дело преобразования сможет возглавить просвещенный монарх. С годами эти мирно-утопические тенденции все более вытесняли в пропаганде Вейтлинга тенденции революционные. В американский период своей жизни он выступал защитником идей мирного кооперативизма, прудоновских и оуэновских проектов организации трудовых банков, освобождающих трудящихся от посредничества торговцев и от необходимости идти на работу в капиталистические предприятия. Сочетание трудовых банков и кооперативных ассоциаций трудящихся становится в конце концов для Вейтлинга панацеей от всех зол современного общества.

Характеристика социальной философии Вейтлинга была бы неполной, если бы мы не упомянули здесь об имеющихся в его произведениях религиозных тенденциях, о его склонности облекать свои построения и аргументацию в старые христианские одежды. Особенно яркое выражение это стремление связать пропаганду с христианской традицией нашло в «Евангелии бедного грешника». Но христианских оборотов речи, а иногда и мыслей не чужды и другие его произведения.

Критикуя существующую христианскую церковь, всецело подчиненную интересам правящих, Вейтлинг обвиняет духовенство в искажении заповедей Христа. С другой стороны, он мечтает о некоем «очищенном христианстве», возрождающем заветы Евангелия. Торжество возвещаемой им революции он связывает - совершенно неожиданно и совершенно необоснованно - с идеей «второго мессии», который придет с мечом в руках, чтобы завершить дело первого²³.

В «Евангелии бедного грешника» он обосновывает евангельскими текстами критику существующего общества и свой коммунистический идеал. Христа он считает здесь непосредственным предшественником борцов за коммунизм. Иисус для него - революционер, проповедующий войну, борющийся за благо народа, сурово осуждающий собственность и наследование, мудрый пропагандист, не боящийся соприкосновения с грешниками. Вейтлинг не раз напоминает в своих произведениях о

характерном, по его мнению, для революционного содержания «пропаганды Христа» заявлении: «Не мир пришел я принести, но меч»²⁴.

В христианской морали Вейтлинг видит союзника в деле преобразования общества, хотя защита им естественных склонностей человека приводит его иногда к выводам, явно расходящимся с требованиями христианского учения.

Веру Вейтлинг называет якорем спасения в бурных водах полной опасностей жизни. Не следует отнимать у бедняка, говорит он, то утешение, которое дает ему вера. Вера - целительный бальзам, излечивающий человека от тех страданий, которых не может устранить общественный порядок. Поэтому вера и знание могут существовать и будут сохранены рядом друг с другом. В искренности религиозных чувств Вейтлинга нет оснований сомневаться, но, с другой стороны, нет сомнений и в том, что ему отнюдь не была также чужда мысль о важности использования религиозных настроений низших классов общества для пропаганды коммунизма: при помощи чувства, говорил Вейтлинг, можно достигнуть того, что недостижимо при помощи разума.

Произведения Вейтлинга 30-х и начала 40-х годов, несомненно, отражают низкий уровень классового самосознания немецкого пролетариата, лишь начинающего освобождаться от мелкобуржуазных тенденций, присущих ремесленным подмастерьям. Этими же условиями определяются, безусловно, и мессианистические черты вейтлинговского миросозерцания, сочетание в нем рационалистического утопизма нового времени с пережитками религиозного коммунизма средних веков и эпохи Реформации. Вейтлинг не был в состоянии подняться до теории научного коммунизма. Тем не менее Маркс высоко оценил его первые работы. В 1844 г. в немецком «Vorwärts» Маркс писал: «Что касается степени просвещенности немецких рабочих вообще, или их способности к просвещению, то я напоминаю о гениальных сочинениях Вейтлинга... Где у буржуазии, вместе с ее философами и учеными, найдется такое произведение об эмансипации буржуазии - о политической эмансипации, - которое было бы подобно книге Вейтлинга «Гарантии гармонии и свободы»? Стоит сравнить банальную и трусливую посредственность немецкой политической литературы с этим беспримерным и блестящим литературным дебютом немецких рабочих, стоит сравнить эти гигантские детские башмаки пролетариата с карликовыми стоптанными политическими башмаками немецкой буржуазии, чтобы предсказать немецкой Золушке в будущем фигуру атлета»²⁵. В дальнейшем пути Маркса и Вейтлинга неизбежно должны были разойтись. Маркс шел к «Ницете философии» и к «Манифесту Коммунистической партии». Вейтлинг постепенно растрачивал собственные ему в начале его литературной карьеры революционные черты, чтобы увязнуть в конце концов в болоте мелкобуржуазного утопизма.

1 См. В.Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы. М.-Л., 1962, стр.353.

2 См. там же, стр.226-228.

3 См. В.Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы, стр.229-230.

4 «Гарантии гармонии и свободы», раздел первый, гл.8.

5 Там же, гл.3.

6 «Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть». - В кн.: В.Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы, стр.442.

7 См. «Гарантии гармонии и свободы», раздел первый, гл.8.

8 «Гарантии гармонии и свободы», раздел второй, гл.1.

9 «Человечество, как оно есть...», стр.457.

10 «Гарантии гармонии и свободы», стр.277-279.

11 «Гарантии гармонии и свободы», раздел второй, гл.6-9.

12 «Гарантии гармонии и свободы», стр.417.

13 «Человечество, как оно есть...», стр. 456.

14 «Гарантии гармонии и свободы», стр.394-395.

15 «Гарантии гармонии и свободы», раздел второй, гл.13.

16 Там же, стр.270-272, 328-330.

17 «Человечество, как оно есть...», стр.456.

18 Гарантии гармонии и свободы», раздел первый, гл.11.

19 Характеристика основных черт будущего социального и политического порядка дана по «Гарантиям гармонии и свободы»; в более раннем «Человечестве, как оно есть...» будущая общественная система изображена значительно более сжато и представляется более простой. Важным отличием «Человечества, как оно есть...» в этом отношении является существование в нем двух различных организаций управления: семейной, которой руководят старики и которая ведает потреблением, и деловой, или рабочей, которой руководят старосты и мастера, образующие сельскохозяйственные и промышленные советы. Интересно также существование в пределах рабочей организации особых промышленных армий. в которые входят все юноши от 15 до 18 лет и которые выполняют общественные работы большого масштаба: проведение дорог и каналов, постройка мостов, горные, мелиоративные работы и т.д. (см. «Человечество, как оно есть...», стр.469-470).

20 «Гарантии гармонии и свободы», стр.386 и сл.

21 «Гарантии гармонии и свободы», стр.149-150.

22 «Гарантии гармонии и свободы», стр.434.

23 Там же, стр.406-431.

24 См., например, «Человечество, как оно есть...», стр.462.

25 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.1, стр.443-444.

СОЦИАЛИЗМ ГЕРЦЕНА *

I

Западноевропейская социалистическая литература к 30-м и 40-м годам XIX в. имела уже достаточно широкое распространение в передовых кругах русской интеллигенции. Свидетельства о ее распространении и влиянии весьма многочисленны. Яркую характеристику значения этой литературы для идейного роста передовых

* Печатается по тексту статьи, опубликованной в сб.: «Проблемы изучения Герцена». М., 1963, стр.43-81. Одноименная статья была также опубликована В.П.Волгиным в журнале «Вопросы истории», 1962, № 5, стр.39-63.

людей 40-х годов мы находим в одном из поздних произведений великого русского сатирика М.Е.Салтыкова-Щедрина - «За рубежом» (1880-1881 гг.).

«С представлением о Франции и Париже, - писал в этой книге Салтыков, - для меня неразрывно связывается воспоминание о моем юношестве, то есть о сороковых годах. Да и не только для меня лично но и для всех нас, сверстников, в этих двух словах заключалось нечто лучезарное, светоносное, что согревало нашу жизнь и в известном смысле даже определяло ее содержание». «Я примкнул, - пишет далее Салтыков, - к тому кругу молодежи, который инстинктивно прилепился к Франции, разумеется, не к Франции Луи-Филиппа и Гизо, а к Франции Сен-Симона, Кабе, Фурье, Луи Блана и в особенности Жорж Запада. Мы не могли без сладостного трепета помыслить о великих принципах 1789 года» и обо всем, что оттуда происходило». Французская литература «зажигала сердца и волновала умы; не было безвестного уголка в Европе, куда бы она ни проникла с своим светочем, всюду распространяя пропаганду идеалов будущего в самой общедоступной форме¹.

Всеевропейское значение французской литературы этого времени, в частности и в особенности литературы социалистической, правильно отмечено Салтыковым. Французская социалистическая литература отвечала общественным настроениям и потребностям переживавшейся тогда европейскими странами великого социального перелома - крушения устаревших и разваливающихся крепостнических устоев старого феодального порядка, интенсивностью роста и быстрого распространения отношений капиталистических. В России начало этого социального перелома может быть отмечено уже в XVIII в. К концу XVIII в. в народном хозяйстве России сказывались явные признаки кризиса феодальной системы. Феодальные общественные отношения явно становились оковами, тормозящими развитие производительных сил. Между производительными силами и производственными отношениями назревал конфликт, в первые десятилетия XIX в. все более обострявшийся.

В начале XIX в. мелкое товарное производство было уже широко распространено в России. Росло городское ремесло, развивались мелкие крестьянские промыслы, весьма распространенным явлением была капиталистическая мануфактура. Разложение феодальных отношений, дифференциация крестьянства открывали путь для прогресса капиталистической промышленности. 30-е и 40-е годы отмечены ростом машинного промышленного производства, хлопчатобумажной промышленности, металлургии, началом железнодорожного строительства.

Смена феодальной общественной формации формацией капиталистической лежит в основе всех происходивших в это время изменений в общественных отношениях, всех сдвигов в социальных и политических идеях. На этой почве возникают и развиваются ростки прогрессивной и революционно-демократической идеологии. Среди носителей этой новой идеологии мы видим очень мало представителей возникающей буржуазии, весьма отсталой в своем культурном развитии. Лишь в очень малой степени проникала новая идеология в среду

крестьянства, неоднократно выражавшего протест против существующего порядка вспышками восстаний, но не способного еще осветить свои стихийные революционные порывы светом революционной мысли. Либеральные и демократические идеи возникают прежде всего в той части дворянства, которая способна была понять все пагубное значение для хозяйственного развития страны устарелых крепостнических отношений и господствующего в стране прогнившего насквозь абсолютистско-бюрократического порядка.

Именно этой общественной среде было больше, чем какой-либо другой, доступно знакомство с западноевропейской, в частности с французской, литературой, этим важнейшим каналом, по которому проникали в Россию идеи революции и социализма. Так определился отмеченный Лениным дворянский характер первого периода революционного движения².

Первые проповедники идей социализма в России знакомились с социализмом и коммунизмом по произведениям Сен-Симона, Фурье, Леру и других французских утопистов; лишь позже наблюдаются попытки более или менее самостоятельных рассуждений на социальные темы. Сначала в этих попытках сильно сказывается влияние социальных и литературных традиций той страны, на почве которой возникли их иностранные прототипы. Лишь позднее, проникаясь влияниями специфических русских условий, русский социализм как бы отмежевывается от социализма «импортного», стремится установить связи с национальными традициями в форме народнического социализма. В развитии социальных идей Герцена эти черты развития русского социализма выразились весьма ярко.

Влияние западноевропейской социальной мысли сказывается в русской литературе задолго до начала литературной деятельности Герцена. Совершенно бесспорно воздействие социальной философии Мабли на формирование Радищева. Как известно, социальной философии Мабли были присущи не только черты осуждения, не только отрицательная характеристика строя, основанного на частной собственности, не только пропаганда идей социального равенства; Мабли был явно склонен к идеализации коммунистических порядков, существовавших, по его мнению, в первоначальных человеческих обществах. Следов этой концепции «первобытного коммунизма» мы в «Путешествии из Петербурга в Москву» не находим. Не находим мы также и сколько-нибудь отчетливой формулировки принципов общности. Но пропаганда социального равенства, критика отрицательных последствий неравномерного распределения частной собственности, вообще тенденции уравнительного характера, свойственные Мабли, несомненно содействовали выработке Радищевым собственного уравнительного мирозерцания.

Еще более отчетливо - и бесспорно под теми же или близкими литературными влияниями французских социальных мыслителей XVIII в. - складывалась аграрная программа наиболее радикального из деятелей декабристского движения - П.И.Пестеля. Подобно передовым французским просветителям, например Гельвецию, Дидро и др., Пестель

объявляет основной целью государства всеобщее благосостояние, наибольшее благоденствие наибольшего числа людей. Выгоды одного, утверждал Пестель, должны уступать перед выгодами целого.

Исходя из этого принципа, Пестель высказывался против «аристократии наследства и денег». Для установления правильного равновесия в имуществах и процветания государства Пестель предлагал произвести раздел земли каждой волости на землю общественную и землю частную. Общественная земля предназначается для производства предметов необходимости, она принадлежит волости в целом и ежегодно распределяется между всеми ее гражданами, но не на правах собственности, а на правах временного владения. Граждане не могут ее ни продавать, ни закладывать. При распределении ежегодных наделов принимается во внимание, есть ли у данного землепашца частная земля и занимается ли он исключительно хлебопашеством. Частная земля находится во владении государства или частных лиц на правах собственности и предназначена для роста изобилия владельцев³. Как мы видим, проект Пестеля, наиболее радикальный из аграрных планов декабристов, в строгом смысле слова нельзя считать даже последовательно уравнительным. Видеть в Пестеле социалиста, вопреки мнению Герцена, называющего его «социалистом прежде самого социализма», нет никаких оснований.

Многие из декабристов были весьма начитаны в политической и социальной литературе Запада. Многие из них знали произведения Сен-Симона и Оуэна. Но влияние идей этих мыслителей на мирозерцание декабристов не было настолько глубоким, чтобы можно было говорить о наличии в их среде какой-либо группы последователей и пропагандистов социализма. По-видимому, такая группа образовалась впервые в России среди студентов Московского университета в 30-х годах, и первыми проповедниками идей социализма у нас надо считать Герцена, Огарева и их ближайших товарищей. Во всяком случае об этой группе у нас имеются вполне точные и авторитетные сведения, исходящие в первую очередь от самих ее участников.

Герцен впервые познакомился с французской социалистической литературой начала XIX в. еще до своей ссылки, до 1834 г. Уже в одном из первых произведений Герцена - «О месте человека в природе» - мы находим упоминания о сен-симонисте О.Родриге и о возникновении во Франции новой, более соответствующей духу времени, школы. Ссылаясь при этом на «сен-симонистскую школу», Герцен объявляет ее «великой», вопреки тем нападкам, которые он на себя навлекает (I, 13, 25)⁴. В сенсимонизме он ценит более всего не социальную и экономическую сторону учения, а философскую и моральную - развитие учения о совершенствовании рода человеческого (XXI, 422). Новое упоминание о Сен-Симоне относится к 1836 г. (I, 465). Это упоминание как бы брошено мимоходом, тем не менее оно явно свидетельствует о том, как сочувственно относился в то время Герцен к великому утописту, как близки ему были тогда даже религиозные тенденции сен-симонизма. В еще более ясной форме эти социально-религиозные тенденции сказываются в одном произведении 1838 г., где существующее общество

уподобляется разрушающемуся Риму, а общественные преобразования - ожидаемому царству Христову, где Герцен, следуя за сен-симонистами, осуждает скептицизм как симптом общественного упадка (I, 183- 195). Еще больший религиозный пафос чувствуется в драматическом очерке «Вильям Пенн», в котором колонизация англичанами (пуританами) Америки изображается как религиозный акт, вдохновленный мечтами о стране обетованной, основанной на «незыблемом евангельском равенстве», братстве и любви, освященными христианством.

Рассказывая впоследствии об этом периоде своего развития «Былом и думах», Герцен сообщает, что в то время в основе его убеждений и убеждений его кружка лежал сен-симонизм (VIII, 162). По-видимому, наиболее точно этот герценовский социализм 30-х годов отражен в одном из писем Герцена к Огареву. Все люди равны, любите друг друга - таково, писал тогда Герцен, основание христианства. Его первая фаза, мистическая, - католицизм. Вторая фаза, переход к философии, - Лютер. Теперь начинается третья фаза, истинная, человеческая, фаланстерская, - может быть, сен-симонизм (XXI, 23).

О дальнейшем развитии социалистических идей Герцена дают представление записи в дневниках первой половины 40-х годов. Не подлежит сомнению, что к середине 40-х годов круг известных Герцену социалистических построений расширяется. В «Записках одного молодого человека» Герцен упоминает об Оуэне (I, 306). Дневниковые записи свидетельствуют о том, что он читал «L'Histoire de dix ans» Луи Блана, что ему была известна докладная записка Блюнчли о деятельности коммунистов в Швейцарии, что он живо интересовался движением силезских ткачей.

Очень интересна оценка, которую дает Герцен Вейтлингу. Он высоко ставит революционный радикализм вейтлинговской пропаганды, проповедуемую им идею последовательного равенства, решительную «войну», объявляемую Вейтлингом собственности (II, 284, 313-314, 360).

В дневниковых записях 1844 г. мы находим уже интересное сопоставление сен-симонизма, который как и раньше, по-видимому, стоит для Герцена на первом месте, с фурьеризмом и коммунизмом. У сен-симонистов и фурьеристов, говорит Герцен, высказаны величайшие пророчества. Однако ни то, ни другое учение не удовлетворяет Герцена полностью («в них чего-то недостает»). В учении Фурье Герцена раздражает какая-то мелочность выводов. Но основные положения он считает весьма глубокими, полнее всего раскрывающими проблему социализма, ведущими гораздо дальше, чем проповедуемые Фурье фаланги и фаланстеры. Знает также в это время Герцен и учеников Фурье, из которых больше всего ценит Виктора Консидерана.

Особенное значение он придает критической части построений Консидерана, давшего, по его мнению, уничтожающий анализ понятия собственности.

Следя за появляющейся новой литературой, Герцен особо выделяет произведения Прудона. В декабре 1844 г. мы находим в дневнике весьма положительный отзыв о прудоновском трактате «Что такое собственность». В дальнейшем влияние Прудона на формирование

социальных идей Герцена росло. Однако большое влияние оказывали на Герцена в этот период и революционные идеи французских тайных обществ. Он уже понимает важность связи социализма «с массами». Он отмечает успех в массах идей коммунизма, но все же, по-видимому, в близкую осуществимость коммунизма не верит. Пока коммунизм - это, по его мнению, грозовая туча, чреватая молниями, грозящими разрушить нелепый общественный строй, «если люди не покаются, видя перед собой суд божий».

Критике существующего общественного строя Герцен уделяет в эти годы больше внимания. Интерес представляют его замечания о собственности. Собственность, говорит он, гнусная вещь. Она не только несправедлива, но и безнравственна. Она гнетет человека и развращает его. Человек, копящий собственность, - «капкан, в котором пойман подвижной дух». Недвижимое имущество здесь и награда там - таковы «две цепи, на которых и поднесь водят людей. Но теперь работники принялись потряхивать одну из них, а другая давно заржавела от лицемерных слез пастырей о погибших овцах» (II, 375-376).

В этом неожиданном сопоставлении собственности и посмертной награды чувствуется некоторый отход Герцена от той идеализации социального значения христианства, которая была характерна для него в 30-е годы. Тем не менее и в 40-х годах он зачастую возвращается к высказанной сен-симонистами концепции обновления общественного порядка как некоего осуществления и уточнения моральных и социальных заповедей христианства.

Христианство, пишет Герцен в августе 1844 г., враждебно собственности и имуществу. Тем не менее дореволюционный старый порядок Герцен считает возможным именовать порядком христианско-самодержавным. Эта связь христианства с самодержавием объясняется тем, что социальная сторона христианства наименее развита. В этом смысле Евангелию еще предстоит войти в жизнь. Оно должно перестроить общество на основах братства. Такое обновление общества неминуемо. Современное положение человечества сходно с его положением при возникновении христианства. Древний мир к тому моменту явно испытал, как испытывает и современный мир, потребность в возрождении. В умах, как и ныне, носились смутные идеи возникающего нового мира. Эти идеи распространялись через проповедь возникавших на периферии древнего мира сект, чтобы затем, окрепнув и сочетавшись с традициями греческой философии, лечь в основу нового органического воззрения, содержавшего в себе идеи равенства, общей собственности, аскетизма. Современный социализм и коммунизм выражают те же настроения и находятся в том же положении.

Так Герцен в 40-е годы развивает и уточняет мысли о связи между социализмом и ранним христианством, мысли, которые мы находили у него уже в 1833 г. в переписке с Огаревым (XXI, 23 и др.)⁵. Существующие сейчас социалистические и коммунистические школы - это, по словам Герцена («разъятые члены») будущей великой формулы. Но Герцен не считает возможным присоединиться ни к одной из этих школ. Значение их состоит в том, что они в конце концов, как некогда Евангелие, охватят

народные массы, что учение Евангелия воплотится, наконец, в действительности. Подводя итоги своим наблюдениям над политической жизнью

Западной Европы 30-х-40-х годов, Герцен признает (необходимость социального переворота очевидной: это понимает даже Гизо. Все, кто видят далее своего носа, понимают нелепость случайного распределения такого важного орудия, как богатство, нелепость гражданского порядка, приносящего в жертву огромное большинство. Естествен интерес к идеям преобразования права собственности, к порядку общности, к новой организации работ. Естественно, что в качестве противников всех социальных преобразований выступают лишь консерваторы, проникнутые эгоизмом и своекорыстием привилегированных каст.

Необходимого социального переворота Герцен ждет в это время в первую очередь от Франции Франция, полагает он, уже вступила на эту дорогу со времени Конвента, ей во всяком случае принадлежит инициатива в этом великом деле. Призавая, что славянский мир переживает застой, который поддерживается его связью с православием, отрывом от Запада, Герцен вместе с тем пересказывает в «Дневнике» мнение Самарина, что в осуществлении социального устройства славян ждет великое будущее что «плод европейской жизни» созреет именно в славянском мире. Европа совершила свое, придя к отрицанию существующего социального порядка и наметив черты порядка будущего. Славянский мир - почва «симпатического» развития будущего (II, 289, 314-315). Таким образом, в социальных воззрениях Герцена наряду с своеобразными тенденциями к синтезу утопических, главным образом сен-симонистских, построений, с пониманием революционного значения «движения работников» в западных странах, мы, возможно, находим уже в 1843 г. зачатки идеи об особой роли славянских народов в социальном перевороте.

Вопрос о том, славяне ли, «оплодотворяясь Европой, одействотворят идеал ее и приобщат к своей жизни дряхлую Европу, или она нас приобщит к поюневшей жизни своей», - этот вопрос он предпочитает оставить открытым.

Во всяком случае высокую роль Европы в этом процессе он считает бесспорной (II, 336).

С такими не вполне четкими представлениями о грядущих социальных преобразованиях, но в то же время с несомненным революционным отношением к существующим как в России, так и на Западе порядкам выехал Герцен в Западную Европу в 1847 г. Уже в первые месяцы пребывания во Франции непосредственные наблюдения над жизнью предреволюционного Парижа значительно расширили и углубили его представления о социальных противоречиях, потрясавших Францию накануне революции 1848 г., об историческом значении социальных систем, выраставших на почве этих противоречий. Эта эволюция социальных взглядов Герцена нашла яркое выражение в «Письмах из Франции и Италии». Утопические системы, которыми более всего вдохновлялся Герцен раньше, продолжают интересовать его. Но гораздо больше внимания уделяет он не «религиозным» формам

социализма (очевидно, сен-симонизм), а его революционным проявлениям (Бабеф).

В коммунизме Бабефа Герцен видит упрек не выполнившей своих обещаний демократической республике Робеспьера и Сен-Жюста, пророчество грядущего социального переворота. Консерваторы казнили социализм в лице Гракха Бабефа. Но на стороне Бабефа был истинный прогресс, и он продолжал жить в новых «индустриально-религиозных» формах, а самое главное, из пепла, брошенного умирающим Бабефом, родился французский работник. «Наследник Бурбонов и мещан - не Генрих V, не Ламартин, а блузник». Ему, французскому работнику, принадлежит будущее Франции. Это единственное сословие во Франции, которое доработалось до широких политических идей, которое порвало с замкнутым кругом понятий, потому что ему присущ дух активного протеста. Это люди, которых коснулось веяние будущего, для которых социализм стал религией. В этом юном борце с заскорузлыми руками, пишет Герцен, буржуазия предчувствует неясное, но грозное пророчество своей гибели (V, 313-314).

После революции 1830 г. социальный вопрос должен был неминуемо встать вновь. Положение народа не улучшилось. Симптом нараставших противоречий Герцен видит в лионском восстании 1832 г., характернейшая особенность которого состоит в том, что оно вспыхнуло не из-за религиозных разномыслии и не из-за политического устройства, а из-за вопросов «работы и возмездия». Этот вопрос, говорит Герцен, с тех пор не сходит с арены. Он тут, как угроза, как угрызение совести (V, 313-314). На этой стадии социализм выступает как страсть, как месть, как буйный протест, как Немезида. Едва рабочие, подавленные вопиющей несправедливостью существующего беспорядка, увидели занимавшую зарю сулившего им освобождение дня, как они перевели социальные учения на иной, более суровый язык, создали из них коммунизм, учение о принудительном отчуждении собственности, учение, возвышающее индивидуум при помощи общества. Герцен отмечает иногда отсутствие достаточной решительности в наступлении рабочего класса на существующий буржуазный порядок. Но социалисту в наши дни, говорит он, нельзя не быть революционером. Время политического эклектизма прошло. Европу ждет или революционный переворот, или гибель. Социализм предполагает республику как этап своего пути. Либо борьба, приводящая к общему обновлению, к смене существующих порядков и законов, либо гибель (V, 178, 427-428 и др.).

Все предшествующие рассуждения очень близко подводят Герцена к идее пролетарской революции как единственного пути социалистического переворота. Но он, очевидно, не в состоянии полностью освободиться от старой утопической мечты о возможности объединения всех классов под демократическим знаменем общечеловеческого прогресса. Возможно, что оживлению этой мечты в известной мере содействовали впечатления от революционной борьбы в Италии, в стране, где классовые противоречия сказывались гораздо менее резко, чем в предреволюционной Франции. Утопические формы социализма Герцен считает проявлением детства социалистической мысли, но многое в

традициях этого детства сохраняет в его сознании былое значение не требующей доказательств аксиомы, и он призывает относиться к этому наследию с уважением. Каждое новое учение имеет свои корни в каком-нибудь отошедшем, говорит он. Пусть новое учение отрицает отошедшее, но последнее остается для него необходимой точкой опоры, его почвой.

С другой стороны, новое, революционное учение, зарождающееся в среде «рабочников», не внушает ему, очевидно, полной уверенности в торжестве его социального идеала. К концу 1847 г. впечатления от окружающей буржуазной действительности приводят Герцена к глубоко пессимистическому настроению, и надежды на обновляющую роль пролетариата оказываются совершенно бессильны это настроение рассеять. «К осени, - писал он в первом письме с *Via del Corso*» (декабрь 1847 г.), - сделалось невыносимо грустно в Париже, я не мог сладить с безобразным нравственным падением, которое меня окружало, я чувствовал, что в мою душу забирается то самоотвержение, тот холод и то «все равно», которое вносится утратами, разрывом с действительностью, презрением к настоящему... Смерть в литературе, смерть в театре, смерть в политике, смерть на трибуне, ходячий мертвец Гизо, с одной стороны, и детский лепет седой оппозиции - с другой; там где-то внизу раздавались какие-то крики титанов, что-то сильное и страшное, как будто из здоровой и могучей груди, но снаружи - остывший кратер, превратившийся в грязь и слякоть» (V, 245).

Именно к этому времени относится статья Герцена, включенная им впоследствии в состав «С того берега» под заглавием «Перед грозой». Общество связано в одну нить прогрессом, писал здесь Герцен. Однако установить эту истину значит лишь определить неизбежность движения, но отнюдь не его цель. Каждое поколение в жизни общества имеет свою цель. Настоящее поколение не знает такой своей цели ему не за что умирать и не для чего жить.

Мир, в котором мы живем, - умирающий мир. Попытки спасти его, воскресить его к жизни безнадежны. Его надо не лечить, а хоронить, хотя цивилизация, как говорит Герцен, и представляет собой лучший цвет современной жизни. Однако развитие не может на этом остановиться. По-видимому, Герцену представляется иногда, что такие духовные кризисы неизбежны для некоторых поколений: такие периоды, утверждает он, страшны для современников. Мысль всегда бывает нетерпелива и опережает медленно тянущуюся жизнь. Отсюда трагическое положение и неизбежные страдания для мыслящих. Не будучи в состоянии постигнуть закономерности исторического развития, с неизбежностью ведущие к падению старого общественного строя и к установлению строя нового, социалистического, Герцен обрывает подчас свои рассуждения нотой самого крайнего отчаяния в возможности целесообразной борьбы за лучшее будущее. Будущее, заявляет он, не принадлежит нам. Где лежит необходимость, чтобы будущее осуществило нашу программу, наши идеалы? Мы связаны не на живот, а на смерть с тонущим кораблем.

«Испуганный Парижем 1847 года, - писал Герцен позже, характеризуя свои настроения, отразившиеся в статье «Перед грозой», - я было раньше раскрыл глаза, но снова увлекся событиями, кипевшими возле меня. Вся Италия «просыпалась» на моих глазах» (X, 26). Первые вести о февральской революции в Париже пробудили, по словам Герцена, в его душе «новые силы» и воскресили в нем «старые надежды» на приближающееся торжество дела социального прогресса. Но дальнейший ход событий во Франции очень скоро отрезвил его.

Кровавые июньские дни нанесли окончательный удар его утопическим мечтам о возможностях обновления старой Европы на путях демократии. Оценка, которую он дает представителям буржуазной демократии в этот период, совершенно уничтожающая. Вождей буржуазной демократии он именует «аристократами демократической республики». Он считает их людьми, погрязшими в тине мещанства, их труд и борьбу - безнадежными и бесцельными. Их республика - «неудобоисполнимая мысль», «последняя мечта, поэтический бред старого мира». Этот католико-феодальный мир дал уже все, что он мог дать; он истощился и не способен более к обновлению. Эти люди связаны со старым миром, они не в силах прозреть судьбы будущего. Их идеал в сущности принадлежит прошедшему. Они не понимают, что существующий мир не способен более к обновлению, что он должен умереть, чтобы новое могло жить. Демократы не могут решиться сломать свой старый дом. В февральской революции они разрушали одну феодальную подставку существующего строя за другой, пока из-под полуразрушенных стен перед ними не появился «не в книгах, не в парламентской болтовне ... а на самом деле - пролетарий, рабочий с топором и с черными руками, голодный и едва одетый рубищем». Этот рабочий спросил свою долю, но они спрятались от «брата» за штыками осадного положения (VI, 49-53).

Но, окончательно разрушив демократические иллюзии Герцена, июньские дни нанесли также удар и его надеждам на перестройку старого мира силами пролетариата. «Я ни во что не верю здесь, - писал Герцен несколько месяцев спустя во вступлении к работе «С того берега», характеризуя свое настроение этого периода, - кроме как в кучку людей, в небольшое число мыслей да в невозможность остановить движение; я вижу неминуемую гибель старой Европы и не жалею ничего из существующего ... глубоко сочувствую горькому плачу пролетария и отчаянному мужеству его друзей» (VI, 12-13).

Следует подчеркнуть, что Герцен говорит здесь не о гневе пролетария, не о грядущей борьбе, но лишь о его страданиях, о его плаче.

В июньские дни пролетариат еще раз призвал своих братьев к оружию, но пролитая кровь не принесла ему победы. Этот разгул бешенства, мести, злобы вызовет гибель существующего мира (VI, 42, 48), пишет Герцен, но не обеспечивает еще построения мира нового).

** *Via del Corso* - улица в Риме, где в доме № 18 А.И. Герцен жил с ноября 1847 до апреля 1848 г.

«После Июньских дней я видел, что революция побеждена, но верил еще в побежденных. Вскоре я стал понимать, что революция не только побеждена, но что она должна быть побеждена. Революция пала не под ударами реакции, которая, притаившись, ожидала своего часа, она погибла под ударами своих детей» (X, 116). «Демократическая сторона, - писал Герцен московским друзьям 27 октября 1849 г., - или сторона движенья, была побеждена, потому что она была недостойна победы ... везде боялась быть революционной до конца... Пустым людям, как Ледрю-Роллен, Луи Блан..., не может удастся революция...» Необходимо оторваться от падающего мира (XXIII, 187-188).

Стоит указать, что к людям, сумевшим в 1848 г. оторваться от старого мира, Герцен причисляет Прудона, Пьера Леру, Консидерана. Все в Европе бродит, развивает Герцен эти мысли в работе «С того берега», падают вековые стены. Но вместе с кумирами падают лучшие плоды европейской жизни, так трудно выработанные веками. Я не вижу, признается Герцен, для Западной Европы ни воскресенья, ни помилования. Если так пойдет дальше, будущее погибнет вместе с дряхлым прошлым. В хилом организме Европы он везде видит перст смерти и лишь изредка слышит пророчество новой жизни. Мы долго старались верить, говорит он, но жизнь быстро потухала, как последние свечи в окнах, а рассвет все не приходил. Мы были молоды перед февральской революцией, и мы стары теперь. Старый мир еще сохраняет свою былую силу. Он уже не верит в себя, но отчаянно защищается. А с другой стороны, будущее еще не готово, все шатко, все неопределенно, особенно важно, что не готовы люди. В период падения римского мира человечество, чтобы продвигаться вперед, отступило в германское варварство, напоминает Герцен, как бы намечая то направление (русский общинный мир), в котором он собирается искать выход из тупика западноевропейского мира.

На этом пессимистическом аккорде, как бы завершающем историю европейской цивилизации, Герцен с его напряженной творческой активностью остановиться, однако, не мог, хотя в его произведениях первых лет после революции и звучит иногда призыв отойти в сторону (VI, 132).

Жизнь взяла свое, говорит он, и вместо отчаяния я хочу жить. Утрата надежд на близкое осуществление социализма в странах Западной Европы не могла поколебать убеждения Герцена в социалистическом будущем человечества. «Сила социальных идей велика, особенно с тех пор, как их начал понимать истинный враг, враг по праву существующего гражданского порядка - пролетарий, работник, которому досталась вся горечь этой формы жизни и которого миновали все ее плоды... массы, задавленные работой, изнуренные голодом, притупленные невежеством, - они о чем будут плакать» на похоронах старого мира. «Наша цивилизация - цивилизация меньшинства, она только возможна при большинстве чернорабочих» (VI, 55-56).

Прошлые при всей своей тяжести обеспечили движение человечества вперед. Аристократия - это более или менее образованная антропофагия, она была нужна для развития человечества, но, (когда

работник не захочет больше работать для другого, поняв, что сейчас вся выгода его работы достается другим, настанет конец аристократий В этом основа охватившего мир брожения. Оно непрерывно усиливается, ибо нелепый общественный порядок со всяким шагом вперед лишает средств все большее и большее число людей. Их крик, их восстание неотвратимо. Сейчас беда в том, что работники не считали еще своих сил, а крестьяне отстали в образовании. Когда они протянут друг другу руку, тогда вы распроститесь, обращается Герцен к владеющим классам, с вашей цивилизацией Что до мещан, то они сыты, их собственность защищена, они и оставили попечение о свободе, о независимости; они хотят сильной власти. При таком соотношении сил нам непростительно думать, что достаточно возвестить римскому миру Евангелие, чтобы сделать из него демократическую и социальную республику. Не следует исходить из предположения, что достаточно доказать истину, как математическую теорему, чтобы ее приняли. Приходится считаться с суеверием масс, с аристократичностью просвещения. Идею эксплуатации человека человеком никто не считает ныне справедливой. В этом смысле старый мир держится на одном лишь насилии. Оживить начала старого мира невозможно. Блестящая эпоха индустрии пережита так же, как и блестящая эпоха аристократии. Спасти старый мир нельзя ни казнями, ни осадным положением. На историческую арену выходят новые христиане и новые варвары, идущие разрушать старое и строить новое. Эти новые назареи ближе, чем вы думаете они на чердаках и в подвалах. Людям хотелось бы, чтобы смена одного порядка другим произошла исподволь. Это было бы возможно при высоком уровне сознания. Но большинство еще этого уровня не достигло и подчиняется стихийным побуждениям. Переворот исподволь мог бы выразиться в раздроблении собственности, но мелкий буржуа - худший собственник, а сила революционного порыва пролетариата может быть ослаблена мелкими улучшениями (V, 55-61).

Утратив в период, непосредственно следовавший за поражением революции 1848 г., веру в способность передовых стран Западной Европы вести человечество вперед к осуществлению социализма, Герцен не может, однако, отказаться от развитой им выше концепции социального прогресса. Социализм сохраняет для него, как и для его учителей - утопистов 30-х-40-х годов, значение общественного порядка, который призван сменить уходящий буржуазный строй. Следует лишь отметить в этой связи, что социалистический строй не представляется ему, как он представлялся большинству утопистов, строем «окончательным», завершающим прогресс человеческого общества. Он считает весьма вероятным, что в круговороте человеческой истории вновь начнется борьба; в ней социализм займет место существующего буржуазного порядка, и эта борьба приведет к замене социализма иным порядком которого мы сейчас не представляем.

Разочаровавшись после революции 1848 г. в возможности успехов социалистического движения на Западе, Герца намечает другие пути к торжеству социализма. Главный поток истории, говорит он, не может потеряться в песке и глине, он неизбежно найдет себе другое русло; человечество расчистит для него дорогу.

Силы европейских народов истощились. Они дошли до конца своего призвания, говорит он. История, по-видимому, нашла другое русло. В последнем акте мировой трагедии зритель, подавленный гибелью Гамлета, может быть, встретит молодого Фортинбраса (VI, 69). О существовании этого Фортинбраса Герцен, как мы уже видели, знал раньше. Еще до поездки за границу он писал о высокой роли, предназначенной в социальном развитии человечества славянским народам, в частности русскому народу. В эпоху реакции после 1848 г. на основе этих положений он строит социальную теорию, которая получила уже у него самого, а затем и у последующих историков русской общественной мысли наименование «русского социализма».

III

В пессимистических рассуждениях самого пессимистического из произведений Герцена («С того берега») есть, как мы уже видели, немало намеков на те, не предусмотренные западными социалистами пути исторического развития, которые способны, по мнению Герцена, привести социализм к победе после поражения в 1848 г. его западноевропейской формы. В эпилоге того же произведения Герцен, как бы суммируя эти намеки, прямо заявляет, что он ожидает дальнейшего общественного прогресса не от нового подъема социалистического движения в старых странах Запада, а от появления на исторической арене новых молодых народов. Это, говорит он, послужит началом нового круга всемирной истории, который «будет принадлежать социальным идеям»; в дальнейшем социализм разовьется «во всех фазах своих» и превратится в конце концов в силу господствующую (VI, 107-114).

В. П. ВОЛГИН

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.

М.: Наука. 1976

Vive Liberta, 2010

В том же году смысл этого предвидения Герцен раскрыл перед европейскими читателями в статье «La Russie» (которую он также включил в одно из изданий «С того берега»), обосновывающей историческую роль России как зачинательницы нового круга цивилизации. Россия уже сейчас, утверждает Герцен, является носителем установлений, резко отличающих ее от стран Запада и предвещающих ее развитие в направлении к коммунизму. Основное из этих установлений — русская земельная община. Исследовавший ее Гакстаузен видел в ней зародыш будущего России, осуществление некоторых положений, выдвинутых социалистическими утопиями^{***}. Общинное начало прочно вошло в сознание русского крестьянина. Общинный дух проник во все области народной жизни в России. Он нашел свое выражение и в артельном построении городской промышленности России. Ни установление крепостного права, ни петровские реформы не могли выкорчевать общинного духа русского крестьянина. Существовавшее некогда и в странах Западной Европы общинное начало не выдержало там столкновения с феодальными и римскими тенденциями. В России же это начало сохранилось в полной силе до наших дней. Естественный полудиккий образ жизни русской деревни более соответствует общественному идеалу, чем образ жизни европейских стран. То, о чем мечтает Европа, у нас уже осуществлено.

Утверждают, что община существовала и в других странах и исчезла с началом цивилизации. Но я не вижу причин, говорит Герцен, почему в России должно произойти то же самое. Россия с ее общинным началом идет навстречу социализму подобно тому, как древние германцы шли навстречу христианству. Русскому крестьянину ближе идея социальной революции, чем революции политической. Мы выходим на историческую арену тогда, когда противообщинная цивилизация гибнет. В своем движении вперед нам следует не отказываться от сохранившихся у нас элементов общности, а развивать их и совершенствовать. Другие народы уже мечтают о покое, Россия выходит на историческую арену, полная юности и деятельности. Разочаровавшись в странах Запада, Герцен возлагает свои надежды именно на нее, как на ведущую силу социалистического преобразования. Конечно, такую роль была неспособна сыграть николаевская Россия, и Герцен не мог этого не сознавать. Естественно, что выступление России в такой роли связывается в представлениях Герцена с идеей революционного освобождения от пут ненавистного ему самодержавия.

Ряд мыслей, изложенных Герценом в статье «La Russie», мы найдем почти во всех его произведениях, посвященных социальному вопросу, на протяжении 50-х и 60-х годов. Очень ярко сформулированы они в работе 1851 г. «Русский народ и социализм (письмо к Ж. Мишле)». Европа, говорит Герцен, повторяя положения, уже известные нам из более ранних произведений, приближается к страшному катаклизму. Средневековый

^{***} А. Гакстаузен (1792-1866), барон, прусский чиновник, автор книги «Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений в России», написанной в результате его путешествия по России в 1843 г.

феодальный мир рушится. Политические и религиозные революции не разрешают возлагаемых на них задач. Они дают лишь временные отсрочки приближающейся грозы. Европа несется в будущее через обломки цивилизаций. В Европе нет ни законности, ни правды, ни личной свободы. Над ее развалинами возвышается восточный колосс - Россия. К России неизбежно тяготеют другие славянские народы, повторяет Герцен положение, мимоходом брошенное им в статье «La Russie», ибо их существование может быть спасено от подавления германским миром лишь при условии образования славянской федерации с Россией во главе. Существующее русское правительство не понимает исторических задач русского народа. Основным принципом социальной жизни русского народа, как это признают наиболее дальновидные представители европейской жизни, в том числе и Мишле, является коммунизм. Сила русского народа - в его аграрном законе, в периодическом переделе общественной земли.

Русский народ нельзя считать народом угасающим: наоборот, он еще не раскрыл всех своих возможностей. Русскому народу чужда идея личной поземельной собственности, но сейчас он запутан в сетях немецкой бюрократии и помещичьей власти, которым он подчинился, но в законность которых не верит, ибо понимает, что все управление построено не в его пользу, что правительство видит свою задачу в том, чтобы выжать из него побольше труда, рекрут и денег.

Вне общины все представляется русскому народу основанным на насилии и произволе. Нравственность крестьянина полностью основана на присущем ему идеале земельного коммунизма. Именно община спасла русский народ от монгольского варварства, от крепостников-помещиков и от немецкой бюрократии. Она сохранила свою жизненную силу до того исторического периода, когда в Европе возникли идеи социализма. В том, что сельская община не погибла, что «личная собственность не раздробила собственности общинной», - истинное счастье для России. Счастье для русского народа, что он остался вне европейской цивилизации, которая подкопала бы его общину и которая ныне дошла в социализме до самоотрицания.

Герцен считает, что та роль, которую во Франции играет рабочий в России выпала на долю мужика. В одном из писем к Мадзини он прямо заявляет, что не верит ни в какую революцию, кроме крестьянской. Русское крестьянство, говорит он, уже начинает роптать против существующего помещичьего и царского порядка. Но подобно тому как в уже известных нам рассуждениях о западном социализме Герцен наряду с осознанием специфически революционной роли пролетариата продолжает верить в возможность единения передовых людей всех классов под общим знаменем социального прогресса, в рисуемых им в письме к Мишле перспективах социального развития России он выдвигает на первый план как стан, враждебный официальной России, «горсть людей», ряды которых непрерывно пополняются из образованной части среднего сословия и из той части дворянства, которая идет навстречу, а иногда («дворянский пролетариат») непосредственно сливается с народом. Этим революционным элементам русского

общества, утверждает Герцен, чужда идеализация полусвободы, которая вдохновляет передовых людей Запада, чужда привязанность к завещанному предками. Россия, убежден Герцен, неизбежно совершит революцию, и эта революция не сможет ограничить свои цели заменой царя Николая царями-представителями. Но, сочувствуя такой революции, Герцен считает нужным подчеркнуть, что он к ней отнюдь не призывает. Час революционного действия для России пока еще не настал.

Ряд интересных дополнений к герценовской характеристике общинных порядков в России и их значения для будущего развития как России, так и европейских стран находим мы также в статье о развитии революционных идей в России», вышедшей в 1851 г. Лишь недавно, говорит Герцен, в России открыли, и то при помощи Европы, какой великой ценностью является в ее наследии сельская община. Можно сказать, что общину начали ценить в России лишь тогда, когда в Европе появился социализм. А между тем ее существованию исполнилось уже более тысячи лет. Россия, как и Европа, не сумела разрешить антинomio между личностью и государством, но у нас больше надежд ее разрешить, так как мы только начинаем свой исторический путь. Конечно, признает Герцен, Россия может лишиться того будущего, о котором мы говорим, если она и дальше пойдет по «петербургскому» пути, который, как и путь «московский», может привести ее к варварству и сделать опасностью для цивилизации.

По существу, говорит далее Герцен, русский народ признает свои обязанности только в рамках общинной жизни; вне ее он видит только насилие. Мы привыкли к общинам, к разделу земель, к ассоциациям, социализм нам легче принять, чем западному буржуа, так как право собственности представляется у нас злоупотреблением против общинного порядка. Отсюда увлечение русской интеллигенции сенсимонизмом, Прудоном и фаланстерами Фурье, напоминающими нам о сельской общине и других сходных организациях. Страх царизма перед коммунизмом естествен. Понятно также, что поражение революции в Европе вызвало реакцию и в России. Будущность России тесно связана с будущностью Европы. Но Россия вносит в их единение молодость и естественное стремление к социалистическим учреждениям. Если в Европе одолеет консерватизм, царская власть раздавит в России класс образованных людей. Но революционная Европа могла бы спастись от царизма и спасти от него Россию.

В приложении к статье «О развитии революционных идей в России» Герцен вновь обращается к истории общины, вновь напоминает выдвинутое им ранее положение о том, что присущая всем славянским народам община пала под немецким влиянием, и рисует своеобразную утопию, пытаясь раскрыть ряд характерных черт ее организации, по его мнению, приближающих ее к социализму.

Община ответственна за всех своих членов и потому автономна. Она каждому дает место за своей трапезой. Земля принадлежит общине, а не ее членам. Каждый имеет пожизненное право на такое количество земли, которым владеет каждый другой член общины. Право наследования и завещания на землю не распространяется. По смерти общинника его

его надел возвращается общине. Каждый достигший совершеннолетия член общины имеет право потребовать себе надел, которого он может быть лишен по приговору общины. Движимое имущество сохраняется за общинником даже в случае его выхода из общины. Верховное руководство делами общины принадлежит крестьянскому сходу, в состав которого входят только держатели наделов и который избирает высших должностных лиц общины - старосту и его помощников; тот же сход имеет право их сместить. Сход распределяет подати между общинниками, имеющими наделы. Во всех своих решениях органы общины руководствуются или существующими обычаями, или решениями глав семейств. Очень интересно, что, по мнению Герцена, существование права на надел не только предупреждает образование сельского пролетариата, но и улучшает положение фабричных рабочих, содействуя повышению их заработной платы.

С другой стороны, принципы коллективизма, свойственные сельской общине, получают в России распространение и в городах. Мы видим в русских городах ассоциации плотников, ямщиков и т.п. Эти ассоциации имеют выборных распорядителей работ и получают за произведенные ими работы общий заработок. Помещики иногда присваивают какую-то часть общинной земли, увеличивая тем самым количество барщинного труда или оброка крестьянина, но подобные злоупотребления вызывают всегда протесты крестьян в очень жестокой форме (убийства, поджоги и т.п.). В управление землей, остающейся в ведении общины, помещики обычно не вмешиваются. Периодические переделы могут, постоянно повторяясь, в конце концов расшатать самый принцип общности, говорит Герцен; они могут послужить тормозом для агрономического прогресса, но всему этому он, по-видимому, не придает большого значения: запасы свободной земли в России очень велики, а технический прогресс отнюдь не всегда ведет к благосостоянию народа.

Интересный вариант развиваемой Герценом теории русской общины находим мы в статье «Крещеная собственность» (1853 г.). У нас, пишет Герцен в этой статье, нет ни раздробления полей в частную собственность, ни сельского пролетариата. Характер русского крестьянина определяется коммунизмом его общинного устройства и его деревенским самоуправлением. Коммунизм русской деревни лежит в основе русского социального порядка. Над этой гранитной основой возвышается всепоглощающее самовластие.

Несчастье русского крестьянина - угнетающее его крепостное право. Крепостное состояние и пролетариат, подчеркивает по этому поводу Герцен, - два страшных обличителя двух страшных неправд нашего времени. Но русский народ подчинился самовластью, утвердившему крепостное право, не без боя и сохранил свое коммунистическое единство. Это единство, выражающееся в общинном устройстве, спасет народ русский.

Можно ли касаться нашего общинного начала в то время, когда Европа уже оплакивает раздробление своих полей и стремится к общинному устройству? Говорят, что неподвижный коммунизм препятствует развитию личности. Но в России наряду с неподвижной

сельской общиной есть подвижные - городская артель, доказывающая сочувствие народа к социализму, и военная община казаков, которая как бы дополняет общину сельскую. Уклад русской деревни и республиканский строй прежних казачьих поселений отвечают требованиям современных европейских теоретиков. Само собой разумеется, что ни коммунизм деревень, ни военная община казаков не вполне отвечают нашим стремлениям, продолжает Герцен. Но эти незрелые начинания нужно беречь и содействовать их развитию. Сохранение до настоящего времени общинных начал - наше счастье. Запад пожертвовал этими началами развитию меньшинства, завершившемуся революцией. Но революция не разрешила вопроса, который является сейчас основным для всего передового человечества, - вопроса об отношении лица к обществу. В развитии европейских обществ можно констатировать два различных пути: одним англичане пришли к вежливой антропофагии, другим русские пришли к общине. Мучительная задача состоит в том, чтобы сохранить «независимость британцев без людоедства», в том, чтобы сочетать общинное начало с развитием личности мужика. Но для этого нужно прежде всего устранить крепостное право, не затронув общинного устройства.

Завершая свою статью, Герцен намечает желательный дальнейший путь развития русского общинного начала: объединение общин в большие группы и соединение групп в едином земском наделе. Первые признаки такого развития он отмечает уже в современной ему русской деревне, допуская при этом совершенно непонятную для такого тонкого наблюдателя идеализацию возникающих в ней новых форм управления.

Наиболее обстоятельное для первой половины 50-х годов философско-историческое обоснование своих взглядов на судьбы социализма в странах Европы и в России Герцен дал в работе «La Russie et le vieux monde. Lettres a W. Linton» (1854 г.). Роль теперешней Европы, вновь повторяет здесь Герцен положения, уже известные нам по другим произведениям начала 50-х годов, совершенно окончена. С 1848 г. идет ее разложение, ее общественные и политические порядки обречены на гибель, независимо от того, являются ли они по своему происхождению римскими или христианскими, феодальными или монархическими, парламентскими или республиканскими. Подобно тому как Римская империя преобразовалась в христианскую Европу, нынешняя Европа должна будет распасться, чтобы войти затем в некое новое сочетание. Она уже не может ограничиться «поправками» старого здания, подобными тем, которые совершила Реформация или революция 1789 г. Государство, основанное на поглощении личности обществом, обречено на полное разложение. Социализм отрицает все то, что еще осталось от старого общества после революции. Социализм - «религия человека, религия безнебесная, общество без правления, воплощение христианства».

Социализм объявляет человека совершеннолетним. Смогут ли, сомневается Герцен, современные германо-романские народы выполнить требования социализма, изменив отношения человека к человеку и человека к обществу? Мысль о социализме родилась у западных

народов, но из этого не следует, что те же западные народы ее осуществят. У этих народов очень сильны, по мнению Герцена, консервативные элементы, к которым он причисляет как монархистов, так и республиканцев, как христиан, так и деистов, как горожан, так и крестьян. Исключение он готов сделать, как и в более ранних своих произведениях, лишь для одних работников. Только работник может спасти европейский мир, но это будет уже не старый мир, а мир новый, социалистический. Но если работники не смогут осуществить социалистического порядка в Западной Европе, развитие пойдет иным путем, он будет осуществлен в иных странах.

Рядом с европейским миром, говорит Герцен, развился в течение столетий мир стран славянских. Славянский мир не имеет ничего общего ни с Европой, ни с Азией. У славянских народов и нет ни феодального дворянства, ни больших городов, ни римского права. Но зато они сохраняют патриархально-демократические установления, сельскую общину и вече; в их общественной жизни, утверждает Герцен (вероятно, но без влияния Бакунина), сохранились некоторые черты анархизма. Суммируя эти особенности социальной жизни славянских стран, Герцен считает возможным квалифицировать их совокупность как демократический коммунизм. В дальнейшем своем развитии, утверждает он, славянские страны должны были пройти «государственную дрессировку». Эту задачу государственного воспитания русского народа выполнила Москва, приобретая значение столицы и центра славянского мира. Русский народ для обеспечения славянского единства должен был затем пожертвовать своими вольностями, подчинившись петровским преобразованиям, придавшим русскому государству европейский характер. Но крестьяне не приняли преобразований Петра, они остались верными хранителями народности, основанной на коммунизме.

Основная борьба в Западной Европе идет сейчас не против священника, не против короля, не против дворянина, а против их наследника - владельца, захватившего в свои руки орудия работы. Порог, над которым написано «социализм», гораздо труднее перешагнуть, чем все предшествовавшие, ибо, преодолевая его, приходится отказываться, повторяет Герцен, от всего привычного, от всего того, что поощало предшествовавшее развитие общества. Наиболее правдоподобным представляется Герцену, что дело перехода к социализму довершит русский народ, роль которого в данном случае подобна роли варваров в процессе падения античного мира.

Не следует, однако, думать, что возвеличение исторической роли «русского социализма» означает у Герцена принижение роли социалистических идей Запада. В письме к Прудону от конца июля 1855 г. Герцен, по-видимому, умышленно для устранения возможности такого предположения, подчеркивает, что без содействия западных социалистических идей славянские народы никогда не соберутся с силами и не перейдут от патриархального коммунизма к сознательному социализму.

Близкую к этому мысль Герцен повторяет в «Русском крепостничестве», где социальную революцию на Западе он

рассматривает как необходимое условие движения вперед русского народа. Но это вовсе не означает, что в среде русского народа должен образоваться пролетариат, как это имело место на Западе. Против сторонников такого взгляда он выступает со всей решительностью (XII, 43-44). Русский народ, утверждает Герцен в этой связи, не имел такого богатого развития, как народы Запада. Но Запад пожертвовал своими крестьянами и ремесленниками для возвышения дворян и среднего сословия, тогда как русский народ сохранил свою общину и равноправное владение землей, препятствующее образованию пролетариата.

В рассматриваемый нами период представления Герцена о роли отдельных классов русского общества в борьбе за социализм чрезвычайно неопределенны. Он, как и в более ранних своих произведениях на социальные темы, склонен весьма высоко оценивать социально-политическую роль русского нечиновного дворянства. Эти люди, пишет он,- самые независимые люди в Европе, они дошли до социальных идей в политике, до реализма в науке, до отрицания и скептицизма в философии. Только чиновная часть дворянства обладает привилегиями и обслуживает царскую администрацию. Герцен готов признать даже, что и царизм, столь ему ненавистный, может при известных условиях служить не только целям реакции, но и задачам прогресса. Он может окаменеть в Петербурге, теряя постепенно свою силу и престиж, и он может переродиться в демократическое и социальное самовластье. Следует отметить, что Герцен в связи с этим высказывает роднящую его со славянофилами мысль о будущей славянской федерации и о перенесении ее центра в Константинополь Таборит, человек, идущий под знаменем общины, говорит он, должен водрузить свое знамя не в Вене, не в Петербурге, не в Варшаве, не в Москве; настоящая столица восточных славян - Константинополь, Рим восточной церкви (XII, 199). Эту мысль о революционном значении захвата Россией Константинополя Герцен высказал еще в 1849 г. в письме к Мадзини. «Когда императорский орел, - писал он, - возвратится на свою древнюю родину^{*****}, он уже более не появится в России. Взятие Константинополя явилось бы началом новой России, началом славянской федерации, демократической и социальной» (VI, 238).

Эти явно ошибочные суждения стояли в резком противоречии со многими заявлениями Герцена того же периода. Они не были логически связаны с основными принципами герценовской концепции «русского социализма». Мысль Герцена и в это время в основном оставалась революционной. Но предположение о возможной революционной роли царской власти, не чуждое социалистическим учителям Герцена - ранним утопистам (стоит вспомнить обращение Оуэна к королеве Виктории), являлось как бы предвестием возможности того поворота Герцена в сторону идей просвещенного абсолютизма, который имел место в начале царствования Александра II. Проскальзывавшие в «Старом мире и России» отзвуки панславистских идей и двусмысленная характеристика

***** Двуглавый орел - герб Византии - был заимствован Россией в конце XV в. и стал считаться государственным гербом во 2-й половине XVII в.

возможностей царизма немало содействовали в свое время подозрительному отношению Маркса к публицистической деятельности Герцена.

IV

Мы уже говорили о неясностях и противоречиях в представлениях Герцена о том пути, по которому русскому народу предстоит идти вперед, к торжеству социалистических идей, содержащихся в зародыше в характерных для него демократических общинных порядках. Интересные рассуждения на эту тему находим мы в статье «Революция и Россия», появившейся в «Колоколе» в 1857 г. и отражающей мирно-реформаторские настроения Герцена в первые годы царствования Александра II. Эпиграфом к статье является выдержка из речи нового царя: «Господа, лучше, чтобы эти перемены сделались сверху, нежели снизу». В соответствии с этим эпиграфом Герцен ставит в статье вопрос о возможности и преимуществах насильственного и мирного путей общественного преобразования. «Мы так привыкли видеть с 1789 г., - говорит он, - что все перевороты делаются взрывами, восстаниями, что каждая уступка вырывается силой, что каждый шаг вперед берется с боя, что невольно ищем, когда речь идет о перевороте, площадь, баррикады, топор палача. Без сомнения, восстание, открытая борьба - одно из самых могущественных средств революций, но отнюдь не единственное». Пути насильственных переворотов, по которому шла Франция, Герцен противопоставляет английский, мирный путь развития, как более для него привлекательный: мы «от души предпочитаем путь мирного, человеческого развития пути развития кровавого» (XIII, 21-22). Мы еще увидим ниже, что Герцену отнюдь не чуждо понимание того, что политическая революция и социализм составляют две различные ступени в развитии человеческого общества. Однако в рассматриваемой нами статье обе эти ступени слиты как бы воедино, непосредственно примыкают одна к другой, в силу чего предпочтение, оказываемое мирному пути, и надежды на государя-реформатора относятся у Герцена не только к освобождению России от крепостного права и царского самовластия, но и к дальнейшему развитию «социалистических основ» исконного русского земельного строя.

Переходя к вопросу о том, насколько возможен мирный путь для России, Герцен склонен возлагать преувеличенные надежды на происшедшую смену монарха и на возможность для Александра II, удалив николаевскую администрацию, привлечь к управлению людьми более культурных, способных понять интересы и стремления народа. Такие люди в России есть - люди, зрелые мыслью, готовые отдать свои силы делу народа, независимо от того - вместе с правительством или против него. Основные кадры для такой новой администрации, по мнению Герцена, в России имеются. Он видит их, очевидно, в интеллигентной части дворянства, «пережившей мыслью» уроки западноевропейского развития, но свободной от его традиций. Опираясь на эту среду, монарх мог бы соединить две России, «между которыми прошла петровская битва». Мы уверены, заканчивает Герцен статью, что деспотизм отжил свое время в России. Царю надо так же отказаться от петербургского

периода, как Петр отказался от московского. По поводу подобных либеральных «вывихов» герценовской мысли В.И. Ленин писал: «...Герцен принадлежал к помещичьей, барской среде. Он покинул Россию в 1847 г., он не видел революционного народа и не мог верить в него. Отсюда его либеральная апелляция к «верхам». Отсюда его бесчисленные слащавые письма в «Колоколе» к Александру II Вешателю, которых нельзя теперь читать без отвращения ... Однако справедливость требует сказать, что, при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх»⁶.

На пути мирного прогресса, который он возвещает, Герцен видит ряд серьезных препятствий: невежество, отсталость, привычку к бесправию, бедность народа. Но задача, которую необходимо разрешить России, проще, чем задачи, которые приходится разрешать революции в западных странах. Она будет состоять не в том, чтобы закладывать основы новой жизни, а в том, чтобы снять груз, тяготеющий над стародавним бытом русского народа. Стародавний быт простого народа не будет разрушен революцией: «на нем-то и созиждется будущая Русь!» (XIII, 21-29).

В том же 1857 г. в статье «Еще вариация на старую тему» Герцен сделал попытку суммировать те мысли о западном и русском социализме, которые он высказывал уже в более ранних статьях, показать их взаимосвязь и наметить, как вывод из их сопоставления, дальнейшие пути осуществления принципов социализма. Западная Европа, пишет Герцен, выработала идеи, с которыми она в реальной жизни не может сладить: ее жизнь не соответствует ее идеям. У России есть свое историческое наследство. Но для того, чтобы вступить во владение этим наследством, она должна овладеть идеями, созданными Западом, ибо они принадлежат всему человечеству. Не следует думать, что идеи, не осуществленные там, где они созданы, не будут осуществлены нигде. Можно представить себе, что забитые массы вырвут из рук монополистов силы, развитые наукой, и сделают из них общее достояние. Можно представить себе также, что собственники, опираясь на правительственную силу и на народное невежество, подавят массы. И в том, и в другом случае идеи социализма останутся жить как великий результат европейской истории и сохранят способность обновлять и улучшать человеческий быт везде, где они найдут подходящую почву. Сомнительно, повторяет Герцен в несколько смягченной форме свою старую мысль, чтобы Европа могла найти близкий и хороший выход из того положения, в котором она сейчас находится. С одной стороны, мещанство сосредоточило в своих руках все богатства, всю промышленность, овладело церковью и правительством, машинами, войском, судом, школами. С другой стороны, невеженность масс, незрелость и шаткость революционной партии не позволяют надеяться на близкое падение мещанства и обновление государственного строя без страшнейшей кровавой борьбы.

Что касается России, то она составляет самобытный мир, крепко сидящий на своей собственной земле и расширяющийся во все стороны. Здесь, как и в цитированном выше письме к Мадзини, Герцен склонен, по-

видимому, положительно оценить результаты этого, расширения. Россия не принадлежит ли к европейскому, ни к азиатскому миру, она принадлежит к миру славянскому. России не приходится бороться ни с римским правом, ни с феодализмом, ни с католицизмом. В основе народной жизни лежит коммунистическое владение землей и выборность. Все это находится в подавленном состоянии, но все это жизнеспособно. Эпоха деспотизма, полагает Герцен, пройдет и оставит после себя неразрывно спаянное государственное единство и силы, закаленные в тяжелой и суровой школе. На нашей колеблющейся почве только и есть консервативного, что сельская община, т.е. только то, что и следует сохранить. Родовая община составляет почву, на которой может произрасти новая жизнь и которой, как нашего чернозема, нет в Западной Европе. «Вот почему, - восклицает Герцен, - ...я середь мрачного, раздирающего душу реквиема, середь темной ночи, которая падает на усталый, больной Запад, отворачиваюсь от предсмертного стоны великого бойца, которого уважаю, но которому помочь нельзя, и с упованием смотрю на наш родной Восток, внутри радуясь, что я русский» (XII, 431-432). Эпоху, которую переживает Россия, Герцен считает необыкновенно важной. Россию ждет освобождение крестьян, причем этот великий экономический переворот может быть совершен мирным путем.

Для решительного скачка вперед нужны лишь понимание и отвага со стороны ведущих. Герцен, очевидно, на этот раз менее уверен в способности монархов совершить великое преобразование мирным путем. Но, как в статье «Революция в России», он настаивает на возможности такого преобразования как единственного в сущности выхода, решительно отрицая надежды на «призрачную революцию», для которой, как он полагает, нет элементов. Задачу людей, осознавших необходимость преобразований, он видит лишь в том, чтобы «будить сознание народа и самого правительства» (XII, 436).

Несколько по-иному ставит Герцен вопрос о предстоящих судьбах русского социализма в статье «Русские немцы и немецкие русские». В западных странах, пишет он, социальный вопрос резко разделяет общество: труд с одной стороны, капитал - с другой, работа с одной стороны, машина - с другой, голод с одной стороны, штыки - с другой. Единственный путь к разрешению этого противоречия - лом и ружье. Эта истина нашла свое яркое выражение в двух фразах: «Жить работая или умереть в бою!» - кричат работники; «У кого есть свинец, у того есть хлеб», - говорит Бланки. Такая постановка вопроса неизбежно вела к требованию полного устранения существующего порядка. Но старый порядок вовсе не был готов уступить свое место. Рабочнические артели не могли выдержать конкуренции с капитализмом и преследований правительства. В этом всеобщем мраке сияет лишь маленький огонек - лучина, зажженная в избе русского мужика. Наш неграмотный мужик приносит с собою на Запад не только запах дегтя, но и какое-то допотопное понятие о праве каждого работника на даровую землю. Будущая Русь может развиваться только в трех началах: право на землю, общинное начало и мирское самоуправление.

Задачи эпохи состоят в том, чтобы, отправляясь от этих начал, сознательно развить заключающиеся в них элементы нового порядка. Ставя перед передовыми людьми эту задачу, Герцен в то же время вновь заявляет о своем отрицательном отношении к кровавой революции. «Мы не верим, - говорит он, - что народы не могут идти вперед иначе, чем по колену в крови. Мы преклоняемся с благоговением перед мучениками, но от всего сердца желаем, чтобы их не было».

Не следует, однако, думать, будто Герцен в рассматриваемый нами период считал, что мирное разрешение социального вопроса полностью обеспечено существующим соотношением общественных сил. В статье «Россия и Польша» он предсказывает возможность страшных битв, которые потрясут общество, если пролетарии и батраки Запада поймут единство своих стремлений с исконными мечтами русского народа и сомкнутся с ним в борьбе за общие цели.

V

Обострение революционной ситуации в начале 60-х годов, рост крестьянского движения внесли в публицистику Герцена ряд новых революционных мотивов, освободили ее от присущих ей в первые годы после воцарения Александра II либеральных годов, от надежд на мирные преобразования, осуществляемые царем, который поймет необходимость вывести Россию на новый путь и станет опираться в своей преобразовательной деятельности на просвещенную часть дворянства. В публицистике Герцена все ярче сказываются революционно-демократические тенденции, предчувствие крестьянской революции.

Из многих произведений, свидетельствующих о резком повороте в политических настроениях Герцена, о его разрыве с утопическими мечтаниями о царе-преобразователе, стоит в качестве примера отметить статью «Искупаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ». Для нее характерен не только разрыв Герцена с монархическими иллюзиями, но и прямой призыв к революционному действию, с которым он обращается к крестьянину. «О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской, - восклицает Герцен, - до тебя, которого... Русь лакеев и швейцаров презирает, которого ливрея зовет черным народом... Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их - и совершенно прав; но веришь еще в царя и в архиерея... не верь им. Царь с ними, и они его. Его ты видишь теперь - ты, отец убитого юноши в Бездне, ты, сын убитого отца в Пензе *****. Он облыжным освобождением сам взялся раскрыть народу глаза и для ускорения послал во все четыре стороны Руси флигель-адъютантов, пули и розги... Крестьяне не поняли, что освобождение - обман, они поверили слову царскому - царь велел их убивать как собак; дела кровавые, гнусные совершились» (XV, 135, 137).

***** В апреле 1861 г. в селе Бездна Казанской губернии и Кандеевка Пензенской губернии были расстреляны войсками и подвергнуты жестоким наказаниям крестьяне, отказавшиеся выполнять барщинные повинности и подчиняться местной администрации.

Если революционный подъем 1861-1863 гг. отразился, как мы видим, самым решительным образом на представлениях Герцена о путях русской революции, то следует, с другой стороны, отметить и обратное влияние - «русского социализма» Герцена на русскую нелегальную революционную литературу этого периода. Так, в прокламации «К молодому поколению» Шелгунова и Михайлова, появившейся осенью 1861 г., очень сильно, в духе герценовского учения о «русском социализме», была подчеркнута вера в особые пути социально-экономического развития России и в спасительную роль русской крестьянской общины⁷.

Следы влияния идей герценовского «русского социализма» чувствуются даже в резко осужденной Герценом прокламации Заичневского «Молодая Россия». В основу будущего общественного порядка революционной России Заичневский совсем в духе пропаганды Герцена кладет земледельческую общину. К земледельческим общинам приписаны все граждане. Все они получают от общин земельные наделы; хотя они и имеют право отказываться от них, уходя из общины на другую работу, все же их связь с общиной не разрывается, выражаясь в выплате назначаемой общиной подати⁸.

Глубоко сочувствуя попыткам создания революционных организаций в России, приветствуя провозглашаемый ими лозунг «земли и воли», как лозунг, уже давно им выдвинутый (XVII, 56), Герцен вместе с тем и в этот революционный период резко отмежевывается от попыток перенесения в Россию методов и требований западного революционного социализма) Как образец таких попыток он осуждает уже упомянутую прокламацию «Молодая Россия». «Молодая Россия» представляется ему двойной ошибкой. Она, по его мнению, является вариантом западного социализма, перепевом традиций Французской революции, которым придана форма призыва к оружию. Он не замечает в ней никакой связи с русскими традициями, с народом. Мысль Запада и его революционный опыт нужны нам, говорит по этому поводу Герцен, но нам не нужна его революционная фразеология. Совершенно невероятно, заявляет Герцен, чтобы русский народ восстал во имя социализма Бланки (XVI, 203-204).

Сказавшееся в оценке «Молодой России» отрицательное отношение к мечтам о повторении в России революционно-социалистического опыта Запада сказывается и в публицистике Герцена последующих годов. Так, в пятом из «Писем к будущему другу» (1866 г.). Герцен несколько иронически именует страсть к насильственным преобразованиям «страстью спасать мир». Этой страсти говорит он, в последнее время нанесли тяжелые удары естественные науки с одной стороны, уроки истории - с другой. Но все же нам представляется, что мы способны создавать миры по образу своему и подобию, что мы можем перестроить на фаланстеры сросшийся веками быт. Эта вера неизбежно должна привести к разочарованию (XVIII, 93).

Другое дело (наши русские традиции, пишет Герцен примерно в это же время в письме к Э.Кине. Мы предвестники нового отношения к земле. Мы пытаемся развить индивидуальную свободу без отказа от права на землю, стремимся ограничить абсолютное право земельной

собственности абсолютным правом каждого на земельное владение. Нам, привыкшим к полевым земельным переделам, легче разрешить этот вопрос в социальном смысле. Такое отношение к земле есть для России факт естественный; мы хотим развить его с помощью науки и опыта Запада (XVIII, 98).

Среди произведений Герцена 60-х годов особое значение для понимания его представлений о путях развития «русского социализма» имеет «Письмо к Гарибальди» (1863 г.). Социальная религия народа русского, - пишет Герцен, - состоит в признании неотъемлемых прав каждого члена общины владеть известным паем земли». Право народа на землю никогда не оспаривалось. Отнять его невозможно, так как крестьянин твердо верит в незыблемость своего права на землю. Сейчас могут быть отмечены в отношении земельной собственности в России две опасные тенденции: тенденция к раздроблению и тенденция «правительственного коммунизма». Против этих тенденций необходимо бороться. Для того, чтобы найти настоящий путь нашего социального развития, надо исходить, с одной стороны, из самого быта и устройства общины, с другой - из западной социальной науки, не нашедшей себе применения в Европе.

Сельская община - ячейка будущего государственного устройства, основанного на самоуправлении, с избираемой администрацией и выборным судом. На пути развития такого самоуправления было два препятствия: крепостное право и давление государственной власти; одно из этих препятствий пало, необходимо покончить и с другим. Но нельзя ждать таких реформ от самого государства. Дело касается его собственных привилегий, которые дороже ему, чем права дворянства. Правительство способно только обещать реформы, но неспособно их совершить. Оно повернуло в сторону реакции, и этот процесс необходимо во что бы то ни стало остановить. А для того чтобы узнать, чего хочет народ, к чему он стремится, необходимо созвать Земский собор, всенародный и всесословный, со всеобщим избирательным правом. Если бы правительство согласилось - тем лучше, если же нет - надо его заставить созвать Собор или созвать его помимо правительств (XVIII, 21-26)⁹. На таком Соборе были бы представлены, с одной стороны, носители народных традиций и обычаев - старообрядцы, а с другой стороны - носители современной науки: мелкое дворянство, офицеры, студенты, окончившие курс, дети духовного происхождения - сословие, нигде не существующее, кроме России, мелкие чиновники. Дворянство как замкнутый класс потеряло всякое значение, ему остается одно - низшим слоем своим «распуститься в народ».

Чего же мы хотим? - продолжает Герцен. - Мы хотим распространения выборного начала на весь административный и судебный порядок, мы хотим облегчить ликвидацию дворянства, чужедного и вредного, мы хотим уничтожить правительство противонародное и противочеловеческое. Нет воли без земли, но, с другой стороны, мы утверждаем, что земля не крепка без воли. Свобода без материальной точки опоры ничего не стоит.

В 1865 г. Герцен опубликовал в «Колоколе» серию статей, в которых он вновь возвращается к теме социализма западного и социализма русского («Письма к путешественнику»). Многие в этих статьях напоминает герценовскую пропаганду начала 50-х годов («La Russie», «Русский народ и социализм» и др.). В основном социальное мировоззрение Герцена осталось тем же, но прошедшие годы - годы исключительно важные для общественно-политического развития России - не могли не внести новые черты в аргументацию Герцена, в его представления об отношении к делу социального прогресса различных общественных сил.

Развитие России и западных стран, вновь напоминает Герцен свое старое положение, шло различными путями. Русскому народу было не по плечу западное устройство. В этом одно из величайших его достоинств, и этим объясняются особенности его грядущего развития. Герцен понимает, что силы голода и нищеты толкают французского работника в сторону коммунизма. Но он по-прежнему, как и 20 лет назад, не верит в то, что пиру правящих классов приближается скорый конец. У нас в России прочно стоит только деревенский порядок, все прочее - только временный балаган. В деревне господствует бытовой исконный социализм. Наша (задача - сочетать с этим общинным устройством обеспечение прав личности) Этот сырой материал нашего быта, прикрытый царской порфирой и всякой дребеденью, не был нам понятен, пока западные социальные теории не показали нам его значение как частного случая нового экономического устройства. Наш гражданский катехизис - социализм, и если бы даже западный социализм умер, это мало значило бы для нас.

2 мая 1865 г. Герцен действительно обратился к Александру II с письмом, свидетельствующим о том, что он все еще не был в состоянии полностью расстаться со своими либеральными иллюзиями конца 50-х годов «Вы сильнее ваших предшественников...», - писал он.- Вы стали ближе к народу не во имя консервативного, а во имя революционного начала» (XVIII, 341).

При всем сходстве основных мотивов пропаганды Герцена в 50-е и 60-е годы некоторых новых оттенков нельзя не отметить 10. Характеристика судеб западноевропейского социализма далеко не столь мрачна, как она была в годы, непосредственно следовавшие за революцией. Былые почти апокалиптические тона теперь отсутствуют. Нет былой уверенности в неизбежности катастрофы старого мира и, соответственно, в спасительной роли русского социализма. Герцен еще упоминает о возможной смерти западного социализма, но в весьма условной форме: если бы даже западный социализм умер, это мало значило бы для нас.

А с другой стороны, он видит, что старый, дореволюционный социализм западных стран дал ростки, и влияние этих ростков дает себя чувствовать: сен-симонизм, фурьеризм, триады Леру, полемика Прудона, романы Ж. Санд, Сю, Гюго - все это принялось и проросло. Добродушная голова старика Оуэна просвечивает во всех кооперативных начинаниях Англии¹¹. Все они пролагают дорогу социальным преобразованиям.

Республиканцы 1848 г., говорит Герцен, дали пример всем монархам, как нужно подавлять противников. Но подавление противников не уничтожило идей. Конечно, в общем характере социалистического движения произошли значительные изменения.

Герцен прекрасно понимает и отмечает различия между «побегами» социализма в 60-е годы и утопиями былого времени. Герцен считает, что утописты сыграли свою роль, поставив основные социальные вопросы, и больше они ничего не дадут. «Страстная, вдохновенная форма, в которой является новое учение..., - пишет он, - его церковные ризы, его фантазия, не знающая пределов, его фанатизм, не знающий сомнений, его юная нетерпимость... все это на месте вначале. Без идеалов, без поэзии люди не оставляют ода свой, чтобы идти за учителем». Но дальше должна пойти ежедневная суровая работа с ее трудными путями, с ее компромиссами. Нелепо говорить языком прошедшего времени (XVIII, 363).

Немало новых нот может быть отмечено и в герценовской характеристике русских отношений. Мы знаем, что в 40-х и начале 50-х годов острей герценовской критики было направлено против царской власти и созданного ею аппарата управления, включая в него и высшее привилегированное дворянство. Эта «петербургская» организация управления представлялась Герцену чужеродным наростом на здоровом теле русского народа с его исконным и обеспечивающим ему великое будущее общинным порядком. В недрах самого народа Герцен не находил сил, которые были бы враждебны его социальному прогрессу. В 1865 г. его внимание сосредоточено в первую очередь на реакционных настроениях в самом обществе. Не удивительно, пишет он, что штык колет, Жандарм доносит, а правительство вешает. Герцена поражают и волнуют не реакционные тенденции, проявляемые правительством, а реакционные настроения Английского клуба, дворянских сходок, профессорских конференций. Уроки общественной реакции освобождают Герцена от его былой веры в то, что дворянство в лице своей наиболее культурной части возглавит движение вперед всего русского общества. Холопство общественных кругов, говорит он, ясно показывает в российском дворянстве потомков Ноздревых, Собакевичей и Фамусовых. Пусть же они не представляют себя Гемпденами и Лафайетами^{*****}. Русские дворяне, за исключением декабристов, ничего не сделали для народа.

Констатируя факт распространения реакционных настроений в русском обществе, Герцен, однако, оказывается совершенно не в состоянии вскрыть исторические корни этой реакции, отражающие классовые взаимоотношения. Россия по-прежнему представляется ему царством крестьянским, сельским; все исходит из села, и все вернется в

***** Дж. Гемпден (1594-1643) - деятель Английской буржуазной революции, один из лидеров парламентской оппозиции королю, затем - активный сторонник Кромвеля. Маркиз Лафайет (1757-1834) - популярный французский политический деятель, участник Войны за независимость в Америке, во время Французской буржуазной революции - командующий Национальной гвардией.

в него. Он по-прежнему весьма наивно выражает недоумение по поводу того ужаса, который вызывают в русском обществе идеи социализма. В Европе социализм угрожал традициям старого быта и потому вызывал отпор, утверждает Герцен, у нас этого быта нет (Герцен, очевидно, имеет в виду буржуазный порядок). Откуда же у нас такая вражда к социализму? Переход к социализму несет у нас ущерб только крупным помещикам. Восставая против социализма, люди независимо от своего желания становятся на сторону закостенелого консерватизма. Это и понятно, так как социализм - неизбежный результат всего исторического развития человечества. Социалистический переворот не является чем-то противоположным революции политической - он ее неизбежный исход. Политическая революция и социализм - две станции на одной и той же дороге. Все политические вопросы упираются в конце концов в вопрос о народном благосостоянии. Беда социализма в том, что он преждевременно бросился в атаку на своего противника. Он был отбит, и это должно его научить лишь тому, чтобы точнее рассчитывать силы. Всю цепь этих рассуждений, направленных к защите идей социализма перед колеблющимися элементами русского прогрессивного общества, Герцен завершает несколько странно, особенно в русской обстановке, не призывом к борьбе, а призывом отбросить старое знамя антагонизма.

В предшествовавших работах, сосредоточивая внимание на тех особенностях русского быта, в которых он видел зародыши социализма, Герцен почти не замечал (или, может быть, предпочитал о них умалчивать) растущих в русской экономике зародышей новых буржуазных отношений, грозящих нанести смертельный удар его надеждам. В середине 60-х годов эти тенденции к переходу русской экономики на рельсы того же самого «буржуазного быта», который Герцен считал отличительной особенностью западных стран, становились уже настолько заметными, что начали вызывать у Герцена серьезную тревогу. Исторических причин их возникновения он не понимал, сводя эти причины к ошибочной экономической политике правительства, которому чуждо понимание особого пути хозяйственного развития России - от первобытной общины к социалистическому порядку. У наших противников, говорит Герцен, нет ни ума, ни образования, ни единства цели. Политика правительства бестолкова, от него нечего ждать разума и справедливости, но одно в ней действительно страшно: она подталкивает крестьян к насильственному разделу общинных земель. Она соблазняет крестьян буржуазной собственностью. «Буржуазная оспа» теперь «на череду» в России. В борьбе с этими тенденциями Герцен видит первоочередную и основную задачу. «Мы не поступимся нашей верой, - восклицает он, - мы не впадем в отчаяние». Россия еще не сокрушилась с того пути, по которому она призвана идти; препятствия на ее пути искусственные. Концепция, которую развивает здесь Герцен, - об особом пути экономического развития России - получила в 70-е годы дальнейшую разработку в трудах теоретиков народничества.

Кому суждено вести Россию к предназначенным ей целям, - этот вопрос в рассматриваемой нами статье Герцен предпочитает оставить открытым. В статье «К концу года» (того же 1865 г.) он повторяет

сказанное в 1857 г.: «От души предпочитаем путь мирного человеческого развития..., но с тем вместе так же искренно предпочитаем самое бурное и необузданное развитие - застою николаевского status quo» (XVIII, 455).

Несмотря на все пережитое в начале 60-х годов, Герцен все же допускал возможность того, что царь произведет коренные изменения сверху, хотя в сущности уже не верил в то, что Александр II окажется таким преобразователем¹². Но в то же время он приветствует и возможный революционный переворот с Пестелем, или Емельяном Пугачевым, или Антоном Безднинским во главе (XVIII, 368). Кто бы ни был будущий преобразователь Руси, Герцен призывает встретить его хлебом-солью.

Оценка исторической роли «русского социализма» претерпевает в произведениях Герцена 60-х годов заметные изменения. 50-е годы «русский социализм» представлялся силой универсального значения, определяющей не только судьбы России, но и единственной силой, способной вывести Европу из тяжкого состояния реакции, в которое она была повергнута в результате поражения в 1848 г. «социализма западного» 60-е годы «русский социализм» чаще всего выступает у Герцена (хотя иногда мы и в это время обнаруживаем отголоски старых воззрений) как всего лишь один из вариантов социалистического движения, как вариант, характерный для России, но отнюдь не вытесняющий с исторической арены другие разновидности социализма, которые, как оказывается, вовсе не обречены на исчезновение и продолжают играть, хотя и в новых формах, свою прогрессивную роль не только в странах Запада, но даже и на родине «русского социализма».

Намеки на такой сдвиг - признание жизнеспособности европейского социализма - мы видим уже в «Письмах к путешественнику». В статье «К концу года», полемизируя с Э.Кине, Герцен намечает два пути движения к социализму: один для России, другой для Запада. Для Запада социализм - «заходящее солнце», для русского народа - восходящее. Вы, обращается Герцен к Кине, пойдете «пролетариатом к социализму, мы социализмом к свободе» (XVIII, 469).

Пожалуй, самое замечательное в этом ряду заявлений Герцена - его характеристика различных социалистических течений в России 60-х годов в статье «Порядок торжествует!» (1867 г.). Мы русским социализмом, - пишет здесь Герцен, - называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления, - и идет вместе с рабочей артелью навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука. Название это тем необходимее, что рядом с нашим учением развивались с огромным талантом и пониманием теории чисто западного социализма, и именно в Петербурге (XIX, 193). Это раздвоение Герцен считает совершенно естественным. Между двумя течениями не было, утверждает он, никакого антагонизма.

Первыми представителями петербургского течения в социализме были петрашевцы. За ними следовала «сильная личность» Чернышевского, оригинального социального мыслителя, не принадлежащего ни к какой из старых школ. Чернышевский пытался взять в свои руки управление движением. Он опирался на среду городскую, университетскую. Его сторонниками были исключительно пролетарии, интеллигенты. Большую заслугу Чернышевского, Михайлова и их друзей составляло то, что они впервые в России поставили вопрос об освобождении женщины. Пропаганда Чернышевского провела черту между подлинными революционными элементами и средой, прикидывающейся либеральной, а на самом деле «слегка бюрократической и слегка крепостнической». (Идеалом группы Чернышевского была организация мастерских и совокупный труд. Герцен отмечает далее появление большого числа социалистических кружков в Москве, Петербурге и в других городах, кружков, деятельно занимавшихся пропагандой общих целей социализм. Герцен признает большое историческое значение этого течения в социализме и считает, что его собственная пропаганда и пропаганда Чернышевского взаимно дополняли друг друга.

В условиях наступившей реакции Герцен призывает вести борьбу во имя прежней программы. Не смущаясь тем, что история идет «грязными путями», он призывает высоко держать знамя, поднятое прогрессивными силами России против знамени, водруженного на Зимнем дворце. Как бы резюмируя свою оценку различных течений в русском социалистическом движении, Герцен призывает к единству социалистических сил мы ли будем держать поднятое нами знамя «земли и воли» или другие - не в этом дело. Важно то, что это знамя поднято (XIX, 193-195, 199).

Констатируя факт распространения реакционных настроений в русском обществе, Герцен, однако, оказывается совершенно не в состоянии вскрыть исторические корни этой реакции, отражающие классовые взаимоотношения. Россия по-прежнему представляется ему царством крестьянским, сельским; все исходит из села, и все воротится в него. Он по-прежнему весьма наивно выражает недоумение по поводу того ужаса, который вызывают в русском обществе идеи социализма. В Европе социализм угрожал традициям старого быта и потому вызывал отпор, утверждает Герцен, у нас этого быта нет (Герцен, очевидно, имеет в виду буржуазный порядок). Откуда же у нас такая вражда к социализму? Переход к социализму несет у нас ущерб только крупным помещикам. Восставая против социализма, люди независимо от своего желания становятся на сторону закостенелого консерватизма. Это и понятно, так как социализм - неизбежный результат всего исторического развития человечества. Социалистический переворот не является чем-то противоположным революции политической - он ее неизбежный исход. Политическая революция и социализм - две станции на одной и той же дороге. Все политические вопросы упираются в конце концов в вопрос о народном благосостоянии. Беда социализма в том, что он преждевременно бросился в атаку на своего противника. Он был отбит, и это должно его научить лишь тому, чтобы точнее рассчитывать силы. Всю

цепь этих рассуждений, направленных к защите идей социализма перед колеблющимися элементами русского прогрессивного общества, Герцен завершает несколько странно, особенно в русской обстановке, не призывом к борьбе, а призывом отбросить старое знамя антагонизма.

В предшествовавших работах, сосредоточивая внимание на тех особенностях русского быта, в которых он видел зародыши социализма, Герцен почти не замечал (или, может быть, предпочитал о них умалчивать) растущих в русской экономике зародышей новых буржуазных отношений, грозящих нанести смертельный удар его надеждам. В середине 60-х годов эти тенденции к переходу русской экономики на рельсы того же самого «буржуазного быта», который Герцен считал отличительной особенностью западных стран, становились уже настолько заметными, что начали вызывать у Герцена серьезную тревогу. Исторических причин их возникновения он не понимал, сводя эти причины к ошибочной экономической политике правительства, которому чудно понимание особого пути хозяйственного развития России - от первобытной общины к социалистическому порядку. У наших противников, говорит Герцен, нет ни ума, ни образования, ни единства цели. Политика правительства бестолкова, от него нечего ждать разума и справедливости, но одно в ней действительно страшно: она подталкивает крестьян к насильственному разделу общинных земель. Она соблазняет крестьян буржуазной собственностью. «Буржуазная оспа» теперь «на череду» в России. В борьбе с этими тенденциями Герцен видит первоочередную и основную задачу. «Мы не поступимся нашей верой, - восклицает он, - мы не впадем в отчаяние». Россия еще не сокрушилась с того пути, по которому она призвана идти; препятствия на ее пути искусственные. Концепция, которую развивает здесь Герцен, - об особом пути экономического развития России - получила в 70-е годы дальнейшую разработку в трудах теоретиков народничества.

Кому суждено вести Россию к предназначенным ей целям, - этот вопрос в рассматриваемой нами статье Герцен предпочитает оставить открытым. В статье «К концу года» (того же 1865 г.) он повторяет сказанное в 1857 г.: «От души предпочитаем путь мирного человеческого развития..., но с тем вместе так же искренно предпочитаем самое бурное и необузданное развитие - застою николаевского status quo» (XVIII, 455).

Несмотря на все пережитое в начале 60-х годов, Герцен все же допускал возможность того, что царь произведет коренные изменения сверху, хотя в сущности уже не верил в то, что Александр II окажется таким преобразователем¹². Но в то же время он приветствует и возможный революционный переворот с Пестелем, или Емельяном Пугачевым, или Антоном Безднинским во главе (XVIII, 368). Кто бы ни был будущий преобразователь Руси, Герцен призывает встретить его хлебом-солью.

Оценка исторической роли «русского социализма» претерпевает в произведениях Герцена 60-х годов заметные изменения. 50-е годы «русский социализм» представлялся силой универсального значения, определяющей не только судьбы России, но и единственной силой, способной вывести Европу из тяжелого состояния реакции, в которое она

была повергнута в результате поражения в 1848 г. «социализма западного» 60-е годы «русский социализм» чаще всего выступает у Герцена (хотя иногда мы и в это время обнаруживаем отголоски старых воззрений) как всего лишь один из вариантов социалистического движения, как вариант, характерный для России, но отнюдь не вытесняющий с исторической арены другие разновидности социализма, которые, как оказывается, вовсе не обречены на исчезновение и продолжают играть, хотя и в новых формах, свою прогрессивную роль не только в странах Запада, но даже и на родине «русского социализма».

Намеки на такой сдвиг - признание жизнеспособности европейского социализма - мы видим уже в «Письмах к путешественнику». В статье «К концу года», полемизируя с Э.Кине, Герцен намечает два пути движения к социализму: один для России, другой для Запада. Для Запада социализм - «заходящее солнце», для русского народа - восходящее. Вы, обращаясь к Кине, пойдете «пролетариатом к социализму, мы социализмом к свободе» (XVIII, 469).

Пожалуй, самое замечательное в этом ряду заявлений Герцена - его характеристика различных социалистических течений в России 60-х годов в статье «Порядок торжествует!» (1867 г.). Мы русским социализмом, - пишет здесь Герцен, - называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления, - и идет вместе с рабочей артелью навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука. Название это тем необходимее, что рядом с нашим учением развивались с огромным талантом и пониманием теории чисто западного социализма, и именно в Петербурге (XIX, 193). Это раздвоение Герцен считает совершенно естественным. Между двумя течениями не было, утверждает он, никакого антагонизма.

Первыми представителями петербургского течения в социализме были петрашевцы. За ними следовала «сильная личность» Чернышевского, оригинального социального мыслителя, не принадлежащего ни к какой из старых школ. Чернышевский пытался взять в свои руки управление движением. Он опирался на среду городскую, университетскую. Его сторонниками были исключительно пролетарии, интеллигенты. Большую заслугу Чернышевского, Михайлова и их друзей составляло то, что они впервые в России поставили вопрос об освобождении женщины. Пропаганда Чернышевского провела черту между подлинными революционными элементами и средой, прикидывающейся либеральной, а на самом деле «слегка бюрократической и слегка крепостнической». Идеалом группы Чернышевского была организация мастерских и совокупный труд. Герцен отмечает далее появление большого числа социалистических кружков в Москве, Петербурге и в других городах, кружков, деятельно занимавшихся пропагандой общих целей социализма. Герцен признает большое историческое значение этого течения в социализме и считает, что его собственная пропаганда и пропаганда Чернышевского взаимно дополняли друг друга.

В условиях наступившей реакции Герцен призывает вести борьбу во имя прежней программы. Не смущаясь тем, что история идет «грязными путями», он призывает высоко держать знамя, поднятое прогрессивными силами России против знамени, водруженного на Зимнем дворце. Как бы резюмируя свою оценку различных течений в русском социалистическом движении, Герцен призывает к единству социалистических сил мы ли будем держать поднятое нами знамя «земли и воли» или другие - не в этом дело. Важно то, что это знамя поднято (XIX, 193-195, 199).

Последний раз Герцен обратился к вопросу о социализме и социалистическом перевороте в письмах «К старому товарищу». Письма были задуманы как полемическое выступление против Бакунина, но имеют гораздо более общее значение. Это, несомненно, одно из самых продуманных сочинений Герцена по социальным вопросам.

Первое письмо имеет эпиграф из Бентама: «Одни мотивы, как бы они ни были достаточны, не могут быть действительны без достаточных средств». Именно вопрос о средствах социального преобразования и составляет основную тему писем.

Серьезный вопрос современности - один, утверждает Герцен, это - вопрос о социализме. Герцен считает, что относительно целей необходимого социального преобразования не существует разногласий (очевидно, в среде русских революционеров). Но разногласия возникают немедленно, как только речь заходит о средствах, Герцен признает, что его собственные взгляды по этому вопросу менялись. Пройдя юношеский этап, они вступили в период опытов и экспериментов, затем прошли период критики и жалоб 1 и сейчас приближаются к своему совершеннолетию.

В. П. ВОЛГИН

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.

М.: Наука. 1976

Vive Liberta, 2010

Герцен полагает, что прогрессивное меньшинство общества еще не дошло до полного понимания «грядущего быта» и практических путей к нему. Часть городского населения, работники, стремятся выйти из существующего положения, но ей противостоит другая и самая многочисленная часть со старым, отсталым мирозерцанием, с предрассудками, связывающими ее с существующим строем. Простым отрицанием этого мирозерцания ничего не достигнешь. Так как основное препятствие - в недостаточном понимании, вопроса не сможет также разрешить никакой *coup d'etat* ^{*****}, ибо рост понимания является результатом внутренней работы, которую нельзя ускорить с помощью толчков» Вспоминая об уроках реформаторской деятельности Петра I и французского конвента, Герцен отмежевывается от бакунинской формулы: «Die zerstorende Lust ist eine schaffende Lust» ^{*****}, предупреждая, что поспешность в разрушительной работе опасна, ибо наряду со старым хламом разрушаются обычно и старые сокровища. Исходя из своего идеалистического представления о движущих силах социального переворота, Герцен утверждает, что революция 1848 г. не удалась потому, что восставшие не обладали ясным пониманием целей. Если бы даже движение 1848 г. победило, отсутствие «построяющей мысли» привело бы их к застою и голодной смерти.

Мы ясно видим, продолжает Герцен, что царству капитала пришел конец, как некогда он пришел царству феодальному. Переворот начался в сознании работников, как в XVIII в. он начался в сознании буржуазии. Путем взрыва можно разрушить буржуазный мир, но это не мешает ему возродиться в каких-нибудь новых формах буржуазный мир не изжил себя, заявляет Герцен, вступая в противоречие со взглядами, которые он не раз высказывал раньше. А с другой стороны, противники буржуазии не имеют еще разработанного плана нового общества) среда, которой предстоит взять на себя задачу его построения, еще не готова к ее выполнению. Насилием можно лишь расчистить место для постройки нового здания. Все те проекты построения социалистического общества, которые предлагали старые коммунисты - Бабеф и Кабе, представляются Герцену проектами каторжного равенства и коммунистической барщины.

Старый порядок вещей крепче признанием его, чем материальной силой, «его поддерживающей»¹³. С народным сознанием возможно бороться лишь как с естественным явлением, изучая его и направляя его сообразно нашим целям.

Во втором письме Герцен переходит к вопросу о той силе, которая, очевидно, является, по его мнению, основной движущей силой социализма. И здесь мы встречаемся с интересным фактом. Мысль Герцена после многолетних поисков такой силы в «исконной сельской общине» и в специфически русском артельном начале вновь

возвращается на Запад, к организации «западного социализма», к Международному товариществу рабочих.

«Международные рабочничьи съезды», говорит Герцен, становятся судилищами, на которых разбираются все социальные вопросы. Их конечная цель - боевая цель, но они сохраняют спокойствие, сила которого пугает капиталистов. Было бы несчастьем, если бы они сошли с этой стези, заявляет Герцен, вновь подчеркивая, что предпочитает мирные методы борьбы. «Работники, соединяясь между собой, выделяясь в особое «государство в государстве», достигающее своего устройства... помимо капиталистов и собственников..., составляют первую сеть и первый всход будущего экономического устройства. Международный союз может вырасти в Авентинскую гору а l'interieur ^{*****} - отступая от нее, мир рабочий, сплоченный между собой, покинет мир, пользующийся без работы, на свою доходную непроизводительность... и он, отлученный, *polens-volens* пойдет на сделки» (XX, 582).

Но силы старого общества, предостерегает Герцен, могут схватиться за оружие раньше, чем новые силы смогут построиться. Понимая и оценивая всю опасность такого поворота дел для рабочего движения, Герцен все же, как бы предупреждая возможность неправильных выводов, еще раз повторяет: понимание и обсуждение - наше единственное оружие. Мы стремимся выйти в мир свободы и разума. Всякие попытки свести нас с этого пути приведут к страшнейшим столкновениям и - что еще хуже - почти к неминуемым поражениям. Я не верю в серьезность людей, продолжает Герцен, предпочитающих ломку и грубую силу развитию и сделкам. Людям нужна неустанная проповедь, равно обращенная к работнику и хозяину, к земледельцу и мещанину. В наше время массы народа с недоверием смотрят на тех, кто призывает их к оружию. Герцен понимает, что его рассуждения вызовут резкое порицание, на этот раз главным образом со стороны приверженцев насильственной революции, в том числе и анархистов бакунинского толка. «Я нисколько не боюсь, - как бы отвечает он им, - слова «постепенность», опошленного шаткостью и неверным шагом разных реформирующих властей... Между конечными выводами и современным состоянием есть практические облегчения, компромиссы, диагонали, пути. Понять, которые из них короче, удобнее, возможнее, - дело практического такта, дело революционной стратегии» (XX, 583).

Герцен считает нужным предостеречь рабочих от вмешательства в дела их организации представителей власти. Союзы рабочих должны становиться «вольным парламентом четвертого состояния» и свободно вырабатывать свою будущую организацию. С другой стороны, Герцен, подобно Лассалю, на которого он в этом вопросе ссылается, не считает разумным отказываться от государства как от одного из орудий социального преобразования. Из того, что государство преходяще, не следует, что оно уже - прошедшее. Государство - основная политическая

***** По преданию, в 494 г. до н.э. в древнем Риме плебеи, боровшиеся с патрициями, в знак протеста против притеснений удалились на Авентинский холм: а l'interieur (фр.) - «внутри» (т.е. внутри буржуазного мира).

***** «Coup d'etat» (фр.) - «государственный переворот».

***** «Die zerstorende Lust ist eine schaffende Lust» (нем.) - «Страсть разрушения есть творческая страсть». Слова М.Бакунина из статьи: «Die Reaktion in Deutschland. Fragment eines Franzosen». - «Deutsche Jahrbucher fur Wissenschaft und Kunst», 1842, № 247-251.

форма существующего общества, но она изменяется с обстоятельствами. Уничтожение государства невозможно, добавляет Герцен, пока в других странах оно сохраняется.

Герцен представляет себе, что старые формы политического устройства общества с ростом организации работников не смогут выдержать напора и разорвутся. Этот момент разрыва грозит движению известными опасностями. Ломка старых форм может оттолкнуть большинство народа, может поднять все крестьянское население, а мы знаем, прибавляет Герцен, упорную силу и упорную косность крестьян. Интересно, что в связи с этим Герцен считает нужным предостеречь борцов за дело прогресса от чрезмерного увлечения идеей всеобщего избирательного права: «Всеобщая подача голосов, навязанная неприготовленному народу, - говорит он, имея в виду, очевидно, Францию 1848 г., - послужила для него бритвой, которой он чуть не зарезался» (XX, 584).

Возвращаясь к вопросу о крестьянстве, Герцен высказывает ряд соображений о различии между крестьянами русскими и крестьянами западными. Русский крестьянин привязан к общине, западный крестьянин привязан к земле собственностью, которая знаменует для него свободу, определяет его значение в обществе, удовлетворение его вековых мечтаний. Трудно убедить его, несмотря на все неудобства дробления земли, отказаться от собственности. Набросав в самых общих чертах характеристику того пути, который должен, по его мнению, привести работников к социальному преобразованию, и отметив главную опасность, стоящую на этом пути (отношение к перевороту крестьянства), Герцен еще раз подчеркивает изменение своих взглядов на способы преобразования.

После июньских дней, говорит он, я звал к разрушению, не зная даже, к чему оно приведет. С тех пор минуло 20 лет. Это время дало досуг для наблюдения и размышления. И после этого мы стали по-разному смотреть на многие вопросы. «Ты рвешься вперед по-прежнему со страстью разрушения, которую принимаешь за творческую страсть... Я не верю в прежние революционные пути» (XX, 596). Считая необходимым тщательно изучать ход истории и настроение народа, чтобы идти с ним в ногу и не ставить неосуществимых задач, Герцен, с другой стороны, предостерегает от слепого фатализма, утверждающего, что люди неспособны двигать события, а могут лишь плыть по течению; в действительности, говорит Герцен, понимание людей и их личная энергия способны воздействовать на развитие общества: личность создается событиями, но и события осуществляются личностями. Твердо убежденный в преимуществах мирного пути развития, Герцен считает, однако, вероятным, что упорное сопротивление консервативной части общества может все же вызвать взрыв. Если это произойдет, в катаклизме погибнет и капитал, в котором «оседало» все культурное наследие человечества.

Ни в одном из своих произведений Герцен не подходил так близко к пониманию великого исторического значения международного рабочего движения, как в письмах «К старому товарищу». Организация

«Интернационала» как будто воскресила в его сознании представления о решающей роли работников в деле общественного преобразования, сложившиеся еще в 40-е годы, взгляды, занимавшие второстепенное место в более поздних произведениях. Полного понимания этой роли мы не находим, конечно, и здесь. Герцену до конца оставалось чуждым научное понимание социалистической революции как революции пролетариата. Взгляды, высказанные им во втором письме «К старому товарищу», напоминают скорее идеи Оуэна периода его наибольшей близости с английским профессиональным движением и в некоторой мере как бы предвещают позднейшие английские и французские течения «аполитического» социализма (гильдейский социализм и т.п.).

Упорная защита в письмах «К старому товарищу» идей мирного перехода к социализму привлекла к этому произведению Герцена, несмотря на его попытки отмежеваться от опошляющих понятие постепенности реформистских начинаний, особое внимание и особый интерес со стороны социалистов-оппортунистов последующих десятилетий. Но это не помешало В.И.Ленину дать высокую оценку последнему произведению Герцена. Отметив в нем столь понравившиеся оппортунистам «буржуазно-демократические» ноты, В.И.Ленин писал: «Но все же таки, разрывая с Бакуниным, Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к Интернационалу, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс, - к тому Интернационалу, который начал «сбирать полки» пролетариата, объединять «мир рабочий», «покидающий мир пользующихся без работы!»¹⁴

На протяжении всей своей публицистической деятельности Герцен выступал в качестве горячего сторонника и пропагандиста идей социализма. Тем не менее говорить о социалистической системе Герцена не приходится. Целый ряд важнейших вопросов социалистической теории Герцен вовсе не затрагивает ни в одном из своих произведений. Прежде всего приходится сказать, что его указание на неразработанность «понимания грядущего быта» и практических путей к нему относится в первую очередь к его собственному творчеству. С другой стороны, в тех вопросах теории социализма, которых он касался, он часто высказывал мнения, одно другому противоречащие и не всегда продуманные, представляющие слишком поспешную реакцию на явления европейской и русской политической жизни.

Социализм Герцена в 40-е годы и «русский социализм» 50-х годов существенно отличаются друг от друга. В произведениях 60-х годов как будто намечаются тенденции к синтезу этих двух построений; наконец, в письмах «К старому товарищу» налицо явные признаки нового поворота, завершить который помешала преждевременная смерть мыслителя.

Несмотря на все сказанное, историческое значение социалистической пропаганды Герцена громадно. Его работы первого периода публицистической деятельности - периода «Писем из Франции и Италии» и «С того берега» - можно считать первыми в русской литературе произведениями, отражающими реакцию интеллигенции не только на жестокости николаевского деспотизма, но и на зарождающиеся ростки новых, буржуазных отношений. Они прекрасно служили делу

распространения в России западноевропейских социалистических идей и к тому же свидетельствовали о большой самостоятельности социальной мысли

Герцена, сумевшего, исходя из учения утопистов и западного революционного движения, подняться на высоту, которой не мог достигнуть никто из социалистов домарковского времени. Герцен понял и первым разъяснил русскому читателю ту роль, которую призван играть в социалистическом движении рабочий класс, хотя ему и было чуждо подлинное научное материалистическое понимание классовой борьбы пролетариата, ее исторического развития и ее неизбежных результатов.

Неудача февральской революции и наступившая после июньских дней реакция потрясли Герцена, но не заставили его отказаться от убеждения в социалистическом будущем человечества. Утратив веру в существование в буржуазных странах сил, способных очистить их от капиталистической скверны и привести к социализму, он вообразил, что нашел эти силы в родной ему России - в исконной русской сельской общине. Это привело мыслителя к созданию особого, «русского» социализма, являющегося попыткой осмыслить, исходя из достижений передовой мысли Западной Европы, социальные чаяния пролетаризирующегося русского крестьянства. Совершенно утопический по своему обоснованию, не чуждый - в силу этого - некоторого реакционного привкуса, «русский социализм» Герцена сыграл, однако, значительную роль в развитии социальных идей в России, послужив одним из исходных пунктов для очень своеобразного течения русской общественной мысли - для так называемого народничества 70-х - 80-х годов.

Вместе с тем Герцен со своими поисками научного обоснования социалистического идеала, со своим обращением к международному рабочему движению (что отразилось в письмах «К старому товарищу») выступает, по определению В.И.Ленина, как предшественник русской социал-демократии, предшественник марксизма.

1 М.Е.Салтыков-Щедрин. Полн.собр.соч., т.XIV. Л., 1936, стр.161, 162, 199.

2 «Мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала - дворяне и помещики, декабристы и Герцен» (В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.21, стр.261).

3 Для Герцена, как и для всех его современников, единственным источником сведений об аграрной программе Пестеля была книга Н.И.Тургенева «Россия и русские», в которой мемуарист, рассказывая о своих спорах с Пестелем в 1824 г., ошибочно характеризовал его планы «обобществления земельной собственности» как русский вариант утопических теорий Роберта Оуэна и Фурье («La Russie et les Russes», t.1. Paris, 1847, p.129-130). Подробнее об этом см. комментарии Ю.Г.Оксмана к письму Н.П.Огарева декабристу С.Г.Волконскому от 8 июля 1861 г. («Литературное наследство», т.63, стр.102-106).

4 Ссылки на произведения А.И.Герцена даются по изданию: А.И.Герцен. Полное собр. соч., т.I-XXX. М., 1954-1966. Римские цифры означают номера томов, арабские - страницы.

5 Сопоставление учения Сен-Симона (однако ни в коем случае не Анфантена) с третьей фазой христианства встречается у Герцена неоднократно (см., например, XXI, 423-424).

6 В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.21, стр.259.

7 См. «Прокламации шестидесятих годов». М.-Л., 1926, стр.41-58.

8 Там же, стр.65.

10 Об этом же см. Ю.Г.Оксман. Известные строки Герцена о «русском социализме». - В кн.: «Проблемы изучения Герцена». М., 1963, стр.9-15.

11 Встрече с Оуэном в 1852 г. Герцен посвятил прочувствованную статью, вошедшую в состав «Былого и дум».

12 Отметим, что в 1866 г. Герцен писал Александру II: «Так трудно мне окончательно расстаться с мыслью, что вы вовлечены другими (курсив наш. - В.В.) в тот исторический грех, в ту страшную неправду, которая совершается возле вас» (XIX, 82).

13 А.И.Герцен. Собр.соч., т.XX, стр.579.

14 В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.21, стр.257.

Указатель имен. Ссылки на подборки материалов добавлены нами – ред. VL

Адеви, Леон (1802-1883), французский писатель, ученик и последователь Сен-Симона

Александр II (1818-1881), русский император (1855-1881)

Александр Македонский (356-323 до н.э.), царь Македонии, полководец, государственный деятель

Антон Безднинский (настоящая фамилия Петров), идеолог и глава крестьянского выступления 1861 г. в России.

Анфантен, Бартеlemi Проспер (1796-1864), французский социалист-утопист, последователь Сен-Симона

Аполлоний Тианский (I в. н.э.), философ неопифагорейской школы

А-н, Арк (Анекштейн А.И.), советский историк, автор работ о Фурье

Аркуайт, Ричард (1732-1792), английский предприниматель и изобретатель

Атвуд, Матиас (1779-1851) и Томас (1783-1856), английские банкиры и экономисты

Аш, К. немецкий историк, автор работ о Фурье

Бабеф, Гракх (Франсуа Ноэль) (1760-1797), французский революционер, коммунист-утопист <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#bf>

Базар, Сент-Аман (1791-1832), французский социалист-утопист, последователь Сен-Симона

Байрон, Джордж Ноэль Гордон (1788-1824), английский поэт <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#by>

Бакунин, Михаил Александрович (1814-1876), русский революционер, один из основателей и теоретиков анархизма и народничества

Барнав, Антуан-Пьер-Жозеф (1761-1793), французский философ, якобинец («якобинец» лишь в смысле «член Якобинского клуба» в 1790-1791 гг.) <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#AB>

Беер, Макс (род. 1864), немецкий историк, социал-демократ реформистского толка

Бенбоу, сапожник по профессии, идеолог рабочего движения в Англии в первой половине XIX в.

Бентам, Иеремия (1748-1832), английский социолог, теоретик утилитаризма

Блан, Луи (1811-1882), французский историк, утопист, деятель революции 1848 г.
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#blanc>

Бланки, Адольф (1798-1854), французский экономист и историк

Бланки, Луи Огюст (1805-1881), французский революционер, коммунист-утопист
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#blanqui>

Блюнчли, Иоганн Каспар (1808- 1881), швейцарский юрист и политический деятель

Брей, Джон Френсис (1809-1897), английский экономист, социалист-утопист, последователь Оуэна

Буонарроти, Филиппе Микеле (1761-1837), деятель революционного движения во Франции и Италии, коммунист-утопист, соратник Бабефа и пропагандист его идей
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#phbuon>

Бурбоны, королевская династия во Франции (1589-1792, 1814-1830)

Буржен французский историк XX в., автор работ о Фурье

Бюше, Филипп Жозеф (1796-1865), французский историк и политический деятель
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#buche>

Вейтлинг, Вильгельм (1808-1871), деятель рабочего движения в Германии, коммунист-утопист

Вергилий Марон, Публий (70-19 до н.э.), римский поэт

Видадь, Франсуа (1814-1872), французский экономист, социалист, государственный деятель

Вико, Джамбаттиста (1668-1744), итальянский социолог

Виктория (1819-1901), королева Англии (1837-1901)

Водовозов, Николаи Васильевич (1871-1896), русский экономист

Волконский Сергей Григорьевич (1788-1865), декабрист

Вольтер (Франсуа-Мари Аруэ) (1694-1778), французский философ-просветитель, историк и писатель <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#V>

Гакстаузен (Якстаузен), Август-Франц-Людвиг (1792-1866), прус-ский юнкер, литератор, экономист, путешествовал по России

Галеви (правильное Алеви), Эли (1870-1937), французский историк

Галль, Людвиг, немецкий писатель, представитель кооперативного социализма первой половины XIX в.

Гарибальди, Джузеппе (1807-1882), итальянский революционер, вождь национально-освободительного движения <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#garb>

Гарни, Джордж Джулиан (1817-1897), деятель английского рабочего движения, один из вождей левого крыла чартизма

Гейне, Генрих (1797-1856), великий немецкий поэт <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#heine>

Гельвеций, Клод Адриан (1715- 1771), французский философ-сенсуалист, энциклопедист <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#hlv>

Гемпден, Джон (1594-1643), деятель Английской буржуазной революции XVII в.

Генрих V (Шамбор Анри Шарль), граф (1820-1883), последний представитель старшей линии Бурбонов, внук Карла X, претендент на французский престол под именем Генриха V

Гердер, Иоганн Готфрид (1744- 1803), немецкий писатель и теоретик литературы

Герцен, Александр Иванович (1812- 1870), великий русский революционный демократ, философ-материалист, публицист и писатель <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#gertz>

Гесс, Мозес (1812-1875), немецкий мелкобуржуазный публицист, представитель «истинного социализма»

Гетерингтон, участник чартистского движения в Англии

Гизо, Франсуа-Пьер-Гийом (1787- 1874), французский историк и политический деятель <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#guizot>

Гоббс, Томас (1588-1679), английский философ, политический мыслитель

Годвин, Уильям (1756-1836), английский писатель, историк, проповедник анархизма <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#godw>

Годскин, Томас (1787-1869), английский экономист и публицист, социалист-утопист

Гольбах, Поль Анри (1723-1789), французский философ-материалист, энциклопедист <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#holb>

Гомер - полупоэтический древнегреческий эпический поэт, автор «Илиады» и «Одиссеи»

Гофман, Мельхиор (ум. ок. 1543), анабаптист из Южной Германии, основатель секты мельхиоритов

Грей, Джон (1798-1850), английский экономист, социалист-утопист, последователь Оуэна

Григорий VII, Гильдебранд (ок. 1015-1085), папа римский

Грюн, Карл (1817-1887), немецкий публицист, представитель «истинного социализма»

Гюго, Виктор (1802-1885), французский писатель <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#hugo>

Д'Аламбер, Жан Лерон (1717- 1783), французский математик, философ, энциклопедист <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#alambert>

Дезами, Теодор (1803-1850), французский социалист-утопист, последователь Фурье <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#dezamy>

Декарт, Рене (1596-1650), французский философ и математик

Джонс, Эрнест Чарльз (1819-1869), деятель английского рабочего движения, поэт и публицист, один из вождей левого крыла чартизма

Дидро, Дени (1713-1784), французский просветитель, философ-материалист, энциклопедист <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#DD>

Догерти, Хью, ирландец, фурьерист, автор трудов по философии и филологии, вождь ланкаширских текстильных рабочих

Дювернье, ученик и последователь Сен-Симона

Дюринг, Евгений Карл (1833-1921), немецкий философ-эклектик, вульгарный экономист, представитель реакционного мелкобуржуазного социализма

Заичневский, Петр Григорьевич (1842-1896), видный участник революционно-демократического движения 60-х годов в России

Зенон из Китиона (ок. 336-264 до н.э.), древнегреческий философ, основатель школы стоицизма

Иванов, Иван Иванович (ум.1869), участник студенческого движения 60-х годов в России и нечаевской организации

Кабе, Этьенн (1788-1856), французский коммунист-утопист <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#cabet>

Кампанелла, Томмазо (1568-1639), итальянский мыслитель и поэт, коммунист-утопист <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p84146792.htm>

Карл Великий (ок.742-814), король франков, император

Карл X (1757-1836), французский король (1824-1830)

Карно, Лазар Ипполит (1801-1888), французский публицист и политический деятель, буржуазный республиканец

Кине, Эдгар (1803-1875), французский политический деятель и историк

Кольбер, Жан Батист (1619-1683), французский государственный деятель

Консидеран, Виктор (1803-1893), французский публицист, социалист-утопист, ученик и последователь Фурье

Константин I (280-337), римский император (306-337)

Конт, Огюст (1798-1857), французский философ и социолог

Коперник, Николай (1473-1543), великий польский астроном

Кромптон, Сэмюэль (1753-1827), английский изобретатель

Ламартин, Альфонс де (1791-1869), французский поэт, историк и политический деятель <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#alam>

Ламенне, Фелисите (1782-1854), французский публицист, аббат, один из идеологов христианского социализма <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#lamen>

Лассаль, Фердинанд (1825-1864), деятель немецкого рабочего движения, публицист, родоначальник одной из форм оппортунизма в рабочем движении

Лафайет, Мари Жозеф Поль (1757- 1834), французский генерал, один из вождей крупной буржуазии во Французской буржуазной революции XVIII в. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lf>

Ледрю-Роллен, Александр Огюст (1807-1874), французский публицист и политический деятель

Лейбниц, Готфрид Вильгельм (1646-1716), немецкий философ

Ленин, Владимир Ильич (1870- 1924) <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#lenin>

Леру, Пьер (1797-1871), французский публицист, социалист-утопист, один из представителей христианского социализма

Ловетт, Уильям (1800-1877), английский мелкобуржуазный радикал, чартист

Лоран, Огюст (1807-1853), французский химик

Лоуэнталь, Э. американский историк

Луи-Наполеон Бонапарт (Наполеон III) (1808-1873), президент Второй республики во Франции (1848-1851), французский император (1852-1870)

Луи Филипп Орлеанский (1773- 1850), французский король (1830- 1848)

Людовик XI (1423-1483), французский король (1461-1483) Людовик XIV (1638-1715), французский король (1643-1715) Людовик XVI (1754-1793), французский король (1774-1791)

Люнинг, Отто (1818-1868), немецкий врач и публицист Лютер, Мартин (1483-1546), вождь бюргерской реформации в Германии, основатель протестантизма

Мабли, Габриель Бонно де (1709- 1785), французский коммунист-утопист, политический писатель, историк <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#mably>

Мадзини, Джузеппе (1805-1872), итальянский революционер, буржуазный демократ, вождь национально-освободительного движения <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#madz>

Макиавелли, Никколо (1469-1527), итальянский политический мыслитель и историк

Мальтус, Томас Роберт (1766-1834), английский экономист

Маркс, Карл (1818-1883) <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#marx>

Марси, французский историк

Менгер, Антон (1841-1906), австрийский буржуазный юрист

Михайлов, Михаил Ларионович (1829-1865), русский революционер, писатель, публицист

Мишле, Жюль (1798-1874), французский историк <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#mchl>

Моисей, легендарный иудейский пророк и законодатель

Мор, Томас (1478-1535), английский гуманист, социалист-утопист, государственный деятель <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p84146792.htm>

Морелли (XVIII в.), французский коммунист-утопист

Моррисон, деятель английского рабочего движения в XIX в., тред-юнионист

Мюнцер, Томас (ок. 1490-1525), немецкий революционер, идеолог народного течения в Реформация, предводитель восставших крестьян и городского плебса в Крестьянской войне

Наполеон I Бонапарт (1769-1821), французский государственный и военный деятель, Первый консул Французской республики (1799-1804), император (1804-1814, 1815) <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#bonp>

Николай I (1796-1855), русский император (1825-1855)

Ньютон, Исаак (1643-1727), английский ученый, философ, естествоиспытатель

О'Брайен, Джеймс (Бронтер) (1802-1864), один из лидеров чартизма

Огарев, Николай Платонович (1813-1877), русский революционный демократ, поэт и публицист

О'Коннор, Фергюс (1794-1855), один из лидеров чартизма

Оксман Ю.Г. (1894-1970), советский литературовед

Оуэн, Роберт (1771-1858), английский социалист-утопист

Пеккёр, Константен (1801-1887), французский экономист, социалист-утопист

Пенн, Уильям (1644-1718), английский политический деятель, квакер, основатель и законодатель колонии «Пенсильвания» в Северной Америке

Пестель, Павел Иванович (1793-1826), декабрист, основатель и руководитель Южного общества

Петр I (1672-1725), русский царь в 1682, император всероссийский

Пийо, Жан-Жак (1808-1877), французский революционер, публицист, коммунист-утопист <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#pillot>

Пифагор (580-500 до н.э.), древнегреческий философ и математик

Платон (427-347 до н.э.), древнегреческий философ-идеалист

Прудон, Пьер Жозеф (1809-1865), французский мелкобуржуазный социалист, теоретик анархизма

Пугачев, Емельян Иванович (ок.1742-1775), вождь крупнейшего антикрепостнического восстания крестьян и казаков в России

Радищев, Александр Николаевич (1749-1802), русский писатель, философ, революционер <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#rad>

Рейно, Ж., сен-симонист

Робеспьер, Максимилиан (1758- 1794), деятель Великой Французской революции, глава правительства якобинской диктатуры <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#MR>

Родриг, Олевд (1794-1851), французский финансист и публицист, ученик Сен-Симона, один из основателей сен-симонизма

Руан, сен-симонист

Руссо, Жан-Жак (1712-1778), французский философ-просветитель, писатель <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jjrss>

Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович (1826-1889), русский писатель-сатирик, революционный демократ

Самарин, Юрий Федорович (1819-1876), русский общественный деятель, историк и публицист

Занд, Жорж (1804-1876), французская писательница

Зенека, Луций Анней, Младший (ок.4 до н.э. - 65 н.э.), римский философ, писатель, политический деятель

Сен-Жюст, Луи Антуан Леон (1767-1794), деятель Великой Французской революции http://vive-liberta.narod.ru/fantasm/SJ/sj_ind.htm

Сен-Симон, Клод Анри де Рувра, де (1760-1825), французский мыслитель, социолог, социалист-утопист <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#st-sim>

Серкле, сен-симонист

Смит, деятель английского рабочего движения XIX в., тред-юнионист

Сократ (469-399 до н.э.), древнегреческий философ

Солон (ок. 638 - ок. 558 до н.э.), знаменитый афинский законодатель

Соути (Саути), Роберт (1774-1843), английский поэт и писатель

Спартак (ум. 71 до н.э.), римский гладиатор, вождь восстания рабов в 73-71 гг. до н.э.

Спенс, Томас (1750-1814), деятель английского демократического движения, социалист-утопист

Сю, Эжен (1804-1857), французский писатель

Томазий, Христиан (1655-1728), немецкий юрист, ученый, просветитель

Томпсон, Уильям (ок. 1785-1833), ирландский экономист, последователь Оуэна

Тридон, Эдм Мари Гюстав (1841- 1871), французский политический деятель и публицист, бланкист

Тристан, Флора (1803-1844), французская писательница, представительница мелкобуржуазного утопического социализма

Тургенев, Николай Иванович (1789-1871), русский государственный деятель, декабрист, экономист

Тьерри, Жак Никола Огюстен (1795-1856), французский историк <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#thierry>

Фенелон, Франсуа де Саменьяк де ла Мот (1651-1715), французский писатель, мистик, автор «Похождений Телемака» <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#feni>

Фихте, Иоганн Готлиб (1762-1814), немецкий философ и общественный деятель

Фокусуэлл, Г., английский историк

Франк, Себастьян (1499-1542), немецкий гуманист, философ и историк, деятель радикально-бюргерской реформации

Фрелих, Карл Вильгельм (1759-1828), немецкий социальный мыслитель, социалист-утопист

Фридрих-Вильгельм - имя нескольких прусских королей в XVII-XIX вв. Фурнель, сен-симонист

Фурье, Франсуа Мари Шарль (1772-1837), французский социалист-утопист

Хазбах, М., английский историк

Харапинский Я.Л., советский историк,

Цезарь, Гай Юлий (100-44 до н.э.), римский полководец и политический деятель

Цигенхаген, Франц Генрих (1753-1806), немецкий социальный мыслитель, социалист-утопист

Цицерон, Марк Туллий (106-43 до н.э.), римский политический деятель, философ и оратор

Чернышевский, Николай Гаврилович (1828-1889), великий русский революционный демократ, писатель, публицист, философ

Шелгунов, Николай Васильевич (1824-1891), русский прогрессивный журналист и мыслитель

Экштейн, Г., немецкий историк

Энгельс, Фридрих (1820-1895) <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#eng>

Эпикур (ок.341- ок.270 до н.э.), выдающийся древнегреческий философ-материалист, атеист

Ян Лейденский (Иоанн Бокельсон) (ок.1509-1536), один из руководителей нидерландских анабаптистов, глава Мюнстерской коммуны (1534-1535)

Bougie, С., французский историк социалистических идей первой половины XX в.

В. П. ВОЛГИН

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.

М.: Наука. 1976

Vive Liberta, 2010